

*Юрий Константинович Поплинский. Январь 2004 г.*



К 300-летию  
первого государственного музея России

ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ



To the 300th anniversary  
of the first state public museum of Russia

PETER THE GREAT KUNSTKAMERA

Russian Academy of Science  
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

KA Series  
“Kunstkamera — Archives”  
I

Yu. K. POPLINSKY

CLASSICAL SOURCES ON THE HISTORY  
AND ETHNOGRAPHY OF AFRICA:  
A MONOGRAPHIC STUDY OF THE GREEK SOURCES



Saint-Petersburg  
“Nauka”  
2009

Российская академия наук  
Музей антропологии и этнографии  
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Серия КА  
«Кунсткамера — Архив»  
I

Ю. К. ПОПЛИНСКИЙ

АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ  
ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АФРИКИ:  
МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ  
ГРЕКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ



Санкт-Петербург  
«Наука»  
2009

УДК 94(6)“652”(093)  
ББК 63.2(0)32  
П57

*Утверждено к печати Учёным советом МАЭ РАН*

Редакционный совет Серии **КА** «Кунсткамера — Архив»:

*И.А. Алимов, Я.В. Васильков, В.Ф. Выдрин, М.А. Ильина, Н.Н. Казанский, А.Б. Куделин,  
Е.А. Михайлова (секретарь), Л.Р. Павлинская, М.Б. Пиотровский, Е.А. Резван (председатель),  
И.В. Тункина, Ю.К. Чистов*

Editorial Board **KA** Series “Kunstkamera — Archives”:

*Igor Alimov, Yuri Chistov, Marina Ilyina, Nikolay Kazansky, Alexander Kudelin,  
Elena Mikhailova (Secretary), Larisa Pavlinskaya, Mikhail Piotrovsky, Efim Rezvan (Chairman), Irina Tunkina,  
Yaroslav Vasilkov, Valentin Vydrin*

Рецензенты:

к. филол. н. Н.М. Ботвинник, д.и.н. Р.В. Кинжалов

Ответственные редакторы:

С.Б. Чернецов, В.А. Сычинский

**П57** **Поплинский Ю.К.** Античные источники по истории и этнографии Африки: Монографическое исследование грекоязычных источников. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 416 с.  
ISBN 987-5-02-025228-8

Настоящим изданием Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН открывает новую научную серию под названием «Кунсткамера — Архив». Цель серии — ввод в научный оборот работ выдающихся российских этнографов, востоковедов, лингвистов, социологов, специалистов в смежных областях. По разным причинам эти научные труды не были опубликованы и хранятся сегодня в отечественных академических и университетских архивах. Первый том серии представляет собой публикацию труда выдающегося историка античности и африканиста Юрия Константиновича Поплинского (1944–2004), озаглавленного «Античные источники по истории и этнографии Африки: монографическое исследование грекоязычных источников».

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) (Kunstkamera), Russian Academy of Science, opens a new scientific series called “Kunstkamera — Archives”. The purpose of the series is to introduce the works of prominent Russian ethnographers, orientalists, linguists, sociologists and specialists in related fields into scientific turnover. For various reasons these scientific works haven’t been published and today you can find them only in the academic or university archives of our country. The first volume of the series presents the work “Classical Sources on the History and Ethnography of Africa: A Monographic Study of the Greek Sources” by Yuri Konstantinovich Poplinsky (1944–2004) — an outstanding Africanist and historian of the antiquity.

УДК 94(6)“652”(093)  
ББК 63.2(0)32

© Ю. К. Поплинский, 2009

© МАЭ РАН, 2009

© Редакционно-издательское оформление.

Издательство «Наука», 2009

ISBN 987-5-02-025228-8

*Ефим Резван*

## **В ЗЕРКАЛЕ АРХИВНЫХ РУКОПИСЕЙ**

Настоящим изданием Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН открывает новую научную серию под названием «Кунсткамера — Архив». Цель серии — ввод в научный оборот работ выдающихся российских этнографов, востоковедов, лингвистов, социологов, специалистов в смежных областях. По разным причинам эти научные труды не были опубликованы и хранятся в отечественных академических и университетских архивах. Для сотрудников Музея, чья работа часто связана с исследованием, публикацией, подготовкой к экспонированию коллекций, привезённых предшественниками, обращение к архивам всегда актуально. Особенно остро мы почувствовали это в ходе подготовки выставочных проектов цикла «Экспедиции продолжают». Во многих случаях сама логика исследования требовала повторения экспедиционного маршрута наших предшественников. Привезённые нами коллекции и научные материалы могли быть оценены и правильно атрибутированы лишь в контексте работ наших ушедших коллег.

Непростая история страны в XX в. как в зеркале отражалась в судьбах учёных и их книг. Своевременному изданию научных трудов могли мешать причины идеологического порядка. Исследовательская позиция автора или его личная судьба в годы репрес-

*Efim Rezvan*

## **IN THE MIRROR OF ARCHIVE MANUSCRIPTS**

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) (Kunstkamera), Russian Academy of Science, opens a new series “Kunstkamera — Archives”. The purpose of the series is to introduce the works of prominent Russian ethnographers, orientalists, linguists, sociologists and specialists in related fields. For various reasons these scholarly works haven't been published and can only be found in academic archives in Russia. Studying archival material has always been important part of museum work aimed at research, publication, and preparation of collections. Need in such material was especially strong for the preparation of exhibition projects for the series “Expeditions are not over”. In many cases, the logic of research required to repeat the expedition route of our predecessors. Anyway, the collections and scientific material that we brought could be evaluated and attributed properly only in the context of the works of our late colleagues.

Complicated history of our country in the 20<sup>th</sup> century reflected in the fates of scholars and their books like in a mirror. Timely publication of scholarly works could be disrupted for ideological reasons. Very often, the author's scientific position or his personal fate in the time of the Great Terror made publication of a certain book impossible. Today it is often hard to grasp how despite revolutions and wars, evacuations and relocations, the researchers managed to save

сий нередко делали издание той или иной книги невозможным. Сегодня часто сложно понять, как, несмотря на революции и войны, эвакуации и переезды, исследователи умудрялись сохранять рукописи своих научных трудов и продолжали работать над ними часто в тяжелейших, практически невыносимых условиях. В ряде случаев публикацию делала невозможной преждевременная гибель учёного и его учеников. Иногда после смерти автора сложный в полиграфическом отношении научный труд бесконечно долго ждал своего часа: появление работ здравствующих коллег из года в год сдвигало сроки публикации, пока не принималось решение о сдаче рукописи в архив. Не способствовали своевременной публикации и сложные материальные проблемы постперестроечных лет.

Время — лучший судья. Практика нашей работы последних лет убедительно показывает, что во многих случаях неизданные труды не устарели. К архивным рукописям вновь и вновь обращаются исследователи, часто приезжающие ради этого издалека. Материалы из неопубликованных трудов проникают в современные публикации. При этом иногда искажаются историографическая перспектива, представление о приоритете, о научном вкладе того или иного специалиста, многолетние научные проекты теряют изначальную стройность.

Первый том серии «Кунсткамера — Архив» посвящён публикации труда выдающегося историка античности и африканиста Юрия Константиновича Поплинского (1944–2004)

their manuscripts and continue working on them under extreme, almost unbearable conditions. In a number of cases, publication was impossible because of premature death of the scholar and his disciples. Sometimes typographically challenging text of a deceased scholar kept waiting in the wings for years giving way to the books of his living colleagues and then it was decided to send such a work to the archives. Severe economical problems of the post-perestroika period also interfered with timely publications.

Time is the best judge. Recent years of our research have proved that in most cases the unpublished works are not out of date. Researchers keep turning to archival manuscripts very often coming for that purpose from distant places. Materials from unpublished works keep entering present-day publications. However, sometimes historiographic perspective is distorted, long term research projects lose their initial harmony, scientific contribution and priority of a certain scholar is misrepresented.

The first volume of the series “Kunstkamera — Archives” is the work “Classical Sources on the History and Ethnography of Africa” by Yuri Konstantinovich Poplinsky (1944–2004) — a prominent africanist and classicist. It is not by chance that this monograph opens the series. Irreplaceable losses suffered by the Saint-Petersburg school of African studies during the last years call for special attention to the scientific heritage of our late colleagues.

The work of Yuri Poplinsky is an important part of the pioneer scholarly project that was started in the 1950-s

«Античные источники по истории и этнографии Африки». Наш выбор далеко не случаен. Тяжелейшие утраты, которые понесла петербургская африканистика в последние годы, действительно требуют особенно внимательного отношения к научному наследию наших ушедших коллег-африканистов.

Труд Ю.К. Поплинского — важная часть пионерского научного проекта, задуманного в 1950-е годы основоположником отечественной африканистики чл.-корр. АН СССР Д.А. Ольдерогге (1903–1987)<sup>1</sup>. Нерешённость фундаментальных проблем африканской историографии требовала *создания* корпуса источников по истории народов, живущих к югу от Сахары. Бесписьменный характер культуры этих народов на протяжении многих веков сводил источниковедческую базу их истории к археологическим и этнографическим материалам и устной исторической традиции. Важнейшим источником для изучения истории бесписьменных в недавнем прошлом народов являются их живые языки, но для использования лингвистических материалов в исторических целях необходимо пройти чрезвычайно трудоёмкий этап составления словарей и грамматик живых африканских языков<sup>2</sup>.

В этой связи чрезвычайно актуальной становилась идея тщательного учёта данных письменных источников других народов, сохранивших в своих литературных памятниках известия об Африке и её населении. Д.А. Ольдерогге привлёк к решению серьёзнейших научных проблем

by the founder of the Russian school of African studies, corresponding member of the Soviet Academy of Sciences D.A. Olderogge (1903–1987)<sup>1</sup>. To resolve fundamental problems of the African historiography it was necessary to create a body of sources on the history of peoples, living to the south of the Sahara. For many centuries nonliterate character of these peoples' culture reduced the sources of their history to archeological and ethnographical materials as well as oral historical tradition. Living languages of the peoples, that were illiterate in the recent past, represent the most important source for studying their history. However, before using linguistic material for historical purposes, one should go through an extremely tedious stage of compiling dictionaries and grammars of living African languages<sup>2</sup>.

In this respect, it is particularly relevant to make an accurate record of information from written sources of other peoples that mentioned Africa and its population in their writings. To complete this serious task D.A. Olderogge attracted young specialists in Arabic studies<sup>3</sup> V.V. Matveyev (1928–1995)<sup>4</sup>, L.E. Kubbel (1929–1988)<sup>5</sup>, and a little later — a graduate of the Department of the Arab countries history M.A. Tolmachova (presently the President of American University in Kuwait)<sup>6</sup>. Their study resulted in publication of four volumes which confirmed the priority of the Russian school of Arabic and African studies in the field<sup>7</sup>.

Despite of the fact that in 1956 the USSR Academy of Sciences' presidium adopted a special resolution empha-

совсем молодых тогда арабистов<sup>3</sup> В.В. Матвеева (1928–1995)<sup>4</sup>, Л.Е. Кубея (1929–1988)<sup>5</sup>, чуть позднее — выпускницу кафедры истории арабских стран М.А. Толмачеву (ныне Президента Американского университета в Кувейте)<sup>6</sup>. Их работа завершилась публикацией четырёх томов, которые во многом закрепили приоритет отечественных «арабистов-африканистов» в исследовании заявленных проблем<sup>7</sup>.

Хотя в 1956 г. Президиум АН СССР принял специальное постановление, в котором особо подчёркивалась важность заявленной темы, однако к обоснованию её актуальности авторам пришлось возвращаться вновь и вновь: шло крушение колониальной системы, и история национально-освободительной борьбы представлялась чиновникам куда более важной, нежели анализ и публикация древних и средневековых источников. Ещё в 1986 г. В.В. Матвеев был вынужден объяснять в одном из своих отчётов: «...в обстановке преодоления колониализма и его последствий вопросы культурного прошлого африканских народов имели и имеют первостепенное значение. Но выяснить и определить меру своего собственного и заимствованного в своей культуре африканские народы могут только на пути разработки и учёта данных письменных источников других народов, сохранивших в своих литературных памятниках известия об Африке и её населении». Особенно порадовала участников проекта рецензия на первые тома «Источников» тогдашнего директора Британского Института в Восточной Африке Г.Н. Читтика, под-

sizing the importance of topics under study, the authors had to keep proving relevance of the research. It was the time of the collapse of the colonial system and the officials considered the history of struggle for national liberation far more important than the analysis and publication of the classical and medieval sources. In 1986, V.V. Matveyev had to explain in one of his reports that "... in the environment of abolishing colonialism and its consequences the problems of cultural past of the African peoples remain of primary importance. However, it is possible to define the inherent and the borrowed part of the African peoples' culture only through developing and recording the data from written sources of other peoples, who mentioned Africa and its population in their writings". The authors were particularly pleased with the review of the first volumes of "The Sources" written by the then director of the British Institute in Eastern Africa H.N. Chittick, who emphasized the significance of their publication and "its future consequences, if the materials on the history of African people are published in the Russian language only"<sup>8</sup>.

The work on the project was highly appreciated not only in Western Europe, but also in African countries. By that time attempts to organize a similar project in Ghana, England and Czechoslovakia were made, but it was only in the USSR that they actually began to develop it. Soon, through the Ministry of Foreign Affairs, a letter from Nigeria was received. The letter said that the books published in the course of the project were handed over to Lagos University

черкнувшего значение публикации и «тех последствий, которые она будет иметь в будущем, если материалы по истории африканских народов будут изданы только на русском языке»<sup>8</sup>.

Работа по проекту была высоко оценена не только в Западной Европе, но и в африканских странах. К тому времени в Гане, Англии и Чехословакии предпринимались попытки организовать сходный проект, однако к фактической его реализации смогли приступить в те годы только в СССР. Вскоре из Нигерии было получено письмо, пересланное через МИД. В нём говорилось, что изданные по проекту книги в торжественной обстановке были переданы Лагосскому университету послом СССР в Нигерии. При этом проректор университета заявил, что опубликованные в Советском Союзе книги «во многом помогут университету, приступившему к изучению истории африканского континента. Значение этой работы неоспоримо»<sup>9</sup>.

Исследовательская задача была поставлена максимально широко. В.В. Вельгус (1922–1980) занимался китайскими источниками<sup>10</sup>, О.С. То-мановская (1925–1986)<sup>11</sup> — испанскими и португальскими, С.Б. Чернецов (1943–2005) — эфиопскими<sup>12</sup>, Ю.К. Поплинский — античными. К работе над темой он приступил в 1968 г., одновременно исполняя обязанности референта своего научного руководителя Д.А. Ольдерогге, что в короткое время и самым серьёзным образом расширило его научный кругозор. Результаты семилетней работы были сведены в диссертационное ис-

by the USSR ambassador in Nigeria. On this special occasion the pro-rector announced that the books published in the USSR “will in many ways help the University in investigating the history of African continent. The significance of this work is incontestable”<sup>9</sup>.

The research tasks covered a wide range of issues. V.V. Velgus (1922–1980) studied Chinese sources,<sup>10</sup> O.S. Tomanovskaya (1925–1986)<sup>11</sup> — Spanish and Portuguese, S.B. Chernetsov (1943–2005) — Ethiopian<sup>12</sup>, and, finally, Yuri Poplinsky — the Classical sources. Yuri Poplinsky began to work on the project in 1968 performing the duties of a referent for his research advisor D.A. Olderogge at the same time. This collaboration allowed the young scientist to significantly expand his scientific outlook in quite a short period of time. Seven years of work resulted in a PhD dissertation that was successfully defended in 1975.

Three years later the author published a monograph drawn on his dissertation<sup>13</sup>. In this work, as well as in a series of brilliant articles, using a most wide range of different sources Yuri Poplinsky studies the issues of ethnocultural genesis and ethnic history of the ancient autochthons in the Sahara and Northern Africa, deals with problems of contacts between the African and Aegean world in the II millenium BC within a wide cultural context. Detail analysis of sources and special studies of some key terms used in the Classical written tradition (such as “ethnos”, “barbarian”, “Ethiop”), allowed Yuri Poplinsky to show the formation process of the Classical ethnological tradition and to

следование, успешно защищённое в 1975 г.

Несомненным успехом автора стала монография, созданная на основе диссертации и опубликованная три года спустя<sup>13</sup>. В ней, как и в серии блестящих статей, Ю.К. Поплинский на основе максимально широкого круга источников различного характера разрабатывает проблемы этно- и культурогенеза, этнической истории древних автохтонов Сахары и Северной Африки, в широком культурном контексте рассматривает проблемы контактов африканского и эгейского миров во II тыс. до н.э. Анализ источников, специальные исследования некоторых ключевых терминов, использовавшихся в античной письменной традиции (таких как «этнос», «варвар», «эфиоп»), позволили Ю.К. Поплинскому показать процесс становления античной этнологической традиции, выявить её характерные черты. Тем самым был опровергнут широко распространённый взгляд, согласно которому античность не имела собственной этнологической традиции. Специального внимания заслуживает предложенная Ю.К. Поплинским методика интерпретации невербальных источников по этнической истории африканских народов. Все эти достижения стали возможны лишь благодаря прекрасному владению очень сложным и разнообразным материалом, который в значительной части и представлен в публикуемой монографии.

Настоящий том, однако, еще не завершает публикацию работ участников проекта «Источники по исто-

reveal its distinctive features. Thus, the scholar managed to disprove a popular viewpoint, according to which the Ancient Greeks had no ethnological tradition of its own. The method of interpreting written sources on the ethnic history of African people proposed by Yuri Poplinskii deserves special attention. All these achievements were performed due to the perfect knowledge of extremely complicated and diverse material, a considerable part of which is published in this book.

The present volume, however, is not the last in the series of works performed by the participants of the project "The Sources on History and Ethnography of Africa" that started half a century ago. The work continues, and M.A. Tolmachyova is on the way to publish a corpus of Arabic data on North-Eastern Africa<sup>14</sup>. Owing to the project, the school of African studies in Russia has at its disposal a great historic corpus and numerous publications of international significance, that represent the ethnic history of Africa from the early antiquity to the late middle ages. The work of Yuri Poplinsky takes one of the most honorable places in this row.

I would like to thank all people involved in publication of this book. Special words of gratitude go to the editor V.A. Sychinsky, sub-editors M.A. Ilyina and M.V. Giyenko, to L.V. Potapov, V.F. Vydrin, L.R. Pavlinskaya, whose work and persistence helped the book to appear, Z.L. Pugach, the curator of the collections and archives, custodian of legends of the Department of African ethnography of the Museum, and all

рии и этнографии Африки», начатую полвека назад. Работа продолжается, и М.А. Толмачева готовит к печати свод арабских сведений по Северо-Восточной Африке<sup>14</sup>. Благодаря проекту отечественная африканистика получила в своё распоряжение громадный исторический свод, серию публикаций мирового уровня, представляющую этническую историю Африки от глубокой древности до позднего средневековья. В этом ряду труд Ю.К. Поплинского, безусловно, занимает одно из наиболее достойных мест.

Я хотел бы искренне поблагодарить всех тех, кто готовил эту книгу к печати: научного редактора издания В.А. Сычинского, редакторов М.А. Ильину и М.В. Гиенко, Л.В. Потапова, В.Ф. Выдрина и Л.Р. Павлинскую, чей труд и настойчивость во многом помогли книге увидеть свет, З.Л. Пугач, хранительницу коллекций, архивов и преданий отдела этнографии Африки МАЭ РАН, всех тех, кто поддерживал нас словом и делом.

Когда открываешь архивную папку и начинаешь вчитываться в машинописные листы с авторской правкой, кажется, что время остановилось. Кажется, что вот сейчас войдёт автор, сядет рядом, и мы начнём длинный спор, вместе радуясь новым идеям и новым формулировкам. Эта книга, как и другие труды, которые мы планируем опубликовать в заявленной серии, создавалась непросто, часто — в трудное, противоречивое время, и сегодня, вглядываясь в «зеркало» архивных рукописей, мы можем вновь увидеть истинную меру и масштаб

those people, who supported us in word and in deed.

When I open an archive file and plunge into reading typewritten papers with the author's corrections, it seems that time has stopped. It seems that the author would come in, sit by my side, and we would begin a long discussion rejoicing at new ideas and formulations together. The present book as well as other brilliant books that we plan to publish in this series were not always easy to write and were often created during hard times. Today, looking into the "mirror" of the archive manuscripts, we can see the original dimension and scope of the true science again. That is why these manuscripts are so important for us.

<sup>1</sup> See more in: A.A. Zhukov. "D.A. Oldorogge as one of the founders of historico-ethnographic school of Soviet Africanistics", *Studies in African History. Problems and achievements*. (Moscow, 1985), pp. 88–102; A.B. Davidson. "The Patriarch of Africanistics. From the memoirs of D.A. Oldorogge". *Vostok*, № 2, 1993, pp. 112–120; K.P. Kalinovskaya. "Dedicated to the memory of Dmitry Alekseyevich Oldorogge. The 90<sup>th</sup> anniversary of the birth". *Ethnographic review* № 2 (1994); *Dmitry Alekseyevich Oldorogge in letters and memoirs*. Executive editor S.B. Chernetsov (Saint-Petersburg, 2003) (all in Russian).

<sup>2</sup> In the process of solving this problem the Swahili-Russian and Hausa-Russian dictionaries were compiled and published under the editorship of D.A. Oldorogge. In 1999 the first volume of Manden-Russian dictionary was published (V.F. Vydrin, S.I. Tomchina). At present V.F. Vydrin and A.V. Erman are working on the dictionaries of the southern group of Mande languages, K.N. Prokhorov

подлинной науки. Этим они и важны для нас.

<sup>1</sup> О нём см., напр.: Жуков А.А. Д.А. Ольдерогте как один из основателей историко-этнографического направления в советской африканистике // Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985. С. 88–102; Давидсон А.Б. Патриарх отечественной африканистики. Из воспоминаний о Д.А. Ольдерогте // Восток. 1993. № 2. С. 112–120; Калиновская К.П. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогте посвящается: К 90-летию со дня рождения // Этнографическое обозрение. 1994. № 2; Дмитрий Алексеевич Ольдерогте в письмах и воспоминаниях / Под ред. С.Б. Чернецова. СПб., 2003.

<sup>2</sup> В процессе решения этой задачи были подготовлены и опубликованы под редакцией Д.А. Ольдерогте суахили-русский и хауса-русский словари. В 1999 г. вышел первый том манден-русского словаря (В.Ф. Выдрин в соавторстве с С.И. Томчиной). В настоящее время В.Ф. Выдрин и А.В. Эрман работают над словарями языков южной группы манде, К.Н. Прохоров исследует языки семьи догон. О некоторых итогах этого направления исследований см.: <http://mandelang.kunstkamera.ru/index/mandelang/>

<sup>3</sup> В это же время акад. И.А. Орбели (1887–1961) привлёк группу молодых востоковедов к решению комплекса задач, связанных с каталогизацией и изучением корпуса восточных рукописей Азиатского музея. В обоих случаях совсем молодые учёные достойно справились с решением сложнейших научных проблем. Упорная и постоянная работа с первоисточниками сделала многих из них специалистами мирового уровня.

<sup>4</sup> См.: Иванова Е.В. Матвеев Виктор Владимирович (1928–1995) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 8–9. С. 419–428.

studies languages of Dogon language family. See more in: <http://mandelang.kunstkamera.ru/index/mandelang/>.

<sup>3</sup> At the same time I.A. Orbeli (1887–1961) engaged a group of young orientalists into studying a number of problems related to cataloging and examining the corpus of Oriental manuscripts of the Asiatic Museum. In both cases young scholars managed to resolve challenging scientific problems. Continuous hard work on the primary source turned many of them into internationally recognized specialists.

<sup>4</sup> See more in: E.V. Ivanova. “Matveyev Victor Vladimirovich (1928–1995)”. *Kunstkamera. Ethnographic notebooks*. Vol. 8–9. SPb., 1995, pp. 419–428 (in Russian).

<sup>5</sup> I.E. Sinitsina. “In memoriam of Lev Evgenievich Kubbel (1929–1988)”. *Peoples of Asia and Africa*. № 3 (1989). p. 216–217 (in Russian).

<sup>6</sup> M.A. Tolmachova wrote four chapters and compiled bibliography in the volume published in 1985, three chapters and “Introduction” in the volume published in 2002, and the monograph *The Pate Chronicle: edited and translated from MSS 177, 321, 344, and 358 of the Library of the University of Dar es Salaam*. African Historical Sources 4. (East Lansing: Michigan State University Press, 1993). For general bibliography of her works see more in: [http://www.wsu.edu/~tolmache/cv\\_april03.html](http://www.wsu.edu/~tolmache/cv_april03.html).

<sup>7</sup> Arabic sources of the VII–X centuries on ethnography and history of Africa sub-Sahara. Ed. and transl. by L.E. Kubbel and V.V. Matveyev. Moscow–Leningrad, 1960; Arabic sources of the X–XII centuries on the ethnography and history of sub-Saharan Africa. Ed. and transl. by V.V. Matveyev and L.E. Kubbel. Moscow–Leningrad, 1965; Arabic sources of the XII–XIII centuries on ethnography and history of sub-Saharan Africa. Ed. and transl. by V.V. Matveev and L.E. Kubbel. Leningrad, 1985; Arabic sources of the XIII–XIV centuries on ethnography and history of Africa sub-Sahara. Ed. and transl. by V.V. Matveyev, L.E. Kubbel, M.A. Tolmachova with the par-

<sup>5</sup> Сеницына И.Е. Памяти Льва Евгеньевича Куббеля (1929–1988) // Народы Азии и Африки. 1989. № 3. С. 216–217.

<sup>6</sup> М.А. Толмачевой принадлежат четыре главы и корпус указателей в томе, опубликованном в 1985 г., три главы и введение в томе 2002 г., а также монография: *The Pate Chronicle: edited and translated from MSS 177, 321, 344, and 358 of the Library of the University of Dar es Salaam. African Historical Sources 4.* (East Lansing: Michigan State University Press, 1993). Основную библиографию её работ см. на [http://www.wsu.edu/~tolmache/cv\\_april03.html](http://www.wsu.edu/~tolmache/cv_april03.html).

<sup>7</sup> Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подг. текстов и пер. Л.Е. Куббеля и В.В. Матвеева. М.; Л., 1960; Арабские источники X–XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подг. текстов и пер. В.В. Матвеева и Л.Е. Куббеля. М.; Л., 1965; Арабские источники XII–XIII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подг. текстов и пер. В.В. Матвеева и Л.Е. Куббеля. Л., 1985; Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Пер. с араб. В.В. Матвеева, Л.Е. Куббеля, М.А. Толмачевой при участии Н.А. Добронравина. Издание подготовлено Н.А. Добронравиным и В.А. Поповым. М., 2002. Общий объём четырёх томов — около 150 а.л. Последний том включает в значительной степени подготовленный авторами том IV и часть задуманного тома V.

На базе фундаментальных источниковедческих работ «арабисты-африканисты» смогли создать серию высокопрофессиональных исследований. Среди основных можно назвать следующие: Куббель Л.Е. Из истории древнего Мали // Африканский этнографический сборник. Л., 1963. Вып. V; он же. Страна золота. М., 1966; он же. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974; Матвеев В.В. Средневековая Северная Африка (развитие феодальных отношений в VII–IX вв.). М., 1993; он же. L'essor de

participation of N.A. Dobronravin. The publication is prepared by N.A. Dobronravin and V.A. Popov (Moscow, 2002) (all in Russian). The four volumes consist of more than 3600 typed pages. The last publication includes volume IV, edited mainly by the authors and a part of the forethought volume V.

On the basis of fundamental works on source materials specialists in Arabic and African studies managed to perform a series of highly-professional investigations. The major works include the following: L.E. Kubbel. "From the history of ancient Mali". African ethnographic collection. Vol. V. (Leningrad, 1963); L.E. Kubbel. The Country of Gold (Moscow, 1966); L.E. Kubbel. Songhai Power. The Experience in Studying Politico-social System. (Moscow, 1974); V.V. Matveyev. Medieval North Africa (the Development of Feudal Relationship in the VII–IX centuries) (Moscow, 1993); V.V. Matveyev. L'essor de la civilization Swahili. Histoire générale de l'Afrique. T. IV. (Paris, 1985); Leo Afrikanus. Africa — the Third Continent. The Description of Africa and its Sights. Transl., comments and introduction by V.V. Matveyev (Leningrad, 1983).

<sup>8</sup> See more in: "The report on scientific work of the senior research scientist Matveyev Victor Vladimirovich. African sector of the Institute of Ethnography AS USSR. May 12, 1956 — May 11, 1986". *Archives of the African Ethnography Department MAE RAS* (in Russian). Response of the Western scholarship followed in the middle of 1970-s and the beginning of 1980-s, see more in: *Recueil des sources arabes concernant l'Afrique occidentale du VIIIe au XVIe siècle (Bilâd al-Sûdân). Traduction et notes par J.M. Cuq* (Paris, 1975); *Corpus of early Arabic sources for West African history*. Trans. J.F.P. Hopkins. Eds. N. Levtzion & J.F.P. Hopkins (Cambridge, 1981).

<sup>9</sup> Ivanova, *op. cit.*, p. 420.

<sup>10</sup> V.A. Velgus. *The News about Countries and Peoples of Africa and Naval Communications in the Ocean Basins of the Pacific and Indian oceans* (Chinese sources before the XI

la civilisation Swahili. Histoire générale de l'Afrique. T. IV. Paris, 1985; Лев Африканский. Африка — третья часть света. Описания Африки и достопримечательностей, которые в ней есть / Пер., комм. и вводная ст. В.В. Матвеева. Л., 1983.

<sup>8</sup> См.: Отчёт о научной работе старшего научного сотрудника сектора Африки Института этнографии АН СССР Матвеева Виктора Владимировича за период с 12 мая 1956 г. до 11 мая 1986 г. (Архив отдела этнографии Африки МАЭ РАН). Ответ западной науки последовал в середине 1970-х — начале 1980-х годов, см.: Recueil des sources arabes concernant l'Afrique occidentale du VIII<sup>e</sup> au XVI<sup>e</sup> siècle (Bilâd al-Sûdân). Traduction et notes par J.M. Cuoq (Paris, 1975); Corpus of early Arabic sources for West African history. Trans. J.F.P. Hopkins. Eds. N. Levtzion & J.F.P. Hopkins (Cambridge, 1981).

<sup>9</sup> Иванова Е.И. Матвеев Виктор Владимирович... С. 420.

<sup>10</sup> Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978. О нём см.: Меньшиков Л.Н. Виктор Андреевич Вельгус, его жизнь и научная деятельность // Вельгус В.А. Средневековый Китай (исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе) / Сост. И.Э. Циперович. Отв. ред. Л.Н. Меньшиков. М., 1987. С. 169–177. В книге опубликована библиография трудов В.А. Вельгуса.

<sup>11</sup> В целом О.С. Томановской было сделано 15 а. л. переводов средневековых источников по Африке. На основе проделанной работы были, в частности, опубликованы следующие исследования: Томановская О.С. Когда и с какой целью начались плаванья португальцев в Западную Африку // *Africana*. Африканский этнографический сборник, IX. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 100. М, 1972; она же. Лоанго, Каконго и Нгойо: Историко-этнографический очерк. М., 1980; она же. Заметки об истории создания первых европейских источников

(century) (Moscow, 1978). See more about him: L.N. Menshikov. "Victor Andreevich Velgus, his life and scientific work" // Velgus V.A. *Medieval China (Studies and Materials on the History, External Relations, and Literature)*. Compiling editor I.E. Tsiperovich, Executive editor L.N. Menshikov. (Moscow, 1987), pp. 169–177 (all in Russian). List of publications of V.A. Velgus is included in the book.

<sup>11</sup> On the whole O.S. Tomanovskaya translated around 360 typed pages of medieval sources on Africa. Based on this work, the following publications were produced: O.S. Tomanovskaya. "When and why the Portuguese started their voyages to Western Africa". *Africana*. African ethnographic compilation, IX. Scientific works. N.N. Mikluho-Maklai Institute of Ethnography. New series, Vol. 100. (Moscow, 1972); O.S. Tomanovskaya. *Loango, Kakongo and Ngoyo. Historico-ethnographic sketch* (Moscow, 1980); O.S. Tomanovskaya. "Notes on the history of origin of the first European sources on Lower Guinea (the end of the XVI — beginning of the XVII century)". *Research materials of the N.N. Mikluho-Maklai Institute of Ethnography*. 1982, Vol. 111, pp. 197–233 (all in Russian).

<sup>12</sup> S.B. Chernetsov. *Ethiopian Chronicles of the XVI–XVII centuries* (Moscow, 1984); S.B. Chernetsov. *Ethiopian Chronicles of the XVII–XVIII centuries* (Moscow, 1984); S.B. Chernetsov. *Ethiopian Chronicles of the XVIII century* (Moscow, 1991). Long-term studies of source materials resulted in fundamental works on history, see more in: S.B. Chernetsov. *Ethiopian feudal monarchy in the XVII century* (Moscow, 1990); S.B. Chernetsov. *Ethiopia during the first sixteen centuries AD* (SPb, 2004). See more about him in: V. Vydrine. "Professor Sevir B. Chernetsov (1943–2005)", *Manuscripta Orientalia* XI/1 (2005), pp. 70–72. Bibliography of his works compiled by M. Belyaeva is published in journal *Scrinium* I (1985), pp. XXIX–XLI (all in Russian).

<sup>13</sup> Yu. K. Poplinsky. *From the History of Ethno-Cultural Contacts between Africa and*

по Нижней Гвинее (конец XVI — начало XVII в.) // Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1982. Т. 111. С. 197–233.

<sup>12</sup> Чернецов С.Б. Эфиопские хроники XVI–XVII вв. М., 1984; он же. Эфиопские хроники XVII–XVIII вв. М., 1984; он же. Эфиопские хроники XVIII века. М., 1991. Многолетние источниковедческие исследования привели к написанию исторических работ фундаментального характера, см.: он же. Эфиопская феодальная монархия в XVII в. М., 1990; он же. Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. СПб., 2004. О нём см.: Vydrine V. Professor Sevir B. Chernetsov (1943–2005) // *Manuscripta Orientalia*. 2005. XI/1. P. 70–72. Составленная М. Беляевой библиография его работ опубликована в: *Scrinium*. 1985. I. С. XXIX–XLI.

<sup>13</sup> Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантийская проблема. М., 1978.

<sup>14</sup> За последние годы во многих странах мира активно велись работы по сходным проектам. Что касается арабских источников, то краткий анализ нынешней ситуации и основную библиографию можно найти во введении М.А. Толмачевой к «Арабским источникам XIII–XIV вв.» (С. 17–24). О том, что сделано за последние годы нашими западными коллегами в области изучения античных источников по истории Африки, подробно пишет Г. Циетен в статье, которая готовится к публикации (Ziethen G. Ancient Greek and Roman Knowledge about Africa // *Manifestschrift*. К 60-летию В.Р. Арсеньева). Одна из основных тенденций сегодняшнего дня — рост интереса «к автохтонным, африканским источникам. Часто сравнительно недавно записанные, некоторые из них содержат ранние сведения и представляют собой, можно сказать, письменный вариант устной истории» (Толмачева М.А. Введение // *Арабские источники XIII–XIV вв.* ... С. 17).

*the Aegean World. Garamantian problem* (Moscow, 1978) (in Russian).

<sup>14</sup> Over the last years similar projects have been developed in many countries of the world. As for Arabic sources, a brief analyses of the present-day situation and general bibliography can be found in M.A. Tolmachova's "Introduction" to "Arabic sources of the XIII–XIV centuries" (pp. 17–24). In a coming article G. Ziethen gives a detail overview on the recent studies of our Western colleagues in the sphere of the Classical sources on the history of Africa (G. Ziethen "Ancient Greek and Roman knowledge about Africa", *Manifestschrift*. To the 60<sup>th</sup> anniversary of V.R. Arseniev, SPb, 2009). One of the major tendencies today is a "growing interest to autochthonous African sources. Often containing early information, some of them were recorded comparatively recently and represent the so-called written version of oral history" (Tolmachova, *Introduction*, p. 17).

*Лариса Павлинская*

**ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ  
ПОПЛИНСКИЙ  
(1944–2004)**

В ночь на 1 декабря 2004 г. после тяжёлой продолжительной болезни на 61-м году жизни скончался старший научный сотрудник отдела этнографии Африки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН) Юрий Константинович Поплинский. Эта смерть — вторая в ряду скорбных событий, постигших отдел в течение десяти месяцев. В июне 2004 г. был убит старший научный сотрудник Николай Михайлович Гиренко, а в феврале 2005 г., менее чем через три месяца после смерти Ю.К. Поплинского, ушёл из жизни заведующий отделом Севир Борисович Чернецов. Есть что-то глубоко мистическое в этой трагической череде внезапных и почти одновременных кончин трёх крупных учёных, являвших собой на протяжении последних десятилетий цвет Санкт-Петербургской школы отечественной африканистики. Они принадлежали одному поколению, в конце 1960-х годов вместе пришли в МАЭ, все трое были учениками ведущего африканиста страны Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, много лет были не только коллегами, но и большими друзьями и... почти вместе покинули этот мир.

*Larisa Pavlinskaya*

**YURI KONSTANTINOVICH  
POPLINSKY  
(1944–2004)**

Yuri Konstantinovich Poplinsky, senior research fellow of the African Ethnography Department of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Science (RAS), passed away on the night of December 1, 2004 in his 61<sup>st</sup> year after a long-lasting serious illness. This death was the second in the row of sorrowful events that overtook the Department during a period of ten months. In June 2004, senior research fellow Nikolay Mikhailovich Girenko was killed. The Head of Department Sevir Borisovich Chernetsov passed away less than three months after the death of Yuri Poplinsky in February 2005. There is something profoundly mystical in the series of these tragic and almost synchronous demises of three leading scholars, who constituted the elite of the Saint-Petersburg school of African studies in our country during the last decades. Belonging to one generation they joined the Museum in the late 1960-s, worked under the guidance of the leading scholar in African studies Dmitry Alekseyevich Olderogge being not just colleagues but close friends for many years and... left this world almost at the same time.

Три человека, три смерти, три невосполнимые утраты для родных, близких, коллег и, конечно, науки, но каждая из этих потерь глубоко индивидуальна, так как каждый из ушедших был яркой, самобытной, талантливой личностью, наполнявшей окружающий мир особой, только ей присущей духовностью.

Юрий Константинович Поплинский родился 3 июня 1944 г. в Ленинграде. Его мать, Лия Ильинична, была музыкантом, отец — Константин Васильевич — кадровым офицером. Они встретились в 1942 г. в блокадном Ленинграде, в боях за освобождение которого участвовал К.В. Поплинский. После победы Константин Васильевич продолжал служить в частях Советской Армии, расположенных на территории Германской Демократической Республики, куда уже в конце 1945 г. приехала его жена с полуторагодовалым сыном Юрием и где в 1947 г. родился второй сын Константин. В Ленинград семья вернулась только в 1958 г.

Высокая должность отца в штабе военного округа не только обеспечивала материальное благополучие, но и предоставляла возможность довольно свободного общения с семьями немецких коллег, а сыновьям — времяпрепровождение в среде немецкой детворы. Юрий рано выучил немецкий язык, познакомился сначала с детской, а затем и классической немецкой литературой. Тесное соприкосновение с немецким образом жизни, нацио-

Three men, three deaths, three irreplaceable losses for relatives, friends, colleagues and, undoubtedly, the scholarship. Each of these losses is mourned individually as each of the deceased was a bright, original and talented personality filling the world around him with unique inherent spirituality.

Yuri Konstantinovich Poplinsky was born in Leningrad on June 3, 1944. His mother Liya Ilyinichna was a musician and his father Konstantin Vasilyevich was a regular officer. They met in sieged Leningrad in 1942, where K.V. Poplinsky took part in combats. After the victory, Konstantin Vasilyevich continued his service in the Red Army military units located on the territory of the German Democratic Republic. In 1945 his wife and their one-and-a-half-year-old son Yuri joined him there where the second son Konstantin was born in 1947. The family came back to Leningrad only in 1958.

The father's senior position in the command headquarters not only guaranteed material welfare, but also made it possible to communicate with the families of his German colleagues rather openly. Thus, in their early years the two brothers spent a lot of time with the German children. Yuri learned German early in his life devoting his time to reading children's books and classical German literature later on. Such proximity to the German way of life, national character, communication manner and

нальным характером, стилем общения и шире — немецкой культурой в детстве и ранней юности оказало определённое воздействие на формирование его личности. Манера поведения Юрия Константиновича отличалась подчёркнутой корректностью, отсутствием какого-либо панибратства, а с людьми мало ему приятными — вежливой холодностью. В отношении к работе ярко проявлялись настойчивость в достижении поставленной цели, работоспособность и предельная пунктуальность. Его рабочий день начинался в 8 часов утра и заканчивался в 2–3 часа ночи. Собирая, например, материал для кандидатской диссертации по литературным источникам, он прорабатывал в день до 300 страниц текста. Скорость чтения была необычайной, при этом он обладал великолепной памятью и уникальным складом аналитического мышления.

Эти черты его характера удивительным образом сочетались с артистичностью, внутренней деликатностью и доброжелательным отношением к людям. Юрий Константинович всегда был готов прийти на помощь, и это постоянно притягивало к нему людей. У него было много друзей, приятелей, среди которых были люди самых разных профессий и возрастов. Но самыми яркими чертами этого человека были способность загораться разными идеями (как собственными, так и высказанными коллегами), умение мгновенно «раскручивать» их, находить в

German culture in general influenced the formation of his personality. Yuri Poplinsky was always extremely respectful and gracious with other people being politely cold with those not too pleasant to him. In relation to work he always showed persistence in attaining his aim, efficiency and utmost punctuality. His working day started at 8 in the morning and finished at 2 or 3 o'clock after midnight. When he was collecting material for his doctoral thesis he managed to study up to 300 pages per day. Having an extraordinary speed of reading he possessed excellent memory and a unique analytical mind.

These features of his character amazingly coexisted with his artistic nature, inner intelligence and friendly attitude to people. He was always ready to help and this attracted to him a lot of people. He had many friends and acquaintances of various age and occupation. However, the most striking trait of his personality was an ability to get enthusiastic over different ideas immediately developing them to reveal new non-trivial aspects. Expressed by his colleagues or himself, these ideas instantly accumulated new facts and logic in his interpretation. Colleagues, students and friends of different occupations used to turn to Yuri Poplinsky to discuss a certain problem, verify the accuracy of their viewpoint or just to ask for explanation of some facts. These encounters always resulted in most

них новые и необычные грани. В его интерпретации они мгновенно обрастали дополнительными фактами, обретали логику и фактуру, получая право на полноценную жизнь. К Ю.К. Поплинскому часто обращались и коллеги, и студенты, и друзья других профессий с целью обсудить ту или иную проблему, проверить правильность своих позиций, а иногда и просто за объяснением какого-либо факта. И всегда это превращалось в интереснейшую дискуссию, изобилующую неожиданными поворотами, фейерверком смелых гипотез и убедительных доказательств.

Окончив уже в Ленинграде восьмой класс в дневной школе, Юрий Константинович переходит в школу рабочей молодёжи, хотя материальное положение семьи позволяло не заботиться о хлебе насущном. Сначала он работает осветителем в Театре юных зрителей, затем техником-гипсологом в больнице им. Раухфуса. В этот период жизни его интересует всё: искусство, театр, музыка, литература, история, медицина. И Юрий Константинович упорно ищет свой путь в жизни. В конце концов, он выбирает классическую филологию и в 1963 г. поступает в Ленинградский государственный университет. Здесь его учителем становится один из крупнейших филологов-классиков Аристид Иванович Доватур (1897–1982), оказавший огромное влияние на формирование личности будущего учёного.

interesting discussions with unexpected discoveries and fireworks of brave hypotheses and convincing arguments.

After finishing the 8<sup>th</sup> year of secondary school in Leningrad Yuri enters the school for working youth despite the good material standing of his family. At first he works as a light technician in the Theater for young spectators, then, as a plaster technician in the Rauchfuss hospital. In this period of life he takes interest in everything — art, theatre, music, literature, history, medicine — being in a constant search for his path in life. In the end, he makes his choice and enters the Department of classic philology of the Leningrad State University in 1963. Here one of the most eminent scholars of classic philology Aristid Ivanovich Dovatur (1897–1982) becomes his teacher. Years of work with Aristid Ivanovich have a profound influence on the personality of the future scholar.

At the university Yuri Poplinsky studies ancient and modern Greek and Latin, the Classical literature and history, but his interests go far beyond the sphere of the Ancient World. He attends lectures on art history, theater and music, takes more and more interest in the history of world culture.

After graduation from the university in 1968 Yuri Poplinsky was given a position at the Department of African ethnography, Leningrad branch of the Ethnography insti-

В университете Юрий Константинович изучает древнегреческий, новогреческий, латынь, античную литературу и историю, но его интересы выходят далеко за пределы Древнего мира. Он посещает лекции по истории искусства, продолжает увлекаться театром, музыкой и всё больше и больше — историей мировой культуры.

После окончания университета в 1968 г. Ю.К. Поплинский по распределению поступает на работу в Ленинградскую часть Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне МАЭ РАН), в отдел этнографии Африки, где перед ним открывается совершенно новая область применения своих знаний и в то же время завораживающий мир традиционных африканских культур. Под руководством заведующего отделом чл.-корр. Д.А. Ольдерогге (1903–1987) он приступает к работе над темой «Античные источники по истории и этнографии Африки» и исполняет обязанности референта своего научного наставника. В его задачу входит отбор, перевод и комментарии к текстам об Африке из произведений географов и писателей античности. Анализируя эти тексты, Юрий Константинович обращает особое внимание на значение и историю серии важнейших терминов и облекает результаты своих исследований в форму докладов и статей, опубликованных в ряде изданий. Многочисленные ссылки на его работы и сегодня можно встре-

tute named after N.N. Miklukho-Maklay, USSR Academy of Science (presently the MAE RAS). There he finds a totally new sphere for application of his knowledge and discovers a fascinating world of the traditional African cultures. Under the supervision the Head of Department and the corresponding member of the Academy of Science D.A. Olderogge (1903–1987) he starts working on the “Classical sources on African history and ethnography” at the same time serving as an assistant to his supervisor. His tasks include the selection, translation and commentary of the texts on Africa from the works of the Classical geographers and writers. While analyzing these texts Yuri Poplinsky pays special attention to the meaning and etymology of several most important terms and presents the results of his study in a number of seminars and publications. Today multiple references to his works can be found in many publications of the Russian ethnographers.

Later on, Yuri Poplinsky turns to the study of early contacts between the peoples of Southern Europe and Africa formulating the theme and objectives of his qualification work for the Doctoral degree in history — “Africa and Aegeida. Ethnical contacts in the Mediterranean in the 2<sup>nd</sup> millennium B.C.”. Defended on May 29, 1975 the dissertation was unanimously approved by the Scientific council and published later in 1978

тить в публикациях отечественных этнографов.

Затем Ю.К. Поплинский обращается к изучению ранних контактов народов Южной Европы и Африки, избирая в русле этой проблематики и тему квалификационной работы на соискание учёной степени кандидата исторических наук — «Африка и Эгеида. Этнические контакты в Средиземноморье во II тыс. до н.э.». Защита состоялась 29 мая 1975 г., работа была утверждена Учёным советом единогласно. В кандидатской диссертации, изданной в 1978 г. как книга («Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантийская проблема». М., 1978. 203 с.), Ю.К. Поплинский, опираясь на широкий круг источников, включая и самые последние открытия археологов, на примере гарамантской проблемы дал развёрнутый анализ соотношения и роли этнических контактов народов Северной Африки и Эгейского моря в истории развития древних сахарских цивилизаций.

Монография стала одной из первых работ, развивавших в отечественной науке новое направление — палеоэтнологию. Следом выходит ряд статей, посвящённых различным проблемам древней этнической истории Африки, принципам этнографических описаний в античной литературе, типологии источников по истории и культуре древних сахарских цивилизаций. За годы работы в отделе этнографии Африки под руководством

(*From the history of ethno-cultural contacts between Africa and the Aegean world. Garamantian problem. Moscow, 1978. 204 pp.*). Using a wide range of source materials including the latest archeological discoveries he gives an extended analysis which shows the correlation and role of the ethnical contacts between the peoples of Africa and the Aegean Sea in the history of the development of the ancient Saharan civilizations on the example of the “Garamantian problem”.

This monograph became one of the first studies in Russia developing a new discipline — paleoethnology. Immediately after that Yuri Poplinsky publishes a number of articles on various issues related to the ancient ethnic history of Africa, the principals of ethnographical descriptions in the ancient literature, typology of sources on history and culture of the ancient Saharan civilizations. Many years of work at Africa Department under the guidance of D.A. Olderogge and the constant academic dialogue with his colleagues helped him to become an expert with encyclopedic knowledge in the field of African studies.

In 1980-s — 1990-s Yuri Poplinsky works on several topics devoting most of his attention to “The writings of the Classical authors as a historical and ethnographic source for studying the peoples of Africa”. The present monograph of more than 600 pages took enor-

Д.А. Ольдерогге и вследствие постоянного научного общения с коллегами Ю.К. Поплинский формируется как африканист широкого профиля.

В 1980–1990-е годы Ю.К. Поплинский работает сразу над несколькими темами, главная из которых — «Сочинения античных авторов как историко-этнографический источник для изучения народов Африки». Это исследование, составившее свыше 600 страниц, потребовало от него огромных сил и значительного времени, но, к сожалению, так и не было завершено в связи с неизлечимой болезнью. Юрием Константиновичем был собран огромный корпус античных источников, относящихся к африканскому континенту, особое внимание было уделено анализу и истории возникновения этнонимов и топонимов, их значению в древнегреческой и римской литературе. Отдельной темой стало исследование объёма и характера знаний античного мира о географии, истории и этнографии Африки. Немаловажное место в работе занимало и рассмотрение такой важной проблемы, как место и роль Африки в истории культуры Старого Света.

Параллельно Юрий Константинович приступает к изучению древней истории народов Северной Африки и Сахары, а также истории античной этнографии, публикуя по данным темам серию статей. В этот период Ю.К. Поплинский погружается в изучение теоретических проблем, связанных со становле-

mous efforts and considerable amount of his time. Unfortunately, it was not finished due to the emergence of an incurable illness. Yuri Poplinsky collected a vast corpus of the Classical sources related to the African continent. Special attention was paid to the historical analysis of ethnonyms and toponyms as well as their meaning in the ancient Greek and Roman literature. A separate research was devoted to the scope and type of knowledge accumulated in the Antiquity about geography, history and ethnography of the African continent. Another important area of study was the analysis of Africa's role in the cultures of the Ancient world.

In this period, he studies the ancient history of the peoples in Northern Africa and the Sahara as well as the history of the Classical ethnography which resulted in a number of articles. Additionally, Yuri Poplinsky investigates theoretical problems related to the formation and development of the civilizations concentrating on the topic “nature, man, culture”. He takes active part in the all-Russia conferences “Nature and civilization. Rivers and cultures” (1997) and “Ethnos, landscape, culture” (2000) organized by the Department of Siberian ethnography of the MAE RAS. His papers focus on the problem of the objective genetic dependency of culture on the dominating geographical factors, e.g. time and space perception,

нием и развитием цивилизации, уделяя основное внимание проблеме «природа, человек, культура». Он принимает активное участие во всероссийских конференциях «Природа и цивилизация. Реки и культуры» (1997 г.), «Этнос, ландшафт, культура» (2000 г.), организованных отделом этнографии Сибири МАЭ РАН. Основной темой его докладов становится проблема изучения объективной генетической зависимости облика культуры (в широком плане) от доминантного географического фактора: типа и способа восприятия пространства и времени, специфики модели мира, культурного символизма, форм осознания и первичной классификации явлений природы и стихий.

Ю.К. Поплинский сотрудничает с учёными Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева по разработке проблем, связанных с культурологическими аспектами медицины и этнопсихологии. Он ведёт большую консультативную работу в Институте истории РАН (Санкт-Петербург), Институте философии РАН (Москва), на историческом и филологическом факультетах СПбГУ, в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург).

С середины 1990-х годов Ю.К. Поплинский начинает работать над темой «Традиционное искусство народов Африки как историко-культурологический источник», целью которой, в первую

distinctive features of the Weltanschauung, cultural symbolism, perception and early classification of the natural phenomena and elements.

He cooperates with the scientists of the Leningrad research institute of psycho-neurology named after V.M. Bekhterev on a number of topics related to the cultural aspects of medicine and ethno-psychology. He works as a consultant for the Institute of History RAS, Saint-Petersburg, the Institute of Philosophy, Moscow, the Philological and historical faculties of the Saint-Petersburg State University, and the Russian Ethnography Museum, Saint-Petersburg.

In mid-90s Yuri Poplinsky starts working on the topic "Traditional art of the African peoples as a historical and cultural source" focusing on the analysis of the African traditional art's characteristics, semantic space of the archaic African art, symbolism of the material substance of an artifact, and the artistic image of the world model in Benin art. While studying the traditional art, he devotes considerable amount of his time to consulting African collections in the Museum, puts a lot of efforts to improve the African exposition of the museum, takes an active part in the preparation of a number of major exhibitions, such as "Bird in world cultures", "Peter the Great Kunstkamera is a House of Knowledge", and many others, organized by the Museum for demonstration

очередь, стал анализ характера африканского традиционного искусства, семантического пространства архаического искусства Африки, символизма материальной субстанции артефакта, художественного образа модели мира в искусстве Бенина. В связи с обращением к традиционному искусству Юрий Константинович значительное время уделяет изучению африканских фондов МАЭ, много работает над усовершенствованием африканской экспозиции музея, принимает активное участие в подготовке ряда крупных выставок — «Птица в культурах мира», «Петровская Кунсткамера — Дом знаний» и др., организованных МАЭ для демонстрации в зарубежных музеях. Его последним проектом была новая концепция и тематико-экспозиционный план постоянной экспозиции зала Африки.

Круг научных интересов Юрия Константиновича Поплинского был удивительно широк. Всё это, как и серьёзные научные достижения, к числу которых, несомненно, относится и публикуемая книга, ставят его в ряд крупнейших отечественных специалистов по истории и этнографии Африки.

abroad. His last project was a new conception with a scheme of topics for the permanent exposition in the African hall.

The scope of Yuri Poplinsky's scientific interests was extremely wide. His considerable scientific achievements that include the present monograph puts him in one row with the leading Russian specialists in African history and ethnography.

## ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена исследованию практически всего разножанрового корпуса древнегреческих источников, охватывающих период почти в полтора тысячелетия. Её цель — всестороннее и возможно более полное изучение Африки и её автохтонных обитателей по древнейшим письменным свидетельствам (которые с учётом бесписьменного характера древних африканских цивилизаций приобретают значение источника первостепенного значения), а также установление объёма знаний античного мира об Африке и африканцах в разные исторические периоды, выяснение характера восприятия этой части света античной цивилизацией, отношения (в теории и на практике) античного мира к Африке и африканцам и в целом уточнение места Африки в истории культур Старого Света.

Специфика античной традиции в изучении Африки, отмеченной непрерывностью и преемственностью греческого и римского научного знания (благодаря чему достижения греков были полностью адаптированы и продолжены римлянами, а зачастую и сохранены только у латинских авторов), потребовала в необходимых случаях привлечения в исследовании и латиноязычных письменных свидетельств.

В работе предлагается общая — теоретическая, методическая и содержательная — характеристика свода грекоязычных письменных памятников, содержащих сведения по Африке, а также разрабатываются некие «ключи» для их отбора, понимания и интерпретации. Этой цели служит прежде всего содержательный анализ общих для всех источников ключевых терминов: этнонимов (реальных и псевдоэтнонимов — эфиопы, ливийцы, номады, троглодиты и т.п.), гео- и топонимов, а также таких теоретических категорий, как варвар, этнос, имеющих решающее значение при выборе определённых источниковедческих методов интерпретации греческих свидетельств. Кроме того, даётся анализ географических и этнографических подходов греков в описаниях чужих народов, прежде всего, разумеется, в применении к Африке.

В связи с жанровым многообразием грекоязычных источников приводится и анализ всех жанровых групп памятников, их систематизация, что необходимо для выработки критериев достоверности и выборки необходимых свидетельств.

Большое место в исследовании отведено анализу ранних письменных свидетельств греков (в том числе чрезвычайно важной для античной «африканистики» мифологической традиции об Африке) в связи с уникаль-

ностью данных о древнейших периодах истории Африки и африканцев, не имеющих аналогов среди других источников для реконструкции начальных этапов собственно африканских истории и культуры и истории их контактов с древним средиземноморским миром (среди них — Гомер и его продолжатели, трагики и древнейшие поэты, Геродот, Аристотель и др.). Кроме того, подробнее других рассмотрены некоторые произведения более поздних авторов, резюмирующие все имевшиеся в их распоряжении данные об Африке и отражающие уровень знакомства античного мира с Африкой в соответствующие исторические периоды (Агатархид, Страбон, Диодор).

В связи с гораздо лучшей изученностью издревле знакомых и освоенных греками районов северного (средиземноморского) побережья Африки (Киренаики и Ливии) основной акцент в исследовании сделан на менее всего известной и хуже обеспеченной источниками проблеме античной «Эфиопии» и её коренном негроидном населении — «эфиопах», т.е. на изучении собственно «Чёрной» Африки — стран, населённых негроидными автохтонами крайней южной части ойкумены.

Помимо двух основных текстовых разделов, посвящённых соответственно анализу и обзору корпуса источников по античной Эфиопии, в третьем разделе монографии содержатся две самостоятельные части, представляющие собой отдельные источниковедческие исследования. Одно из них — «Комментированный аналитический указатель этнических названий», в котором дан перечень известных античному миру африканских этнонимов и по мере возможности делается попытка их идентификации и локализации; другое — «Индекс грекоязычных источников по истории и этнографии Африки», содержащий практически полную выборку упоминаний об Африке и африканцах по всему корпусу греческих письменных памятников.

## **РАЗДЕЛ I**

# **ОБЩИЙ ОБЗОР ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО АФРИКЕ (ПРЕИМУЩЕСТВЕННО — ПО АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ)**

### **ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

Прежде всего представляется важным пояснить, что уточнение о приоритетном внимании к сведениям об Африке южнее Сахары принципиально для данной работы. Это обусловлено тем, что если по истории и этнографии Северной Африки, точнее, её средиземноморского побережья и Египта, во времена античности существует внушительное количество специальных и общих исследований, то Африка южнее Сахары (или, как её называют во франкоязычной научной традиции, Чёрная Африка) до сих пор оставалась гораздо менее изученной, а в немногочисленных трудах, посвящённых античной Чёрной Африке, остаются серьёзные лакуны.

Не вдаваясь в подробности (а среди них столь важная, как чрезвычайно малое количество античных свидетельств о собственно негрской Африке), отметим лишь, что главной задачей настоящей работы было по мере сил и с учётом доступных, поддающихся верификации источников (максимально исчерпывающим образом собранных во всём дошедшем до нас фонде античного письменного наследия) дать сводку материалов (вместе с их оценкой), касающихся древних периодов истории африканского континента в античную эпоху.

К тому же особый интерес к глубинным районам материка обусловлен тем, что и Египет, и побережье Северной Африки издавна традиционно входят в античный мир и, естественно, лучше исследованы; способствовало этому и то обстоятельство, что сохранилось гораздо большее количество известий античных авторов об этих регионах континента.

Разумеется, желание дать исчерпывающую характеристику и обобщающую картину знаний античного мира, в частности греков, об Африке обязывает учитывать и все имеющиеся свидетельства о средиземноморском побережье и всей известной «Белой» Африке. Но всё же особое внимание уделено данным античных источников о глубинных и отдалённых районах материка и её автохтонных обитателях.

При этом приходится помнить, что почти все известия и представления греков о «Чёрной» Африке были опосредованы Египтом, точнее образом Египта, и проблемой истоков Нила. Поневоле любое продвижение вслед за туманными известиями древнегреческих письменных памятников вглубь Африки неизбежно проходит через Египет и далее, через Мероз, Куш, Нубию (это уже почти совершенно «африканский» участок материка), вплоть до легендарных истоков Нила, великой реки Египта, находящихся уже в самом сердце континента, в стране чёрных людей и всегда стоящего в зените солнца — античной Эфиопии.

Заранее отметим, что, несмотря на ограниченный характер (как в количественном, так и в информативном смысле) греческих письменных источников по истории и этнографии Африки южнее Сахары, весь корпус источников даёт обширный круг материалов, позволяющих представить общую картину и объём знаний греков о глубинных районах Африки и составить представление об этих регионах в историческом, социально-экономическом, политическом и культурном аспектах за период, длившийся более тысячелетия.

О самом корпусе древнегреческих письменных источников необходимо сделать одно уточнение. В него помимо собственно греческих приходится включать и другие письменные свидетельства на древнегреческом и латинском языках, поскольку эллинистические и римские писатели, подхватившие и развивавшие дальше греческую научную традицию, часто оказывались единственными хранителями известий из многих утраченных греческих оригиналов.

Греческое знание, усвоенное последующими эпохами, органично жило и углублялось в недрах римской культуры, образующей вместе с греческой единое целое, воспринимаемое и по праву называемое античной цивилизацией.

В число письменных памятников древнегреческого мира включаются, естественно, и эпиграфические материалы, имеющие двойственный характер: это, безусловно, и письменный памятник, но это и археологический материал, что увеличивает ценность рассматриваемой группы источников, делая их прямыми документальными свидетельствами.

Сознательно ограничивая себя в привлечении иконографических источников, весьма многочисленных и чрезвычайно много дающих в информационном отношении, хотелось бы подчеркнуть их дополняющую, а иногда и вполне самостоятельную роль в качестве историко-культурного источника (хотя и сложного для интерпретации и требующего использования особых методик). Во всяком случае, в работе учтены имеющиеся специальные исследования, содержащие подборки античных и местных, африканских, иконографических памятников, и труды по иконографическим источникам греков по Африке.

В целом работа с источниками подчинена естественной логике исследования. Прежде всего, даётся перечень и характеристика источников. Затем решаются проблемы критики, возникающие при их изучении. Наконец, даётся характеристика содержания источников — извлечение и систематизация основных сведений о природной среде, народонаселении, образе жизни, установлениях, экономике, культуре и т.д. Африки в античное время.

Логика систематического исследования античных письменных источников естественно подсказывала необходимость классификации их по принципу принадлежности к определённому литературному жанру, поскольку каждый из них обладает своей спецификой, определяющей и особенности освещения реального фактического материала.

Критика источников в данном случае целесообразна в направлении отыскания «ключей» (или ключей) к их пониманию. Здесь речь идёт прежде всего о толковании основных терминов, определяющих всё содержание источника. Другое направление критики источника заключается в общей характеристике достоверности источника и его автора, что необходимо для установления объёма его знаний об Африке и их достоверности.

Наконец, содержательная характеристика источников заключается в выявлении позитивной информации греков о природе и автохтонах Африки, об их социальной, политической, экономической, религиозной и культурной жизни — обо всём, что было известно о них грекам.

Что касается уже упомянутых иконографических источников, то здесь следует указать на основные работы, трактующие эту проблему специально применительно к Африке. Два основополагающих исследования на эту тему, дающих исчерпывающие (или почти полные) подборки иконографии, иллюстрирующих по преимуществу представление греков о внешнем виде, цвете кожи, типах лиц и тел и прочих чертах физического облика африканцев, можно сказать, иллюстрирующих греческий термин ЭФИОП, принадлежат известным исследователям Г.Х. Бирдслею и Ф.М. Сноудену<sup>1</sup>. Третья важная работа на эту тему, обобщающего характера, с сильным акцентом на исторической интерпретации греческой иконографии по Африке, которая рассматривается в связи со свидетельствами античных письменных источников, — книга Э. Мвенга<sup>2</sup>. Одновременно с уже указанной задачей автор последнего труда рассматривает также происхождение каждого из этих источников, обстоятельства их находок в раскопках, их хронологию, отношение к греческому и эллинистическому миру, что даёт ему основание считать присутствие негров в сфере греческой цивилизации не случайностью, а закономерным фактом.

Изучение «Чёрной» Африки в свете греческих письменных источников — довольно сложная задача, несмотря на то, что греки много писали

об Африке. Как бы парадоксально это ни звучало, иногда можно даже говорить об известной избыточности и разнохарактерности этих источников.

Обращение к исследованию письменных источников по Африке (преимущественно её глубинных «чёрных» районов) невозможно без использования важнейшего, давно уже ставшего классикой издания Ф. Якоби «Фрагменты греческих историков»<sup>3</sup>. Анализ содержания этого полезнейшего собрания фрагментов греческих историков об Африке показывает, что удельный вес текстов, посвящённых собственно «Чёрной» Африке, достаточно велик. В составе III тома издания Якоби, посвящённого Африке в целом, из 943 страниц текста 276 отведены источникам по Египту, 60 — Эфиопии, т.е. «Чёрной» Африке, 45 — Кирене и Ливии, 8 — Карфагену. Важно отметить, что такое распределение в общем вполне соответствует соотношению описаний разных районов Африки в отдельных памятниках греческой литературы.

По частоте упоминаний Эфиопия следует непосредственно за Египтом. Это означает, что об этой части Африки греки писали очень много, даже больше, чем о других частях континента, исключая Египет, который всегда оставался на первом месте в античной литературе. Подтверждает этот вывод количественный анализ полностью дошедших до нас сочинений таких авторов, как Диодор Сицилийский и Страбон, III и XVI–XVII книги которых (соответственно) посвящены преимущественно Эфиопии. Из историков, наиболее важных для проблемы античной Эфиопии, на первом месте оказываются Геродот, Агатархид Книдский, Диодор Сицилийский, Страбон и Плиний, поскольку в их сочинениях содержится не только более всего сведений, но и, что придаёт им особую ценность, многие материалы, принадлежащие авторам, безвозвратно утерянным.

## **1. ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ДЕСКРИПТИВНОЕ РАССМОТРЕНИЕ КОРПУСА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

Следуя историческому пути развития древнегреческой литературы и письменной традиции греков в целом, весь корпус античных письменных источников по Африке логически закономерно рассматривать по двум большим рубрикам — художественная и научная литература. Это разделение в известной степени условно, поскольку на раннем этапе литературной истории произведения художественных жанров концентрировали в себе все знания своего времени в форме художественной, возникшей задолго до появления собственно научного знания, которому предшествовали эпохи эмоционально-чувственного (мифологического и поэтического по характеру), а не рационалистического познания мира. Но фактически такой подход

оправдывается и тем, что хронологически всем другим жанрам античной письменной традиции предшествует поэзия, и тем, что в эпохи окончательного развития жанров художественной литературы в ней дольше всего сохранялись мотивы и концепции, восходящие к первым авторитетнейшим памятникам античной письменной традиции. При всей проницаемости научной литературы для идей и образов художественной литературы, в последней сохранялся поэтический способ миропознания, в то время как в научной литературе превалировали рационалистические подходы и концепции. Так что противопоставление групп художественной и научной литературы (формально и по характеру содержания) вполне естественно.

В состав группы памятников античной художественной литературы входят произведения различных жанров, отмеченных и собственной спецификой содержащихся в них сведений по Африке. Хронологически всем другим жанрам греческой литературы предшествовали поэтические жанры: эпическая поэзия, дающая наиболее архаический образ мифической Африки (что отнюдь не обесценивает её информативной ценности, которую, разумеется, необходимо извлечь в процессе интерпретации источника); драматическая поэзия в её двух жанрах, представленных в творчестве поэтов-трагиков и комедиографов; лирическая поэзия, басенный и паремииграфический жанры, поздняя мифография и жанр античного романа. (Помимо греческих, по мере необходимости привлекаются и сочинения некоторых латинских авторов, продолжающих греческую традицию, а также некоторые библейские тексты.)

В рубрику жанров научной литературы входят сочинения историков (содержательные границы античного исторического жанра были, как известно, весьма широки, что делает не всегда возможным однозначное отделение «чистой» истории от произведений географического или иных жанров), географов (с жанровыми подразделениями на авторов-хорографов, картографов, составителей периплов и «чистых» географов), философов, медиков и грамматиков.

Третью группу письменных памятников составляют материалы эпиграфики разных жанров (отдельные «археологические» надписи, надписи на предметах искусства, граффити, оракулы и т.п.).

Наконец, в качестве иллюстрирующего материала невербального характера для всех названных жанровых видов письменных источников могут быть привлечены иконографические памятники, краткая характеристика которых будет дана в конце обзора.

У истоков античной письменной традиции стоит Гомер — отец греческой литературы и родоначальник древнегреческой науки и мудрости. В гомеровских эпических поэмах содержатся и первые письменно зафиксированные сведения об Африке и африканцах. Характер эпического жанра и тематика Илиады и Одиссеи определили немногочисленность гомеровских

текстов, трактующих африканскую тему, но их место самых первых в античной литературе свидетельств об Африке придаёт им особую ценность, особенно в связи с тем, что из-за непреходящего авторитета имени Гомера эти африканские топы или аллюзии на них продолжали цитироваться в античной литературе на всём протяжении её жизни и породили большую письменную традицию комментирующего или полемического характера. Собственно количество «эфиопских» мест у Гомера ограничивается всего семью упоминаниями, а с учётом общеафриканских (сюда входят упоминания Нила, ливийцев, лотофагов, Египта, циклопов и слоновой кости) аллюзий, их число не превышает двадцати одного: Илиада I, 423–424 (эфиопы); III, 3–7 (пигмеи); XXIII, 201–207 (эфиопы); Одиссея I, 20–25 (эфиопы); IV, 78–89 (эфиопы, Ливия); IV, 83–90 (эфиопы); IV, 225–232 (Египет); IV, 355 (Египет); IV, 351–362 (Египет и о. Фарос); IV, 475–479 (Нил); IV, 483–484 (путь в Египет); IV, 581 (Нил); V, 232 (эфиопы); V, 278–287 (эфиопы); IX, 82–105 (лотофаги); IX, 105 (циклопы); XIV, 292–296 (Ливия); XIV, 256 sqq. (Египет, Ливия); XVII, 232 sqq., 425 sqq. (Египет); XXI, 7 (слоновая кость); XXIII, 311 (лотофаги).

При всей краткости и сугубой мифологичности гомеровских «африканских» текстов (ведь в них повествуется о посещениях олимпийцами удалённой на крайний юг земли страны боголюбивых эфиопов, божественной трапезе там и получением богами щедрой гекатомбы, об особых отношениях сказочных эфиопов с Зевсом, Посейдоном и Иридой, о легендарном полубоге, царе эфиопов Мемноне и другом, столь же, казалось бы, далёком от реальности) эти места представляют чрезвычайную ценность. Ведь одновременно здесь рассказывается и о смертном Менелее, и об участии эфиопов в Троянской войне, и упоминаются реальные пигмеи, обитатели тропических лесов Африки, открывающие ещё одну традиционную тему античной «африканистики» (достаточно сослаться на разработку темы пигмеев у Гекатея Милетского (*Hecataios*, 266 = FHG I, p.15 fr.266), Геродота (II, 32, III, 37), Аристотеля (*Hist. animalium* VIII, 597a 4; *De generatione animal.* II, 748), Элиана (*De natura animalium* XV, 29), Рутилия (*Rut. Namatian.* I, 291–292).

Не менее существенны для определения степени знаний греков об Африке в целом и упоминания о лотофагах, Египте и Ниле, поскольку вся совокупность африканских тем и персонажей позволяет заключить, что во времена Гомера и ранее Эфиопия, пусть пока дальняя и плохо знакомая страна юга, уже была включена в мир греков и существовали контакты греков с автохтонами Африки.

Развитие эпической традиции после Гомера определялось тем, что он считался основоположником, которому эпические поэты стремились следовать и в форме, и часто в содержании, разрабатывая гомеровские темы. Не была исключением и эфиопская тема Гомера, которую использовали

поэты-гомериды и их последователи в поздние века античности. При этом чрезвычайно живучей оказалась и вся (реконструируемая) гомеровская концепция, связанная с «Чёрной» Африкой — идеализирующая по своей установке, которая в дальнейшей разработке античными философами и художниками нередко превращалась в утопическую.

Самый древний из сохранившихся эпических поэтов-последователей Гомера это Гесиод (VIII в. до н.э.), который в Теогонии сообщает краткую генеалогию гомеровского героя Мемнона, царя эфиопов, который был сыном богини Авроры и Тифона (Hesiod. Theogon. 984–985).

Арктину Милетскому (VIII в. до н.э.) принадлежит эпос в пяти книгах под названием «Эфиопида, или Мемнон», текст которой утерян. Но сохранились её упоминания и два маленьких фрагмента — аргумент и аллюзия в сочинении Квинта из Смирны, автора III в. н.э.<sup>4</sup> Аргумент имеет следующее содержание: Мемнон спешит на помощь Приаму; он убивает Антилоха, а его убивает Ахилл (Homeri carmina, p.583)<sup>5</sup>.

Новый всплеск в эпической поэзии наблюдался в александрийскую эпоху. Эфиопские мотивы, восходящие к Гомеру, используют и в это время, возможно, не только по причине непреходящей любви к Гомеру, но и в силу созвучия темы дальних краёв (в частности, Африки) для эпохи, когда эллинский мир совершал мощную экспансию на периферии ойкумены. Ликофрон — эпический поэт III в. до н.э. — разрабатывает африканские мотивы, говоря о Ливии, ливийцах, ливийском песке, а также эфиопах и эфиопском Зевсе (Licophronis «Alexandra», rec. E. Scheer (Berolini, 1881), v. 536–537).

Эпическая поэзия после Гомера вплоть до александрийского времени сохраняла верность Гомеру в отношении к мифологической и легендарной Африке, прежде всего к Эфиопии и эфиопам, которые воспринимались с большой долей идеализации, но при этом были прочно включены в различные контексты жизни греков (духовный, интеллектуальный, географический, исторический, культурный и т.п.) и их вселенную.

В греческой драматической поэзии, прежде всего в поэзии трагедийной, питавшейся из закромов мифологического наследия, африканская тема была представлена достаточно ярко, обнаруживая и интерес к ней, и реальное, конечно разной глубины и достоверности, знакомство с Африкой и Эфиопией. Разработка преимущественно гомеровской традиции не мешала появлению и другой линии, особенно подробно освещённой в своё время Геродотом в Истории; речь идёт о пользовавшейся огромной популярностью на протяжении всей античности глобальной теме, вокруг которой концентрировались все другие проблемы Африки, — о проблеме отыскания истоков великой африканской реки Нила. К ней естественно примыкала и тема Эфиопии — глубинной страны Ливии, где и зарождался

Нил, и интерес к её жителям — эфиопам, отчасти уже знакомым, но всё же ещё полуполюгендарным чернокожим людям.

У комедиографов, создателей второго любимейшего жанра античной драматургии, эфиопская тема также вызывала безусловный интерес, что выражалось в присутствии на сцене наряду с другими персонажами и эфиопов.

У первого греческого трагика Эсхила (525–456 гг. до н.э.) по известным нам трагедиям и фрагментам насчитывается двадцать семь мест, где затрагивается эфиопская тема (полный перечень мест в трагедиях Эсхила и для других авторов см. в Индексе источников). Эсхилевские африканские мотивы находятся целиком в русле мифической гомеровской традиции. В двух наиболее известных местах содержится рассказ об Ио в Эфиопии (Promet. vinct., vv. 808–812) и упоминание об Эфиопии, земле у Красного моря, на берегу Океана (Promet. lib., fr.67)<sup>6</sup>.

Эсхил даёт описание Эфиопии, вкладывая его в уста Титанов, которые называют эфиопов μελανοστέρφων γένος — племенем людей с чёрной кожей (Dindorf fr.68, Nauck fr.389 = Scholia in Apoll. Rhod. IV, 1348). В других дошедших до нас фрагментах содержатся упоминания об Эфиопии, Мемноне, эфиопском акценте в речи одного из персонажей, об эфиопах-аборигенах — обитателях таинственной далёкой страны, о матери Мемнона, названной Киссией: в пропавшей трагедии «Мемнон, или Эфиопия» Эсхил восхищается красотой эфиопской женщины и отмечает эфиопский акцент в её речи — αἰθίοπα φωνήν (Dindorf, fr.128); в другом фрагменте (Dindorf, fr.139) воспевается народ Эфиопии; увеличение подробностей гомеровского мифа находим в пассаже о матери Мемнона Авроре, которая названа Киссией, именем, которое следует понимать как эпитет, указывающий на её происхождение (Dindorf, fr.140), а не как имя собственное, о чём известно из комментария Страбона, поясняющего, что мать Мемнона — киссиянка, а киссийцы были жителями Суз в Месопотамии (Strabo, XV, 728).

Последний фрагмент относится к известной только по названию трагедии Psychostasin, сюжет которой строился на споре Ахилла и Мемнона, их соперничестве и борьбе. Поллукс (Jul. Pollux IV, 130) описывает декорации к этой трагедии, дающие определённые дополнительные детали для реконструкции содержания и понимания пафоса трагедии. Действие пьесы разыгрывалось в двух ярусах сцены: внизу представлялась история греков, а наверху изображался мир богов, где мать Мемнона, богиня Аврора, молила Зевса о даровании победы её сыну, что можно истолковывать, как намёк на известную всем репутацию мифических эфиопов как богоизбранного народа, пользующегося особым покровительством бессмертных. Вообще эфиопский мотив, воплощённый в образе любимого гомеровского героя Мемнона, был излюбленной темой и у Эсхила, и у его предшественников —

поэтов-кикликов, продолжателей гомеровской традиции, которые разрабатывали легенду о Мемноне — царе эфиопов, предводителе отряда эфиопов, союзников троянцев в войне с греками. Некоторые географические детали этой общей гомеровской традиции вошли впоследствии в ливийский логос геродотовой Истории.

В творчестве второго великого трагического поэта Греции — Софокла (495–405 гг. до н.э.) — также была продолжена гомеровская эфиопская тема, связанная с Мемноном. В недошедшей трагедии «Эфиопы, или Мемнон», которая известна лишь по незначительному фрагменту (Dindorf, fr.140) и по смутным аллюзиям у Гесихия, Фотия и Афиней, речь идёт о совете Нестора Антилоху перед его последней смертельной схваткой с Мемноном. Африканские мотивы — ливийская тема — есть ещё в трагедии «Электра» (vv. 701–702 — о двух ливийцах), в «Аяксе» и нескольких фрагментах<sup>7</sup>.

Ливийская тема отражена и у третьего из когорты великих греческих трагиков V в. до н.э. — Эврипида<sup>8</sup>. В трагедиях «Елена» (vv. 404, 768), «Троянки» (vv. 182, 544), «Ифигения в Авлиде» (v. 1036), «Алкестида» (v. 346), «Ипполит» (v. 684), «Вакханки» (v. 990) и фрагментах (напр., fr. 136, 230, 340, 475, 228 и др. — см. Индекс) упоминаются Ливия, ливийцы, эфиопы и Эфиопия, что свидетельствует о свободном владении африканской темой и интересе к ней автора и зрителей в греческом театре. Следует отметить, что и Эврипид эту тему вводит в мифологические контексты, не выходя за пределы мифологической гомеровской традиции и мифологической географии.

В произведениях комедиографов (в тех случаях, когда в них содержатся упоминания об эфиопах или Эфиопии) особую ценность африканские мотивы приобретают в силу того, что в этом жанре драматической литературы, намеренно «сниженном» в сравнении с высокой трагедией, документально отражалась повседневная жизнь греков, их нравы и обычаи, обиходные представления и уровень знаний об окружающем мире среднего гражданина греческого полиса.

В творчестве самого знаменитого комедиографа Греции Аристофана (445–388 гг. до н.э.) всегда превалировали поэтическое вдохновение и политические конъюнктуры Афин, определявшие полемическую остроту и актуальность его комедий в момент их представления в афинском театре. Мифология как предмет поэтической импровизации и тема пьесы интересовала Аристофана чрезвычайно мало. Его внимание при обращении к тем или другим африканским аллюзиям не сосредоточивалось ни на мифической истории, ни на собственно легендарной стране чёрных эфиопов, ни на традиционном эфиопском персонаже гомеровской традиции Мемноне. Однако присущая творческой индивидуальности Аристофана поэтичность, легко уживавшаяся с его полемичностью, язвительностью и гражданским темпераментом, привлекла его внимание к другому африканско-

му мотиву, также восходящему к Гомеру и разрабатывавшемуся поэтами после Гомера, — к мотиву перелёта стаи журавлей в Ливию (Aves, v. 65). Этот мотив был неразрывно связан в поэтической традиции с Африкой: с гомеровских времён эти птицы были обязательной приметой африканского пейзажа, а также тесно связывались с ливийскими пигмеями и эфиопами. Постоянный эпитет этих птиц — боязливые — предполагает известное знакомство с африканской фауной и показывает точность орнитологических наблюдений греков.

Аристофан говорит о «серых журавлях», тех самых, которые впервые упомянуты у Гомера в Илиаде (III, 2–6) в знаменитом пассаже о пигмеях, в страну которых в глубине Ливии и около берегов Океана (где находилась, кстати, и страна эфиопов) и прилетали эти птицы. Точность этой известной грекам с давней древности подробности о природе Африки подтверждается современной орнитологией, установившей, что зимнее обитание серых журавлей проходит в Судане. Кроме упомянутой африканской аллюзии, у Аристофана имеются ещё упоминания о Ниле — реке-символе Африки и Ливии в целом: «Облака» (v. 272), «Женщины на празднике Фесмофорий» (v. 855), «Птицы» (vv. 65, 710, 1136) и др. (см. Индекс источников). Аристофан, видимо, одним из первых использовал на роли раба или буффона эфиопа, о чём можно судить по сведениям об одной утерянной его комедии, передаваемым Алексисом (372–270 гг. до н.э.), автором, составившим веком позже Аристофана перечень комедийных сюжетов из 245 комедий<sup>9</sup>. Главный персонаж этой комедии по имени Агопис — чернокожий эфиоп.

И после Аристофана практика введения в комедии персонажей и исполнителей эфиопов поддерживалась неизменно. Африканская тематика всё глубже осваивалась драматическими поэтами, конечно, и в связи с распространением разного рода идей и теорий, которые иллюстрировались скифско-эфиопской антитезой (об этом ниже). Так, в одной неизвестной комедии Менандра (342–291 гг. до н.э.) говорится о том, что «человек не благородный по происхождению, даже если он эфиоп, может жить благородным образом»<sup>10</sup>.

Позже, в римской комедии, исполнительская и содержательная практика, диктовавшая желательность использования персонажей и исполнителей эфиопов, была широко представлена, что видно из комедий Теренция (Eunuch. I, 2, 85) и свидетельств римских поэтов — напр., Тибулла (II, 3, 55), Ювенала (VI, 599), Марциала (VI, 39, 8) — и по другим источникам.

В лирической поэзии африканские мотивы в значительной степени зависят от гомеровской и киклической традиций, чаще всего используются мифологические образы и темы.

Один из древнейших греческих лириков Мимнерм (VI в. до н.э.) создаёт образ Фаетона, который на колеснице солнца скачет с запада Эфиопии, с крайнего юга мироздания, где солнце скрывается на ночь — fr.10. 5–11<sup>11</sup>.

Симонид Кеосский (556–468 гг. до н.э.) в одном из недошедших ди-фирамбов использовал тему Мемнона, рассказывая, что герой явился из Суз, т.е., в той её версии, которая, будучи альтернативной гомеровской — об эфиопском происхождении Мемнона, предлагала считать родиной его Азию<sup>12</sup>. Отметим, что азиатская версия имела широкое хождение наравне с гомеровской, что видно из упомянутого места из Эсхила, согласно которому мать Мемнона родом из Суз — Dindorf, fr.140.

В творчестве Пиндара (518–442 гг. до н.э.) темы Ливии, Нила и эфиопов представлены широко и впоследствии подробно комментировались схолиастами<sup>13</sup>. В его эпиникиях — одах, посвящённых победителям в олимпийских, пифийских, немейских, истмийских играх, настойчиво используется образ Мемнона как своего рода обязательный элемент в мифическом и эпическом контексте, призванный усилить пафос прославляемой победы в соревнованиях: Olimp. II, 90–91 (Мемнон — сын Авроры — и Ахилл), Pyth. VI, 30–35 (Мемнон и Антилох), Nem. III, 61–63 (эфиопы и Мемнон, их предводитель, «двоюродные» грекам, и Ахилл), Nem. VI, 49–53 (Мемнон и эфиопы в Троянской войне), Isthm. V, 40–42 (Мемнон во главе эфиопов), Isthm. VIII, 48 (Мемнон и Гектор).

Феокрит Сиракузский, поэт III в. до н.э., в своих идиллиях приводит всего несколько кратких аллюзий об эфиопах: Idyl. I, 2 — о долгоживущих эфиопах около скал блеммиев, где находятся истоки Нила, и Idyl. XVII, 87 — замечание о том, что империя Птолемея простирается до пределов чёрных эфиопов<sup>14</sup>. Однако, несмотря на краткость этих пассажей об Африке, здесь отразились самые современные для времени Феокрита географические и этнографические знания греков. Упоминание Нила и его истоков зависит не только от древней эфиопской темы, в которой Нил был олицетворением всего континента, но и от актуального для этого времени обострённого внимания к проблеме поисков истоков Африканской реки. Называемое имя негрского племени блеммиев также неслучайно, поскольку звучит как эхо обсуждаемых в это время в сочинениях его современников — географов и историков — вопросов о коренных жителях южной части Африки и, в частности, уточнением представлений об уже знакомом многочисленном и весьма воинственном и очень мобильном народе, воспринимаемом как часть эфиопов, — блеммиев, живших в верхнем течении Нила, в пустынях Ливии, в сердце Африки. О них, например, как известно из труда Страбона (Strabo XVII, 786), писал современник Феокрита Эратосфен.

Тема Нила встречается и у Каллимаха, уроженца Кирены (около 270 гг. до н.э.): Hymn. IV, 208 — Нил низвергается с гор Эфиопии. Кроме того, в соответствии с гомеровской традицией он не забывает и имя Мемнона,

говоря о Зефире, брате Мемнона Эфиопского, сыне Океана (Eleg. II, 52)<sup>15</sup>. Сюда же примыкает фрагмент из анакреонтического автора, возможно, самого Каллимаха, в котором рассказывается, что Дионис происходит из Эфиопии — fr.464<sup>16</sup>. Таким образом, поэты этого круга по-прежнему свои эфиопские экскурсы связывают с мифологическим контекстом.

В целом в лирической поэзии наблюдается верность гомеровской традиции (что остаётся актуальным даже ещё и в римской поэзии, например у Вергилия (Aeneis IV, 480; Georg. II, 116–120 — соответственно о Мемноне и эфиопах и о слоновой кости, и др. многочисленные гомеровские аллюзии) или у Овидия (Metamorph. II, 235 — о том, что Икар цветом кожи был эфиоп). Однако в III в. до н.э. появляются более конкретные данные об Африке, что отражается и на поэтических текстах, в которых просматривается интерес к естественно-научным, географическим (прежде всего к проблеме истоков Нила) и этнографическим вопросам, в частности к знакомству и классификации различных африканских этносов, особенно из глубинных районов Африки, считавшихся собственно страной эфиопов. Появление новых подробностей в тех же мифологических клише, иногда просто поговорок, показывает на материале поэтических произведений античности постоянное углубление знакомства с Африкой.

В связи с африканской темой в античной поэзии нельзя не назвать ещё одного выдающегося представителя эллинистического периода в истории греческой литературы — Аполлония Родосского, творчество которого относится ко второй половине III в. до н.э. Выходец из египетской птолемеевской столицы Александрии, где и прошла большая часть его жизни, Аполлоний соединял в своём творчестве занятия поэзией и наукой, что было характерной чертой поэзии эллинистического времени, поэтому в его знаменитой эпической поэме «Аргонавтика» достоверно отразились в максимально полном виде все достижения эллинистического научного знания его времени (что совсем не удивительно, если учесть, что он занимал должность директора Александрийской библиотеки).

Ученик Каллимаха, Аполлоний поссорился со своим учителем из-за разногласий во взглядах на возможность создания большой героической поэмы в духе Гомера или кикликов, что послужило, по античному преданию, причиной отъезда Аполлония на остров Родос, где он и провёл остаток жизни и получил потому прозвище «Родосский». Аполлоний опроверг доводы учителя и создал свою эпико-героическую поэму в духе героического эпоса Гомера и кикликов, встретив непонимание и осуждение со стороны поэтов, но интерес со стороны публики. Его сочинение было посвящено походу аргонавтов за золотым руном, что давало возможность организовать сюжет в форме маршрутного описания путешествия и приключений аргонавтов. При этом Аполлоний более или менее естественно мог поместить в поэму множество подробностей географического, этнографического и этиологи-

ческого характера, наряду с подробно разрабатываемыми им эпизодами мифологического характера, в которых он следовал древней традиции, рационализируя многие места легендарного предания в духе своего времени.

Именно такой характер его поэмы, сочетающий поэтическую традицию и эллинистическую учёность, определил «качество» его сведений об Африке, количество которых сравнительно невелико, но многие его показания содержат ценные уточнения в областях мифического африканского предания и реальных знаний о некоторых участках североафриканского побережья (главным образом, о районе Большого и Малого Сиртов, озера и реки Тритон и др. мест, куда вынуждены были приплывать аргонавты в своём путешествии, которое, кстати, даёт абсолютно точное описание реальных плаваний мореходов Средиземноморья в восточной части моря к берегу Африки). Поэтому из «Аргонавтики» мы получаем достаточно много сведений о Ливии, Сиртах и других географических пунктах севера материка, а также о ливийцах и античных ливийских божествах и духах, гарамантах — самом могущественном народе этого региона северной Африки, упоминания об эфиопах и другие подробности, не позволяющие проигнорировать этот источник.

Среди прозаических жанров античной художественной литературы, являющихся источником небезыntenесных сведений об Африке, следует назвать произведения баснописцев и паремнографов (авторов пословиц). В жанрах пословиц и басен хорошо отразился и общий уровень знаний греков об эфиопах и, главное, восприятие их общественным сознанием и отношение к африканцам в повседневной жизни.

Африканские мотивы в пословицах немногочисленны; в частности, наиболее частой темой является обыгрывание наружности эфиопов и цвета их кожи. Мотив «отмыть эфиопа добела» — основной «африканский» мотив античных пословиц. Эту пословицу можно найти во всех сборниках: у Макария (V, 50), Диогениана (I, 19), Апостолия (I, 68)<sup>17</sup>. В других пословицах говорится о нравах ливийцев и эфиопов (Николай<sup>18</sup>), или о том, что «узнают эфиопа по его лицу» (Apostolios VI, 90).

Среди баснописцев, разумеется, хронологически и по значению, и популярности, на первом месте стоит полулегендарный Эзоп, живший и творивший, согласно античной традиции, в VI в. до н.э. Сочинения его дошли в позднейшей фиксации у Деметрия Фалерского (III в. до н.э.). Его басня «Эфиоп», главный персонаж которой — чернокожий раб, представляет собой иллюстрацию к пословице о том, что эфиопа не отмоешь добела<sup>19</sup>.

Эфиопские мотивы интересно представлены в особой группе произведений античной художественной литературы — в сочинениях жанра античного романа. Античные романисты с I в. н.э., с романа об Антии и Габрокоме Ксенофонта Эфесского до позднейших авторов — Евстафия, Гелиодора и Ахилла Татия<sup>20</sup>, большое место отводили эфиопам и их стране. Сведения,

в этих произведениях содержащиеся, самого разного характера, часто относящиеся к области вымысла, иногда повторяющие некоторые мифологические представления, восходящие к древней «африканской» традиции идеализирующего и сказочного характера, но наряду с этим и вполне отражающие уровень современного знания об этих удалённых местах Африки и её жителях, природе их страны, её животном мире, природных богатствах, верованиях и нравах. Кроме всего прочего, африканская тема античного романа позволяет с большой степенью достоверности понять место Эфиопии в обыденном массовом сознании и философских, социальных и политических теориях античности.

Группа источников, входящих в рубрику научной (нехудожественной) литературы, чрезвычайно объёмна и многожанрова и содержит подавляющую массу сведений об Африке.

Африканская проблематика разрабатывалась в них в самых разных направлениях и контекстах, актуальных для античного научного знания, в результате чего в этой группе источников собраны сведения, имеющие отношение как к вопросам географии Африки, этносам, её населяющим, изучению их обычаев, образа жизни и установлений, африканской истории, так и к области естественно-научной с её интересом к природе в широком смысле слова: растительному и животному миру, природным богатствам, климату и т.д.

В связи с уже отмеченной зыбкостью границ между отдельными жанрами античной научной литературы возможно лишь условное причисление того или иного автора к одному из жанров, что неудивительно, учитывая синтетический и универсальный характер древней науки. Важно отметить только то, что представители античного научного знания с момента его возникновения и на всём протяжении существования до конца античности активно разрабатывали африканскую тематику, способствуя процессу изучения и познания южного континента.

Один из первых профессиональных учёных Греции — логограф конца VI — начала V вв. до н.э. Гекатей Милетский, родоначальник античной географии и истории, в своём не дошедшем полностью сочинении *Περίοδος γῆς* — Обход Земли — выработал связную и цельную картину мира, основанную на всей совокупности знаний своего времени. Как теоретик — географ и картограф, он оказал сильнейшее влияние на позднейших авторов, которые обильно цитировали его, ссылаясь на его авторитет, хотя в последующие эпохи, с накоплением реальных знаний о мире, и вступали с ним в полемику. Африка в гекатеевой картине мира, описанной в его труде, состоявшем из двух книг, посвящённых трём частям Земли — Европе, Азии и Ливии, описывалась как крайняя южная часть мира, знания о которой у Гекатея были ещё сравнительно невелики, большая их часть представляла

собой мифологические и сказочные подробности, но сведения отражали уже реальное знакомство греков с этой частью света.

Гекатей известен нам по цитатам в античной литературе и собраниям фрагментов греческих историков Ф. Якоби и К. Мюллера<sup>21</sup>. Кроме общих сведений о Ливии и данных по лучше и дольше знакомым районам Северной Африки, в ряде мест гекатевого сочинения содержатся некоторые сообщения о географии и «городах» Эфиопии, упоминаются названия эфиопских племён, говорится о пигмеях, живущих за крайними границами Египта около Океана (ср. FHG, fr.265 /sciapodes — эфиопское мифическое племя «тененогих» — людей с огромными ступнями, которыми они прикрывались от палящего солнца/, fr.266 /пигмеи/, fr.267 /об острове Nysaias в Эфиопии/, fr.268 /о мармаках, эфиопском племени/, fr.320 /о городе Ianxuatis в Ливии, населённом чёрными эфиопами и египтянами/). По реконструируемой карте Гекатея, «глубина» африканского континента чрезвычайно мала, а его очертания полностью произвольны, за исключением небольшого участка средиземноморского побережья, издавна освоенного греками.

Через полтора столетия после Гекатея, в карте мира Дикеарха (355–285 гг. до н.э.) протяжённость Африки уже продлена далеко на юг, гораздо выше Сиены (Jacoby, FGrH III B, p.1, 195, 262, 305, 370, 696)<sup>22</sup>.

От величайшего географа античности Эратосфена (284–192 гг. до н.э.) дошли только отдельные фрагменты и многочисленные ссылки на него в античной литературе. Эратосфен, уроженец Кирены — первого греческого города на африканской земле, был библиотекарем Александрийской библиотеки, и его авторству принадлежит одна из первых карт мира с долготными и меридиональными измерениями земли. Как и его сочинения, карты также не сохранились, но имеющиеся реконструкции показывают значительный прогресс в знаниях об Африке в сравнении с начальными этапами её изучения<sup>23</sup>.

В контексте рассматриваемой темы следует назвать также имя знаменитого географа II в. до н.э. Гиппарха Никейского (190–120 гг. до н.э.), который синтезировал теории греков и вавилонскую географическую традицию, используя при картографировании геометрическую проекцию. Его утраченные сочинения известны благодаря его последователю, Посидонию Апамейскому, адаптировавшему его труды<sup>24</sup>. Правда и сочинения Посидония (около 100 г. до н.э.) не дошли, но известны благодаря очень обильному цитированию и подробному изложению у Страбона, а также по сохранившимся в других местах фрагментам<sup>25</sup>. Посидоний был чрезвычайно плодовитым автором множества разнохарактерных сочинений и оказал огромное воздействие на последующую науку. С научными целями он много путешествовал: объездил весь Запад, был в Египте, производя географические, астрономические и этнографические наблюдения. Его географические и астрономические изыскания (о шаровидности Земли и об океане), а также

исследования исторического и этнографического характера, отразившиеся в огромной «Истории» в пятидесяти двух книгах, являвшейся продолжением труда Полибия, давали много нового для изучения Африки и создания более точного, научно строгого представления о ней (у него были сведения о ливийских реках, разливах Нила, полезных ископаемых, египтянах и эфиопах, Геракловых Столпах и форме Ливии и т.д.).

Наиболее близко были связаны с географическими трудами Посидония Гемин Родосский (70-е годы до н.э.) и Марин Тирский (середина II в. н.э.), также сообщавшие об Африке<sup>26</sup>.

Другие авторы-географы, описывающие или упоминающие Эфиопию, также в основном известны нам по фрагментам их сочинений, но их сведения чрезвычайно интересны и полезны. Назовём несколько имён: Харон Лампсакский (около 400 г. до н.э.), Далион (около 300 г. до н.э.), Аристокреон (III в. до н.э.), Бийон из Сол (III в. до н.э.), Симонид Младший (III в. до н.э.), Марцелл (конец III в. до н.э.)<sup>27</sup>. В сочинениях авторов этого круга встречаются важные подробности и новые сведения о глубинных районах Африки: например, Филон, автор III в. до н.э., описал путешествие по морю вблизи Эфиопии (FGrH III C, п.670, р.283; Strabo II, 1, 20), а псевдо-Демокрит сообщает об иероглифах Мероз (FGrH III C, п.672, р.284).

Большую роль в изучении Африки сыграл знаменитый александрийский математик, астроном и географ I в. н.э. Клавдий Птолемей, во многом, несмотря на имевшиеся в его теории заблуждения, подытоживший наблюдения античной географии и астрономии и создавший чрезвычайно подробную карту мира и Африки. Его собственные сведения в совокупности с данными по Африке и Эфиопии, накопленными предшественниками, позволили ему назвать наибольшее количество этнонимов африканских автохтонов, а также сведений о различных географических пунктах и поселениях не только на севере материка, но и в глубинных районах, в Эфиопии, как на востоке, так и на западе; ему принадлежит также систематизация основных географо-этнографических областей континента от Дельты Нила до крайнего запада вдоль средиземноморского побережья и, в южном направлении, глубинных районов с негроидным населением. Для проблем античной Эфиопии решающее значение имеют два сочинения Птолемея: «География» в восьми книгах и «Четверокнижие», сильно связанное в теоретическом отношении с Посидонием<sup>28</sup>.

Обзор географического жанра античной научной литературы невозможен без обращения к «Географии» Страбона, значительнейшего учёного писателя римского времени, содержание сочинения которого выходит далеко за рамки чистой географии, что даёт возможность рассматривать его и как представителя исторического жанра. Помимо того, что Страбон сохранил важные эксцерпты из утраченных географических и исторических сочинений, посвящённые Африке и Эфиопии, он добавляет в подытожи-

ваемую им традицию и множество собственных данных, полученных им непосредственно в результате автопсии во время нескольких экспедиций в Африку, а также сведения, добытые современными ему путешественниками и исследователями. Поэтому содержащиеся у Страбона сведения по Эфиопии и эфиопам имеют особую ценность (об изданиях Страбона и о его известиях — ниже).

Первое место среди авторов античного исторического жанра по праву принадлежит «отцу истории» Геродоту, с которого в отличие от практики предшествовавших логографов (включая самого великого из них — Гекатея) возникает рационалистическая критика тех мифологических преданий и непроверенных сведений, которые в начальный период жизни письменной истории с полной верой принимались за действительные факты и события. Разумеется, Геродот также несвободен от предшествующей традиции и часто повторяет совершенно неправдоподобные и просто сказочные сведения о людях и событиях, но он добросовестно предупреждает читателя, что передаёт всё, что слышал, но верить всему совершенно не обязан (II, 123; IV, 195; VII, 152). Геродот стремится к максимально полному учёту всех свидетельств, приводит все имеющиеся в его распоряжении версии, если они отличаются друг от друга; он использует разнообразные приёмы для добывания необходимого материала — привлекает письменные свидетельства предшественников, слушает и расспрашивает, сам путешествует, и на основании автопсии делает необходимые наблюдения и выводы<sup>29</sup>. Метод Геродота и объём его известий о Ливии и Эфиопии делают его сочинение одним из важнейших источников по данной проблеме не только потому, что оно даёт исчерпывающую сводку всего известного античному миру об Африке в V в. до н.э., но и потому, что вся последующая историческая традиция усердно пользовалась его трудом, повторяя его или полемизируя с ним, но в любом случае ориентируясь на его авторитет.

В хронологическом ряду исторической литературы выделяются последовательно четыре имени (и соответственно четыре эпохи), с качественно разнящимся объёмом знаний о «Чёрной» Африке. Первая фигура — Геродот (480–425 гг. до н.э.), подытоживающий в своём труде всё известное к последней четверти V в.; далее — Агатархид Книдский, важнейший автор по Эфиопии для II–I вв. до н.э.; затем — Диодор Сицилийский (91–21 гг. до н.э.), наконец — Страбон (64 г. до н.э. — 20 г. н.э.), книга которого, отделённая от времени Геродота четырьмя веками, представляет собой компендиум всего известного об Эфиопии античному миру к I в. н.э. О каждом из этих авторов можно сказать, что они дают наиболее представительные и исчерпывающие для своего времени сводки материалов, отражающие объём сведений античности о континенте и его населении в соответствующие исторические периоды.

Геродотовы сведения об эфиопах и их стране<sup>30</sup> находятся преимущественно в соприкосновении с египетским (II книга Истории) и ливийским (IV книга) логосами, хотя некоторые эфиопские пассажи и аллюзии содержатся и в других местах (III и VII книги). О характере данных может дать представление одно только перечисление тематики его сообщений: в египетском логосе (II, 28–34, 38, 100, 104, 110, 134, 176) содержится описание Эфиопии и истоков Нила, мест жительства эфиопов, путешествия насамонов в страну малорослых людей, упоминание крокодилов, об использовании при бальзамировании эфиопского камня, о пирамиде Микерина и колоссе в Мемфисе, сделанных из эфиопского камня, о восемнадцати эфиопских царях в Египте, о практике обрезания у эфиопов и египтян, о Сесострисе — единственном египетском царе, правившем Эфиопией. В книге третьей (III, 17–25, 94–97, 101, 114) сообщается о макробиях — долгоживущих эфиопах, самых красивых и лучших из всех людей, о «солнечном столе» эфиопов, об их стране и обычаях, о золотых оковах, пище и питье, гробницах из стекла и мумиях покойников, наконец, об отказе Камбиса от похода на эфиопов; о различиях эфиопов Африки (Ливии) и Азии, о том, что семя эфиопов, как и индийцев, чёрное, и что эфиопы живут напротив Куша. В IV книге истории, за пределами ливийского логоса (168–197), где даётся описание Северной Африки и ливийских народов, их занятий и обычаев, имеются следующие сведения (IV, 41–44, 183, 196–197): описание Ливии как части света, экспедиция финикийцев по приказу фараона Нехо вокруг Африки — из Красного моря, с возвращением в Египет через Геракловы Столпы; об эфиопах — соседях гарамантов, о четырёх народах, населяющих Африку: автохтонах — ливийцах и эфиопах, и иностранцах — финикийцах и греках. Ещё в одном месте (VII, 69–70) рассказывается об эфиопах в армии персов, их отличии от азиатских эфиопов, их вооружении и способе украшать тело гипсом и киноварью.

Даже тезисное перечисление геродотовых сведений об Эфиопии показывает всю широту интереса греков к разным сторонам жизни обитателей этой страны и достаточно большое количество свидетельств о ней.

Многие греческие историки знают об Эфиопии, но сообщают о ней чрезвычайно скупо, иногда давая только упоминание, необходимое, по их мнению, в связи с конкретным содержанием их сочинения. Эти упоминания, однако, имеют важное значение, поскольку за ними можно рассмотреть гораздо больший объём информации об Африке, чем автор считает необходимым сообщить.

Так, Ксенофонт (429–355 гг. до н.э.) в «Киропедии», описывая границы империи Кира, сообщает, что на юге персидская держава соседствует с Эфиопией (Cynopædia VIII, VI, 21).

Эфор (363–300 гг. до н.э.) — автор универсальной истории, охватывающей время с 1104 по 340 гг. до н.э. Страбон (Strabo I, 59), вспоминая из-

вестное место из Гомера (*Odys.* I, 23) и комментируя его, приводит место из Эфора, согласно которому эфиопы обитают в меридиональном регионе земли и места обитания их гораздо суше, чем у индийцев или кельтов (*FHG* I, p.244). Это свидетельствует о том, что Эфиопия с её климатическими особенностями была настолько хорошо известна, что её называли в качестве примера в сопоставлении разных регионов мира для иллюстрации положений климатической теории.

Тимей (IV–III вв. до н.э.) упоминал Африку как третью часть света, наиболее пустынную (*Tim. fr.* 134 — *FHG* I, p.226).

Полибий (210–125 гг. до н.э.), один из наиболее авторитетных античных историков, часто цитировавшийся последующими писателями, много внимания в своих трудах уделял Африке, которая была ему известна и по литературным источникам, и по собственному впечатлению. В составе его монументального труда описанию континента была посвящена не дошедшая до нас XXXIV книга — «Объезд Африки», содержащая сведения, основанные на автопсии. В одном из сохранившихся мест своей «Истории» Полибий утверждал, что никому не известно, омываются ли части Африки за экватором морем, или они граничат там с какой-то сушей (III, 38). Это место показывает научную добросовестность Полибия, не берущегося утверждать факты, им самим не установленные, и даёт представление об одной из глобальных теорий того времени, демонстрирующей незнание греками частей Африки, лежащих южнее экватора. Сведения о путешествии Полибия по Африке (а значит, и представление о содержании утерянной «африканской» части его труда) имеются в резюме Плиния Старшего (*Plin. N.H.* V, 1–10)<sup>31</sup>. В сохранившихся книгах Полибия есть множество сведений о Северной Африке, особенно о нумидийцах.

Интересные данные об Эфиопии, Ниле и эфиопах дают сочинения историка III в. до н.э. Арриана, который сравнивал природные условия, флору и фауну Индии и Эфиопии, а также сопоставлял физический тип индийцев и негроидных эфиопов и образ жизни тех и других, демонстрируя хорошее знакомство с предметом<sup>32</sup>.

Ценным источником по Эфиопии является «Перипл Эритрейского моря» Агатархида Книдского (II–I вв. до н.э.), резюме которого имеется у Диодора Сицилийского и Фотия в «Библиотеке»<sup>33</sup>. Агатархид был в Египте при дворе Птолемея и совершил путешествие на юг, где изучил язык эфиопов. Его сведения об эфиопах и их стране разнообразны и достоверны и содержат данные по флоре и фауне южных районов Африки, а также о населении, его занятиях и некоторых установлениях<sup>34</sup>. Сведения Агатархида часто использовали другие историки, высоко оценивая его достоверность (*Diodor.* III, 11; *Strabo* XVII, 789, 816; *Plin. N.H.* V, VI; *Iosephus Flavius, Contra Apion.* I, 8).

У сицилийца Кратеса (II в. до н.э.) в комментарии к гомеровскому месту об эфиопах (Hom. Odys. I, 22–26) содержится важное уточнение о двух группах эфиопов, одни из которых живут в Азии (Леванте), а другие — в Африке (в Куше и дальше к югу в самых отдалённых областях тропической зоны)<sup>35</sup>.

Важные сообщения по вопросу установления течения Нила и относительно Восточной Африки содержал труд Артемидора Эфесского, географа конца II—I вв. до н.э., который пользовался такой же известностью, как и его тёзка Артемидор Эфесский во II в. н.э. (автор знаменитой «Онирокритики» — толкователя снов — интересного источника для реконструкции характера античного обыденного сознания и представлений, дающего, кстати, также некоторые сведения о предрассудках античности, связанных с эфиопами). Артемидора Эфесского (GGM I, 566, 31; 574 sqq.) часто цитировали в последующее время (Diodor. III, 11; Strabo XVI, 769).

«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) — один из ценнейших источников по античной Эфиопии, аккумулировавший в себе всю имевшуюся в распоряжении науки того времени информацию по «Чёрной» Африке<sup>36</sup>. Литературная деятельность Диодора, уроженца сицилийской Агиры, пришлась на эпоху Юлия Цезаря и Августа. Он путешествовал, посетил Египет — заповедную страну, где античные авторы издревле получали основную массу своих знаний об Эфиопии (Diodor. III, 11). Огромный по величине, его труд охватывает время от основания Рима до Юлия Цезаря, описанное в сорока книгах, от которых сохранилось всего пятнадцать (I–IV и XI–XX) и фрагменты. Тем не менее и сохранившиеся свидетельства Диодора дают много интересного (I, 33 — о Мероэ; I, 54 — о Сесострисе в Эфиопии; II, 14–15 — об экспедиции Семирамиды против эфиопов, об обычаях эфиопов; III, 38–74 — большой экскурс, посвящённый Эфиопии).

Страбон (63 г. до н.э. — 23 г. н.э.), выходец с Понта, большую часть жизни провёл в Риме, однако совершил несколько экспедиций в Египет, поднимаясь вверх по Нилу вплоть до самой Эфиопии (XVII, 818), что придаёт всем его сведениям об эфиопах особую ценность. Семнадцать книг, составляющих его универсальную «Географию», представляют собой в жанровом отношении синтез исторического и чисто географического (описательного и теоретического направления) сочинений<sup>37</sup>. Африканская тематика универсального характера (от теоретических проблем географического и естественно-научного содержания до вопросов этнического состава, этнографии и социально-политического состояния автохтонных африканских народов) представлена в «Географии» не только в синхронном срезе, но и в диахроническом развитии, поскольку Страбон учитывает и использует сведения всех своих предшественников начиная с Гомера (укажем только собственно «эфиопские» места, не затрагивая других ливийских пасса-

жей: I, 1–2 — комментарий к гомеровскому рассказу об эфиопах; II, 3 — об Эфиопских горах; XVI, 769–775 — о племенах эфиопов; XVII, 785–829 — обширное описание Эфиопии и эфиопов, повествующее о флоре и фауне эфиопских стран, полезных ископаемых и природных богатствах, климате, городах и населении, их обычаях и занятиях). Количество и характер эфиопских свидетельств Страбона позволяют отчётливо представить реальный объём знаний античного мира об Эфиопии к первой четверти I в. н.э. и с полным основанием считать этот источник одним из основных как по содержанию, так и по достоверности.

Особую жанровую подгруппу греческих историко-географических письменных источников составляют периплы (оплывы), как называли сочинения, описывавшие морские путешествия вдоль берегов. Свидетельства моряков — периплы — и путешественников по суше — обходы земли (περίοδος τῆς γῆς) — широко использовались авторами исторических и географических сочинений. Большинство периплов нам известны благодаря обильному цитированию в трудах Геродота (II, 16; 20–23; IV, 42), Агатархида (GGM I, 11–195), Диодора (Diodor. III, 11), Страбона (Strabo XVII, 789–790; 816).

Подробности и редкие сведения о негрской Африке в периплах представлены в гораздо большем объёме, чем в других сохранившихся записях путешественников, поскольку часто им удавалось познакомиться с такими районами Африки, куда не могли проникнуть в пешем путешествии.

Основные периплы Африки, датирующиеся периодом от VI до середины II вв. до н.э. и хорошо известные античным учёным, следующие: Нехо, Ганнона, Скиллакса Кариандского и Полибия. Подробный перипл Эритрейского моря, содержащий важные сведения о красноморском побережье и некоторых районах Восточной Африки, относится уже ко II в. н.э., когда эти районы были уже освоены и по сухопутным путям.

В силу особой важности этого рода источников для изучения самых труднодоступных районов Чёрной Африки, перечислим все известные периплы в их хронологической последовательности.

Перипл Нехо (609–593 гг. до н.э.). Об этом самом древнем морском походе вокруг африканского материка из Красного моря в южном направлении и с возвращением через Гибралтарский пролив и Средиземное море в Египет, совершённом по приказу фараона Нехо финикийскими мореходами (действительно бывшими самыми знаменитыми мореплавателями Средиземноморья), сообщает Геродот (IV, 42).

Перипл Ганнона (конец VI в. до н.э.). Был совершён царём Карфагена, который был одновременно мореходом, вместе с ливийцами за Столпы Геракла вдоль западного побережья Африки вплоть до Гвинейского мыса (Κόλπος Νότου Κέρας). Этот перипл был известен грекам в переводе с пунийского оригинала уже в очень раннее время (GGM I, p.1–14 с ком-

ментариями и пролегоменами о Ганноне Карфагенском р. XVIII–XXIII). Сохранилась и античная карта этой экспедиции (GGM I, Tab.). Перипл Ганнона упоминают и используют многие авторы (Plin. N.H. II, 69; Pomp. Mela III, 93; Plin. N.H. V, 8; Arrian., Ind. 43, 11–12; GGM I, p. 369 M; GGM I, p. 565 M). За Столпами Геракла Ганнон с карфагенянами основал города ливо-финикийцев (nn. 1–18: напр., Thymiaterion, Gytte, Acra, Melitta, Arambis), а по пути видел на побережье много диковинного — слона, «диких» эфиопов, живущих по соседству с ликситами-номадами, расположившимися вдоль большой реки Ликс, узнал о том, что в горах обитают племена троглодитов и пр. В целом здесь множество интересных известий о местах, которые на карте и много времени спустя продолжали оставаться белыми пятнами.

Перипл Скиллак(с)а Кориандского (521–486 гг. до н.э.). Это перипл западного побережья Африки, совершённый от Суэцкого перешейка вдоль всего средиземноморского побережья, а затем, после выхода в Атлантический океан (за Столпы Геракла) — вдоль западного побережья. Это плавание упоминается часто — Herod. IV, 44; GGM I, 52–53; 81, 96; FHG III, 183; FGn III C, n. 709.

Перипл Сатаспа (486–465 гг. до н.э.). Был совершён персом Сатаспом в царствование Ксеркса из Египта до Геракловых Столпов, а затем прямо на юг до мыса Солуэнт, о чём сообщает Геродот (IV, 43).

Перипл Неарха (между 327 и 325 гг. до н.э.). Неарх, друг Александра Великого и адмирал его флота, спутник Александра во время похода в Индию, совершил несколько исследовательских морских экспедиций вдоль берегов Индии и Аравии. Незадолго до своей смерти Александр поручил Неарху совершить путешествие для открытий на побережьях вдоль Аравии и Африки, которое осталось не осуществлённым по причине смерти царя. О морских экспедициях Неарха сохранились сообщения у Арриана (Arr. 7, 19 sqq., 25) и Плутарха (Plut., Alex. 75).

Перипл Эвмена из Массилии (около 320 г. до н.э.). Известно, что этот мореплаватель совершил плавание вдоль западного побережья Африки; конечный его пункт неизвестен (Doxographi graeci. ed. H. Diels. p. 385, 634).

Перипл Полибия (145 г. до н.э.). Сообщение об этом плавании вдоль западного побережья Африки содержится у Плиния (Plin. N.H. V, 1), который излагает сведения Полибия об эфиопах, фарусиях, реке Ликс, Дарате, гиппопотамах<sup>38</sup>.

Перипл Эвдокса из Кизика (116–106 гг. до н.э.). Посвящён плаванию вдоль западного берега Африки; известия о нём сообщают Страбон (Strabo II, 98), Плиний (Plin. N.H. II, 67), Помпоний Мела (Pomp. Mela III).

Перипл Агатархида Книдского (около 110 года до н.э.). Его маршрут проходил из Египта по Эритрейскому (Красному) морю, по-видимому, с

выходом в Индийский океан и экспедицией к берегам Восточной Африки. О нём сообщают Диодор (Diodor. III, 11) и Фотий (PG CIV, 1–7).

Перипл Артемидора (около 100 г. до н.э.). Описывает морскую экспедицию по Красному морю — главному узлу афро-азиатской и афро-азиатско-средиземноморской торговли (Strabo XVI, 774).

Перипл Красного моря (конец I — начало II вв. н.э.). Перипл содержит много сведений, полученных во время плаваний по Красному морю и Индийскому океану на юг, примерно до острова Занзибар — GGM I, 257 sqq.

Характерная особенность античной исторической и географической традиции — ориентировка на авторитет предшественников и склонность к повторению и компиляции собранных ими сведений — обеспечила не только живучесть самой этой традиции, но и сохранение многих ранее собранных материалов, которые находились зачастую в книгах, безвозвратно утерянных. Поэтому так полезны труды исторического и географического жанров на греческом и латинском языках римской эпохи, в которых наряду с новейшими знаниями об Африке отражены и сведения греческих авторов предшествующего времени.

В сочинениях Юбы (50 г. до н.э. — 23 г. н.э.) содержится много цитат из Афиней, Диона Кассия, Плиния Старшего, Татия и Аммиана Марцеллина (FGrH III A, n.275, p.127–155). Среди его сообщений об Эфиопии можно назвать пассаж, восходящий к сочинениям Плиния и Аммиана Марцеллина, о стране Эфиопии (p.142 sqq.); об эфиопской фауне — слонах, львах, змеях и птицах (p.146); флоре (p.149–150); жемчуге и драгоценных камнях (p.150–151); относительно обычаев эфиопов (p.151–155).

У Помпония Мелы (около 30–40-х годов н.э., во времена Калигулы и Клавдия) в его компилятивном сочинении под названием «Хорография» или «О местах земли» (Chorographia = De situ orbis) в трёх книгах представлены excerpts и пересказы таких авторов, как Эфор, Геродот, Гиппарх, Корнелий Непот, и даётся сжатая версия перипла Ганнона<sup>39</sup>. Большая часть его сведений касается Северной Африки: I, IV — об Африке в целом, I, V — о Мавретании, I, VII — о Римской Африке, I, IX — о Египте и первой части Азии; однако III, IX и X посвящены «Чёрной» Африке в целом, а также западному побережью континента.

Филон Александрийский (25 г. до н.э. — 50 г. н.э.) — иудейский александрийский философ, стремившийся использовать разные школы античной философии в создававшейся им самой философской системе, сохранил ряд «эфиопских» свидетельств в своих сочинениях<sup>40</sup>. Разного характера сведения об Эфиопии у Филона представляют безусловный интерес: Philon. I, 83, 13; II, 98, 18; IV, 143, 2; VI, 128, 13; Comment. Allegor. I, 77, 10; 78, 23; 79, 4; 103, 18–23).

Важные свидетельства в связи с эфиопами дошли в произведениях еврейского историка римского времени Иосифа Флавия (37–100 гг. н.э.): *Antiquit. Iudaic.* II, 10; 16; VIII, 10, 3; *Bellum Iudaic.* II, 16; *Contra Apion.* I, 8–10; 22).

В связи с последними двумя авторами упомянем такой значительный разновременный источник, как тексты Библии, в полной мере отражавшие знакомство с эфиопской линией в античной письменной традиции. Этот источник — отдельная тема для исследования, однако было бы ошибкой оставить его совсем без внимания. Теме Куша и эфиопов-кушитов посвящены следующие места: *Gen.* II, 13; X, 7–8; *Isaia* XVIII, 1; XLIII, 3; XLV, 14; *Ezeck.* XXIX, 10; *Esth.* I, 1; VIII, 9; *Ierem.* XXXVIII, 7–13; XLVI, 9; *Num.* XII, 1 sq.; *Ps.* 68, 32; 87, 4; *Iob.* XXVIII, 19; *Acta Ap.* VIII. Сведения о Египте и Африке содержатся и во многих других местах, например: *Iudith.* I, 9; *Esther* I, 1; VII, 9; XIII, 1; XVI, 1 sq.; *Ezeckil.* XXIX, 10; *Isaia* XXXVII, 9 sq.; *Ierem.* XXXVIII, 7–13<sup>41</sup>.

В ряду памятников научной античной литературы выделяются труды греческих философов, многие из которых обращались к эфиопской теме в своих сочинениях. Философские трактовки этой темы греческими мыслителями во многом определяли и сам процесс греко-африканских контактов и отношение античности к варварам — африканцам. Помимо этого, упоминания об эфиопах и их странах в философских трудах, равно как и в других памятниках письменности, дают представление об уровне знакомства с Африкой в соответствующее время. Здесь уместно ограничиться лишь двумя именами философов, сыгравших решающую роль в становлении двух типов отношения античности к эфиопам, а именно: Ксенофана и Аристотеля. Что касается других имён, то их сочинения, безусловно, учитываются в общем корпусе античных источников по Африке в зависимости от наличия в них африканских мотивов, поскольку они встречаются отнюдь не у всех авторов. Например, у великого афинского философа Платона (429–347 гг. до н.э.) очень мало упоминаний об эфиопах, вроде случайного замечания, что они вместо денег пользуются гравированными камнями (*Plato, Eryxias* 400b).

Ксенофан Колофонский (570–480 гг. до н.э.) — философ, поэт и рапсод, учитель Парменида и современник Пифагора, был первым, кто в античной традиции использовал ставшую впоследствии общим местом антитезу «скиф — эфиоп», при помощи которой иллюстрировал тезис об условном характере понятия красоты. Эта антитеза, подразумевающая представление о зависимости физического типа человека только от природных и климатических условий, легла в основание позднейших античных теорий — климатической и об изначальном равенстве всех людей, которые сыграли решающую роль в формировании толерантности греков в их отношении к не-грекам, их принципиальную терпимость к расовым различиям.

Популярность названного эфиопско-скифского сопоставления Ксенофана (fr.16)<sup>42</sup> была чрезвычайной: его постоянно цитировали и использовали в теоретических построениях позднейшего времени.

У величайшего философа античности Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) интерес к эфиопам и Эфиопии был чрезвычайно велик, что подтверждается большим количеством африканских тем и известий в его трудах. Именно из сочинений Аристотеля нам известна античная поговорка, согласно которой «Африка всегда приносит что-нибудь новое» — καὶ λέγεται δὲ τις παροιμία, ὅτι ἀεὶ Λιβύῃ φέρει τι καίνον (Aristot., Hist. anim. VIII, 606b, 17 sqq.) — в латинской версии — «semper aliquid novi Africam adferre» (Plin. N.H. VIII, 16, 42)<sup>43</sup>. Аристотель, вспомнивший её в связи с рассказом о многообразии животного мира Африки (вне зависимости от того, вкладывал ли он в неё негативный смысл, имея в виду, что это новое — нечто страшное или плохое), фактическим своим творчеством показывает, что за «африканскими новостями» он следил внимательно и заинтересованно, неизменно привлекая свидетельства из различных областей «африканистики»: у него есть данные о природе, флоре и фауне Африки, о её населении, подробностях социальной жизни, об особенностях антропологического типа эфиопов и др. Эта сторона его творчества, подчинявшаяся только любознательности и добросовестности учёного естествоиспытателя и философа, не зависела от его теории о рабстве по природе и антагонистической концепции двух миров — греческого и варварского, на основе которой античный мир вырабатывал вторую из упомянутых линий в отношениях к варварам (в том числе, естественно, и к эфиопам) — ксенофобскую линию нетерпимости и враждебности. Объём известий по Эфиопии у Аристотеля велик, а содержание их, как отмечено, разнообразно: он сообщает, что расстояние от Эфиопии до Меотидского озера и до скифов равно расстоянию от Столпов Геракла до Инда (Meteorolog. I, 5), что для климата Эфиопии характерны ураганы (Meteorolog. I, 12); передаёт историю о том, что некая эфиопка и сицилиец родили ребёнка, который не был чернокожим, но когда у него, в свою очередь, родился ребёнок, то он был эфиопом по наружности (De generat. animal. I, 18); опровергает утверждение Геродота (III, 101) о том, что семя у эфиопов чёрное (Hist. animal. II, 2); указывает, что воздух в Эфиопии сухой (Hist. animal. V, 3); рассказывает о змеях Эфиопии (Hist. animal. I, 5); описывает наружность эфиопов, отмечая их чёрную кожу, белые зубы, тёмные ногти и курчавые волосы (Hist. animal. III, 9); объясняет, что молоко чёрных женщин такое же, как у белых (Hist. animal. III, 12); рассказывает, что овцы и козы в Эфиопии живут очень долго (Hist. animal. VI, 19); проявляя интерес к социальной жизни и обычаям, повторяет известие о том, что царей эфиопы избирают по их красоте, силе и росту и т.д. Вся совокупность его знаний об Африке даёт верную картину знакомства греков с негрской Африкой в эту историческую эпоху.

Сведения об Эфиопии содержатся у авторов — мифографов, доксографов, грамматиков и медиков, представляющих другие нехудожественные жанры античной литературы.

Авторы медицинских сочинений известны преимущественно по собранию медицинских текстов, носящему название Гиппократова сборника — по имени великого врача древности Гиппократ Косского (460–372 гг. до н.э.)<sup>44</sup>. Многие сочинения, входящие в сборник и приписываемые Гиппократу, принадлежат другим авторам — его ученикам и последователям, которых объединяет принадлежность к школе Гиппократ. Так, одно из сочинений Гиппократова сборника — «О воздухе, водах и местностях», третья часть которого, посвящённая отдельно Африке, не сохранилась, принадлежало не самому Гиппократу, а автору, получившему имя псевдо-Гиппократ. Эфиопские известия авторов-медиков относятся в основном к описаниям природно-климатических особенностей Африки и различных фармацевтических средств, поставляемых оттуда. Например, об эфиопском тмине, сильном лечебном средстве (Hippocrat., vol. VII, p.139; vol. VIII, p.387), или об особом эфиопском корне (ibid., vol. VII, p.417).

Другой медицинский автор — Асклепиад (около 110 г. до н.э.), комментируя свидетельство Геродота о продолжительности жизни эфиопов, говорит, что эфиопы становятся стариками в тридцать лет<sup>45</sup>.

Ссылается на это сообщение Асклепиада и один из натурфилософов, доксограф I в. н.э. Аэтий — V, 30, p.443<sup>46</sup>. Сообщает этот автор и том, что Нил наполняется от снегов, тающих в горах Эфиопии (IV, 1, 2–6).

В сочинениях авторов-мифографов также хорошо отразились уровень знакомства греков с античной Эфиопией и отношение к африканцам, прежде всего на уровне обыденного сознания. Среди авторов этого жанра отметим Аполлодора (II–I вв. до н.э.), автора сочинения «Библиотека» в трёх книгах, который затрагивает эфиопскую тему с связи с разработкой мифов о Кефее (II, 1), чьё царство он помещает в Африке, Персее (II, 4) и Тифоне (III, 12), чьи приключения происходили там же<sup>47</sup>.

Сочинения грамматического жанра, зародившегося ещё в конце V в. до н.э. и достигшего своего пика в эллинистическую и римскую эпохи, дают некоторые редкие подробности по африканской тематике. Являясь представителями дисциплины языковедческой и литературоведческой, занимаясь комментированием и подготовкой «критических изданий» произведений греческой литературы, грамматики сохранили в своих трудах множество эксцерптов, глосс или пересказов и упоминаний об утраченных произведениях, в том числе географических и исторических. Они создавали многочисленные комментарии к важнейшим произведениям античной литературы (схолии), собирали редкие выражения и слова, составляя словари (глоссарии), писали жизнеописания знаменитых авторов. Поэтому

интересные данные об Эфиопии и эфиопах часто содержатся в словарях и схолиях<sup>48</sup>.

Вследствие неразрывности греческой и латинской литературной традиции (о чём уже неоднократно говорилось) во многих случаях для получения отчётливой и полной картины о знаниях греков и античного мира в целом об Эфиопии и эфиопах нельзя обойтись без привлечения произведений латинских авторов. В частности, греческая научная традиция об Африке была бы недостаточно прояснена без трудов Плиния Старшего (27–79 гг. н.э.). Его «Естественная история» — *Naturalis Historia*<sup>49</sup>, состоящая из 37 книг, включает совокупность всех римских сведений об Африке и практически полную сводку греческих данных. Энциклопедический характер этого сочинения, считающегося наиболее полной и лучшей компиляцией сведений античности об Африке, обусловил чрезвычайную широту содержания приведённых у Плиния материалов, в которых наряду с естественно-научными имеются и этнографические данные. Об этом свидетельствует содержание даже только нескольких мест его книги: данные о средиземноморском побережье Африки от Нила до Мавретании (V, 1–11); о Красном море, троподитах и Эфиопии — на основании сведений римского времени и данных Геродота, перипла Ганнона, Агатархида, Страбона и других авторов (VI, 33–38); о фауне Ливии и Эфиопии (VIII, 24, 32); флоре Эфиопии (XIII, 38); драгоценных металлах (XXXIII, 15); драгоценных камнях (XXXVII, 25–30) и др.

Африканские свидетельства и мотивы в достаточно большом количестве содержатся и в сочинениях римских историков, прозаиков и поэтов, органично вобравших в себя греческий опыт и наблюдения, что даёт все основания для использования их по мере необходимости в контексте изучения греческих письменных источников по Африке. В их числе окажутся такие разные и разновременные авторы, как, например, Вергилий (*Vergil. Aeneis* I, 489; IV, 480; *Georg.* II, 116–120 — об эфиопах, Мемноне, слоновой кости, гомеровские мотивы), Цицерон (*Cicero. Post reditum in senatum* VI — о чёрных рабах в Риме), Саллюстий (*Sallust. Iugurtha* XVII, LXXX — о западной Африке, Нумидии, гетулах, эфиопах), Овидий (*Ovid. Metamorph.* II, 325 — об Икаре с эфиопским цветом кожи), Лукан (*Bellum civile / Pharsalia* III, 253; IV, 334; X, 302–306), Силий Италик (*Sil. Ital., Punica* III, 268–273; VIII, 20), Тацит (*Tacit. Annal.* III, 73–74; IV, 23–26; 50) и многие другие, особенно ещё и потому, что многие свидетельства греков в период с I в. до н.э. были или подтверждены, или уточнены римлянами в процессе военных и исследовательских экспедиций во внутреннюю Ливию и Эфиопию.

Отдельную группу источников составляют греческие эпиграфические памятники, относящиеся к категории документальных свидетельств своего времени. Иногда, правда, встречаются надписи, сохранённые в литературных произведениях античных авторов, а не найденные археологами.

Надписи имеют самый разнообразный характер и могут относиться к разным жанровым видам — эпитафии, votивные, мемориальные, посвящённые разным событиям, бытовые; на них могут быть зафиксированы важные политические события с участием эфиопов, просто имена, сведения о роде деятельности и социальном статусе, об отдельных жизненных судьбах, могут быть надписи бытового содержания, сакрального назначения. Однако во всех случаях значение этого материала трудно переоценить, поскольку он даёт возможность получения достоверной информации об эфиопах-негроидах Африки в их взаимодействии с античным миром, их месте в нём, степени знакомства античного общества с их страной и т.п. Специфика этого вида источников заключается и в том, что они могут быть сделаны на различных природных объектах, предметах искусства и культовых памятниках, надгробиях или стенах зданий; они могут быть высечены на камне, выгравированы на бронзе, написаны краской на скалах или нанесены на керамику; это обстоятельство, кстати, иногда содержит в себе дополнительную информацию, важную для исследователя.

Один из специфически античных эпиграфических жанров — оракулы, относящиеся к герменевтической сфере письменной культуры. Оракулы ярко отражают повседневные представления античности, образ мыслей и основные черты обыденного сознания. Древнейшие оракулы, преимущественно от имени Сивиллы, сохранились в передаче многих авторов — Эврипида, Павсания, Варрона, в том числе у Платона (Plato, Phaedr. 244b), а также в эпиграфике, например, в эпиграфике Аттики IV в. до н.э.<sup>49</sup> В текстах этих оракулов имеются интересные упоминания об Эфиопии и эфиопах: III, 160; III, 205–210; III, 516; V, 183; VII, 16; VIII, 1–10; XIV, 284–289.

Африканские, в частности эфиопские, мотивы и свидетельства дают надписи, происходящие как из стран Средиземноморья — Греции и Италии, так и из стран африканского материка. В последних содержатся особенно ценные данные об эфиопах. Имеется несколько специальных изданий надписей с территории Африки — из Египта, Мероз, Адулиса и других мест — на греческом, египетском и латинском языках, которые делают их доступными для изучения<sup>50</sup>.

Среди грекоязычных надписей из Египта и Нубии, содержащих интересующий нас эфиопский материал, есть надписи из Александрии (n.1232, 1233), Канопы (n.1234), Каира (n.1235), Эдфу (n.1236), Филы (n.1237) и Адулиса (n.1239)<sup>51</sup>.

Кроме того, важны надписи Силко (I, n.201, p.303), из Пселхиса (I, n.202–208), Фил (I, n.209), Талмиса (I, n.210), Сиены (I, n.168)<sup>52</sup>.

Сведения о «греческой» Эфиопии, Египте и истоках Нила содержат надписи из Адулиса и Аксума, а также мероитские надписи<sup>53</sup>.

О нескольких надписях здесь стоит сказать особо. Прежде всего, это надпись из Абу-Симбела, датируемая началом VI в. до н.э. — древнейшая

греческая надпись в столь южных районах Африки<sup>54</sup>. Абу-симбельская надпись, свидетельствующая, что уже в VII в. до н.э. греки доходили до Нубии, напрямую соотносится со свидетельством Геродота об участии ионийцев и карийцев в экспедиции Псамметиха (II, 154)<sup>55</sup>. Другая надпись — из Эдфу — датируется концом III в. до н.э. и сообщает о некоем Лике, сыне Пирра Ахарнянина, который во времена царя Птолемея и царицы Арсинои отправился в поход за слонами (о слоновой охоте в связи со страной эфиопов писали многие античные авторы, например Диодор и Страбон). В надписи из Адулиса, III в. до н.э., относящейся ко времени победных кампаний Птолемея III Эвергета, рассказывается о слонах из страны троглодитов и эфиопов, которых обучили участвовать в войне<sup>56</sup>. Козьма Индикоплов в VI в. н.э. сделал копию двух надписей в Адулисе. Литературные источники, как было отмечено, широко обсуждали тему эфиопских слонов: *Periplus Maris Erythraei*, 3; *Agatharchid.* 84; 105; *Diodor.* III, 41; *Strabo* XVII, 768; *Pomp. Mela* III, 60; *Plin. N.H.* VI, 171; 220.

Надпись из Фил, датируемая 30–29 гг. до н.э., представляет собой трилингву — иероглифический, греческий и латинский тексты<sup>57</sup>. Она рассказывает о походе Гаия Корнелия Галла в Эфиопию и подтверждается другими письменными свидетельствами, в частности сообщением Страбона (*Strabo* XVII, 53; 819).

Ещё одна интересная надпись I в. до н.э.<sup>58</sup> показывает близкое знакомство античного мира с разными областями Африки. Она выполнена на латинском языке на солнечных часах, на которых отмечены названия сезонов и названия шестнадцати регионов, среди которых перечислены Африка, Египет, Эфиопия, Мавретания и страна насамонов.

Завершая общий обзор корпуса античных источников по Африке, необходимо дать беглую характеристику важной группы источников, относящихся к разряду невербальных и являющихся материалом вспомогательным и комментирующим основной корпус письменных; речь идёт об иконографических источниках, которые при условии применения для их интерпретации верных комплексных методик дают исследователю ценный материал по изучаемой проблеме.

Античные изобразительные материалы являются весьма информативным и ценным (к тому же прямым) историческим источником. Среди них имеется множество сюжетов и персонажей, посвящённых Африке и её жителям. Образ чернокожего эфиопа был излюбленным в античном искусстве, и начиная с очень раннего времени древние художники тщательно разрабатывали его, создав в результате особый художественный канон для достоверной, типизирующей и обобщающей передачи негроидного антропологического типа и созданного античной культурой в результате знакомства и контактов идеального образа чёрного автохтона южной части земли, который соседствовал с вполне реалистичными и конкретными изображениями

африканцев. Сохранившийся в произведениях античного искусства образ чёрного эфиопа (и вообще вся совокупность африканских мотивов) имеет большое значение для исследования вопроса о степени знакомства греков с Африкой и об отношении их к африканцам и их культуре.

По этой проблеме имеется достаточное количество специальных работ, в которых сделаны подборки и греческой «африканской» иконографии в разных жанрах античного искусства, и различных материалов (например, уже названные исследования Бердслея, Сноудена, Мвенга — прим. 1, 2).

Примыкают к этой группе источников и некоторые авторы, оставившие в своих произведениях словесные описания известных в древности памятников искусства; у них часто имеются описания картин, мозаик, статуй с изображением африканцев либо сделанных руками африканцев-художников. Среди таких авторов прежде всего Павсаний, Витрувий, Филострат, дающие нередко ценнейшие сведения о произведениях античного искусства, посвящённых африканской тематике.

Описание знаменитых статуй и картин имеются и у других авторов разного времени. Так, уже у Геродота в египетском логосе, содержание которого отражает традиционную древнюю греческую тенденцию восхваления Египта и возведения многих греческих достижений и культуры в целом к египетской, упоминаются изображения египетских фараонов. Показателен контекст геродотового египетского логоса, в котором находятся и интересующие нас сообщения о памятниках искусства: заявление о том, что греческие культы происходят с земли Африки, из Египта (II, 4), Геракл был по происхождению египтянин (II, 43), культ Диониса пришёл из Египта (II, 49), греческие боги — египетские, а Посейдон — ливийский бог (II, 50), свидетельство о дарах египетских царей греческим городам Эфесу и Сардам — рельефов с изображением Сесостриса и о переправе через Эгейское море на Самос и в Линд, вотивных статуй Амасиса (II, 182). Другие традиционные для античной литературной традиции африканские сюжеты египетского логоса в «Истории» Геродота (Елена в Египте, путешествие в Африку Менелая, странствие Одиссея, Мемнон и Эфиопия) были излюбленными сюжетами и в произведениях изобразительного искусства.

Павсаний (I, 8, 6; I, 9, 8; I, 18, 6) рассказывает о египетских статуях в Элладе, например, о сделанной в Египте статуе Птолемея в Афинах. Статуя Геракла и Тесея в Мессине была создана египетскими художниками (IV, 32, 1; VII, 5, 5).

В изобразительном искусстве, как и в литературной традиции, очень популярна была во все времена гомеровская эфиопская тема. Из всех её мотивов наиболее часто изображалось мифическое предание о Мемноне: Павсаний упоминает и скульптурные, и живописные примеры (I, 42, 3; X, 31, 5); сцена поединка Ахилла и Мемнона была помещена в сокровищнице Кипселла (V, 19, 7).

Тема Мемнона запечатлена в огромном количестве изображений, преимущественно на керамике, начиная с VI в. до н.э.; основной массив вазописи с мемноновым сюжетом (Мемнон и Эос, Мемнон и Ахилл) приходится на V в. до н.э., но вплоть до конца античности он не исчезает из африканского репертуара в изобразительном искусстве (исследования, каталоги, альбомы по этой проблеме — Mveng, *op. cit.*, p.80, n.5).

Столь же популярной в изобразительном искусстве была другая гомеровская тема, посвящённая пигмеям (Hom. *Iliad.* III, 2–6), которая чаще всего встречается в вазописи (Mveng, *op. cit.*, p.81), но представлена и в скульптуре<sup>59</sup>.

Негры как персонажи греческого изобразительного искусства, достаточно многочисленные в огромном художественном наследии античности, давно привлекали внимание исследователей, которые не только собрали все изобразительные объекты, посвящённые эфиопам, но и установили аутентичность различных типов негров в изобразительном искусстве греков (среди этих работ наиболее фундаментальны книги Лёвенхерца, Коллинсона, Бердслея, Сноудена, Мвенга; в двух последних имеются и библиография по проблеме, и отсылки к необходимым изданиям изобразительных памятников и музейных собраний<sup>60</sup>). Изучение типов африканцев, изображённых в античном искусстве, показало, что они в целом соответствуют (с поправкой на условность изобразительного языка и особенно различных изобразительных стилей) существующим ныне в Африке; причём идентифицируются антропологические типы из центральной, восточной и западной Африки. Другой важнейший пласт информации, заключённой в изобразительном материале, — это свидетельства, относящиеся к сфере социального статуса эфиопов в античном мире (кроме мифологических персонажей и легендарных героев здесь изображаются жрецы, актёры, рабы, музыканты, государственные деятели, женщины, дети и др.). Всё это придаёт этой группе невербальных источников чрезвычайно большое значение в разработке заявленной темы.

## 2. ЭТАПЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ОБЪЁМА ЗНАНИЙ ОБ АФРИКЕ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Как показывает предыдущая часть раздела, тема «Чёрной» Африки в античных источниках представлена достаточно широко начиная с самого первого греческого письменного памятника — гомеровских поэм, а знакомство с Африкой восходит ещё к доантичной эпохе. Одновременно глубина и объём реальных знаний о странах чернокожих автохтонов континента были неравноценными в разные исторические периоды существования античности: долгое время они имели выраженный мифологический харак-

тер (хотя и имели в своей основе конкретные сведения о предмете) и лишь в дальнейшем приобретали всё большую отчётливость, что находилось в прямой зависимости от расширения этнокультурных контактов этих двух соседних регионов Старого Света.

Задача этой части работы — наметить в первом приближении ход процесса увеличения знакомства с глубинными районами Африки, как он предстаёт при анализе корпуса источников, с тем чтобы по мере необходимости вернуться в соответствующих местах исследования к более систематическому рассмотрению выделенных здесь принципиальных проблем. Представляется, что неизбежные при таком методическом подходе возвраты к уже обсуждавшимся вопросам оправдываются возможностью дать более выверенные выводы и заключения.

В начале предлагаемого источниковедческого экскурса логично затронуть имеющую кардинальное значение проблему значения терминов ЭФИОП и ЭФИОПИЯ (с тем чтобы впоследствии вновь вернуться к её подробному рассмотрению).

Античные и современные лексикографы единодушны во мнении о том, что корень этого термина представляет собой композит от слов αἴθω и ὤψ, означающих буквально [человек] с «обожжённым [солнцем] лицом»<sup>61</sup>.

Кроме термина ЭФИОП — αἰθίοψ, αἰθιοπέυς, впервые зафиксированного у Гомера (Iliad. I, 423), в источниках используется также термин ЭФИОПИЯ — Αἰθιοπία (Quintus de Smyrne. Posthomerica, II, 32), Αἰθιοπία (Strabo XVII, 825), Αἰθιοπία (Herod. II, 30), а также термины ЭФИОПКА — αἰθιοπής<sup>62</sup>, ЭФИОПСКИЙ — αἰθιοπικός (Herod. II, 86; Strabo XVII, 821), ЭФИОПКА — Αἰθιοπός (Strabo XVII, 768), Αἰθιόπισσα (Num. XII, 1), ЭФИОПСКИЙ ВЫГОВОР — αἰθιοπίζων (Heliodor. X, 39) и другие формы (на аттическом или ионическом диалектах) и производные.

В слове «эфиоп» выражается идея «не-белого» человека. Этимология его греческих синонимов позволяет видеть в нём смысл некоей особой окрашенности кожи, в самом общем виде — смуглости, красноватости, цвета обожжённой кожи, земли, тёмного вина. Его сближают с определением μαυρός, μαυρός — «чёрный» (в совр. греческом языке — «чёрный, негр» — обозначение красного вина), от которого образовано название страны Маврусия. Здесь имеется связь и со значением гомеровского выражения αἴθοπτα οἶνον — вино цвета тёмного пламени (Hom. Iliad. IV, 259).

При рассмотрении палитры цветовых обозначений, употреблявшихся у греков для описания оттенков цвета кожи, расположение их на цветовой шкале в порядке нарастания интенсивности смуглоты и вообще окрашенности кожи даёт следующий ряд: κελαίνος (kelainos) (Iliad. I, 33 — чёрная кровь), ἐρεμνός (eremnos) (Iliad. XII, 375 — тёмный вихрь), αἴθων (aithon) (Iliad. XVI, 488 — тёмный красноватый бык), μέλας (melas) (Iliad. I, 300 — чёрный корабль, Odys. I, 423).

Здесь интересно отметить, что в палитре греков насчитывалось четыре основных фундаментальных семантически значимых цвета: белый — λευκόν, чёрный — μέλαν, красный — ἐρυθρόν, жёлтый — ὡχρόν. Об этом говорили такие греческие авторитеты, как Эмпедокл (Empedocles A 92 — FdV / Diels, I, p.172) и Демокрит, объяснявший, что эти цвета порождены взаимодействием космических элементов (Democrit. FdV / Diels I, p.372). Греческие воззрения на этот предмет хорошо согласуются с известным фактом наличия трёхцветной палитры основных цветов, свойственной всем культурам древнего периода существования человеческой цивилизации: белый, чёрный и красно-жёлтый.

Обозначения, расположенные рядом на цветовой шкале, в сопоставлении со словом ЭФИОП можно расценивать как описывающие разные оттенки кожи в одной тёмной гамме, свойственной людям из жарких стран — эфиопам. И наблюдения над античным узусом, и мнения большинства исследователей нового времени позволяют с уверенностью заключить, что этим термином греки обозначали негроидных африканцев, имевших разные оттенки тёмной и чёрной кожи. В приведённом ряду определений тёмного спектра цветов наиболее употребительным и самым интенсивно чёрным было слово melas, означавшее полную черноту (ср. τὸ μέλον — «чёрные чернила» (Plato, Phaedr. 276 C)). При всех различаемых греками нюансах окрашенности кожи они, видевшие неоднократно эфиопов наяву, естественно, считали их чёрным народом. Ко времени Геродота количество информации об эфиопах было уже столь значительно, что греки очень отчётливо и с учётом тонких антропологических различий представляли себе разные типы эфиопов.

Гомер помещает эфиопов (как уже было отмечено) в стране на самом южном краю земли, на востоке и западе; точного описания цвета их кожи он ещё не даёт, эта информация выводится лишь из самого значения термина эфиоп, указывающего на обожжённость солнечными лучами. Страна эфиопов идеальна, а сами они — безупречные люди, приносящие гекатомбы богам и возлюбленные ими. Смутность представлений Гомера о местоположении Эфиопии, которая всё же, даже если мы недооцениваем точности его знаний, их мифологичность, подкрепляется историей Мемнона (Odys. IV, 84–89), царя эфиопов, который и Гомером, и другими авторами, помещается то на востоке, то на западе, считается то азиатом, то африканцем (Aeschil. Frg. 140 / Dindorf; Strabo XV, 728).

Мемнон — неперенный (как уже отмечалось) персонаж и у поэтов-кикликов, и у Гесиода; позднее отзвуки киклических разработок образа Мемнона различимы в произведениях трагиков. Во всей этой группе источников эфиопы, безусловно, чёрный народ. Во всяком случае, после Гомера и Гесиода знания греков о южных странах ойкумены значительно обогатились и расширились, о чём свидетельствуют известные периплы,

совершённые различными представителями восточно-средиземноморской цивилизации уже в VI в. до н.э., а с конца VII в. до н.э. присутствие греков на африканском материке в непосредственной близости к районам, населённым негрскими народами, подтверждается эпиграфическими документами вроде надписи греческих купцов в Абу-Симбеле.

С VI в. до н.э. множество греков населяли греческие города в Египте, где издревле были представлены не только белые, но и чернокожие автохтоны; в североафриканских греческих колониях, прежде всего в Киренаике, также было большое количество негрского населения — эфиопов.

Обозначая термином «эфиоп» всё небелое население Африки, греки тем не менее, судя по сохранившимся описаниям с множеством антропологически важных деталей, умели различать разные типы африканских негроидов, как обитавших в верховьях Нила и на востоке континента, так и жителей центральных районов южнее Сахары и западно-африканских автохтонов. Об этом свидетельствуют выводы современных исследователей, проанализировавших греческие изображения, на которых ими опознаны антропологические типы, характерные для районов Сенегала и Конго, наряду с кушитскими, восточно-африканскими и эфиопоидными расовыми типами<sup>63</sup>.

В самой Греции уже с VI в. до н.э. было достаточно много эфиопов, чтобы в сфере обыденной психологии возникли устойчивые клише, основанные на обыгрывании их характерной антропологической приметы — чёрной кожи. Об этом свидетельствует творчество Эзопа, в XI басне которого из эзопова сборника, изданного в III в. до н.э. Деметрием Фалерским, описана история о попытке отмыть эфиопа добела, сокращённая впоследствии до чеканной формулировки популярной поговорки Αἰθίοπα σμήχων<sup>64</sup>.

Во фрагменте Эсхила (fr.389 — Nauck) эфиоп описывается как абсолютно чёрный — μελανοστέρφων γένος.

В сочинении Геродота даются столь точные описания эфиопов, что не возникает и тени сомнения в их негроидной принадлежности. Эти описания встречаются во многих местах, например, много раз подчёркивается такая важная деталь, как курчавость эфиопов — II, 104; IV, 55; VII, 70; в последнем случае говорится, что они — самые курчавые из всех людей. Такой доминирующий в любой идентификации признак негров, как чёрный цвет, привёл Геродота к ошибочному преувеличению, когда он утверждает, что у них даже семя чёрное (III, 101; VII, 70). Другой африканский народ, малорослые пигмеи, которых встретили насамоны во время своего путешествия в Центральную Африку, также описываются Геродотом как чёрные (II, 32: χρώμα δὲ μέλανας).

После Геродота, у Аристотеля и позднее у Арриана, эфиопы часто сравниваются с чёрными индийцами. Здесь отразилось не столько незнание, приведшее к настойчивому для долгих периодов античной истории

неразличению или смешиванию Эфиопии и Индии, сколько, напротив, хорошее знакомство с этими странами, схожими многими фаунистическими и флористическими реалиями, действительно одинаковым цветом кожи их жителей и, наконец, общей важной характеристикой — расположенностью на крайнем юге земли. И всё же греческие источники с V в. до н.э. идентифицируют эфиопов с негрским типом Африки.

Реальное содержание термина ЭФИОП (его антропологических характеристик и возможностей идентификации) неразрывно связано с выяснением реального наполнения понятия ЭФИОПИЯ.

Эфиопия, как показывает анализ источников, воспринималась как страна в Африке, населённая чернокожими эфиопами. Гомер располагает ещё довольно неясными сведениями, говоря о двух Эфиопиях — на востоке и на западе — и рисуя в целом сказочную страну (*Odys.* I, 22–26)<sup>65</sup>.

Подобно тому, как в отношении Мемнона, царя эфиопов, в греческой традиции существовало две версии — об азиатском и африканском его происхождении, и об Эфиопии, её местонахождении, было две версии. Отзвуки древнейшей теории о двух Эфиопиях сохранялись в греческой литературе довольно долго. Гомер в рассказе о долгоживущих эфиопах (*Odys.* I, 22–26) говорит, что поселены они «двойко»: одни — на Западе, другие — на Восходе (там, где рождается Аврора). Часть античных авторов и новейших исследователей трактовали Гомера в том смысле, что все южные страны, населённые чернокожими людьми, он представлял себе как нечто единое, объединяя индийцев и африканцев.

В эпоху Империи, что следует из «Географии» Страбона, этот вопрос был уже окончательно разрешён, и эфиопов восточных и западных воспринимали уже не как азиатов (индийцев) и африканцев, а только как африканских автохтонов из южных областей. Западных эфиопов понимали как обитателей западного африканского побережья, а восточных — восточного побережья и глубинных районов континента, т.е. в эти века античность делала чёткое различие между чернокожими людьми Африки и Азии.

Однако это различие проводили многие авторы уже гораздо раньше. Так, Геродот решительно противопоставляет эфиопов выше Египта азиатским и приводит перечень конкретных признаков, позволяющих легко различать их (*Herod.* VII, 69–70). На той же точке зрения стояли Арриан (*Indica* 6, 8), Диодор (III, 8) и Страбон (II, 103). Но часть античных источников по-прежнему не различали эти две группы «эфиопов», продолжая традицию Гомера.

При том что вопрос о локализации страны эфиопов у Гомера в общем достаточно ясен и ответ на него содержится в Илиаде (*Iliad.* I, 423–425; XXIII, 205–207), где сказано, что эфиопы населяли крайние южные области земли на берегу Океана, всё же общая нечёткость гомеровских сведений и некоторые указания в других местах его поэм дают основания для сомне-

ний. В частности, пассаж в Одиссее (Odys. IV, 84–89) о странствиях его по миру даёт контекст, породивший споры толкователей. Одиссей перечисляет посещённые им народы и страны: «Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта, // К чёрным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов; // В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются, // Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают; // В той стороне и полей господин и пастух недостатка // В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют...» Попытки идентифицировать названные народы производились неоднократно: некоторые комментаторы полагали, что эрембы также были чёрными эфиопами и читали это имя ἑρεμνοῦς (тёмные, чёрные) (Кратес). Византийские учёные полагали, что эрембы — это арабы. О сидонянах более единодушное мнение: они — финикийцы, основавшие в Северной Африке свои города Карфаген и Ликс. Однако предлагаемое на этом основании мнение, что и эфиопы мыслились в этом месте у Гомера как жившие вместе с этими выходцами из Азии где-то в Северной Африке, вряд ли может быть всерьёз принято<sup>66</sup>. Представляется, что именно контекст даёт возможность не сомневаться в том, что Гомер помещал эфиопов именно южнее Египта (названы эфиопы после Египта неслучайно), а его визит в Ливию (причём это имя здесь использовано Гомером именно в его узком значении — северное побережье Африки, а не весь континент) отнесён в перечислении в самый конец ряда, где и даётся картина благоденствующей ливийской (т.е., североафриканской) земли, как её традиционно описывали античные авторы.

В связи с вопросом об азиатских и африканских ливийцах заметим, что античная историко-этнографическая традиция приписывала им общих предков (Ioseph. Flav., *Antiquit. Iud.* I, 6, 2), но при этом чётко различала индийцев и эфиопов.

Ктесий (V–IV вв. до н.э.) в сочинении об Индии, не говоря специально об Эфиопии, а рассуждая об эфиопском животном — крокоте, говорит, что он более вытянут в длину, чем индийский<sup>67</sup>.

У Арриана<sup>68</sup> чётко различаются Индия и Эфиопия, помещаемая в верхнем течении Нила (6, 6, 8). Большинство античных авторов помещают Эфиопию в областях Верхнего Нила или в районах его истоков (Aeschyl. *Prom. vinct.* vv. 808–812; fr.304 / Nauck).

Геродот под Эфиопией понимает всю Чёрную Африку; она расположена выше Египта, начинаясь от Элефантины (II, 8, 29, 146), простирается вплоть до Красного моря (III, 17). Эфиопия — край ойкумены (III, 25), самая южная часть земли (III, 114).

Диодор располагает Эфиопию в верховьях Нила и на его островах, а крайние её границы простирает до Аравии на востоке и средиземноморского побережья Ливии на севере (III, 8).

В описании своего путешествия Агатархид говорит о двух Эфиопиях в Африке: в районе Верхнего Нила и на побережье Красного моря и на западном побережье Африки (GGM I, 117 sqq., n.10, 22, 30, 50).

В комментарии к гомеровским свидетельствам об Эфиопии у Страбона (I, 29; XVII, 768; 785; 788; 815) границы Эфиопии очерчены от Египта на севере до Океана, а от Океана эта страна простирается до Мавретании на западе континента; кроме того, Страбон в связи с этим описывает конфигурацию всего материка и место в нём страны эфиопов.

Ту же конфигурацию Африки даёт Помпоний Мела, причём его Эфиопия занимает всю центральную и южную часть материка и простирается с востока на запад, от океана до океана. В своём описании материка он помещает Эфиопию в ряд выделяемых им в Африке историко-географических зон: «северной части Африки мы дали название Ливия, к югу от неё — Эфиопия, к западу — Атлантика. Область напротив Ливийского моря, от Нила протянувшаяся, образует провинцию по названию Киренаика; далее идёт (к западу) район по имени Африка; остальное пространство занимают нумидийцы и мавры. Мавры населяют территорию вплоть до побережья Атлантического океана, ниже (южнее) них живут нигриты и фарусии, достигающие эфиопов. Страна же эфиопов простирается вплоть до границы с Азией и на юг» (Pomp. Mela I, 4).

Саллюстий в описании западного побережья северной Африки и напротив лежащего южного региона размещает эфиопов к югу от мавров и гетулов (Sallust. Bellum Iugurth. XVII–XIX). Иосиф Флавий помещает эфиопов иногда по всей Африке (Antiquit. Iud. I, 6; II, 5; X, 11, 1), иногда — по соседству с Египтом (ibid., II, 10).

Ближайшие южные соседи Египта — Напата и Мероэ — библейская страна Куш (египетское по происхождению имя которой встречается впервые в надписи Сесостриса III) — античной традицией включались в состав стран эфиопов.

Если попытаться обобщить ход становления карты античной Эфиопии и выделить в ней основные этапы, получим следующую картину. Гомер и гомериды понятиями «эфиоп», «Эфиопия» обозначали обитателей всего «чёрного» мира, включая сюда и чернокожих азиатов (прежде всего индийцев). В период между Гомером и Геродотом происходит уточнение понятий. У Ксенофана, Эзопа, Эсхила и других авторов VI — начала V вв. до н.э. термин эфиоп означает уже (благодаря более точному описанию антропологического типа, куда входит не только признак цвета кожи, но и другие важные характеристики) исключительно негроидов Африки. Начиная с Геродота все греческие авторы различают при сравнении «эфиопов» африканских и азиатских, опираясь на хорошее знакомство с африканскими эфиопами и привычность их физического облика.

Локализация страны эфиопов у Гомера может быть охарактеризована как неотчётливая, полностью отвечающая модели мифической географии и являющаяся её составной частью, символизирующей крайний южный предел ойкумены. В послегомеровское время, у поэтов-кикликов и трагиков, Эфиопия помещается в районе истоков Нила, в разных (в соответствии с локализацией истоков Нила) местах внутри континента. Начиная с Геродота Эфиопия помещалась в глубинных районах Африки южнее Сахары, а весь континент представлялся разделённым на две части: на севере жили белые ливийцы, а на юге — чёрные эфиопы.

Позже Диодор, Агатархид, Страбон, Помпоний Мела с углублением знаний о континенте давали всё более достоверную картину положения Эфиопии. Помпоний Мела, отражая воззрения I в. до н.э., разделяет всю Африку на Египет, Эфиопию и Ливию, относя к Эфиопии всю негрскую часть.

Процесс познания мира является не только прерогативой научного знания и относится не только к эпохе возникновения науки, но протекает изначально и в «донаучные» эпохи. У Гомера зафиксированы итоги этих архаических времён в истории античной цивилизации. Но, кроме того, являясь зачинателем греческой литературы и поэзии, Гомер был и первым учёным, в произведениях которого обнаруживаются зачатки греческой истории, географии и других областей интеллектуального творчества античности.

У него представлена цельная синтетическая картина известного мира. Разумеется, способ миропознания и миропонимания у Гомера и его современников ещё таков, что создаваемая ими картина мира, пока хаотичная и легендарная, иногда выглядит как беспорядочная смесь народов, языков и стран с плохо различимыми границами между ними. Поэтому реконструировать гомеровскую картину мира оказывается непросто. Но иногда в этой задаче оказывают помощь античные комментаторы Гомера, всегда испытывавшие интерес к тем немногим и хорошо известным местам его поэм, где речь идёт об Африке и её обитателях.

Все комментаторы Гомера верифицировали его сообщения с позиций знаний своего времени, опираясь на современные им авторитеты<sup>69</sup>.

Место Африки в гомеровской картине мира было достаточно велико<sup>70</sup>. Она занимает третью часть обитаемого мира, однако, опираясь на текст самого Гомера, реконструировать картину реальных географических представлений в эпоху архаики довольно трудно. Это обусловлено самим качеством (отрывочностью и неясностью) и объёмом (чрезвычайно малым) его данных, которые в совокупности можно охарактеризовать как набор некоторых достоверных (но разрозненных) и недостоверных реалий. Среди фактологически достоверных сведений Гомера — Нил, Египет, Эфиопия и Ливия, вокруг которых — воды Океана. Ему прекрасно известны Египет (Odys. XIV, 217–258; 351; 355), Фивы с их великолепными зданиями (Iliad.

IX, 382; *Odys.* IV, 126), Нил, имя которому Река Египта (*Odys.* XIV, 257). Он восхваляет египетских лекарей, излечивающих с помощью растений своей страны — ядовитых и целебных (*Odys.* IV, 230), на поиск которых отправляется Елена.

Гомеру известна плодородная Ливия (в узком значении — северная часть Африки), где овцы трижды в году дают приплод (*Odys.* IV, 84–89). Гомеровский Менелай путешествует в страну эфиопов, чёрных людей, о которых Гомер знает, что они живут на берегу Океана, на двух противоположных концах крайней земли — на восходе и закате солнца (*Odys.* I, 22–26). Земля в целом у Гомера представляется плоским диском, вокруг которого течёт Река-Океан, впадающая сама в себя, и на южном берегу которой живут эфиопы.

Таким образом, местоположение страны эфиопов, пусть и не вполне определённым образом, идентифицируется. Сложнее решается вопрос об аутентичности тех мест гомеровских поэм, где речь идёт об Африке, ибо задача установления времени их возникновения именно в эпоху Гомера, а не в более позднее время породила так называемый и очень сложно решаемый «гомеровский вопрос», по которому существует необъятная литература.

Несмотря на то, что многие гомеровские подробности об Африке не имеют однозначной интерпретации и могут таить в себе определённые загадки, всё известное об Африке у Гомера и общий контекст эпохи позволяют с уверенностью искать страну эфиопов в жарких южных странах на берегу Океана. Такая уверенность поддерживается и тем, что гомеровские герои обнаруживают тесную связь именно с африканским материком. Как справедливо отмечено современным исследователем<sup>71</sup>, «будучи жителями Средиземноморья, они чувствуют себя хозяевами Средиземноморья и знают его, и путешествуют в Египет, Ливию, далее — к стране эфиопов, которую любят и часто посещают их боги».

Даже не обладая точным знанием, Гомер и его последователи, в первую очередь поэты-киклики и трагики, знали верные ориентиры и направление, по которому следовало искать Эфиопию — в стране, где рождалась великая река Египта — Нил, т.е. только в Африке или на берегу Океана (Атлантического или Индийского, не важно, поскольку оба являлись водным пределом мира, сливаясь в Реку-Океан).

Не являясь собственно историческим документом в современном значении слова, гомеровские поэмы в каком-то отношении даже превосходят таковые по своей уникальной роли первого письменного свидетельства греческой цивилизации о характере и объёме её знаний о мире в начальные века I тыс. до н.э. Влияние Гомера на всех без исключения греческих авторов очень сильно и общепризнанно; авторитет его не умаялся даже самыми строгими последователями критического и рационалистического методов научного познания, не столько вступавшими с ним в полемику, сколь-

ко почтительно дополнявшими знаниями своего времени намеченные им африканские темы, занявшие прочное место в фонде античной культуры. У отца греческой истории Геродота во всех подходящих местах содержатся гомеровские ссылки или аллюзии: он вспоминает о странствиях в Африку Елены и Менелая (II, 116); говорит о Реке-Океане (II, 23); описывая плодородие и природные богатства Ливии, вспоминает гомеровскую зарисовку о ливийских ягнятах (IV, 29); описания долгоживущих эфиопов-макробиев с их чудесами — солнечным столом и источником молодости (III, 20 sqq.), а также их совершенства явно навеяны гомеровским образом страны возлюбленных богами совершенных эфиопов. Без комментариев Гомера не обошлись в своих африканских свидетельствах ни Диодор (Diodor. III, 1–3), ни Страбон (Strabo I, 6; 30; XVII, 784).

Что касается античной научной полемики с Гомером, то, вступая в спор с его временем и исправляя его заблуждения и ошибки по поводу самых различных материй и сюжетов, в отношении гомеровских свидетельств об Эфиопии наблюдается удивительное единодушие почти всех авторов, затрагивавших эту тему: они принимают его свидетельства целиком, видимо, как не противоречащие географической, исторической и культурной истине.

Анализ корпуса письменных античных источников по Африке показывает известную специфичность совокупности знаний греков и римлян по этой части мира в сравнении с их географическими, историческими и естественно-научными интересами в отношении других стран и народов. Здесь выделяются и обострённый интерес к африканской тематике, и особое отношение, окрашенное идеализирующими настроениями, а также явная притягательность этого континента в самые разные исторические периоды.

Одним из важнейших факторов, способствовавших особой притягательности Африки для греков, начиная с догреческой, ещё эгейской древности, несомненно, было само Средиземное море — колыбель античной цивилизации, ощущавшееся во времена всей античности «Нашим морем» (*Mare nostrum*), просто Морем — родным домом и одновременно дорогой, связывавшей их с остальным миром. Знаменитые любопытство и динамичность греков, бывшие причиной их неуёмного стремления к новым знаниям и путешествиям, их качества прирождённых мореходов и торговцев, а также склонность к изобретениям и искусствам, сочетание романтичности и рациональности — всё это воздействие Моря. Естественной для греков дорогой и было само Средиземное море, всегда обращённое и открытое к югу — Ливии, Египту, а далее — к сказочной Эфиопии.

Эта страна никогда не была тайной (даже оставаясь таинственной и экзотичной) для греческих авторов всех времён, что видно не только из научной исторической и географической литературы, но и из сочинений других

литературных жанров. При этом в неисторической литературе африканская тема также разрабатывалась с учётом современной исторической перспективы, что определяет то её качество источника, которое позволяет находить в ней рефлексy реального исторического знания своей эпохи.

Негрская Африка южнее Сахары для большинства европейцев оставалась неведомой начиная с эпохи греческой архаики и почти вплоть до конца XIX в. Между тем знания древних греков о глубинных районах Африки, полученные ими и от соседей, и в результате собственных путешествий, по объёму и содержательности сведений сравнимы, как ни парадоксально это звучит, с европейскими сведениями нового времени. Даже набор заблуждений и фантастических подробностей у греков и европейцев в эпохи до начала «открытия» Африки, носят удивительно похожий характер, а в фонде всех сведений о «Чёрной Африке» объём легендарных и сказочных известий в античном и европейском нового времени вариантах практически одинаков.

Знания об Африке и Эфиопии всегда занимали прочное место в общей картине мира, известного грекам. При этом особенностью греческой научной литературы можно считать её ярко выраженный универсальный характер, что проявлялось, в частности, в том, что любые описания или сообщения обо всей Африке или об отдельной её части всегда вводились в более широкий контекст повествования о мире в целом и его частях; описание африканского народа и его обычаев сопоставлялось, как правило, с подобным или контрастирующим случаем из другой части света или с греческим примером. Этот метод при всей разности каждого был присущ и Геродоту, и Агатархиду, и Диодору, и Страбону. Все они отражают уровень знаний и метод исследований своего времени, и для каждого из них характерен органичный универсализм в подходе к изучению африканских реалий. Другая объединяющая античных учёных авторов, обращавшихся к африканской тематике, черта — рационализация и критицизм, сказывавшиеся в отношении и к материалу, и к трудам предшественников.

Геродот, используя географические теории ионийцев и греков и их сведения о Египте, подвергает их рационализации и критике (II, 16; 20–23). Диодор опровергает выдумки некоторых своих предшественников об Эфиопии, известные ему по их сочинениям, но высказывает полное доверие Агатархиду Книдскому, Артемидору Эфесскому и рассказам информантов — египтян и эфиопов (Diodor. III, 11). Страбон также подвергает критике и анализу свидетельства своих предшественников, корректируя их с позиций знаний своего времени (Strabo I, II — *passim*; XVII, 789–790; 816).

Конечно, универсалистский подход, свойственный историческим писателям, не исключал наличия в некоторых произведениях одной центральной темы, которой автор уделял преимущественное внимание. Агатархид Книдский, рассуждая о великих греческих хорографах, отмечал, что Ликий

и Тимей трактовали о Западе, Гекатей и Василий — о Востоке, Диофант и Деметрий — о северных странах; сам же он будет рассуждать о Юге (Agatharch. in Phot., Patol. Graeci CIV, 58–60).

В совокупности сведений о мире Африка в древнегреческой письменной традиции (при всей скудости источников) занимала привилегированное место; это характерно уже для Гомера, на которого ориентировались и все позднейшие авторы. В гомеровские времена об Африке в целом знали больше, чем о других отдалённых краях ойкумены. Например, ещё ничего не было известно о Британских островах. Даже во времена Геродота не знали ни дальнего Запада, ни глубинных районов Востока (Herod. IV, 45). Вместе с тем об Африке Геродот даёт множество сведений: он обсуждает вопрос о границе между Африкой и Азией; ему известно, что Ливия — материк, окружённый со всех сторон Океаном, за исключением побережья, граничащего с Азией (II, 8; 124; IV, 42; 45); у него достаточно материалов, чтобы предложить деление Африки на три зоны в соответствии с известными ему особенностями каждой из них и дать характеристику их обитателей (IV, 181–191).

Процесс увеличения информации об Африке и заполнения лакун в картине знаний о ней происходил непрерывно в течение всей античности; это позволяло вносить постоянные уточнения в содержание этих знаний по мере углубления знакомства с континентом. Одним из самых предпочтительных способов изучения Африки и накопления знаний о ней с первых эпох античности и до самого её конца оставалось непосредственное изучение страны и людей — автопсия, возможность которой возникала при совершении сухопутных и морских путешествий и экспедиций, частота которых со временем постоянно увеличивалась. Свидетельствам очевидцев — автопсиям — греческие исследователи Африки отдавали явное и понятное предпочтение; это давало уверенность в достоверности получаемых сведений (хотя и опосредованные данные, требующие верификации, по-прежнему широко привлекались для получения новых сведений).

В античных «африканских» источниках автопсий встречается достаточно много. Цель получения непосредственных данных на месте (или по крайней мере в максимальной приближенности к интересующим местам, в частности к трудно достижимой Эфиопии) заставляла многих античных историков изыскивать все возможности посетить Африку лично. И нередко авторы дошедших до нас географических и исторических трудов были в Африке, и сведения их — достоверные впечатления очевидцев. С исследовательской целью предпринял в своё время путешествие по морю вдоль берегов материка Полибий (Polib. III, 38, 1), побывали в Африке и Геродот, и Страбон, и Диодор — наиболее важные для античной «африканистики» авторы.

Установление автопсии для тех или иных свидетельств не всегда простое дело, поскольку не всегда авторы сообщают о ней (или дошедший памятник по той или иной причине утратил это авторское признание). В случаях же, когда точно известно, что некое свидетельство получено в результате автопсии, ценность его неизмеримо повышается в силу достоверности известия, даже при неверной интерпретации сообщаемого. Особенно многочисленные случаи автопсии связаны с Египтом, что вполне понятно и по причине давних греко-египетских связей (в результате которых путь в Египет был хорошо освоен с глубокой древности), и в силу наибольшей приближенности этой страны Африки к глубинным областям античной Эфиопии и наличия тесных и регулярных контактов между этими двумя регионами.

Так, Геродот сам сообщает, что был в Египте, много там видел, и путём расспросов — *ιστορίη* — получил множество сведений и по Египту, и по другим отдалённым областям Африки; были там и Страбон, и Диодор, которые предприняли путешествия вверх по Нилу, а также Агатархид, которому удалось проникнуть в гораздо более южные районы.

Не менее ценны сведения (которые многие исследователи приравнивают к автопсиям), полученные от путешественников — греков или местных жителей Африки, от купцов, послов, жрецов храмов (в Египте принадлежавших к наиболее информированным людям, вообще хранителям информации разного рода), от солдат, участвовавших в походах в дальние глубинные районы Эфиопии, и т.п. Такого рода данных в источниках встречается достаточно много.

О своих египетских автопсиях Геродот говорит определённо и подробно: там ему удалось узнать об истоках Нила от египтян, ливийцев и греков (II, 28), а кроме того, он рассказывает о том, «что видел собственными глазами в Элефантине» (II, 29). Диодор, говоря о своих египетских источниках, называет Агатархида, Артемидора и жителей Египта, которые сообщили ему много интересного (Diodor. III, 11; III, 38). Страбон также пишет о том, что он видел, проходя по местности, и узнал о внутренней Эфиопии (XVII, 789; 825). Он дошёл до Сиены, а затем до самой границы Египта с Эфиопией вместе с отрядом своего друга Элия Галла, префекта Египта. В другом месте (XVII, 816) он рассказывает о посещении вместе с Элием Галлом храма Мемнона в Фивах. Агатархид Книдский вообще был жителем Египта; будучи наставником Птолемея Александра, он совершил около 104 г. до н.э. путешествие в Эфиопию, пройдя длинный путь вдоль Красного моря, где собирал материалы для своего труда о Красном море; в продолжении этой экспедиции он даже сумел выучить язык эфиопов<sup>72</sup>.

Чаще всего называемые в источниках автохтонные информанты остаются анонимными, но и при этом их сведения и для древних авторов, и для современных исследователей представляют особую ценность как

исторические свидетельства первостепенной важности. В случаях же, когда античный источник сохраняет имена информантов, эти данные можно считать особенно надёжными. Таких случаев встречается не так много, и, безусловно, они должны быть учтены при анализе конкретных текстов. Среди первых указаний на источник полученных сведений следует назвать известное сообщение Геродота, узнавшего много важного от ионийцев и карийцев, состоявших на службе у Псамметиха и живших в Египте (II, 153–154). В «Географии» Страбона названы такие легко верифицируемые имена, как Корнелий Галл (XVII, 819), Элий Галл и Петроний (II, 118; XVI, 780; XVII, 816 — Ael. Gallus; XVII, 819–821 — Petronius).

Все три названные Страбоном римлянина были первыми префектами Египта. Корнелий Галл (69–26 гг. до н.э.) был первым, занявшим эту должность после завоевания Египта Августом между 30–27 гг. до н.э. По происхождению Корнелий Галл принадлежал к аристократии, был всаднического сословия и в Риме был известен как лирический поэт и друг Овидия. В Египте ему пришлось подавлять постоянные волнения народов у южной границы страны. Во время одного из походов на Эфиопию Корнелий Галл, дойдя до Фил, воздвиг монумент местному божеству и Нилу и оставил трёхязычную надпись, сохранившуюся до нашего времени и датированную 17 апреля 29 г. до н.э. Кроме Страбона о нём сообщают также Светоний (Sueton. August., 66) и Дион Кассий (Dio Cass. II, 17, 1)<sup>73</sup>.

Элий Галл известен меньше, несмотря на упоминания у разных авторов (Dio Cass. LIV, 5, 4; Plin. N.H. VI, 181) помимо уже названного Страбона, называющего Галла своим другом и товарищем и сообщающего о его экспедиции. Безусловно, он был первым префектом Египта, но даже его преномен точно не известен: Дион называет имя Гай, а Плиний — Публий. Его считают братом римлянки Элии Галлы, жены Проперция Постума, который сопровождал Августа в экспедиции против парфян в 21 г. до н.э. В должности префекта Египта он организовал экспедицию против арабских племён, и как раз во время его пребывания в Аравии на римские укрепления в Фиваиде напали отряды эфиопов, которым оказал решительное сопротивление Петроний, о чём сообщает Страбон (XVII, 819–820).

О третьем префекте Египта Гае Петронии писали также Дион Кассий (Dio Cass. LIV, 5, 4) и Плиний (Plin. N.H. VI, 181). Его управление страной отмечено массированными работами по очистке нильских каналов и устройством дренажей для улучшения урожаев в долине Нила (Ioseph. Flav., Ant. Iud. XV, 9, 2). О военной экспедиции против эфиопов подробно пишет Страбон (XVI, 779; 819–821). Он даёт подробное описание маршрута, вводит разного рода сведения об образе жизни, политической и военной организации эфиопов, приводит некоторые характеристики, заставляющие вспомнить описания эфиопов в древней греческой традиции — у Гомера и Геродота. Речь идёт об отмечаемой Страбоном такой высоко ценившейся

античным миром черте, считавшейся даром богов, как свободолюбие и независимость эфиопов. О том же с уважением говорил Геродот в описании истории Камбиса (III, 17–25), который не сумел покорить свободолюбивых эфиопов.

Экспедицию Петрония против эфиопов датируют временем между 24 и 22 гг. до н.э. Диодор, комментируя неуспех похода Петрония, подчёркивал свободолюбие эфиопов, традиционно рассматривая это качество как дар богов и напоминая, что этот народ не отдал своих свободы и независимости ещё во времена Камбиса и Семирамиды (Diodor. III, 2–3).

О надёжности многих сведений, полученных античными авторами в результате опросов очевидцев — греков, египтян, эфиопов, ливийцев и др., можно судить по тому факту, что рассказ Геродота о греках-переводчиках, живших в Египте при Псамметихе (II, 154), находит убедительнейшее подтверждение в тексте надписи из Абу-Симбела: «Эти строки высекли участники плавания сына Псамметиха Теокла во время экспедиции царя Псамметиха в Элефантину. Они прошли из Ker-Kis в верховья реки столь далеко, насколько позволило течение. Potasimpo командовал иностранцами, Amasis — египтянами. Написал это Архон, сын Амойбиха, вместе с Пелеком, сыном Удама»<sup>74</sup>.

Свидетельства очевидцев, среди которых были и греки, и римляне, как путешественники, так и жившие в Африке, а также информанты-автохтоны, дают документальные подтверждение и представление об обществе и уровне культуры своего времени. Среди источников автопсий — люди разной информированности и различного социального статуса, в большей или меньшей степени причастные эллинской культуре, что определяло и качество, и содержание сведений (здесь были и высокие административные чины, и интеллектуалы — учёные и писатели, и представители низких социальных слоёв — солдаты, купцы, жрецы и рабы). Однако эта пестрота (социальная, культурная и этническая) обеспечивала то разнообразие получаемых сведений о негрской Африке, которая позволяет составить более полное представление и о ней самой, и об уровне и характере «африканских» познаний античности.

Наибольшее количество автопсийных свидетельств сосредоточено, что естественно, в произведениях тех литературных жанров, которые представляют отчёты о путешествиях по суше и по морю, т.е. в периегезах и периплах.

Периегезы (или периоды — *περίοδος*) и периплы означали объезды или опыльы земли и их описание, иногда сочетая в себе оба способа путешествия. В сочинениях этого рода содержатся сведения о привычных для греков и любимых ими странствиях и путешествиях в Египет, Малую Азию, Великую Грецию и на юг от Крита в направлении постоянных ветров и морских течений — к ливийскому побережью. Эти экспедиции совершались с

разными целями: ради удовлетворения любознательности, в коммерческих интересах, для выполнения научных задач описания мира и составления карт обитаемого мира и морских навигационных руководств.

Произведения этих жанров сохранились в небольшом количестве; можно предположить, что при известной широкой распространённости практики путешествий, их было несравнимо больше, чем нам известно. Разнообразие содержания этих описаний видно при сравнении мифологических повествований Гомера о древнейших путешествиях и периплов вокруг Африки Нехо и Сатаспа, описанных Геродотом. Другие путешествия известны из сохранившихся бортовых журналов мореплавателей, официальных отчётов о морских и сухопутных экспедициях или по пересказам других авторов. Проблемы их достоверности решены далеко не всегда, и полемика об их аутентичности и точности передачи их содержания в других сочинениях, а также о соотношении сохранившихся кратких и распространённых версий ведётся специалистами десятки лет<sup>75</sup>. Но даже если Перипл Ганнона, о котором спорят по поводу датировки, интерпретации и идентификации, выглядит достаточно противоречивым, всё же значение этого документа для древних периодов истории средиземноморских культур и Африки трудно переоценить (GGM / Müller I (Paris, 1955), p.1–14).

Относительно же подлинности Перипла Эритрейского моря, описывающего побережья Восточной Африки, никто из исследователей не высказывает ни малейших сомнений<sup>76</sup>. Датруемый началом II в. н.э., этот перипл завершает традицию древних оплывов и является последним памятником этого литературного жанра.

Однако между древнейшими периплами и последним были ещё другие оплывы Африки: только в V–IV вв. до н.э. морские походы вдоль берегов континента совершали Скиллакс Кориандский, Офел и Эвтимен. Перипл Скиллакса был широко известен<sup>77</sup> и часто цитировался античными авторами (так, видимо, и Геродот (IV, 44) цитирует Скиллакса). Датруют же его экспедицию разные учёные по-разному: от 510 г. до н.э. (Якоби) до 350 (Каркопино) и даже 338 (Мюллер) гг. до н.э.<sup>78</sup>

Аллюзия на перипл Офела содержится у Страбона (Strabo XVII, 3, 3), который относит его оплыв к каким-то неопределённо ранним временам; путешествие же Эвтимена датруют 328–321 гг. до н.э.<sup>79</sup>

Затем хронологически следует Перипл Эвдокса из Кизика, совершившего объезд Индийского океана и достигшего крайней южной оконечности Африки (мыса Доброй Надежды). Об этом путешествии знали Страбон (Strabo II, 3, 4) и Посидоний (FHG / C.Th. Müller (Paris, 1874), vol. III, p.245–296).

К этому же жанру относится позднее и плохо датруемое (видимо, написано оно в конце эпохи Римской империи) сочинение *Stadiasmus Maris Magni*. В нём содержатся сведения о средиземноморском побережье Африки

с указанием расстояний между городами и населёнными островами; о глубинных районах континента здесь ничего не сообщается, но зато в этом перипле показано умение позднеантичных мореплавателей пользоваться долготными и широтными измерениями (GGM I, 427 sqq.).

Посидоний Апамейский упоминает также перипл Гераклида Понтийского, совершившего своё путешествие во времена Гелона Сиракузского (492–472 гг. до н.э.) и относящееся, следовательно, к эпохе великих морских приключений Ганнона и Сатаспа (Posidon. Apam.: FHG / Müller III, 245 sqq.; FGh / Jacoby II A, n.87).

Среди сухопутных путешествий, нашедших отражение в письменных источниках, нельзя не назвать важное для V в. до н.э. путешествие насамонов вглубь Африки через пустыню (Herod. II, 32), а также экспедицию через пустыню с фарусиями, описанную Страбоном (Strabo XVII, 828), военный поход Петрония в Нубию в 22 г. до н.э. против Кандаки, сидевшей в Напате (Strabo XVII, 819–821), и поход Корнелия Бальба, преследовавшего гарамантов, в 19 г. до н.э. через пустыню и горы Атласа (Plin. N.H. V, 36; и аллюзия у Вергилия (Aeneis. VI, 795): *super et Garamantas et Indos proferet imperium*).

Все названные и другие произведения жанра перизегез и периплов важны помимо уникальности их сведений о странах и людях Африки ещё и тем, что в них содержится почти полная сводка тех путей в Африку, которые были известны и которыми пользовались в древности: это и морские дороги вдоль берегов континента, и речные экспедиции в поисках истоков Нила, дороги через пустыню по древним африканским караванным путям и др. Овладение этими дорогами позволило грекам и римлянам проникать во многие районы континента — от побережий на востоке и западе — до областей в верховьях Нила, присахарских и транссахарских, удалённых и труднодоступных, районов Ливии, не говоря уже о давно знакомом средиземноморском побережье и примыкающих к нему районах.

Узнавание и освоение глубинных районов континента, заселённых негрскими народами, было всегда затруднено для греков уже по причине природной специфики — географических особенностей и климата. Преодоление огромной пустынной зоны между узкой полосой средиземноморского побережья, освоенного на рубеже II–I тыс. до н.э., было труднейшей задачей, которая вынуждала греков оставаться на морском берегу, предоставив осуществление контактов с субсахарской Африкой (в том числе столь важную функцию, как торговые обмены) автохтонам — гарамантам и другим ливийцам, которые прекрасно знали существовавшие с глубокой древности транссахарские пути на юг и легко выдерживали длительные переходы по раскалённым пескам, используя известные им водные источники на пути в суданские области южнее озера Чад и юго-западные районы континента.

В области Красноморья и Восточной Африки вёл путь речной, по Нилу, из южных районов Египта вверх по течению реки — к её истокам.

Уже Геродоту были известны оба эти основные пути, по которым можно было попасть в страну эфиопов. Будучи в Египте, он достаточно подробно узнал о маршруте в Эфиопию: его длительности и основных этапах пути. Дорога в страны чёрных начиналась в Элефантине, откуда плыли до острова Тахомпсо и далее к «озеру эфиопских номадов» — всего четыре дня пути по Нилу; затем необходимо было пройти сорок дней пути по сухопутной трассе, когда Нил несудоходен; после этого начинался двенадцатидневный путь на судах по Нилу до Мероэ; наконец, от Мероэ до области эфиопов-автомолов оставалось ещё пятьдесят шесть дней пути (Herod. II, 29–30). Страна автомолов была уже границей известного мира, а весь путь от Элефантины до края земли вверх по Нилу занимал около четырёх месяцев (или, по данным Геродота, 112 дней). При обычном расчёте — 29–30 км в день — этот маршрут составлял примерно 1666 км по прямой.

Известен был Геродоту и один из транссахарских сухопутных маршрутов в страны юга; его описание содержится в рассказе о путешествии насамонов (знаменитом номадическом народе Ливии, тесно связанном с «хозяевами пустыни» — гарамантами, а по некоторым утверждениям, являвшимся частью гарамантского народа) в область пигмеев — чернокожих малорослых обитателей болотистых районов в областях тропического леса. В отличие от нильского сухопутный маршрут через пустыню знаком Геродоту не столь хорошо, и его точная протяжённость была ему неизвестна, но основные вехи и направление пути, а также красочные реальные детали свидетельствуют в пользу его достоверности. Насамоны начали своё путешествие от оконечности Египта в направлении мыса Солоент — крайней оконечности Ливии — и, двигаясь по побережью «северного» (Средиземного) моря, встречали живущих здесь эллинов, финикиян, ливиян и многие ливийские племена. Пройдя всю населённую область средиземноморского побережья, насамоны свернули к югу и вступили в землю, изобилующую дикими зверями, а затем, продолжая двигаться в южном направлении, попали в пустыню и шли по ней долго, пока не свернули к юго-западу (на зефир), в каком-то направлении шли очень долго. Наконец они достигли страны, где росли плодовые деревья, и которая была уже страной пигмеев, которые повели их дальше, через область обширнейших болот, пока не достигли они основной части страны пигмеев, живших на берегах большой реки, протекавшей в направлении с запада на восток; в реке водились крокодилы, а народ пигмеев весь состоял из колдунов (Herod. II, 32–33). Относительно большой реки, которой достигли насамоны, Геродот, ссылаясь на мнение Этеарха, полагает, что речь идёт о Ниле. Это свидетельствует о его знакомстве с той версией нильской теории, по которой истоки Нила отыскивали на западе.

Во времена Страбона маршрут по Нилу был уже освоен гораздо лучше. Рассуждая об Эратосфене, Страбон описывает течение Нила, известное в эту эпоху (Strabo XVII, 786). В целом маршрут по Нилу у него имеет протяжённость в 14500 стадиев, т.е. приблизительно 2300 км (1 стадий равен 158 м). От острова Мероз до Дельты путь равен, по Страбону, 61 дню, что наглядно показывает улучшение условий путешествия и привычность к этому маршруту в сравнении со временем Геродота<sup>80</sup>.

Позднее, в конце I в. до н.э. и на протяжении I в. н.э., значительно увеличилось количество походов по сухопутным транссахарским путям. К 20 г. до н.э. относится поход Корнелия Бальба против гарамантов вглубь пустынной зоны (Plin. N.H. V, 5, 26; 36); в 42 г. н.э. Светоний Паулин перешёл Атлас и достиг страны эфиопов (на западе) (Plin. N.H. V, 1); к 70 г. относится трёхмесячный поход Септимия Флакка, который, пройдя насквозь страну гарамантов (т.е. двигаясь через Сахару), достиг страны эфиопов (Ptol. Prolog. Geograph. I, 8); в 86 г. н.э. был предпринят поход Юлием Матерном, который, совершив путь продолжительностью в четыре месяца, добрался до таинственной Агисимбы, где обитали носороги (Ptol., *ibid.*). Все эти факты подтверждают знакомство греков, а затем и римлян с древними путями, соединявшими северное побережье Африки с субсахарским югом<sup>81</sup>.

Источники дают достаточно подробные сведения о римских походах и хозяйстве автохтонных жителей Ливии, чтобы с учётом археологических и иконографических материалов можно было с уверенностью сказать, что экспедиции через пустыню осуществлялись с использованием верховых и вьючных животных. Ливия славилась своими лошадьми, обладавшими быстротой и выносливостью. Гараманты — верховой народ, выращивавший во времена Страбона до ста тысяч лошадей в год (Strabo XVII, 835); с глубокой древности они использовали верховых лошадей и колесницы, запряжённые квадригами (на древних сахарских фресках и гравированных рисунках всадники на квадригах, скачущие «микенским» галопом, идентифицируются с гарамантами). Лошади издревле были основным средством передвижения по пустыне. Наряду с ними использовали, разумеется, и быков, которых можно было запрягать в повозки (об использовании повозок упоминает Страбон — XVII, 818), и количество которых в кочевнических районах Ливии, знаменитой своими многочисленными стадами, было неограниченно большим. О передвижении на лошадях с запасом воды фарусиев, пересекавших пустыню по пути в Мавретанию, пишет Страбон (XVII, 828). А о практике использования боевых колесниц (столь характерной примете гарамантского войска) другими африканскими народами он сообщает в связи с описанием фарусиев и нигритов, живущих выше западных эфиопов и использующих, как и эфиопы, луки и военные колесницы (XVII, 828).

Движущей силой контактов античного мира с Африкой, которые, как видно из источников, проходили в самых разных формах (от мирного со-

седства без особо тесного общения до военных столкновений, от торгового взаимодействия до тесного культурного общения как в самой Африке, так и в странах Средиземноморья), были отнюдь не только любознательность и познавательные интересы, но и практические, утилитарные потребности греков и римлян. С точки зрения экономической Африка всегда притягивала взгляды античного мира, видевшего в ней источник получения многих продуктов африканской природы и недр (плодов и растений, животных и зверей, золота и драгоценных камней и т.п.), а также выгодный рынок сбыта собственных товаров. Большая притягательность Африки в глазах греков заключалась в изобилии экзотических для восточного Средиземноморья плодов и товаров, пользующихся у них большим спросом. Наиболее экзотичные образцы флоры и фауны поставлялись из глубинных областей континента, что стимулировало греков и римлян к проникновению в них и ко всё более интенсивному изучению Эфиопии.

Среди наиболее редких африканских диких животных всегда были дикие звери, животные и птицы. О неугасающем и давнем интересе к ним свидетельствуют ещё изображения на кноссских фресках и находки на Крите изделий из слоновой кости и скорлупы страусовых яиц. Ко временам Геродота пустыня уже подступила почти вплотную к средиземноморскому побережью, а времена «зелёной Сахары», когда в ней водились гиппопотамы, слоны и бегемоты, давно канули в прошлое. Эти животные остались только по другую сторону пустыни — в странах эфиопов, куда и стремились и греки, и римляне, не желая довольствоваться только услугами посреднической торговли, которую изначально осуществляли ливийцы (прежде всего гараманты), доставлявшие на побережье товары юга, а вглубь континента — античные.

Если большинство представителей африканской фауны добывалось для зоопарков и цирковых представлений, то африканские слоны использовались также в военных целях, и поэтому интерес к ним был особый. Известны специальные экспедиции для охоты на слонов, организовывавшиеся в Египте и Римской Африке. Геродот, во времена которого слоны уже давно были приметой областей Эфиопии, знал о существовании их в Западной Ливии у племён земледельцев (IV, 191), не говоря уже о том, что в Египте он сам видел много слонов и слышал, что в Верхнем Египте у эфиопов число их было огромно (III, 114), так что упоминание о том, что в качестве дани великому царю было преподнесено двадцать слоновых бивней (III, 97), особого удивления вызвать не могло. Из этих данных Геродота видно, что в его время слоны были и на востоке, и на западе Африки.

Страбон неоднократно свидетельствует, что охота на слонов была организована Птолемеями на всём протяжении Нила и по побережью Красного моря (Strabo XVI, 769; 770; 773), а в описаниях африканской фауны указания на слонов делаются при всяком удобном случае (XVI, 771; 774; XVII, 822; 826; 827). Как и Геродот, Страбон знает о слонах и на востоке, и на за-

паде, неизменно связывая их с эфиопами и считая «эфиопским» животным. Говоря о западных эфиопах, он упоминает и о том, что у них, как и на крайнем юге и у истоков Нила (XVI, 775), водятся носороги (XVII, 827), рог которых во всём древнем мире считался сильным афродизиаксом и целебным средством. Об охоте греков на слонов свидетельствует и одна надпись<sup>82</sup>, в которой говорится: «Во времена царя Птолемея и царицы, божественной Арсиной, и Филопатора, [в честь] Сераписа и Исиды, Лихас, сын Пирра Ахарнянина, стратег, отправил экспедицию на охоту за слонами».

Эти известия позволяют заключить, что охота на них производилась во внутренних районах континента, откуда они через посредничество гарамантов и других ливийских обитателей пустыни попадали на средиземноморское побережье, а затем и дальше.

В контексте рассмотрения источников, содержащих преимущественно материалы личных наблюдений и впечатлений, т.е. автопсийных по своему характеру, периплы заслуживают особого внимания, поскольку масштаб морского плавания позволял его участникам видеть гораздо больше разных регионов континента, пусть даже только по линии побережья без возможности углубиться внутрь страны, но зато на таких широтах, которые не были доступны при сухопутных экспедициях. К тому же имеющиеся в нашем распоряжении периплы охватывают период более, чем в восемь веков, что создаёт впечатляющую временную перспективу в истории античного мореплавания к берегам Африки. Поэтому представляется целесообразным сделать ещё несколько замечаний источниковедческого характера по поводу периплов.

Геродот знает и цитирует три перипла Африки: Нехо (IV, 42), безымянных карфагенян (IV, 43) и перса Сатаспа (IV, 43), кроме того, он говорит о Скиллаксе Кориандском, обследовавшем восточное побережье Африки (IV, 44). Два из дошедших периплов — Ганнона и Эритрейского моря — известны в самостоятельных рукописях; четыре других — Скиллакса, Артемидора Эфесского, Агатархида Книдского и Неарха — вошли в сочинения более поздних авторов. Нехо и Сатасп упомянуты Геродотом (IV, 42–43) и Плинием (V, 1), а периплы Эвтимена из Массилии и Эвдокса из Кизика известны только в форме аллюзий. Проблемы датировки, аутентичности, идентификации и локализации географических названий из текстов этих документов с реальными географическими и топографическими пунктами во многом трудно поддаются разрешению. Например, перипл Ганнона, на основании анализа языка и стиля некоторые исследователи считают вымыслом Геродота, соглашаясь считать аутентичным лишь самое начало текста<sup>83</sup>.

Окончательного ответа на вопрос, совершено ли плавание Ганнона в конце VI в. до н.э. или позже, нет, так же, как не имеет точного решения вопрос, до какого пункта на юго-западном побережье он добрался — до Белого

мыса? до Сенегала? до подножия горы Камерун? до залива Биафра?<sup>84</sup> Сам Ганнон говорит, что он не мог идти дальше того места, куда дошёл, поскольку иначе не сумел бы вернуться назад<sup>85</sup>. Исследователи приводят различные доводы в пользу той или иной гипотезы.

Проблемы аналогичного характера существуют и в отношении перипла Скиллакса: его оригинальный текст не сохранился, дошло лишь свидетельство Геродота. Можно предполагать, что, видимо, оригинал представлял собой компиляцию морских путеводителей от Понта Эвксинского до Адриатики, а отсюда — к побережью Африки. Датировка этого перипла, как уже говорилось выше, даётся различная, однако в грубом приближении можно считать его памятником IV в. до н.э., что подтверждается соответствием названных в нём примет побережья тому, что было известно в этот период; сведения же, в нём содержащиеся, уникальны и важны.

Если перипл Нехо даёт сведения обо всей Африке, то периплы Агатархида, Артемидора, Неарха и Перипл Эритрейского моря — неоценимый источник для истории и этнографии Восточной Африки. Остальные периплы (Скиллакса Кариандского, Ганнона, Сатаспа, Эвтимена Массилийского, Полибия, Эвдокса Кизикского) относятся к средиземноморскому побережью и западноафриканскому, которое дольше всего оставалось малоисследованным греками.

Несмотря на достаточно прочное обоснование объединения под одной рубрикой всех периплов, более внимательное изучение показывает, что периплы могут представлять собой образцы различных жанров. Так, перипл Ганнона, дошедший полностью (в отличие от прочих, дошедших фрагментарно или в пересказах), представляет собой официальный отчёт об экспедиции, а не бортовой журнал. Это показывает его содержание. В течение всего похода, который длился, вероятно, более двух месяцев, в бортовой журнал должны были вноситься ежедневные записи со всеми многочисленными подробностями и деталями путешествия. Отчёт же должен был отразить основную цель экспедиции — основание новых городов на западном побережье Африки и разведка окрестностей вокруг этих пунктов. Это определило то большое количество топографических данных, которые имеются в этом отчёте: в сравнительно небольшом тексте названо более двадцати топонимов — названий городов, рек, островов, пунктов на местности, гор и т.п. Меньше подробных сведений содержится здесь о встреченных народах и племенах, которые называются и характеризуются, как правило, обобщённо: названы ливо-финикийцы, ликситы, троглодиты, дикие эфиопы (и просто — дикие). Вероятно, более подробные записи о контактах с племенами автохтонов и их характеристики содержались в бортовом журнале, а для отчёта часть из них и детали можно было опустить.

Вообще же данные перипла, несмотря на известную обобщённость, вполне естественную для наблюдателей, проводивших сравнительно не-

много времени на незнакомом берегу, дают общее представление и о людях, и о флоре, и о фауне нового для мореплавателей побережья. Так, отмечено присутствие горилл, слонов, крокодилов, гиппопотамов, лошадей и других не названных конкретно животных; фаунистические сведения даются достаточно избирательно: по-видимому, в соответствии с коммерческими интересами, особо отмечаются ароматические растения (розы и какие-то ароматозные деревья), а прочее названо «дикими» деревьями.

Расстояния в перипле измеряются привычными днями пути, т.е. хронологически, а не топографическими мерами пути — парасангами и стадиями.

Проблемы датировки перипла Ганнона решаются, как правило, на основании анализа степени соответствия сведений источника тому уровню знаний, который был достигнут к соответствующему историческому времени, а также в результате изучения языка, стиля и соответствия идеологии источника реальным потребностям античного общества в конкретный период времени. Характер рассматриваемого источника даёт исследователям возможность относить его к концу VI в. до н.э.<sup>86</sup>, однако одной из основных проблем перипла Ганнона остаётся определение крайней точки, до которой дошла экспедиция. Отталкиваясь от локализации описанной в источнике горы Theon Ochema (Θεῶν ὄχημα — ранее переводили «Колесница богов», сейчас — «Опора /столп/ богов», хотя некоторые исследователи склонны видеть здесь омонимичные названия двух горных вершин) и описания побережья, предлагаются различные локализации. Большинство склоняется к мнению, что речь может идти о горе Камерун и побережье Биафры<sup>87</sup>, а А. Мер, руководствуясь анализом реального маршрута возвращения и уровнем имевшейся морской техники, считает, что этой последней точкой плавания был Гвинейский залив.

Одна из главных трудностей, препятствующих дать окончательную хронологию перипла Ганнона, состоит в том, что первоначальный текст был написан на пуническом (финикийском) языке, а Геродот пользовался греческим переводом в период, удалённый от времени создания оригинала почти на два века, что затрудняет и стилистическую интерпретацию, и саму датировку текста.

Периплы Нехо (VI в. до н.э.), Скиллакса (оплыв совершён в VI в. до н.э., но текст относится к IV в. до н.э.) и Полибия (145 г. до н.э.) известны только по их краткому пересказу. Особую ценность представляет древнейший из них — перипл Нехо. Несмотря на то, что Геродот не слишком верит в реальность экспедиции Нехо вокруг всего континента, он излагает этот факт, одновременно высказывая сомнение в его достоверности, ссылаясь на невероятность (для него) основного (для нас) аргумента, подтверждающего реальность этого оплыва: что мореходы видели восход солнца в конце их похода — справа.

При том что подробностей фаунистического, флористического, этнографического характера в этом перипле немного, некоторые географические детали подтверждают соответствие памятника уровню знаний VI в. до н.э., что позволяет рассматривать его как один из первых письменных источников по истории древнего мореплавания и в истории изучения Африки.

Перипл Скиллакса гораздо насыщеннее информативно, чем перипл Нехо: в нём много данных по флоре и фауне побережья (например, называются цесарки, львы и дельфины), приводится много названий городов, гаваней, рек, озёр и островов: названы реки — Ликс, Субур, Сала, Косенус, Масатат, Дарат, Пальсуе, Бамботус; гавани и города — Мулелаха, Рутубис, Рисадир; этнонимы — гетулы автотолы, скелатиты, масаты, эфиопы перорсы, фарусии, гетулы дариены; упоминаются и финикийцы и ливийцы, их города. Маршрут плавания совпадает с путём экспедиции Ганнона (от гор Атласа до Теон Охема), и в тексте называются неизвестные мысы, проливы и горы, встреченные на этом пути. Этот перипл даёт расстояния в днях плавания и шагах (например, до горы Барка — 1.631.000 шагов, что равно примерно 2000 км по побережью<sup>88</sup>), что увеличивает его ценность, особенно поскольку много указаний на расстояния даются для завершающего этапа плавания. В частности, от Гесперид до границы известного мира — Теон Охема — названо общее расстояние в 10 дней и десять ночей плавания (хотя это указание чаще понимают как метафорическое выражение символического характера, означающее не конкретное измерение пути, а только обозначение очень далёкого расстояния). В любом случае перипл Скиллакса чрезвычайно важен для истории освоения греками западного побережья Африки: он ясно показывает рост знаний античного мира о самых удалённых районах континента и позволяет говорить, что они доходили по океанским дорогам примерно до экватора. Важно отметить и то, что называемые здесь этнонимы подтверждаются и другими античными источниками — Страбоном, Диодором, Плинием (кстати, река Бамботус, известная и Ганнону, по-видимому, Сенегал, а об эфиопах-фарусиях Страбон говорит, что это западные и южные эфиопы, что совпадает с заключением Плиния (VI, 35) о том, что географическая непрерывность Африки совпадает с непрерывностью этнической).

В целом по периплам (включая самый последний из них по времени — Перипл Красного моря) можно говорить, что крайними пунктами известной античности Африки были по восточному побережью пространства до Занзибара, а по западному — до горы Камерун.

В связи с экскурсом в жанры периегез и периплов и в целом затрагивая вопросы античной географии и путешествий, логично уделить внимание и проблемам картографирования и научного построения картины и карты мира.

Древние картографы в эпоху от Гомера до Геродота уже создали обобщённую картину мира и использовали картографическую технику, воспринятую из вавилонской и египетской традиций, для создания графического изображения обитаемого мира. Первые греческие карты приписывались Анаксимандру Милетскому (610–546 гг. до н.э.), который, по свидетельству Агафемера (Agathemeris, *Нуротур. Geogr. I, 1*), создал первую карту земли. Правда, Диоген Лаэртский утверждал, что не он один изобразил «периметр» земли и моря, но что он уже располагал глобусом, который в гораздо более поздние времена использовался Эратосфеном (о различных вопросах истории античной географии подробно рассуждает Страбон, особенно во II книге своего труда).

Повышенный интерес географов и историков к проблемам графического изображения картины мира, а также к его делению на континенты (части света) и вопросам границ между ними, демонстрирует уже Геродот (IV, 36), рассуждая о странности геометрической интерпретации вида земли или обсуждая трёхчастное деление земли на Европу, Азию и Ливию (IV, 42). При этом Геродот явно демонстрирует в своём труде, что знания греческого мира об Азии и Африке (Ливии) были гораздо более полными, чем представления о Европе (ср.: IV, 37; 44 — Азия; IV, 42–43 — о конфигурации Ливии; IV, 45; 49 и др. — Европа).

Сведения Геродота о частях земли ещё достаточно расплывчаты, хотя в общих чертах географические представления его времени соответствуют истине (например, суждения Геродота о границах Ливии и очертаниях континента — IV, 41; 42). Но главное в его общегеографических рассуждениях то, что он точно знает, что Ливия вся окружена морем.

Одной из принципиальных для Геродота проблем в этой научной области — вопрос о восточной границе Ливии, которая, по представлениям его времени, проходила по Нилу, что делало актуальным ещё один вопрос: к какой части земли — Азии или Африке — относить Египет?

В более поздней географической традиции сохранилось свидетельство, восходящее ещё к Анаксимандру, о генеалогии греческой картографии. В схолии к сочинению Дионисия Периегета, восходящей к очень ранней традиции (*Scholia ad Dionys. Perieget. — GGM II, p.428*), говорится, что авторами карт обитаемого мира были: первым — Анаксимандр, вторым — Гекатей Милетский, третьим — Демокрит, ученик Фалеса, четвёртым — Эвдокс.

Значительнейший вклад в историю греческой картографии внёс Дикеарх (около 320 г. до н.э.), которому принадлежит введение революционного по своему значению новшества, которое вызвало возникновение принципиально нового типа изображения мира — координатной (широотно-долготной) сетки.

В конце III — начале II вв. до н.э. Эратосфен, киренский грек, усовершенствовал широкоотно-долготный принцип Дикеарха и внёс изменения в

картографическую традицию, применив измерение меридианов и используя все новшества науки своего времени.

Гиппарху Никейскому (около 150 г. до н.э.) принадлежит заслуга введения нового принципа геометрической проекции и широтных измерений<sup>89</sup>.

За скоростью оснащения географии математически точными методами не поспевала практическая наука, чьи познания о мире увеличивались не столь быстро.

Чрезвычайно точно и выразительно определяет характер и задачи географии великий географ Страбон: «Таким образом, подобно тому, как человек, измеряющий землю, заимствовал от астронома основы своей науки, а астроном свои — от физика, так и географ должен отправляться от того, кто измерил землю в целом, полагаясь на него и на тех, на кого в свою очередь тот положился, и затем представить сначала наш обитаемый мир, его размеры, форму и природу их отношения к земле в целом. Ведь это специальная задача географа. Затем он должен надлежащим образом сообщить сведения об отдельных частях обитаемого мира, о суше и море, замечая при том, в чём предмет был изложен неудовлетворительно теми нашими предшественниками, которые в этих вопросах наиболее заслуживают доверия» (Strabo II, 5, 4).

Свою картину мира Страбон описывает как имеющую форму хламиды фигуру, окружённую океаном (I, 5), причём, по его теории, северная часть земли (она помещалась, по его мнению, между 12 и 5 градусами северной широты) до экватора заселена людьми, а южная необитаема. Измерения также широко используется в этом завершающем большую географическую традицию античности произведении: так, от Родоса (по параллели) до Александрии даётся расстояние — 4000 стадиев, до Мероэ — 14000 стадиев, последняя параллель обитаемого мира расположена от Мероэ в 3000 стадиях в южном направлении (II, 132). Точные данные о размерах и расстояниях Ливии Страбон давать затрудняется, ссылаясь на то, что пустыни и другие препятствия затрудняют знакомство с этими странами (XVII, 839).

Страбон взял на себя задачу дать обобщение всех представлений античности о форме Ливии, по которым она имела всё же форму трапеции (I, 825; II, 130; XVII, 826), а разрешая проблему границы Ливии с Азией, проводит её по Красному морю, включая сюда и Аравийский залив и окончательно решая вопрос о принадлежности Египта в пользу Африки (I, 24).

Задача измерить африканский материк во времена Геродота ещё даже не ставилась в силу малой изученности Африки и недостаточной теоретической готовности к ней античной науки. Но уже географы-математики прилагали немалые усилия, чтобы её решить. Эратосфен, например, подсчитал, что расстояние от Александрии до страны корицы — последнего предела ойкумены, которую греки помещали на крайнем юге континента, — со-

ставляло 13 400 стадиев, т.е. около 2100 километров; почти тот же результат получил в своих вычислениях Гиппарх — 13 000 стадиев. Расстояние с востока на запад, по Эратосфену, составляло от Канопы (или от устья Нила) до Столпов Геракла 21 500 стадиев, что равно примерно 3400 километров. Таким образом, площадь трапеции, в виде которой представляли форму Ливии, равнялась 3400 помноженные на 2100 кв. км<sup>90</sup>.

Современные локализации страны корицы древних помещают её примерно на уровне 10 градуса северной широты, что на современных картах попадает на территорию Сомали. Город Канопы расположен на 32 градусе северной широты, т.е. удалён от страны корицы на расстояние 2222 км, что поразительно близко соответствует данным Эратосфена и подтверждает точность и информированность античных географов в целом.

Рассмотренные сюжеты позволяют сделать вывод о том, что знания античного мира об африканском континенте в целом были достаточно обширны, а в некоторых случаях и точны. Однако южные области Африки, собственно античная Эфиопия, были из-за труднодоступности известны мало и фрагментарно, хотя в течение времени постоянно расширялось знакомство с восточным и западным побережьями, а также отдельными внутренними районами континента. Этому, в частности, способствовал постоянный интерес к изучению проблемы истоков Нила, для чего совершались многочисленные экспедиции в разные регионы Африки. Знакомство с населением внутренних районов Африки (вплоть до римского времени) происходило или на территории Египта и средиземноморских стран Ливии, или через посредников (чаще всего гарамантов или египтян) косвенным путём. Прямые контакты со странами Эфиопии относятся лишь к рубежу I тыс. н.э., периоду расцвета Римской империи.

### **3. РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: ИЗВЛЕЧЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ СВЕДЕНИЙ О ПРИРОДЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ АНТИЧНОЙ ЭФИОПИИ**

Рассмотрение всей совокупности сведений древнегреческих письменных источников позволяет не только увидеть, каков был уровень знакомства античного мира с Африкой южнее Сахары, но и получить пусть эскизное (хотя в зависимости от полноты информации иногда даже располагающее некоторыми яркими и достоверными деталями) изображение древнего периода истории огромной и малоизвестной негрской Африки. Учитывая бесписьменный характер древних африканских цивилизаций, все данные античных источников, даже опосредованные и смутные, являются уникальным материалом, с помощью которого удаётся с известной достоверностью

заполнить многочисленные лакуны в истории культур одной из значительнейших частей Старого Света.

Эфиопия античных источников была знаменитым (как уже отмечалось) царством в крайней южной части ойкумены, населённым эфиопами-макробиями — долгоживущими эфиопами (Herod. III, 24–25). Эфиопы и их страна были известны грекам издавна — известия об их царстве уходят в мифологическое прошлое: гомеровский Мемнон царил в Эфиопии во времена Приама.

Если первое впечатление о степени знакомства и представлениях греков об эфиопах и Эфиопии оставляет впечатление поверхностного и обобщённо-неотчётливого (эфиопы — просто все негроидные люди на юге Ливии, Эфиопия — огромная и неразличимая страна на краю земли), то более тщательное изучение всех имеющихся свидетельств показывает, что этот вывод поспешен и только отчасти справедлив. В массе имеющихся материалов по этой части обитаемого мира обнаруживаются свидетельства того, что античный мир был знаком с множеством этносов, его населявших, объединяемых лишь общими антропологическими (расовыми) признаками (прежде всего тёмным цветом кожи), но различающимися и особенностями жизненного уклада, и уровнем развития общества и общественных институтов: одни обладали царём (царство эфиопов), другие описывались как вовсе не имевшие политической организации (как ихтиофаги у Агатархида Книдского (V, 21 = PG CIV, 41–42), которые «вовсе не знали политики»). То есть греки представляли с большей или меньшей отчётливостью всё многообразие этнического состава не только раньше и лучше знакомой им северной части континента («Белой» Африки), но знали кое-что и относительно полиэтничности эфиопской (негрской) части Африки. Это обстоятельство даёт некоторые возможности для реконструкции общих контуров этнической карты древней Африки с учётом имеющихся сведений об античных эфиопах.

Разумеется, задача эта весьма непросто выполнима и (как и вообще, историческое изучение африканских народов) выдвигает множество проблем.

На первый план, естественно, выходит проблема идентификации античных африканских этнонимов, которая сразу обнаруживает множество вопросов, часто не поддающихся удовлетворительному разрешению. Это связано, с одной стороны, и с особенностями античного этнографического материала, и с характером источников (неполнота сведений, особенности античной методологии в изучении варварских народов, использование не местных, а преимущественно придуманных самими греками этнонимов), и, с другой стороны, со спецификой африканских этноисторических и этнокультурных процессов.

Основной особенностью этнической истории африканского континента с древнейших времён вплоть до нового времени, чрезвычайно затрудня-

ющей её изучение, можно считать необычайную мобильность отдельных этнических единиц (вызванную объективными природными условиями, спецификой хозяйственной деятельности, особенностями исторического развития в отдельных регионах и т.п.), следствием которой являлась постоянная рекомпозиция этнической карты. (Это, правда, по мнению всех специалистов, не привело к утрате непрерывности в этнической истории африканских автохтонов, но, понятно, оставляет очень мало шансов на восстановление всех её этапов.)

Ярко выраженную непрерывность в этнической и социальной истории демонстрируют только Аксум и Адулис, конечно, с учётом сильного воздействия со стороны народов Аравийского полуострова и глубинных областей Африки. (Хотя участие в процессах исторического, этнического и культурного развития отдельного народа соседей — ближних и дальних — явление вполне закономерное и повсеместно присутствующее; и все африканские народы с их самобытными культурами развивались не в изоляции, а в постоянных контактах с другими культурами.)

Для большей части африканских автохтонов решающим фактором, который определил особенности их экономических, социальных, политических и культурных реалий, была их принадлежность к номадическому или полунномадическому хозяйственно-культурному типу.

Отмеченная подвижность этнических единиц, зафиксированная на протяжении многовековой истории Африки и так затрудняющая точную идентификацию известных этнонимов, прямо и косвенно отражена в данных письменных античных источников. Очень часто один и тот же этноним фигурирует в разных местах континента, и дать определённый ответ на вопрос, обозначает ли он один народ, или разные, но названные одним именем, бывает подчас невозможно. Практика же греков называть автохтонные народы данными ими самими именами греческого происхождения (часто обобщающего характера, по роду деятельности или той или иной этнографической примете), сама сложность этноистории и этногенеза африканского автохтонного населения, а также недостаточность сведений исторического и этнографического характера не дают, в большинстве случаев, возможности произвести ретроспективную реконструкцию и идентификацию, что, впрочем, и не всегда имеет принципиальное значение в пределах обсуждаемой проблемы.

Для характеристики объёма знакомства античного мира с этническим составом Африки в целом, и глубинными районами, заселёнными преимущественно негроидными автохтонами — эфиопами, показательное соотношение известных по античным письменным источникам этнонимов: при общем количестве известных этнических наименований, около четырёхсот, на долю внутренней Ливии, субегипетской и внутренней Эфиопии приходится примерно четверть (см. Комментированный указатель этнических назва-

ний). Следует отметить, что даже подсчёт количества известных этнонимов затруднён, поскольку, например, за этнонимом «ихтиофаги» скрывается не один, а несколько этносов, объединяемых только по признаку общности основного вида занятий и главного продукта питания — «рыбоеды», питающиеся продуктом своей деятельности; называются они в разных местах, и выделить их просто невозможно. Аналогичным образом обстоит дело с троглодитами, под обобщающим именем которых имеются в виду многие, а не один этнос, или креофаги — «мясоеды», галактофаги — «молочноеды» и т.п. В греческих этнонимах часто отражались чисто классификаторские цели, основанные на их наблюдениях и обобщениях относительно образа жизни, занятий, пищи, особенностей обычаев, верований, вооружения и др. Например, этнографический метод Агатархида Книдского основывался почти целиком на алиментарном принципе, когда основные виды питания определяли его этнографическую классификацию.

Античные авторы (Геродот, Страбон, Диодор и другие), говоря об эфиопах в целом, прекрасно различали среди них крупные этнические объединения, имевшие уже в их время хорошо развитые общественные институты и культуру, и зависимые от них мелкие эфиопские этносы и племена.

Эфиопы Гомера также представляют собой по крайней мере две крупные группы народов, «поселённых двояко», на востоке и западе континента по краю земли (*Odys.* I, 22–26), а кроме того, он упоминает их на севере Ливии, рядом с эрембами и сидонянами (*Odys.* IV, 84–89). Понятно, что речь здесь идёт не об одном народе, а о группе народов, которая репрезентирует целую часть земли, а именно: внутренние части Африки, населённые негрской расой людей.

О множестве народов, населяющих Африку, греки знали с древнейших времён, вначале грубо классифицируя их на белых (ливийцев) и чёрных (эфиопов), затем, по мере узнавания, всё более дифференцируя, узнают множество конкретных больших и малых этносов. Начиная свой знаменитый ливийский логос, являющийся частью четвёртой книги «Истории» и имеющий решающее значение для истории Африки не только V в. до н.э., Геродот пишет, что «в Ливии много различных народов» (VI, 167). В ливийском логосе фактически даётся резюме всех данных по этническому составу Африки, имевшихся в распоряжении греков в его время (IV, 167–196): их число пока состоит из всего двадцати шести этнонимов, за которыми на деле скрывается гораздо больше реальных народов. Начиная своё перечисление от Дельты в западном направлении, Геродот вначале называет четырнадцать групп этносов северной Ливии, затем — десять этносов внутренней Ливии (страны, где обитают дикие животные), а затем, южнее «песчаной полосы», во внутренней части материка — Эфиопии, эфиопов, под именем которых он понимает все негроидные народы в целом, разделяя их на две группы — эфиопов-макробиев и троглодитов (кстати, здесь

уместно заметить, что термин «макробии» послегомеровская античность, располагавшая уже не только сведениями мифологического характера, могла интерпретировать исходя из созвучия слов βίος — жизнь и βιός — лук как «владеющие большими луками»<sup>91</sup>, хотя второе слово было менее употребительно).

Итак, перечень кочевников-скотоводов приморской Внешней Ливии Геродот начинает от Дельты в западном направлении, называя адирмахидов, гилигамов, авсхисов, эвгесперидов, бакалов, насамонов (которых называет многочисленным народом, практикующим полигамию — IV, 172), псиллонов (соседи насамонов, которые все погибли, засыпанные песками пустыни, а на их земли пришли насамоны — IV, 173), гамфазантов (народ к югу от насамонов, «избегающий общения», не имеющий оружия, почти дикий; по той причине, что ещё во времена античности в этом месте у Геродота была допущена ошибка и написано «гараманты», Помпоний Мела (I, 47) и Плиний (V, 45) оспаривали Геродота, справедливо указывая на его же характеристику гарамантов (IV, 183) как народа знаменитого, организованного и воинственного), маков (через земли которых протекала река Кинип, высохшее русло которой существует поныне, а исток находится в Уаддане), гинданов, лотофагов (питающихся только плодами лотоса (т.е. финиковой пальмы), из которых делают и вино), махлиев (в районе реки Тритон и озера Тритонида — вероятно, совр. Шотт-Джерид; ориентир на побережье — залив Габес), авсеев.

После приморских кочевников Геродот переходит к общей характеристике Центральной Ливии — песчаной полосы с оазисами, занимающей место между Внешней и Внутренней Ливией — области, богатой дикими зверями (суданская зона) (IV, 181), и перечисляет народы, живущие на песчаной полосе (также с востока на запад), в районе, который он считает Центральной Ливией. Здесь в десяти днях пути от Фив Египетских находятся аммонии, в десяти днях от них к западу — авгилы, далее — многочисленный и могущественный народ гарамантов (в десяти днях пути от оазиса Авгилы и в тридцати днях пути от страны лотофагов, т.е. с севера от Хуна до Куфры на востоке, до отрогов Тибести и Эннеди на юге (возможно, на юге их территории доходили до озера Чад) и пустыни Мурзук на западе), затем следуют эфиопы-троглодиты («пещерные эфиопы», на которых охотятся гараманты, бегающие быстрее всех людей, язык которых напоминает писк летучих мышей), атаранты (в десяти днях пути от гарамантов; страну их выжигает губительное солнце, а сами они не имеют личных имён), атланты, живущие уже у подножия гор Атласа.

Народы далее Атласа Геродоту не известны, но он знает, что песчаная полоса тянется до Геракловых Столпов и далее, а в десяти днях пути от атлантов живут люди на соляных копиях, которые строят дома из соляных блоков (это сообщение подтверждается поздними этнографическими ис-

следования в этих районах, а кроме того известно, что добыча соли, издревле бывшей важнейшим товаром в транссахарской торговле, действительно производилась примерно в этих районах). К югу от песчаной полосы, населённой кочевниками, Геродот помещал пустыню без воды, зверей и растительности.

Кроме того, Геродот говорит о максиях — оседлых земледельцах, соседях авсеев (IV, 191), занеках / завеках, женщины которых водят боевые колесницы, гидзантах — пчеловодах, использующих в пищу чёрных обезьян, и некоем безымянном народе «по ту сторону Геракловых Столпов», с которым карфагеняне вели «немую» торговлю. Завершая перечисление народов Ливии, Геродот даёт их общую классификацию по четырём группам: ливийцы на севере, эфиопы на юге представляют автохтонное население; финикийцы и греки на средиземноморском побережье — иностранцы на территории Африки.

Таким образом, Геродот утверждал, что внутренние и южные части Ливии были заняты автохтонами-эфиопами, а в качестве важной промежуточной группы между ливо-берберскими автохтонами средиземноморского побережья и эфиопской внутренней Ливией он называет гарамантов и аммониев. В целом же, как и у Гомера, страна эфиопов у Геродота находится на юге, на краю обитаемой земли, на берегу Океана. Сами же эфиопы у Геродота составляют три группы: эфиопы, обитающие во внутренней Ливии, западнее Египта; эфиопы-троглодиты, соседи гарамантов, и азиатские эфиопы (Herod. II, 94; VII, 70). Эфиопов, обитающих по ту сторону Египта, Геродот упоминает один раз — IV, 197.

Геродотово утверждение о том, что эфиопы являются автохтонами Ливии и самыми древними людьми на земле, повторялось и позднейшими авторами (ср. Diodor. Biblioth. Hist. III, 2).

Наиболее важная и значительная группа среди эфиопов, пограничных с египтянами, — эфиопы-макробии — долгоживущие эфиопы, самые высокие и красивые из всех людей (Herod. III, 20–25; III, 97; 114). Этим этнонимом обозначались все этнические группы негроидной расы, заселявшие области южнее Египта (в характеристике физического облика доминирует представление об их абсолютной черноте и курчавоволосости — VII, 69–70).

Эфиопов-троглодитов Геродот помещает дальше к западу, не доходя до гарамантов, подчёркивая в их обобщённом описании быстроту их в беге и использование в пищу рептилий (ящериц и змей — IV, 183).

Троглодиты в более поздних описаниях образуют чрезвычайно большую и важную группу эфиопов. Место их обитания отодвигается дальше, вплоть до крайнего юга. Страбон упоминает их среди жителей побережья Мегабары вместе с блеммиями и нубадами (Strabo VII, 786), по-видимому, идентифицируя троглодитов с этими двумя этносами. Диодор объединяет их с номадами (Diodor. III, 32), помещая их области внутри жаркой

Эфиопии (Diodor. III, 14; 34) и как бы относя к другому региону Эфиопии (Diodor. III, 38). Агатархид так же помещает троглодитов на крайнем юге Африки (Agatharch. V, 30 — PG CIV, 51–52).

Таким образом, эфиопы у Геродота обозначают всё негроидное население Африки, которое образует две основные группы: часть эфиопов, жившая в верховьях Нила, обладала развитой культурой; эфиопы-троглодиты, обитавшие в пустынях и жившие в пещерах, имели более примитивный образ жизни. Судя по контексту и уровню представлений об Африке в V в. до н.э., говоря о безымянных народах по ту сторону Столпов Геракла, Геродот также причислял их к эфиопам (о западных эфиопах греческая историческая традиция знала издавна) (Herod. IV, 185; 196).

Точное определение границ между названными Геродотом ливийцами и другими этническими группами очень затруднительно; из его текста понятно лишь, что эфиопы жили не только в Эфиопии, но и в Ливии, а все ливийцы и эфиопы — автохтоны (IV, 197). Они оказали сильное влияние на греческую культуру: в частности, от ливийцев, у которых зародились религиозные церемонии, греки заимствовали культ ливийской «Афины»; эгида Афины — ливийского происхождения, как и ритуальные вопли женщин в церемонии; умению ездить на квадригах греки также научились от ливийцев (Herod. IV, 189). Не сомневался в автохтонности эфиопов и Диодор, рассказывавший об их верованиях (Diodor. III, 2).

В V книге своего труда «Об Эритрейском море» Агатархид, описывая Эфиопию, называет восемнадцать этнонимов, относящихся к эфиопам (PG CIV, 10–75), начиная от Египта — в юго-восточном направлении.

Первыми Агатархид называет две группы эфиопов, не уточняя их характеристик: первая из них заселяла область южнее границы Египта, вторая — прибрежную полосу вдоль Красного моря (V, 7; 10 — PG CIV, 19; 30). Затем названы четыре группы эфиопов, охарактеризованные по основным занятиям: эфиопы, питающиеся сезамом и ячменем (т.е. земледельцы), эфиопы-номады, эфиопы, обитающие в болотах и эфиопы-рыболовы (V, 12 — PG CIV, 33).

Далее перечисляются ихтиофаги, питающиеся рыбой (V, 14–15); апатики — ни на что не реагирующие, бесчувственные люди (V, 16); эфиопы-островитяне, населяющие острова у восточного берега Африки, питающиеся черепахами и называемые Диодором (III, 21) и Страбоном (XVI, 773) хелонофагами; эфиопы, питающиеся китами (V, 20) (известные и Диодору — III, 21); эфиопы-хилофаги, питающиеся молодыми листьями растений (V, 23) (это растение Агатархид называет *buniasis*, а Диодор (III, 24) — *bunia*; комментаторы считают его видом репы). Следующими названы эфиопы-охотники, добывающие пропитание во время постоянных передвижений (V, 24), относительно которых Диодор, также знающий о них (III, 25), говорит, что они охотились преимущественно у источников, к которым

животные приходят на водопой. Далее следуют эфиопы-элефантофаги, более всего предпочитающие питаться мясом слонов (V, 25) (Страбон (XVI, 772) и Диодор (III, 26) называют их *elephantomaques*); струтофаги — охотники на страусов (V, 26) (Strabo XVI, 772; Diodor. III, 28); эфиопы-симии (V, 26), известные Страбону как силии (XVI, 772); акридофаги, питающиеся саранчой (как и некоторые из известных Геродоту обитателей пустыни, чей способ приготовления лепёшек из перемолотых сушёных акрид сохранился, по свидетельствам этнографов, и у современных жителей пустыни). Об этих эфиопах-акридофагах писали и Страбон (XVI, 772), и Диодор Сицилийский (III, 29), который описывает их ужасную и преждевременную смерть. Наконец, Агатархид упоминает ещё эфиопов-кинамологв, доителей собак, о которых говорили и Страбон (XVII, 786), и Диодор (III, 31), называющий их кинаминами, или «дикими»; и очень многочисленных троглодитов (V, 30), населявших, по Страбону (XVI, 770), области выше Мероз, а по Диодору (III, 32; 34; 38), представлявшие население отдельной области Эфиопии.

Полностью текст Агатархида не сохранился, а дошёл в виде резюме в «Библиотеке» Фотия. Однако Диодор отмечал, что Агатархид — один из важнейших источников. Его данными широко пользовались позднейшие авторы, о чём свидетельствуют многие параллельные места у Диодора и Страбона, имевших общим источником труд Агатархида.

Наибольшее количество сведений об Эфиопии и её народах собрал в своей «Географии» Страбон, называющий около тридцати этнонимов, практически все известные в его время.

От мыса Дир до границы Мероз Страбон помещает ихтиофагов, составляющих большую группу эфиопов, занимающихся рыболовством (XVI, 769–770). Затем идут сембриты, выселившиеся во времена Псамметиха в царство Мероз из Египта (XVI, 770); с ними соседствовали кочевники, северные соседи ихтиофагов, а далее жили ри(д)зофаги — корнееды и гелен — жители болот (XVI, 771). С ризофагами соседствовали сперматофаги — поедатели семян, питавшиеся зёрнами злаков и орехами (XVII, 786); под тем же этнонимом названы и другие эфиопы, о которых сказано, что они ходят обнажёнными и вооружены луками и стрелами (XVI, 771; XVII, 786). Затем названы креофаги, поедатели мяса (характер пищи явно указывает на скотоводческие занятия этих эфиопов), практикующие обрезание у мужчин и эксцизию у женщин; кинамолги — доители собак (XVI, 771; XVII, 786); элефантофаги, имеющие второе название — акафарты — «грязные» (XVI, 771); струтофаги (XVI, 772); силы (= симы) (XVI, 772); акридофаги — чёрные, малорослые, живущие до сорока лет люди (XVI, 772); ихтиофаги и ихтиофаги-колобы («изувеченные»), питающиеся рыбой и строящие хижины, вырытые в земле и покрытые костями рыб (китов) и ветками. За ними названы черепахоеды — хелонофаги (XVI, 773), какое-то безымянное пле-

мя у мыса Пифолая, не практикующее обрезание (XVI, 774); мегабары — южнее Мероз (XVI, 776) (о них же есть и у Диодора (III, 33); блеммии — знаменитый народ в этом регионе Африки, упоминающийся ещё в надписи Силко в VI в. до н.э. (CIG n.5039); троглодиты (XVI, 775); нубы, которых многие авторы ассимилировали с нубадами (XVI, 770); население Фил, состоявшее из египтян и эфиопов (XVII, 818); эфиопы Напаты, столицы царства царицы Кандаки (XVII, 820); эфиопы Мероз, у места слияния Астаборы, Астапода и Астасоба (XVII, 822).

После эфиопов Напаты Страбон говорит о жителях на берегах озера Псебо, состоящих из эфиопов и ливийцев (XVII, 822), а затем об эфиопах на севере материка: маврусиях, жителях Маврусии (совр. Мавритании) (XVII, 824–825), предлагая странную версию их индийского происхождения (XVII, 828), видимо, исходя из старой теории об азиатских эфиопах, хотя другие авторы его времени и более поздних времён не сомневались в их принадлежности к эфиопам Ливии. Гетулов он помещает на юге Римской Африки (XVII, 826; 829); западные эфиопы — чернокожие жители на западе континента, а между ними и маврусиями помещались фарусии (XVII, 829); их соседями были в этом регионе нигреты, использовавшие, как и фарусии, боевые колесницы и луки (XVII, 827–829). Нигреты были союзниками фарусиев в борьбе против жителей Тира и во время боевых действий разрушили до трёх сотен разных пунктов (XVII, 829).

Эти подробности относительно этнического состава эфиопской части Африки очень важны как резюме реальных знаний греков почти за тысячелетие, наглядно демонстрирующее и их глубину, и точность, и одновременно часто присущую им недостоверность или фантастичность. Многие свидетельства так и остались уникальными, другие были уточнены в римское время после 20-х годов I в. н.э., уже после смерти Страбона. «Эфиопские» данные Страбона имеют особую ценность и потому, что хорошо подтверждаются аналогичными материалами великолепного компендиума его современника Диодора Сицилийского, труд которого считается по праву одним из наиболее полных сочинений по внутренней и тропической Африке.

Диодор был точным и компетентным компилятором, умевшим создать связную картину, используя имевшийся массив многочисленных, но разрозненных свидетельств. Его сводка о негроидных автохтонах Африки наряду со страбоновой «Географией» является наиболее полной, отражающей состояние античного знания по этому сюжету к последней трети I в. до н.э.

Свои конкретные сведения он предваряет замечаниями общего характера, сообщая, что по происхождению эфиопы — самые древние люди на земле, что их культура дала начало цивилизации в долине Нила (в первую очередь, египетской). Научный метод Диодора основан на критике источников и их оценке с точки зрения соответствия сведениям, имевшимся в его

время относительно южных районов континента (Diodor. III, 11). Диодор избегает источников фантастического характера и старается использовать прямые свидетельства самих эфиопов или их ближайших соседей — египтян. Одновременно он высоко ценит геродотовскую традицию и ориентируется на его ранние свидетельства, а также учитывает исследования своего современника Страбона, взяв за основу своего обзора этнического состава Эфиопии тот же маршрут, по ходу которого давал своё перечисление эфиопских этносов Страбон. Обзор этносов внутренней Эфиопии Диодор начинает от побережья Красного моря, названного у него вслед за старой античной традицией Аравийским заливом.

На побережье Аравийского залива он называет две группы эфиопов, одна из них только упомянута, без подробностей, а другая названа «южными эфиопами», которые обитают в самых южных областях континента (III, 14). Кроме того, он выделяет большую группу эфиопов-ихтиофагов, которые представлены двумя частями: одну составляют ихтиофаги, никогда не употребляющие воды (III, 18), другую — ихтиофаги, живущие в горных долинах, где-то далеко на юге (III, 20).

Следующими названы хелонофаги (III, 21), «поедатели черепашек» на восточном побережье Африки, соседи хелонофагов (*ibid.*); рыбаки, использующие для ловли рыбы ловушки или прорывающие мелкие каналы, куда загоняют рыбу (III, 22); ризофаги, поедатели корней (по-видимому, плоды маниоки), живущие на берегах реки Астаборы (III, 23); хилофаги, питающиеся листьями *bunia* (III, 24); эфиопы-охотники, отслеживающие дичь возле источников (III, 25); элфантамаки (элефантофаги) — охотники на слонов (III, 26); симы — эфиопы с приплюснутыми носами, живущие далеко к западу (III, 28); струтофаги, поедатели страусов, охотники, помещаемые далеко к югу (III, 28); акридофаги — поедатели саранчи и других насекомых (они рано умирали от того, что их поедали изнутри какие-то странные насекомые), населявшие пустынные районы Эфиопии (III, 29); какое-то эфиопское племя, не названное по имени, которое было истреблено пауками, скорпионами и львами (III, 30).

Ещё дальше к югу Диодор помещает кинаминов, или кинамолгов — доителей собак, которые также названы «дикими» (III, 31); троглодитов, или номадов, живущих в пещерах и практикующих обрезание (III, 32); колобов, или мутилов — подразделение троглодитов, которые практиковали сразу после рождения ампутацию детородных органов (III, 32); мегабаров, тоже троглодитов по образу жизни, имевших обычаи лишать себя жизни в случаях, когда более не могут приносить пользы (III, 33).

После этого перечня эфиопских этносов Диодор называет некоторые ливийские народы, по большей части ориентируясь на Геродота: ливийцев, живущих поблизости от Египта (III, 49); насамонов, маков, мармаридов (неизвестный Геродоту народ, впервые названный в перипле Скилакса —

GGM, p.82), макаев (народ, помещаемый Геродотом (IV, 42; 175) на западном побережье Большого Сирта); мифический народ воинственных амазонок (III, 51–55); наконец, на крайнем западе — полигамных атлантов (III, 57).

В классификации Диодора этносов Африки выявляются три большие подразделения: в одном из них оказываются большие этнические группы, во второе входят мелкие этносы или этнические подразделения, в третье — мифические народы. В целом, используя данные Геродота, Страбона, Агатархида и других предшественников, Диодор учитывает максимальное количество сведений и полностью адекватно отражает имевшиеся в его время представления и конкретные знания о народах Чёрной Африки.

Тот факт, что древние греки, говоря об эфиопах, знали и осознавали, что это не один, неопределённо большой и нерасчленённый этнический массив, а целый конгломерат различных по величине и уровню развития народов, имеет чрезвычайно важное значение и для выяснения вопроса о реальной картине общественно-политического устройства стран Эфиопии (ибо и в восприятии страны под названием Эфиопия со временем произошли существенные уточнения: грекам стало понятно, что на деле она состоит как бы из многих Эфиопий, отличающихся по своему характеру и способам общественного устройства, — разноуровневых, — как сказали бы мы).

С этой точки зрения становится объяснимой та разноголосица и противоречивость, на первый взгляд, парадоксальные, которую дают античные письменные свидетельства в описаниях политического устройства у эфиопских народов: тогда становится понятным, почему античные авторы то характеризуют общества эфиопов как вовсе не имеющие политического устройства, то говорят о могущественных царствах с наличием различных общественных институтов и социальной иерархии. Действительно, учитывая характер и особенности самих античных источников по Африке (их фрагментарность, особый подход к описаниям варварских народов и далёких стран, тенденцию к мифологизации Эфиопии и т.п.), а также объективно подтверждаемое всей совокупностью имеющихся источников различного рода сосуществование на африканском континенте издревле стадially разноуровневых обществ, можно объяснить эту бросающуюся в глаза противоречивость античных свидетельств.

Первая известная нам форма политической жизни отражает мифический тип политической организации, который ранее всего, разумеется, отражён у Гомера. Представления и сведения гомеровских поэм, ещё расплывчатые, тем не менее с полной определённойностью указывают на то, что эфиопы образовывали огромное царство где-то далеко на юге ойкумены. У них правил знаменитый среди всех народов легендарный царь Мемнон (Odys. I, 22–26; XI, 522). При его правлении царство процветало и подданные его были счастливы и пребывали в мире и достатке в своей богоизбранной стране,

где стада дают по три приплода в год, а тучные пашни доставляют полное изобилие (*Odys.* IV, 84–89). Правда, эта обобщённая, полностью мифологическая картина счастливого царства у Гомера не дополняется никакими другими подробностями.

Однако уже у Геродота Эфиопия известна гораздо полнее, и страны эфиопов выглядят значительно разнообразнее. Геродоту известно, что некоторые этносы, типа троглодитов, не имеют никакого политического устройства и ведут естественный образ жизни, но одновременно он знает и другие эфиопские этносы, у которых существуют могущественные царства. Прежде всего, это эфиопы-макробии (*Herod.* II, 29; 139; III, 20–25; 114), которые имеют столицу, войско, храмы «Зевса» и «Диониса», оракул; они мумифицируют покойников, расписывая мумии, приносят жертвы богам, имеют необычный жертвенник — «солнечный стол», с которого осуществляются общественные кормления народа; золота у них столько, что из него делают оковы, зато очень ценят медь. Живут они до ста двадцати лет, это самые красивые и высокие люди на земле; своего царя они избирают из числа самых красивых и высоких; вооружены они огромными луками, натянуть тетиву которых не в состоянии никто, кроме них самих; к тому же макробии — самые свободолюбивые люди, никому не позволяющие посягать на свою свободу.

Выше Египта Геродоту известно ещё одно царство эфиопов, которые были покорены персами и признавали власть Ксеркса (VII, 9). Но и они приносили дань персам не потому, что должны были это делать после их покорения Камбисом, а по своей воле, добровольно. Они занимали область Нисы, на границе с Египтом, жили в подземных домах и почитали своего Диониса. Подобно эфиопам-макробиям, они были землепашцами, и царство их было богатым: в числе даров этих эфиопов персидскому царю перечисляются слоновые бивни, эбеновое дерево, самородное золото, а также пять эфиопских мальчиков (*Herod.* III, 97).

Геродот называет ещё два могущественных эфиопских царства: Мероз, которое считалось метрополией эфиопов (II, 29–30), и далеко на юге, в двух месяцах плавания от Элефантины, царство автомолов — перебежчиков-египтян, которые перешли под власть эфиопского царя при Псамметихе. До страны перебежчиков от Мероз Геродот называет расстояние в пятьдесят дней пути (II, 30–31).

Общественное устройство внутри этих государств или их законоуложение Геродотом не описывается, и судить о нём можно только по косвенным признакам и случайным подробностям. Однако некоторые важные свидетельства позволяют яснее представить их военную организацию и отношения с внешним миром.

То, что эфиопы не были абсолютно изолированы от внешнего мира и принимали какое-то участие в мировых событиях, видно уже из гомеровской

традиции, из известного факта об участии царя эфиопов Мемнона в Троянской войне на стороне Приама, на помощь которому Мемнон привёл своих воинов. Геродот, рассказывая о неудачной экспедиции Камбиса против эфиопов, показывает не столько мощь их армии, сколько дипломатическую мудрость эфиопского царя (III, 17–25). Воинские качества эфиопских солдат высоко ценились за пределами Эфиопии: их знали в Египте, Азии, Греции; их охотно привлекали в регулярные армии могущественных древних держав. Геродот сообщает, что в армии сына Дария Арсамена были эфиопские войска. Здесь же очень точно описано вооружение эфиопов: длинные, в четыре локтя длиной, луки, короткие тростниковые стрелы с каменными наконечниками, копья с заострённым рогом на конце, дубинки, обитые железными остриями; тела свои они раскрашивали гипсом и суриком, плащами им служили шкуры барсов и львов (Herod, VII, 69).

Понятно, что в силу тесного соседства отношения эфиопов были наиболее интенсивны с Египетской державой. Тесные контакты эфиопов и египтян в военной, государственной, культурной, экономической и других сферах зафиксированы уже для II тыс. до н.э. Геродот знает о единственном египетском фараоне, Сесострисе (XVIII династия — XVI–XIV вв. до н.э.), царствовавшем над Эфиопией (II, 110). Но он также говорит о восемнадцати эфиопских фараонах в Египте («эфиопской» династии), что подтверждает факт длительного и прочного эфиопского присутствия в Египте.

Сообщаемые Геродотом сведения о политическом устройстве, существовавшем у некоторых крупных народов Эфиопии, конечно, неполны и отрывочны. Но и поздние авторы, добавляя некоторые подробности, не слишком расширяют наши знания по этому вопросу. И всё же общая картина существовавших в Чёрной Африке раннегосударственных и архаических, монархических по форме общественно-политических структур вырисовывается достаточно явственно.

Что касается общественных институтов, установлений и обычаев в африканских обществах менее высокого стадияльного уровня (в первую очередь в группе малых этносов, которые, по мнению античных авторов, не имели никакого политического устройства), то сведения об этом также достаточно редки и даны очень обобщённо. Это не удивительно, если помнить о нечастых прямых контактах греков с автохтонами Африки, достаточно ограниченном и выборочном интересе к особенностям социальной жизни негреческих народов (он касался преимущественно сфер экзотических и удивлявших греков своей непохожестью на их собственные представления и обычаи), наконец, о плохой сохранности источников, часть сведений из которых просто не дошла до нашего времени.

Всё это в полной мере определяло характер геродотовых этнографических описаний. Рассказывая о лучше и ранее всего знакомых ливийских народах севера континента, Геродот часто даёт различные подробности их

жизни и быта, особенно подчёркивая удивительные или странные на взгляд грека особенности.

Например, описывая обычаи адирмахидов (Herod. IV, 168), он сообщает, что «своих девушек они показывают царю перед их вступлением в брак; какая из них понравится царю, ту он и лишает невинности». О «гарамантах, избегающих общения» (гамфазантах других авторов), сказано, что они не имеют никакого оружия и не умеют отражать нападений врагов (IV, 174); о гинданах Геродот рассказывает, что женщина у них ценится тем больше, чем больше связей с мужчинами у неё было, о чём можно было узнать по числу кожаных колец, надеваемых на ногу как браслеты (IV, 176). В обычаях махлиев Геродота удивила практика устраивать бои на палках между девушками на праздниках, посвящённых ливийской «Афине», которая, по версии, излагаемой Геродотом, была дочерью Посейдона и местной богини Тритониды — нимфы одноимённых озера и реки; впоследствии она было удочерена Зевсом. Кроме того, сказано и о том, что махлии не знали браков и имели беспорядочные («смешанные») сношения с женщинами, что заставляло их определять отцовство по похожести подросткового юноши на какого-либо из взрослых мужчин племени (IV, 180). О народах, населявших глубинные области Африки, Геродот сообщает гораздо меньше, хотя некоторые подробности о религиозных представлениях, вооружении и способах ведения войны (например, об использовании эфиопами-троглодитами боевых колесниц) у него всё-таки имеются, хотя в целом нельзя не пожалеть об их фрагментарности.

У более поздних авторов известий об эфиопах и Эфиопии всё же несколько больше, чем их было в V в. до н.э., что явствует из сочинений Агатархида, Страбона и Диодора, аккумулировавших всё известное греческой научной традиции об Эфиопии. Причём описания в послегеродотовой этнографо-исторической литературе относятся к трём категориям африканских народов: мифическим народам, крупным народам и мелким этническим группировкам, разница между которыми хорошо осознавалась греками.

Нужно отметить, что мифическая линия в эфиопских штудиях древних была очень сильна и не угасала на протяжении существования античности. Практически все авторы в той или иной степени ориентировались на гомеровскую традицию, особо выделявшую эфиопов. Это обуславливало и частые реминисценции из Гомера и киклических поэтов, и идеализирующие акценты в разработке эфиопской тематики. Но, естественно, мифологическая традиция со времён Гомера постоянно обогащалась на основе увеличения объёма конкретного знания страны и людей юга Африки.

Гомеровские безупречные эфиопы (Iliad. I, 423–425), живущие на самом краю ойкумены (Odys. I, 22–26), остаются таковыми (самыми высокими и красивейшими из людей — Herod. III, 23). Тот же взгляд сохраняет и

Агатархид, дополняя эту тему популярным у греков мотивом первородства и объявляя эфиопов автохтонами, первыми людьми на земле, от которых произошли все прочие люди (Agatharch. V, 16 = PG CIV, 39). Некоторые этносы эфиопов ведут практически жизнь блаженных в стране обетованной: они не ведают войны, не имеют законов, не знают торговли и политики, живут в согласии с природой, которая щедро даёт им всё необходимое (Agatharch. V, 21 / PG CIV, 42).

Диодор, как и Агатархид, говорит, что эфиопы являются автохтонами и старше всех из рода человеческого (Diodor. III, 1–2). Они первыми изобрели религию и культуру, а также все человеческие установления, которые восприняли у них египтяне: «Большинство обычаев, принятых у египтян, по происхождению эфиопские. Это и почитание царей как богов, и заботы о погребении умерших, и множество других обычаев, по сути своей и форме эфиопские» (Diodor. III, 3).

Продолжение гомеровского мотива о безупречности и богоизбранности эфиопов проявляется и в сюжетах, связывающих с Эфиопией разных богов греческого Олимпа: так, в Ливии происходят приключения Геркулеса (Геракла) и Вакха (Диониса), которые, объезжая обитаемую землю, «особо полюбили только эфиопов, обитавших выше границы Египта, которые никогда не воевали, настолько они были благочестивы» (Diodor. III, 3).

В мифологический контекст входят и некоторые свидетельства, относящиеся к описаниям мелких и малоизвестных эфиопских этносов, например, отмеченное у Агатархида племя людей, которые никогда не испытывают жажды, или ко всему бесчувственные апатики, тяготящиеся жизнью (Agatharch. V, 15–16 / PG CIV, 38; Diodor. III, 18). Такими же легендарными племенами являются кинамолги (кинамины), упоминаемые Агатархидом (V, 29), Страбоном (XVII, 786) и Диодором (III, 31). Признаки сказочного народа приобретают довольно реальные акридофаги (которых приходится отличать от других акридофагов, описания которых вполне реалистичны) благодаря фантастическому объяснению их преждевременной смерти от паразитов, пожирающих их изнутри (Strabo XVI, 772; Diodor. III, 31; Agatharch. V, 29).

Архаические черты в описаниях жизненного уклада и обычаев некоторых мелких эфиопских этносов часто являлись причиной для возникновения некоторых мифологических ассоциаций (о людях наивных, не испорченных культурой, — «детях природы»).

Известная склонность греков давать малознакомым мелким этническим подразделениям названия по основному виду их пищи (что является важным признаком, косвенно говорящим о роде их основной деятельности и в какой-то мере даже об образе жизни) обусловила и достаточную краткость описаний этносов типа ихтиофагов, струтофагов, хелонофагов, креофагов, ситофагов и т.п., поскольку часто авторы считали достаточной ту информа-

цию, которая содержалась уже в самом «говорящем» этнониме. О социальной структуре или политической организации общества если иногда и упоминается, то в очень обобщённой и сжатой форме. Например, в рассказе Диодора о троглодитах (III, 32) отмечается только их большая численность, а также то, что их «ордами» управляет предводитель.

Достаточно редкое упоминание о формах семейных отношений даёт основание предполагать, что многие описываемые этнические группы или вовсе не знали семейных отношений, или формы их не признавались греками за таковые. Часты случаи упоминания общности жён и детей: у ихтиофагов (Diodor. III, 15; Strabo XVI, 770), хилофаров (Diodor. III, 24; Agatharch. V, 23), троглодитов (Diodor. III, 32; Agatharch. V, 30), у которых, правда, по Диодору, вождь имел право на жену и детей.

В этнографических описаниях в греческих источниках часто уделяется внимание такому важному для этических представлений греков моменту, как отношение к старости. Имеется много указаний на почтительное отношение эфиопов к старым людям, например свидетельство Диодора об огромном авторитете старых женщин у мегабариев, которые пользовались таким влиянием, что по их слову могли прекращаться военные действия (этнографические материалы из разных регионов мира дают аналогичные примеры, характерные для большинства традиционных обществ). Хотя наряду с этим часто говорится об обществах, где больные, старики и калеки считаются недостойными жизни (Diodor. III, 33). По большей части античные авторы дают описания, из которых ясно, что женщины и дети, являясь общим достоянием племени, составляли пассивную его часть.

Вопрос о политической организации мелких племён эфиопов очень трудно разрешим по причине особого характера античных этнографических описаний (о чём уже сказано) и недостаточного знакомства греков с этими удалёнными и неизвестными народами. Но в некоторых случаях, особенно при описании этносов, в которых, по свидетельствам античных авторов, формой социальной организации была орда во главе с предводителем, имеются другие материалы (особенно надписи), позволяющие предполагать наличие у них более сложных социальных структур. Например, в надписи из Адулиса (CIL n.5127) говорится об отношениях царей Адулиса с различными эфиопскими племенами (горными и из глубины континента) и их царями; это даёт основание считать, что они имели какую-то политическую и военную организацию.

Античные источники и эпиграфика римского времени свидетельствуют, что вдоль Нила выше Египта существовали высокоразвитые урбанистические центры: так, в надписи Корнелия Галла упоминаются города Боресис, Коптос, Керамик, Диосполис, Офис, Фила, а также Фиваида с многочисленными княжествами<sup>92</sup>.

Из источников следует, что в Чёрной Африке рядом с кочевыми и полукочевыми этносами, находившимися на стадии племенной организации, существовали и народы, стадияльно-экономический уровень развития которых уже соответствовал или приближался к раннему типу городской цивилизации.

Античные источники свидетельствуют о наличии городов и поселений двух типов: прежде всего, это города-государства полисного типа — колонии — с населением неафриканского происхождения, связанные со своими метрополиями. Их основателями и жителями были греки со своими городами Киреной в Пентаполисе и Навкратисом в Египте, а также финикийцы, основавшие на северо-западном средиземноморском побережье города Ликс и Карфаген. С течением времени возникали новые города в результате постепенной экспансии на новые территории; так, из перипла Ганнона известно об основании тридцати финикийских колоний на западно-африканском побережье; у Страбона упоминается не менее тридцати различных пунийских поселений на всех африканских побережьях (Strabo XVII, 829). Вторую группу городов образуют автохтонные города и поселения: в северной Ливии — столица знаменитого царства гарамантов — Гарама (Plin. N.H. V, 36), на Ниле — Мероэ (Herod. II, 29–30; Diodor. III, 6; Agatharch. V, 22), на красноморском побережье и в восточной Африке более всего названий городов. У Страбона содержится тридцать пять названий городов и поселений Эфиопии (XVI, 769 – XVII, 829).

Маршрут путешествий Страбона по Африке включал в себя как области Восточной Африки и Красноморья, так и средиземноморское и западное побережья: выйдя из Египта от мыса Дир, он двигался вверх по Нилу до самого восточного побережья, углубляясь далеко в южном направлении. Его описания разных этапов своей африканской экспедиции дано очень обстоятельно и состоит их четырёх этапов: из Египта до Мероэ (XVI, 769–771); от Мероэ до пустыни (XVI, 771–773); от пустыни до Южного Рога (XVI, 773–774); от Южного Рога до Столпов Геракла (XVII, 824–829) (области от Мероэ до Южного Рога описываются также в XVII, 785–823).

На отрезке пути до Мероэ Страбон называет города Дир, Гиерополис, Филотерас, Арсиною, Миос-Хормос или Афродитес-Хормос, Беренику, Офиодес, порт Богини-Хранительницы, Птолемаиду слонов, порты Элею, Сабу и местность, называемую «Охота на слонов». Затем он говорит о городах Сиене, Элефантине, Филах, Пселхисе, Премнисе и Напате (у Иосифа Флавия Напата называется Саба — Antiq. Iud. II, 10, 2).

От Мероэ до пустыни Страбон называет порт Мелинус, где помещались «дома охоты», порт Антифил, Беренику Сабы, Сабу, Дарабу и «стоянку у колодца», откуда осуществлялась охота на слонов. От пустыни до Южного Рога Страбон встретил города и охотничьи фактории — Пифангелос (охота на слонов), Арсиною, Дир, факторию «Охота на слонов», Лиху (также место

охоты на слонов), город Льва, Дафнус, порт Птигмус, колодец кинокефалов (как видно, автора чрезвычайно интересуют места охоты и порты — пункты, особо важные для торговых интересов римлян).

В Северной Африке Страбон уделяет больше внимания названиям отдельных районов и гор, а названий городов приводит немного, но в целом, не давая подробного описания, он упоминает о трёхстах пунийских поселениях (XVII, 824–829).

Интересно, что и в Перипле Эритрейского моря обнаруживается тот же, что у Страбона, прагматический характер фиксации не только городов и населённых мест, но и охотничьих факторий (стоянок, баз) и портов, что вытекало из экономических и торговых интересов античного мира в обильных природными богатствами областях Эфиопии. В перипле описываются те же регионы, что у Страбона, и многие данные совпадают (в частности, называется много тех же городов, поселений и портов на Красном море), но осведомлённость автора перипла о глубинных районах иногда более широка: он знает около сорока названий разных пунктов на том же участке пути, которым шёл Страбон, причём здесь более тщательно отмечаются основные местные продукты и товары, предназначенные на экспорт (что даёт важный материал для реконструкции экономической стороны жизни разных областей Эфиопии и показывает содержание торговых и экономических интересов античности в этих регионах мира).

Само по себе существование во многих областях античной Эфиопии городов и поселений, даже при дефиците подробной информации, даёт возможность сделать заключение о том, что некоторые из негрских народов Эфиопии по степени развития политической и военной организации и по имевшимся у них экономическим возможностям уже достигли достаточно высокого стадийного уровня и входили в ряд предгосударственных и раннегосударственных образований ойкумены.

Более того, известия античных источников о городах эфиопов и подробности, указывающие на их разностатусный характер, даёт основания для вывода о существовании в древней Чёрной Африке и могущественных царств с развитыми государственными микро- и макроструктурами. Так, многие города выступают в источниках не как отдельные полисные образования, а входят в некие более масштабные конгломераты, тяготеющие к какому-либо одному политическому центру. Например, в отчёте об экспедиции Петрония против царицы Кандаки города Пселхис, Премнис, Сиена охарактеризованы как примыкающие к Напате, которая была известна античным авторам как столица царства Кандаки (Strabo XVII, 819–820). Геродот и все последующие авторы описывали город Мероэ как великую метрополию. Гораздо позже, в Перипле Красного моря, говорится о царстве аксумитов и порте Адулис как о значительной политической и эконо-

мической силе, признанной всем миром и расположенной рядом с Мероз (Periplus Maris Erythraei 2, 4, 17, 24).

Свидетельства античных авторов о могущественном и блестящем царстве эфиопов — Мероз — нашли, как известно, полное и убедительное подтверждение благодаря многолетним и глубоким исследованиям археологов и многочисленных специалистов в разных областях науки, создавших целое научное направление в востоковедении, носящее название мероистики<sup>93</sup>. Степень изученности проблем Мероз и доступность литературы по ним позволяют не вдаваться в их подробное изложение, ограничившись только отсылкой к некоторым основным вехам истории древнего царства эфиопов в связи с обсуждаемой темой.

Примерно до 1100 гг. до н.э. Египет и Нубия активно сдерживали продвижение к их границам эфиопов с юга. После этого времени южные негроиды-эфиопы значительно продвинулись в северном направлении, устроив свою столицу в районе Напаты, с VII в. до н.э. получившей имя Мероз (у Иосифа Флавия имеется сообщение о том, что Напата была переименована в честь сестры Камбиса — Antiq. Iud. II, 10, 2). В период между 700 и 300 гг. до н.э. Мероз было столицей второго царства эфиопов, выполнявшая сдерживающую функцию на пути египетской экспансии в направлении южных внутренних областей Африки. Вокруг столицы существовало множество городов, остатки которых обнаружены археологами на пустынном восточном берегу Нила вплоть до Хартума. В самом Мероз раскопками открыты многочисленные доказательства того, что это была столица богатого и могущественного государства с высокоразвитыми культурой, религией, политической иерархизированной структурой, представлявшими одну из самобытных древних африканских цивилизаций. Здесь были раскопаны царский дворец, храмы, посвящённые Исиде, Солнцу и другим божествам, царский некрополь и пирамиды, сложенные из кирпича, с погребальными камерами и орнаментированными пилонами. Один из комплексов (южный) относится к периоду с VIII по III вв. до н.э., второй (северный) — к III в. до н.э. — III в. н.э.

Об уровне развития этой древней «эфиопской» цивилизации свидетельствуют находки здесь и в районе Хартума железных изделий, железоплавильных печей и куч железного шлака, свидетельствующих о развитии в этом регионе технологии обработки железа в период около VI–V вв. до н.э., которая, по мнению некоторых исследователей, распространилась именно отсюда в южные и западные районы Африки (существует, впрочем, другая гипотеза, по которой в западной Африке существовал собственный независимый центр железного производства, возникший в тот же период или даже раньше<sup>94</sup>).

Использовавшие первоначально египетскую письменность, о чём свидетельствуют надписи на мероитских памятниках, с I в. до н.э. мероиты

разрабатывают собственную оригинальную письменность, лучше приспособленную к местному языку.

О военном могуществе мероитов свидетельствует Страбон, рассказывающий о завоевании ими Фиваиды вместе с городами Элефантиной и Филами и подтверждающий, что у них было множество крепостей, в том числе Пселхис, Премнис, Напата — столица государства (Strabo XVII, 819–821). Город находился на слиянии Астабобы и Астапы, у Нила, и был неприступен благодаря самой природе выбранного места (Herod. II, 29; Diodor. I, 33; Strabo I, 62; XVI, 770; XVII, 786; 821; Ioseph. Flav., Antiq. Iud. II, 10, 2).

Иосиф Флавий характеризует Мероэ как один из блестящих городов древности (Antiq. Iud. II, 10) и также отмечает его защищённость топографическими особенностями места: «Это место чрезвычайно труднодостижимо для любого неприятеля: Нил образует вокруг него кольцо; другие две реки — Астап и Астабора — затрудняют подступы, так как перекрывают дорогу к городу. Город оказывается внутри водных преград, подобно острову; каменные мощные стены защищают и от неприятеля, и от разливов рек».

Сформировавшийся в античной традиции об Эфиопии образ могущественного и удивительного африканского царства, созданного эфиопами-макробиями, ассоциировался, безусловно, либо с Мероэ, либо с не менее древним и могущественным Аксумом. Точное решение этого вопроса, по-видимому, невозможно, хотя Аксум кажется более предпочтительным кандидатом на роль прототипа «эфиопского царства» в силу своей гораздо более южной локализации в пределах реальной Эфиопии. Однако, учитывая, что античные источники не дают точных сведений о локализации Аксума и каких-либо подробностей о его социальной и политической жизни, а относительно Мероэ они донесли гораздо больше реальных сведений, можно с большой долей уверенности говорить о том, что в образе «эфиопского могучего царства» соединились черты обоих государств эфиопов, вполне соответствуя свойственному античным представлениям образу.

Царство Аксум, расположенное к югу от Мероэ, было могущественной державой Африки (собственно Эфиопии) в древности. Легендарная традиция возводит эфиопскую династию к царю Соломону и царице Савской, датируя время их жизни примерно X в. до н.э. Первый античный письменный источник, достаточно подробно рассказывающий о политической жизни аксумитов, — Перипл Эритрейского моря, отражающий знания I в. н.э. Разумеется, некоторые подробности о политическом устройстве и социальной жизни Аксума известны по свидетельствам других античных авторов — Геродота (III, 20 и др.), Диодора (III, 5–9), Страбона (XVII, 822–823 и др.).

Аксум характеризуется как крупная метрополия, находящаяся в пяти днях пути от Адулиса — крупнейшего торгового порта, важнейшего узла

на пересечении главных дорог афро-азиатской торговой зоны. В трёх днях пути от Адулиса источники помещают другой важный торговый центр — Колоз. Перипл называет царём страны Зоскалеса, властолюбивого и весьма сведущего в греческой грамоте человека (*Periplus Maris Erythraei* 2, 4, 17, 24). Царство аксумитов занимало огромную территорию, простираясь от Нубии до Восточной Африки и от гор современной Эфиопии до Красного моря, включая и его азиатский берег (территорию современного Йемена), а столица, как свидетельствуют археологические памятники, — остатки грандиозных сооружений, обелиски, античные монеты и пр., — была богатейшим центром политической, торговой, культурной и религиозной (всегда являясь религиозной метрополией страны) жизни. Таким образом, высокий престиж Аксума в древнем мире имел под собой вполне объективные основания.

По фрагментарным и разрозненным данным, содержащимся преимущественно в исторических источниках и наиболее полно скомпилированным Диодором Сицилийским, можно представить обобщённую картину политической жизни государств южной части континента — Эфиопии античного мира. Свидетельства Диодора говорят о существовании здесь выборной монархической системы, базирующейся на признаваемом всем народом действующем законодательстве и правовой системе, отчасти оригинальной, отчасти похожей на египетскую. Политическое устройство в целом характеризуется античными авторами как относительно демократическое, признающее основанием всякой власти (в том числе выборной царской власти) народ, что, однако, не исключало и других оценок, которые отмечали проявления деспотизма правителей по отношению к своим подданным.

О монархической системе у эфиопов античный мир знал издревле, особо акцентируя выборность эфиопских царей и неизменно удивляясь экзотичному для греков критерию этого выбора. Геродот, рассказывая о том, что претендент на царство должен был быть самым высоким и прекрасным наружностью из всех прочих, специально подчёркивает исключительно африканский характер этого обыкновения словами «по понятиям соплеменников» (*Herod.* III, 20–24). Это свидетельство Геродота многократно повторено другим античными писателями: Аристотель в «Политике» упоминает, что в Эфиопии царей выбирают по их красоте, силе и безупречности телосложения (*Aristot., Politica* II, 189). Диодор, гораздо лучше осведомлённый об Эфиопии, излагает этот факт с новыми подробностями, одновременно сообщая, что такой способ избрания царя практикуется многими африканскими племенами и народами и что обычаи и ритуалы выборов бывают различными (*Diodor.* III, 9). В своём свидетельстве Диодор говорит: «Эфиопы избирают на царствование из тех, кто обладает самым прекрасным телосложением, так как полагают, что и царские достоинства (сан), и физические отличия являются даром судьбы; к тому же такие люди богаче

других одарены способностью к воспитанию воинов, а потому они лучше прочих приспособлены исполнять роль царя. Другие предпочитают выбирать на высшую должность власти из самых богатых, так как полагают, что они, обладая большими сокровищами, сумеют лучше помочь своему народу. Наконец, есть и такие, кто избирает царём человека, славящегося своим отменным здоровьем, поскольку они считают, что такой человек лучше других приспособлен к приобретению воинской славы и единственный из всех заслуживает носить высший титул».

Выборная монархия (этот термин в большей части случаев его использования в применении к африканским правителям следует понимать в буквальном значении — «единовластие, единоправие», не вкладывая в него того значения, в котором он выступает при обозначении абсолютистского, единовластного владыки в иерархизированном обществе с развитой государственностью и наследственностью власти) является свидетельством того, что главной основой власти остаётся народ. Это положение хорошо подтверждается и тем, что для подобных африканских обществ источники свидетельствуют о праве того же избирающего на царствие народа приговаривать царя к смерти, что делает народ в буквальном смысле хозяином жизни и смерти своего владыки.

Это свидетельство античных источников подтверждает существование у эфиопов института ритуального убийства царя, широко распространённого у разных народов мира на ранних исторических стадиях и давно описанного в этнографии. Диодор рассказывает об этом обычае, практиковавшемся в жреческой касте мероитов и отменённом эфиопским царём Эргаменом. В рассказе Диодора говорится, что жрецы Мероз, считая себя посредниками между людьми и богами, обладали огромной властью и авторитетом, которые распространялись и на особу царя. Часто, будучи недовольными правлением царя, они, ссылаясь на волю богов, узnanную ими от оракулов, приговаривали его к смерти и лишали жизни. Часто причиной их приговоров были военные неудачи или пренебрежение царём заботами о храмах и жрецах, иногда же решение о лишении царя жизни выносилось на том основании, что он слишком долго правил, а значит, по их мнению, становился уже не способным в полной мере осуществлять царскую власть. Однако в царствование Птолемея II Эргамен, царь эфиопский, обучавшийся в греческой школе и изучавший философию, первым решился объявить этот порядок абсурдным, и он лишил жизни всех жрецов эфиопского Храма золота и упразднил этот местный варварский обычай, управляя в дальнейшем страной исключительно по своей воле (Diodor. III, 6).

Обычаи выборов и ритуального убийства царя (вождя или вообще сакрализованного правителя любого ранга) были чрезвычайно живучи и сохранялись, что зафиксировано в этнографической литературе, у многих африканских народов вплоть до нового времени<sup>95</sup>. Интересен комплекс пред-

ставлений, связанных с фигурой сакрализованного правителя и обычаем ритуального убийства священного царя. Многочисленные этнографические материалы позволяют реконструировать основные положения той идеологической конструкции, которая отражала представления традиционных обществ о царской (вождевой) власти и лежала в основе института ритуального убийства. Комплекс основных признаков, обязательных или желательных для главного носителя сакральной, социальной, экономической, политической или правовой власти (или всей совокупности властей функций), складывается на основании критериев богатства, красоты и физического совершенства (отсутствие физических изъянов — обязательное условие, предъявляемое к сакральному правителю), а также могущества и силы, призванных обеспечить защиту и покровительство всему народу со стороны царя. Как видно, эта ценностная шкала, в которой отражаются качества стереотипного традиционного образа правителя, достоверно зафиксирована в античных источниках, когда в них рассказывается о выборах царей у эфиопов. Ритуальное же убийство священного царя следует рассматривать как необходимый механизм, призванный обеспечить защиту благополучия общества и его нормальное функционирование, гарантом чего являлось полное соответствие центральной властей фигуры идеальному образу сакрального правителя.

Давно доказанный этнографией факт обязательной связи обычая ритуального убийства с культом священного царя (сакрализованного правителя) убедительно подтверждается античными источниками, свидетельствующими о его широком распространении в Африке у эфиопов (шире, чем где-либо в другом месте мира). Диодор (III, 3) отмечал, что «цари почитаются подобно богам, заботы по уходу за гробницами и местами захоронения мёртвых и большинство прочих обрядов — эфиопские по происхождению установления».

О явном интересе к культу царя у эфиопов свидетельствует подробное описание церемонии интронизации в труде Диодора (III, 5): «Жрецы выстраивают по порядку всех участников церемонии в соответствии с их положением; в их числе находится и претендент на царскую должность, который узнаётся по тому, что во время пиршества, блестящего и проводящегося по строго определённого ритуалу, божество подаёт знак, по которому все хватают того, кому предназначено быть царём народа. В знак признания его избранничества все повергаются перед ним ниц, восхваляют его и почитают, как будто он бессмертный, поскольку он является единственным, которому высшим провидением дарована высшая власть». Среди прочего царский культ проявляется и в том, что персоне царя выказывается особая преданность, выражается верность ему, сохраняется привязанность к нему вплоть до наступления у царя физической немощи, и все подражают ему во всём, даже в жестах и манерах (Diodor. III, 7). В подтверждение

сказанному Диодор с изумлением и некоторой иронией, но одновременно с большой точностью и достоверностью в деталях пишет следующий пассаж: «Говорят, есть другой закон, по которому друзья царя (по-видимому, речь идёт о какой-то определённой категории в социальной иерархии и слова "друзья царя" следует понимать как термин для её обозначения) абсолютно покорны ему — закон этот существует и в наши дни — и сопровождают его при выходах во время приёмов каких-либо чужеземцев. Если царь при каких-либо обстоятельствах лишится какого-либо члена своего тела, то его приближённые, живущие с ним рядом на правах членов семьи, добровольно лишают себя той же части тела. Они честью для себя считают, если, например, царь хромает на одну ногу, хромота на ту же ногу; и делают это все приближённые. И все, когда он совершает торжественный выход, следуют за ним не иначе, как прихрамывая, потому что, как они считают, так они выражают свою любовь к царю, и полагают справедливым разделять с ним как счастье, так и горести жизни <...> У них в обычае также, когда царь умирает, точно так же вместе с ним принимают смерть и все его приближённые, и смерть эту считают большой честью, так как она подтверждает их преданность и дружбу с царём. Замышлять что-либо против царя весьма трудно, так как и сам монарх, и его приближённые имеют равный интерес в сохранении их общей безопасности» (Diodor. III, 7).

Неизменное внимание греческих источников к обычаям и законоустановлениям (νόμοι) эфиопов объясняется не только этнографическим интересом к экзотическим феноменам в жизни варварских народов, но и особым отношением греков к самому понятию закон (νόμος), который воспринимался ими как высшая добродетель, что породило в системе греческих ценностей настоящий культ закона. Показательной иллюстрацией этого могут служить смерть Сократа в платоновских диалогах «Критон» и «Федон» или описываемая в «Тимее» история о египетском происхождении законов Солона, привезённых им для Афин. Об эфиопском происхождении самих египетских законов писали практически все античные авторы, никак не опровергая древнюю традицию о тесной взаимосвязи и даже зависимости (в области культурных инноваций прежде всего) Египта от Эфиопии: «Утверждают, что большинство обычаев, которыми пользуются египтяне, по происхождению эфиопские» (Diodor. III, 3). Несмотря на практиковавшийся культ царя, закон в Эфиопии оставался высшей и неприкосновенной ценностью, и сам царь был не вправе что-либо изменять в нём (Diodor. III, 5): избранный на царство царь был обязан сообразовываться в своём образе жизни с предписанными правилами, определяемыми законами, и следовать во всём, что он обязан делать, тем же обычаям, что и его предки. Закон запрещал ему приговаривать к смерти кого бы то ни было из его подданных, даже если он и заслуживал смертной казни. В этом случае царь ограничивался тем, что созывал на суд особых министров, и

сам являлся туда же с особым знаком, означавшим его решение о вынесении смертного приговора; и приговорённого к смерти тотчас же отводили к нему в дом, где он сам лишал себя жизни. Можно было покинуть свою страну и поселиться в чужой, соседней, и, как у греков, искупить ссылкой свою вину, но многие предпочитали смерть по приговору в отечестве.

Закон у эфиопов был более властен над самим царём, чем над народом, и сам по себе имел магическую власть, так что практически сопротивление закону не бывало (что совершенно согласуется с установленным этнографией реальным положением дел в традиционных обществах разных регионов мира). Конечно, говоря об эфиопских законах, следует учитывать принятый в греческом мире узус употребления термина νόμος, который обозначал одновременно и собственно «закон» (как писанный, так и «неписанный» закон обычного права), и обычай, установление, обыкновение, привычку. Чаще всего в описаниях африканских νόμοι античные источники говорят именно об обычаях, и реже о законах, как-то фиксированных в обществах более высокого уровня, обладавших государственностью и подробно разработанными правовыми системами, имеющими характер общегосударственных законоуложений (Herod. III, 17–25; Strabo XVI, 775; Diodor. III, 5–7; Agatharch. V, 21 и др.). Античные источники содержат информацию об обычаях, регламентировавших самые различные сферы жизни (общественной и частной) у эфиопов; например, грекам были известны обычаи воспитания детей, практикующийся многими африканскими народами обычай совершать обрезание (Herod. II, 104; Diodor. III, 32; Strabo XVII, 796; Agatharch. V, 30) и многие другие обычаи и нормы обычного права, зафиксированные современной этнографией и подтверждающие точность античных свидетельств.

Вообще, в подходе античных источников к описанию эфиопов, негроидной части автохтонов Африки, ясно различимы две тенденции. С одной стороны, античный мир склонен был рассматривать всех чернокожих эфиопов как некий общий нерасчлняемый этнический массив, представляющий собой жителей мифологической (во всяком случае, самой отдалённой и смутно известной) страны, ассоциировавшейся с гомеровским эфиопским царством. С другой же стороны, непосредственный, постоянно увеличивающийся опыт и накопление конкретных знаний о Чёрной Африке приводил к тому, что античные авторы прекрасно различали отдельные эфиопские этносы и части больших этнических объединений, которые и были зачастую непосредственными объектами их описаний. Поэтому, рассказывая о тех или иных мелких этносах или племенах, известных им лично или по рассказам информантов, античные авторы нередко говорят не о целых этнических единицах, а только о части того или иного крупного народа. Когда эти описания оказываются в контексте повествований о каком-либо «царстве» эфиопов, то есть крупном предгосударственном или

государственном образовании, то и сам описываемый небольшой этнос или племя есть основания рассматривать как часть какого-то крупного народа, а не отдельное племя. В этих случаях некоторая подсказка для отнесения описываемого этноса или племени в разряд самостоятельного этноса или части большого может содержаться в упоминании царя.

Совсем редко встречаются в источниках сведения относительно социальной стратификации эфиопских обществ и наличия в них профессиональных групп, но ценность таких данных трудно переоценить. Достаточно вспомнить о таком важном и достоверном факте, как сообщения античных авторов о касте жрецов в мероитском царстве, о которых некоторые авторы располагали подробнейшей информацией: «В Мероэ жрецы, неся обязанности исполнителей священного культа и воздавая знаки уважения богам, считались самым благородным сословием в государстве; они пользовались самым большим авторитетом и могли, когда им в голову приходила мысль, тотчас послать гонца к царю с приказом ему умереть» (Diodor. III, 6). Но это редкий случай, когда источник даёт подробные сведения о социальной профессиональной группе, чаще мы имеем только упоминание или намёк (вроде уже отмеченного случая с «друзьями царя» в иерархии мероитского двора).

Принимая во внимание сложившуюся в представлениях античности репутацию эфиопов как отважных и умелых воинов и всё известное о воинском искусстве и приспособленности эфиопов в делах войны (а также почётность военной профессии в любом обществе), закономерно ожидать, что источники не обойдут вниманием профессиональные группы воинов (свидетельствующие, кстати, о достаточной сложности социальной структуры) в описаниях эфиопских этносов. На самом деле, свидетельств об эфиопских солдатах имеется очень много начиная с их самых ранних изображений в египетском искусстве и письменных источниках и в античных изобразительных и письменных памятниках: о храбрости и воинской доблести эфиопов на примере неустрашимого царя эфиопов говорил Пиндар (Pind. Isthm. V, 40); та же тема явственно выражена у Геродота (III, 21) в ответе царя макробиев персидскому царю: «Царь эфиопов советует царю персов только тогда идти войной на долговечных эфиопов, хотя бы и в большом числе воинов, когда персы будут натягивать такой величины луки с такой же лёгкостью, как натягиваю я, а пока они должны благодарить богов за то, что они не внушают сынам эфиопов охоты присоединить к своей земле чужую». У Страбона описывается численность эфиопской армии Кандаки и её вооружение (XVII, 819–820). Диодор сообщает, что у некоторых африканских этносов участвуют в войне даже женщины: «Они вооружают даже женщин, которые в критические моменты оказывают [армии] военную помощь» (III, 8).

Однако воинские занятия по большей части ещё не были обязанностью определённой, выделенной профессиональной группы, являясь делом каждого мужчины, берущего в нужное время оружие для защиты своего народа. Это положение было характерно для подавляющего большинства эфиопских этносов, описываемых античными источниками, за исключением тех немногих случаев, когда речь идёт о больших этнических единицах с более развитыми социально-политическими структурами, где уже могли существовать постоянные профессиональные группы.

В таких обществах были социальные группы с пониженным статусом, преимущественно рабы и военнопленные, не имевшие гражданских прав и использовавшиеся на тяжёлых работах; известно, что эфиопы употребляли рабов и военнопленных для работ на золотых приисках и в соляных коях, а также на других самых трудных работах (Diodor. III, 12–14; Agatharch. V, 10).

В наблюдениях греков в области социального устройства эфиопских этносов (которые не были ни регулярными, ни частыми), не упущен из виду и такой вид естественной стратификации общества, как половозрастная стратификация, с возрастными классами или без таковых (обладающая, тем не менее, значимыми последствиями для реального положения соответствующей группы в обществе и отражающаяся на её участии в разных сферах жизни социума). Естественное деление на возрастные группы, имеющее всеобщий характер и играющее особо важную роль в обществах архаического типа (в ярко выраженной форме присущее африканским традиционным обществам с древности до сегодняшнего дня), часто отмечается античными источниками. По их данным вырисовывается вполне ожидаемая и закономерная картина половозрастной стратификации, в которой выделяются дети, женщины, взрослые дееспособные мужчины и старики. Правда, античные авторы лишь изредка упоминают незначительные детали, позволяющие угадать более сложную реальность, в которой каждая группа общества с половозрастной стратификацией имеет строго определённые обязанности и права, систему ритуалов перехода и обрядов, связанных с переменой статуса и т.п. Но при всей лаконичности и случайности подобного рода свидетельств всё же можно говорить о том, что информация греков адекватно (хотя иногда косвенным образом) отражает реальную сложность и иерархизированность африканских общественных структур.

Значительное место в античных источниках по Африке занимает информация о природных богатствах континента — её флоре, фауне и полезных ископаемых, — отражающая естественно-научные и экономические (торговые в первую очередь) интересы античного мира. Эта часть африканской тематики в античных источниках имеет собственную специфику, которую необходимо учитывать при её верификации. Основной её чертой является то, что, подобно тому как греки «удваивали» реальность, созда-

вая образ «эфиопа» в своей культурной традиции, так же они «удвоили» и образ самой страны эфиопов — Эфиопии. В первом случае «удвоение» происходило потому, что греки имели две равноактуальные на всём протяжении античности матрицы: идеального, мифологического по сути, эфиопа и конкретного, вполне реального человека чёрной расы, о котором узнавали всё больше, что позволило им создать точный, соответствующий истине портрет африканского негроида. Таким же образом (по двум клише) происходила и редубликация образа страны эфиопов: одна Эфиопия всегда оставалась мифической страной крайнего юга ойкумены, возлюбленной богами землёй, обильной благами страной обетованной, далёкой от реальности, со сказочной природой, фантастическими животными и растениями; другая — вполне достоверная южная страна, с экзотическим, но вполне реальным растительным и животным миром и богатыми недрами, знания о которых постоянно увеличивались за счёт подробностей, получаемых в процессе расширяющихся контактов греков с африканцами.

Природные богатства Африки всегда привлекали внимание античных авторов начиная с Гомера, описывавшего её как благодатнейшую часть мира (*Odys.* IV, 84–89). Из совокупности сведений о флоре, фауне и полезных ископаемых греки адекватно представляли себе Африку как страну охоты и скотоводства, земледелия и минеральных богатств.

В контексте образа легендарной Эфиопии нашли своё место многочисленные сказочные, легендарные и фантастические животные и птицы, которые воспринимаются как неотъемлемая принадлежность мифологического бестиария в картине таинственной и богатой страны на краю ойкумены. Множество таких созданий описывает Геродот (IV, 191–192), а затем эта линия продолжается в последующей письменной традиции: Агатархид рассказывает об удивительных монстрах и змеях (*Agatharch.* V, 46 = PG CIV, 58), Диодор (III, 36–37) и Страбон (XVII, 774) также не забывают о фантастической фауне. Иногда в персонажах мифологического бестиария просматриваются некоторые черты реальных африканских зверей. У Ктесия (*Ctesias*, fr.87) и Диодора (III, 34) описывается загадочный эфиопский крокотт (*Crocottas*), в котором некоторые угадывают черты гены: это существо храброе, как лев, быстрое, как лошадь, горячее, как бык; оно кричит по ночам человеческим голосом, заманивая людей, и пожирает их. У Диодора (III, 35) говорится о том, что змеи в Эфиопии так огромны, что пожирают слонов, а в зоопарке Птолемея II была какая-то специально выдрессированная для борьбы со слоном гигантская змея (*Diodor.* III, 37).

В античных источниках парадоксально соседствуют животные и звери сказочные и абсолютно реальные, интерес к которым был вполне прагматическим. В этом смысле чрезвычайно показательным одно место из «Истории» Геродота (IV, 191–192), посвящённое подробному описанию фауны Ливии и имеющее значение полноценного и достоверного фаунистического ис-

точника, в котором, тем не менее, учитывается и легендарная фауна. Схема описания животного мира у Геродота многократно повторялась другими авторами, поэтому небесполезно привести это место с минимальными сокращениями:

«К западу от реки Тритона на границе с авсеями живут уже ливияне-земледельцы, имеющие постоянные жилища; называются они максиями <...> Страна их, равно как и остальная западная Ливия, гораздо богаче животными и лесами, нежели Ливия кочевников. Восточная часть Ливии, занятая кочевниками, низменна и песчана до самой реки Тритона, а начиная оттуда, к западу, Ливия земледельческих народов гориста, изобилует лесами и зверями. Здесь водятся огромные змеи, ужи, львы, слоны, медведи, рогатые ослы, люди с пёсыми головами, люди безголовые с глазами на груди (так, по крайней мере, рассказывают ливияне), дикие мужчины и такие же женщины, и множество других обыкновенных животных. Таких животных вовсе нет у ливиян-кочевников; зато у них водятся антилопы-пигарги, газели, буйволы, ослы не рогатые, но не пьющие воды, потом ории, из рогов которых изготавливаются рукоятки для так называемой финикийской лиры, — величиною это животное с быка, — далее лисицы, гиены, дикобразы, дикие бараны, диктии, шакалы, пантеры, бории, земноводные крокодилы локтя в три длиною, очень похожие на ящериц, страусы и однорогие змеи. Кроме этих животных там водятся все те, что и в других странах, за исключением оленей и диких кабанов; впрочем, олени и дикие кабаны не встречаются в Ливии вовсе. Водятся здесь ещё тройкой породы мыши: одни называются двуногими, другие зегериями (ливийское слово, означающее холмы); третья порода — ежи. В тех местах, где растёт сильфий, водятся ласки, совершенно сходные с тартесскими ласками. Вот каковы животные в Ливии на всём пространстве, о котором мы могли собрать сведения». Кроме того, говоря о Ливии и Эфиопии, Геродот упоминает саранчу, которую высушивают, размалывают и готовят в виде лепёшек (IV, 172); страусов (IV, 175), змей, ящериц, других рептилий всевозможных видов (IV, 183), а также пчёл, приносящих мёд, и обезьян, употребляемых в пищу (IV, 194).

Множество разных животных Эфиопии называет Агатархид, о некоторых из них он рассказывает по несколько раз: слоны (V, 1, 6, 25), рыбы (V, 12, 54), раковины (V, 13), тюлени (V, 17), черепахи (V, 19), киты (V, 20, 43), львы (V, 22, 33), страусы (V, 26), орикс (V, 26), саранча (V, 27), комары (V, 23), змеи (V, 28, 41, 42), скорпионы (V, 28); мирмиколеоны (муравьи-львы), пардалы, носороги, жирафы (*camelopardales*), сфинкс, кинокефалы (собакоголовы), ибисы, плотоядные быки, крокотты (V, 33–41).

Фаунистический репертуар у Диодора и Страбона примерно тот же, но каждый автор обычно расширяет список известными ему данными. У Диодора упомянуты мурены (III, 15), дикие быки (III, 25), луговые пауки-сенокосцы (III, 30). Страбон называет цесарок (XVI, 769), мор-

скую собаку (XVI, 770), гиппопотамов, крокодилов, ибисов (XVI, 774), мирмиколеонов, носорогов, жирафов (XVI, 774), верблюдов (XVII, 815–816), эфиопских ястребов-перепелятников (коршунов?), которые являются объектом культа, пиявок, ласок, обезьян, слонов, косуль, антилоп (XVII, 826–828). Фаунистические сведения Страбона считаются наиболее полными во всех греческих источниках. У него, кстати, ярко проявляется острый интерес античных авторов к африканским слонам, на которых охотились и по причине высокой ценности слоновьего бивня, и ради их использования в военных целях, и для отправки в зоопарки античного мира; поэтому Страбон тщательно учитывает все известные места, использовавшиеся для охоты на слонов на красноморском побережье и в разных районах Восточной Африки.

Автор Перипла Эритрейского моря демонстрирует достаточно типичный для определённых периодов утилитарный подход к описанию животного мира Эфиопии, обращая внимание только на тех животных и зверей, которые требовались в средиземноморских странах и были предметом торговли с африканцами: для него важны слоны во внутренней Эфиопии и около Адулиса, а также черепахи, панцирь которых был ценным поделочным материалом, излюбленным античными мастерами, изготавливавшими из него ювелирные поделки, различные инкрустации по дереву и особо драгоценные столешницы (*Periplus Maris Erythraei* 4, 6, 10, 17, 30).

Кроме диких животных, птиц и зверей у древних авторов присутствуют описания одомашненных животных, которые чрезвычайно важны для реконструкции картины способа и типа хозяйственной деятельности автохтонов различных районов Африки, а также дают представление о составе и количестве domestified животных. Первое описание домашних животных Африки принадлежит Гомеру, рассказывавшему об огромных стадах коз, овец и коров, щедро дающих молоко, из которого ливийцы готовили сыр (*Odys.* IV, 84–89). У Геродота говорится о больших стадах (IV, 172), лошадях (IV, 170; 183; 189), о быках с огромными рогами, пасущихся, пятась назад (IV, 183), козах (IV, 187). Агатархид упоминает собак, овец, коз, баранов (V, 29–30).

У Диодора из домашних животных названы бараны (III, 8), собаки, быки, индейки, волы, коровы, овцы, козы (III, 31–33; 37). Страбон рассказывает о собаках и «индийских» волах (XVII, 786), баранах, овцах, малорослых собаках (XVII, 821) и лошадях (XVII, 828).

В целом описания domestified животных точно отражают реальное положение дел в животноводческом хозяйстве африканских автохтонов севера и юга.

Что касается флористических описаний в греческих письменных источниках, то к ним в полной мере приложима данная выше характеристика концепции античности в восприятии природы Африки: наряду с утилитар-

ным интересом к растительности континента, в источниках отражается и мифологический аспект в представлениях об африканской флоре. В мифологическом контексте греческой традиции об Африке африканская растительность приобретает наряду с реальными ещё и фантастические формы: все растения здесь огромной величины, с невиданными и необычайными плодами, обладающими волшебными свойствами.

Геродот рассказывает о знаменитом и легендарном растении сильфии (IV, 169), чрезвычайно популярном в античном мире, являвшемся предметом экспорта с древнейших времён основания греческой Кирены (значение и слава сильфия были столь велики, что его изображение даже помещалось на киренских монетах и часто появлялось в греческой вазописи; его использовали и как пряную приправу, и как лекарственное средство, обладавшее, по представлениям греков, волшебной силой; к последним векам античности сильфий в Киренаике, где он был эндемичным растением, полностью выродился, и новому времени он не известен, что делает невозможным его точную идентификацию; предполагается лишь, что он принадлежал к семейству молочаевых). Знает он и о финиковой пальме и её плодах (IV, 172; 182; 183), о лотосе (IV, 177), оливах и винограде (IV, 195), о злаковых растениях (пшенице и других), дающих на плодородных почвах Ливии по три урожая в год (IV, 198–199). Сообщения о растениях Африки и свойствах её почв являются поводом для рассказов о занятиях коренного населения различных регионов континента, в частности о ливийцах-землепашцах, занимавших большую часть восточного средиземноморского побережья (одновременно отмечая, что западная часть Ливии обладает худшими условиями для земледелия, но более богата зверями и покрыта лесами (IV, 191).

У Агатархида названы тростник (V, 22), неизвестные растения *bouniasis* и *palinurus* (V, 24; V, 30), оливы (V, 42; 53), благовонные растения, пользовавшиеся самым большим спросом на ранках античного мира (V, 44), растение «волосы Исиды» (V, 53).

Диодор даёт около десятка названий различных растений: эбеновое дерево, сезам, лотос, розы (I, 33; III, 8); тростник (III, 10); растение *palirius*, из которого давят сок для приправы к рыбе (III, 16; 32); водоросли, оливы (III, 19), *bunia* — сорт репы (?) (III, 24), различные цветы, названия которых ему неизвестны (III, 32).

Страбон даёт, как обычно, самый большой перечень различных растений Африки, включающий до сорока названий: оливы (XVI, 769–770; 773; XVII, 809), водоросли, фикус (XVI, 770), *styrax* — растение, дающее камедь (XVI, 773); морская водоросль фукус, пальмы, лавры, персея, *lycaminus*, благовония (XVI, 773). Он называет также папирус, ладан, тополь, мирру, *fleus*, *cinnamon* (XVI, 774), египетские и эфиопские пальмы (XVII, 818), просо, ячмень, съедобные травы, лотос, корень тростника каламус (XVII, 821); египетский миндаль, персею, акацию (XVII, 822); виноградную

лозу местного происхождения, арум, драконтий, морковь, конский укроп, сколим — съедобный чертополох (волчец), спаржу (XVII, 825–826). Хотя не все называемые Страбоном растения поддаются отождествлению с известными ботаникам видами, его сведения имеют огромное значение и для подтверждения коммерческого интереса античного мира к природным богатствам Африки и выделения тех сельскохозяйственных культур, которые пользовались наибольшим спросом, и для уточнения набора агрикультур, использовавшихся автохтонными жителями в их хозяйственной практике (причём видно, что местные жители умели получать плоды и дикорастущих, и domestифицированных растений).

В целом свидетельства флористического характера, выявляемые по античным письменным источникам, позволяют заключить, что грекам удалось достаточно подробно и глубоко познакомиться и изучить дикую и культивируемую природу Африки и характер природопользования её коренных жителей. Помимо удовлетворения потребности стран Средиземноморья в экспорте полезных и ценных растений, эти свидетельства показывают значительную глубину приобретённых греками естественно-научных познаний об африканском континенте. Для собственно африканской истории флористические данные важны как свидетельство об уровне развития и характере местного хозяйства: уточняется ассортимент агрикультур и их географическое распределение, подтверждается развитость как полеводства, культивирующего зерновые, так и садоводства и огородничества, а также собирания плодов дикорастущих растений, в том числе предназначенных для экспорта (прежде всего пряностей и благовоний).

Отмеченное раньше обыкновение греков давать вновь узнанным ими африканским племенам и народам имена по основному виду их каждодневной пищи, придаёт свидетельствам о флоре и фауне Африки особое значение, поскольку является важным этнографическим (а не только ботаническим и зоологическим) источником. По нему представляется возможным сделать уточнения не только об основном виде питания того или иного этноса, но и о характере их деятельности и даже об уровне их экономико-культурного развития. Так, с этнонимом ситофаги, которым называются множество разных этносов североафриканского побережья, вся совокупность данных о них позволяет связывать хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев; с ихтиофагами — рыболовов и охотников; с лотофагами, «поедателями листьев» и ризофагами — собирателей; с номадами-креофагами — кочевых скотоводов и т.п. Можно с полным основанием сказать, что ботанико-зоологические данные источников содержат прямые свидетельства обо всех основных видах деятельности африканцев — о скотоводстве и животноводстве, земледелии, охоте, рыболовстве и собирательстве.

Ещё одним важным аспектом в свидетельствах о природном мире Эфиопии является неизменное внимание к полезным ископаемым и минеральным богатствам. Слава Африки как богатейшей части мира в значительной мере связана с этим её природным достоянием и устойчивым отождествлением континента со «страной золота», каковой её считали не только греки (в африканском мифе которых Африку неизменно называют страной золота, где оно имеется в таком изобилии, что автохтоны не придают ему никакого значения, используя лишь для оков), но и египтяне, помещавшие сказочную страну Пунт с её неизмеримыми сокровищами недр (золота и драгоценных камней) где-то в юго-восточных областях античной Эфиопии (со страной Пунт идентифицируется и легендарная страна золота и драгоценных камней библейский Офир — Книга Царств I, IX, 28; X, 11).

Геродот свидетельствует о том, что африканцы занимались добычей металлов и торговали ими; он называет медь (IV, 168) и золото — самородное и в виде вымываемого золотого песка (III, 23; IV, 195–196), причём, в русле мифологической традиции утверждается (III, 23), что более всего эфиопы ценят медь и бронзу, а золото никакой цены не имеет, поскольку его много.

Кроме того, Геродот сообщает о разработках соляных копей в пустыне. По соляным холмам ливийские племена отмечали этапы пути во время переходов по пустыне (IV, 183–184); из блоков каменной соли некоторые жители пустыни строят свои дома (IV, 185). Упоминание соли у Геродота вполне закономерно, поскольку соль вплоть до нового времени была одним из важнейших продуктов обмена и торговли жителей пустыни с северными областями и населением субсахарской Африки.

У Агатархида говорится о золоте (V, 10), железе (V, 7), топазах (V, 42) и эфиопском камне (V, 7). Страбон сообщает о золоте (XVII, 827), топазах (XVI, 770), чёрном базальте из Эфиопии (XVII, 789), рудниках и копиях меди, железа и золота (XVII, 821), а также каменной соли (XVII, 822). У Диодора названы драгоценные камни (I, 33), золотые копи (III, 12–13), эфиопский камень (III, 15), соль (III, 29–31), железо (III, 33), медь или бронза (III, 34).

Таким образом, количество полезных ископаемых и сокровищ недр, называемых в источниках, сравнительно невелико, но свидетельства о них повторяются постоянно: это золото, эфиопский камень (обсидиан), медь, драгоценные камни и соль. Этот перечень весьма закономерен, поскольку и сама Африка обладала поразительными запасами этих ископаемых богатств, и для античного мира они имели наибольшее значение. Африка вообще была важнейшим источником поступления золота в страны Средиземноморья, и её репутация «страны золота» была обусловлена отнюдь не только характерным мифическим мотивом, но и реальным фактом наличия в её природных ресурсах огромных запасов этого металла. Греки хорошо знали о множестве богатых золотых копей в Эфиопии и даже о способах его до-

бычи, что доказывают подробные описания работы на золотых рудниках Африки в сочинениях Агатархида и Диодора. В этих свидетельствах сохранилось не только подробное описание технологии золотодобычи в древности, но и условия тяжёлого труда рабов в золотых рудниках (Diodor. III, 12–14; Agatharch. V, 10–11): «Далеко за Египтом, там где сходятся Аравия и Эфиопия, находятся знаменитые золотые копи, на которых с большим трудом и с затратой больших усилий добывают золото. На земле чёрного цвета там много выпуклостей и лежат глыбы мрамора, отмеченные затёсами; их раскалывают, чтобы добыть естественные бриллианты, которых здесь множество <...> На копиях работают рабы и военнопленные, делая всё руками, пробивают ходы в твёрдом камне. Дети, едва достигшие подросткового возраста, пробиваются в эти узкие штольни и выносят мелкие осколки камня наружу. Работают также женщины <...> Сама смерть этим несчастным милее жизни...»

Квинтэссенцию образа античной Эфиопии в контексте анализа её природных богатств даёт Геродот, в небольшом пассаже которого упомянуты все главные реалии, определявшие этот образ: «Эфиопия — крайняя страна на юго-западе. В ней есть много золота, водятся громадные слоны, деревья всевозможных пород растут в диком состоянии, между прочим — эбеновое, живут люди огромнейшего роста, красивейшие и долговечнейшие» (Herod. III, 114).

Наиболее интересны и ценны в историко-культурном отношении свидетельства античных авторов о культуре Африки в целом и античной Эфиопии, Чёрной Африки, в частности. Правда, сведения эти отрывочны и скудны, и собрать их вместе в относительно последовательное единство затруднительно, но даже фрагментарная картина способна дать представление о культурной истории огромного региона, издревле включённого в орбиту мировой цивилизации. В этом отношении Чёрная Африка, как уже отмечено, известна несравнимо меньше, чем Египет и народы северной части континента, включённые в большой средиземноморский культурный регион с древнейших времён и хорошо известные грекам. «Эфиопия» же и населявшие её негроидные народы, хотя также изначально занимала своё место на древнейшей карте обитаемого мира, очень долго продолжала оставаться сказочной, легендарной страной — неременной частью греческой мифической вселенной и мифологической истории. Поэтому так важно попытаться собрать воедино все дошедшие до нас достоверные и реалистические античные свидетельства об эфиопах.

Одно из самых ранних представлений греков об эфиопах выражено в утверждении о том, что эфиопы — самые древние люди на земле. Это положение повторяется многократно в греческих письменных свидетельствах, свидетельствуя о чрезвычайной популярности этой древнейшей гипотезы,

удивительным образом предвосхищающей современные научные данные о том, что африканский континент был родиной антропогенеза.

Когда географ, историк и философ-перипатетик Агатархид во II в. до н.э. излагает эту гипотезу, он повторяет мысль, сформулированную ещё в VII–VI вв. до н.э. древними учёными-физиками. Не акцентируя специально идею о наибольшей древности эфиопов среди остальных людей мира, Геродот фактически присоединяется к этой точке зрения и подтверждает её, когда говорит об эфиопах как автохтонах, произошедших на той же земле, на которой они обитали и обитают до сих пор (Herod. IV, 197). Об автохтонности и первородстве эфиопов с полной убеждённо­стью продолжает утверждать и Диодор: «Некоторые утверждают, что эфиопы — самые древние из всех людей, и вот каковы доказательства, что это так. Вначале все единодушно распознали, что они не пришли откуда-то извне, но что они с самого начала произошли внутри этой самой страны, и было бы несправедливо отказать им в названии автохтонов; а потом равным образом для всех стало ясно, что люди, которые живут на крайнем юге, вероятно, должны были первыми выйти из недр земли, чтобы начать жизнь» (Diodor. III, 2).

Второй устойчивой характеристикой эфиопов, входившей в круг знаний и представлений греков (и в равной степени актуальной как для образа мифических «совершенных» эфиопов, так и не противоречащей реальным познаниям греков относительно конкретных «эфиопских» народов), была их репутация изобретателей религиозных культов. Генетически это положение восходит всё к той же гомеровской традиции, в которой подчёркивается особая приязнь богов к эфиопам, в стране которых они с наибольшим удовольствием совершают свои пиршества и принимают гекатомбы. Геродот также разделяет мнение о том, что священные культы и церемонии возникли в Африке, когда в Ливийском логосе повествует о том, что одеяние и эгида Афины заимствованы от ливийских женщин: «Равным образом я полагаю, что и вопли женщин при жертвоприношениях введены в обычай первоначально здесь, потому что у ливиянок они в большом употреблении и производятся с большим искусством» (Herod. IV, 189).

Эту древнюю теорию целиком разделял и Диодор, подробно повторивший все её положения (Diodor. III, 2): «Говорят, что эфиопы были первыми, кто начал отправлять культы богов, подносить им священные дары, практиковать религиозные церемонии и торжества, наконец, совершать все религиозные акты, при помощи которых люди обычно воздают почести богам. Кроме того, они знамениты во всей земле своей благочестивостью, и приносить священные жертвоприношения для эфиопов — самое приятное в жизни, приятнее бессмертия. Ссылаются на то, что вследствие такого уважения к богам, как говорят уже самые древние из поэтов, и в частности, тот из них, который пользуется наибольшим доверием у греков, — автор Илиады, что сам Зевс и все прочие боги являлись в Эфиопию, чтобы при-

нять участие в ежегодных священнодействиях и в пиршестве, которое воздавали в их честь эфиопы каждый год».

Эфиопам античная традиция вообще приписывала роль изобретателей множества культурных реалий и установлений. Например, рассуждая об эфиопах, Диодор (III, 3) говорит, что изучая скульптурные фигуры и вид египетских письмен становится ясно, что то и другое египтяне заимствовали у эфиопов. В подтверждение этого положения Диодор подробно описывает характер иероглифической письменности и даёт объяснения некоторых из наиболее часто встречающихся и важных иероглифов: «Эфиопские, как и египетские, буквы называются иероглифами. Эти буквы складываются из изображений фигур животных различных видов, частей человеческого тела, инструментов или орудий, используемых в ремёслах и искусстве; и это не просто соединение букв или слогов как результат написанной речи, но из метафорических знаков, соединённых из нарисованных объектов, возникает знак, который сам служит для осуществления сообщения и запоминания». Далее Диодор объясняет значения многих знаков, входящих в иероглифы (ястреб, крокодил, змея, глаз, рука, лицо и т.п.) и заключает: «И таким образом, под каждой такой формой скрыт свой особый смысл; и, упражняя свой ум и память в течение многих лет учения, эфиопы научаются с лёгкостью читать всё, что написано таким образом» (Diodor. III, 4).

Основатели религии, искусства и письменности, эфиопы, как считали греки, ввели также и политические институты в Египте: «Большинство действующих в Египте обычаев (νόμοι) и правил эфиопские по происхождению» (Diodor. III, 3).

Достоверную и выразительную (несмотря на элементы идеализации) картину политической, культурной и религиозной жизни эфиопов-макробиев даёт Геродот в большом повествовании в III книге «Истории» (III, 17–25), где характеризует общественную жизнь эфиопов как сочетающую в себе простоту с гордостью и благородством. Они питались мясом и молоком, омывались в живительном источнике с волшебной «молодильной» водой и жили до ста двадцати лет; они приносили жертвы богам на «солнечном столе», с которого кормились и простые макробии; выбирали своих царей по признакам наибольшей силы и красоты, были храбры, но не агрессивны; своих умерших подвергали мумификации, а затем помещали в особые прозрачные футляры, подобные стеклянным, и в течение года держали их в доме, принося жертвы и совершая положенные церемонии. Представляется уместным отметить, что в геродотовом описании способа погребения мёртвых и почитания умерших видно недвусмысленное свидетельство наличия у макробиев культа предков, который, как известно, вообще чрезвычайно типичен для всех автохтонов Африки. Этот пример ясно показывает, что, несмотря на малочисленность и краткость свидетельств о верованиях и религиозных представлениях эфиопов, часто свидетельства античных источ-

ников дают основания для реконструкции некоторых деталей и суммарной картины этой сферы жизни эфиопов в далёкой древности.

Античные авторы имели представление о том, что эфиопы Африки имели чрезвычайно разнообразные верования и религиозные представления, и старались чётко сформулировать это религиозное многообразие. Так, Страбон (Strabo XVII, 821) знает, что многие эфиопы поклоняются одному единственному божеству (т.е. что они монотеисты), но здесь же он уточняет, что другие эфиопы почитают каких-то второстепенных богов, о которых ничего ясного не известно и которые не имеют имён.

Ещё более точную характеристику в вопросе верований эфиопских народов даёт Диодор: «Эфиопы, которые живут поблизости от острова Мероэ, имеют два различных мнения во взглядах на своих богов: они думают, что одни из них, которые подобны солнцу, луне и земле, по природе своей бессмертны и нетленны и неподкупны; но другие из них, напротив, происходят по природе от смертных, но впоследствии, в знак признания их заслуг и добрых дел в пользу людей, им присуждают божественные почести, достояние бессмертных богов. Таким образом, они почитают культ Исиды, Пана, Геркулеса, Вакха, которые, как они полагают, воздают сторицей роду людскому за их служение. Среди эфиопов, между тем, есть и такие, правда, число их невелико, которые полностью отрицают существование богов и которые по этой причине поклоняются солнцу как своему наиглавнейшему божеству и затрудняют это светило оскорблениями, когда оно появляется на востоке, и прячутся при его заходе в соседних болотах» (Diodor. III, 9).

Из всей совокупности ясных указаний и смутных намёков, содержащихся в источниках всех периодов, можно сделать не вызывающий сомнения вывод о том, что практически все эфиопы признавали культ мёртвых предков, о чём свидетельствуют постоянные замечания о том, что эфиопы тщательно ухаживают за местами погребения своих покойников и присягают, протягивая руку к погребению умершего предка (и этот культ, как известно, чрезвычайно типичен для круга традиционных представлений и ценностей автохтонного населения Африки).

Из описаний античных источников религиозная и общественная жизнь эфиопов предстаёт как весьма неоднородная, разнообразная и изменчивая, но в высшей степени жизнеспособная, а картина в целом отмечена чертами явной достоверности. Вообще же античная Эфиопия, воспринимаемая, несмотря на всё обилие реальных подробностей как «земля обетованная», всегда остаётся составной частью в идеальной конструкции греческой ойкумены. Специфика античного восприятия Африки состоит именно в абсолютно гармоническом сосуществовании многообразных и многочисленных сведений о реальных странах и людях Эфиопии (нравах, обычаях, политической организации, занятиях, верованиях и т.п.) и мифического образа идеальной страны юга ойкумены; главная же особенность античных

источников по Африке в том, что их свидетельства (в том числе отдельные упоминания об исторических событиях, преимущественно военно-политического характера) не позволяют восстановить историческую непрерывность жизни континента.

Завершая общий обзор древнегреческих письменных источников по древней Африке, целесообразно ещё раз окончательно сформулировать основные выводы и наблюдения.

В греческой традиции об Африке роль Гомера, первым поднявшего эту тему, не теряла своего значения на протяжении всей жизни античного мира. Несмотря на постоянный рост уровня знаний об Африке, увеличение сведений о странах и народах континента, древняя легендарно-мифологическая струя в восприятии античным миром Эфиопии никогда не исчезала полностью.

По качеству и объёму конкретной информации, определявшейся как уровнем фактического знакомства соответствующего исторического периода с африканскими реалиями, так и жанровой принадлежностью памятника, античные письменные источники весьма неравноценны. Авторы поэтических жанров, ярче других демонстрирующие точность в следовании гомеровской традиции, рисовали абсолютно идеализированную Эфиопию, созданную почти исключительно поэтическим воображением; историки и географы пытались дать более строгую и выверенную в соответствии с точно установленными фактами картину; хорографы и лазутчики давали хотя и неполные, но важные и конкретные описания и своих экспедиций и путешествий, и увиденных стран и народов; мореплаватели, авторы периплов, оставляли информативно насыщенные отчёты и лоции со списками географического и топографического характера.

Однако совокупность сохранённых древними источниками сведений даёт всё же представление об известной этнокультурной непрерывности в истории автохтонных жителей континента (хотя и не является достаточной для реконструкции связной историко-политической картины). Корпус античных источников в целом при всей специфичности их характера, неравноценности сведений, не всегда возможной их верификации, разным объёме дошедших сочинений предоставляет незаменимый материал для воссоздания облика древних африканских культур, установления объёма знаний греков и римлян об Африке, её народах и их культурах, а также о характере отношения античного общества к эфиопам в литературе и жизни (о чём подробно говорится в другом месте работы).

Изучение знаний греков о континенте в целом, его природе, животном и растительном мире, богатствах недр показывает, что их объём и глубина были достаточно велики, а естественно-научные интересы охватывали практически все аспекты жизни людей и природы, неразрывное единство

которых и определяло в решающей мере сам характер африканских древних цивилизаций.

Гомеровская картина мира, просуществовавшая практически до конца античности, оказала сильное влияние и на труды учёных — историков и географов, в результате чего создаваемая ими на основании множества различных сведений и при помощи научных методов (рационализации и критики предшествующих традиций) картина Африки оказывалась, в конце концов, всё же принадлежностью всё той же гомеровской картины мира.

В целом сведения об Африке в содержательном аспекте дают информацию по двум основным направлениям: о природно-климатических условиях, флоре, фауне, полезных ископаемых и сельскохозяйственных продуктах; о народах, их образе жизни, нравах и обычаях, религии, политическом устройстве и культурных институтах.

Совокупность этих данных как бы воссоздаёт некую вторую реальность, воплощаемую текстуально, иногда отличную от первой, истинной, но тем не менее угадываемую за всеми причудливыми и фантастическими деталями.

В частности, в образе природной среды Африки, в изображении её флоры и фауны персонажи сказочного бестиария и растения легендарной ботаники не мешают узнаванию правдивой (и в деталях абсолютно точной) картины африканской природы.

Большинство упоминаемых в источниках названий животных и растений хорошо отождествляются с известными по классификациям видами. То же, что не поддаётся идентификации, относится к сфере мифо-легендарных представлений греков. Поэтому и столь часты случаи, когда в источнике рядом фигурируют вполне реальные слоны, огромные змеи (видимо, боа-питоны), львы и другие обитатели южных областей континента и некая фантастическая змея, пожирающая слона (упоминаемая Диодором).

Фаунистическая и флористическая информация очень важна и как историческое свидетельство, позволяющее сделать ряд выводов, характеризующих и особенности хозяйственной деятельности местного населения, и экономические интересы греков в Африке. Это видно, например, при анализе указаний античных авторов на охоту на слонов и носорогов, а также при оценке соотношения диких и домашних видов животных в фаунистических списках, приводимых в их трудах. Так, если Агатархид из двадцати семи видов животных называет двадцать два диких, а Диодор из тридцати видов — только восемь домашних, Страбон же из сорока известных ему видов упоминает лишь шесть домашних, то понятно, что три четверти интересующих греков животных принадлежали к диким видам, охота на которых была для них особенно нужна и выгодна. Это заключение целиком подтверждается другими известиями, сообщающими о диких зверях и животных как важнейшем предмете африканского экспорта в страны

Средиземноморья, о регулярных охотничьих экспедициях вглубь континента, а также выявляемыми (в результате анализа списков городов и населённых пунктов Эфиопии) перечнями охотничьих стоянок и факторий. Из тридцати пяти названий эфиопских городов восемь — охотничьи стоянки, преимущественно места охоты на слонов, наиболее популярного вида, входившего в перечень интересующих средиземноморские рынки африканских экзотических зверей (у африканцев покупали не только живых зверей для зоопарков или военных нужд (слонов), но и шкуры, страусовые перья и бивни слонов).

Анализ сведений об африканской флоре приводит к выводу о большой заинтересованности греков в продуктах растительного царства эфиопов: Геродот и Диодор приводят по двадцать названий растений, Страбон — более сорока. Показательно, что по данным Страбона (в сравнении с флористическими сведениями предшествующих географов и историков) можно судить о смещении интереса греков его времени к растениям и плодам тропических зон Африки.

Из полезных ископаемых на первом месте в греческих источниках, безусловно, золото (хотя и вся номенклатура полезных ископаемых весьма мала: золото, медь, эфиопский камень, соль, драгоценные камни). Это понятно и в свете заинтересованности греков в этом металле (аспект чисто экономический), и по причине доминирования золота в образе мифической Эфиопии («идеологический» аспект). Египетская страна золота — Пунт, с которой ассоциировалась античная Эфиопия, отождествлена археологами (по её описанию в египетских надписях на монументах Дейр-эль-Бахари) с юго-восточными районами внутренних областей выше Египта, что соответствует и античной локализации. Эти районы, известные древним авторам как наиболее богатые золотыми месторождениями, известны и современным исследователям, которые подтверждают на основании археологических находок, что на территории современной Эфиопии (с частью которой совпадает и античная), а также на всей полосе красноморского побережья в древности было наибольшее число золотых разработок<sup>96</sup>.

Золото более всего занимало греков: всё связанное с ним описывалось особенно подробно и тщательно — назывались копи и рудники, способы добычи, виды золота (самородное и золотой песок), социальный состав рабочих рудников (в частности, рабов и военнопленных называет Геродот — III, 23; IV, 195–196). Другие писатели (Агатархид, Диодор, Страбон) дают развернутые описания золотодобычи на приисках и копиях.

В сообщениях античных источников, относящихся к области природных богатств, золото и охота выдвигаются на первое место, что точно отражает повышенный интерес античного мира в течение длительного периода (с V в. до н.э. по I в. н.э.) к этим реалиям.

Об эфиопах, главном коренном народе Африки, античные источники (несмотря на обладание множеством конкретных фактов и достаточно подробных сведений) практически до конца античности сохранили древний миф, по которому они имели славу сказочного народа, самых долгоживущих людей.

Начиная с V в. до н.э. и с «Истории» Геродота контакты греков с Африкой становятся постоянными и разнообразными: многочисленные экспедиции и путешествия, периплы берегов континента, свидетельствующие об экономических интересах античного мира в этом регионе, способствовали ускорению знакомства с этой частью мира. Однако и в трудах писателей гораздо более позднего времени (Агатархида, Диодора и Страбона) Африка остаётся в той или иной мере страной мифической и легендарной; правда, за декорацией, изображающей сказочную страну золота и заповедные места экзотической охоты, они позволяют читателю рассмотреть её многочисленные и незнакомые народы со своими обычаями, установлениями и непохожими на греческие культурами — вполне реальные и живые.

Хронологически представления греков об эфиопах как этносе, подлежащем описанию и классификации, подчинялись двум сосуществующим моделям: они знали о мифическом народе долгоживущих эфиопов и о множестве мелких негрских этносов, стоящих на сравнительно низком уровне развития. Со временем эфиопов стали представлять как несколько крупных народов с высоким уровнем развития, обладающих развитой государственностью и всеми необходимыми общественно-политическими институтами.

Зафиксированное в источниках сосуществование в Эфиопии высокоорганизованных крупных народов и мелких, стоящих на архаических ступенях развития этносов (явление совершенно обычное и для Африки в новое время) подтверждает достаточное знакомство греков с африканскими реалиями.

Причудливое сочетание сказочности и вполне конкретных исторических подробностей точно отражает образ Африки, созданный античной культурой и характерный для особенностей мышления и психологии греков, органично сочетавших рационально-прагматическое и поэтическое начала. Это обусловило парадоксальность образа Африки у греков: несмотря на довольно глубокое знакомство (в том числе посредством многочисленных автопсий) со многими сферами жизни африканцев и знание их страны, Африка в целом продолжала оставаться для них загадочной и непознанной *terra incognita*.

Античная культурная традиция рассматривала эфиопов как авторов практически всех культурных изобретений (от религии до права), которыми впоследствии славились египтяне, от которых, в свою очередь, греки позаимствовали многие важнейшие культурные институты: «Эфиопы, са-

мые древние из всех людей, изобретатели религиозных культов, священных танцев, письменности и прочих культурных достижений; именно они передали египтянам большую часть их обычаев» (Diodor. III, 1–6). Это подытоживающее греческую традицию высказывание генетически прочно связано с гомеровским мифом о долгоживущих эфиопах, благочестивых и безгрешных почитателях богов, научивших этому другие народы.

Столь же живуч и ещё один мотив, присутствовавший в описаниях эфиопов, — тезис об их первородстве, утверждение их автохтонного происхождения, вообще очень важный для греков и отражающий логику их рассуждений в случаях, когда они старались доказать приоритет какого-либо народа перед кем-нибудь другим. Это подтверждает место у Геродота, который доказывает наидревнейшее происхождение фригийцев (Herod. I, 2), или аргументация Исократ (при доказательстве права афинян на гегемонию), когда он говорит о «наибольшей древности афинян среди всех греков», их свободолюбии и автохтонности (Isocr. Panegyг., 28–50). В русле именно этой концепции и мотивы наибольшей древности, автохтонности и свободолюбия, возникающие у античных писателей при описании эфиопов (Herod. IV, 197; Agatharch. V, 18).

Основываясь на объективном анализе всего корпуса античных источников по Африке, нельзя не признать, что они представляют собой ценнейший документ для истории Африки и одновременно античного мира, уникальность которого для воссоздания (хотя бы и с неизбежными лакунами) облика огромной части древней ойкумены, не имевшей собственной письменной традиции, бесспорна. Его комплексное изучение с использованием всех доступных источников других видов открывает перспективу получения ещё более отчётливой и достоверной картины древнейших этапов этнокультурной истории самой отдалённой южной окраины Старого Света.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Beardsley G.H. The Negro in Greek and Roman Civilisation: A Study of the Ethiopian Type (Baltimore and London, 1929); Snowden Fr.M. Blacks in Antiquity: Ethiopians in the Greco-Roman Experience (Cambridge, Massachusetts, 1970).
2. Mveng E. Les sources grecques de l'histoire négro-africaine depuis Homère jusqu'à Strabon (Service de reproduction des Theses Université de Lille III., 1972).
3. Jacoby F. (ed.) Die Fragmente der Griechischen Historiker (Leipzig, Berlin, 1926–1957).
4. Quintus de Smyrne. Posthomerica. Text et trad. fr. de Fr. Vian (Paris, Les Belles Lettres, 1963).
5. Фрагменты Арктина собраны в изданиях: Homeri carmina (Paris, Firmin Didot, 1837); Kinkel G. Epicorum Graecorum Fragmenta (Leipzig, 1877).

6. Основные издания Эсхила: *Tragicorum Graecorum Fragmenta*. ed. A. Nauck (Leipzig, 1889); *Aeschylus. Opera omnia*. ed. C. Dindorf (Paris, 1970); *Die Fragmente der Tragödien*. ed. H.J. Mette (Berlin, 1959).

7. Sophocles. *Opera omnia*. ed. R. Jebb (Cambridge, 1892–1917) vol. I–X; Pearson A.C. *Sophocles Fragments*, *ibid.*; *Tragicorum Graecorum Fragmenta*. ed. Nauck (Lipsiae, 1856).

8. Euripides. *Fabulae*. ed. Murray (London, 1902–1909); *Scholia in Euripidem*. ed. Schwartz (Lipsiae, 1887–1891); TGF, ed. Nauck.

9. *Poetarum comicorum graecorum fragmenta*. ed. F.H. Bothe (Paris, 1855) p.519.

10. *Fragmenta comicorum graecorum*. ed. Meineke (Berlin, 1841) vol. IV, p.229.

11. *Les élégiaques Grecs*. ed. J. Defradas, coll. Erasme, P.U.F. (Paris, 1962) p.69–70.

12. *Poetae melici graeci*. ed. D. Page (Oxford, 1962) fr.539, p.280; *Poetae Lyrici Graeci*. ed. Bergk (Leipzig) vol. I–III, 4. ed.

13. *Pindari carmina cum fragmentis*. Post B. Snell ed. H. Maehler (Lipsiae, 1971) P. I — *Epinicia*; *Scholia vetera in Pindari carmina* rec. A.B. Drachmann (Lipsiae, 1910).

14. *Theocrite. Texte et trad.* par Ph. Legrand (Paris, 1925).

15. *Callimaque. Texte et trad.* par E. Cahen (Paris, 1948).

16. *Poetae melici graeci*. ed. D. Page (Oxford, 1962).

17. *Corpus paroemiographorum graecorum*. ed. E.L.A. Leutsch (Hildesheim, 1958).

18. *Paradoxographorum graecorum reliquiae*. ed. A. Giannini (Milano, 1965) p.149.

19. *Aesopus: Text et trad.* par E. Chambry (Paris, 1927) n.11.

20. *Erotici scriptores graeci*. ed. R. Hercher (Leipzig, 1859); *Erotici scriptores* (Parthenius, Achilles Tatius, Longus, Xenophon Ephesius, Heliodorus, Chariton Aphrodisiensis, Antonius Diogenes, Jamblichus; Eumathius, Apollonii Tyrii *Historia*, Nicetas Eugenianus). ed. G.A. Hirschig (Parisiis, 1856).

21. FHG, ed. C. Müller, I, 1–35; FGrH, ed F. Jacoby, I, n.1; III A, n.264.

22. Wehrli F. *Dikaiarchos* (Die Schule des Aristoteles), I (Bale, Benno Schwabe, 1944).

23. FGrH (F. Jacoby) II B, n.241; Seidel G. *Eratosthenis geographicorum fragmenta* (Göttingen, 1789); Bernhardt G. *Eratosthenica* (Berlin, 1822); Hiller E. *Eratosthenis carminum reliquiae* (Leipzig, 1872); Maas P. *Analecta Eratosthenica* (Berlin, 1883); Berger H. *Die geographischen Fragmente des Eratosthenes* (Leipzig, 1880).

24. *Fragmenta geographica*. ed. Berger H. (Leipzig, 1869).

25. FGrH II A, n.87, p.222–317; Ohling G.D. *Quaestiones Posidonianae ex Strabone conlectae* (Göttingen, 1908).

26. *Geographi graeci minores* — GGM, ed. C. Müller (Paris, 1855).

27. FGrH (F. Jacoby) III C, n.666–672, p.277–284.

28. *Ptolemaei Geographiae libri octo*. ed. F. Wilberg (L., 1838–1845).

29. Ф.Г. Мищенко. «Геродот и место его в древнеэллинской образованности», «Не в меру строгий суд над Геродотом» — статьи в издании: Геродот. История в девяти книгах. Перевод с греч. Ф.Г. Мищенко. т. I–II (М., 1888).

30. *Herodoti opera*. Text et trd. latin. ed. C. Müller (Paris, 1887).

31. *Polybii Historiarum reliquiae* (Paris, 1859); Polybe. ed. Pedeche P., Lib. XII, texte et trad. frac. (Paris, 1961).

32. *Arrien. De l'Inde*, texte et trad. franc. par P. Chantraine (Paris, 1927) VI, 6; VI, 8.

33. *Photius. Bibliotheca* — *Patrologie grecque* de Migne CIV. 20 sqq.

34. *Agatharchides* — GGM (ed. C. Müller) (Paris, 1882) I. p.111–195; FHG (Paris, 1874) III, p.190–198; FGrH (F. Jacoby) I A, n.86, p.205–222.

35. *Appendix ad Eusebii Chronicon Gemini elementa astronomiae*, qui fait suite aux aeuvers d'Eusèbe dans la *Patrologie grecque* de Migne, XIX, 836–842.

36. Diodori Siculi opera. ed. L. Dindorf et C. Müller, 2 vol. (Paris, 1855–1865); Diodori Siculi Bibliotheca historica. ed. F. Vogel, C.T. Fischer, 5 vol. (Leipzig, 1888–1906).
37. Strabonis Rerum geographicarum Libri XVII (ed. J.Ph. Siebenkees, C.H. Tzschucke) (Leipzig, 1811); Strabonis geographica. ed. A. Meineke (Leipzig, 1851); Strabo: Geography. ed. H.L. Jones, 8 vol. Texte et trad. angl. (London, 1917–1932).
38. Mauny R. Autour d'un texte bien controversé: le périple de Polybe (146 av. Chr.) — Hespéris, 1949 (1951), p.47–67, 2 cartes.
39. Pomponius Mela. Chorographia (Leipzig, 1807) vol. 1–7; Pomponius Mela. De situ orbis. Texte latin. et trad. franc. sous la direction de M. Nisard (Paris, 1845); H.F. Tozer. A History of Ancient Geography (Cambridge, 1935) p.262 sqq.
40. Philonis Alexandrini opera quae supersunt (Berlin, 1896–1926) 7 vol.
41. Dictionnaire de la Bible (rec. Vigouroux) — s.v. Chush (col. 743–745); s.v. Ethiopie (col. 2007–2014); Thesaurus linguae hebraeae et chaldaee (Leipzig, 1835) s.v. Kush.
42. Poetarum philosophorum fragmenta. ed. H. Diels; Die Fragmente der Vorsokratiker. ed. Diels (Berlin, 1951).
43. Об этой поговорке см. Доватур А.И. Древнегреческая поговорка об Африке. Основные проблемы африканистики (М., 1973) с. 299–301.
44. Hippocrates. Oeuvres. Trad. par E. Littré (Paris, 1861) vol. I–X.
45. Doxographi graeci. ed. H. Diels (Leipzig u. Berlin, 1929) p.443; Corpus medicorum graecorum (Berlin u. Leipzig, 1908–1941).
46. Doxographi graeci. ed. H. Diels (Berlin, 1929).
47. Fragmenta Historicorum Graecorum (ed. C.Th. Müller), vol. I; Apollodorus. Bibliotheca. ed. R. Wagner (Leipzig, 1925).
48. Grammatici graeci. ed. A. Lentz (Leipzig, 1883); Id., 1968 (vol. I–III); оcoб. s.vv. Ethiopia, Ethiopiens in Index ad vol. III, p.994.
49. Corpus Inscriptionum Atticarum. Oracula Sibyllina. ed. C. Alexandre (Paris, 1841); Greek oracles. ed. R. Flaceliere (London, 1965).
50. Les inscriptions grecques et latines de Philae I et II. ed. E. Bernand. (Paris, 1969), vol. 1–3; vol. III: Inscriptions grecques et latines du Colosse de Memnon; E. Bernand. Les Inscriptions métriques de l'Egypte gréco-romaine. (Paris, 1969).
51. Ch. Michel. Recueil d'inscriptions grecques (Bruxelles, 1900); также F. Hiller von Gaertringen. Inscriptiones graecae, ed. minor (Berlin, 1929–1940).
52. Orientis graeci inscriptiones selectae (Leipzig, 1905) vol. I–II.
53. J. Leclant. Les études méroïtiques État des question. — Bulletin de la Soc. franc. d'Egyptologie, n.50, dec. 1967, p.6–15; Id., XXVII-e congrès international des Orientalistes. — Orientalia, vol. 36, Fasc. 4, 1967, p.434.
54. Ch. Michel. Recueil d'inscriptions grecques (Bruxelles, 1900) n.1315, p.875.
55. S. Reinach. Traité d'épigraphie grecque (Paris, 1885) p.8.
56. Ch. Michel, op. cit., n.1239, p.860 = CIL n.5127.
57. J.-P. Boucher. Caius Cornelius Gallus (Paris, 1966) p.38–45; Inscriptiones graecae ad res Romanas pertinentes. ed. Cagnat. I, n.1293; Inscriptiones latinae selectae. ed. H. Dessau (Berlin, 1916) vol. III, n.8995.
58. H. Dessau. Inscriptiones latinae selectae (Berlin, 1916) vol. II, n.8644.
59. S. Reinach. Répertoire de la Statuaire grecque et romaine (Paris, 1898) p.560 sqq.
60. Loewenherz. Die Eethiopen in der Altklassischen Kunst (Göttingen, 1861); M. Collignon. Histoire de la sculpture grecque (Paris, 1897) vol. I–II; Beardsley G.H. The Negro in Greek and Roman Civilisation (Baltimore and London, 1929) (2. ed. — 1967);

F. Snowden. Blacks in Antiquity...; E. Mveng. Les sources grecques..., p.79–90: отсылки к изданиям и материалам.

61. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P. Chantraine (Paris, 1968) T. I, s.v.; Griechisch-Deutsches Wörterbuch des Homeros und der Homeriden. G.Ch. Crusius (Leipzig, 1849) s.v.

62. Grammatici graeci. ed. A. Lentz (Leipzig, 1883. reedit 1968) vol. I–III, vol. III, p.974.

63. Beardsley G.H. The Negro...

64. Aesopus. Fables. Texte et trad. par E. Chambry (Paris, 1927) n.11; Corpus paroemiographorum graecorum. ed. Leutsch, Schneidewin (Leipzig, 1839–1851): Zenobius, Cent. I, 46; Diogenian., Cent. I, 45; Souda I, 56.

65. E. Mveng. Les sources de l'histoire négro-africaines: Homer. — Africa, Revista dell'Institut. Italiano per l'Africa, Roma, Ann... XXI, n.1, Marc 1966, p.3 sqq.

66. Id., Les sources grecques... (Lille, 1972) p.64 sq.

67. Фрагмент сочинения Ктесия дан в приложении к изданию Геродота — Herodotus. ed. C. Müller (Paris, 1844) p.9–107; p.105.

68. Arrian. Text et trad. par P. Chantraine (Paris, 1927).

69. G. Aujac. Strabon et la science de son temps (Paris, 1966) p.20–22.

70. Vivien de Saint-Martin. Atlas dresse pour l'Histoire de la Géographie (Paris, 1874) pl. II.

71. E. Mveng, op. cit., p.168.

72. Id. Agatharchide de Cnide in Africa. — Rev. dell'Ist. Ital. per Africa, Roma, Marzo, 1965. p.33–39.

73. J. Boucher. Caius Cornelius Gallus (Paris, 1966); O.W. Reinmuth. A working list of the prefects of Egypt. — Bull. of Amer. Soc. of Papyr. IV (Toronto, 1967) p.75–128.

74. Ch. Michel. Recueil d'inscriptions grecques (Bruxelles, 1900) n.1315, p.875.

75. Hanp.: T.S. Brown. Herodotus speculates about Egypt. — Amer. Journ. of Philology, XLVI, 1965, p.60–76; O. Seel. Reisebericht des Karthagischen Suffeten Hanno. (Lebendige Antike) (Zürich, 1961); G. Germain. Qu'est-ce que le Périples d'Hannon? Document amplification littéraire ou faux intégral? — Hesperis, XLVI, 1957. PP. 205–258; J. Lacarriere. Periple d'Hannon (Paris, 1957) 271–274.

76. Periplus Maris Erythraei. ed. H. Frisk. Göteborg Högskolas Årsskrift, XXXIII (Göteborg, 1927); The Periplus of the Erythrean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean by a Merchant of the first Century (London, 1912); J. Pirenne. Un problème-clef pour la chronologie de l'Orient: la date du Périples de la mer Erythrée. — Journal Asiatique, CCXLIX, 1961. 441–459; P. Leveque. La date du Periple de la Mer Rouge. — Rev. St. Gr. LXXXVI, 1963. p.428–429; D. MacDowall. The early Western Satraps and the date of the Periplus — Numismatic Chronicle, IV, 1964. p.271–280: между 120–130 гг. н.э.

77. GGM (C. Müller) I, p.15–96; FHG III, 183 sqq.; FGrH (F. Jacoby) III C, n.709, p.587 sqq.; Souda s. Scylax.

78. J. Carcopino. Le Maroc antique (Paris, 1943). Датировки Мюллера и Якоби см. в указ. в прим. 77 изданиях текста.

79. J. Carcopino, op. cit., p.60.

80. G. Aujac. Strabon et la science de son temps (Paris, 1966) p.170–200.

81. Vivien de Saint-Martin. Le Nord de l'Afrique dans l'Antiquité grecque et romaine. Etude historique et géographique, (Paris, 1863) p.215–216.

82. Ch. Michel. Recueil d'inscriptions grecques (Bruxelles, 1900) n.1236, p.859.

83. G. Germain, op. cit., p.205–258.

84. P. Cintas. Contribution à l'étude de l'expansion carthaginoise au Maroc (Paris, 1954) p.90–95; A. Diller. The Traditions of the Minor Greek Geographers. Monographs published by the American Philological Association, n. XIV, 1952.
85. R. Mauny. Note sur le périple d'Hannon. Dakar, Conférence Internationale des Africanistes de l'Ouest, 1945 (1947) t. II, p.507–530.
86. Ю.Б. Цыркин. Первые греческие плавания в Атлантическом океане (ВДИ, 1966) п.98, с. 116–128.
87. J. Carcopino. Le Maroc antique (Paris, 1943) p.50; E. Mveng. Histoire du Cameroun (Paris, 1963) p.50; Mer (Auguste). Mémoire sur le Périple d'Hannon (Paris, 1885).
88. M. Coray. Traduction de Strabon: Étude annexe sur les mesures antique (Paris, 1819) vol. II, p.530 sqq.; G. Aujac, op. cit., p.177.
89. Vivien de Saint-Martin. Histoire de la géographie et des découvertes géographiques depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours (Paris, 1874); H.F. Tozer. A History of ancient Geography (Cambridge, 1935); J.O. Thomson. History of ancient Geography (Cambridge, 1948); G. Aujac. Strabon et la science de son temps (Paris, 1966).
90. G. Aujac. Strabon et la science de son temps (Paris, 1966) p.170–200.
91. H. Last. Aithiopes makrobioi. — Classical quarterly (1923) n.3.
92. R. Gagnat. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, T. I, n.1293, 93. Достаточно сослаться на фундаментальное исследование отечественного востоковеда И.С. Кацнельсона «Напата и Мероэ — древние царства Судана» (М., 1970), содержащее историю вопроса и обзор основной литературы и публикаций археологических памятников по истории цивилизации Мероэ.
94. Железный век Африки. Ред. П.Л. Шинни. (М., 1982).
95. C.G. Seligman, Brenda Z. Seligman. Pagan Tribes of the Nilotic Sudan. (London, 1932) (о ритуальном убийстве царя у шиллуков); St. Santandrea, L. Giorgi. Morte violenta per i re divini Scilluk e Dinka — Sudan. — Africa. Inst. Ital. per l'Africa (Marzo, 1965) p.15 sqq.; E. Mveng, op. cit., p.295.
96. R.J. Forbes. Gold in the Ancient Near East (Leyden, 1939).

## **РАЗДЕЛ II**

### **НЕГРСКАЯ («ЧЁРНАЯ») АФРИКА В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ И АНТИЧНОМ МИРЕ**

#### **О ТЕРМИНАХ «ЭФИОП», «ЭФИОПИЯ»: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Термины «эфиоп» и «Эфиопия» появляются в античных источниках уже в самых первых письменных памятниках. Начиная с гомеровских поэм, в которых неоднократно упоминаются «благочестивые» и «угодные богам» «долгоживущие» эфиопы, у которых ежегодно пируют греческие боги, образ этих коренных обитателей Африки, чернокожих и курчавоволосых, обитающих на самом юге ойкумены, в странах полумифических и населённых сказочными существами, но одновременно и хорошо знакомых грекам по множеству контактов в более им известных регионах Африки, постоянно присутствует во всех без исключения греческих и латинских источниках, повествующих об этой части света.

Практически речь идёт об обобщающем обозначении собственно «чёрной», негрской Африки и её коренных обитателей. Выяснить, каково реальное содержание этих терминов, о каких именно районах континента думали греки и римляне, упоминая Эфиопию, кто конкретно были античные «эфиопы», — все эти вопросы имеют первостепенную важность для проблемы «Африка в античных источниках».

Чрезвычайная важность данного раздела для исследуемой темы побуждает к особой подробности в рассмотрении этого сложного вопроса, который можно считать одним из центральных. Можно сказать, что в этой проблеме концентрируется вся совокупность знаний греков о собственно Африке, т.е., в современной терминологии, об Африке южнее Сахары. Сказанное поясняет и принятый план данного раздела, а также его значительную нагруженность критико-аналитическим аппаратом (здесь активно «работают» практически все греко- и латиноязычные источники, содержащие упоминание Эфиопии и эфиопов). Основные содержательно важные моменты выделены в отдельные главы, соответственно отражающие: 1) физический облик эфиопов по античным источникам, 2) содержание рассматриваемых

терминов и объём знаний античного мира о стране и её людях, 3) эфиопская тема в античной мифологии, 4) некоторые аспекты этнокультурных контактов с «эфиопами» и проблемы восприятия «эфиопов» античным миром.

## **1. ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЛИК ЭФИОПОВ ПО АНТИЧНЫМ ИСТОЧНИКАМ**

Греки и римляне знали много о физических особенностях людей, которых называли эфиопами. Античные авторы достаточно детально описывали физический тип эфиопов, неустанно типизируя и обобщая свои повседневные впечатления и многочисленные, протяжённые во времени свидетельства предшественников. Не менее весомый вклад в формирование представления о физическом облике эфиопов внесли античные художники, тщательно отрабатывавшие и запечатлевшие в памятниках изобразительного искусства различных жанров (невербальных источниках) образ коренных обитателей Африки. Рассматриваемая проблема в целом уже достаточно давно вошла в сферу внимания современной науки. Однако, как справедливо отметил автор солиднейшего исследования о «чёрных в античности» Ф.М. Сноуден, удивительно, что современные учёные часто игнорируют античные воззрения на эфиопов, даже верно упоминая об отсутствии в античном мире биологических и «цветовых» предрассудков, но привлекая недостаточное количество материалов в поддержку своих наблюдений<sup>1</sup>. Между тем недостаточно полный учёт и привлечение вербальных и невербальных материалов приводят к спорным выводам в трактовке античных описаний. Так, опираясь на выхваченное из большого литературного и материального контекста эпохи изолированное свидетельство Агатархида о том, что у греков уже в детстве проявляется боязнь по отношению к эфиопам (Agat. De Mari Erythraeo 16 = GGM I, 118), немецкий этнолог Диле пришёл к совершенно ошибочному и не подтверждаемому другими материалами выводу о том, что в классической античности существовала «младенческая» философско-психологическая теория, которая рассматривала чёрную кожу как неприятную и угрожающую. Не говоря уже о том, что мнение это является одинаково дискредитирующим как для носителей античной культуры, так и для чернокожих эфиопов, само оно ещё и абсолютно спорно в свете греко-римского образа эфиопов, который базируется на многочисленных примерах диаметрально противоположного характера в отношении людей античного мира к цвету кожи «эфиопов». Вообще главной опасностью, подстерегающей исследователя этой проблемы, является вольная или невольная модернизация, связанная с переносом современных идей и взглядов на античность и недоучётом всей совокупности свидетельств, дошедших до нашего времени. Сказанное в равной мере

относится и к интерпретации невербальных источников, прежде всего материалов изобразительного искусства греков и римлян, в которых удельный вес африканских мотивов (в том числе огромное количество различного характера изображений африканцев) был чрезвычайно велик. Так, хорошо известно, что античное изобразительное искусство не только выработало на протяжении своего существования определённый канон изображения африканца, достаточно точно отображающий наиболее характерные черты его физического облика, но и создало огромное количество изображений утрированного характера (когда художник сознательно преувеличивал или искажал те или иные черты натуры, подчиняясь всякий раз совершенно определённой задаче: например, значительна группа итиофаллических изображений, имеющих отношение к культовой практике и апотропеической магии; столь же часто чрезмерно преувеличивали некоторые черты лица — губы, ширину носа и т.п., стремясь таким образом подчеркнуть антропологические особенности африканского типа). Важно отметить, что эта группа изображений не была рассчитана на достижение специального комического эффекта, хотя в античной художественной традиции образ эфиопа нередко использовался и как персонаж комического жанра<sup>2</sup>. Именно как следствие модернизации следует понимать ошибочную интерпретацию некоторыми, даже очень серьёзными исследователями такого рода изображений как карикатурных или свидетельство того, что в африканском физическом облике видели некое уродство, достойное осмеяния<sup>3</sup>. На деле же в этих сюжетах отражались лишь острый интерес античного художника к экзотическому человеческому типу, научные интересы времени и идеологические задачи искусства (в частности, магико-религиозные).

Ещё один пример показывает, как игнорирование всей совокупности невербальных — археологии, антропологии, памятников изобразительного искусства — и литературных источников может привести к ошибочным выводам в интерпретации какого-то одного, пусть даже интересного источника и нежелательному эффекту преувеличения столь частых во времена античности фантастических фактов или объяснений. Так, некоторые комментаторы Петрония, опираясь на одну фразу из «Пира Трималхияна» (Petronius. Satyricon, 34), заключили, что в Карфагене нельзя было увидеть «длинноволосых эфиопов», во-первых, потому что их не существовало, а во-вторых, потому что североафриканские области были слишком удалены от негроидов Центральной Африки и контактов между ними не существовало<sup>4</sup>. Между тем из изобразительного искусства нам хорошо известны эфиопы-скапилатты — «длинноволосые эфиопы», что же касается самого факта присутствия негроидов не только в глубинных районах континента, но и в других районах Африки и греко-римского мира с самой глубокой древности и наличия непресекавшихся никогда контактов античной Эфиопии с севером Африки и Средиземноморьем в целом, то и археология

и множество письменных источников с абсолютной доказательностью этот факт подтверждают. Таким образом, только опираясь на весь корпус источников по истории и этнографии Африки, можно с большой долей точности установить, какой физический тип имели в виду древние, используя слово «эфиоп».

Прежде всего логично обратиться к уточнению наиболее ярко выраженной характеристики эфиопов в греческих и римских описаниях и изображениях, а именно — цвету кожи, сразу противопоставлявшему тёмнокожих коренных обитателей Африки светлокожим средиземноморцам и объединявшему их в отдельную, сразу отличимую группу людей иного физического облика. Именно фактор цвета, очевидно, доминировал в восприятии греков и римлян, когда они описывали эфиопов в своих странах или в их собственных. Цвет кожи являлся главной отличительной чертой эфиопов, хотя достаточно чётко осознавались и другие физические черты, отличающие их от европейцев.

Основным объясняющим тёмный цвет кожи африканцев фактором, выработанным античностью (и античной научной мыслью, и обыденным сознанием), считалась жара, нестерпимый жар солнечных лучей, естественно, самых жаростных во всём обитаемом мире, поскольку африканцы населяли самую южную, наиболее жаркую часть ойкумены, наиболее приближенную к солнцу и представляющую её край. Мотив эффекта солнца, обожжённости кожи его жаром в объяснении цвета эфиопов античная традиция во всех её изводах на протяжении практически всего своего существования сохраняла неуклонно и без изменений. Здесь достаточно перечислить лишь некоторые из имён авторов, греческих и римских, подхвативших и продолживших греческую традицию, которые высказывали и развивали эту теорию: Геродот (II, 22), Аристотель (*Problemata* 10, 66, 898b), Лукреций (VI, 722; VI, 1109), Витрувий (*De architectura* VI, 1, 3–4), Гигин (*Astronomica* I, 8 — p.28 ed. B. Bunte), Манилий (*Astronomica* IV, 758–759), Страбон (XV, 1, 24), Овидий (*Metamorphoses* II, 235–236), Плиний (II, 80, 189), Лукан (X, 221–222), Сенека (*Quaest. naturales* 4a, 2, 18), Птолемей (*Tetrabiblos* II, 2, 56) и авторы научных компендиумов и словарей, например *Etymologicum Magnum* s.v. Αἰθίοψ.

Следует отметить, что эта объясняющая теория восходит к выработанной на протяжении многих веков античной теории климатов, зародившейся ещё в недрах ионийской философской школы и приписываемой Гекатею Милетскому. Значительный вклад в её развитие внесли многие выдающиеся греческие мыслители, среди которых упомянем Демокрита, учёных школы Гиппократов, Платона, Аристотеля, Посидония, Страбона, Плиния, Тацита<sup>5</sup>. Согласно этой теории, климат определяет флору и фауну страны, физический облик её обитателей, их нравы, характер и образ жизни. В гиппократовском сборнике (так называют компендиум текстов, приписы-

ваемых Гиппократу и его ученикам и составленный ещё в античности) постулируется доктрина о том, что физические особенности, «и телосложение, и характер людей следуют Природе». И если крайние области Земли, прилегающие к полюсам и непригодные из-за жары или холода для жизни, исключаются из рассмотрения, то относительно центральной обитаемой части, разделяемой на три пояса с различными климатами, делаются далеко идущие обобщающие выводы: в Северном поясе, где расположена Скифия, из-за холода звери немногочисленны и малы ростом, а люди рыжеволосы, крупны, грузны и неплодовиты; в Южном поясе, куда входят Ливия, Египет и большая часть Азии, из-за жаркого и сухого климата земли плодородны, животные многочисленны и крупны размером, а люди темнокожи, черноволосы и маломощны; наконец, Средний пояс, с ярко выраженными временами года, различными почвами и ландшафтами, наиболее благоприятен: люди там рослые и светловолосые, сильные, смелые и сообразительные, т.к. разнообразие условий развивает находчивость и физическую и душевную выносливость.

Не избежал влияния климатической теории и Геродот, который, правда, считает, что народ не является продуктом только климата или расы, но обретает свой неповторимый облик в результате воздействия многих факторов, в том числе культуры и традиции. С момента обращения к теории климатов Платона, а особенно Аристотеля она приобретает крайне злободневный, остро идеологический характер, поскольку становится базой для аристотелевой доктрины о превосходстве греков (как наиболее по природе совершенных, истинно способных к цивилизации людей, объединяющих в себе все совершенные качества, присущие другим климатическим поясам) над варварами, из которых они вправе делать своих рабов<sup>6</sup>. Эта теория была, однако, отвергнута уже учеником Аристотеля Александром Македонским и в дальнейшем подвергалась уточнению и разработке античными учёными (особенно плодотворно Посидонием Родосским /II–I вв. до н.э./ и Страбоном /II, 3, 7–8/, не приобретая даже малейшего оттенка расовой нетерпимости. Эфиопы в античном сознании были той планкой на антропологической цветовой шкале, от которой измерялась и оценивалась окрашенность людей: они считались обладателями самой чёрной кожи из всех людей земли (cf. Aristot., *Problemata* 10, 66, 898b). По цвету кожи с эфиопами охотнее и чаще всего сравнивали индийцев, которые также были черны, но не настолько, как эфиопы. Даже авторы, пишущие, что «цвет кожи у индийцев и эфиопов одинаков» (Геродот III, 101; Sidonius. *Carmina* 11, 106–107: *concolor Aethiopi ... Indus*), тем не менее отчётливо различают гораздо большую черноту кожи африканцев. Те индийцы, которых посетил Александр Македонский, «были чернее всех людей на свете, кроме эфиопов» (Arrian., *Anabasis* 5, 4, 4). Эта традиция сопоставления эфиопов и индийцев сохранилась до самого конца античности, что видно по отголоскам

её в «Христианской топографии» автора VI в. Козьмы Индикоплова, посетившего и Индию, и Цейлон, и Эфиопию (Барбарию = Сомалийское побережье, Зингион = Зиндж = Восточная Африка, Красноморское побережье)<sup>7</sup>.

Индийцы южного Ганга описываются как окрашенные солнцем в коричневатый цвет, но более светлыми, чем эфиопы, напоминая более всего египтян (Plin. N.H. VI, 22, 70; Arrian., Indica 6, 9).

Небезынтересно привести термины, с помощью которых описывается цвет кожи индийцев:

1. μέλας, melas — чёрный, тёмный, смуглый, тёмнокрасный (Herod. III, 101; Arrian., Indica 6, 9.; Anabasis 5, 4, 4.; Philostratus, Vita Apollonii II, 19; III, 11; VI, 1; Achilles Tatius III, 9, 2).

2. κυάνεοι, κυανόχροες, kuaneoi / kuanochroes — иссиня-чёрные (Nonnus, Dionysiaca 17, 390; 29, 172; 31, 275).

3. μελανόχροες, melanochroes — чёрно- / тёмнокожие (Nonnus, Dionysiaca 16, 121; 40, 270–271; Oppian, Cynegetica 3; 259).

4. κελαινοί, kelainoi — чёрные, тёмные (Eustathius, Commentarii 1153 = GGM IV, 404).

5. αἰθοπες, aithopes — красно-чёрные (Nonnus, Dionysiaca 16, 254; 17, 114).

6. decolor / discolor — загоревший от солнца, странного цвета, иноцветный (Ovid., Metamorph. IV, 21; Tristia V, 3, 24; Ars amatoria III, 130; Propertius IV, 3, 10; Prudentius, Hamartigenia 497).

В связи с тем что в течение времени индийцы и эфиопы в результате древних миграций и давних торговых и иных контактов на юге и востоке смешивались<sup>8</sup>, чернокожих индийцев красноморского побережья часто считали эфиопами (Martial. VII, 30, 4: a rubris et niger Indus aquis)<sup>9</sup>. По этой причине в поздней литературной традиции этноним Indus часто использовался как поэтический эквивалент к имени Aethiops.

Асфоделы, народ, покорённый адмиралом Агафоклом в IV в. до н.э., описывается схожим в цвете с эфиопами. Практика использования «эфиопской рейки», по которой отсчитывали интенсивность окраски кожи людей, отразилась в этнонимах «левкоэфиопы» и «меланогетулы»; имена эти интерпретировались как предполагающие смешение этнических компонентов с чёрной, «эфиопской», кожей и светлокожих (Diodor. XX, 57, 5; Plin. N.H. V, 8, 43; Pomp. Mela, De Chorographia I, 4, 23; Ptol. Geographia IV, 6, 5; IV, 6, 6)<sup>10</sup>.

Цвет кожи эфиопов часто (особенно в поэзии) использовался как метафора, иллюстрирующая интенсивность чёрного цвета: например, упоминание цветка, чёрного, как эфиоп, или сравнение загара с чернотой эфиопской кожи (Achilles Tatius IV, 5, 2; Lucian., Bis accusatus 6). Представление о черноте эфиопского типа прошло через всю античность вплоть до последних её веков, будучи полностью адаптировано и латинской культурой.

О контрасте белого и чёрного и крайней черноте эфиопского типа находим тексты у Ювенала (Juvenal. II, 23; VIII, 33), Плиния (Plin. N.H. XXII, 2), Лукана (X, 221–222), Исидора (Isid., Origines I, 37, 24), Иеронима (Epistulae 40, 2), Феррандия (Ferrandus, Epistulae 11, 2., Migne PL 65, 378), Боэтия (Boethius, In Porphyrium dialogus II, PL 64, 69 C – 70 B). В апокрифических «Деяниях Апостолов» читаем: «...по наружности наиэфиопская — отнюдь не египетская, но абсолютно чёрная...» — «in aspectu Aethiopissimam, neque Aegyptiam, sed totam nigram» (Actus Petri cum Simone 22. In: Acta Apostolorum Apocrypha I. ed. R.A. Lipsius, M. Bonnet. Leipzig, 1891).

Поэтическим эквивалентом греческому понятию Эфиоп (aethiops) в латинской литературе использовалось слово маурус (тёмный, чёрный, «мавретанский» — *maurus*) — (Priapea 45, 3–5); т.е. и здесь нарабатывалась линия антропологической шкалы цвета, наиболее интенсивной категорией которой ощущался цвет эфиопов. Мавры — *mauri* — латинских источников — люди тёмного (чёрного) цвета, но менее чёрные, чем эфиопы (Manilius, Astronomica IV, 729–730; Lucan. IV, 678–679: *concolor Indo Maurus* — мавр подобен цветом индийцу. Объясняя название страны Мавретания, Исидор (XIV, 5, 10) пишет: *Mauretania vocata a colore populi*; *Graeci enim nigrum μαῦρον vocant* — Мавретания названа по цвету своих народов; ведь греки чёрное называют «маурон» (мавретанское). Отметим, что здесь использовано не метафорическое «маурус» для обозначения чёрного цвета, а одно из «прямых» словарных обозначений его — «нигер», чёрный. Этим последним также описывались мавры, темнокожее население Африки: Silius Italicus. *Punica* II, 439–441; Juvenal. V, 53.; использовались и другие синонимы «чёрного» для описания наружности мавров, напр., «фускус» (*fuscus* — Ausonius, *Parentalia* 4, 5, 3–4).

Значимость цвета для обозначения Эфиопии и эфиопов в греческих и римских представлениях в некоторой степени сравнима с тем акцентом на цветовой характеристике, которая присутствует во французском языке в терминах *L'Afrique Noire* и *le noire*.

Наиболее употребительными греческими словами, использовавшимися для объяснения и уточнения «эфиопского» цвета, были синонимы оттенков чёрного и производные из прилагательного «чёрный» и существительных «кожа», «тело». Приведём их список в порядке убывающей частотности использования в греческой литературе и укажем основных авторов.

Μέλας, *melas* — чёрный: Xenophanes *Fragmenta* 16<sup>11</sup>; Herodotus II, 32 (*Pygmeis*), III, 101; *Prooemium vitae Aesopi*, 215 (Maximus Planudes)<sup>12</sup>; Aristot., *Historia animalium* 3, 9, 517a; *Sophistici elenchi* 5, 167a, 11, 8–21; *Problemata* 10, 66, 898b; *Physiognomica* 6, 812a; Agatharchides, *De Mari Erythraeo* 16, 58 (GGM I, 118, 148); Strabo XV, 1, 24; Diodorus III, 8, 2; 3, 29, 1 (*Acridophagi*); Pausanias IX, 21, 6; Arrianus, *Indica* 6, 9.; *Anabasis* 5, 4, 4; Ptol. *Geographia* I, 9, 7<sup>13</sup>; *Tetrabiblos* II, 2, 56.; Sextus Empiricus *Adversus mathematicos* XI, 43;

Pseudo-Lucian. *Philopatris* 4; Philostratus, *Vita Apollonii* VI, 1–2; *Imagines* I, 7 (Memnon); Heliodorus II, 3; X, 24; IV, 8; VIII, 16; X, 14; Hesichius. *De temp. et virtute* 1, 23; Migne PG 93, 1488 B; Eustathius. *Commentarii* 285 — GGM IV, 266. Имена Ксенофана, Геродота, Аристотеля, Агатархида, Страбона, Диодора, Павсания, Арриана, Птолемея, Секста Эмпирика, Филострата, Гелиодора, Гесихия, Евстатия и др. убедительно свидетельствуют, что это определение использовалось для объяснения «эфиопского» цвета чрезвычайно широко как авторами-учёными, так и в художественной литературе.

μελάνοχρος, *melanochros* — чернокожий: *Iliad.* XII, 589; *Odys.* XIX, 246 — гомеровская арх. форма μελάγχρωος; *Scholia in Theocritum vetera* VII, 114a: блемнии понимаются как чернокожий, эфиопского происхождения этнос<sup>14</sup>.

μελάμβροτος, *melambrotos* — чернокожий: Euripides. *Fragmenta* (Nauck) 228, 3–4; 771, 4; Quintus de Smyrne. II, 32.

αἰθαλοῦς, *aithalus* — закопчённый, чёрный как сажа: Dionys. *Periegetes. Orbis descriptio* 220 — GGM III, 114; Eustath. *Commentarii* 220 — GGM IV, 255.

κελαίνος, *kelainos* — тёмный, чёрный: Aeschylus. *Prometeus vinctus* 808; Theocritus XVII, 87; Dionysios *Periegetes. Orbis descriptio* 179 — GGM III, 112; Eustath. *Commentarii* 248 — GGM IV, 179.

κυάνεος, *kyaneos* — иссиня-чёрный: Quintus de Smyrne. II, 101; Eustath. *Commentarii* 1153 — GGM IV, 404; Hesiod. *Opera et dies* 527.

Подобным же образом и латиноязычная литературная традиция выработала некий набор эпитетов, поясняющих цветовые оттенки кожи жителей Африки, называвшихся греческим термином «эфиоп».

На первом месте здесь, безусловно, находится прилагательное NIGER — чёрный: Лукреций с его помощью описывает жителей районов южнее Египта (*Lucret.* IV, 1160; VI, 722; VI, 1109); Манилий употребляет его, говоря о мифическом Мемноне (*Manilius, Astronomica* I, 767); Лукан — об обитателях Мероэ (*Lucan.* X, 103); также о Мемноне у Овидия (*Ovid. Amores* I, 8, 3–4), Клавдиана (*Claudiani Carmina minora* 28 (47) 16; *De consulatu Stilichonis* 1 (21) 265); Авиен использует слово «нигер» в рассказе о блемниях (*Avienus* 330 — GGM III, 180). В других местах этим определением обозначаются любые чернокожие автохтоны Африки: *Ovid. Metamorph.* II, 236; *Iulius Firmicus Maternus. Mathesis* 1, 2, 1; 1, 5, 1; *Macrobius. Commentarii in Somnium Scipionis* 2, 10, 11; *In librum Aristotelis Περί ἐρμηνείας commentarii* 2.7<sup>15</sup>; *Eugippius Thesaurus* 73 (Migne PL 62, 695 A); *Corpus Glossarium Latinorum* IV, 65, 47; 511, 39; V, 262, 71; 291, 6<sup>16</sup>.

Вторым по частоте использования словом для описания эфиопов в латинской литературе является прилагательное ATER — чёрный, тёмный: так его используют Плавт в описании египтянина, который мыслится эфиопом (*Plautus. Poenulus* 1290–1291), Плиний в рассказе о южных со-

седях макробиев (Plin. N.H. VI, 35, 190), Овидий в описании Мемнона (Ovid. Amores I, 13, 33–34), Авсоний в применении к мероитам (Ausonius, Epigrammata 41, 9–10). Типично использование этого слова для описания контраста между человеком с очень чёрной и тёмной кожей и белой или смуглой: такие случаи встречаем у Катуллы (Catullus 93, 2), Цицерона (Cicero. Orationes Philippicae 2, 16, 41), Квинтилиана (Quintil. 11, 1, 38), Апулея (Apuleius. Apologia 16). Синонимичность терминов *ater* — *Aethiops* однозначно подтверждаются контекстом у Варрона (Varro. De lingua Latina 8, 21, 41 — *aut unus albus et alter Aethiops*; 9, 30, 42 — *si alter est Aethiops, alter albus*) и Ювенала (Juvenal. II, 23 — *Aethiopem albus*). Использовались также определения *AQUILUS* — коричнево-чёрный, тёмно-коричневый (Plautus. Poemulus 1112 — в описании негрityнки); *FUSCUS* — чёрный, синоним *NIGER* (Vergil. Moretum 33 — о негрityнке; Ovid. Ars amatoria III, 191; II, 627–658; Remedia amoris 327; Heroides 15, 36 — об Андромеде и жителях Эфиопии; Propertius IV, 6, 78 — об обитателях Мероэ; Sidonius. Epistulae 2, 10, 4; Martial. IV, 62, 7, 13 e.a.); *USTUS* — обожжённый, опалённый (Lucan. X, 131–132 — о прислужнице Клеопатры); *ADUSTUS* — чёрный, тёмный (Seneca. Questiones naturales 4a 2, 18); *EXUSTUS* — в том же значении (Plin. N.H. VI, 22, 70; Silius Italicus, Punica III, 269 — о нубийцах); *PERUSTUS* (Lucan. X, 221–222; Hyginus. Astronomica 1, 8); *PERCOCTUS* — опалённый, смуглый (Lucretius VI, 722; VI, 1109 — *viri percocto colore* — о маврах).

Популярным для описания цвета эфиопской кожи было метафорическое составное определение *νυκτίχρως*, *NOCTICOLOR* — «кожа цвета ночи»: Ps.-Callisthenes. Historia Alexandri Magni 2, 14, 11<sup>17</sup>, Aulus Gellius 19, 7, 6 (Memnon), Petronius fr.19 — *tinctus colore noctis puer*.

Описывая эфиопов как тёмных или чёрных люди античного мира видели различия в их пигментации и избирали соотносимые названия красок, чтобы отразить наблюдаемую разницу. Эфиопы могли быть несколько схожими между собой, но отличающимися при этом от большинства греков и римлян (как, например, у Филострата — *Imagines* I, 29); хотя тот же Филострат описывал Мемнона не как абсолютно чёрного, а как имеющего бронзоватый или красноватый оттенок кожи (Philostr. Imag. I, 7). В словах Статия о «красных» эфиопах (Statius. Thebais V, 427–428) отражается точность римского знания о физическом типе эфиопов, поскольку хорошо известны такие красноватые (медные) варианты пигментации у некоторых негроидных автохтонов континента<sup>18</sup>. Некоторые эфиопские типы выглядели значительно темнее прочих, отличаясь особенно интенсивной чернотой кожи, как, например, акридофаги — «поедатели саранчи». Агатархид, Диодор и Гелиодор описывают их как «чрезвычайно», «невероятно» чёрных (Agatharch., De Mari Erythr. 58 — GGM I 148; Diodorus III, 29, 1; Heliodorus II, 30).

Народы вокруг Мероэ Птолемей описывает как обладателей кожи глубокого чёрного цвета и считает именно их «натуральными», подлинными эфиопами (Ptol., Geogr. I, 9, 7); в этом он полностью разделяет мнение, высказанное гораздо раньше Аристотелем (Aristot., De coloribus 5, 795a).

Римляне нередко обозначали интенсивность черноты эфиопов с помощью усилительной приставки PER-, добавляемой к соответствующему прилагательному, как, например, у Плавта и Лукреция (Plaut. Poenulus 1113 — ore atque oculis pernigris; Lucretius VI, 722; VI, 1109 — percocatus: в описаниях эфиопов с юга, обжигаемых солнцем). Превосходная степень указывает на интенсивность черноты африканских наёмников-карфагенцев, набранных для боевых операций против Гиерона Сиракузского (Frontin. 1, 11, 18). Марциал для описания глубокого чёрного цвета кожи прекрасной африканки использует метафорический ход, описывая этот цвет через ряд образов: чёрной ночи, муравья, вара, галки, цикады (Martial. I, 115, 4–5).

В несомненной связи этой серии определений и образов (цвет ночи — νυκτίχροος, nocticolor, цикады и пр.) с эфиопами, в силу устойчивого ассоциирования и отождествления, никто из исследователей не сомневается<sup>19</sup>.

Филострат фиксирует в своём сочинении важное обобщение античных наблюдателей: чем дальше к югу от Египта вверх по Нилу, тем всё темнее становится цвет обитателей. Жившие между границами Египта и Эфиопии народы были не абсолютно чёрными, а как бы «вполовину породы по цвету», «не так черны, как эфиопы, но темнее египтян» (Vita Apollonii VI, 2). Интересна в этой связи мозаика Барберини — копия с эллинистического оригинала эпохи Птолемеев<sup>20</sup>. На ней изображён египетский пейзаж с текущим Нилом; на первом плане фигуры белых людей, дальше — на верхнем плане, в горах — фигуры людей южного типа из верховьев Нила — чёрные. Кстати, как известно из Павсания, Нил изображался в виде чернокожего эфиопа (Pausanias VIII, 24, 12).

Комментируя градации цвета эфиопов, античность заметила и отразила в языковом узусе изменения в цвете: рождавшийся в результате смешения чёрной матери и белого отца был DECOLOR или DISCOLOR. Эти два слова часто встречаются и в описаниях внешности народов Индии и Мавретании — индийцев и мавров (Iuvenal. VI, 600; Claudian. De bello Gildonico 1 (15) 192–193; Achilles Tatius III, 9, 2; Ovid. Ars amatoria III, 130; Metamorph. IV, 21; Tristia V, 3, 24; Propertius IV, 3, 10; Lucan. IV, 678–679).

Римское использование этих слов для обозначения бастардов предполагает, что эти дети по цвету кожи напоминали более светлых индийцев и мавров, т.е. что они были в восприятии не NIGRI и FUSCI (т.е. эфиопы), а DECOLOR, что ближе всего к значению современного термина «мулат». В свете важности цвета кожи для классификации эфиопов неудивительно, что слова μέλας, niger, обозначающие черноту, часто использовались

в чередовании или как эквиваленты к словам Αἰθίοψ и Aethiops. Несколько указаний на детей смешанного, чёрно-белого происхождения прямо или косвенно свидетельствуют, что μέλας использовалось как эквивалент Αἰθίοψ: Antigon. Carist. Mirabilia 112 (122)<sup>21</sup>; Aristophanes Bysant. Historiae animalium epitome 2, 272<sup>22</sup>; Plut., De sera numinis vindicta 21, 563. Похоже, что сходным образом употреблён термин μέλας в отрывке, где описывается победа Мемнона над Архилохом, который, согласно версии Филострата, внушил ужас ахейцам уже самым своим обликом, поскольку раса его была для них до той поры неведомой и невиданной и до Мемнона чёрные люди оставались лишь мифом (Philostr., Imagines II, 7). Мемнон описывается иногда как Αἰθίοψ, а иногда как NIGER (Catullus 66, 52: Memnonis Aethiopis; Manilius, Astronomica 1, 767: Auroraeque nigrum partum; Ovid. Amores I, 8, 3–4; Epistulae ex Ponto III, 3, 96; Vergil. Aeneis. I, 489: nigri Memnonis; Seneca. Agamemnon 212: Memnon niger).

Эквивалентность понятий «эфиопское» = «чёрное» подтверждается многочисленными примерами параллелей и антитез в литературной и изобразительной традициях античности: это и сопоставление и противопоставление белых северян чернокожим эфиопам, населяющим крайние южные пределы обитаемого мира в научных трудах и художественных текстах, это и популярнейшие в античности сопоставительные пластические композиции, объединяющие образы африканца и европейца. Причём традиция эта, зародившись очень рано, дожила практически до Нового времени (Ptol. Tetrabiblos II, 2, 56: чёрные эфиопы — μέλανές τε τὰ σώματα и белые скифы λευκοί τε τὰ χρώματά; Iulius Firmicus Maternus. Mathesis 1, 2, 1: чёрные эфиопы и белые германцы — omnes in Aethiopia nigri, in Germania candidi; Eusebius. Thesaurus 73 (Migne PL 62, 695): чёрные эфиопы и белые галлы — nigros Aethiopes et ... candidos Gallos; Bede in Samuelem Prophetam I, 10<sup>23</sup>: niger Aethiops et Saxo candidus; Eustathius. Commentarii 285 (GGM IV, 266): белые германцы и очень чёрные (наичернейшие) эфиопы — λευκά... φῦλα καὶ μέλαντατοι Αἰθίοποι; Plin. N.H. II, 80, 189 — о контрасте эфиопов и неназванных северян по цвету; Vitruvius VI, 1, 3–4: о безымянных чёрных южанах и светлокожих северянах — colore fusco-candidis coloribus).

Всеобщность понимания синонимичности (по цветовому признаку) антропологического термина Эфиоп и прилагательных со значением «чёрный» подтверждается и материалами схолиастов и лексикографов: Scholia in Callimachi hymnos 6, 11a: τὼς μέλανας ] τοὺς Αἰθίοπας — чёрные = эфиопы<sup>24</sup>; Scholia in Luciani dialogos marinos 15, 4: μέλανας ἀνθρώπους ἑώρων ] ὁ γὰρ Νότος ἀπὸ τῆς Λιβύης πνέει, ἐνθα οἰκοῦσιν οἱ Αἰθίοπες — упоминание «чёрных людей» объясняется тем, что поскольку над Ливией дует Нот (южный ветер), то и живут там эфиопы (т.е. чёрные)<sup>25</sup>; Zonaras Lexicon: Αἰθίοψ ] ὁ μέλας — эфиоп — значит чёрный<sup>26</sup>; Scholia in

Iuvenalem Vetustiora XV, 49, 1d: nigro tibicine — Aethiope (чёрный флейтист, т.е. эфиоп)<sup>27</sup>.

Итак, приведённые материалы античных письменных источников позволяют заключить, что слова μέλας, NIGER, FUSCUS являются эквивалентными названиями эфиопов. Однако закономерен также вопрос, всегда ли эти прилагательные (используются ли они изолированно или в сочетании с иными словами, вводящими дополнительные антропологические детали) обозначают эфиопов? Чаще всего контекст не оставляет в этом никакого сомнения: Lucretius VI, 722; VI, 1109 (о людях с тёмной, опалённого цвета кожей — percocto colore, относящихся к «чёрному племени» — nigra saecula); Lucan. X, 103 (о чёрных мероитах); Claudianus I, 265 (о Мемноне — niger, coloratus); Seneca, Hercules Oetaeus 1705: nigri Iovis; Statius. Thebais II, 49: nigri Iovis (Зевса чёрного); IV, 291 — nigro Ditis (о Дитисе чёрном); Ovid. Metamorph. IV, 438: nigri Ditis. Подтверждений подобного рода даёт достаточно много не только классическая латинская литература<sup>28</sup>, но кое-какие примеры перешли и в раннехристианскую традицию<sup>29</sup>.

Ввиду доказанной эквивалентности производного от термина «эфиоп» прилагательного «эфиопский» всему ряду прилагательных, обозначающих чёрный цвет, можно утверждать, что весь этот ряд слов (даже при отсутствии других признаков) можно рассматривать в контексте языкового узуса как создающий по крайней мере ассоциативную связь с гнездом понятий «Эфиопия, эфиоп, эфиопский». Так, возможно, Павсаний создавал в соответствии с этим культурно-психологическим клише определённый «бело-чёрный» (т.е. бело-«эфиопский») контраст, когда описывал изображение женщины, держащей в правой руке белого, а в левой — чёрного ребёнка, на дарохранительнице Кипселла — тирана Коринфа (Paus. V, 18, 1).

Установленная синонимичность понятий «чёрный» и «эфиоп» позволяет не удивляться тому, что эфиопская чернота вошла в пословицу и породила выражение Αἰθίοπα σμήχειν — aithiopa smechein: отмыть эфиопа до бела. Лукиан (Adversus indoctum 28) использует её для иллюстрации совета, данного дураку-библиофилу по поводу правильного использования книг: его попытки столь же плодотворны, как попытки отмыть эфиопа добела (кстати, эпиграмма, приписываемая Лукиану в Antologia Palatina II, 428, не различает «индийское» и «эфиопское» — indicon et aethiopicon).

Паремиографы использовали, как правило, это выражение по отношению к бесконечному, безрезультатному труду (Corpus Paroemiographorum Graecorum: Zenobius I, 46 (vol. I, p.18), Diogenianus I, 45 (vol. I, p.187), Macarius 5, 50 (vol. II, p.184), Diogenianus I, 19 (vol. II, p.4), Apostolius I, 68 (vol. II, p.258).

Примерно в том же русле басня Эзопа об эфиопе, который безрезультатно мыл и скрёб себя, — доказательство того, что природу не изменить

(Aesop. n.274<sup>30</sup>, Scholia ad Persium 5, 116<sup>31</sup>; Gregor. Magnus, Epistulae 3.67 = Migne PL 77, 668).

Хотя цвет кожи и был, безусловно, самой яркой отличительной чертой для идентификации чернокожего народа — эфиопов, всё же греки и римляне осознавали и различали и другие физические характеристики антропологических типов эфиопов и негроидов. Уже во времена Ксенофана комментировалась такая типичная черта негрского антропологического типа, как широкий нос (Xenophan. — FHG, Diels, Frg. 16). Агатархид, ссылаясь на черноту эфиопов, замечает, правда не называя деталей, что эфиопы отличаются от греков по внешности в целом (De Mari Erythraeo 16 — GGM I, 118). Идея, что белый человек может сойти за эфиопа, просто покрасившись в чёрный цвет, была смешна: Петроний замечает, что краска только запачкает тело, не изменив его (Petronius. Satyricon 102).

Полный расовый тип эфиопа включает толстые губы, вьющиеся волосы, рубцы и насечки на лбу и щеках и косолапые ноги. Большинство эфиопов, например те, которых описывает Диодор (III, 8, 2) как живших вдоль Нила, были чернокожими, с широкими носами и курчавыми волосами.

Чрезвычайно подробный и антропологически точный портрет африканки Скибалы, единственной служанки в усадьбе крестьянина Симила, даёт Вергилий в своём «Завтраке» (Moretum. 31–35): чёрная кожа, курчавые волосы, лежащие густыми кольцами, толстые губы и широкий нос, широкие плечи и висячие груди, тонкие лодыжки и широкая ступня.

Одна версия жизни Эзопа описывает его как эфиопа — чёрным, с толстыми губами и широким носом (Prooemium vitae Aesopi — Maximus Planudes — Aesopica I, 215 /Perry B.E./).

Практически в приведённых примерах содержится исчерпывающее описание физического облика африканцев, как его видели греки и римляне, и достоверность его не подлежит сомнению.

Некоторого комментария требует вопрос о волосах эфиопов. В греческом языке слово οὐλος — ulos, используемое при описании волос эфиопов (οὐλότριχος — курчавоволосый), означает «курчавый, вьющийся, плотный, густой». Поэтому акцент мог делаться на любую из заложенных в значениях слова характеристику. Например, в одном месте у Птолемея (Ptol. Tetrabiblos II, 2, 56) подчёркивается именно густота волос. В общем же если чёрная кожа эфиопов была максимальным эталоном для оценки темноты кожи других народов, то и их волосы, курчавые и густые, служили такой же эталонной характеристикой в сравнительно-антропологических наблюдениях людей античного мира.

Эфиопы Ливии оценивались Геродотом как самые курчавые из всех людей (VII, 70); южные индийцы во многом напоминали эфиопов, но не имели таких широких носов и столь курчавых волос (Arrian., Indica 6, 9). Как и цвет кожи, особенности эфиопских волос объяснялись климатическим

фактором: так, считалось, что курчавость является результатом действия тенденции к заворачиванию и скрючиванию, которая вызывается жарой; подобным же образом и кривоноготь есть результат жары, обуславливающей искривление (Aristot. *Problemata* 14, 4, 909a; *De generatione animalium* 5, 3, 782b).

Курчавые вьющиеся волосы эфиопов часто сравнивались по принципу контраста с волосами белых: с волосами фракийцев и скифов (Aristot. *De generatione animalium* 5, 3, 782b, северян в целом (Plin. N.H. II, 80, 189; Vitruv. *De architectura* VI, 1, 3–4). Одним из серьёзных аргументов в пользу античной классификации блеммиев как части эфиопов служит описание их «эфиопских» волос (Nonnus, *Dionysiaca* 17, 385; 26, 340–341).

Геродот обнаруживает, что единственным различием между восточными и южными эфиопами является прямизна волос первых и курчавость вторых (VII, 70).

В описании волос римляне были более разнообразны, чем греки, использовавшие только одно слово-определение οὔλος: волнистый, курчавый, густой, шерстяной. Это означает, что римляне, конечно, были шире знакомы с эфиопскими типами и, возможно, пытались более точно описать то, что видели. По крайней мере, Скибала имела такие же завивающиеся в плотные кольца волосы (Vergil. *Moretum* 33), какие имели эфиопы, присутствовавшие на открытии Колизея и увиденные Марциалом (Martial., *Spectacula* III, 10). Подобным же образом описаны волосы чернокожей рабыни Клеопатры (Lucan. X, 131–132). Античные модники знали, что, для того чтобы превратить неэфиопские волосы в эфиопские, нужны раскалённые щипцы (Petron. *Satyricon* 102; *Priapea* 45, 1–3<sup>32</sup>. Плиний Старший упоминает эфиопов с мелко завивающимися волосами (capillo vibrato: Plin. N.H. II, 80, 189), а Петроний говорил о длинноволосых эфиопах (aethiopes capillati: *Satyricon* 34). Во всяком случае важно отметить, что точность античных описаний волос эфиопов подтверждается современными антропологическими описаниями негроидов<sup>33</sup>.

Платириния ощущалась, вероятно, так же, как один из важных характерных признаков эфиопского типа: широконосость как характерная эфиопская черта иногда специально подчёркивалась тем или иным способом. Например, этот признак, видимо, был столь выражен у одного из эфиопских племён, что их стали называть именем, образованным от десигнатора *simus* — курносый, широконосый, — Симами, Курносыми (Simi: Diodorus III, 28, 1; Quintus Curtius Rufus 4, 7, 19). Платириния эфиопов, как и цвет их кожи и волосы, была нормой в антропологических сравнениях античных учёных и философов. Секст Эмпирик, рассматривая красоту как явление относительное, отмечал, что эфиопы предпочитают самых чёрных и с широкими носами, а персы — самых белых и самых крючконосых (Sext. *Empiric. Adversus mathematicos* XI, 43). У Арриана есть замечание, что юж-

ные индийцы не имели таких расплюснутых широких носов, как эфиопы (Indica 6, 9).

В некоторых источниках отмечаются вывернутые губы определённых типов: иногда губы эфиопов характеризуются как выступающие, выдающиеся вперёд — *πρόχειλος* — (Vita Aesopi, p.91–92), чаще их описывают словом «пухлогубый» (Moretum 33; Satyricon 102).

Ноги эфиопов описываются как тонкие, а иногда отмечается их кривизна, причём кривизна ног египтян и эфиопов объясняется воздействием жары, которая искривляет тела подобным же образом, как и стволы деревьев, когда они становятся сухими и покоробленными (Vergil. Moretum 33; Aristot. Problemata 14, 4, 909a).

Среди других антропологических наблюдений античности над физическим обликом эфиопов имеются и другие, достаточно тонкие и зачастую чрезвычайно точные, согласующиеся с современными антропологическими знаниями о расовом типе автохтонов континента. Так, в двух местах комментируется грудь эфиопских женщин, и, хотя эти источники относятся к группе поэтических художественных сочинений, это не умаляет их точности и свидетельствует о том, что и за пределами научного знания конкретное знакомство с африканцами было чрезвычайно близким.

Вергилий, описывая Скибалу, говорит о её низко лежащей, оттянутой груди (Moretum 34), а Ювенал задаёт не слишком приличный, но показывающий эстетические оценки своего времени в отношении женской красоты вопрос: «кто в Мероэ восхитился бы грудями женщины, которые больше, чем её толстый зад?» (Juvenal. XIII, 163).

Античная традиция в отношении изучения африканских народов проявилась также в интересе к такому вопросу, как обрезание (*circumcisium*), имеющему отношение одновременно и к антропологии, и к этнографии (Herod. II, 104; Iosephus. Contra Apionem 1, 169). Факт обрезания, практикующегося у эфиопов, отмеченный впервые в литературе у Геродота, привлекал неизменное внимание древних, что нашло отчётливое подтверждение в многочисленных памятниках изобразительного и пластического искусства античности<sup>34</sup>. В связи с тем что те образцы изобразительного искусства античности, на которых нашёл отражение факт фиксации африканского обычая производить обрезание крайней плоти, являются изображениями итиофаллических персонажей, вынуждает отметить существование в античности научного и массового интереса к эротизму эфиопов. Здесь в первую очередь необходимо назвать имена Геродота и Аристотеля (Herod. III, 101; Aristot. De generatione animalium 2, 2, 736a, Historia animalium 3, 22, 523a — в частности, если Геродот, повторяя расхожее в его времена мнение, говорил, что семя у эфиопов чёрное, то Аристотель уверенно опровергает старые заблуждения и сообщает, что оно такое же, как и у греков). Большое количество итиофаллических изображений в искусстве отражает важное

место эротической темы, связанной с эфиопами, в античном сознании и художественной и обрядовой практике (итиофаллические изображения эфиопов часто использовались в магических обрядах, в апотропеической магии), что достаточно известно исследователям и даже послужило темой специальной дискуссии о макрофаллизме негров<sup>35</sup>.

Невербальные источники свидетельствуют также о том, что античности было знакомо явление стеатопигии у женщин некоторых негрских племён Африки<sup>36</sup>.

Если попытаться хотя бы в первом приближении осознать, насколько близко античная наука подошла в своём опыте к научному уровню знаний об африканцах, то в области практической антропологии обнаружится удивительный результат: их знание почти не противоречило современным антропологическим теориям и выводам. Прежде всего особое акцентирование понятия «эфиоп» во всех контекстах, имеющих отношение к африканской тематике и особенно к антропологическому контексту, показывает, что этим словом выделяется степень черноты, окрашенности кожи как основного аргумента и показателя для расовой классификации. Этот показатель и в научных расовых классификациях является основным. Если же учесть наличие в античных источниках ещё и различных комбинаций других физических характеристик, ассоциировавшихся с эфиопами, то можно видеть, что в античности умели (пусть даже часто интуитивно) различать два подтипа негрской расы, что полностью соответствует современным антропологическим данным и классификациям. Согласно последним, различаются два принципиальных подтипа негрской расы; первый из них, называемый одними исследователями «чистым» или «подлинным» — «true»<sup>37</sup>, а другими — «абсолютным» или «беспримесным»<sup>38</sup>, представители которого описываются как высокие, сухоощавые, с развитой мускулатурой, с «триангулярным» торсом, чернокожие, с развитым прогнатизмом, курчавоволосые люди, т.е. здесь используется весь известный античности набор признаков. Во втором подтипе наблюдается известная размытость и вариативность «чистых» признаков: чёрный или иссиня-чёрный цвет кожи, ослабленный прогнатизм, меньшая платиринированность, менее вывернутые губы, волосы, варьирующие от завивающихся до почти прямых, более узкие лица. Второй, «размытый» подтип, также хорошо известный древним, напоминает группу, известную антропологам как нилотская, хамитская и нилотохамитская; сопоставление современных типов с античными изображениями не оставляет сомнения в этом выводе<sup>39</sup>. Сравнение античных изображений с так называемым «конгоидным» типом африканцев также показывает хорошее знакомство греков и римлян с глубинными районами материка<sup>40</sup>.

Интересным подтверждением знакомства с «нилотским» подтипом дают античные наблюдения по такому расовому признаку, как волосы: так,

Геродотово сообщение о курчавости восточного типа эфиопов и волнистых волосах ливийских эфиопов (Herod. VII, 70) и свидетельства римских источников о длинноволосых и волнистоволосых эфиопах, отличающихся от плотно-курчавого типа (Plin. N.H. II, 80, 189; Petron. Satyricon 34), показывают важность этого признака для античных антропологических классификаций. Вообще ясно, что античные наблюдатели, как правило, ссылаются на цвет кожи и вид волос, считая их определяющими признаками; нос же и губы упоминаются отнюдь не всегда, из чего можно заключить, что античные наблюдатели либо не принимали их за определяющие антропологические признаки, либо, что вероятнее, считали их индивидуальными особенностями объекта.

Констатация современной антропологической теории того, что негроидная раса включает самых высоких и самых низкорослых людей, находится в полном соответствии с сообщениями античных авторов, утверждавших то же самое. Достаточно напомнить геродотову характеристику тех эфиопов, к которым персидский царь Камбис послал посольство ихтиофагов из Элефантины: «самый рослый и красивейший народ на Земле» (Herod. III, 20); о том же говорит Плиний, когда сообщает, что эфиопы-сирботы были ростом до 20 футов (Plin. N.H. VII, 2, 31) (заметим, что даже если это и выглядит явным преувеличением, то базируется оно именно на античном представлении о том, что самые высокие люди на земле — эфиопы). Античность была знакома и с самыми низкорослыми африканцами, о чём свидетельствуют указания на пигмеев в литературе и их изображения в классическом искусстве: упомянутые впервые Гекатеем (Hecat. fr.266, FHG I, 18), в дальнейшем пигмеи всегда оставались любимой темой античных писателей от Геродота и Аристотеля до Мелы и Плиния (Herod. II, 32; IV, 43; Aristot. Histor. animalium VIII, 12, 2; Pomp. Mela III, 8, 81; Plin. N.H. VI, 188) и служили излюбленным сюжетом для художников начиная, по крайней мере, с первой четверти VI в. до н.э., о чём свидетельствует самое раннее из дошедших изображение пигмеев с их легендарными журавлями на вазе «Франсуа»<sup>41</sup>.

Приобретённый за века контактов с Африкой и африканцами опыт позволил античности выработать модель чрезвычайно точного в антропологическом смысле портрета «эфиопа»: образцом такого портрета может служить приписываемый Вергилию «Моретум», в котором портрет африканки Скибалы является наиболее полным портретным описанием, включающим восемь физических характеристик, позволяющих считать его автора вполне компетентным антропологом. Конечно, набор характеристик не полон: здесь отсутствует упоминание о ширине носа и не упомянут прогнатизм (чего, впрочем, нет ни у одного античного автора); но ведь автор — поэт, так что его антропологическая точность особенно ценна. Выбор античными наблюдателями в качестве наиболее важного критерия цвета кожи

совпадает и с современной антропологией. Чёткость античных градаций переходов цвета от чёрного к светло-жёлтому превосходит современные классификации. Они сумели также оценить важность такого признака, как вид волос, используемого и в современной науке. Только одна форма губ, имеющая значение в определении расового типа, если и не ускользнула от внимания древних, но и не стала главным признаком антропологической классификации<sup>42</sup>.

В рамках рассмотрения процесса становления «античной антропологии» в отношении негроидов Африки следует отметить, что хотя термин «эфиоп» и стал главным родовым словом, которым греки и римляне пользовались для обозначения негроидного типа, временами, совершенно очевидно, термины AFER, INDUS и MAURUS становились эквивалентами AETHIOPS. Например, имя AFRA сознательно используется в применении к женщине, расовая принадлежность которой несомненна (Moretum 32); это свидетельствует в пользу того, что термин AFER, указывающий обычно на ливийское происхождение, может также соотноситься с негроидным расовым типом (ср. Ἀφρολίβυες)<sup>43</sup>.

Использование в качестве синонима к термину «эфиоп» слова INDUS связано в первую очередь с обычными ошибками древних в различении востока и юга. Так, и Вергилий, и Овидий, вероятно, использовали термин INDI по отношению к эфиопам, т.е. африканским неграм: Вергилий повествует о Ниле, истекающем из «многоцветной Индии» (Vergil. Georgic. IV, 293), Овидий вспоминает Персея, привёзшего Андромеду из «чёрной Индии» (Ovid. Ars amatoria I, 53); возможно, впрочем, здесь употребление слова «Индия» вызвано соображениями не столько смысловыми, сколько необходимостью заменить метрически неудобное слово aethiopibus в конце дактилического гексаметра (что имеется в обоих случаях) удобным метрически выражением ab Indis. Вообще употребление термина «индийцы» вместо «эфиопы» было достаточно частым явлением (ср.: Expositio totius mundi et gentium 35 — GLM V, 520).

Термин «мавры» — MAURI — также использовался и как поэтический эквивалент к «эфиопы», и как широкий термин, включавший эфиопов; следует отметить, что некоторые исследователи полагают, что значение слова «mauri» не до конца ясно, и выражают удивление по поводу его использования античными писателями для обозначения цвета кожи негроидов и самого термина «чёрный»<sup>44</sup>. Тем не менее такая практика была широко распространена: например, Манилий говорит, что своё имя Мавретания получила от цвета её жителей (Manilius, Astronomica IV, 729–730), Исидор, придерживаясь того же мнения, добавляет, что греки обозначали NIGRUM словом ΜΑΥΡΟΝ (Origines 14, 5, 10; об эквивалентности NIGER и MAURUS: Poetae Latini Minores, ed. Baehrens E., V., LXIV, 11, 1–4).

Выражение Марциала — *retorto crina maurus* (VI, 3, 6) — ясно предполагает выющиеся волосы, которые ассоциировались с эфиопом, а слова Ювенала *NIGRI... MAURI* (V, 53–54) дают абсолютное подтверждение этой античной традиции. Клавдиан (*De consulatu Stilichonis* 1, 248–263) говорит обо «всех племенах мавров» (*omnes maurorum... populus*), которые жили ниже гор Атласа, и о тех, кого нестерпимая солнечная жара отрезала внутри Африки, т.е., безусловно, об эфиопах. Ранняя христианская литература использует слово *μαῦρος* в значении *Αἰθίοψ*<sup>45</sup>. Из этой группы источников особенно ярко иллюстрирует рассматриваемый языковой узус фраза, получившая силу популярнейшей пословицы *Αἰθίοπα σμήχειν* — «отмывать эфиопа добела»: *Αἰθίοπα μαῦρον ὡς ἀσβόλη* — «эфиоп, чёрный как копоть» — *Passio Bartholomaei* 7<sup>46</sup>.

Во всяком случае все приведённые примеры позволяют заключить, что и греки, и римляне в удобных случаях группировали небелых людей по признаку цвета, игнорируя все другие антропологические признаки и используя цвет как обобщающую универсальную характеристику всех негроидов, обозначая любым из слов-аналогов (синонимов) термина ЭФИОП всю массу народов Африки.

В группе ономастических материалов, кроме уже затронутых этнонимов, некоторые небезынтересные результаты может дать анализ ограниченного числа имён собственных, о которых можно с уверенностью сказать, что они имеют отношение к эфиопам, имея в своём содержании определённые указания на некие физические характеристики общеантропологического плана. Однако интерпретация имён собственных с целью непременно во всех случаях установить происхождение его носителя и произвести расовую идентификацию по имени чревата получением ошибочного вывода. Отнюдь не всегда имя и происхождение его носителя взаимосвязаны. Например, имена, содержащие яркие «негрские» характеристики и связанные безусловно с обозначением цвета кожи, — *NIGER*, *FUSCUS*, *MELAS*, с типом волос — *IRAS*, «африканской» формой носа — *SIMUS*, могли, конечно, быть даны эфиопам их хозяевами, но такие имена вовсе не обязательно были связаны с эфиопским экстрактом, а могли соотноситься лишь с физическими характеристиками конкретного человека и иметь несколько пародийный, метафорический характер, или быть вообще взятыми наугад из номенклатуры имён. То есть, имена типа *AITHIOPS*, *NIGER* или *IRAS* переставали быть иллюстративными.

Между тем имена эфиопов позволяют выявить важные детали, касающиеся не только их физического облика, но и различных аспектов социальной жизни эфиопов в античном обществе.

Говоря об именах эфиопов в античном мире, следует учитывать то обстоятельство, что здесь не существовало представлений, которые ставили бы знак равенства между понятиями эфиоп и раб: не происхождение, тем бо-

лее не расовая принадлежность, а только причастность к античной культуре (языку и всей совокупности важных для античного духа цивилизационных ценностей) определяли статус человека: если он овладевал ими, то становился законным и полноправным членом этого мира; в противном случае он оставался варваром и был достоин рабского состояния<sup>47</sup>. Таким образом, имя не означало непременно рабский статус его носителя, но фиксировало его происхождение. Эта особенность — сохранение памяти о происхождении человека — была свойственна и римлянам, и грекам: если у некоего человека были даже очень отдалённые эфиопские предки, он назывался эфиопом, при том что права его ни в коей мере не ограничивались по расовому признаку. Изложенное и являлось основной причиной, почему в номенклатуре имён классической античности столь явственно сохранялись «эфиопские» имена.

Большая часть «эфиопских» имён, зафиксированных в письменных источниках, принадлежит, естественно, рабам или потомкам рабов — вольноотпущенникам (это понятно, поскольку первоначально эфиопы попадали в страны Средиземноморья именно в этом качестве, что, впрочем, не исключало, особенно в более поздние времена, наличия в античном мире изначально свободных по общественному статусу эфиопов), или свободным различных профессий и общественного положения. Часто рабы получали имена, соотносимые с физическими характеристиками. Например, в помпейских граффити упомянута некая NIGRA, эфиопское происхождение которой современным комментаторам удалось доказать с полной убедительностью<sup>48</sup>, что подтверждается и косвенными фактами, как, в частности, скульптурным портретом женщины с явно негроидной внешностью — курчавыми волосами, широким носом, пухлыми губами — по имени Юлия Нигра, когномен которой указывает на негрское происхождение<sup>49</sup>, и тем, что хорошо известна практика отражать в когноменах именно такого рода происхождение человека.

Античная литература даёт большое количество примеров, когда именем, или когноменом, или определением к имени являются слова ΜΕΛΑΣ, NIGER, FUSCUS, которые в отношении к эфиопам всегда контрастируют с ΛΕΥΚΟΣ, CANDIDUS — десигнаторами северян. Представляется показательным случай употребления ΜΕΛΑΣ в смысле ΑΙΘΙΟΥΣ в известном списке солдат в Египте: двое из них с одним именем Аполлоний имеют различные десигнаты — один назван ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΜΕΛΑΣ, второй — ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΛΕΥΚΟΣ<sup>50</sup>. В свете присутствия в Египте множества эфиопов и их большой активности в разных сферах общественной жизни ΜΕΛΑΣ в этом случае скорее всего является эквивалентом ΑΙΘΙΟΥΣ, т.е. указывает на цвет кожи<sup>51</sup>.

Латинская литература даёт много примеров использования контрастирующего эффекта candidus и niger, которые можно понимать в одних

случаях как «светлый, блондин» — «тёмный, брюнет» а в других — как «белокожий» и «чернокожий»<sup>52</sup>: у Марциала, например, говорится о двух незаконнорождённых дочерях от Крота и Карпа, первая из которых NIGRA, а вторая — RUFA (чёрная и рыжая) — VI, 39, 18–19; в помпейской надписи из лупанария в том же смысле (блондинки — брюнетки или негритянки — белые ?) говорится о NIGRA и CANDIDA<sup>53</sup>; аналогичные примеры, во многих из которых NIGER, FUSCUS означают эфиоп, чернокожий, находим у Вергилия (*Ecl.* 2, 16–17), Лукреция (IV, 1160), Овидия (*Ars amatoria* 2, 657–658; *Remedia amoris* 327), Проперция (II, 25, 41–42), Марциала (I, 72, 5–6; III, 34; VII, 29, 7–8 — Марсий — чёрный), Сидония (*Carmina* 5, 460 — на корабле Клеопатры были «как смоль чёрные солдаты» — *milite riceo* /*riceo* = *niger*, как у Марциала (I, 115, 4–5)/, которые, без сомнения, были эфиопского происхождения в отличие от светлых египтян), автора из *Anthologia Latina* (ed. Riese A., n.183, p.155 — *riceo*), Анонима из Малых поэтов (*Poetae Latini Minores*, V, 370, n. LXIV) и др.

Использование того же контрастирующего эффекта в сопоставлении чёрного и светлого сказалось в практике называть эфиопских мальчиков для достижения особо комического эффекта серебряными (*St. Ieronim.*, *Epistulae* 40, 2). По именам, содержание которых указывает на явно негрские физические приметы, установлено, что служанка Клеопатры IRAS была эфиопкой, а в её свите называется маленький невольник-негритёнок (*Lucan.* X, 131–132; *Plut.*, *Antonius* 85, 4, *Pape WgE* s.v. *Εἰράς*<sup>54</sup>).

Анализ употребления этих имён показывает, что в слове-номинации отражались и фиксировались черты физического типа эфиопов.

Часто встречающееся имя МЕРОЭ вошло в репертуар собственных имён, видимо, по причине широкой известности и важности эфиопской столицы Мероэ в античной культурно-исторической традиции; имя пьяницы Мероэ в эпиграмме Авсония (*Ausonius*, *Epigrammata* 41, 9–10) объясняется его способностью пить вино, не смешанное с водой, что считалось чертой варварской, осуждаемой в античной культуре. Другие же лица с именем Мероэ были так названы явно по цвету кожи и были эфиопами. Соотнесение имён AFER и MAURUS с определённым негроидным типом предполагает, что имена эти чаще всего использовались при назывании эфиопов. Об имени Maurus / Мауга как имени «эфиопском» явствует из «Поминок» Авсония, где говорится об очень тёмнолицей бабушке Мавре (*Parentalia* 5, 4–5).

Кроме имён, соотносимых с физическим типом и происхождением, в номенклатуре есть египетские, еврейские и эфиопские имена; большая же часть имён эфиопов в античном мире — греческие и латинские.

Основываясь на когномене знаменитого римского драматурга Теренция — AFER — и тёмном цвете его кожи — *colore fusco* (*Suetonius. Vita Terenti* 5 / *Loeb* II, 460), и, видимо, в сочетании с известными чертами его наружности, характерными для антропологических описаний древними негров,

существует гипотеза о его африканском — «эфиопском» происхождении<sup>55</sup>. В пользу этого предположения, помимо самого имени, свидетельствуют и расовый состав жителей родины Теренция, Карфагена, дающий с равным правом считать, что он мог быть и негроидом, и эфиопоидом; и толерантность Рима и античного мира в целом к цивилизованным представителям других национальностей и рас, которых охотно включали в собственное общество.

Также, исходя преимущественно из имени и основываясь на антропологической значимости чёрного цвета кожи и курчавости, спутника Одиссея Эврибата считали эфиопом<sup>56</sup>.

Вообще отражаемые в именах антропологические признаки, в первую очередь чёрнокожесть и курчавость, убедительно доказывают их важность в древних идентификациях варваров-негроидов.

## **2. СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ «ЭФИОП» И «ЭФИОПИЯ» И ОБЪЁМ ЗНАНИЙ АНТИЧНОГО МИРА О СТРАНЕ И ЛЮДЯХ**

Выяснение конкретного содержания этих терминов возможно лишь при контекстуальном анализе имеющихся свидетельств и полном учёте объёма реальных знаний данного автора и его времени. Помимо этого необходима также проверка каждого свидетельства в диахроническом плане. Часто верификация того или иного сообщения оказывается успешной при сопоставлении с невербальными свидетельствами, синхронными письменному источнику; в этом смысле большую помощь оказывают данные археологии (в частности, керамические и нумизматические материалы) и античное изобразительное искусство разных жанров.

Хотя начало этнокультурных контактов Африки со странами Восточного Средиземноморья относится ещё ко II тыс. до н.э.<sup>57</sup>, первые письменные свидетельства об Африке принадлежат Гомеру и ранней греческой поэтической традиции и отличаются известной расплывчатостью и мифолого-легендарным характером, прежде всего, разумеется, это относится именно к областям «Чёрной» Африки и «эфиопам». Только примерно с середины I тыс. до н.э. греческие письменные источники начинают фиксировать более определённые и реальные по характеру подробности антропологического и географического плана относительно африканских «эфиопов» и их стран.

Особенности развития греческой географической теории, достаточно смутно различавшей юг и восток, послужили причиной того, что, хотя, начиная с Геродота, считалось, что Эфиопия находится на юге, а Индия — на востоке, всё же в сознании многих они нередко смешивались. Тем не менее чаще всего всё-таки остаётся возможность определить, идёт ли речь

об индийцах или об эфиопах, поскольку проблема «Индия — Эфиопия» достаточно разработана<sup>58</sup>.

Геродот, рассказывая об индийцах и их стране (III, 98–106), различает их и эфиопов, но одновременно сравнивает тех и других, основываясь на сходстве в их облике (например, говорит, что семя у них чёрное, как и у эфиопов, — III, 101). В другом месте (III, 94) он сообщает, что парикании и эфиопы в Азии образовывали особую сатрапию — 17-й округ, а описывая армию Ксеркса, отмечает, что восточные эфиопы были поставлены рядом с индийцами и что «по виду народы эти нисколько не отличались друг от друга, разве только по языку и волосам. Действительно, восточные эфиопы имеют прямые волосы, между тем, у ливийских эфиопов волосы так курчавы, как ни у какого другого народа» (VII, 70).

В начальный период существования древней гомеровской традиции о Мемноне (*Odys.* XI, 552), при полном неразличении юга и востока, его ассоциировали с востоком, а именно с Сузами, хотя в более поздние времена Мемнона описывают и воспринимают как чёрного и эфиопа и локализуют в Африке. В целом обе традиции привязаны к востоку и югу, однако и в восточной версии, возможно, речь идёт о Мемноне-эфиопе, так как в Эламе известны негроиды, т.е. вектор ассоциаций всё равно был направлен к Египту<sup>59</sup>.

Сравнений Индии с Эфиопией в геродотовом духе не слишком много (*FGrH* III C, 308–309<sup>60</sup>), однако эта линия в античной науке сохранялась практически постоянно: так, Страбон, возвращаясь к рассмотрению описанных Геродотом восточных эфиопов, подтверждает его утверждение о том, что «эти азиаты отличаются по внешности от ливийских эфиопов» (*Strabo* II, 3, 8).

Вообще, многие из проблем, поставленных Геродотом, продолжают обсуждаться до сих пор: в частности проблема западных и восточных эфиопов, не имеющая однозначного решения, поскольку разные авторы находят различные варианты ответа на неё (например, Бэдж полагает, что западные эфиопы — это негритянские племена западнее Белого Нила, а восточные — краснокожие племена восточных пустынь; но не все исследователи разделяют эту точку зрения<sup>61</sup>).

Тенденция к увеличению количества сравнений Индии и Эфиопии находится в прямой зависимости от постоянно углублявшихся со временем контактов античного мира, прежде всего с Индией, а также с Эфиопией («Чёрной» Африкой в целом). Сравнение это проводилось регулярно по разным аспектам: климату, флоре, фауне, внешнему виду жителей обеих стран<sup>62</sup>. Например, Страбон, во многом подытоживший длительнейшую греческую традицию, о сходстве Индии и Эфиопии писал в нескольких местах своего труда: *Strabo* XV, 1, 25; XV, 1, 19; XV, 1, 13; в последнем параграфе он говорит об одинаковых животных в Индии, Египте и Эфиопии;

в реках Индии — те же животные, исключая гиппопотама, что и в Египте и Эфиопии; южные индийцы того же цвета, что и эфиопы, а северные индийцы — что и египтяне. Арриан (*Indica* 6, 1–9) также сравнивал индийцев и эфиопов, говоря, что южные индийцы черны, как эфиопы, но не столь широконосы и курчавоволосы. Когда Александр обнаружил в Гидаспе (*Strabo* XV, 1, 25), а также в Инде крокодилов (*Argian.*, *Anabasis* 6, 1, 2), то он сделал вывод, что обнаружил истоки Нила. Впрочем, вопрос о Ниле всегда оставался тёмным и для учёных, и для широкой публики; Вергилий писал о Великой реке, что её цветной поток течёт из Индии — *coloratis amnis devexus ab Indis* (*Georg.* IV, 293)<sup>63</sup>.

С параллелизмом (или просто с путаницей) Индии и Эфиопии мы встречаемся и в античных версиях и толкованиях мифологических тем и мотивов. Овидий пишет, что Персей привёз Андромеду от чёрных индийцев — *Andromedam Perseus nigris portarit ab Indis* (*Ars amatoria* I, 53); причём овидиева Индия вполне эквивалентна Эфиопии, что хорошо подтверждается описанием мифа о Персее и Андромеде Филостратом (*Philostr.*, *Imagines* I, 29). Вообще хорошо выявляется общая тенденция ассоциировать мифологическую Эфиопию и древний миф в целом и согласовывать восточных и западных эфиопов с народами южнее Египта<sup>64</sup>.

Гомер, первым зафиксировавший греческую мифологическую традицию, знал и об эфиопах, и об их стране, которые занимали прочное место в этой традиции, имели своё место в древнейшей картине ойкумены и, по видимому, нередко встречались в повседневной жизни. Не вполне доказано, но весьма вероятно, что упоминаемый Гомером и описанный им как тёмнокожий и курчавый человек спутник Одиссея, вестник Эврибат, был эфиопом, а сам Гомер, как о том говорит предание, — африканцем.

Эфиопы Гомера — отдалённый народ, поделённый на две части («поселённый двойкою»): на востоке — блаженные эфиопы, другие — на заходе солнца, на берегу Океана. Менелай, в странствиях своих побывавший и на Кипре, и в Финикии, и в Египте, посетил и эфиопов. Эфиопские мотивы постоянно возникают у Гомера: и при описаниях двенадцатидневных пиров богов у гостеприимных эфиопов, и в рассказе о великом герое Мемноне, цвет кожи которого напоминает окраску западных эфиопов позднейшего Геродота (*Herod.* III, 20 — долгоживущие эфиопы) — *Iliad.* I, 423–424; XXIII, 205–207; *Odys.* I, 22–24; IV, 84; V, 282, 287; XI, 552<sup>65</sup>.

Кстати, не один Геродот возвращался к героям гомеровских поэм: проследил путь Менелая в Эфиопию учёнейший Страбон (I, 2, 31).

У Гомера нет физических характеристик эфиопов, но ясно, что греки этого времени знали их и по прямым контактам, и по косвенным данным: Эврибат — вестник Одиссея, сопровождавший его к Ахиллу (*Iliad.* II, 184; IX, 170), дан в описании Одиссея Пенелопе как тёмнокожий и курчавый (*Odys.* XIX, 246–247), что прекрасно совпадает со словесной моде-

лью портрета эфиопа. Интересно, что этот эфиоп, единственный описанный Гомером, видимо, был хорошо известен, поскольку в ответ на вопрос Пенелопы о спутниках Одиссея упоминается именно он, Эврибат, как доказательство, по которому она узнала мужа (*Odys.* II, 15).

Одним из правителей Итаки был ΑΓΥΠΤΙΟΣ — ЕГИПЕТ. Наличие в таком близком ситуативном и идеологическом «соседстве» и Эврибата, и Египта говорит об известном знакомстве и со страной фараонов, и с Эфиопией.

Слышал Гомер и о пигмеях, страну которых омывает Океан (*Iliad.* III, 6). И до времён Гомера изображения чёрных африканцев помещались на миносских и пилосских фресках; там же были обнаружены изделия из африканской слоновой кости, осколки скорлупы страусовых яиц и другие материальные следы контактов с Африкой<sup>66</sup>. Помимо изобразительных документов — африканских растений (лилий, пальм, киренского сильфия), животных (обезьян, нильского бегемота, кошек), людей негроидного типа, как на пилосской фреске с названием «предводитель отряда чернокожих солдат», здесь же, на глиняных пилосских табличках, сохранились два слова из микенского языка, одно из которых — «ai-ku-pi-ti-jo» — означает «aigyptios» — египтянин, другое же, вызвавшее споры исследователей в его понимании, но однозначно прочитанное, как «ai-ti-jo-qo», — эфиоп<sup>67</sup>. Даже если учесть, что по гипотезе Вентриса, Чэдвика и Баумбаха это слово обозначает именно африканских эфиопов, а по мнению Стеллы и Диле — это название азиатов с тёмным цветом кожи<sup>68</sup>, то это всё равно не снижает ценности этого первого в Восточном Средиземноморье письменного документа, в котором зафиксировано античное имя эфиопов.

Вопрос о локализации гомеровских эфиопов достаточно сложен и противоречив: он по-разному решался в древности, и, соответственно, на него имеются различные ответы в исследованиях современных учёных. Так, гомеровских пигмеев одни помещали на берегу Океана<sup>69</sup>, другие полагали, что речь идёт о реальных местах обитания африканских пигмеев — центральных районах экваториальной Африки — и что эти достоверные сведения были получены косвенным путём, самих же гомеровских эфиопов часто склонны были помещать в Палестине, хотя варианты локализации в Африке также подвергались подробному обсуждению<sup>70</sup>.

Кроме упомянутой гипотезы о палестинской локализации эфиопов Гомера, существует ещё по крайней мере три, базирующиеся на данных античных источников позиции. По одной из них, гомеровские эфиопы жили где-то в крайней южной стране выше Египта, у восхода солнца, были чернокожими и представляли собой восточную часть эфиопов; другая их часть обитала на закате солнца (ср. мнение Гесиода, приведённое у Страбона VII, 3, 7), у Пилоса и Геркулесовых Столпов. По второй гипотезе считается, что восточная часть гомеровых эфиопов по типу — негроиды Сомали, а более

западные — суданцы, земли которых простирались от нильской равнины на запад до бесконечности. Третья гипотеза помещает гомеровских эфиопов на берегу Красного моря, а западных — у верховьев Нила.

Гесиод первым соединил сицилийцев с эфиопами мерой географических крайностей — северных и южных; он не даёт описания своих эфиопов, но упоминает народ и город чёрных людей (κυανέων ἀνδρῶν δῆμον τε πόλιν — *Opera et dies* 527). Эос и Титан — родители Мемнона, согласно ранней поэтической греческой традиции, бродили где-то у Океана, на краю земли, не имея определённого места проживания (*Hymnus ad Venerem* 225–227; Hesiod., *Theogonia* 984–985); интересно отметить, что в ранней греческой иконографической традиции Мемнон, как правило, изображался белым.

По Афинею, Архилох упоминал эфиопа Коринфа (Αἰθίοψ употреблено в качестве когномена), который участвовал в основании Сиракуз (734 г. до н.э.) — (Atheneus 4, 167d; Arch. Frg. 145 /126/<sup>71</sup>). Однако точное значение слова «эфиоп» в этот ранний период установить трудно; безусловно лишь значение тёмного цвета кожи.

Мимнерм (Frg. 8 (Loeb) 94) помещает своих эфиопов на востоке, когда описывает солнце, похищаемое из страны Гесперид в страну эфиопов.

Первым, кто определённо поместил эфиопов в Африке, был Эсхил (Aeschil. *Prometheus vinctus* 808–809). Ио в соответствии с мифом о Прометее должна была, по его пророчеству, пройти в отдалённую страну, у солнечных вод, на берегу Эфиопской реки, в местах, где Нил стекает с гор, и там увидеть «чёрные народы»: «Беги на юг, где чёрные народы вкруг солнечных источников живут, где катится поток эфиопийский. Библосских гор увидишь ты хребет, откуда Нил свергает водопадом прозрачные, священные струи» (перевод Д. Мережковского). Некоторые комментаторы идентифицируют «Эфиопскую реку» с Нигером или говорят вообще о некоей реке страны чёрных людей, корреспондирующей в географии Эсхила с направлением течения Нила выше катарактов<sup>72</sup>.

Согласно греческой исторической традиции (Herod. II, 152; 154), первыми греками, поселившимися в Египте при царе Псамметихе, были ионяне и карийцы, обучавшие эллинскому языку египтян, с VII–VI вв. прочно обосновавшиеся в Навкратисе и других местах и ставшие тем основным источником в этом районе Африки (после первой греческой колонии — Кирены, основание которой, как удалось установить, относится ещё к XI–X вв. до н.э.<sup>73</sup>), из которого греки метрополии получали все доступные сведения о Египте и глубинных районах Африки — Эфиопии. Здесь, в Египте (как, естественно, и в Киренаике), интерес местных греков (а через них, естественно, и материковых) к эфиопам резко увеличился, что нашло наглядное отражение в искусстве VI в.<sup>74</sup>

Значение Навкратиса как греческой колонии, наиболее интенсивно поставившей сведения об эфиопской Африке выше нильских порогов, высоко ценилось и в поздние века: о милетянах, поднимавшихся в царствование Псамметиха вверх по Нилу, а позднее основавших Навкратис, подробно вспоминает Страбон (XVII, 1, 18).

Основание Навкратиса именно при Псамметихе II (около 594 г. до н.э.) подтверждается данными археологии<sup>75</sup>, хотя некоторые учёные время возникновения этой греческой колонии относят к середине VII в. до н.э.<sup>76</sup>

Вероятно, именно в Навкратисе возникла легенда о Бусирисе, сыне Египта, убитом одной из Данаид; известия о нём содержатся только в греческом предании — *Arr.* 3, 3, 1, *Gell.* 2, 6; *Apollod.* II, 5, 11 (версия о Бусирисе как сыне Посейдона и Лисианассы). По античному преданию, он был египетским царём и приносил в жертву чужеземцев, приходивших в его страну. Также с Навкратисом связывают Амасиса, рождённого в этом городе от матери-египтянки, метиса, который впоследствии стал царём Египта и покровительствовал грекам в своей стране, позволяя им селиться там и строить храмы своим богам (*Herod.* II, 172; III, 1), и женат он был на гречанке; мести от оскорблённого им царя персов Кира Амасис избежал благодаря внезапной смерти. С Египтом, Навкратисом, Псамметихом II связаны в греческой исторической традиции и другие греки, преимущественно купцы, мореплаватели и воины — основные посредники в получении греками на этой самой северной оконечности Африки сведений о коренных негроидных жителях в глубине континента; подтверждение этому предоставляют не только греческая литература, но и эпиграфические документы<sup>77</sup>.

Наличие на территории самой Африки греческих городов, безусловно, способствовало концентрации в них массы сведений и живых впечатлений о «Чёрной» Африке, а отсюда вся масса полученных знаний об эфиопах сравнительно быстро и естественно (в силу непрекращающихся контактов с метрополией) попадала в пределы Греции. Ко времени Эсхила ранние знания греков об эфиопах уже широко циркулировали в Греции.

Эсхил уже принимал участие в греко-персидских войнах и, может быть, его интерес к эфиопам возник под впечатлением армии Ксеркса, в которой присутствовали и эфиопские воины. Ксенофану (580–480 гг. до н.э.) принадлежит описание эфиопов как чернокожих с широкими приплюснутыми носами; введя описание этой детали облика эфиопов, он оказался первым, кто ввёл новую черту их физической характеристики<sup>78</sup> — *Frg.* 16. Один из греческих купцов, названный в надписи из Абу-Симбела, был родом из Колофона (см. прим. 77). Видимо, сведения Ксенофана и могли быть получены от какого-то купца из Колофона, очевидца, побывавшего в Африке. Хотя существует также предположение, что Ксенофан сам совершил путешествие в Египет, познакомился там с эфиопами и эфиопской религией,

сам обобщил свои наблюдения относительно антропологических деталей их внешности<sup>79</sup>. Антропологические детали у Эсхила и Ксенофана свидетельствуют о росте конкретных знаний об Эфиопии в их время.

У драматургов V в. до н.э. также используются различные фрагменты эфиопской мифологии: они дают развёрнутые и краткие описания и экзотические детали вроде снежных вершин гор, переполняющих во время таяния снегов воды Нила. Однако понятно, что специфика драматического жанра позволяла использовать лишь некий обобщённый образ Африки и африканца; не преследуя никаких научных задач, поэт передавал преимущественно эмоциональные впечатления от экзотических сторон чужой культуры; при этом всё же использование африканских мотивов в высокой поэзии говорит о том, что страны чёрных людей уже заняли прочное место в греческой культуре.

Решающий перелом в греческих представлениях об эфиопах связан с именем Геродота. Он первый, кому принадлежит наиболее основательный и достоверный свод свидетельств об эфиопах, основанный частично на автопсии, которая оказалась возможной благодаря тому, что по Нилу он дошёл до Элефантины, а там и в других местах дополнил собственные впечатления опросами и расспросами очевидцев-путешественников, местных жителей и египетских жрецов — всех тех, кто хорошо знал страны чёрных африканцев. Его географические знания часто неотчётливы и в целом оставляют желать лучшего, однако нарисованная им общая картина «Чёрной Африки» и образы эфиопов из разных частей материка (Herod. VII, 70) оказали наиболее мощное воздействие на формирование образа эфиопов у греков и практически определяли всю дальнейшую «античную африканистику».

Ясно, что геродотово понятие «эфиоп», несмотря на краткое упоминание азиатских эфиопов, включает преимущественно эфиопов африканских (IV, 197). Более всего его интересовали южные эфиопы, жившие выше Элефантины (II, 29). Информация Геродота об эфиопах юга чрезвычайно разнообразна и содержит, несмотря на частую отрывочность, а иногда фантастичность отдельных сведений, поистине впечатляющую сводку фактических данных. Он сообщает о столице «нильских» эфиопов Мероэ, расположенной в двух месяцах пути от Элефантины, отмечая, что она является собственным религиозным центром эфиопов; о живших вдоль Нила в юго-западном направлении эфиопах, находившихся под влиянием египетских «перебежчиков» — асмах (сембритах Эратосфена — Strabo XVII, 1, 2), и рассказывает историю их появления здесь при Псамметихе I (Herod. II, 29–32; III, 17–24; IV, 183); о долгоживущих эфиопах, макробиях, — самых высоких людях на востоке, избравших царём самого из своего народа высокого человека и живших на самом краю земли; о троплодитах, пещерных эфиопах, говоривших на языке, напоминающем писк летучих

мышей, и живших южнее гарамантов (II, 32)<sup>80</sup>; об обнаруженных экспедицией насамонов пигмеях, одевавшихся в пальмовые листья и которых когда-то видел Сатасп в путешествии вдоль западного побережья, — негрское племя, обитавшее то ли в Сенегале, то ли в Гвинее (Herodot IV, 43)<sup>81</sup>.

Поразительно, что, несмотря на частые географические сбивы и явные ошибки, Геродот даёт практически адекватное (за исключением случаев, затрагивающих мифолого-легендарные темы) перечисление эфиопов, живущих к югу от Египта и, может быть, даже обитателей Центральной и Западной Африки. Макробиев он помещает гораздо дальше на юге, чем более поздние писатели (III, 17–23); при этом, хотя их «солнечный стол» и заставляет вспомнить пир гомеровских богов, в этом эпизоде ясно виден интерес Геродота к чисто этнографическим подробностям (III, 18), благодаря чему в нашем распоряжении оказываются уникальные по ценности свидетельства об архаических верованиях и обрядах автохтонов Африки южнее Сахары.

После Геродота эфиопы южнее Египта перестали быть плодом домысла и стали абсолютной реальностью Африки. Меньше сведений даёт Геродот о западных эфиопах: его сообщение об опыте Африки экспедицией фараона Нехо не содержит описаний обитателей Западной Африки (IV, 42); описания Сатаспа (IV, 43) неопределённые. Об этих районах Эфиопии существенные сведения содержатся в Перипле карфагенянина Ганнона, который предпринял экспедицию вдоль западного побережья Африки то ли до 500 г. до н.э., то ли после 480 г., а может быть и около 450 года до н.э., и маршрут которого трудно устанавливается и до сих пор вызывает споры исследователей, пытающихся установить конечную точку побережья, которой удалось достичь Ганнону: не ясно, дошёл ли он до Гвинеи или Камеруна или повернул назад уже от марокканского побережья, что отчасти зависит и от идентификации знаменитой горы *Ὀχῆμα τῶν θεῶν* — Столпа богов (старый перевод — Колесница Богов) — с горой Какулима в Гвинее или горой Камерун; все эти вопросы породили значительную литературу<sup>82</sup>. Тем не менее по дошедшему до нас греческому переводу отчёта Ганнона об экспедиции возможно выделить некий ряд описаний жителей этого побережья, встреченных мореплавателями во время похода (Periplus /Hanno/ — GGM I, 1–14): племя диких людей в гористой области; троплодиты, бегающие быстрее лошадей; горные антропофаги, не позволившие карфагенянам остановиться и закидавшие их камнями; племя с непонятным языком; переводчики-ликситы, плывшие перед кораблями экспедиции; некое племя с трубами, барабанами и цимбалами, звуки которых наводили страх и вызывали панику.

Остров Керна (обычно его идентифицируют с Неге, севернее Тропика Рака, или, по другой версии, с островом в устье реки Сенегал) — важная веха на эфиопском западе: южнее этого пункта были земли, почти не освоенные средиземноморскими мореходами.

Перипл Скиллакса (Scyllax. Periplus — GGM I, 94) описывает Керне как рынок обмена между карфагенянами и эфиопами: основными товарами здесь были шкуры оленей, львов, леопардов, слоновые бивни, благовония, египетские камни и афинская утварь из керамики. Западных эфиопов Скиллакс описывает, явно следуя за Геродотом, как самых красивых и высоких людей на земле, повторяя и ту подробность их обычаев, что вождя своего они выбирают за выдающийся рост и силу.

Авторы IV в. до н.э. — Палефат, Эфор (Strabo I, 2, 26) — говорят, что в Керне жили эфиопы, пришедшие на остров из-за Геракловых Столпов. Эфор дополняет это сообщение, объясняя, что, перейдя Атласские горы, эфиопы из Ливии частью осели здесь, на Керне, а частью заняли большую часть побережья. Кстати, Атлас, который был границей распространения эфиопов (что сформулировано у Страбона — XVII, 3, 2), называется у Эфора горой Дирис (Dyris), что, по объяснению Страбона, является варварским наименованием Атласа. Возвращаясь к острову Керне, нужно ещё раз подчеркнуть его важность в представлениях о Западной Эфиопии как ориентире, за пределами которого земли или необитаемы, или чрезвычайно опасны из-за их неизвестности. Все позднейшие, после IV в. до н.э., иллюстрации по поводу эфиопов подтверждают это положение: Аполлоний Родосский говорит о пространствах на западе, дальше самой дальней горной цепи эфиопов (Apollonius Rhod. Argonautica, III, 1191–1192); Страбон (III, 5, 15) рассказывает о западных эфиопах, самых удалённых народах к югу от Карфагенской области, о них же, живущих «позади» Маврусии, на берегу океана (XVII, 3, 5), о лотофагах, живущих по ту сторону Маврусии, поблизости от западных эфиопов (III, 4, 3); Павсаний (I, 33, 5) рассказывает об эфиопах, которые были соседями мавров и жили далеко от насомонов; Исидор (Isidorus., Origines XIV, 5, 16) рассуждает о двух Эфиопиях, одна из которых — у самого восхода солнца, другая — у заката солнца, в Мавретании (ср. также FGrH /F. Jacoby/, Fg. 305–308). Ж. Десанж считает западных эфиопов (Aethiopes Hesperii) десигнативным термином для определения страны эфиопов, живших вдоль Океана, к югу от современного Марокко и примерно до мыса Нун (Cape Noun)<sup>83</sup>. Во всяком случае в V в. до н.э. познания греков о западных эфиопах значительно расширились в сравнении с ранними мифическими или полулегендарными сведениями, на смену которым с этого времени приходит стремление получать и углублять научные и конкретные знания об африканской реальности. Важнейшим путём и стимулом к расширению контактов с Африкой становятся путешествия, в которых античность черпает всё новые подробности, обогащающие её представления об этом необъятно большом и непознанном мире. Например, Демокрит посетил Эфиопию, как сообщает Диоген Лаэртский (Diogenes Laertius 9, 35); Плиний (Plin. N.H. VI, 35, 183; VI, 35, 94) говорит, что Симонид Младший жил в Мероэ пять лет и работал там, а море-

ход Далион плавал во времена Птолемея II (283–246 гг. до н.э.) далеко на юг от Мероз и впечатления свои записал в сохранившемся дневнике<sup>84</sup>. Их открытия плохо известны; исключение составляют некоторые сообщения Плиния Старшего.

Не сохранилась и целая серия книг под условным названием *Aithiopica* таких авторов, как Харон Лампсакский<sup>85</sup>, Бийон из Сол, Филон и Марцелл Эмпирик<sup>86</sup>, которые писали исключительно на темы Эфиопии. Хотя одна Эфиопика, относящаяся уже к III в. н.э., — любовный греческий роман Гелиодора — сохранилась и, не являясь, как первоначальные Эфиопики, описанием подлинных путешествий, представляет собой чрезвычайно интересный источник для III в. н.э. по одной из стран античной Эфиопии — Мероз<sup>87</sup>. Ценность этого источника заключается не только в том, что в нём отражена ситуация в Египте и Мероз в указанное время, но также содержатся весьма разнообразные сведения об эфиопах из обширных областей верховьев Нила. Роман Гелиодора, созданный уже в послептолемеевскую эпоху и вобравший в себя благодаря интересу автора к вопросам географии и этнографии практически все сведения предшественников об этом районе, а также его собственные наблюдения, является своего рода компендиумом (пусть и не претендующим на научность) по нильской Эфиопии для указанного времени. Степень его надёжности подтверждается тем, что, по мнению исследователей, можно считать безусловной автопсию автора по Египту и весьма возможной вероятностью его пребывания в Мероз. Во всяком случае, несомненно, что автор бывал в Катадупах, у первого нильского порога, где завязывается сюжет романа, где традиционно бывало много греков, желавших получить информацию о странах эфиопов от местных жителей и приезжавших сюда из верховьев Нила купцов и эфиопов (Heliodor. II, 29–30); с теми же целями и в таких же обстоятельствах в своё время оказывались здесь Геродот (Herod. II, 29), Диодор (III, 11), Страбон (II, 5, 12) и Олимпиодор (Olimp. 37).

В частях, посвящённых Эфиопии, наблюдается совпадение между старой традицией античного восприятия эфиопов и настроениями III в., которые можно охарактеризовать как идеализирующие и утопические, порождавшие жанр социальной утопии. Однако реалии Эфиопии, несмотря на идеализирующую тенденцию автора (впрочем, совпадающую с традицией античного «мифа об Африке» в целом), переданы в этом источнике точно и достоверно.

Что касается мероитских реалий, то их широко использовали исследователи Куша<sup>88</sup>, хотя приходится отметить иногда неоправданно завышенный рационализм в использовании «Эфиопики» в качестве исторического и этнографического источника, приводящий к отбрасыванию так называемых «сказочных» элементов повествования, хотя представляется, что и

в этих мифо-легендарных подробностях содержится важная информация, раскрывающая ОТНОШЕНИЕ греков к Эфиопии и эфиопам.

У Гелиодора сконцентрирована масса информации и реальных деталей по нильской Эфиопии: он подтверждает, что Филы, расположенные выше первых порогов Нила, оставались границей между египтянами и эфиопами и, таким образом, подтверждает принадлежность мероитов к эфиопам (IX, 26, 2); даёт наиболее точную из известных до него географическую характеристику Мероэ, в основном учитывающую данные Геродота (II, 29), Страбона (II, 5, 12; XVII, 1, 50) и Птолемея (IV, 7, 20) — (Heliodor. IX, 22, 7; X, 5); подробно и точно описывает природные условия, растительность, животный мир и полезные ископаемые; о Ниле, паводках, истоках, Астаборе и Асасобе (Белом и Голубом Ниле — II, 28, 2–3); о жирафах и слонах в Мероэ (IX, 16, 3; 18, 3–8; X, 25, 2; X, 27) — (ср. Plin. N.H. V, 180); о большом количестве золота (что соответствует действительности и продолжает традиционную для античных представлений тему золота: Африка — страна золота) и месторождениях золота и изумрудов (IX, 1, 5; X, 8, 2; X, 32, 4; II, 30, 3; II, 32, 2; VII, 1, 3; IX, 6, 5; X, 11, 1) (об издревле — от Геродота — известных в этих районах золотых разработках ср. Plin. N.H. XXXVII).

Как было отмечено, Гелиодор хорошо различает египтян и мероитян, причисляя последних к эфиопам и описывая их как абсолютно чернокожих людей (II, 30, 1; X, 24, 1), что полностью подтверждается современными антропологическими исследованиями, установившими негрский расовый тип кушитов<sup>89</sup>.

В источнике прекрасно описаны экономика и хозяйство мероитов: подробно охарактеризованы земледелие и скотоводство (IX, 5, 2; 6, 5), рыболовство (X, 4, 6), ремёсла (II; IV; IX; X). Рассказано о многочисленных городах (что подтверждается и другими античными источниками, и археологическими изысканиями) и общественном строе у мероитов: царь у них исполняет одновременно функции военачальника и первосвященника бога Солнца (IX; XI), он должен быть физически совершенным и самого высокого роста (X, 23, 4), царица была жрицей Селены; в высшем совете жрецов и старейшин заседали гимнософисты, а все взрослые мужчины образовывали народное собрание. Большое внимание Гелиодор уделяет также культам и верованиям мероитов, описывая алтари Гелиоса и жертвоприношения, в том числе человеческие (ср. данные Диодора — II, 55), на священном поле (что заставляет вспомнить о геродотовом «солнечном столе» и солнечном боге мероитов — III, 17–18); родоначальниками и героями эллинизированных царей Мероэ были Персей и Андромеда, а также Мемнон (IV, 8, 3; ср. о связи этих персонажей с Нильской Эфиопией в «Мифологической библиотеке» Аполлодора — Apollodor. II, 4; III, 12, 4). Рассказывается также о греческой образованности в среде мероитских эфиопов во времена современные автору (IX, 25, 3; X, 31, 1) и о наличии

собственной письменности (II, 31, 2; IV, 5, 2; 8; X, 12, 4), которая появилась в Мероэ около середины III в. до н.э.<sup>89</sup>

Существенные сведения даёт Гелиодор относительно соседних эфиопских народов. Он знает, что в состав Мероэ входили земли южных соседей — блеммиев, которые, будучи вместе с троглодитами подчинены власти мероитов, находились в их войске. Блеммии платили дань (X, 26, 2–3), а троглодиты, быстрые в беге и прекрасные лучники, сражались в армии мероитов (IX, 16, 2) и кочевали на границах Аравии. Кочевники-блеммии обитали в Восточной пустыне и были одним из племён бега, предков современных беджа (ср. аналогичные сведения у Страбона — XVII, 1, 2); с середины III в. до н.э. они стали эмансипироваться от мероитов. Племена троглодитов обитали «выше» блеммиев, на красноморском побережье от Суэца до Баб-эль-Мандебского пролива<sup>91</sup>.

Сохранилось немало свидетельств того, что как греки, так позднее и римляне достаточно часто получали возможность лично увидеть страны эфиопов и приобретать новые знания о них. Например, Страбон поднимался по Нилу, состоя в свите префекта Египта Элия Галла, вплоть до Сиены и границ Эфиопии, и узнал там, что 120 кораблей регулярно совершают плаванья из красноморского порта Миос Гормос в Индию (II, 5, 12).

Был в Египте и общался с эфиопскими послами, от которых получил много сведений из первых рук, и Диодор (III, 6, 3; III, 11, 3). Кстати, Диодор, как и все античные авторы, чрезвычайно широко использовал, помимо собственных данных, материалы предшественников. Особенно сильно он зависел от Агатархида, автора сочинения «Об Эритрейском море», широко использовавшего материалы известных ему Периплов. Отметим, что жанр периплов — «оплывов» — был чрезвычайно популярен у географов и всех «учёных» авторов, интересующихся Африкой, и давал ценные сведения уже в силу своей прагматической предназначенности — служить путеводителем для лоцманов и купцов, что требовало от такого рода сочинений чрезвычайной точности; этим объясняется, в частности, повышенный интерес учёных Посидония и Страбона к Периплу Эвдокса Кизикского даже спустя много времени после его плаванья (Strabo II, 3, 4–5)<sup>92</sup>. В своих описаниях красноморских — восточных — эфиопов, содержащих множество полезных сведений, Диодор часто почти полностью повторяет Агатархида, что, впрочем, было обычным явлением в античной литературе и что хорошо показывает сопоставление их текстов: сообщение Диодора о золотых копях в этом регионе (III, 12–14) соответствует аналогичному у Агатархида (Agatharch., De Mari Erythraeo 23–29); рассказ об ихтиофагах («рыбоедах», занимавшихся, как подсказывает этноним, рыболовством), их обнажённости и обычае иметь общих жён — (Diodor. III, 15–20 = Agatharch. 31–46); о симмах — известном эфиопском племени «курносых» — (Diodor. III, 28 = Agatharch. 57); об акридофагах, «поедателях саранчи» — (Diodor.

III, 29 = Agatharch. 58); о ризофагах — «корнеедах» — (Diodor. III, 23 = Agatharch. 50); о струтофагах — «птицеедах» — (Diodor. III, 28 = Agatharch. 51); о троглодитах — быстро бегающих лучниках, обитающих в пещерах — (Diodor. III, 32–33 = Agatharch. 52); о кинегах — охотниках-звероловах — (Diodor. III, 25 = Agatharch. 52); о методах охоты на слонов — (Diodor. III, 26–27 = Agatharch. 53–56). Как уже отмечено, такая зависимость Диодора от данного литературного источника не являлась исключительным случаем; ценность его сочинения от этого становилась только выше в глазах современников, так как привлечение авторитета делало его сочинение ещё более веским; для нас же важно, что полученные от Агатархида сведения были им дополнены и уточнены собственными опросами эфиопов в Египте<sup>93</sup>, а вся совокупность сведений позволила ему дать собственную классификацию и описание двух типов эфиопов: «диких» и «безупречных» («чистых») эфиопов — Diodor. III, 8; III, 2–7.

Вообще освоение античным миром Эфиопии с течением времени неизменно интенсифицировалось по всем возможным направлениям и с использованием всех средств: путями косвенными, через посредников, и прямыми — в результате непосредственных контактов в странах собственно эфиопских, а также на территориях «Белой» Африки, более доступной и раньше освоенной, наконец, в странах Средиземноморья, за пределами Африки. Естественно, что в римское время проникновение европейцев вглубь Эфиопии значительно усилилось. О масштабах этого процесса и глубине проникновения римлян в субъегипетскую Эфиопию можно судить (разумеется, с необходимыми оговорками и учётом случайностей) по находкам римских монет, обнаруженных даже на юге Родезии<sup>94</sup>.

Особую проблему представляет вопрос об эфиопах в Северной Африке. Антропологическая и расовая картина этого региона изучена достаточно для того, чтобы охарактеризовать автохтонное население как преимущественно расово и антропологически однородное, относящееся к средиземноморскому типу большой европеоидной расы, определяемое как ливо-берберское. При этом уже с глубокой древности здесь зафиксированы различные вкрапления, в том числе негроидные, эфиопоидные и койсанские, свидетельствующие об этнических контактах европеоидных автохтонов с негроидами — «эфиопами» южных регионов<sup>95</sup>. Более того, столь ценный для древнейших (включая и эпоху «зелёной Сахары») периодов североафриканской истории источник, как наскальные изображения Сахары, свидетельствует, что среди автохтонных охотников и кочевых скотоводов, рядом с европеоидными ливийцами представлено и значительное число явно выраженных негроидов — «эфиопов»<sup>96</sup>.

Эта мозаичная в расовом отношении картина оставалась естественным образом типичной для североафриканского региона на протяжении всей доступной обозрению истории, при том что практически расово однородны-

ми и компактными областями негроидного населения были, основываясь на подытоживающей всю античную эпоху карте Птолемея, Субъегипетская Эфиопия и Внутренняя Ливия — страны эфиопов<sup>97</sup>; в других областях севера, при отсутствии монолитных блоков негроидного населения, эфиопы были представлены чрезвычайно широко.

Присутствие негроидов — «эфиопов» — не только во внутренней Ливии, но и в самых северных приморских областях Белой Африки подтверждается не только письменными источниками, но и множеством изобразительных материалов разного времени, сохранивших образы чёрных эфиопов<sup>98</sup>.

Признаваемая всеми исследователями чрезвычайная расовая «перемешанность» автохтонного населения Северной Африки, обусловленная совместным проживанием в одних и тех же местах с самых ранних эпох ливо-берберского и негроидного компонентов, приводила естественным образом к постоянной межрасовой «гибридизации», результатом которой стало заметное «потемнение» целых сегментов европеоидной части ливийцев и появление полностью «микстовых» этносов, о чём свидетельствуют, в частности, названия и описания некоторых из них в античной письменной традиции. Достаточно назвать имена таких этносов, как левкоэфиопы, или меланогетулы, о «двойной» — «чёрно-белой» — природе которых много писали античные авторы, признавая особый негроидный тип этих ливийцев результатом смешения с эфиопами: о ливийцах, «схожих с эфиопами», имеется множество указаний в источниках разного времени, начиная с Геродота (Herod. VII, 69) до Помпония Мелы (Pomp. Mela I, 4, 23), Плиния (Plin. N.H. V, 8, 43), Птолемея (IV, 6, 6; IV, 1, 5), Адаманта (Adamantius. Physiognomica 2, 31)<sup>99</sup> и других авторов, свидетельства которых по этой проблеме хорошо проанализированы и современными исследователями, широко привлекавшими археологические и антропологические материалы<sup>100</sup>.

Примыкает к затронутой проблеме и вопрос о расовом типе одного из наиболее значительных в истории древней Северной Африки и Сахары народа гарамантов. При том что практически все античные источники изначально причисляют гарамантов к ливийцам (в чём не сомневаются и современные исследователи<sup>101</sup>), вопрос на первый взгляд кажется не столь простым, поскольку имеется достаточное количество источников, в которых говорится о гарамантах как эфиопах — среди них Плиний (Plin. N.H. XII, 107), Солин (Solinus 30, 2), Птолемей, описывающий гарамантов как большую часть эфиопов (Ptol. Geographia I, 8, 5), Исидор (Isidor., Origines IX, 2, 128); Лукан определял их расовый тип таким безусловно «эфиопским» термином, как PERUSTI — опалённые солнцем, обожжённые — чёрные (Lucan. IV, 679).

Однако подавляющее большинство источников, как уже сказано, причисляет гарамантов к европеоидным ливийцам и подчёркивает их несомнен-

ное отличие от эфиопов: Strabo II, 5, 33; XVII, 3, 19; Dionysios Periegetes. Orbis descriptio. 217–218 (GGM III, 114). Результаты антропологических исследований огромного некрополя на месте бывшей столицы государства гарамантов — Гарамы (совр. Джерма), где проводились длительные археологические работы авторитетнейшей итальянской экспедицией под руководством Б. Паче, С. Серджи и Г. Капуто, показали, что по антропологическому типу в популяции гарамантов различаются четыре группы, две из которых (I и II) характеризуются как евроафриканские, средиземноморские, европеоидные, а в двух других — III — смешанный тип европеоидного и негроидного компонента, а IV — практически абсолютно негроидная группа<sup>102</sup>.

Таким образом, выводы антропологов убедительно объясняют двойственность и кажущуюся противоречивость античных письменных свидетельств и одновременно их удивительную достоверность, поскольку окончательно выясняется расовая неоднородность гарамантского этноса, о которой свидетельствовали источники.

Объяснение этого факта требует учёта того безусловного обстоятельства, что 1) в Северной Африке издревле сосуществовали европеоидные ливо-берберы и негроидные «эфиопы»; 2) хорошо известная и основная для гарамантов в течение почти двух тысячелетий функция посредников в контактах разного рода (в первую очередь — обменно-торговых) между субсахарскими областями континента и средиземноморским регионом обуславливала их теснейшую связь с основным негроидным населением юга, многочисленные представители которого оказывались переместившимися в места обитания гарамантов; 3) кочевнический, всаднического подтипа, по преимуществу, хозяйственно-культурный тип гарамантского общества обуславливал потребность в хозяйственной кооперации с обществами земледельцев, следствием чего явилась достаточно ранняя практика захвата и подчинения земледельческих районов в суданской зоне за рубежом пустыни и установление между гарамантами и негроидными земледельцами длительных и взаимовыгодных отношений хозяйственной и политической кооперации, которая приводила, безусловно, и к увеличению межрасовых браков; 4) развитие пред- и раннегосударственных институтов у гарамантов вызывало социальную стратификацию их общества, в котором нижний социальный слой, несший на себе основные функции по обслуживанию крупномасштабных военно-кочевых структур, формировался исключительно из негроидных «эфиопов», занимавших нижнюю ступень на социальной лестнице гарамантского общества (по-видимому, они и составляли четвёртую, полностью негроидную антропологическую группу, выявленную в гарамантском некрополе у Джермы)<sup>103</sup>.

Не менее сложно восстановить достоверную картину присутствия эфиопов на востоке — в Египте и Мероэ. Сам факт наличия с древнейших

времен постоянных контактов с южными областями — странами эфиопов и присутствия значительного количества эфиопов в этих древнейших государствах севера Африки не только общеизвестен, но и подтверждён в наиболее древних по возрасту письменных и невербальных источниках. Однако затруднение в выводах связано не столько в количестве имеющихся данных, сколько в том, что исследователи расходятся в оценке политической и культурной истории эфиопских народов южнее Египта. Лучше всего, пожалуй, осмыслены сведения древних источников по взаимоотношениям эфиопских народов с Египтом и Кушем в птолемеевский и римский периоды<sup>104</sup>. Достаточно подробно известно, что эфиопские народы, жившие южнее Египта, имели длительную традицию военных отношений с северными соседями и были хорошими воинами, кроме того, множество источников сообщает о том, что также с древнейших времён египтяне использовали негров в качестве прислужников на различных работах в сельском хозяйстве и ремесленных производствах, как торговцев, воинов и в других сферах жизни<sup>105</sup>.

Тем не менее интерпретация чёрных людей на древнеегипетских изображениях различна: одни учёные видят в них тёмнокожих нубийцев, другие — негров<sup>106</sup>, хотя, разумеется, ни у кого нет никакого сомнения в наличии множества негров, что отразилось и на вхождении в популяцию египтян заметного негрского компонента<sup>107</sup>, а история XXV, эфиопской, династии говорит сама за себя<sup>108</sup>.

При изучении контактов севера (вначале египтян, затем греков и римлян) с обитателями Эфиопии — стран южнее Египта — неизбежно возникает необходимость расовой идентификации тёмнокожих южан, живших в Нубии и более южных областях и известных по достаточно большому набору этнонимов, которые в системе античной расовой классификации входили как в рубрику «эфиопов», т.е. негроидов, так и в рубрику ливийцев, т.е. тёмных европеоидов. Таким образом, на первый план выдвигается проблема расово-этнической идентификации таких крупнейших и наиболее часто фигурирующих в историческом контексте этносов, как нубы, нобаты, нобады, блеммии, в отношении которых античные источники дают достаточно противоречивые сведения, из которых непросто выявляется отчётливая картина.

В первую очередь естественным образом возникает проблема идентификации нубов (нубийцев), обитателей ближайшей к Египту области «Эфиопии» древних, что заставляет рассмотреть две существующие в науке (и основанные на античных данных и теориях) гипотезы. По одной из них нубов, исходя из всей совокупности данных, отождествляют с блеммиями<sup>109</sup>, по другой — их следует идентифицировать с нобатами (нобадами)<sup>110</sup>, т.е. налицо определённая неясность, были ли нуба эфиопами или ливийцами?

Попытка подойти к ответу на этот вопрос требует анализа каждого из указанных этнонимов и учёта как античных теорий, так и данных, имеющих в современной науке.

Имя блеммиев впервые называется Феокритом (III в. до н.э.) в форме Βλέμνυες, с одним μ (VII, 114), хотя и в греческой, и латинской традиция существовала и форма написания с двумя μ — βλέμνυες, лат. — Blemmyes, Blemyes (Blegmies — Geograph. Ravenn. III, 3)<sup>111</sup>. Он помещает их где-то на неизвестном участке Нила, а схолиаст поясняет, что речь идёт «о чёрнокожем этносе эфиопов» (Scholia in Theocritum Vetera VII, 114a — ed. C. Wendel, p.106 — ἔθνος Αἰθιοπικὸν μελανόχρουν. Дионисий Периегет также описывает блеммиев как эфиопов, называя их «блемиями, чёрными как копоть» (Dion. Periegetes. Orbis descriptio 220 = GGM III, 114: αἰθαλέων Βλεμύων), используя эпитет, синонимичный, судя по другим случаям употребления, термину «эфиоп» (ср. Eustathius. Commentarii 220 = GGM IV, 255: αἶθω, как дериват к Αἰθίοπες; Avienus. Descriptio orbis terrae 330 = GGM III, 180: nigri cute — «чёрнокожие»). Нонн описывает блеммиев как курчавых и чёрных, рассказывая о некоем военачальнике в войске индийского царя Дериада Блемии, получившем своё имя от блеммиев, по его мнению, из-за курчавых волос и внешности, поскольку они были знакомы с физическими особенностями блеммиев, на которых военачальник был похож (Nonnos. Dionysiaca 26, 341).

Блеммиев исследователи отождествляют с современными беджа<sup>112</sup>, возводя историю их имени ещё к египетским источникам конца II тыс. до н.э.<sup>113</sup>.

Очень многовариантна локализация блеммиев античными авторами, сохраняющая лишь одну общую особенность — этот народ неизменно помещали южнее Египта; другой особенностью следует считать то, что все варианты определения их местожительства зависели от их прочной привязки к Нилу. Соответственно, находит объяснение поражающий разброс крайних вариантов локализации: от Красноморья и глубинных районов юго-восточной Африки до крайнего запада и северо-запада — гор Атласа, что находится в зависимости от принадлежности авторов источников к одной из множества античных географических теорий об истоках Нила. Так, если Феокрит помещает блеммиев в истоках Нила, далеко на юге, то Эратосфен, судя по передаче Страбона (Strabo XVII, 1, 2), полагал, что они жили между Египтом и Мероэ и были эфиопами, подчиняясь эфиопам, пограничным с Египтом, а земли их простирались до Красного моря; Страбон же в другом месте (Strabo XVII, 1, 53) помещает их выше Сиены; Помпоний Мела и Плиний считают, что блеммии жили в глубинных районах Ливии и, принимая в расчёт легендарно-мифическую теорию о начале Нила в болотах, характеризуют их как болотных жителей (Pomp. Mela I, 4, 23; 8, 48; Plin. N.H. V, 46; ср. также Solin. XXI, 6; Martial., Cap. VI, 674; Isid., Etymol. XI,

3, 17). У Дионисия Периегета (Dionys. Perieg. 220 по реплике Присциена — Prisc., Perieg. 209) блеммии живут на побережье океана вблизи Керны, т.е. в пределах западных эфиопов, а последние, в свою очередь, обитали в горах, откуда берёт начало Нил (что соответствует версии о начале Нила на крайнем западе, в стране чёрных западных эфиопов — Pomr. Mela III, 9, 96).

Страбон называет блеммиев вместе с их ближайшими соседями — троглодитами, нубатами и мегабарами, объединяя их вместе как эфиопов, живущих выше Сиены и являющихся кочевниками, немногочисленными и невоинственными, хотя и считались таковыми в более древние времена, когда совершали частые набеги на северных соседей с целью грабежа (Strabo XVII, 1, 53). Помпоний Мела тоже отмечал в приведённом месте, что блеммии не имеют постоянного места жительства из-за пастушеско-кочевого образа жизни; в своих номадических походах они занимались также посреднической деятельностью в торговле купцов и уже в середине III в. до н.э. доходили до Аполлинополиса Магны. Блеммии, часто упоминаемые в римский период как номады, кочевали между Абиссинией, Египтом и Красным морем, подобно беджа в более поздние времена<sup>114</sup>.

Таким образом, имеющиеся сведения античных авторов позволяют сделать вывод о том, что блеммии скорее всего были одной из групп негроидных «эфиопов». Однако нубов пытались отождествить и с другими их соседями — нубадами, или нобатами, которых античная традиция почти единодушно причисляла к европеоидным ливийцам, но также иногда к эфиопам. Рассмотрение этого сопоставления усложняется вариативностью и нередкой взаимозаменяемостью этнонимов НУБЫ, НУБАДЫ, НОБАТЫ.

Прежде всего представляется интересным рассмотреть варианты использования терминов НУБЫ, НУБАДЫ и НОБАТЫ, НОБАДЫ в античных источниках и эпиграфике<sup>115</sup>. Ознакомление с вопросом показывает, что в поздние периоды античной эпохи и в эпоху раннего христианства происходит унификация, и наиболее употребительным, если вообще не единственным этнонимом становится НОБАДЫ (NOBADES, NOBADAЕ): здесь особо следует отметить такие аутентичные источники, как надпись на стеле христианина Силко; текст из египетского папируса эпохи раннего христианства, описывающий угрозу со стороны «блеммиев и нобадов»; текст Иоанна Эфесского; кроме того, необходимо также учесть выводы крупнейших исследователей поздней Римской империи, основанные на анализе античных источников соответствующего периода<sup>116</sup>. Что касается примыкающих к этому времени Прокопия Кесарийского (I, 19, 28–36) и Косьмы Индикоплова (Topographia Christiana 3, 169C (ed. E.O. Windstedt / Cambridge, 1909, p.72), они используют термин NOBATAI Νοβάται, изменяя лишь одну букву, зато Приск возвращается к варианту предшествующих эпох и пишет, что в 453 г. НУБАДЫ — NOUBADES — и блеммии

потерпели сокрушительное поражение от римского полководца Максимина (Priscus 21 = FHG IV, p.100).

НОБАДОВ / НОБАТОВ / НУБАДОВ античные авторы идентифицировали, как было отмечено, с нубами. Так, Стефан Византийский, цитируя Аполлодора, сообщает, что НУБЫ (нубийцы) являются ливийским народом, живущим вдоль Нила и называемым также нубеями (NOUBAEI), или нумидами (NOUMIDES). Под последним названием исследователи понимают, безусловно, нубадов — NOUBADES — и считают, что оно соответствует бытовавшему в северной Африке ливийскому термину, который греки переводили НОМАДЫ, а римляне — НУМИДЫ<sup>117</sup>. В этой связи возникает вопрос, в какой мере связаны с нубами или нубадами набавы Плиния, помещаемые в Цезарейской Мавретании (Plin. N.H. V, 21), на основании чего делался вывод о ливийском происхождении нубов Нубии<sup>118</sup>, который, впрочем, не был принят, а заменён гипотезой о приходе их из района Кордофана<sup>119</sup>. Страбон же (XVII, 1, 53) помещает нубов выше Сиены и считает их эфиопами, а Плиний, используя термин НУБАИ, говорит, что они обитали в восьми днях пути от нелокализованного острова Сембрита на Ниле (Plin. N.H. VI, 35, 192), а Силий Италик описывает нубов, как EXUSTI — определением, синонимичным АЕТНІОПС, т.е. причисляет их к эфиопам (Sil. Italic., Punica, III, 269). Античные свидетельства говорят, что нубы были разделены на две части: одни — к югу от Мероэ (часть источников также подчёркивает, что они располагались на правом, восточном берегу реки), другие — к западу, в пустыне между Мероэ и Данголой. Но известная путаница всё же остаётся: так, Птолемей, не оспаривая этого положения, упоминает ещё одних НУБА в Ливии (Ptol. Geographia IV, 7, 10), что опять-таки даёт основание считать NUBAE и NOBADES ливийцами по происхождению, каковое мнение и разделяли некоторые античные авторы (ср. у Стафана Византийского s.v. NOUBAI).

В III в. н.э. нубы исчезают из номенклатуры этнонимов, упоминаемых в районе Мероэ и выше, вместо них упоминаются НОБАТЫ, по поводу чего Прокопий Кесарийский говорит, что им на смену пришли НОБАТЫ / НАБАДЫ из оазиса Карга (Procopius, De bello Persico I, 19, 28–29), а дальнейшая античная традиция считала набатов / нубадов тем же народом, что нубы (правда, некоторые современные учёные не считают нубов родственными набатам, полагая, что этноним нуба происходит от топонима Напата<sup>120</sup>). Что касается расовой идентификации этнонима нуба и заменяющих его или связанных с ним контекстуально имён — набавы / набавы / нубавы, то античная традиция не даёт вполне однозначного ответа, оставляя место и для «эфиопской», и для «ливийской» гипотез. Представляется, что отождествление нубов одновременно и с эфиопами-негроидами и с ливийцами-европеоидами можно объяснить их номадической деятельностью в районах, где в равной степени были представлены как племена юж-

ных негроидов, так и ливийские кочевники-скотоводы. Между тем в пользу того, что здесь преваляло именно негроидное население, помимо «эфиопского» значения описаний людей, обозначаемых анализируемыми терминами, свидетельствует доказанное положение о том, что мероиты относились к негрской расе, а антропологические данные для I–III вв. н.э. показывают, что негрский элемент здесь был доминирующим, хотя набор негроидных признаков мог сильно варьироваться<sup>121</sup>.

О многовековых контактах, мирных и военных, стран севера (в первую очередь, конечно, Египта, а через него и античного мира) и Эфиопии, о многочисленности негроидов в Египте и других районах Северной Африки, о множестве сведений о странах и людях субсахарской и субегипетской Африки всегда свидетельствовала античная историческая и легендарная традиция. Достаточно напомнить хотя бы Геродота, рассказывающего в Египетском логосе своей Истории о полученных египтянами знаниях, религиозных установлениях и разного рода благих дарах мудрости (Herod. II, 29; 137–140 и др.), или Диодора, также сохранившего традицию о южном происхождении многих египетских установлений и реалий, а также о том, что Египет был в своё время колонизован эфиопами (Diodor. I, 60, 65; III, 2, 1–4; III, 3, 2–7). И хотя трудно оспаривать мнение трезвого историка о том, что устная традиция, сохранённая Геродотом или Диодором, должна восприниматься с осторожностью, пока не будет получено её подтверждение из египетских источников<sup>122</sup>, всё же современная наука получает всё больше материалов, укрепляющих доверие к античным письменным источникам по странам Эфиопии, что, конечно, не уменьшает трудности их интерпретации.

Следует заметить, что, несмотря на довольно некритическое отношение древних к сведениям о субегипетской Эфиопии и Внутренней Ливии, на их веру в абсолютно сказочные рассказы о неведомых странах, всё же в источниках видны примеры, и отнюдь не единичные, достаточно хорошего знакомства (пусть часто непрямого) с этой страной<sup>123</sup>.

### 3. ЭФИОПСКАЯ ТЕМА В АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ

Не приходится специально доказывать, что появление африканских мотивов в античной мифологии непосредственно связано с «открытием» для себя греками этой части обитаемого мира, её освоением и познанием. Изучение истории контактов стран восточного Средиземноморья с Африкой показало, что начало их относится ещё к догреческой эпохе, уходит своими корнями в архаические времена, и имеющиеся данные позволяют с уверенностью утверждать, что, по крайней мере, с конца III тыс. и во всяком случае, во II тыс. до н.э. они приобретают регулярный и интенсивный ха-

рактер<sup>124</sup>. Африка закономерно включается в древнейшую модель мира, и в той мере, в какой не прервалась преемственность греческой культурной традиции с предшествующей традицией автохтонного древнейшего населения эгейского мира, легла в основание собственно греческой картины мира и неизбежно нашла отражение в мифологии. Совершенно ясно, что актуализация африканской темы в мифологических представлениях греков непосредственно связана с расширением контактов с югом мира и углублением знакомства с ним. Учитывая последовательность процесса установления постоянных греко-африканских контактов с рубежа II и I тыс. до н.э., не приходится удивляться, что прежде всего в древнейших слоях античной мифологии отразилось знакомство со средиземноморским побережьем континента — Ливией, т.е. «Белой» Африкой, и с Киренаикой, где ранее всего, уже в XI–X вв. до н.э., возникла первая греческая африканская колония — Кирена. Познавательные и идеологические потребности обуславливали необходимость связать Африку с Грецией, и зафиксировать эту связь возможно было лишь с помощью единственного и наиболее авторитетного для архаического исторического времени средства: отразить данную реалию в мифологической системе, которая вбирала и в форме устной традиции сохраняла в себе все наиболее значимые для общества ценности.

Важную для греков связь с Африкой должны были закрепить и санкционировать наиболее авторитетные в сакральной иерархии персоны пантеона, что объясняет, почему мифологическая традиция связывает с ней Посейдона, Гелиоса, Аполлона, Афродиту, Атласа, Гесперид с их волшебным садом, Ливию, превратившуюся в богиню-эпоним южного континента, многочисленных нимф и божеств отдельных местностей, рек, городов — как Кирена, Тритон и др.; появляются типично африканские мотивы леонтомахии или похищения яблок в саду Гесперид; с главными фигурами пантеона связываются родственными узами многочисленные полубоги — легендарные владыки первых греческих городов в Африке — Эврипил, Ликей, Аристей-Агрей, Аутух, Актей и др. Сам великий Зевс празднует своё бракосочетание с Герой в саду Гесперид. Со временем формируются локальные, на африканском побережье, мифологические традиции, активно вбирающие в себя элементы и персонажей местных аборигенных преданий.

В целом греческая мифология, касающаяся античной Северной Африки, изучена достаточно подробно, и по данной проблеме имеется обширная научная литература<sup>125</sup>. Здесь же речь пойдёт исключительно об «эфиопской» теме в античной мифологии, менее изученной и появившейся в ней позже североафриканской, что непосредственно связано с более поздним проникновением греков в глубину Африку и накоплением знаний об эфиопах.

Первым письменным памятником, отразившим эфиопскую струю античной мифологической традиции, были поэмы Гомера «ИЛИАДА» и «ОДИССЕЯ». Гомер рассказывает, что олимпийцы были очарованы посе-

щением Эфиопии, когда Зевс отправился с богами на пир к безупречным эфиопам (Iliad. I, 423–424): «Зевс громовержец вчера к отдалённым водам Океана// С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшёл непорочным» (перевод Н. Гнедича). О мифе, касающемся пребывания Зевса и Геры у эфиопов, сообщает также Диодор (I, 97, 8–9). Посейдон — бог, изначально тесно связанный с Африкой, также посетил эфиопов, чтобы получить гекатомбу (Odys. I, 22–25): «Но в то время он (т.е. Посейдон) был в отдалённой стране эфиопов// (Крайних людей, поселённых двояко: одни, где нисходит// Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа// Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу»<sup>126</sup>. В конце Илиады Ирида говорит Ветрам, что она не может оставаться и должна вернуться к струям Океана, чтобы участвовать в священном пире у эфиопов (Iliad. XXIII, 205–207): «Некогда, ветры; ещё полечу я к волнам Океана,// В край эфиопов далёкий; они гекатомбы приносят// Жителям неба, и я приношений участницей буду»

Гомеровские пассажи, описывающие эти «олимпийско-эфиопские» пиршества и образ благочестия, проявляющийся в связи с упоминаниями щедрых хозяев далёкой южной земли, облюбованной богами Олимпа, представляют собой начальный этап присутствия эфиопов в греко-римской мифологической традиции. Эти сообщения Гомера об эфиопах и олимпийцах есть все основания понимать как своего рода отзвук на смутные известия, уже ходившие в Греции, о незнакомых народах на юге и, в частности, о совершенных долгоживущих эфиопах и пигмеях<sup>127</sup>. Эхо этой традиции явно слышно и в античной классической литературе. Разумеется, возникает желание выяснить, были ли в реальности какие-нибудь основания для возникновения столь идеального образа древних эфиопов в античной традиции или она возникла только как некое утопическое рационалистическое построение в недрах античной культуры, следуя известным законам античного менталитета.

Убедительных подтверждений античного мифа можно было бы ожидать от гораздо лучше и значительно раньше по времени знавших эфиопов их ближайших северных соседей — египтян, которые к тому же на века раньше греков располагали письменностью, т.е. и возможностью зафиксировать свои впечатления. Таким ценным свидетельством может служить стела Пианхи (751–716 гг. до н.э.), сообщающая о завоевании эфиопским царём Пианхой Египта и найденная в районе Джебель Баркала<sup>128</sup>. Из текста стелы явствует, что эфиопский царь отличался крайней точностью в исполнении религиозных ритуалов, отличался уважительным отношением ко всем храмам и богам, не общался с теми из покорённых правителей, которые были равнодушны или пренебрегали религиозными церемониалами; при этом он беспощаден в битве и снисходителен в отношении покорённых. Конечно, перед нами восхваляющий официальный документ, требующий осторож-

ного рассмотрения и к тому же отличающийся, по мнению специалистов<sup>129</sup>, напыщенностью стиля, а по фразеологии соответствующий характеру царских документов. Однако, по справедливому замечанию другого исследователя, египтолога А. Гардинера, «морально-интеллектуальная атмосфера широко варьируется, и за вербальным выражением мы можем рассмотреть темперамент, за которым стоят и пиетет, и истинное благородство»<sup>130</sup>.

Стела в честь Пианхи даёт основания для утверждения эфиопских благочестия и преданности богам. Конечно, время Пианхи — это пример позднего эфиопского благочестия, по сравнению с Гомером, но здесь важно то обстоятельство, что налицо сохранение той же традиции, которая было отражена в античной мифологии эфиопов.

Геродот также располагал сведениями об эфиопах, причём он, следуя своему принципу «передавать всё, но верить не всему», использует и данные мифологической традиции, следуя за Гомером и не избегая аллюзий с ним (в частности, о пиршестве богов с эфиопами и о «солнечном столе» макробиев — Herod. III, 18), и приводит результаты собственных расспросов и разысканий. Кстати, это геродотово сообщение о практике макробиев раскладывать мясо для общественного пиршества, связанной в первую очередь с религиозным ритуалом, но преследовавшей и определённые социальные цели, нашло подтверждение в археологическом материале, где одна из сцен на нубийской керамике интерпретируется как реминисценция геродотовского описания «стола солнца»<sup>131</sup>.

Геродот стал первым греческим автором, который приводит живые детали, говоря об эфиопском благочестии, прямоте и честности: в описании Сабакона сообщается, что когда он стал уже царём Египта, то никогда не приговаривал к смерти египтян-преступников, а присуждал их в соответствии с серьёзностью проступка подвергнуться гражданскому исправлению и насыпать землю возле своего родного города, благодаря чему города в Египте стали ещё выше (Herod. II, 137). Следует попутно отметить, что тема благочестия Эфиопской (XXV) династии в Египте, нашедшая отражение в античной литературной традиции (Manetho I, 65, 1–8: Манефон называет, например, трёх фараонов XXV династии — Сабакона / Шабаку, Себихоса и Таркоса или Таракоса), стала предметом внимания и комментария современных исследователей, которые отмечают, что контакты этой династии с греками начались не ранее 730 г. до н.э.<sup>132</sup>.

Сабакон, чтобы не совершить святотатства, по словам Геродота, удалился из Египта, убоявшись увиденного им сна о том, что он предал смерти всех египетских священников (Herod. II, 137; 139).

Во время персидского похода в Эфиопию царь Макробий Эфиопский заметил, что персидский царь, обманувший ихтиофагов, — бесчестный человек, так как ни один честный человек не станет домогаться чужой земли. Камбис выступил против эфиопов и, по Геродоту, отказываясь повернуть

армию, когда кончилось продовольствие, потерял огромное число воинов из-за каннибализма в его войске (Herod. III, 21; 25). Трудно не признать, что дух Сабакона и Макробия соответствовал традициям эфиопской благодати и благородства.

Сабакон Диодора очень близок геродотову, однако Диодор добавляет, что в своих добродетелях он далеко превосходил своих предшественников: отменил смертную казнь и предложил привлекать виновных к общественным работам. Шабака (Сабакон), огорчённый сном, предпочёл избежать всякого осквернения, возвратил права египтянам и вернулся в Эфиопию, о чём написано и на стеле Пианхи (Diodor. I, 65, 1–8).

Эфиопский царь Египта Актизана (Актизана, по-видимому, дублет Шабаки: Diodor. 207, n.2 — ed. Loeb), согласно характеристике Диодора, также завоевал добрую славу и был добр к подданным. Его справедливость Диодор противопоставляет несправедливости Амасиса (III, 2, 2–3; III, 1). Диодор также не проходит мимо гомеровского рассказа о посещениях бессмертными эфиопов и даёт важную интерпретацию темы справедливости и безгрешности эфиопов, опираясь уже на традицию об эфиопах своего времени: «И говорят, что эфиопы были первыми, кто научился почитать богов, справлять праздники и отдавать почести богам, устраивая процессии и другое подобающее. Их благолепие стало известно за их пределами среди всех людей на земле, и считается, что жертвы их — самые приятные богам. Дабы засвидетельствовать это, призвали они старейшего и славнейшего греческого поэта, так как в Илиаде он представляет и Зевса, и всех прочих богов, посещающих Эфиопию, чтобы принять жертву и пиршество, ежегодно проводимое эфиопами ради почитания всех богов вместе. Обычай этот они установили, потому что действительно искренне почитали всех богов и выказывали свою радость служением во славу всех богов. Более того, они никогда грубо не пользовались своими правами на власть, так как всегда почитали свободу и мир среди народов, и, хотя многие цари выступали войной на них, ни один не преуспел в этом» — (Diodor. III, 2, 2–3; III, 1).

Этот пассаж Диодор подтверждает примерами Камбиса, потерпевшего поражение и растерявшего армию, Семирамиды, отказавшейся от претензий на Эфиопию, и даже мифологическим прецедентом, когда Геракл и Дионис во время своих посещений всех стран мира не подчинили себе лишь эфиопов, живших выше Египта, не только из-за неких непредвиденных обстоятельств, но и в первую очередь из-за их благочестия.

В этом комментарии Диодора, представляющем новую ступень осмысления наблюдений, сделанных Гомером, важно отметить, по крайней мере, три идейно и структурно важные позиции: 1) констатация репутации эфиопов как самых благочестивых людей; 2) постоянное обращение к авторитету Гомера (посредством частого цитирования гомеровских стихов) для объ-

яснения благорасположения богов эфиопам; 3) введение двух наблюдений, впервые появляющихся в этой традиции: а) эфиопы — первые, наученные почитать богов и отправлять обряды в их честь, б) по причине своего благочестия и того, что священнослужители их были достойнейшими из достойных, им была дарована возможность полного наслаждения жизнью, поскольку боги охраняли их от посягательств смертных на их свободу (Diodor. III, 11, 3).

Очевидно, Диодор близок к взглядам Гомера на фактическую сторону его сведений и опирался также на очевидцев — священнослужителей и поэтов, встреченных в Египте. Его интерпретация остаётся целиком в гомеровском духе, притом что образ благородных эфиопов, любимцев богов, внедрялся в сознание империи. Сопротивление эфиопов-макробиев посягательствам Камбиса вызывало восхищение Сенеки в его рассказе о противостоянии «свободолюбивых эфиопов» камбисовским попыткам поработить их: вместо того чтобы поработить их, он получил ответ, «достойный королей» (Seneca, *De ira* III, 20, 2).

В связи с походом Петрония против эфиопов Страбон писал, что послы эфиопской царицы получили от Августа всё, что просили, включая и дары их, которые Август вначале присвоил, а потом вернул (Strabo XV, 1, 54). Возможно, что современники, знакомые с эфиопской справедливостью, видели в эфиопской царице воплощение справедливости эфиопских правителей вообще.

Статий пишет о небожителях, которые сходят со своих вершин, когда хотят насладиться обществом и пирами у «красных эфиопов» (Statius. *Thebais* V, 426–428).

Лукиан говорит о нескольких случаях посещения богами эфиопов: очевидно, вслед за Гомером он рассказывает, что боги пересекали Океан только затем, чтобы посетить безгрешных эфиопов; причём они столь любили проводить среди них длительное время, что иногда являлись к ним без приглашения (Lucian. *Juppiter Tragoedus* 37; Id. *Prometheus* 17). Комментируя привычку богов раздавать благословения, Лукиан замечает, что эфиопы были особенно счастливы в этом смысле: Зевс сполна отблагодарил их — после двенадцатидневного пиршества в их благословенной стране — за их гостеприимство (Lucian. *De sacrificiis* 2; Ps.-Lucian. *Philopatris* 4).

У Павсания имеется интересное мнение о том, что наиболее честные эфиопы населяли Мероз и так называемую «эфиопскую равнину» (Pausanias I, 33, 4).

В письме к Аполлонию Тианскому эфиопский гимнософист Феспесион так излагает свой взгляд на честность и благородство эфиопов: «Это не тот человек (эфиоп), который ведёт себя достойно потому, что так надо, но поступает честно потому, что сам таков, и влияет в этом смысле на других» (Philostratus., *Vita Apollonii* VI, 21).

Некоторыми новыми подробностями обогащается мифологическая традиция и в поздние времена своей жизни; так, у Элиана отмечен тот факт, что Эфиопия находится в тех местах, куда боги приходят купаться (Aelianus, *De natura animalium* II, 21).

Гелиодор, с его идеализирующей и утопической тенденцией, продолжает гомеровскую традицию, причём он располагает гораздо более обширными сведениями об их честности. Изображённый им эфиопский царь Гидасп — образец мудрости и соблюдения правил и древних отеческих обычаев — напоминает эфиопских царей Геродота и Диодора: Гидасп не любит отправлять людей на смерть, он посылает послов для удержания своих воинов от жестокостей, веля им захватывать врагов живыми (*Aethiopica* IX, 20). В русле этой же традиции — решение первосвященника отменить человеческие жертвоприношения (*ibid.* X, 39). Гидасп, стремясь сохранить жизнь людей, глядя на истекающего кровью Ороондата, восклицает (перефразируя слова Анхиса: «Жалеть униженного и попирает гордого»): благородным делом является подчинять врага в бою стоячего, но истинное благородство и в том, чтобы сострадать ему, поверженному (*ibid.* IX, 21). Вспоминая о царе эфиопов-макробиотов Сабаконе, Гидасп не пожелал расширять своё царство завоеваниями, предпочтя оставить его в естественных границах, крайним рубежом которых были нильские пороги, и, получив ему причитавшееся по праву, ретировался в свои пределы (*ibid.* IX, 26).

Дионисий Перизет в своём «Описании мира» характеризует эфиопов как боголюбивых и безвинных, таким образом ни в коей мере не возражая против их мифической репутации (Dionys. Perieget. *Orbis descriptio* 559–561 = GGM III, 139).

На тех же позициях стоит и Арнобий, когда говорит, что боги должны присутствовать повсюду, чтобы контролировать всё происходящее, а потому (и здесь он высказывает даже некоторую ревность по поводу чрезмерной пристрастности богов к эфиопам) они не должны увлекаться празднествами с эфиопами, а вернуться на Олимп через положенные двенадцать дней (Arnobius. *Adversus nationes* 6, 4).

Эфиопы, по Стобею в передаче Диодора (IV, 2, 25)<sup>133</sup>, проповедовали богопочитание и честность: дома их не имеют дверей, и никто не берёт вещей, лежащих на улицах.

Честность и боголюбие эфиопов — главные характеристики образа эфиопов, присутствовавшие уже в первых письменных памятниках — гомеровских поэмах, не подверглись ревизии вплоть до последних эпох античности, о чём свидетельствует и знаменитый словарь Стефана Византийского, где упомянутые характеристики уточняются замечанием о том, что эфиопы были первыми, кто начал чтить богов (Steph. Bysant., s.v. Αἰθίοψ).

Своего рода итог классической традиции образа эфиопов, отмеченных особой любовью богов и являющих идеал благородства, подведён учёным грамматиком Лактанцием Плацидой уже в VI в. н.э.: «Несомненно, они (эфиопы) любимы богами за свою честность, справедливость, благородство. На них указывает даже Гомер, говоря, что Юпитер часто покидает небеса и пирует с ними по причине их честности и благородства и прелести их традиции, поскольку эфиопы, как говорят, самые честные и благородные люди, и потому боги часто покидают своё обиталище, чтобы их посетить» (Lactantius Placides. Commentarii in Thebaida 5, 427)<sup>134</sup>.

Разобранная мифологическая традиция, столь тщательно отражённая и разработанная в античной литературе, заняла прочное место и в изобразительном искусстве<sup>135</sup>.

Оставляя в стороне обзор и разбор огромного массива изображений чёрных африканцев в вазописи и скульптуре, что является предметом специального изучения и к тому же лучше известно и исследовано, кажется интересным привести некоторые примеры, иллюстрирующие наш сюжет, только на материале такой группы изобразительных источников, как расписные (керамические) и скульптурные (металлические) фиалы с изображениями эфиопов. Это особая группа художественных керамических изделий, имеющих одновременно бытовое и сакральное предназначение, что объясняется тем, что наиболее распространённым и всеобщим обрядом у греков (да и у римлян в более поздние времена) было возлияние (LIBATION), приношение богам — жертва им и поминание. Возлияния при каждой трапезе производились повсюду — и в частном доме, и на торжественных пирах, и в храмах. Для особо торжественных случаев, требовавших совершения жертвы в храме или святилище, чаши и кубки (от богов и для богов, которые наполнялись вином для приношения богам и оставлялись в храме, как ценное приношение) изготавливались из драгоценных металлов — золота и серебра. В аттических инвентарях известна «эфиопская» чаша среди золотых и серебряных приношений афинян<sup>136</sup>.

Практика изображать на фиалах и других жертвенных сосудах негров теснейшим образом связана с порождённым античностью мифом о честных и безгрешных эфиопах, любимцах богов, которые любят посещать страну богобоязненных «крайних» людей ойкумены, жертвы которых — наиболее приятны и желанны богам. Эти фиалы с изображениями эфиопов и носили название «эфиопских чаш».

В золотой фиале конца IV в. до н.э. из Панагюриште, в Болгарии, образ эфиопов является главным мотивом декора, включающим также дубовые листья и пчёл<sup>137</sup>. Заметим сразу, что каждый элемент декора имеет максимальную семантическую нагруженность, что обусловлено самой природой орнамента, и выбор его для украшения сакрально важного предмета всег-

да обдуман и неслучаен; поэтому интерпретация должна быть особенно тщательной.

На фиале — пять рядов орнамента, выполненного в высоком рельефе. Ряд, ближайший к центру, имеет двенадцать розеток; три ряда составлены из двадцати четырёх голов негров, увеличивающихся в размере по мере приближения к центру. Лица негров изображены очень тщательно и отличаются попыткой дать не портретные варианты, а некий обобщённый образ чёрного африканца со всеми типичными расовыми особенностями. Эта обобщающая тенденция характерна и для других изображений эфиопов на чашах и в вазописи, например, аналогичным образом переданы лица эфиопов на терракоте из храма в Локрах<sup>138</sup>. Представляется, что в рассматриваемом случае закономерно говорить именно и только о типизации, а никак не о окарикатуривании, как полагали некоторые исследователи<sup>139</sup>, хотя сам приём карикатурного изображения негров не был чужд классическим художественным интерпретациям, особенно в сценах с кабирами, но и в этих случаях античные художники были движимы целями художественными — контраст и гиперболизация — и познавательными — парадоксальные преувеличения для изучения и уточнения образа, а отнюдь не соображениями межрасового антагонизма.

Два других мотива орнаментального декора фиалы — пчёлы и дубовые листья — также чрезвычайно важны и связаны с темой мифической Эфиопии. Эти мотивы в первую очередь заставляют вспомнить знаменитое место из «Трудов и дней» Гесиода, великого эпического поэта, широко использовавшего многие темы и образы древнейшей греческой мифологии. В своём описании идеального града справедливых и богоугодных людей, праведных в жизни и суде, решающих свои дела среди пиров, Гесиод рисует край процветания и изобилия, в котором на вершинах дубы дают жёлуди, а в ветвях их роятся пчёлы (Hesiod. Opera et dies 230–333). Дубы с жёлудями и роящиеся пчёлы — устойчивые символы изобилия, благословенности, достатка и мира — вполне уместны на священной чаше, посвященной богам, а в сочетании с образом возлюбленного богами эфиопа дают вполне завершённый мотив благодати и угодности божествам. Поэтому предположение о том, что гесиодовский образ города счастья и благоденствия вкупе с гомеровской темой счастливых, совершенных и возлюбленных богами эфиопов мог вдохновить художника, создавшего этот сосуд, представляется вполне допустимым, если к тому же принять во внимание, что эта символика уже давно вошла в устную, литературную и художественную традицию греков и обращение к литературным первоисточникам в поисках подходящей символика было необязательно.

Таким образом, представляется вполне правомочным интерпретировать головы негров на золотой фиале как изображения блаженных эфиопов (кстати, и сам материал чаши — золото — имеет прямое отношение к теме

Эфиопии, которая всегда ассоциировалась в античном сознании со страной золота). К тому же трудно представить, чтобы художник, изготовивший фиалу, мог проигнорировать знаменитую статую Немесиды работы Фидия из храма богини в Рамнунте, в правой руке которой был кубок, а на кубке изображены эфиопы (об этой статуе пишет в «Описании Эллады» Павсаний — Pausan. I, 33, 2–3). Попутно отметим интересный смысловой ряд, который выстраивает Павсаний, рассуждая о причине, по которой на кубке Немесиды изображены эфиопы; он связывает эфиопов с Океаном, на берегу которого они жили согласно древнему преданию, а само божество Океан был отцом Немесиды. Таким образом, актуализируется ещё один эфиопский мотив в символическом контексте античного мифа об эфиопах, и появляется ещё одна значимая связь: богиня справедливости и мщения Немесида и справедливые эфиопы (кстати, имеется ещё одна линия связи Немесиды с эфиопами: по Гесиоду известно, что Немесида — одна из древнейших и почитаемых греческих богинь — была дочерью богини Ночи, т.е. имела отношение к символизму чёрного цвета, столь важного в эфиопской цветовой символике).

Вхождение в вопрос о связях (прямых и опосредованных) эфиопов с персонажами греческого пантеона даёт много дополнительных линий. Прежде всего, опираясь на один из фрагментов Гесиода (Hesiod. frg. 40A = Loeb 604, 11, 15–19), видно, что древняя мифологическая традиция включала эфиопов в ряд потомков сына Кроноса — Зевса. Самого Зевса жители Хиоса, как известно из сообщения Цецца, называли Эфиоп (Αἰθίοψ), и представление о чёрном Зевсе бытовало в разных версиях мифологического предания, по которому считалось, что верховный бог греков был Эфиопом (Licophron. Alexandra 535–537; Tzetzes 191)<sup>140</sup>.

Линия происхождения эфиопов от Зевса прослеживается по античным письменным источникам как чрезвычайно продуктивная на всём протяжении античности (например, в оксиринхских папирусах есть фрагмент, посвящённый этой теме), хотя с этой точкой зрения конкурировала версия о происхождении эфиопов от бога Посейдона (возможно из-за их прочной связанности с Океаном и водной стихией вообще), что, с учётом равной популярности обеих версий в античной мифологической традиции, позволило комментаторам обозначать положение дел обобщающей фразой — «эфиопы происходят от Зевса или Посейдона»<sup>141</sup>.

Одно из античных объяснений образа Зевса-Эфиопа, сохранённое в комментариях Евстатия (Eustath. Commentarii ad Homeri Odysseam I, 22 / 1385), заключается в указании на силу гомеровской традиции, поскольку эпитет «эфиоп» коренится в особой склонности Зевса к эфиопам и восходит к соответствующему месту в Одиссее о пребывании богов на пиршестве у эфиопов (Odys. I, 22–26). Живучесть мифической версии о чёрном Зевсе подтверждается анализом изображения Зевса-Аммона на монете из Киренаики,

тип лица которого считают негрским, что согласуется с наблюдениями о частоте изображения лиц негрского типа на монетах Северной Африки, где идея Зевса-Эфиопа пользовалась особенной популярностью<sup>142</sup>.

Другой интересный памятник античного искусства — мраморный саркофаг с фамильного кладбища Кальпурния Писона, датирующийся II — началом III вв. н.э., с изображением триумфа Вакха, в колесницу которого впряжены две пантеры, несущие на спинах двух эфиопских мальчиков, — позволяет рассмотреть вопрос об отношении эфиопов к Дионису и дионисийству. Одетых в шкуры священных пантер чернокожих юношей понимают обычно как инициантов, прислуживающих Вакху и олицетворяющих невинность<sup>143</sup>. Вообще, присутствие негров среди поклонников дионисийского культа не является чем-то вызывающим удивление, если учесть чрезвычайную толерантность античности по отношению к бывшим варварам, освоившим её культуру, но для идеологии этого культа была важна именно мифологическая репутация эфиопов как наиболее благочестивых и невинных из всех людей. Достаточно вспомнить показания Диодора, рассказывающего, что Дионис, распространяя свой культ среди смертных, наказал всех неверных и нечестивых, но посвятил в секреты своего обряда всех благочестивых, ведших праведную жизнь, и ввёл их в свои мистерии (Diodor. III, 64, 7–3; III, 65, 3). Таким образом, появление на рельефах саркофагов изображений эфиопов в контексте дионисийской темы обусловлено и оправдано как реальной культовой практикой, допускавшей участие негреков и неримлян, так и прочно укоренившейся традицией связывать понятия праведности и абсолютного пиетета по отношению к божествам с эфиопами.

Гомеровская концепция эфиопов как безгрешных и возлюбленных богами базировалась и на первых туманных впечатлениях очевидцев и пересказывавших чужие наблюдения о незнакомом и удалённом народе чернокожих людей, и на обусловленной особенностями мировоззрения греков идеализации негров субъегипетской Африки. Эта идеализирующая тенденция не исчезала с течением времени и с увеличением знаний об Эфиопии, но даже укреплялась при каждом удобном случае, например, считается, что широко распространённая мистерия в честь центрального символа Африки — реки Нил — немало способствовала прославлению эфиопов как благочестивых и праведных. Уместно заметить, что древние связывали эфиопов с мистерией Нила не с помощью рациональных аргументов, которых было достаточно (эфиопы издревле жили рядом с Нилом, верховья которого терялись где-то в глубинах их огромной страны), но использовали курьёзное и парадоксальное объяснение, сравнивая благочестие эфиопов с сезонной регулярностью разливов Нила<sup>144</sup>.

В свете упоминаний эфиопов в Илиаде и Одиссее и с учётом абсолютной влияния гомеровской традиции не удивительно, что эфиопы ак-

тивно входят в номенклатуру мифологических персонажей и различные мифологические контексты. Например, Дельф — эпоним города Дельфы — считался сыном Посейдона и нимфы Меланфо (Melantho, Melaena), в имени которой засвидетельствовано её эфиопское происхождение — «чёрная» (Scholia in Aeschylī Eumenides 2 /ed. W. Dindorf. Oxford, 1851/ 129; Ovid. Metamorph. VI, 120)<sup>145</sup>; по другой традиции родителями Дельфа были Аполлон и женщина, чьё имя передавалось различным образом — Caelano, Melaeno, Melanis, Thyia, но во всех случаях, кроме последнего, оно означает «чёрная» (Scholia in Euripidis Orestem 1094 /ed. E. Schwartz. Berlin, 1887/ 204; Pausanias X, 6, 3–4).

Если на первый взгляд аргументация в пользу эфиопского происхождения матери Дельфа покажется недостаточной, поскольку опирается лишь на имя, то напоминание о том, что в классический период названные имена использовались в качестве эквивалента термина «эфиоп», и хорошо доказанные прецеденты замены термина «эфиоп» одним из синонимичных обозначений чёрного цвета должны снять остающиеся сомнения<sup>146</sup>. Тем более что сама античная традиция в этом отношении достаточно однозначна. Здесь особенно релевантна версия мифа, приписываемая Мусею и переданная Филодемом (Musaeus. FV, Frg. 13)<sup>147</sup>, по которой Аргос породил от Келайно (Caelaeno), дочери Атласа, четырёх сыновей-эфиопов. Мифологический контекст и узус использования соответствующих «эфиопских» эпитетов вместо термина «эфиоп» делают понятным, что если Келайно, дочь Атласа, была матерью эфиопов, то и мать Дельфа, по имени Келайно (или эквивалентному этому имени), была родоначальницей первого эфиопа, Дельфа. В связи с этим персонажем неоднократно возникала проблема идентификации большого количества изображений на античных монетах разного времени и из различных мест античного мира, представляющих явно выраженных негроидов<sup>148</sup>; на фоне же вывода о его эфиопском происхождении он может с таким же правом, как и любой другой, претендовать на роль прототипа этих изображений.

Легендарный герой божественного происхождения, образец благочестия, на протяжении длительного времени — в течение всей античности — рассматривавшийся как чернокожий эфиоп, сын Тифона и Эос Мемнон всегда связывался с Египтом и Эфиопией (хотя в ранние времена и ассоциировался иногда с Азией). У Гомера (Odys. IV, 188; XI, 522), даже несмотря на отсутствие подробностей, ясно, что он был хорошо известен грекам, поскольку как нечто всем известное упоминается его богоподобная красота и то, что он — сын богини Эос. Уже во времена Гесиода (а может быть, и раньше, ещё в Эфиопике Арктина) общеизвестно, что Мемнон, царь Эфиопии, пришёл на помощь к Приаму в Трою, где отличился храбростью и благородством, убил Антилоха, пощадив его отца, и в конце-концов погиб сам от руки Ахилла (Hesiod. Theogonia 985–986). Что касается вос-

точного источника, то Мемнон чаще всего ассоциировался с Сузами (Herod. V, 53–54; VII, 151; Aeschyl. Persae 17, 118; Strabo X, 3, 2). Со временем Мемнон сконцентрировал в себе и азиатское, и эфиопское начала. Диодор знал и азиатскую, и африканскую версии мифа, поскольку в одном варианте Мемнон, сын Тифона, был послан Тиатамом, царём Ассирии, на помощь к Приаму с двадцатитысячным войском, одна часть которого была эфиопская, а другая — из Суз. По этой версии, Мемнон построил в верхней части Суз дворец Мемнониум, назвав его своим именем. Эта версия оспаривалась, как утверждает Диодор, самими эфиопами, жившими на границе с Египтом, которые утверждали, что Мемнон был уроженцем их страны, и указывали на место, которое носило его имя (Diodor. II, 22)<sup>149</sup>.

Страбон тоже знал две традиции: Сузы были основаны Тифоном, отцом Мемнона, и его акрополь назывался Мемнониумом; одновременно Мемнон упоминается в Абидосе и Фивах (Strabo XV, 3, 2; XVII, 1, 42; 46).

По другим версиям истории Мемнона, Африка и Эфиопия часто считаются страной Мемнона. Как говорит Курций Руф, любопытный Александр хотел обязательно увидеть Эфиопию, так как это было царство Мемнона (Q. Curtius Rufus 4, 8, 3). По Диону Хрисостому, Мемнон пришёл из Эфиопии, чтобы помочь троянцам (Dio Chrysostom. Orationes 11, 114). Он также сообщает о колоссальной статуе Мемнона, воздвигнутой в Египте (Id. 31, 92). Афиной (Atheneus 15, 680b) рассказывает, что эфиопы, узнав о смерти Мемнона, посланного в Трою Тифоном, развешивали венки на деревьях акации в окрестностях Абидоса. Эфиопы, по словам Гелиодора, считали Мемнона вместе с Персеем и Андромедой в числе своих прародителей (Heliodor. Aethiopica IV, 8; X, 6).

Во всяком случае, ко времени Империи Мемнон окончательно локализуется в Африке, но при этом появляются и многочисленные ссылки на «местных» Мемнонов; например, изображением Мемнона считали один из двух колоссов в Фивах, которые привлекали путешественников из-за легенды, что статуя пела на рассвете (Plin. N.H. XXXVI, 11, 58; Dio Chrysostom. Orationes 31, 92; Iuvenal. XV, 5; Lucian Toxaris 27; Philopseudes 33; Philostrat. Imagines I, 7, 3; Vita Apollonii VI, 4; Pausanias I, 42, 3). Каллистрат помещает эту статую в Эфиопии и рассказывает о ней как о чуде, отличающемся от человеческого существа лишь телом, но наделённом душой (Callistrat. Statuarum descriptiones 1, 5; 9, 2). Это было творение эфиопов, превосходящее по мастерству даже шедевры Дедала (ibid. 9, 2). Вокруг Мероэ и Мемфиса эфиопы приносили на рассвете жертвы Мемнону, а статуя приветствовала почитателей бога (Philostr. Heroicus III, 4)<sup>150</sup>.

Вообще сосуществование азиатской и эфиопской версий мифа о Мемноне обусловило наличие, как в литературных, так и в изобразительных источниках, описаний и изображений то белого, то чёрного Мемнона<sup>151</sup>. Практически ни одна фигура негров в сценах Троянской войны в грече-

ской вазописи не может быть с абсолютной уверенностью идентифицирована с Мемноном, за исключением, пожалуй, всего двух изображений<sup>152</sup>. Иконографические материалы показывают, что ранние рисунки в большинстве своём следовали азиатской традиции, показывая Мемнона белым. Картина Полигнота, которую описывает Павсаний (Pausan. X, 31, 7), представляла сцену из Троянской войны, на которой рядом с Мемноном были изображены два обнажённых эфиопских юноши. Павсаний объясняет эти фигуры тем, что Мемнон был царём эфиопов, т.е. очевидно, что Мемнон на этой картине был изображён белым, как часто бывало в вазописи; это, возможно, причина, по которой Павсаний говорит, что Мемнон приходит в Трою не из Африки, а из Суз. То есть Полигнот придерживался азиатской версии происхождения Мемнона, которую Павсаний и истолковывает в своём описании.

У Филострата же есть описания картин, где Мемнон явно был изображён чёрным. Придя из Эфиопии, Мемнон, по словам описывающего картину Филострата, сразил Антилоха и поверг в ужас ахейцев, т.к. «до времени Мемнона чёрные люди были только легендой» (Philostrat., *Imagines* II, 7, 2). В другой сцене Филострат отмечает, что слабая чернота его лица на картине нужна, чтобы показать румянность его кожи, и добавляет, что в Эфиопии Мемнон был изваян в статую из чёрного мрамора (*ibid.* I, 7).

В дальнейшем в различных описаниях Мемнон фигурирует исключительно как царь эфиопов или предводитель войска эфиопов, чаще всего без упоминания цвета его кожи. В римское время его тип и наружность получают чёткое определение: повсюду он фигурирует как чёрный и эфиоп. Катулл (Catull. *Carmina* 66, 52) говорит о нём как об эфиопе; Левий, процитированный Авлом Гелием (Aulus Gellius 19, 7, 6), описывал Мемнона как человека с кожей «цвета ночи» — NOCTICOLOREM; Вергилий (Vergil. *Aeneid.* I, 489) представляет «чёрного Мемнона»; Сенека (Seneca, *Agamemnon* 212) говорит, что «Мемнон чёрен» — MEMNON NIGER; также о черноте Мемнона пишет Овидий (Ovid. *Amores* I, 8, 3–4; I, 13, 33–34; III, 5, 43–44)<sup>153</sup>. Среди других многочисленных авторов, писавших о чёрном Мемноне, упомянем ещё Манилия (Manilius, *Astronomica* 1, 767), который знает Мемнона как сына Авроры и чёрного отца, Коррипа (Corrip. *Iohannis* 1, 186) и авторов «Латинской Антологии» (*Antologia Latina* n.189, n.293), упоминавших чёрного Мемнона, приведшего подмогу Приаму, и использовавших имя Мемнона как синоним слову негр.

В поздних вариантах миф о Мемноне окончательно локализуется в Африке, и только редкие примеры показывают, что некоторые ещё хранят раннюю традицию об азиатском Мемноне. Поэтому попытки примирить двух Мемнонов продолжаются. По Филострату (Philostr. *Vita Apollonii* VI, 4; *Heroicus* III, 4), Мемнон не был убит в Трое, а умер в Эфиопии после того, как прожил там долгую жизнь, равную по протяжённости жизни пяти поко-

лений обычных людей. Это был уже не Мемнон-эфиоп, но Мемнон-троянец, убитый Ахиллом и помещённый на погребальный костёр Антилоха. Когда же нильская Эфиопия стала лучше известна от купцов, путешественников и самих эфиопов в чужих странах, Мемнон, который раньше часто оказывался поселённым на Востоке, окончательно перемещается в уже более знакомую Эфиопию и осознаётся чёрным эфиопом.

Эней, когда повествует об истории Трои, изображённой на стене храма Юноны, построенного в Карфагене, узнаёт себя и руки своего чёрного соратника — Мемнона (Vergil. Aeneid. I, 489).

Если раньше дворцы в Сузах приписывались Мемнону, то в позднее время с ним ассоциировались египетские монументы<sup>154</sup>.

Описания Андромеды, Кефея и Персея претерпели изменения, сходные с историей образа Мемнона: каждая легенда имела и азиатскую, и африканскую локализации. И Мемнон, и Андромеда, вначале белые, пережили трансформацию цвета, что и нашло отражение в искусстве, которое использовало обе традиции (это замечание актуально в отношении и изобразительного, и словесного искусства). Некоторые римские писатели продолжали попытки примирить азиатскую и африканскую версии. Плиний, например, утверждает, что Сирия была частью царства Кефея (Plin. N.H. VI, 35, 182), а Тацит рассказывал, что группа эфиопов, сбросив тиранию Кефея и убежав от него, основала Иерусалим (Tacit. Historiae 5, 2).

Страбон передаёт азиатский вариант мифа об Андромеде: он рассказывает о морском порте Финикии — городе Иопе, где Андромеда, предназначенная в жертву морскому чудовищу, была прикована к скале (Strabo XVI, 2, 28). Плиний и Иосиф Флавий подхватывают эту версию и говорят, что жители Иопы показывают следы цепей на скале, где была прикована Андромеда и сами скалы, откуда Персей спас Андромеду (Plin. N.H. V, 14, 69; Ioseph. Flavius., Bellum Iudaicum III, 420–421). Самое позднее свидетельство, завершающее этот миф об Андромеде в Иопе, относится уже к эпохе раннехристианской литературы, в которой отмечается по поводу этого места на морском берегу, что в день Святого Иеронима жители города показывают эти легендарные скалы (Ieronim. In Ionam prophetam 1, 3 = Patrologiae Cursus Completus, Series Latina 25, 1123 A).

Другие источники следуют традиции, по которой Кефей, отец Андромеды, был царём эфиопов. Греческий художник изображает Андромеду и её отца белыми, а людей их страны — чернокожими (Apollodor. Bibliotheca II, 4, 3). В период Империи этот эпизод чаще всего локализуют в Эфиопии. Плиний (Plin. N.H. VI, 35, 182), рассуждая о мощи Эфиопии в древности, в качестве доказательства привлекает миф об Андромеде, чтобы рассказать о том, что во времена Кефея эфиопы владели Сирией. Таким образом, Плиний объединяет азиатскую и африканскую версии мифа для обоснования сво-

ей мысли, аргументируя её тем, что царь эфиопов Кефей простирал свою власть от Африки до азиатского побережья.

Проперций говорит о владычестве Кефея над Мероз и прилегающими областями, населёнными эфиопами (Propert. IV, 6, 78); у Овидия Персей находит прикованную к скале Андромеду, достигнув царства Кефея в Эфиопии (Ovid. Metamorph. IV, 669). Подобным же образом Аполлодор и Лукиан помещают действие этой легенды в царстве Кефея в Эфиопии (Apollodor. Bibliotheca II, 4, 3; Lucian. Dialogi marini 14, 323). Всё это привело к тому, что все дериваты от имени Кефея становятся синонимами Эфиопии (Ovid. Metamorph. IV, 669; 764; V, 1; Propert. IV, 6, 78).

Андромеда, как и Мемнон, также претерпевает изменение цвета, становясь в описаниях «тёмной» — FUSCA, в то время как Мемнон становится «чёрным» — NIGER, и характеристика эта практически не изменяется, в отличие от более вариативных описаний Андромеды, оттенки цвета которой подвержены колебаниям. Овидий, например, определённо считает Андромеду чёрной (Ovid. Heroides XV, 35–36; Ars amatoria III, 191; Metamorph. IV, 676). Тёмная от воздействия жгучего солнца своей родины Андромеда прельстила своей экзотической красотой Персея; и когда Овидий говорит, что Персей привёз Андромеду из чёрной Индии, он, очевидно, имеет в виду также Эфиопию, используя слово Индия как поэтическую метафору Эфиопии, что было достаточно частым явлением в силу географических неточностей в представлениях античного мира о странах юга (Ovid. Ars amatoria I, 53). С другой стороны, Филострат вполне определённо локализует родину Андромеды: в описании одной картины он подчёркивает, что на ней изображено не Красное море, не жители Индии, а эфиопы, в чьей стране разворачивалась история Андромеды (Philostr. Imagines I, 29).

Одновременно Ахилл Татий (Achilles Tatius III, 7, 4) упоминает картину, на которой изображена Андромеда с незапятнанно белыми руками, а Гелиодор в Эфиопике представляет Андромеду белой (это, кстати, интересно коррелируется с эпизодом с царицей Персиной, удивлённой тем, что дочь её родилась белой, цвета, чуждого её родному «эфиопскому» цвету, — Heliodor. Aethiopica IV, 8).

Эфиопы также фигурируют в нескольких других греческих мифах, но они не содержат деталей, добавляющих что-либо новое по сравнению с уже затронутыми. Так, у Плиния (Plin. N.H. VI, 35, 187) есть указание, что эфиопы получили своё имя от Эфиопа, сына бога Вулкана. Матерью пятидесяти Данаид была, согласно широко известному варианту мифа, эфиопская женщина, что породило версию о чёрных Данаидах (Apollodor. Bibliotheca II, 1, 5).

Иногда та или иная версия эфиопского мифа оказывается известной только благодаря невербальным источникам — памятникам изобразитель-

ного искусства. Так, на ойнохое конца V в. до н.э. изображена негроидная Ника<sup>155</sup>, а на другой чёрнофигурной вазе чернокожей показана Кирка<sup>156</sup>. Интересно изображение негра в свите Тесея<sup>157</sup>, а в сцене на лекифе V в. до н.э. из Афин женщина-негрityнка трактуется как ливийская царица Ламия, возлюбленная Зевса<sup>158</sup>.

Резюмируя экскурс в область бытования в недрах античных мифологических представлений «эфиопской» темы, отметим, что она прочно вошла в мифологическую картину античного мира и расширялась и уточнялась в процессе углубления знакомства с негроидными автохтонами Африки.

#### **4. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ С «ЭФИОПАМИ» И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ «ЭФИОПОВ» АНТИЧНЫМ МИРОМ**

Нет необходимости доказывать, что в ряду многочисленных и разнообразных форм межэтнических контактов предпочтительное внимание уделяется фиксации военных контактов как наиболее острых ситуаций в судьбе общества. Не удивительно поэтому, что и в античной письменной традиции большое количество свидетельств об эфиопах встречается в тех или иных «военных» контекстах.

Военные контакты греческого и римского мира с эфиопами тесно связаны с военными столкновениями египтян с южными соседями и военными инцидентами между Египтом и армиями ближневосточных стран. В результате мы располагаем сведениями об использовании эфиопов в армиях египтян и персов, а впоследствии (особенно в эпоху Империи) и римлянами как в основных, но преимущественно во вспомогательных войсках в качестве ауксилиариев. Что касается греков, то основательных свидетельств в доказательство такой же практики использования эфиопов в греческих войсках (исключая догреческие свидетельства об отрядах эфиопов на Крите II тыс. до н.э.) не имеется. Хорошо подтверждается греческая письменная традиция относительно использования Ксерксом, а в своё время и римлянами отрядов, состоявших из эфиопских воинов<sup>159</sup>.

Защищая нубийские границы, египтяне использовали в своей армии негров из южных регионов: уже в Древнем царстве фараоны нанимали негроидных «эфиопов» для укомплектования своих армий. Нередко в египетской армии они занимали видные посты в военной иерархии. Среди восьмидесяти деревянных фигурок солдат, обнаруженных в гробнице Ассиута, насчитывается сорок чернокожих лучников; на египетских фресках встречается множество изображений чернокожих нубийцев, служивших у египтян<sup>160</sup>.

История Сесостриса в Европе и судьба части его солдат, поселившихся у реки Фасис, известна по Геродоту (II, 103–104) в сообщении о колхах и интерпретировалась как свидетельство античной традиции о чёрных в войсках Сесостриса. С юга происходили и эфиопы-кушиты, правившие Египтом более полувека и известные, о чём уже шла речь выше, как «эфиопская» династия. Что касается Сесостриса античных авторов, то он идентифицируется с Рамсесом II (1301–1234 гг. до н.э.), а иногда в нём видят результат контаминации двух исторических личностей — Сети I (1313–1301 гг. до н.э.) и Рамсеса II<sup>161</sup>. Относительно же колхов Геродота, которых он описывает как чернокожих и курчавоволосых, считая что их происхождение — результат смешения эфиопов и египтян, то в современной науке признаётся верным вывод «отца истории» о негроидности колхов, и ссылаются в качестве подтверждающего факта на то, что современные абхазские негроиды и по сей день живут в тех районах, которые Геродот отводил негроидным колхам<sup>162</sup>.

Относительно чернокожих воинов, изображённых на миносских фресках, имеются две точки зрения, причём обе не подвергают сомнению именно негрскую принадлежность этих людей. По одной гипотезе, чёрные африканцы попали на Крит из Египта и происхождение их — из Эфиопии южнее Египта<sup>163</sup>; по другой же гипотезе, выдвинутой А. Эвансом, критские африканцы — выходцы из Северной Африки, границы обитания которых он ограничивал с юга линией караванных дорог к озеру Чад и к Нигеру и которые, как можно предположить, могли быть выходцами или из Внутренней Ливии, или из районов субсахарской Африки<sup>164</sup>. В любом случае, если уже критяне знали чернокожих африканских воинов, то позже и греки, и римляне были знакомы с солдатами из Египта и других районов субсахарской Африки.

Чернокожий курчавый Эврибат, спутник и друг Одиссея, описан Гомером как абсолютный негр (*Odys.* XIX, 246–247); это даёт основание считать, что уже у Гомера имеется указание на использование эфиопских наёмников у Трои. Эврибата, сопровождавшего его в посольстве к Ахиллу, Одиссей особенно ценил за его ум, который не уступал его собственному. По-видимому, этот герой пришёл к стенам Трои из Египта, отношения с которым были активны и имели давнее начало.

Другой выдающийся эфиопский герой — Мемнон — также известен Гомеру, но в самом гомеровском эпосе явно недостаточно сведений и о роли самого Мемнона, и о роли эфиопов в Троянской войне; только у Гесиода мы находим более подробное повествование о Мемноне, царе эфиопов. Однако традиция о Мемноне гораздо старше Гесиода: следует помнить об утраченной Эфиопиде Арктина и целой серии лакун в древней греческой традиции об эфиопах как союзниках троянцев; это обстоятельство и обусловило не-

обходимость для реконструкции греческого взгляда на Мемнона использовать более поздние литературную и художественную традиции.

Естественнее всего полагать, что первые встречи греков с эфиопскими солдатами произошли в Египте (хорошо и издавна им знакомом и посещавшемся многими), и здесь же они узнали об их деяниях и подробности об их стране. Псамметих I, фараон XXVI династии, не только принял у себя ионийских и карийских купцов, но и предоставил им место для постоянного поселения с той целью, чтобы они обучали детей египтян греческому языку и постепенно приготовили бы для египтян собственных переводчиков-профессионалов. Эти греческие поселенцы, обучая египтян греческому языку, занимались также торговлей, в том числе, как можно предположить, с южными областями выше нильских порогов. Конечно, точно установить частоту их встреч с эфиопами невозможно, но во всех случаях информацию об Эфиопии и эфиопских воинах они получали регулярно, и, видимо, от них греческая родина получала большую часть сведений об эфиопах, так же как о египтянах и Египте, о чём сообщает Геродот в Египетском логосе (II, 152; 154). В свите Псамметиха также были греческие купцы.

Надпись из Абу-Симбела сообщает, что в экспедиции принимали участие греки. Один из них — Псамметих, сын Теокла, который служил при Псамметихе I, другой — с Теоса, третий — из Колофона, ещё один — из Ялиса. Единого мнения о глубине проникновения Псамметиха II в Эфиопию нет, однако исследователи сходятся во мнении о том, что во время нубийского похода он дошёл до четвёртого порога<sup>165</sup>.

С точки зрения греко-эфиопских связей показателен тот факт, что, как известно ещё по сообщению Геродота (VII, 90), часть населения острова Кипр была — во всяком случае в VI в. до н.э. — негроидной. Геродот определённо называет их эфиопами, а современные данные археологов и антропологов подтверждают присутствие негроидного компонента в этническом составе островитян<sup>166</sup>. Кроме того, на острове найдены каменные скульптуры воинов ярко выраженного негроидного типа, появление которых здесь связывают с историей VI в. до н.э., когда часть эфиопских солдат из армии Амасиса (которая, как известно, была укомплектована египтянами, греками, ливийцами и эфиопами), отделившись от него, оккупировала Кипр<sup>167</sup>. По стилистике и одежде каменных эфиопов с Кипра (они облачены в туники, хитоны и конические головные уборы) датируют эту скульптуру не позднее 560 г. до н.э., что не противоречит гипотезе о солдатах Амасиса, правившего с 569 по 525 гг., а также соответствует данным Геродота и древней кипрской традиции, по которой среди предков киприотов называли и эфиопов. Это последнее свидетельство в совокупности с известными литературными и археологическими материалами позволяет думать, что количество эфиопов в египетской армии было достаточно велико.

Вообще воинские доблести и отвага «эфиопских» солдат высоко ценились, так что не только египетская, но и другие армии ближневосточного и античного мира использовали их в военных действиях как наёмников. О воинских достоинствах эфиопов грекам хорошо было известно из разных источников. Так, из геродотовой Истории известно, что в армии Камбиса были греки в то время, когда персидский царь планировал свой впоследствии провалившийся поход против эфиопов. Скорее всего, в этом походе греки непосредственно с эфиопами не сталкивались, но им прекрасно было известно о сообщениях, получаемых Камбисом из страны ихтиофагов, относительно воинов макробиев, которые сильно повлияли на формирование у греков образа эфиопского воина, с которым они позднее столкнулись в Персидских войнах.

Рассказывая об армии Ксеркса, сформированной из отрядов воинов различных национальностей, Геродот (VII, 69–71) подробно описывает вид и вооружение эфиопского и ливийского отрядов, сражавшихся вместе с арабами под командованием сына Дария Арсамеса. Эти эфиопы (из областей субегипетской Эфиопии) были облачены «в леопардовые и львиные шкуры, луки имели из пластин пальмового дерева, длинные, не меньше четырёх локтей, и короткие тростниковые стрелы; наконечником стрелы служил вместо железа заострённый камень <...> кроме того, они имели копья с заострённым рогом антилопы наподобие железного наконечника и обитые гвоздями дубинки; перед сражением они окрашивали себе половину тела гипсом, а другую половину суриком». Попутно Геродот описывает и других африканских солдат — ливиян под началом Массаета: они «имели кожаную одежду и вооружены были копьями, на конце обожжёнными», т.е. сильно уступали эфиопским воинам в вооружении. Впоследствии эфиопы не только сражались на стороне персов при Марафоне, но были и среди воинов в Ионии. Изобразительные материалы полностью подтверждают точность описания эфиопских солдат Геродотом и другими авторами<sup>168</sup>.

При Марафоне и Саламине был Эсхил, впечатления которого об эфиопах в этих сражениях отразились в некоторых намёках, имеющих в тексте его «Персов»: среди предводителей персидского флота упомянут некий Актей, живущий у вод Нила, точнее, Эсхил говорит об истоках Нила — *πηγαῖς Νείλου* — (Aeschyl. Persae 311–312). Упоминание об истоках Нила позволяет думать, что этот Актей происходил из Нубии или Внутренней Эфиопии, где, по географическим представлениям греков, и находились истоки реки. По одной из имеющихся гипотез, имя Актей эквивалентно эфиопскому имени Тахарка (Этеарх)<sup>169</sup>. В другом месте (Persae 315) Эсхил упоминает о тридцати тысячах чёрных всадниках, участвовавших в похоронах персидского вождя, погибшего при Саламине. Этот вождь происходил из Верхнего Египта или Эфиопии, и если даже количество чёрных всадников Эсхил преувеличил, то здесь всё равно видна однозначная ассоциация,

основанная на современном поэту опыте и знании об эфиопах в персидских войсках.

Победа греков над армией персов, куда входили и эфиопы, вызвала интерес художников к мотиву негров в изобразительном искусстве, в котором он присутствовал и раньше, но с V в. до н.э. получил особенное распространение. С этим, как можно предположить, связано и усиление интереса к изображению эфиопов и амазонок как союзников троянцев против греков в древней Троянской войне, воспринимавшейся в этот период как историческая параллель к современным событиям. Диодор (III, 52–55) отражает зафиксированную в вазописии начиная с V в. до н.э. традицию об африканских амазонках, живших в западной части Ливии, ближайшей к Эфиопии. Схолиаст к Аполлонию Родосскому помещает амазонок в самой Эфиопии<sup>170</sup>.

Большое количество ваз V в. до н.э. с изображениями негров часто с полным основанием интерпретируются как работы афинских мастеров, вдохновлённых поражением персов и их чёрных наёмников — эфиопов, появившихся после войны в большом количестве в Греции<sup>171</sup>.

Любопытно обобщить «типовое» изображение эфиопа на вазописии: волосы негров, как правило, передаются точками, чтобы подчеркнуть специфику негритянских вьющихся тугими кольцами волос, всегда привлекавших внимание греков, черты лица передают негрские расовые особенности. Одежда этих эфиопов часто представляет собой короткие, пятнами раскрашенные туники и штаны, в правой руке — копье, а предплечье покрыто шкурой с бахромой или какой-то спадающей одеждой с каймой. За спиной нередко колчан, а на плечи наброшена накидка или плащ. Фигура обычно размещена правой стороной к зрителю, а голова повернута влево к пальмовому дереву. Основная мотивация художника легко угадывается: здесь и отношение к африканцу как символу поражения персов, но также явственно обычное греческое любопытство к варвару из легендарно далёкой страны. Часто, в соответствии с законами древней живописи, выделявшей особо семантически важные фигуры и детали не только укрупнением масштаба, но и изменением, акцентированием цвета, центральная фигура в многофигурных композициях изображена белой, хотя облачение и вооружение полностью аналогичны африканским.

На многих вазовых росписях даны одновременно изображения белых и негров, поскольку античных художников очень привлекала возможность контрастного сопоставления двух несхожих антропологических типов.

Самые знаменитые изображения эфиопов представлены на фиале, описанной Павсанием (I, 33, 2–3), и явившейся для неё образцом фиале в руке знаменитой статуи Немесиды из Рамнунта, которую одни приписывали Фидию (Павсаний), другие — Агоракриту (Plin. N.H. XXXVI, 4, 17)<sup>172</sup>. Изображения эфиопов на этих сосудах ассоциировались с эфиопами

в персидской армии и соответственно темой покорённого Востока, а также представляли собой явную реминисценцию из хорошо знакомой практики египтян изображать негров в сценах триумфа фараонов.

Об участии эфиопов в греко-персидских войнах свидетельствуют и рельефы из Ападаны и театра в Персеполе<sup>173</sup>. Комплексы эти были построены персидским царём Дарием и украшены рельефами с изображениями праздничных процессий и триумфа царя. Среди дароносцев и послов находятся две фигуры с явно негроидной наружностью, несущие шкуры, сосуды, закрытые крышками, слоновый бивень и ведущие окапи, негроидных пигмеев из глубинных областей Центральной Африки (их персы и греки знали ещё со времён экспедиции Ксеркса в Центральную Африку, в которой он достиг области Рувензори, где и были встречены эти пигмеи; сведения же о них и о результатах экспедиции Ксеркса вошли в более поздние греческие сообщения об Эфиопии и, например, отразились в аристотелевском известии о Лунных горах<sup>174</sup>. Поразительно, насколько близко совпадают изображения эфиопских дароносцев в Персеполе с известным геродотовским описанием добровольных приношений эфиопов царю персов и как точно передано представление об отношениях эфиопов и персов. Геродот рассказывает, что пограничные с Египтом эфиопы, которых покорил Камбис во время своего похода на долговечных эфиопов (макробиев), вместо дани приносили персидскому владыке в качестве добровольных даров (один раз в два года) два хеника самородного золота, двести стволов эбенового дерева, пять эфиопских мальчиков и двадцать больших слоновых зубов (Herod. III, 97). Отметим, что среди традиционных для эфиопов даров Геродот называет слоновые бивни и золото; слоновый бивень изображён в сцене на рельефе, а в закрытых сосудах, логично предположить, дарители несли эфиопское золото.

Есть все основания думать, что в V в до н.э. и сицилийские греки могли сталкиваться с эфиопскими воинами. У Фронтин (540–478 гг. до н.э.) есть сообщение о том, что сиракузский тиран в войне против Карфагена захватил много пленников, среди которых были и чёрные эфиопы (Frontinus. Strategemata 1, 11, 18). Относительно участия негроидных солдат в армии Карфагена, а чёрных купцов — в средиземноморской торговле имеется достаточно прямых — эпиграфика — и косвенных данных<sup>175</sup>; причём речь идёт, разумеется, об эфиопах запада.

Сицилиец, тиран Сиракуз Агафокл (361–289 гг. до н.э.), по всей видимости, также вступал в военные контакты с эфиопами. В военном конфликте с Карфагеном Агафокл атаковал своих противников в Северной Африке. Один же из его полководцев — Эвмах — совершил поход во внутреннюю Ливию, перешёл горный хребет, достиг области, где было много обезьян, покорил некий город силой, дипломатическим путём подчинил два других, но не пошёл далее, т.к. узнал, что варвары собирают против него большие

силы. Точная идентификация этих событий затруднительна, однако понятно, что речь идёт о западной «Чёрной» Африке (Diodor. XX, 58).

Интересное свидетельство IV в. до н.э. об эфиопском воине есть на бронзовом кольце, где выгравирован молодой солдат с негрскими чертами, обороняющийся от нападения: в руках его — меч и круглый щит<sup>176</sup>.

Эфиопские воины были хорошо известны Птолемеям, войны которых, мотивированные в большой степени экономическими интересами и нуждой в золоте и слоновой кости, были ориентированы на юг, в Эфиопию<sup>177</sup>. Дело в том, что главные золотые центры находились в Нубийской и западной пустынях, а также вдоль путей через Копт и Апполинополь в Беренику и к Красному морю. Также чрезвычайно важным местом было Мероэ как центр золотодобычи и производства железа и основной центр на торговых путях из Центральной Африки. Притягательными для Птолемеев районами были также всё красноморское побережье и Восточная Африка, особенно район Сомали, откуда поступали слоновая кость, доставляемая через Селеусу из Индии, пряности и благовония. Поэтому ясно, что, как справедливо полагал Ростовцев, военные усилия Птолемеев против эфиопов и по защите южных рубежей Египта шли за коммерческими и дипломатическими их интересами.

Диодор (I, 37, 5), оценивая военную деятельность Птолемея II (283–246), объявил, что до него ни один грек не проник в Эфиопию даже до южной границы Египта и что он был первым греком, приведшим армию в Эфиопию; при этом, однако, Диодор забыл, что в армии Псамметиха II, вторгшегося в Эфиопию, греки были; так что заключение его оказывается неверным (ср. прим. 165). Диодор упоминает об эфиопском походе Птолемея II, но ничего не говорит о цели этой экспедиции, хотя помимо не провозглашаемых, но подразумеваемых коммерческих интересов Птолемей преследовал цель восстановления связей между Египтом и Эфиопией, которые были нарушены после конца Эфиопской династии<sup>178</sup>.

Имена PASIMENAS и IASON, оба из Кирены, выгравированные на стеле в районе Буэн (Buhen), ниже вторых катарактов, относятся к III в. до н.э. и принадлежат двум торговцам Филадельфа, одна монета которого найдена там же<sup>179</sup>.

Военное донесение начальника гарнизона Элефантины, адресованное Птолемею, также относится к этим временам; на фрагменте папируса III в. до н.э. сохранилась часть фразы: «Эфиопы спустились вниз и осаждают». По-видимому, эфиопы осадили город (название которого утрачено) в ответ на военные действия Птолемея против них<sup>180</sup>.

Зоологические интересы и потребность в слонах в военных целях также могли быть причиной для военных действий Птолемеев против эфиопов в районах Красного моря, Центральной и Западной Африки, откуда слонов доставляли в Египет и использовали в армии (этот факт отмечался многи-

ми побывавшими в Египте или получившими достоверные о том сведения авторами: Diodor. III, 36, 3; Strabo XVI, 4, 7–8; XVI, 4, 10; XVI, 4, 13; XVII, 1, 5; Plin. N.H. VI, 35, 183; *Periplus maris Erythraei* 3 = GGM II, 258–259).

Тимосфен прошёл от Сиены до Мероэ; Далион, первый грек, прошедший в Эфиопию выше Мероэ, совершил своё путешествие раньше, в правление Птолемея II (Plin. N.H. VI, 35, 183)<sup>181</sup>.

Афиней (Athen. 5, 201) рассказывает, что в празднике Диониса в правление Птолемея II принимала участие огромная процессия, шедшая через город целый день; в ней было много эфиопов, нёсших слоновую кость, чёрное дерево, золото и серебро.

Феокрит свидетельствует, что Птолемею Филадельфу удалось отвоевать часть чёрной Эфиопии, причём у него — первого из греческих авторов — названы эфиопы блеммии, что показывает глубину его знаний о походах в эпоху Филадельфа и этнической ситуации у южной границы Египта (Theocrit. XVII, 87; VII, 113–114)<sup>182</sup>.

Из-за скудости имеющихся сведений многое остаётся неясным: почему эфиопы-дароносцы были в праздничной процессии в Александрии; что подразумевает Феокрит, говоря о захвате Птолемеем части Эфиопии; какие военные операции были проведены в Эфиопии. Ясно лишь, что эфиопы сопротивлялись вторжению Птолемея, который всё же имел в этой кампании больше экономический и политический, чем чисто военный интерес. Судя по тому что известно, можно считать, что к важнейшим результатам походов в Эфиопию можно отнести охотничьи карты Птолемея, созданные во время походов, его зоопарк и увеличение количества слонов в армии (Diodor. III, 36, 3–4). Один из поздних Птолемеев, Эвергет I (246–221 гг. до н.э.), также охотился на слонов и за этим посылал Симия для исследования побережья Красного моря (Diodor. III, 18, 4). При Птолемее IV Филопаторе (221–205) в Эфиопию, вдоль сомалийского побережья, был послан за слонами Лихас, сын Пирра, ахарнянин. Есть также упоминание об офицерах и солдатах в стране слонов, которое содержится в молитве к Аресу, богу — покровителю охоты и побед (*Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*, I, n.82, 86; Strabo XVI, 4, 5)<sup>183</sup>.

Значительную роль играли эфиопы в некоторых египетских восстаниях в Верхнем Египте в эпоху поздних Птолемеев<sup>184</sup>, где сохранялась старая фараоновская традиция, противопоставленная греческой в Нижнем Египте; местные племена выступали за реставрацию легендарных времён с властью фараонов. В одном месте у Агатархида (*De mari Erythraeo* 20 = GGM I, 119) рассказывается, что Птолемея (видимо, речь идёт о Птолемее V, Эпифане (205–180 гг. до н.э.) собрал войско из пятисот греческих всадников для войны против эфиопов<sup>185</sup>. В восстании на юге, во главе которого стояли Харамахис и Анхмахис (их склонны считать нубийцами), деятельное участие принимали эфиопы<sup>186</sup>.

При Птолемеях IV (180–145) и Эвергете II была направлена помощь на укрепление позиций на юге, результатом чего стало окончание войн между Птолемеями и Нубией<sup>187</sup>.

О масштабе использования в эллинистическом Египте эфиопов для службы по найму (в армии и других областях профессиональной деятельности), имевших в поздних египетских документах, написанных на греческом языке, особое наименование — ἐπιγρονή<sup>188</sup>, свидетельствуют имена многих эфиопов, сохранившиеся в египетских письменных источниках этого времени<sup>189</sup>. В целом вся совокупность данных позволяет охарактеризовать политику Птолемея по отношению к чёрным эфиопам юга как прагматическую, сводившуюся к практике «приручения и использования», что в известной степени оказало воздействие на традиции взаимоотношений с эфиопами в античных странах Средиземноморья в это время и в более поздние периоды.

В свете уже сказанного относительно раннего начала контактов античного мира с эфиопами Африки не вызывает удивления тот факт, что именно эти наиболее экзотичные варвары, вызывавшие обострённый интерес греков, привлекали внимание греческих трагических поэтов<sup>190</sup>. Первые, наиболее непосредственные сведения об эфиопах попадали в Грецию от греческих поселенцев в Навкратисе, от купцов и наёмников, служивших в армии Псамметиха II, а также от греков и персов Ближнего Востока, где было много эфиопов, служивших в армии Ксеркса. И, наконец, греки имели возможность контактов с эфиопами в самой Греции, куда они попадали разными путями и были достаточно многочисленны.

Не только устная традиция и живые впечатления, но и достаточно обширная литературная традиция, в частности уже упоминавшаяся и для нас утерянная «Эфиопика», давали драматургам конкретный материал, позволявший обыгрывать любопытство греков к «отдалённой стране Чёрной Реки, которая находилась вблизи «солнечных источников» (Aeschyl. Prometheus vinctus 807–812), и к далёкому народу, который в результате всё углубляющегося знакомства неуклонно приближался к отчуждённому дому греков. К сожалению, драматические пьесы, в которых участвовали эфиопы или использовались эфиопские темы, утеряны и известны лишь по фрагментам, заглавиям, упоминаниям и вазописи. Но и фрагментов-свидетельств довольно, чтобы понять, что уже во времена Эсхила эфиопов знали достаточно, чтобы сформировался их образ как чёрных, говорящих на другом языке и живущих в Африке людей (Aeschyl. *ibid.*, Frg. 328 — Αἰθίοπα φωνήν — об эфиопском языке; Frg. 329 — об эфиопской женщине; Euripid. Frg. 228). Если Африка, запечатлённая на вазописи и появляющаяся вместе с темой Андромеды, является точным отражением её образа, сложившегося в трагической поэзии, то возникает возможность предположить, как греческий драматург представлял эфиопов в своих пьесах. Судя по со-

хранившимся в вазописи изображениям представляются люди с чёрным цветом кожи, вьющимися волосами и широкими приплюснутыми носами, жившие вдоль своей великой Реки — Нила, наполняющегося водами тающих снегов. Описания Эсхила и Эврипида реки в крайней южной стране опалённых солнцем чёрных людей, разливы которой вызывались таянием снега (Aeschyl. Supplices 559–561; Frg. 300; Euripid. Helena 1–3; Frg. 228; Diodor. I, 38, 4–7 — цитата из Эврипида и обсуждается вопрос о вероятности снега в Эфиопии), определённо давали пищу для захватывающих споров об этих невероятных вещах. Можно предположить, с каким интересом обсуждались после представления услышанные в театре подробности о тридцатитысячном чёрном войске и об эфиопском языке и Чёрной реке (о чём шла речь в утерянных трагедиях Эсхила — Aeschyl. Persae 315: ἵππου μελαίνης ... τρισμυρίας; Frg. 328 — об эфиопском языке; Frg. 370 — μελανοστέρφων γένος).

В эсхиловских «Умоляющих» не разрабатывается собственно эфиопская тема, но идёт речь о чернокожих африканцах. Пятьдесят сыновей Египта описываются как чернокожие люди, о чём Эсхил рассказывает в поэтическом пассаже, объясняя, что Данай мог бы узнать своих племянников, если бы увидел их чёрные лодыжки из-под белых одеяний (Aeschyl. Supplices 719–720; 887–888 — о вестнике, сыне Египта, чёрном, означающем чёрный сон). Эсхил использует все драматические возможности темы чёрных африканцев, подчёркивая их «негреческость», их «африканство» в такой степени, какой до него не наблюдалось в описании сыновей Египта. Данаиды говорят о себе как о чёрных и «обожжённых солнцем» (ibid. 154–155; Prometheus vinctus 851 — об Эпафе, потомке Данаид, описываемом чёрным — κελαίνός (808), живущим у солнечных струй и Реки эфиопов), что однозначно ассоциируется с исконной эфиопской чернотой. Для царя Пеласга Данаиды представляются с внешностью ливийцев или жителей нильских областей, или Кипра, или ездящих на верблюдах соседей эфиопов, или одногрудых амазонок (Aeschyl. Supplices 279–285). Точная физиогномическая сущность всех этих сопоставлений неясна, но образ в некоторой степени проясняется приведёнными в этом ряду сравнений упоминаниями о Кипре, «эфиопская традиция» которого была широко известна, а также об амазонках, помещаемых в Африке, поблизости от её западных областей (о Кипре см. выше, о ливийских амазонках: Diodor. III, 53, 4). Эсхил говорит, что Данаиды отличались от греков не только цветом своей кожи, но и наружностью (Supplices 496: μορφῆς δ' οὐχ ὁμόστολος φύσις — здесь Данай поясняет физические различия между аргивянами и нилотами)<sup>191</sup>. Таким образом, вырисовываются Данаиды, физически отличные и от белых греков, и от чёрных эфиопов, поскольку у Эсхила они нигде не описываются как эфиопки, но лишь как чёрные цветом, напоминающие южных обитателей страны, пограничной с Египтом, может быть

имея в виду тип, получающийся в результате чёрно-белого межрасового смешения.

В этой связи интересно подробное описание семи дочерей Данае, рождённых эфиопской женщиной, имеющееся в другом, позднем источнике (Apollodor. Bibliotheca II, 1, 5).

Несмотря на личностно пристрастное отношение Эсхила к Данаидам, с которыми он генеалогически связан, не подлежит сомнению полное отсутствие какой бы то ни было антипатии по поводу их цвета; эти абсолютные по внешности негры легко и естественно получили приют в Греции, что было вообще типично для мировосприятия античности, воспринимавшей тёмный цвет кожи лишь как признак негреческого происхождения<sup>192</sup>.

Интерпретация Эсхилом Данаид предполагает, что он сполна использовал возможности, которые давали ему не дошедшие до нас трагедии «Мемнон» и «Психостасия» («Взвешивание душ» Мемнона и Ахилла Зевсом и «Мемнон» — Frg. 127–130; 279–280, ed. Nauck) для разработки эфиопской темы, которую затрагивал и Софокл, судя по сохранившемуся фрагменту из недошедшей пьесы (Sophocl. Frg. 25–30, ed. Nauck)<sup>193</sup>.

И у Софокла, и у Эврипида были пьесы об Андромеде (Sophocl. Frg. 127–130; Euripid. Frg. 114–156, ed. Nauck), что позволяет предположить тематическое воздействие драматургии на изобразительное искусство (в частности, на сюжеты вазописи), в котором была широко представлена тема Андромеды<sup>194</sup>. На одной гидрии V в. до н.э. с изображением прикованной к скале Андромеды и стоящего перед ней Персея представлены также девять фигур негров-прислужников, приготовляющих жертвенник и несущих разные вещи; руководит их действиями пожилой эфиоп. Африканцы одеты в короткие, богато изукрашенные хитоны без рукавов, из трёх белых фигур одна — Андромеда, другая — Кефей, третья — Персей, узнаваемый по шлему с крыльями, хламиде и сандалиям<sup>195</sup>.

Много изображений негров и на других вазах. На краснофигурной пелике из мастерской художника Ниобида три выделенные белой обводкой фигуры чёрных эфиопов контрастно соседствуют с белыми Андромедой и её отцом<sup>196</sup>.

Об Андромеде Эврипида, её локализации, даёт представление кратер Андромеды из Берлина. Группировка действующих лиц, по мнению исследовавшего этот вопрос М. Бибера<sup>197</sup>, предполагает непосредственное влияние театрального спектакля. Эфиопия и её народ представлены хористами в плотных шерстяных одеяниях и богатых хитонах; фигура в маске негра олицетворяет страну эфиопов, где происходит действие, сами же актёры имеют греческие черты.

Свидетельства вазописи (Андромеда и её спутники — белые, противопоставленные присутствующим тут же чёрным эфиопам) предполагают, что драматурги V в. до н.э. следовали за версией мифа об Андромеде как

белой принцессе среди негроидных народов Эфиопии. Так же точно художники изображали историю Мемнона в VI–V вв. до н.э.: самого его — белым, а его солдат — чернокожими. Таким образом, пьесы с сюжетами об Андромеде и Мемноне требовали негров только на роли в хоре (чёрные солдаты Мемнона и жители чёрной Эфиопии), а драматургам представлялась возможность извлечь сценический эффект из истории, в которой участвовали чёрные и белые. Таким образом, и драматурги, и живописцы Греции имели возможность для эмоционально-драматического развития естественного расового контраста, что в наиболее яркой форме проявилось в типе янусовидных изображений, использовавшем приём контрастного сопоставления чёрного и белого лиц.

Приём контрастного сопоставления белых и чёрных фигур широко использовался в вазописи: так, художник гидрии Андромеды из Британского музея создаёт эффектную композицию с контрастирующими расовыми группами<sup>198</sup>. Изобретательность в организации хора и постановке танцев, вероятно, давали некоторое представление о характере эфиопской реальности, тем более что увидеть их и узнать особенности пластики эфиопов можно было в самих Афинах, где было достаточно много чёрных африканцев.

История египетского царя Бусириса, который принёс иностранцев в жертву Зевсу и был убит Гераклом, вдохновила авторов-комедиографов Эпихарма, Эфиопа и Мнесимаха, а также Эврипида, написавшего сатирическую пьесу.

Несколько сюжетов вазописи, включая известную гидрию из Каира<sup>199</sup>, дают представление об отношении авторов пьес к эфиопским наёмникам египетского царя, которые были убиты вместе с Бусирисом. Комическая нота в некоторых из этих рисунков, особенно на каирской гидрии, передаёт основное настроение комических или сатирических пьес: Геракл повергает чёрных и жёлтолицых (египтян) жрецов, а вооружённые палками эфиопы подоспевают слишком поздно, чтобы помочь своему египетскому царю<sup>200</sup>. Момент, когда Геракл освобождается от оков и собирается убить Бусириса, запечатлён в сюжете на краснофигурной вазе из миланского собрания<sup>201</sup>. Участие чёрных эфиопов в истории Бусириса подтверждается также изображением на краснофигурном стамносе: Геракл в хитоне и лвиной шкуре хватается за горло чёрного эфиопа — Бусириса — и повергает его на алтарь<sup>202</sup>. Если центральная фигура связана в схватке с Гераклом, то прочие персонажи, одетые в хитоны или одежду до пояса, в страхе разбегаются в разные стороны; у одного из них в руках погасший светильник, у другого — жертвенный поднос. Интересно, что здесь художник пытается представить два негрских типа: у половины фигур негров волосы переданы как сплошная чёрная масса, у других — волосы изображены точками.

О прочих негритянских персонажах в драматургии можно судить по другим изображениям на вазах<sup>203</sup>. Довольно часто в одну композицию объ-

единяются персонажи негрского типа и сатиры, причём по типу лица их передают абсолютно идентичными, как на вазе с рельефом IV в. до н.э.<sup>204</sup>

Большую группу изображений на вазах составляют рисунки чернокожих женщин, которых во многих случаях считают также связанными с драматическими текстами<sup>205</sup>. Эпизод из какой-то сатирической пьесы может быть одним из возможных объяснений сцены на лекифе V в. до н.э., на которой изображена негритянка, привязанная к дереву и пытаемая пятью сатирами. Этот эпизод можно сравнить и с одним рассказом Павсания (Pausan. I, 23, 5–6) о том, что перепуганные моряки, остановленные группой сатиров, отдали в жертву некую женщину (которая вполне могла оказаться и иностранкой-эфиопкой), не желая подвергнуться ещё большей опасности, после того как Силен похитил женщин на их кораблях. Обнажённая африканка на изображении чрезвычайно напоминает негритянку Скибалу из упоминавшегося «Моретума».

Довольно много изображений африканок вместе с сатирами и менадами, а также в сценах танцев и в сюжетах, связанных с таинствами кабиров<sup>206</sup>.

Необычен и трудно объясним сюжет сцены на ойнохое из Кирены<sup>207</sup>: здесь представлен триумф Геракла, двухколёсной колесницей которого, запряжённой четырьмя кентаврами, управляет Ника ярко выраженного негроидного типа — с «расплюснутым» носом, скулами и выпяченными губами, а перед колесницей летит вестник. Причина, по которой Нике придана негритянская внешность, неясна: возможно, художник представил здесь сцену из какой-то неизвестной нам драмы или комедии, а возможно, он сознательно смешивает миф и реальность, вводя в изображение на вазе, предназначенной для Кирены, негрский типаж, близкий местному населению, которое не только близко знало негроидных эфиопов, но и нередко имело собственных предков-негроидов.

Выше вскользь было упомянуто о том, что негры часто фигурируют в вазописи, связанной с культом кабиров. Выделяется целая группа ваз — это обычно скифосы, датируемые второй половиной V или IV вв. до н.э. из святилища Деметры Кабирии вблизи Фив в Беотии<sup>208</sup>. Существует предположение, что часть культовых церемоний имела драматизованную форму и по сути являлась своего рода спектаклем (при этом можно сослаться на описание Павсанием храма кабиров, когда, отказываясь описывать тайный ритуал жрецов (возможно, по той причине, что сам был adeptом этого культа), он использует для его самой общей характеристики слово *δρῶμενα*, означающее «дела, деяния», но ассоциативно и семантически связанное с понятием «драма», т.е. вводящее в контекст драматургии и театра (Pausan. IX, 25, 5). Сюжеты на этих вазах чаще имеют мистическое содержание и характер, но вместе с тем (что, вообще, было не чуждо греческим художникам) в них присутствуют сатирический и бурлесковый элементы, даже в

сценах, которые происходят изначально от мифологических текстов и священных легенд.

Яркой иллюстрацией комического снижения в мифологическом сюжете являются две вазы, в росписи которых представлен эпизод встречи Одиссея с волшебницей Киркой<sup>209</sup>. Кирка, что соответствует легендарной традиции, представлена здесь в негроидном облике: на одной вазе изображено, что Одиссей получает от чёрной волшебницы магический дар, в то время как одна из её жертв уже превращена в свинью; на другой — Одиссей с хламидой, переброшенной через руку, обнажённый и показанный в итиофаллическом виде, с ужасом отпрянув от Кирки, в одной руке держит щит, а другой схватил меч, а чёрная Кирка в длинном хитоне размешивает своё зелье в двуручной чаше.

Вопрос о том, почему греческие художники столь настойчиво изображали негров на вазах с сюжетом культа кабиров, трудно поддаётся однозначному разрешению. Однако то, что нам известно об этом мистическом, очень популярном и таинственном культе, позволяет сделать некоторые предположения. Кабиры — древние божества или демоны природы, тесно связанные с богиней плодородия Деметрой, частью культа которой их собственный культ и является. Когда-то, в глубокой древности, они были самостоятельными низшими богами плодородия и изобилия земли и всех существ на ней тварей, а затем, оставаясь в кругу хтонических божеств и богов плодородия — Деметры, Гермеса и Гефеста (также архаического бога плодородия, а затем бога огня и кузнечества — творческой огненной стихии), они заняли место второстепенных божеств в свите Деметры и Гефеста, продолжая, однако, репрезентировать хтоническую и плодородную сферы в системе фундаментальных архаических мировоззренческих моделей и представлений. Эти основополагающие в архаическом сознании сферы, связанные с идеями продолжения рода, изобилия природы, универсальных начал жизни и смерти, основных стихий — прежде всего огненной стихии космического происхождения и подземного творческого преобразующего огня, которым владел «божественный кузнец» Гефест, были для греков неотделимы от странных, уже потерявших своё бывшее главенствующее положение кабиров. На уровне же символической цветовой символики, внедрённой в глубины культурной памяти и относящейся к системе архетипических символических представлений, эти божества прочно ассоциировались с чёрным цветом (как и их патроны — Деметра и Гефест). Учитывая же репутацию эфиопов как особо благочестивых и угодных богам людей, к тому же обладающих от природы цветом кожи, столь наглядно гармонирующим с предпочтительным в культе кабиров чёрным цветом, становится понятным, почему на этих культовых сосудах изображения эфиопов и пигмеев занимают такое прочное место. Важность цветовой символики, в частности чёрного цвета в контексте культов плодородия и хтонической сферы,

подтверждают, как представляется, примеры частого изображения многих олимпийских богов чёрными (чёрными бывают и Деметра, и Гефест, и Гера, и Афродита)<sup>210</sup>. В специальных исследованиях (Райнаха, Романьоли, Уолтерса и Брунса, Сноудена, Бекатти, Фербенкса и др.) путём тщательного анализа убедительно доказано безусловно негрское происхождение «эфиопских» и пигмейских персонажей в этой группе изобразительных памятников, а также показаны художественные приёмы, применявшиеся античными художниками для передачи определяющих деталей физического типа негроидов: особая точечная техника для передачи курчавости, оттенки красок при изображении вариантов и интенсивности пигментации, «расплющенность» носов, подчеркнутая пухлогубость, особые негрские пропорции фигуры и другие признаки, о которых уже шла речь. Кроме того, характерное для античности представление об особой, повышенной сексуальности эфиопов (что проявлялось, в частности, в наличии большого количества итиофаллических изображений эфиопов в искусстве), они как нельзя лучше подходили для включения их в число участников тайных мистерий культа кабиров, входящих в сферу культов плодородия. Отметим также, что многими исследователями подчёркивалось стремление античных художников к эффекту контрастного сопоставления негрского (чёрного) и европейского (белого) расовых типов.

Терракотовые маски греческого и римского периодов также указывают на роль эфиопов в религиозной культовой практике и театральных представлениях. Например, маски уже рассмотренных типов негроидов, датируемые VI–V вв. до н.э., а вместе с ними и маски Деметры, Персефоны и их адептов найдены в раскопках архаического Агригента<sup>211</sup>. Другая терракотовая маска середины IV в. до н.э. — копия театральной комической маски; она выполнена в реальных размерах человеческого лица, с глазами, ртом и ноздрями выражению негроидного типа, с крутыми завитками волос, спадающими на лоб и уши; раздвинутые в улыбке губы обнажают зубы<sup>212</sup>. В гробнице в Липари найдена маска старой негритянки с рельефными расовыми характеристиками, датируемая серединой IV в. до н.э. Её интерпретируют как театральную маску для одного из персонажей трагедии Эврипида, посвящённой сюжету из Троянского цикла, и считают маской для роли кормилицы-эфиопки Астианакта, сына Гектора и Андромахи, убитого греками при взятии Трои<sup>213</sup>.

Сцена на кратере мастера Астея (около 350 г. до н.э.) включает двух женщин в масках с выраженными негроидными чертами, наблюдающих из окон дома за тем, как Дионис и два всадника смотрят на представление акробата<sup>214</sup>.

На афинской агоре найдена маска чернокожего эфиопа с широким носом и оскаленными зубами, датируемая началом II в. до н.э.<sup>215</sup>, а римская терракотовая маска негра относится к I в. до н.э.<sup>216</sup>. Количество найденных

терракотовых масок, представляющих лица негров и относящихся к разному времени (что подтверждает практику участия эфиопов в античных театральных представлениях) очень велико; такого рода маски изготавливались и из других материалов, о чём свидетельствует, в частности, редкая находка золотой маски III–IV вв.<sup>217</sup>.

Большой интерес для изучения роли эфиопов в театральном искусстве, в частности для определения видов и жанров, в которых показывали своё мастерство актёры-африканцы, представляют археологические находки из Великой Греции<sup>218</sup>. Среди найденных там терракот имеется изображение танцующего танцора-негра в гиматии и конической шапке, запечатлённого в динамичном танце, который он исполняет для зрителей Тарента; на другой статуэтке — африканец-наездник, выступающий в обычном и излюбленном в Южной Италии искусстве верховой езды, предшественник неаполитанских паззариелло.

На светильнике из Афин III в. до н.э. запечатлён карлик-негр — артист из группы мимов, дающих представление на рынке; он в типичном для этого жанра одеянии (конической шапке и тунике с короткими рукавами) стоит у высокой рыночной корзины и держит в руке чашу, в которую наливает вино из поставленного в корзинку кувшина<sup>219</sup>.

Эти и множество других примеров подтверждают известный нам по литературной традиции факт широкого представительства чернокожих артистов в разных видах и жанрах античного искусства: в трагедии и драме, комедии, миме, цирке, танцевальном и музыкальном исполнительстве.

В жанре комедии чёрные эфиопы не только участвовали в качестве актёров-исполнителей, но и часто вводились в число персонажей пьесы: в комедии Плавта очаровательная служанка Гидденис — африканка с очень чёрным цветом кожи (Plaut. *Poemulus* 1112–1113), а один из персонажей комедии Теренция «Евнух», желая покорить прекрасную Таис, подносит ей как ценнейший дар эфиопскую девочку-рабыню (Terentius. *Eunuchus* 165–167; 470–471); чёрным эфиопом выведен и другой персонаж Теренция — Формий.

Можно с достаточным основанием предполагать, что появление эфиопских персонажей в римской драматургии было очень тесно связано с периодом войн с Ганнибалом, когда чрезвычайно возрос интерес общества к «делам африканским», да и в самой Италии появилось особенно много африканских пленников (ср. Cicero. *Pro Caecina* 10, 27; Quintilian. *Institutio oratoria* 6, 3, 56). Но и в эпоху Империи эфиопы в большом количестве появляются в театральных представлениях разных жанров и типов; например, со времён Калигулы ночные представления для черни разыгрывались по преимуществу актёрами египтянами и эфиопами (Suetonius. *Caligula* 57, 4). Гликон, актёр-трагик времён Нерона, был чернокожим эфиопом и имел статус раба. Однако он пользовался такой популярностью у римской публики,

что не только был замечен Нероном, но император даже внёс свою долю для выкупа Гликона, стоимость которого составила огромную сумму в триста тысяч сестерций, столь велико было его желание занять великого артиста в каком-то задуманном Нероном представлении (*Scholia ad Persium* 5, 9).

Представляет несомненный интерес сообщение о приёме, устроенном Нероном армянскому царю Тиридату: в 66 г. был устроено для армянского посольства грандиозное гладиаторское представление. Организатор путеольского праздника, вольноотпущенник Нерона, был изобретателен и щедр: он задумал редкостное зрелище, о котором с изумлением говорит Дион Кассий: «В один день в театре появились только эфиопы — мужчины, женщины и дети» (*Dio Cassius. Epitome* LXII 63, 3 = Loeb 140).

Археологические данные по Италии показывают особенно большое количество негроидов в области Кампания, что совершенно естественно, если помнить о том, что в Путеолах были гавань и порт, куда регулярно приходили корабли из Александрии и других портов античной Африки<sup>220</sup>. Пиком интереса Нерона к эфиопам можно считать посылку им экспедиции в Эфиопию. Представляя Тиридату эфиопов, Нерон удовлетворял свой особый к ним интерес и, главное, демонстрировал могущество имперской власти, которой подчинён был весь известный мир, включая его крайние южные страны.

Большой популярностью в Риме позднего времени пользовались театральные представления мимов и буффионов, которые разыгрывались без масок чёрными актёрами-эфиопами. Спектакли мимов без масок очень привлекали простой люд столичных рынков и площадей. Чрезвычайная популярность мимов в самой широкой демократической среде подтверждается огромным количеством статуэток, изображающих комических актёров и мимов, в большом количестве случаев — эфиопов. Любопытно, что гротесковые по стилистике бронзы и терракоты могут с полным правом трактоваться сразу с нескольких позиций: во-первых, они являются своего рода «мимологией», т.е. прекрасной иллюстрацией к истории мимического жанра в античном театре, который характеризуется ярким комическим началом, свободой в критике и осмеянии конкретных личностей из реальной повседневной жизни, подчёркнутой гротесковостью в содержании, языке, манере игры и костюме актёров; при этом не приходится забывать и о генетических особенностях этого театрального жанра, восходящего по своей сути к архаическим сакральным представлениям, связанным с архетипическими идеями ритуального карнавала, живучесть которых в культурной памяти народа общеизвестна. Во-вторых, эти гротесковые изображения использовались в римской повседневной жизни как средство, предохраняющее дом от дурного глаза. Наконец, в гротесковых по стилистике статуэтках парадоксальным образом проявляется наблюдательность, способность к обобщению и типизации, а по большому счёту — реалистичность в вос-

приятии экзотического негроидного типа артистов-мимов, предстающих, естественно, в образе комедийном, традиционном и для белых исполнителей соответствующих ролей в этом роде театрального искусства<sup>221</sup>.

Для исполнения определённых ролей в театральном репертуаре эфиопский тип, цвет и черты лица имели явное преимущество, и им оказывали предпочтение. Мим-эфиоп мог оказаться незаменимым исполнителем в случае, когда, например, необходимо было по сюжету пьесы сыграть плохо владеющего языком человека из далёкой страны. Любимой темой римских мимов был адюльтер. Овидий пересказывает пьесу о глупом муже, которого обманывают хитрая и умная жена и её любовник; в другом миме речь идёт о неверной жене, соблазняющей своего раба (Ovid. Tristia II, 497–500)<sup>222</sup>. Со времён начала смешения белых и чёрных сатирики с удовольствием осмеивали адюльтеры, в результате которых у белых неверных жён рождались чёрные или тёмнокожие дети; не требовалось слишком богатого воображения, чтобы множество мимов разыгрывали сюжет на тему адюльтера с участием эфиопа, чаще невольника (см. выше — Цицерон, Квинтилиан).

Пьесы, знакомившие с родиной эфиопов, или с африканцами-ливийцами, или с Египтом, вызывали большой интерес особенно в таких космополитических центрах, как Путеолы, портовом центре афро-итальянской торговли, или Рим — столица мира, где количество выходцев из Африки было особенно значительно.

Адепты египетской Исиды, популярность которой в поздней римской империи была чрезвычайно велика, в мистериях богини наблюдали экзотические танцы, подобные тем, что запечатлены в мраморах Арикия или в настенных росписях Геркуланума<sup>223</sup>. Танцы в культе Исиды были отмечены яркой, чуждой античности спецификой; их пластику исследователи сопоставляют, ссылаясь на изображения нубийских танцовщиц в египетском искусстве, с пластикой негроидных эфиопов южных районов Африки<sup>224</sup>. Во всяком случае, все интересующиеся Египтом и Эфиопией ассоциировали танцы в мистериях Исиды с историями об Африке и стремились увидеть танцы эфиопских танцовщиц и танцоров, пользовавшихся популярностью у публики, и услышать незнакомые африканские ритмы, что позволяет говорить о непосредственном знакомстве античного мира с живыми примерами африканского искусства.

Эфиопы активно участвовали в разных видах античного зрелищного искусства: так, они славились как замечательные жонглёры, а в честь наиболее выдающихся жонглёров, если верить свидетельству Афиней (Atheneus I, 196), даже ставили статуи. На фигурке из Фив изображён мим, жонглирующий одновременно тремя мячами<sup>225</sup>.

В балете мимов необходимы были музыканты и певцы, часто также эфиопы, что хорошо подтверждается обильными примерами в изобразительном искусстве, сохранившем образы танцоров, певцов и музыкантов — не-

гров. А о роли музыки за пределами театра и других зрелищ, т.е. о постоянном спросе на музыкантов, говорят и бесчисленные античные письменные свидетельства, и вся совокупность данных об античности, накопленная современной наукой. О роли же музыки и танца в жизни и обычаях древних эфиопов Африки свидетельствует, например, Лукиан, который сообщает, что воины вначале танцевали, а затем шли в сражение (Lucian. De saltatione 18). Гелиодор рассказывает, что эфиопские воины-танцоры прыгали и плясали сатиropодобными скачками (Heliodor. Aethiopica IX, 19), и это замечание очень удачно иллюстрируется эллинистической бронзовой статуэткой, представляющей танцующего негра<sup>226</sup>.

Однако представление о пластике «эфиопского» танца не сводится только к названному типу «дикого» танца. Наряду с этим типом пластики много примеров танцев чёрных танцоров с очень гармоничными и изысканными движениями: например, бронзовая статуэтка изысканной танцовщицы из Египта<sup>227</sup>, бронзовая статуэтка танцующего эфиона из Геркуланума<sup>228</sup>.

Хотя надгробный рельеф с Аппиевой дороги в Риме по сюжету изображения связывается с адептами Исиды, танцовщицы-негритянки на нём, исполняющие «дикий» танец, выполняют движения, напоминающие по пластике и движения артистов-миров<sup>229</sup>.

На терракоте из Тарента представлен негр в свободных льняных одеждах с погремушками<sup>230</sup>, а многочисленные фрески из Геркуланума и других мест изобилуют фигурами чернокожих танцоров, мужчин и женщин, исполняющих ритуальные танцы и играющих на разнообразных музыкальных инструментах, столь популярных в античных центрах эллинистического и римского времени (что видно из многочисленных примеров в уже названных публикациях). В отношении насыщенности мотивами «эфиопской» музыки показательна уже упоминавшаяся мозаика II в. н.э. из Виллы Нила, вблизи Лептис Магны, на которой изображены чёрный музыкант, играющий на каком-то длинном инструменте, танцующий чернокожий эфиоп и две нимфы с цимбалами.

Использовались фигуры эфиопов и в метафорическом значении в некоторых символических контекстах. Например, бронзовая фигурка истощённого негра, играющего на лире, напоминает известное изображение на чаше из Боскореале, представляющее мистическую картину, персонажами которой являются не люди, а скелеты, и трактуемую как метафорическое выражение призыва последователей эпикурейской философии наслаждаться жизнью<sup>231</sup>.

Эфиоп Никей, кулачный борец, рождённый в Византии, был очень знаменит в античном мире. Плиний Старший пишет о его славе (Plin. N.H. VII, 12, 51). Пластического образца, точно идентифицируемого с его изображением, не имеется, тем не менее о примерном виде его статуи можно судить по нескольким известным поздним эллинистическим терракотам из

Британского музея, которые передают типичную позу кулачного бойца и, возможно, являются её репликами<sup>232</sup>. С образом широко известного атлета Паниха, упоминаемого Марциалом (Martial. VI, 39, 8–9), ассоциируется эллинистическая терракота атлета с типично негрским обликом<sup>233</sup>.

Негры-акробаты, которые в вазописи и мелкой пластике многократно изображались исполняющими головокружительные акробатические фигуры вроде баланса на руках и груди, стойки на руках и т.п., были очень популярны в античном мире (Plin. N.H. VIII, 38, 92–93). А к легенде о чёрном пигмее Тентирите, заставлявшем обратиться в бегство устрашающих крокодилов, которых он повергал в страх своим умением ездить на их спинах, выразительной и точной иллюстрацией может служить терракотовая фигурка, изображающая чёрного акробата на спине крокодила<sup>234</sup>.

Уместно напомнить, что и письменная античная традиция, и археологические свидетельства объединяют в одну группу эфиопов и пигмеев, а также тех и других связывают с крокодилами — типично африканской реальностью из области античных зоологических экзотов. Страбон (Strabo XVII, 1, 44) рассказывает о жителях египетского города Тентира, известных (в отличие от других египтян, боявшихся и почитавших крокодилов) своей неукротимой ненавистью к ним, но одновременно и абсолютным бесстрашием в обращении с ними и в их истреблении. Эти тентириты сопровождали крокодилов в Рим, где был сооружён специальный бассейн для этих хищных рептилий, видом которых могли наслаждаться римские зрители, в то время как тентириты входили в бассейн, не опасаясь быть заживо растерзанными, и отлавливали животных в сети, чтобы вытащить их на солнце, на обозрение римлянам.

На помпейской фреске имеется чрезвычайно достоверное изображение пигмеев, охотящихся на крокодилов, наглядно подтверждающее традицию, по которой пигмеи и эфиопы обитали в «крокодиловом» регионе Африки<sup>235</sup>.

Прислужники-эфиопы присутствовали в Риме во время игр, на которых Марк Сквавр вывел крокодилов (Plin. N.H. VIII, 40, 96). На играх 2 г. до н.э. в Большом цирке было убито тридцать крокодилов (Dio Cassius 55, 10, 8).

Участниками представления в цирке Домиция были сто эфиопских охотников и сто нумидийских дароносцев (Plin VIII, 54, 131).

Роль эфиопов — погонщиков слонов в армии Ганнибала — достаточно известна и прочно укоренилась в литературной традиции, но римляне и в мирное время наблюдали искусство эфиопов управлять слонами. Сенека (Seneca, Epistulae 85, 41), рассуждая о дрессированных животных, упоминает одного эфиопа, который был знаменит тем, что приучённый им слон умел ходить по верёвке и вставал на колени; в описании подчёркивается миниатюрность эфиопа, который, будучи искусным дрессировщиком,

подчинял дикое и свирепое огромное животное. Марциал также высоко ценил талант эфиопов — дрессировщиков слонов, которых они обучали танцевать: и слон легко танцевал и подчинялся своему хозяину (Martial. I, 104, 9–10)<sup>236</sup>. Можно сказать, что любовь к слонам — этим «эфиопским» (а временами «индийским»), в соответствии с типичным обыкновением людей античного мира сопоставлять соседние страны с чёрными жителями и часто путать их из-за многих сходных черт, в частности однородности животного мира и похожести природы и климата) животным, которые воспринимались почти как символ «Чёрной» Африки, — была поистине всеобщей и восторженной.

В этом смысле чрезвычайно типичным примером настоящего гимна слонам является один фрагмент из романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитопонт», который концентрирует в себе и знание, и вымысел об этом животном (как и обо всей Африке в целом). Хармид на вопрос Менелая, видел ли он когда-нибудь слона, рассказывает всё, что знает сам и что услышал от людей: «Мать носит его очень долго. Целые десять лет образуется плод, и по истечении столь долгого времени детёныш рождается уже старым. Поэтому-то, думаю я, он сильно растёт, всякого в бою сожнёт, много жрёт и долго живёт. Продолжительность его жизни, говорят, больше, чем у гесиодовой вороны. Челюсть у слонов такая, как у быков голова. Видя его пасть, ты сказал бы, что в ней два рога, а на самом деле это его изогнутые зубы. Между зубами у него торчит хобот, видом и величиной подобный трубе; он очень послушен слону. Слон подхватывает хоботом пищу и всё, что ни попадётся съедобного. Если что-нибудь годится слону в пищу, хобот тотчас обхватывает это и, загибаясь к челюсти, направляет в рот; если же он видит то, что может пригодиться человеку, то обвивает хоботом добычу, поднимает её и протягивает вверх в дар хозяину. Сидит же на нём какой-то эфиоп, невиданный всадник. Слон лнёт к нему, боится его, голоса его слушается и ударам повинует; удары наносят ему железной секирой. Однажды я видел совсем невероятную вещь: один эллин всунул свою голову в самую середину слоновой пасти. Слон разинул пасть и стал обдавать этого человека своим дыханием. Я дивился обоим: человеку за его дерзновение, а слону за его снисхождение. Этот эллин рассказывал потом, что он заплатил животному вперёд, а оно обдаёт его за это чуть ли не индийскими благоуханиями. Это служит лекарством от головной боли. Слон знает о своих целебных свойствах и даром не откроет пасти: он заносчивый врач и требует плату вперёд». Дальше рассказчик повествует о происхождении слоновьего благовония, природа которого таится в пище на родине слона, в Индийской земле, лежащей по соседству с Солнцем (равным образом и слушатель, и читатели вправе думать здесь и об Эфиопии, которую, вероятно, Хармид мог отождествлять с Индией, на что уже указывалось). Там природа рождает некий лист, скрытый на родине, где им питаются одни

только слоны, но за пределами отчизны «его похищенная сладость открывается, сам он цветком вместо листка становится и в благовоние облекается. Это чёрная роза индийцев. Она служит пищей слонам, как трава — нашим быкам. Кормясь ею с самого рождения, слон весь пропитан запахом своей пищи и испускает благоуханнейшее дыхание, служащее источником его аромата» (Achilles Tatius IV, 4, 6, пер. А.М. Миханкова).

Все авторы, передающие сведения о слонах, восхищаются мастерством приручения и дрессировки, которые считались плодом опыта и традиционных занятий эфиопов со слонами. На эллинистическом рисунке III–II вв. до н.э. из Палестины представлен фриз со слоном и чёрным эфиопом-погонщиком. Здесь это персонификация самой страны Эфиопии: над фигурой негра написано слово ΑΙΘΙΟΠΙΑ; сам же он указывает на бивни слона, а на плече держит топор с длинной рукоятью<sup>237</sup>.

Чёрный охотник Олимпий, Геркулес по силе, известен был своим мужественным духом и стойкостью и заслужил восхищение карфагенян, которые в эпитафии на его могиле написали: «Слава о тебе будет жить много лет после тебя, и Карфаген будет всегда произносить твоё имя» (Anthologia Latina (ed. A. Riese) 277–278, nn 353–354).

Много эфиопов были знаменитыми гладиаторами, ибо и хозяева гладиаторских школ, и публика высоко ценили их отвагу и силу. На римской мозаике III в. н.э. из современного Туниса увековечена сцена из повседневной жизни гладиаторов: эфиоп, одетый в зелёную тунику с чёрным узором, с венком на голове, изображён вместе с четырьмя друзьями, по-видимому, после удачно завершившегося боя, в обстановке, которую поясняет надпись: «Мы пришли, чтобы выпить вина»<sup>238</sup>.

При устройстве наиболее пышных празднеств римские правители обязательно старались привлечь к играм гладиаторов-эфиопов: римляне с восторгом явились на подобное зрелище, когда Проб вывел на арену в одних играх сразу триста пар бойцов, а победу в тех играх одержали гладиаторы-блеммии (Scriptores Historie Augustae, Probus 19, 8).

На долю многих эфиопов выпала честь быть увековеченными в бронзе и мраморе<sup>239</sup>. Интересно отметить, что среди множества подобного рода изображений выделяется особая группа, которую отличает то, что запечатлённые в них персонажи так или иначе связаны с лошадьми, что свидетельствует об одном из характерных для них занятий (конюхи, колесничие, верховые наездники, возничие). Эфиопы — представители этой профессии — изображены, например, на стеле второй половины III в. до н.э.<sup>240</sup>. Назовём также возницу на мраморном портрете из Геркуланума<sup>241</sup> и негра-группа на египетской погребальной стеле II в. до н.э.<sup>242</sup>. Непобеждённого эфиопу-колесничему поэт из Латинской антологии посвящает хвалебный пассаж, полный мифологических экскурсов и намёков, основанных на длительной античной «эфиопской» традиции: он сравнивает своего героя с ми-

фическим эфиопским царём Мемноном, который, хотя и был сыном богини Утренней Зори Эос, всё же пал от руки Пелеева сына; восславляемый же был сыном Матери-Ночи, но его лёгкость и стремительность заставляют поэта утверждать, что родиться он мог только в пещере Зефира; однако хотя герой и погиб, поэт восклицает: «Никогда не родится Ахилл, который мог бы победить тебя, Мемнон», присваивая непобеждённому победителю имя мифического Эфиопа, и завершает в духе эпитафической поэзии — «Прекрасен ты был наружностью, но не судьбой»<sup>243</sup>.

Представляется, что всё сказанное выше о ходе развития этнокультурного взаимодействия греков и римлян с эфиопами, вкупе с приведёнными примерами, содержащимися в вербальных и невербальных источниках, позволяет перейти к проблеме восприятия эфиопов античностью сквозь призму межрасового взаимодействия. При этом важно определить, каким образом эта проблема осознавалась античной наукой и философией и каково было действительное положение дел; отличалось ли оно от теоретических постулатов, или противоречия в этом сложном вопросе античный мир не знал.

В самой общей форме (иногда, правда, без достаточно глубокого вхождения в разбор этиологии проблемы) мировое антиковедение констатировало отсутствие в античности расовых предрассудков, проявляющихся в формировании неприязни в межэтническом взаимодействии на основании неприятия иного расового типа и цвета кожи. Вывод о толерантности отношения античного мира — греков и римлян — к иномасовым соседям, кардинально отличающегося от антагонистического восприятия представителей других рас на Востоке в более поздние времена, не оспаривается большинством исследователей<sup>244</sup>. Все упомянутые авторы (при необходимости число имён можно было бы легко увеличить) сходятся во мнении, что ни у греков, ни у римлян не существовало расовых предрассудков, основанных на различии в цвете кожи, и что этот фактор никогда не служил препятствием для успешной социализации негроидных африканцев в античном обществе (множество примеров свидетельствуют о лёгкой адаптации эфиопов, многие из которых становились вольноотпущенниками, а их потомки — полноправными членами общества; случаи межрасовых браков были явлением заурядным; множество чернокожих эфиопов занимали престижное положение в разных областях деятельности — в высоко специализированных ремёслах, искусстве, торговле, дипломатии, медицине и т.д.). В восприятии и отношении людей античности к негроидным автохтонам Африки актуальным было противопоставление не по биологическому критерию «чёрный» — «белый» (эта оппозиция имела преимущественно эстетическое содержание), а по линии различия свободного и раба. При этом достаточно известный факт, отмечаемый многими учёными, наличия в определённые периоды истории ярко выраженных этноцентризма, ксенофобии и культурного превосходства не меняет существа обсуждаемого вопроса, поскольку

они не были направлены исключительно на негроидных чужестранцев, а целиком на всех негреков (о причинах и сущности этого явления ещё будет сказано особо).

Исследование расовой проблемы в античном мире органично связано с вопросом об отношении к негрекам и неримлянам в целом. Изучение материала с целью установить ведущие тенденции в развитии античных концепций межэтнических контактов показывает, что выявляемые сведения часто чрезвычайно противоречивы, причём не только в разные исторические периоды. Бывают случаи, когда даже автор в одном сочинении высказывает противоположные взгляды. Однако общее в русле развития представлений античности относительно чужих народов выявляется абсолютно отчётливо: все различия, оппозиции и сопоставления выявляются в рамках генеральной концепции сосуществования двух миров — эллинского и варварского. Именно в контексте идеи двух миров, выработанной античной теоретической мыслью достаточно поздно, возникают иногда концепции этноцентризма и культурного превосходства (которые некоторые авторы склонны в некоторых случаях генерализировать, как упомянутый У.Г. Самнер — см. прим.244), хотя одновременно продолжающая пользоваться абсолютным авторитетом мифологическая традиция вносит в мир античных идей и образов идеализирующую струю и восхваляет некоторых негреков (особенно обитающих на краях ойкумены), приписывая им роль дарителей главных культурных ценностей — установлений, обычаев и изобретений — и представляя их как предков-праотцов — героев общеэллинского генеалогического предания, о чём уже приходилось упомянуть ранее<sup>245</sup>. Таким образом, совершенно ясно, что все пути обсуждения рассматриваемой проблемы приводят к корневому вопросу, сводящемуся к выяснению содержания понятия «варвар» в античном сознании и науке<sup>246</sup>.

Действительно, внимательный анализ античных текстов с целью выяснить конкретное содержание показывает тенденциозность, узость и неудовлетворительность апелляции к так называемому «греческому снобизму» и якобы неприятию греками негреческих народов, что выводилось из ошибочной интерпретации термина ΒΑΡΒΑΡ как имеющего резко негативную, непримиримо враждебную его окраску. Эта не выдерживающая проверки при контекстуальном анализе реалий античной жизни традиция, восходящая ещё к античности, была в новое время генерализирована для всей античности, что можно оценивать только как непозволительную модернизацию исторической реальности.

Определение истинного содержания термина ΒΑΡΒΑΡ принципиально важно не только для верной интерпретации многочисленных источников о варварских этносах и, в частности, для ответа на вопрос о расовых воззрениях древних, но и для понимания закономерностей античной этнографической литературы в целом<sup>247</sup>. В результате изучения этого клю-

чевого термина становится понятным чередование периодов обострённого интереса (особенно на начальном этапе существования греческой научной литературной традиции, включая Геродота) к этнографическим сюжетам (описанию быта и нравов, одежды, жилья, пищи, чужих верований и общественных устройств и т.п.) и почти полного игнорирования этнографической тематики, когда в последующее за Геродотом столетие в отношении негреческих народов наблюдается или почти полное молчание, или редкие и абсолютно негативные замечания.

В контексте античной истории, на фоне развития политической, социальной и философской мысли, термин ВАРВАР, в котором конденсировалось отношение к негрекам, симпатии и антипатии, объективно существовавшие взаимоотношения с чужими этносами, приобретал в различные эпохи разную оценочную силу, полюсно контрастную — от позитивной до резко негативной по отношению к своему означаемому. Лексикологические и этимологические разыскания показывают, что в значении слова ВАРВАР наличествуют две основные линии, определившие и возможности развития его как термина в двух направлениях. Первое, исконное значение относится к понятиям «чужой, негреческий, непонятный», второе входит в круг представлений о «грубости, дикости, необразованности». В латинском языке, куда это слово пришло из греческого, сохранились те же две линии в его значении. Этимология термина позволяет первичным значением считать то, которое, не содержа в себе негативного смысла, относилось исключительно к сфере оценки искажённого или незнакомого языка (что видно из возведения греческого βαρβαρος к гипотетическому санскритскому \*barbara-s или varvara-s, а затем к производному — varvara-la, означающему «грубый, неправильный выговор звука R»), что даёт возможность понять объяснения ставшего к XVI в. собственным именем населения Северной Африки названия «варвар» («берберы»), которые приводит Лев Африканский<sup>248</sup>.

Эта первичная линия в развитии значения термина ВАРВАР, отражающая определённый архаический этап развития этнологических представлений у разных народов, сводящийся к принципу выделения всех чужих этносов по языку, имеющему объективистский, нейтральный характер, была продуктивной в течение всей античности, а впервые обнаруживается уже в первом памятнике греческой письменности — в «Илиаде» Гомера (Iliad. II, 867), означая «говорящие на чужом языке». Этим словом определены карийцы, а в схолиях к гомеровским поэмам Ликофрон приводит к нему синоним — βαρβαρόγλωσσοι (Shol. Lyc. 277), подтверждая, что оно не несёт иного содержания, кроме указания на чужой непонятный язык. Это точно заметил Фукидид, подтверждая, что противопоставления эллинов варварам у Гомера ещё не существовало и «ничего дурного в названии "варвар" он не видел» (Thuc. I, 3, 4). То, что выделение чужих этносов по языковому принципу было присуще разным народам на определённом этапе развития,

подтверждает Геродот в Египетском логосе, говоря, что египтяне «называют варварами всех говорящих не на одном языке с ними» (Herod. II, 158); не знавший египетского языка Геродот пользуется греческим эквивалентом египетского термина, который подтверждает в другом месте другим греческим синонимом — ἀλλόγλωσσοι — «инакоговорящие, иноязычные» (II, 154). В первоначальном, т.е. противопоставляющем народы только по языку, значении термин ΒΑΡΒΑΡ продолжают использовать ещё в конце VI–V вв. до н.э. Гераклит Эфесский (Heracl. 107), Эсхил (Persae 187, 255; Agamemn. 1051), Софокл (Ajax. 1263), Аристофан (Aves. 199).

Одновременно в самом значении «иноязычный, непонятный, чужой» (а от значения «чужой» смысловой ряд легко продолжается по логике «следовательно, плохой, дефектный, неполноценный, вызывающий неприязнь, переходящую во враждебность и презрение») уже были заложены возможности для развития (при соответствующих потребностях общества) негативного значения термина. Помимо внутренней «подготовленности» слова для выполнения функции термина, обозначающего вообще всех негреков (заложенный в нём смысл разделительности, разграничения и противопоставления), имелись также и психологические предпосылки, начинавшие действовать в процессе формирования этнического самосознания и обособления своего этноса как монолитной этнической, культурной и языковой общности, выделенной из всех прочих общностей и противопоставленной им. Эти процессы для греков совпадали с эпохой ранней колонизации Средиземноморья в IX–VII вв. до н.э., когда стремительно формировалось самосознание всех эллинов, противопоставивших себя неэллинскому миру. Именно в этот период народы, жившие на ближней и дальней перифериях эллинского мира, стали называться варварами, а все греки были объединены названием «панэллины» (Hom. Iliad. II, 530; Hesiod. Opera et dies 653; Archil. Frg. 52). Именно эпоха архаической колонизации вплотную свела греков с различными обществами варварского мира, а ситуация интенсивных контактов и освоения негреческого мира актуализировала широкое использование термина ΒΑΡΒΑΡ.

Внешнеполитическая ситуация (в VII–VI вв. до н.э. — резко враждебное отношение к греческому миру держав Востока — Лидии и Персии — и Финикийско-карфагенской державы на Западе, а с началом V в. до н.э. — период греко-персидских войн) открыла эпоху панэллинской борьбы с варварским миром. Это неизбежно повлекло за собой и изменение отношения к варварам и чужеземцам, что было необходимым элементом консолидации эллинов. Но одновременно гостеприимство в форме проксении приобрело общегосударственное значение и развилось в специальный институт античной культуры, действие которого распространялось на всех негреков — варваров, с которыми имелись контакты. Закон ксении (гостеприимства), установившийся в Греции уже с древнейших времён, соответствующим

образом подготовил психологию греков к «открытости» для общения с чужеземцами, что отчётливо демонстрируют те многочисленные письменные свидетельства античных авторов, в которых описания варварских народов показывают интерес, гуманность в отношении и умение увидеть в варварском мире всё заслуживающее внимания, подражания и заимствования, без какого бы то ни было оттенка национальной исключительности или презрения к варварам.

Самым убедительным и полным образцом, сконцентрировавшим в себе в наиболее законченном виде все особенности греческой толерантности по отношению к варварам, является «История» Геродота, идеологическая тенденция которой не только отражает воззрения самого Геродота и его времени, но и характеризует основное направление античного отношения к варварскому миру, присущее ему на всём протяжении существования античной цивилизации. Геродотовскому отношению к варварам, несмотря на его патриотизм, абсолютно чужды национальная исключительность и презрение к варварам, противопоставление греков варварам не носит у него антагонистического характера, оно актуально только в культурном аспекте. Обращая внимание в первую очередь на различие в культурах, Геродот нигде не подчёркивает превосходства эллинской культуры над варварской, а там, где последняя в чём-нибудь превосходит собственную, всегда говорит об этом (Herod. I, 136–137, 196, 197 и др.). Важна мысль Геродота, характерная для античных теории и практики взаимоотношения с миром варваров, относительно того, что стать эллином легко может любой варвар, стоит ему только выучить греческий язык и воспринять греческие обычаи и образ жизни (I, 57, 58).

Правда, в некоторые периоды греческой истории Геродота упрекали за его «филобарбарию» (особенно непримиримо обличал Геродота в любви к варварам Плутарх в своём сочинении «О злокозненности Геродота» — гл. XII), но культурно-социологическая позиция Геродота разделялась подавляющим большинством греческого общества. Его традицию в использовании понятия ВАРВАР продолжил, например, Фукидид, величайший представитель рационалистического направления в греческой историографии, а вместе с появлением такого влиятельнейшего философского и идеологического движения, как софистика, и возникновением космополитизма как одной из форм мировоззрения, варвары осознаются как собратья во Вселенной. Софисты, а затем киники и стоики высказали мысль о братстве всех людей. Само понятие «эллин» обозначало в это время не столько происхождение, сколько образ мыслей и культуру, по Исократу — причастность к греческой образованности (Isocr. Paneg. 50) (так же у Платона — Protagor. 337; хотя Платон, развивая идею двухчастности и противопоставленности мира на мир эллинов и мир варваров, высказывается и против варваров — Res publica 5, 470 C–D). Идеи космополитического характера оказались весьма со-

звучными самому характеру античного мира и существовали до самой его гибели, смыкаясь в дальнейшем с мировоззрением раннего христианства. Для конца V — середины IV вв. до н.э. приходится констатировать возникновение противоположной тенденции: презрительное отношение к варварам, резко негативное противопоставление их эллинам, что было обусловлено и внешнеполитической, и внутренней ситуацией в Греции (войны в Малой Азии и стремительное развитие рабовладения на основе появления массы рабов из числа военнопленных варваров разного происхождения).

Это изменение общественного настроения ярко отразилось в творчестве Эврипида, Исократы, Демосфена и, конечно, главного идеолога и теоретика эпохи — Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), окончательно сформулировавшего тезис о превосходстве эллинов над варварами<sup>249</sup>. Именно у Аристотеля термин «варвар» наполняется презрительным и уничижительным содержанием, превратившись в синоним слова «раб», что в «Политике» (I, 1, 5 – 1252b, 7 sq.) отливается в формулу: «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (ср. другие места с доказательством теории рабства в связи с проблемой варваров — Aristot. Politica 1, 2, 3–6; 1, 2, 11–19). Под влиянием Аристотеля в последующий период эта уничижающая и презрительная в восприятии варваров концепция получает достаточно широкое распространение, однако более свойственный греческой национальной психологии дух этнической терпимости обусловил продолжение (и в теории, и в практике межэтнических контактов) старой традиции, отражённой ещё у Гомера. После завоеваний Александра на Востоке и наступления эпохи эллинизма в области идеологии произошли кардинальные перемены, в результате которых узкий этноцентризм и агрессивность греков по отношению к варварам сменились отношением, обусловленным философией космополитизма и всё более развивающимися индивидуалистическими тенденциями. Это составило основу для плодотворного взаимодействия с бывшими варварами, уже вошедшими в орбиту панэллинского мира, а применительно к понятию ВАРВАР выразилось в том, что отрицательный и уничижительный смысл в него вкладывался только в аспекте культурном. Варваром называли лишь человека, не приобщённого к эллинистической культуре и образованности, аристотелевская же непримиримость к варварам уходит в прошлое. Более того, под воздействием широко распространившихся идей кинической и стоической философских школ возникает популярная тенденция идеализировать варваров, особенно варваров на окраинах ойкумены, мудрых и простых, живущих по природе и мало зависящих от внешних условий и общественных обязанностей, что соответствовало проповеди философов. Заметным и ярким выразителем этой концепции стал Эфор (конец IV–III вв. до н.э.), оказавший сильнейшее влияние на ряд последующих авторов, в частности на Страбона. Римская традиция развивалась преимущественно в русле эллинистических идей, хотя и имела некоторые особенности и откло-

нения в сторону увеличения негативизма и презрительности к варварам в определённые периоды римской истории (например, известны своим резко негативным отношением к варварам Плутарх и Павсаний). В целом же, как видно из беглого рассмотрения вопроса о понятии «варвар», отношение к неэллинам, отражающееся в истории употребления термина, менялось в зависимости от исторической ситуации и основополагающих идей, порождаемых этими ситуациями, становясь то благожелательно-нейтральным, то резко-пейоративным. Эту исторически обусловленную реальность и необходимо постоянно учитывать, используя античные источники при изучении отношения античного мира к варварам-эфиопам.

По мере развития контактов с негреческими народами у греков развивалось сознание собственной схожести, иногда даже чуть ли не однородности со многими чертами некоторых из варваров, при том что осознавались имевшиеся культурные и физические отличия. Теоретическая мысль греков достаточно рано пришла к выводу о том, что закономерно оппозиционное сравнение народов крайних областей ойкумены — скифов и эфиопов, поскольку они представляют собой только два варианта по одной шкале отсчёта, устанавливаемой условиями и эффектами среды обитания: внешний вид человека и многие особенности его культуры находятся в прямой зависимости от характера климата и окружающей среды в целом (Hippocrat. Aër XII, XVII, XXIII, XXIV; *περὶ διαίτης* 2, 37). Несмотря на отмеченное развитие самосознания греков в эпоху после греко-персидских войн, когда они получили возможность с позиций победителей смотреть на варваров с подозрением и недоверием и с ощущением превосходства собственной культуры, популярностью пользовались и научные концепции, идеализировавшие негреческие народы и некоторые аспекты их культуры и восхищавшиеся ими. В этом контексте понятны усилия софистов в оспаривании правомерности деления людей на греков и негреков и доказывавших общность всех людей независимо от их расовых и культурных различий (Erphor. in Strabo VII, 3, 9)<sup>250</sup>. Для космополитов было естественным отмечать культурные, а не расовые и другие этнические различия людей. Эратосфен, приняв концепцию деления мира на греков и варваров, уточняет, что лучше проводить такое деление по принципу грехов и добродетелей, поскольку «многие греки достойны порицания, а варвары, напротив, — похвалы» (Eratosthen. in Strabo I, 4, 9; cf. Plut., *De Alexandri magni fortuna aut virtute* 1, 6).

Римляне, как отмечалось, не предложили оригинальной собственной концепции относительно варваров, а восприняли обе версии греческих теоретиков, политиков и философов: одни следовали аристотелевской доктрине о первоначальной предназначенности части людей быть рабами, другие разделяли концепцию деления мира по культурному признаку, называя варварами неримлян, не принадлежащих к кругу греко-римской культу-

ры<sup>251</sup>. В эпоху Империи греческая теория общности всех людей приобретает вид доктрины о духовном равенстве, ярче всего излагаемой Сенекой при доказательстве духовного равенства римлянина и раба (Seneca, Epistulae 47, 10). Развивая это положение, Эпиктет заявлял, что все люди происходят от одного Бога (Epictet. Dissertationes 1, 3, 1). Ранние же христиане термином «варвар» обозначали всех нехристиан, используя также модель дуалистического членения мира по критерию «культурной» принадлежности.

Космополитические и индивидуалистические концепции общественной мысли породили и такое объяснение рабства, в котором не фигурировали ни понятие рабства по природе (т.е. отсутствовала проблема иноэтничности и инорасовости), ни культурная классификация, а во главу угла ставились характер и способности конкретного отдельного человека (Dio Chrysostom. Orationes 15, 29, 32).

Доктрина о духовном равенстве всех людей, невзирая на то, свободные они или рабы, выражена и Апостолом Павлом в известном высказывании о том, что раб и свободный, эллин и еврей, варвар и скиф, если они крещены, то равны (Paul. Rom. 1, 14; Col. 3, 11).

Наблюдения греков над народами с другими расовыми или антропологическими признаками и иными культурами часто принимали форму антитезы, подчёркивающей расовые различия и усиливающей противопоставительный контраст с греками. Тот же приём лежит в основе янусовидного типа пластики, где основной темой и объектом изображения становятся белый и негроидный типы людей: на одной из самых ранних ваз такого рода из Навкратиса, датируемой VII в. до н.э., помещены бородатый белокожий варвар и чернокожий эфиоп<sup>252</sup>. Помимо всего прочего, янусовидные изображения являются выразительной иллюстрацией к теории окружающей среды, определяющей физический тип людей.

Среди детализированных антропологических антитез типа упомянутого янусовидного сосуда одним из ранних словесных примеров является пассаж Ксенофана, сравнивавшего представления о красоте эфиопов и фракийцев: «Эфиопы представляют своих богов чёрными с широкими расплюснутыми носами, тогда как фракийцы — голубоглазыми и рыжеволосыми» (Xenophan. Frg. 16 — Diels, FdV).

Именно фракийский и скифский образ богов противопоставлялись эфиопскому типу. Скифов вместе с эфиопами греки чаще всего использовали для противопоставления собственному антропологическому типу как наиболее «негреческий» образ. А анализ скифо-эфиопского контраста давал возможность для установления интересных точек отсчёта при определении и описании облика иных народов.

Впервые эфиопы группируются со скифами у Гесиода, правда, ещё без антропологической характеристики: «эфиопы, лигуры и скифы-гиппомолги» (Hesiod. Frg. 55 = Strabo VII, 3, 7).

Эфиопско-скифские топы (τόποι) со временем становятся всё более многочисленными, а антитезы всё больше детализировались. Их использовали, как правило, при объяснениях широты варьирования расовых типов и при доказательстве тезиса о том, что раса не важна при оценке людей и что бог создал всех одинаковыми. Первая антропологическая антитеза Ксенофана относится ещё к VI в. до н.э., а в V в. уже появляются пространственные описания Скифии и Эфиопии у Геродота, дающие детальнейшие сведения о странах и народах, которые впоследствии сыграли значительную роль в формировании более поздней теории климатов, по которой физический облик и характер культуры народов определяются типом климата и ландшафтом. В рассуждении о причине разливов Нила Геродот указывает на принципиальные различия в географии Скифии и Эфиопии, цвет кожи эфиопов и скифов (контрастно противоположный — чёрный и белый) он связывает с особенностями климата — холодом и жарой, т.е. приводит те аргументы, которыми впоследствии чаще всего будут пользоваться в контексте обсуждений теории антропологических различий (Herod. II, 22).

Скифско-эфиопский топос использован и Эсхилом (Aeschyl. Prometheus Vinctus 709, 807–809): в пророчестве Прометея, обращённом к Ио, говорится, что она посетит скифских номадов и отдалённую страну чёрных людей, селящихся у солнечных струй, где течёт Река эфиопов.

В Гиппократовом корпусе излагается теория, по которой флора, фауна и люди удалённых областей мира, а также способ их жизни в решающей мере зависят от различий климата, топографических и географических условий, для тех мест характерных. Автор входящего в Корпус трактата «О воздухе, воде и земле» заключает, что физические особенности и характеры людей следуют природе страны — почве, воде и климату её, и иллюстрирует это положение, описывая влияние данных факторов на физические свойства, характеры и общественные институты скифов и египтян (Hippocrat. Aër XII, XVII–XXIII, XXIV). В другом месте Гиппократова сборника (Hippocrat. περὶ διαίτης 2, 37) даётся рассуждение о том, что южные страны, расположенные ближе к солнцу, более сухи и горячи, чем северные; расы людей и растений в таких странах более сухие и горячие, чем в северных, что показывает сравнение ливийцев и обитателей Понта и подобных близких им рас.

Теория окружающей среды разрабатывалась в античной научной литературе на протяжении длительного времени и на различном конкретном материале. Так, Полибий использует её не для исследования какого-нибудь варварского этноса, а в рассказе об одном из греческих народов — кинетах (Polyb. IV, 20–21). По происхождению кинеты были аркадцами, которые «имели у греков добрую славу за свои гостеприимство и радушие, проявлявшиеся в их нравах и образе жизни, <...> и за своё благочестие». Кинеты же отличались от всех аркадцев своей жестокостью и преступностью.

Объясняя причину такого отличия, Полибий говорит, что произошло это потому, что они первые и единственные из всех аркадян пренебрегли «установлениями предков, прекрасно задуманными и верно рассчитанными на природные свойства аркадян», а именно — занятиями музыкой, необходимыми аркадянам и установленными их предками по той причине, что они полагали это лучшим способом сделать жизнь жителей своей страны более лёгкой, ибо вся она была «исполнена трудов и лишений, что нравы их суровы вследствие холодного и туманного климата, господствующего в большей части их земель, ибо природные свойства всех народов неизбежно складываются в зависимости от климата. По этой, а не по какой-либо иной причине народы представляют столь резкие различия в характере, строении тела и в цвете кожи, а также в большинстве занятий». Свои установления — занятия музыкой, общие собрания и частые жертвоприношения — древние предки аркадцев и ввели с целью «смягчить и умерить необузданную суровую природу». «Кинеты же совершенно пренебрегли этими учреждениями, хотя в такого рода воспитании они нуждаются более всех, потому что занимают страну, самую суровую во всей Аркадии по климату и почве», и одичали настолько, что погрязли совершенно в тягчайших преступлениях. В этом пассаже Полибия отчётливо видно, насколько глубоко и органично теория климатов вошла в сознание историка, понимавшего, что не только различия в характерах, физическом облике и цвете кожи обуславливаются природой и климатом их стран, но ими же определяются нравы и образ жизни.

Греки так же, как скифы на севере и эфиопы на юге, подчиняются законам природы. Этот существенный вывод климатической теории, дающий научное объяснение тезису об общности всех людей вне зависимости от их антропологического типа или формы культуры, как правило, делали со ссылкой именно на названную пару полярно живущих народов. Сравнение и противопоставление греков скифам и эфиопам было абсолютным топом в античной научной традиции в силу того, что эти контрастно различные по антропологическому типу и образу жизни народы были привлекательным примером парадоксального сходства — в своих крайних несходствах — с самими греками.

Правда, в паре контрастирующих народов юга и севера могли использоваться и иные примеры, как, скажем, египтяне и понтийцы (основываясь на этом, А. Тойнби утверждал<sup>253</sup>, что в эпоху эллинизма теория окружающей среды иллюстрировалась сопоставлением пары «скифы — египтяне»). Однако это не столь принципиально, поскольку не менялось представление о наличии двух контрастирующих по антропологической специфике классификационных групп народов Земли: северян, куда включали скифов, фракийцев и других их соседей, и южан, где объединялись египтяне, эфиопы и ливийцы — все обитатели Африки. Использовалась иногда и другая

географическая ось противопоставления: восток — запад, когда ссылались на пару «Индия — Иберия» (Strabo I, 1, 13; Seneca, *Questiones naturales* 1, Praefac. 13). Однако удельный вес использования пары скифы — эфиопы как наиболее типичных представителей крайних севера и юга несравнимо более высок<sup>254</sup>. Эфиопско-скифская антитеза привлекает особое внимание античных историков, географов и натуралистов. Эфор, разделяя мир на четыре региона, населённых индийцами, эфиопами, кельтами и скифами, говорит, что Эфиопия на юге и Скифия на севере — самые большие (по: Strabo I, 2, 28).

Луcretий размышляет о различиях в климате Британии и Египта, Понта и Гадеса, соотнося четыре климата с четырьмя ветрами, символизирующими четыре стороны света; в каждом регионе — свой климат, и соответственно обитатели каждой зоны разнятся цветом кожи, волосами и другими частными признаками (Lucret. VI, 1106–1113).

Посидоний объясняет разницу между эфиопами Ливии и индийцами тем, что индийцы менее подвержены воздействию сухой атмосферы (Posidon.: Strabo II, 3, 7). Аристотель считал, что прямые волосы скифов и фракийцев — следствие мягкого и влажного климата, а курчавые (скрученные) волосы эфиопов — результат воздействия сухого и жаркого климата окружающей среды (De generatione animalium (Ephorus) 5, 3. 782b).

Страбон отмечал, что разница между отдельными районами Скифии и землями кельтов на севере и отдельными районами Эфиопии очень велика (Strabo I, 1, 13). По мысли древних греков, обитатели известных стран севера входили в группу под единым обозначением скифов или номадов, а жители всех стран на юге, лежащих на берегу Океана, обозначались как эфиопы (Strabo I, 2, 27).

Диодор в споре о расстоянии между озером Меотида, на берегах которого жила на морозе и холоде часть скифов, и Эфиопией говорит, что расстояние по морю от холодных до тёплых частей ойкумены не превышает двадцати четырёх дней. А в свете огромной разницы в климате на таком небольшом расстоянии, по заключению автора, и следует ожидать, что должна быть существенная разница в сравнении с греками не только в правлении и способе жизни, но и в строении тел и облике обитателей (Strabo III, 34, 7–8).

На взгляд Плиния, эфиопы, обитая в жарком поясе, обожжены солнцем и рождаются с тёмным цветом кожи и вьющимися волосами, тогда как северные расы имеют прямые жёлтые волосы и белую помороженную кожу (Plin. N.H. II, 80, 189). Плиний, как и Посидоний и Манилий (Manilius, *Astronomica* IV, 723–725 — ed. Housman A.E., IV (Cambridge, 1937) 94–95), привлекает внимание к различиям между эфиопами и индусами. Он замечает, что к югу от Ганга народ окрашен солнцем в коричневый цвет, поэтому индийцы смуглые, но не обожжены, как эфиопы, до чёрного цвета; цвет их становится темнее по мере приближения к Инду (Plin. N.H. VI, 22, 70).

Витрувий относит изящное телосложение, тёмный цвет кожи, вьющиеся волосы, сильные ноги и разжиженность крови у южных народов на счёт солнца и отсутствия влаги, а высокий рост, белокожесть, рыжие прямые волосы, голубые глаза и полнокровие северян — на счёт холодного климата и избытка влаги (Vitruv. De architectura VI, 1, 3–4). Мнение о том, что солнце — главная причина чёрной кожи и особого качества волос эфиопов, было фактически общепризнанным (Strabo XV, 1, 24). Хотя в приведённых текстах не всякий раз называются имена скифов и эфиопов, можно с уверенностью говорить, что и Плиний, и Витрувий имеют в виду именно скифско-эфиопскую антитезу.

Птолемей антитезу «скифы-эфиопы» толкует языком, весьма близким к описанию Витрувия. По Птолемию (Tetrabiblos II, 2, 56), обитатели региона от экватора до летнего Тропика, известные под общим именем эфиопов, имеют чёрную кожу и густые вьющиеся волосы, по комплекции — худощавые, сангвиники по натуре, так как обожжены солнцем; те же, что живут на севере, с другой стороны, называемые скифами, — белокожие, с прямыми волосами, высокие, имеют много влаги и холодны по натуре, так как удалены от зодиака и солнца. Климат же объясняет привычки эфиопов и скифов: эфиопы по большей части дикие, так как их жилища испытывают воздействие жары, а скифы дикие, поскольку живут в зоне длительного холода.

У Секста Эмпирика привычная формула варьируется: он противопоставляет эфиопов и персов, а также эфиопов и бритов, когда говорит, что первые живут дольше всех, до ста двадцати лет, а вторые гораздо меньше (Sext. Empiric. Adversus mathematicos XI, 43).

Сенека рассуждает о том, что цвет эфиопа не кажется необычным и совершенно не замечается среди его собственного народа, подобно тому как среди германцев рыжие волосы, собранные в пучок — обычное явление (Ps.-Galen. φιλόσοφος ἱστορία 133 — Diels H. Doxographi Graeci (Berlin, 1879), 648); к этому Сенека добавляет: нельзя считать в человеке что-либо странным, если это характерно для его народа (Seneca, De ira III, 26, 3).

Другие вариации антитезы «скифы-эфиопы» включают германцев (candidi), фракийцев (rufi), эфиопов (nigri) — (Iulius Firmicus Maternus. Mathsis 1, 2, 1; 1, 5, 1–2); галлов (candidi) и «очень чёрных» эфиопов (nigerrissimi) — (Boethius. In librum Aristotelis περὶ ἐρμηνείας commentarii 2, 7. — ed. Meiser K. (Leipzig, 1880) 169). Традиционную формулу знали и использовали такие поздние авторы, как Павел Орозий (Orosius. Adversum paganos 1, 10, 19) и император Юлиан, который, констатируя различия между германцами и скифами и ливийцами (эфиопами), иронически вопрошает: зависят ли их абсолютные различия от особенностей их вероисповедания или всё же цвет кожи обусловлен климатом страны? (Iulian Imper. Contra Galilaeos 143 D-E).

Можно заключить, что практически во всей классической античности скифы (в меньшей степени фракийцы) и эфиопы фигурировали в качестве очень легко идентифицируемых примеров расовых типов, резко отличных друг от друга и от греков и римлян. На место скифов, особенно в поздние периоды, попадали галлы и германцы (а иногда просто добавлялись к ним). Греки и римляне, обнаруживая физические различия, выявлявшиеся при сравнении себя с другими расами, трактовали, как показывает материал, особенности эфиопов в свете теории климатов (или окружающей среды). Та же теория использовалась и по отношению к другим народам, не похожим на них. Среди негреков особым вниманием пользовались скифы и эфиопы; римляне также были верны этому подходу к представителям варварского мира. Но и те, и другие не придавали особого значения цвету кожи и другим расовым различиям, рассматривая светлые или чёрные волосы и цвет кожи как явление скорее географического — природного — порядка. Во всей истории античности не было факта появления особой теории о связи цвета кожи с уровнем развития общества. Современные исследователи сходятся во мнении о том, что тип мышления, представленный в некоторых агрессивных расовых теориях нового времени, был абсолютно чужд для людей ранних исторических периодов, в том числе для античности<sup>255</sup>. Античный мир был способен увидеть очевидные физические различия между типами людей, но не делал выводов о зависимости человеческих отношений от этих признаков. Напротив, широту расовых различий античность научилась объяснять при помощи универсальной теории, приложимой к любым народам и учитывающей объективные законы природы.

Нельзя не принять точку зрения А. Тойнби, который рассматривая теорию окружающей среды и расовую теорию как возникающие в недрах цивилизации и являющиеся плодом развития интеллектуализма, оценивает теорию окружающей среды как весьма богатую поэтическими образами, частично рационалистическую, частично гуманистическую и выгодно контрастирующую с отталкивающей расовой теорией; греки, подчёркивает автор, известные им физические различия людей склонны были понимать как обусловленные эффектом различного формирующего воздействия среды на человеческую природу<sup>256</sup>.

Взгляды на негреческие народы, естественно, претерпевали модификации (как, например, противопоставление Европы и Азии, реализовавшееся в оппозиции «греки-персы»<sup>257</sup>), отношение к эфиопам тоже претерпевало изменения. Отношение к белым синеглазым северянам менялось так же, как и к чёрным широконосым эфиопам. Эфиопы включались в различные теории о человеческих обществах. Из источников ясно, что использование образа эфиопов не было реакцией сопротивления на какую-либо специальную расовую теорию, просто речь шла об эфиопах как таковых и не выходила за рамки общеизвестного скифо-эфиопского топоса. Изложение

тезиса о равенстве людей вне зависимости от их происхождения даётся обычно в общих терминах, без специального указания на расовые группы. Редкую иллюстрацию использования скифско-эфиопской традиции даёт Менандр, развивающий мысль о том, что ничего не стоят попытки человека компенсировать своё ничтожество ссылкой на родословную, которая сама по себе не важна (Frg. 612)<sup>258</sup>, поэтому эфиоп, чьи природные склонности хороши, благороден, а злокозненный Анахарсис, по рождению скиф, подобен чуме. Другими словами, важно лишь, если кто-то отличается расовыми признаками от грека, как эфиоп или скиф, как о том гласят теории. Благородство человека отличают лишь добрые природные склонности и качества. Софист Антифон говорил, что греческая практика почитания людей благородного рождения и презрение к людям из семей низкого происхождения, была по сути варварской, поскольку по природе все люди — и варвары, и греки — рождаются одинаковыми (Antiphon Frg. 44 — Diels. Vorsokratiker II, 352–353).

Представляется, что эти взгляды Антифона развивает Менандр, включивший в число «всех людей» и эфиопов. Менандров Филимон говорит о природном, исходном равенстве раба и хозяина: даже если человек — раб, он сделан из той же плоти, что и ты сам. Никто не рождён рабом, только случай порабощает человеческое тело (Menander Frg. 95 — Kock (n.56) II, 508). У Менандра в скифско-эфиопских антитезах выражаются взгляды ранних софистов, и своего современника Филимона он наделяет языком, который должен был быть предельно понятен слушателям. А заинтересованность зрителей была безусловной: поскольку скифско-эфиопская формула появилась уже во времена Гесиода, она очень рано стала любимой в иллюстрировании эллинистического объяснения границ между севером и югом, так же как и теория окружающей среды, с помощью которой можно было показать влияние скифской и эфиопской природы на население и их институты.

Греки знают, говорит Агатархид, что цвет кожи не существен: эфиопы поселились в стране греков не из-за черноты и особенностей своей наружности, ведь в битве победа решается не спором внешности и цвета кожи, но мужеством и воинской наукой (Agatharchid., *De mari Erythraeo* 16 — GGM I, 118).

Цицерон (Cicero. *Pro Balbo* 22, 51) утверждал, что полководец не должен думать о цвете кожи своих воинов, поскольку для него важны лишь храбрость и личные качества воина, а вовсе не цвет его кожи. Для римлян реальные ситуации и обстоятельства дела, а вовсе не цвет кожи действующего персонажа были существенны и могли вызывать осуждение и отрицательные эмоции: достойны осуждения и презрения солдаты, чёрные они или белые, неважно, если их берут в плен и клеймят, — сказано у Фронтинана (Frontin. *Strategemata* 1, 11, 17–18). Для карфагенян всенародная популяр-

ность охотника Олимпа основывалась не на его эфиопской наружности, а на его охотничьем везении и славе (Anthologia Latina (ed. Riese) 277, n.353).

Некоторые поздние высказывания об эфиопах воспринимаются как реминисценции из более ранней греческой литературы, в частности из Менандра, и одновременно очень близки по настроению к раннехристианским рассуждениям об эфиопской черноте. Это в полной мере проявляется в псевдокаллисфеновом романе об Александре, в котором Кандака предостерегает покорителя мира от скоропалительных выводов, основанных на ассоциациях, связанных с цветом кожи эфиопов, поскольку «мы более белые и светлые в наших душах, чем самые светлые из вас» (Ps.-Callisthen. Historia Alexandri Magni 3, 18, 6)<sup>259</sup>. В подобном же духе стихотворная эпитафия III в. н.э. из Египта, написанная в Антиное в память раба-эфиопа: «Среди живущих я был очень чёрным, сделанным таким лучами солнца, но душа моя, расцветавшая белыми цветами, снискала благое расположение моего хозяина, так как красота идёт вслед благородству души, а оно было сокрыто моим чёрным телом»<sup>260</sup>. По поводу одного из многочисленных эпиграфических примеров, где воспеваются эфиопы за достоинства их души, отмечая отсутствие у древних статуса, основанного на различиях в цвете кожи, У.Л. Вестерман оценивает его как «замечательный пример отсутствия расового чувства, основанного на различении цвета кожи»<sup>261</sup>.

Место и оценки цвета кожи в греко-римской концепции красоты человека варьировались в зависимости от конкретных ситуаций в историческом пространстве. С позиций абсолютной терпимости и этнологической грамотности Секст Эмпирик утверждал, что взгляды на красоту у разных народов разные: для персов образцом красоты являются их белые с горбатыми носами женщины, эфиопы ценят чёрных с «расплюснутыми» носами, а другие народы предпочитают другие черты (Sext. Empiric. Adversus mathematicos XI, 43). Близкие взгляды высказывали также Филострат и Плиний (Philostr. Vita Apollonii II, 19; Plin. N.H. VI, 35, 190).

Геродот называл эфиопов самым красивым народом на земле (Herod. III, 20). Филострат говорит об очаровательных эфиопах с их странным цветом (Philostr. Imagines I, 29). У Псевдо-Каллисфена чёрная царица Мероэ, которую посещал Александр, названа потрясающе прекрасной (Ps.-Callisthen. 3, 18, 2).

Абсолютное уважение к людям могло быть выражено и с помощью прилагательных «чёрный, тёмный», и с помощью определений «белый, светлый»; одни предпочитали одно, другие — другое. Выбор же излюбленного типа зависит только от пристрастий человека и абсолютно индивидуален, как о том говорит герой поэмы из «Палатинской Антологии» (Philodem. Anthologia Palatina 5, 121 = Loeb I, 184).

Красоту чёрной Дидимы воспевают влюблённый Асклепиад: «Глядя на её красоту, я таю, как воск от огня; а если она и черна, то что мне за дело. Так и угли черны, но когда их разожгут, они сияют как розы» (Asclepiades: *Anthologia Palatina* 5, 210 = Loeb 1, 232). Интересно, что определения *candidus* — *niger* с равной частотой употреблялись в качестве различения светлого и чёрного как в значении эквивалента белого и эфиопа, так и в значении светло- и тёмноволосого типов. Поэтому, например, граффити из Большого Лупанария Помпеев, известные не в одном образце, могут быть интерпретированы различно: в одном случае можно понять, что речь идёт о чернокожести девушки, в другом может иметься в виду белокурость и чернота волос. Один из нескольких примеров с аналогичным содержанием выглядит следующим образом: «Белая прелестница научила меня отталкивать чёрных дев. Я буду так поступать, если смогу, но не буду любить без желания, вопреки собственной воле» (CIL IV n.1520, 1523, 1526, 1528).

В связи с обращением к надписям из помпейского лупанария, где, вне всякого сомнения, были чёрные гетеры, уместно сказать о большой популярности эфиопок и в Греции, и особенно в Риме, где любовь к ним была чрезвычайно распространена, о чём свидетельствуют литературные памятники, а также данные о том, что разговоры о чёрных девах в мужском обществе составляли одну из постоянных тем обсуждения<sup>262</sup>.

Овидий в ответ на раздражение Коринны, прослышавшей о его интрижке с чернокожей (*fusca Cypasis*), с недоумением вопрошает, что дурного в его любви к рабыне (Ovid. *Amores* II, 8). Марциал делает признание, что, хотя ему и понравилась девушка, чью белизну он сравнивает с белизной лебедя, серебра, снега и лилии, всё же он продолжает любить деву цвета «чернейшей черноты» (Martial. I, 115, 4–5). Автор стихотворения в «Латинской антологии» говорит о красоте «черноты», хотя и признаёт, что многие предпочитают «белизну» (*Anthologia Latina* — ed. A. Riese — 277–278, n.353). В целом же анализ источников позволяет сделать вывод о примерно равном количестве явно выраженных пристрастий к черноте и белизне кожи; достаточно сослаться лишь на некоторые примеры, где есть и явное пристрастие к чернокожести, как у Марциала, и к белокожести, как у Лукреция, или выражено пристрастие к чёрным и к белым одновременно, т.е. видно полное безразличие к этому признаку, как у Овидия (Lucretius IV, 1160; Ovid. *Ars amatoria* II, 657–658; *Remedia amoris* 327; *Fasti* III, 493; Martial. I, 72, 5–6; IV, 62; VII, 13; VII, 29, 7–8; *Scholia ad Persium* 5, 116; Theocrit. X, 26–29; Vergil. *Eclog.* II, 16–18; X, 38–39; CIL IV 6892; Petron. *Satyricon* 102 и др.). Все эти материалы показывают с достаточной убедительностью основное: в античном обществе, подобно тому как это происходит в современных расово неоднородных обществах, предпочтение к чёрному или иному антропологическому типу высказывалось совершенно свободно и зависело исключительно от индивидуальных пристрастий, и не считалось

постыдным проявлять любые свои предпочтения. Именно эта мысль и выражена в поэтическом кредо Проперция, который заявлял, что его привлекает одна только «нежная красота», будь она чёрная или белая, не имеет значения (Propert. II, 25, 41–42; cf. Ovid. Amores II, 4, 39–40).

О степени вхождения эфиопов в античную культуру, о глубине и масштабе внедрения эфиопской темы в жизнь античного мира (как на уровне повседневных взаимоотношений, их места в социальной структуре общества, вкладе в культурный фонд, так и на уровне общественного сознания — обыденного и теоретического — и психологического восприятия) весьма показательны свидетельства, касающиеся представлений символического характера и в частности предрассудков и поверий, связанных с эфиопами. Возникновение такого рода представлений вполне закономерно и естественно, и важно, что их наличие позволяет сделать вывод о прочной адаптированности эфиопов в разных сферах жизни античного мира: как социально-экономической, так и культурной, интеллектуальной, эмоционально-психологической.

В области обыденного сознания и профанического символизма с эфиопами в античном мире связывался целый ряд предрассудков. Так, тёмных эфиопов и египтян считали в соответствии с определёнными физиогномическими интерпретациями трусливыми, хотя одновременно и чрезмерная белизна могла рассматриваться как признак трусости (Aristot. Physiognomica 6, 812a). В некоторых слоях общества существовала вера в то, что чёрный цвет кожи эфиопов был существенным предзнаменованием (omen), предупреждающим об опасностях, обычно связанных с символическими значениями чёрного цвета, имеющего отношение к смерти, подземному миру, царству зла (а в поздние эпохи — к дьяволу). Существовала, например, вера в то, что увидеть во сне негра означает предзнаменование — OMEN — несчастья или болезни. Эфиоп, встреченный Кассием и Брутом, направлявшимися на битву, был воспринят как дурное предзнаменование (Appian. Bella civilia 4, 17, 134; Florus 2, 17; 7, 8–8; Plut., Brutus 48)<sup>263</sup>. Среди событий, предзнаменовавших смерть Септимию Северу, был упомянут и эфиоп. Однажды в Британии, возвращаясь из битвы с победой, Септимий спросил, что ему сулит судьба. И тут он увидел эфиопского солдата. Потрясённый и раздосадованный этим предзнаменованием — OMEN, усиленным к тому же тем, что в руках эфиопа была ветка «смертельного» кипариса, император приказал удалить из армии всех эфиопов (Scriptores Historiae Augustae. Septim. Severus 22, 4–5). Автор поэмы из «Латинской Антологии» относит падение Трои на счёт того, что Приаму было дурное предзнаменование в виде присутствия среди воинов Мемнона и его чёрного войска (Anthologia Latina (ed. A. Riese) 157–158, n.189).

Конечно, предрассудки, связанные с цветом кожи эфиопов, занимали умы некоторой части античной публики, и существовало представление о

том, что страх по отношению к чернокожим возникает уже в детстве: не стоит закрывать глаза и на то, что были случаи боязни негров в соответствии с имевшимися суевериями. Однако широко распространены были и иные взгляды, которые высказывали, например, Агатархид и Сенека, полагавшие, что все страхи по поводу эфиопов — глупое заблуждение, вера, что эфиопы предзнаменуют смерть и зло, не имеет под собой никакой почвы. Оба эти автора выказывают полное пренебрежение к цвету кожи, это просто не имеет для них никакого значения, что и проявлялось (как и у многих других представителей античного мира) в их оценке эфиопов с позиций эстетических, моральных и интеллектуальных достоинств конкретных людей (Agatharch., *De Mari Erythr.* 16; Seneca. *De ira* III, 26, 3). И эта точка зрения продолжает опираться на гомеровскую концепцию отношения к чёрным, оценивавшую их как прекраснейших и совершеннейших из всех смертных<sup>264</sup>. Кстати, нельзя не отметить, что возникновение указанных предрассудков естественным образом связано с законами обыденного сознания, вырастающего из всей совокупности представлений, норм, символических интерпретаций, порождаемых конкретной культурой. В данном случае чёрный цвет эфиопов ассоциировался с тем местом чёрного цвета на цветовой символической шкале, где он интерпретировался в рамках указанных значений хтонического и тёмного начал и смерти.

Наблюдения над эфиопами у себя дома греки и римляне продолжали в русле эфиопско-скифской антитезы и теории климатов, так что и Птолемей (Ptol. *Tetrabiblos* II, 2, 56) относил некоторые «дикие» обычаи эфиопов и скифов на счёт воздействия жары, в одном, и холода, в другом случае. Некоторые скифы относились к диким и имели репутацию антропофагов, но греки знали и о «благостных» скифах. В этом отношении показательны высказывания Эфора (Ephor.: Strabo VII, 3, 9), который отмечал, что некоторые пишут только о диких скифах, так как они знают, что изумляет и производит впечатление только ужасное и ужасающее, однако, по его убеждению, должны отмечаться и противоположные факты. Греки знали об эфиопах, живших выше Напаты и Мероэ и напоминавших диких животных по способу жизни, незнакомых с привычками жизни, принятыми другими людьми. Они представляли собой разительный контраст греческим обычаям (Diodor. III, 8, 2–4). Но эти знания не мешали грекам увидеть и более развитых эфиопов и не послужили основанием классифицировать всех эфиопов как примитивных. Диодор описывал эфиопов Мероэ и более южных районов и рассматривал их как первых людей, научившихся почитать богов, а египетскую цивилизацию считает восходящей к эфиопской (III, 2, 2–4). (Кстати, эта античная идеализирующая концепция приобрела последователей среди учёных Нового времени, пытающихся доказать генетическую связь древних египетской и известных африканских культур с африканским же архаическим культурным субстратом, используя все

имеющиеся у современной науки средства; эти исследования, начатые ещё в конце 1950-х гг.<sup>264</sup>, особенно развернулись в 1960–70-е гг. в трудах африканских историков, таких как С. Джонсон, Дж. Лукас, С. Биобаку и особенно Ш.А. Диопа; но это тема отдельного обсуждения.)

Лукиан в трактате об астрологии (*Lucian. De astrologia* 3) доказывает, что её изобрели эфиопы, что прибавило оснований для установления их репутации мудрых. Плиний разделяет этот взгляд, объясняя мудрость эфиопов влиянием климата, а драчливость северян — суровостью их родных краёв (*Plin. N.H. II, 80, 189*). Вообще гомеровская тема мудрых и благостных эфиопов не иссякала на всём продолжении жизни античного мира: их доблести отражены во всей классической литературе, а во времена Гелиодора образ эфиопов выкристаллизовывается в персонификацию мудрости, уважения к законам и великодушия (*Heliod. Aethiopica IX, 21 et passim*).

Особое отношение к эфиопам со стороны греков и римлян веско подтверждается, как было отмечено, археологическими свидетельствами, позволяющими реконструировать характер восприятия негров по памятникам искусства. Правда, специфичность этой группы источников и различия в подходах к их изучению создают известные трудности в получении достоверных выводов. Нередко в исследованиях возникают модернизирующие тенденции, навязывающие источнику не свойственные ему смыслы или тенденциозность идеологического характера. Одни исследователи, изучая один и тот же памятник, видели в нём отражение симпатии к негрскому типу, другие усматривали в выборе негрского персонажа и способе его изображения только желание достичь комического или гротескового эффекта или создать амулет для магической цели — отвода дурного глаза. Иногда интерпретаторы как бы навязывают современные представления древним художникам, пренебрегая сравнительно-историческим методом исследования в истолковании эфиопских мотивов в античном изобразительном искусстве. Иногда же недостаточно учитывают воздействие на характер изображения негров чисто эстетических критериев, преувеличивая диктат идеологических. Впрочем, вопросы эти достаточно тщательно изучены в научной литературе, что уже отмечалось<sup>266</sup>, поэтому имеется возможность в полном объёме использовать этот источник информации о реальном отношении древних к эфиопам и роли последних в жизни античного общества, а также сделать общий вывод о безусловно весьма значительной роли чёрных эфиопов в различных сферах жизни античного мира и отсутствии в отношении человека античности к неграм антагонистического чувства.

Из всех варварских народов эфиопы в древнем мире привлекали наибольшее внимание в искусстве, что связано и с интересом к экзотическим народам и их обычаям, и с особенностями их расового типа. Исследователями особо отмечено, что эфиопы избирались объектом изображения не только в силу сильных профилактических возможностей (от сглаза) и магической

помощи (как символ оплодотворяющей силы), не только из-за их отношения к вину или парфюмерии, но и потому, что это было сильным эстетическим впечатлением, особенно при создании контрастирующего эффекта в сопоставлении белого и чёрного типов людей<sup>267</sup>. Сюда следовало бы добавить, что художники, безусловно, руководствовались при выборе эфиопского персонажа ещё и соображениями содержательного порядка (требованиями представляемого сюжета и функциональной предназначенностью вещи), а также возможностью показать своё мастерство в создании сложного образа. Именно содержательной и функциональной необходимостью продиктовано использование персонажей эфиопов и пигмеев в изображениях на вазах кабиров, или образов «длинноголовых» негров, как и горбунов, служивших амулетами профилактического свойства; для того же служили головы эфиопов на серьгах, браслетах и ожерельях: в римское время образы эфиопов могли олицетворять Африку или персонифицировать Ливию<sup>268</sup>.

В свете того что известно по классической античной литературе и заявлениям отдельных её представителей, например Эфора, ни на уровне мировоззренческих клише, ни в социальной практике греко-римский мир не пришёл к развитию расовой нетерпимости. В этом отношении привлекает внимание то обстоятельство, что ни в Греции, ни в Риме не «сработал» замеченный исследователями эффект усиления процессов развития расового антагонизма в зависимости от увеличения количества инорасовых представителей в обществе. В античном мире, особенно в римское время, количество эфиопов было достаточно велико, что тем не менее не стало стимулятором для возникновения расовой нетерпимости. Не стоит пренебрегать тем, что «дистанционное» общение с чужой этнической культурой подогревается интересом экзотического характера и может способствовать развитию идеализирующих тенденций в её восприятии; близкие же контакты нередко способны породить этноцентрические тенденции в общественных настроениях и ксенофобию. Парадокс античного отношения к эфиопам в том и заключается, что, несмотря на то что (как отмечалось) в некоторые периоды можно констатировать наличие некоторых этноцентрических и ксенофобических настроений, тотального расизма как черты, определяющей характер общества, античность не знала.

Продолжая рассмотрение вопроса о количестве эфиопов среди автохтонного греко-римского населения, нужно сказать, что число их было, по-видимому, большим, чем думали прежде<sup>269</sup>.

В Египте — стране, через которую средиземноморский мир в первую очередь начал знакомство с чёрными автохтонами Африки, притом в чрезвычайно ранние исторические времена, — эфиопы появились задолго до появления там первых греков и не были в этом восточно-средиземноморском районе чужеродным элементом. Ранние этнокультурные контакты с Эгеидой (о чём свидетельствуют материальные следы присутствия африканского

антропологического компонента на островах Эгейского моря уже во II тыс. до н.э.) и данные письменных и невербальных источников архаической и классической Греции, а затем эпохи эллинизма и римского времени показывают хорошее знакомство античного мира и с физическим типом эфиопов (что иллюстрирует уже наличие прочно устоявшегося канона в изобразительной и словесной традициях), и с многими реалиями их родины.

Эфиопы часто появлялись в качестве иллюстрирующего примера в контексте обсуждения научных теорий (прежде всего географических и климатических, а также естественно-научных, трактующих проблемы антропологических особенностей и многообразия типов людей, и социально-философских, связанных с идеями государства, права, религии и культуры, образа жизни и взаимоотношений человека с природой и т.п.). Знакомы были эфиопы и как военные партнёры — в качестве противников и союзников — и дома, и за его пределами, в том числе в самой Африке. Степень знакомства античного мира с эфиопами достигла такой глубины, что они вошли в пословицы и во многие сферы (часто сокровенные) общественного сознания. Материалы изобразительного искусства также подтверждают присутствие большого количества эфиопов в пределах античного мира, причём это не абстрактные изображения теоретически известного типа, а абсолютно конкретные люди, с которыми знакомы вблизи — в доме, во дворе, на агоре, в театре.

О значительном количестве эфиопов источники дают представление чаще не прямой констатацией, а через конкретные детали разного характера. Так, если верить Афинею (Athen. 5, 201a), во времена Птолемея эфиопов было столько, что они могли нести две тысячи слоновьих бивней, шестьсот кусков эбенового дерева и шестьдесят чаш из золота и серебра в составе триумфальной процессии царя. Тысяча эфиопских пленников была отослана в Египет после успешной кампании Петрония против эфиопов, другие были проданы. Страбон (Strabo XVII, 1, 54) сообщал об эфиопском войске числом в тридцать или более тысяч человек. О большом количестве эфиопов в Риме говорят и сообщения относительно одновременно выставленных в 61 г. до н.э. в цирке ста эфиопских лучников (Plin. N.H. VIII, 54, 131), а также о множестве эфиопских мужчин, женщин и детей на празднике Нерона в ПUTEОЛАХ (Dio Cassius. Epitome LXII, 63, 3). На открытии Колизея эфиопов было так много, что это заметил Марциал (Mart., Spectacula III, 10).

Если бы наши сведения ограничивались только подобного рода сообщениями, разумеется, делать какие бы то ни было выводы было бы рискованно, однако эти цифры становятся весьма показательными на фоне имеющихся в распоряжении других данных — факта длительного пребывания в Египте греков и римлян, результатов греко-персидских войн, когда множество эфиопов из войск персов оказалась в Греции, эффекта войн с Ганнибалом

и военных контактов римлян с эфиопами и блеммями в борьбе за южные границы Империи и т.п.

Нет необходимых материалов, чтобы установить точное количество эфиопов, попавших в страны Средиземноморья в результате военной, дипломатической и торговой деятельности; однако есть основания полагать, что приток их был велик. Это видно даже из того сравнительно небольшого количества аллюзий на эфиопов, которое даёт греческая литература (в римской их несравненно больше): вспомним сообщение Геродота об эфиопах в армии Ксеркса и об эфиопах на аттических вазах V в. до н.э., что позволяет ему сделать вывод о первом появлении большого количества африканцев в Греции в результате поражения Ксеркса. Замечания Аристотеля (даже столь, казалось бы, несущественные, как упоминание одной элидянки, имевшей ребёнка от эфиопа), комментарии по географии Эфора, космополитические наблюдения Менандра — всё это показывает близкое знакомство среднего грека с эфиопами.

Практически все эфиопы, сопровождавшие Ксеркса, остались в Греции. Многие из них, попав в плен, стали рабами. Кроме того, эфиопы, будучи варварами, поступали сюда с международных рынков рабов, часто проданные работоторговцами-соотечественниками на таком, например, знаменитом рынке, как Адулис (Plin. N.H. VI, 34, 172–173), который был центром торговли эфиопов и троглодитов, и откуда товары (в том числе рабы) поступали в Египет, а затем в Грецию и Рим. Торговцы эфиопскими рабами упоминаются ещё в папирусе VI в. н.э.<sup>270</sup>

О большом количестве эфиопов в Греции говорит также то, что в разных контекстах то и дело встречаются упоминания о случаях межрасового смешения и рождении смуглых детей-мулатов (кстати, упомянутое замечание Аристотеля может считаться первым документальным упоминанием в литературе такого случая, если, конечно, не считать мифических Данаид или некоторых других косвенных свидетельств). В результате этого происходила естественная расовая ассимиляция и исчезновение ярких негроидных характеристик, что, видимо, могло приводить к ошибкам многих писателей при разговоре об эфиопах, особенно если учесть, что мулатов греки различали плохо (что, кстати, является дополнительным свидетельством их равнодушия к цвету кожи).

Основание Александрии значительно увеличило объём контактов греков, а позже и римлян с эфиопами. Александрия как культурный центр и значительнейший порт сосредоточивала в себе множество людей из разных мест мира, в том числе, конечно, и из Эфиопии — внутренних районов Африки. Отсюда эфиопы попадали через море в Грецию и Италию в больших количествах. Греко-римская терракота, найденная в нильском устье, хорошо показывает роль эфиопов в жизни Александрии, Фаюма и соседних областей. Множество статуэток эфиопов — свидетельство большой доли

негрского компонента в населении этих городов, а также своего рода комментарий для определения представленных здесь негрских типов и определения их социального места (по преимуществу это солдаты, гладиаторы, прислужники, рабы-няньки, музыканты, много статуеток детей).

В значительной мере из Египта появлялись в Риме (в эпоху Республики — меньше, во времена Империи — значительно больше) эфиопы, которых, несмотря на знакомство, ещё продолжали воспринимать остро, акцентируя расовый контраст, как это выглядит у Варрона (*Varro. De lingua latina* 8, 20, 38; 8, 21, 41; 9, 30, 42). Этот интерес к эфиопам сказался в том, что римские литераторы постоянно упоминают их в своих сочинениях, приводя множество важных для историка подробностей. Например, в Трактате о банях рассказано о славе эфиопских банщиков в Риме (*Rhetorica ad Herennium* 4, 50, 63), а подробнейшим описанием наружности служанки-эфиопки Скибалы из поэмы «Моретум», передающим словесную модель негроидных африканцев в представлении римлян, мы обязаны автору, решившему описать хорошо ему знакомую личность. Кроме автора «Моретума» (приписываемого Вергилию), наибольшее число подробных описаний эфиопов с сильным антропологическим креном принадлежит Диодору, Плинию Старшему, Петронию (*Diodor.* III, 8, 2; *Plin. N.H.* II, 80, 189; *Petron.* 102).

Какое-то время эфиопы были нечастым и редкостным зрелищем; их присутствие, вне зависимости от численности, не создавало никаких «цветовых» проблем. Очевидность уважительного отношения к эфиопам в античном мире — одно из важнейших оснований для вывода об отношении к ним в разных социальных областях: в сфере занятий, религии, социальной приемлемости, расовой смешиваемости. Изучение этих социологических вопросов показывает, что общественная практика соответствовала и теории происхождения расовых различий, и философским постулатам, утверждающим равенство людей любой этнической принадлежности.

По поводу преимущественной сферы занятости эфиопов, о чём уже много говорилось, можно заметить следующее. Поскольку большая их часть попадала в пределы античного мира в качестве военнопленных или купленных рабов, то их деятельность, не ограниченная профессиональными запретами, протекала для этой численно большой категории чернокожих африканцев в состоянии личной неволи (однако это не исключало практики перехода эфиопов в состояние вольноотпущенников, а следовательно, следующее поколение этих африканцев становилось свободными, получая все гражданские права). Среди других профессий, в которых, по свидетельствам источников, подвизалось много эфиопов, были торговля и дипломатическая деятельность. Послами во дворце императора Константина были блеммии и эфиопы; наиболее знатные из них получили такие почести, что предпочли остаться в Италии, другие, особенно преуспевшие в Египте,

притягивались к Афинам и Риму (Euseb. De vita Constantini 4.7 = PG 20, 1156).

Некоторые эфиопы, преуспевшие в жизни, посылали детей на учёбу в Александрию. Эргамен, царь Эфиопии в царствование Филадельфа, имел греческое образование и изучал философию (Diodor. III, 6, 3–4). Преемниками Аристиды Киренского были его дочь Аретэ, Антипатр из Кирены и некий Эфиоп из Птолемаиды (Diogen. Laert. 2, 86). Известна одна эллинистическая бронза, изображающая мальчика-эфиопа, царевича из эфиопских областей выше Египта<sup>271</sup>.

В своей каждодневной деятельности в Греции и Италии эфиопы преуспевали так же, как и прочие иностранцы. Об этом говорят терракоты из греко-римского музея в Александрии: они нанимались актёрами, мимами, танцорами, музыкантами, жонглёрами, дрессировщиками зверей, акробатами, гладиаторами, хоревами, виноградарями, были банщиками, поварами, слугами, ламповщиками, личными рабами, обувщиками<sup>272</sup>. Конечно, все зафиксированные в терракотах профессии эфиопов представляли области деятельности низших социальных классов.

Есть примеры и других профессий, которые изображены в ином материале (не в демократичной глине, а в мраморе или бронзе, как и подобает их высокому социальному статусу): это голова негра, который безусловно является каким-то официальным лицом — послом или, возможно, генералом армии Птолемея<sup>273</sup>; другой образец — бюст эпохи Флавиана, изображающий эфиопа со шкурой пантеры через плечо, который определён как портрет посла в Риме<sup>274</sup>. Вообще портретов высокопоставленных эфиопов в Риме и провинциях достаточно много, что позволяет (не вдаваясь их в разбор и идентификацию с конкретными историческими персонами, что хорошо представлено в научной литературе, по большей части названной) сделать вывод о том, что эфиопы были представлены во всех стратах античного общества. Упомянем лишь ещё один пентеликийский мрамор, посвящённый эфиопу с типичным «эфиопским» именем Мемнон и поставленный одним из влиятельнейших аристократов II в. н.э. — Геродом Аттиком. Аттик, знаменитый софист и патрон, узнав о смерти своего воспитанника Мемнона и двух его детей, надел на себя траур, поскольку они были благородны по уму и знатными по происхождению юношами, усердными в учёбе и воспитывались в его доме (Philostrat. Vita Apollonii III, 11; Vita sophistarum II, 558)<sup>275</sup>.

Литературная традиция позволяет заключить, что и в Греции, и в Риме было много эфиопов-вольноотпущенников. По многим источникам, Эзоп был эфиопом, Амасис — метисом из Навкратиса, видимо, негроидного типа; тёмный или чернокожий Теренций прибыл как раб из Карфагена и достиг славы как комический поэт. Он был принят во всех кругах Рима, а дочь его вступила в брак с патрицием. Гелиодор, автор романа «Эфиопика»,

был, видимо, тёмнокожим<sup>276</sup>. Эфиопский солдат из армии Септимия Севера служил в Британии, а Луций Квиет, то ли мавр, то ли эфиоп, имел большую власть при Траяне.

Все эти примеры говорят о главном: эфиопы в античном мире не испытывали дискриминации по признаку расовой принадлежности. Они могли принадлежать и к самому бесправному социальному слою, но часто входили и в самые верхние социальные страты; имели возможность (наравне со всеми остальными) перемены своего статуса. На них в полной мере распространялось действие античного принципа оценки человека по его способностям, без всякого акцентирования на расовой принадлежности<sup>277</sup>.

Важным фактором в уточнении роли эфиопов в античном обществе и определении характера отношения к ним является вопрос о взаимоотношениях эфиопов с религией. Для римского периода важны поклонение Исиде и в более позднее время — христианство.

В распространении культа Исиды эфиопы сыграли значительную роль, поскольку многие из них были адептами культа ещё до своего появления в Риме; многие, попадавшие в Италию через Египет, приобщились или узнали об этом культе в Египте; наконец, саму Исиду неизменно связывали с Африкой, и в Италии эфиопы сами узнавали об этой связи и активно вовлекались адептами культа в её таинства. Популярность же его и наличие большого количества поклонников африканской богини определяли распространение и среди непосвящённых некоего особого отношения римской публики к эфиопам, которые воспринимались как состоящие под особым покровительством могущественной владычицы.

Исида была одним из четырёх главных божеств Египта, которые рассматривались не только как мировые космические боги, олицетворявшие основные небесные объекты, но и как основатели и устроители человечества. Особенно она почиталась в Мероэ (Diodor. III, 9, 2; Strabo XVII, 2, 3). Египтяне считались поселенцами в своей стране, куда они были посланы из Эфиопии под покровительством Осириса (Diodor. III, 3, 1). Таким образом, теснейшая связь культа Исиды с Эфиопией и эфиопами была абсолютно прозрачна, отношения патронажа богини безусловно признавались, и её покровительство эфиопам, можно предположить, автоматически увеличивало их авторитет в общественном сознании римлян, что проявлялось и в характере отношения к ним в повседневной жизни.

Нет ничего удивительного, что в самом Мероэ, эфиопском по античной классификации городе-государстве, культ Исиды процветал, что было хорошо известно уже греческой литературной традиции и подтверждается современными археологическими находками, среди которых и две статуи богини, и изображения на мероитской пирамиде, и множество текстов, свидетельствующих и о широте почитания богини, и о сущности её культа, и её функциях<sup>278</sup>. Не меньшей популярностью пользовалась богиня и в Египте в

разные периоды истории страны, в том числе в эпоху Птолемеев, а в Фивах, например, культ Исиды очень усилился в эпоху раннего христианства, и храм её посещался поклонниками вплоть до его закрытия Юстинианом (Procopius, *De bello Persico* I, 19, 27–37)<sup>279</sup>. Распространён был культ Исиды и в Греции, о чём среди прочих источников разного типа свидетельствует найденная в Афинах голова жреца Исиды, внешность которого имеет негрские черты (возможно, он мулат)<sup>280</sup>.

И всё же особое распространение культ Исиды получил в Италии, о чём красноречиво свидетельствуют археологические и письменные материалы. Причастность к ним эфиопов весьма наглядна: даже в совсем маленьких городах поклонялись божественной паре — Исиде и Осирису; на фреске из Геркуланума показана церемония поклонения Исиде, среди участников которой находятся эфиопы и египтяне. Иконографические данные об этом культе не оставляют сомнения в том, что большинство жрецов и храмовых слуг были эфиопами<sup>281</sup>. Большой массив материалов этой иконографической группы источников создаёт экзотичный и запоминающийся образ чёрного эфиопа — адепта культа Исиды, изображённого, как правило, танцующим в красочных африканских украшениях. Множество таких представлений, посвящённых празднествам в честь богов подземного мира и ночи, засвидетельствовано источниками со времён Калигулы (Sueton. *Caligula* 57, 4; Petron. *Frg.* XIX = Loeb 332). Основными сюжетами в мистериях были воцарение Осириса и сцены Исиды с Осирисом. Первый публичный храм в честь египетских богов был построен в Риме при Калигуле; церемония его открытия сопровождалась празднеством в честь Исиды и Осириса, что фактически означало официальную легализацию их культа в государственном масштабе<sup>282</sup>.

Часто место Осириса занимал Серапис — эллинистическое божество, введённое Птолемеем I Сотером как бог столицы Египта Александрии и соединявшее в себе имена и образы Осириса и Аписа; Серапис также был богом плодородия и связан с загробным культом. Но его иконографический образ, в отличие от ярко выраженного негроидного Осириса — эфиопского Диониса, имел сходство с греческими Плутоном и Зевсом. Отчасти такая замена была призвана придать этому слишком уж подчеркнуто «эфиопскому» культу более эллинский вид, но одновременно означала и признание его неоспоримого авторитета. Культ Исиды, без сомнения, чрезвычайно усилил контакты античного мира с Африкой, поскольку заметно стимулировал стремление его поклонников поклониться святыням богини на её родине. Об участвовавших случаях паломничества в Египет и Мероэ, как и о движении в обратном направлении — из Африки в Рим, имеется достаточно свидетельств: Ювенал советует некоей даме съездить в Мероэ поклониться храму Исиды (Juvenal. VI, 526–529); какой-то римский пилигрим, приехавший к святыням Мероэ, оставил там латинскую надпись (CIL III, 83)<sup>283</sup>;

одновременно и африканцы продолжали прибывать в Рим, увеличивая количество адептов Исиды (Lucian. Philopseudes 34 — о некоем Панкратисе из Мемфиса); да и их самих принимали и в Греции, и в Риме радушно, особенно поклонники Исиды. Эфиопы и египтяне называли богиню Regina Isis — её подлинным именем, в отличие от иных имён, распространённых в Средиземноморье (Apul. Metamorph. 11, 4), а жрецы сохраняли неизменность ритуала культа Исиды с его танцами и пением в сопровождении флейты<sup>284</sup>. Белокожие почитатели богини чувствовали себя в какой-то мере эфиопами если и не по природе, то, по крайней мере, по вероучению (Apul. Metamorph. 11, 26).

Об очень существенной роли эфиопов в религиозной практике и магической деятельности свидетельствует иконография римской Северной Африки, отражающая положение дел во всей Империи<sup>285</sup>. Показательно, что наряду со сценами, представляющими персонажей классической античной мифологии (Венера, принимающая дары, времена года), изображена сцена оккультной церемонии, где чернокожий жрец совершает некое таинство, имеющее отношение к культу плодородия.

Важным показателем расовой терпимости является отношение античности к проблеме смешанных браков. Геродот как о само собой разумеющемся рассказывает, как двести сорок тысяч египтян, восставших в правление Псамметиха I, ушли в страну эфиопов и смешались с ними. Ведь египтяне находят себе жён повсюду, где бы они ни были; да и эфиопы быстро усвоили египетские обычаи и мягкость обращения, смешавшись с египтянами (Herod. II., 30).

Плутарх, цитируя Геродота, также ничего (кроме морализирующей ноты) не добавляет в комментарии к рассказу об этом массовом перемещении египтян с эфиопами (Plut., De exilio 601 E).

В том же духе спокойной констатации воспринималась кипрская традиция об эфиопских предках киприотов. Нейтрально — без осуждения или восхваления — излагалась и воспринималась мифическая история о семи дочерях Даная, рождённых чёрной матерью, или о богине Авроре и чернокожем эфиопе, отце Мемнона.

Письменные и археологические источники, дающие сведения о межрасовом смешении, не содержат в себе указаний на негативное отношение к этим фактам. Известий этого рода, понятно, гораздо больше для римского времени, чем для греческого. Такие примеры, как сожительство крестьянина Симируса и его чернокожей служанки Скибалы (Vergil. Moretum 32–35), свидетельствуют об обыденности этого факта. Многие римляне показывали свою привязанность к эфиопам, женщинам и мужчинам, сооружая им памятники после их кончины.

Любовные отношения между белыми и чёрными нашли широкое отражение в римской поэзии и письменных источниках разного характера; тема

любви к чернокожим любовникам, обсуждение известных чёрных куртизанок и куртизанов, сплетни по поводу интрижек с чернокожими девами часто встречаются в источниках (Antologia Palatina 5, 121, 210<sup>286</sup>; Martial. VII, 29, 7; CIL IV, 1520, 1523, 1526, 1528, 1536; SHA, Elagabalus 32, 5; CIL IV, 6892<sup>287</sup>).

Нередки случаи, когда в завещаниях фигурируют рабы-эфиопы, о которых хозяин проявляет особую заботу: Дион из Гераклеи в завещании 236 или 237 г. до н.э. оставляет указание относительно судьбы своей рабыни Меланьи; её самоеё и сына её, прижитого от хозяина, он завещает освободить и просит, чтобы их никто не обижал<sup>288</sup>.

Во времена Империи количество случаев перемешивания между белыми и чёрными было столь велико, что эта тема стала стабильной в римской сатире, давая постоянную пищу эпиграмматистам. Марциал, сплетничая о римских адюльтерах, отмечает, что в результате среди бастардов было много чёрных детей (Martial. VI, 39, 6–7; 18). Ювенал по поводу римских нравов язвит, что мулаты встречались бы чаще, если бы не практика абортов (Iuvenal. VI, 595–601). Ритор II в. н.э. Кальпурний Флакк обсуждает вопрос, следует ли обвинять белую мать, у которой родился чёрный ребёнок, в преступлении и адюльтере (Calpurn. Flacc. Declamationes 2 [ed. G. Lehnert, Leipzig, 1903]). Квинтилиан в Контраверзе сообщает о парадоксальном случае, когда матрона, обвинённая в адюльтере, родила эфиопа не в результате измены мужу с любовником-эфиопом, а по причине действия воображения беременной женщины (Quintilian. [St. Jerome] Hebraicae questiones in Genesim 30, 32, 33; CCL /Corpus Cristianorum, Series Latina/ 72, 38). Кстати, теория о возможности рождения ребёнка по воображению использовалась и Гелиодором, рассказывающим историю чёрной царицы Персины, родившей белую дочь, что объяснялось тем, что во время зачатия она смотрела на картину, представляющую Персея, освобождающего Андромеду (Heliodor. Aethiopica IV, 8).

Проблема детей от смешанных браков обсуждалась не только сатириками и романистами. Проблема мулатов и вопрос о наследовании антропологических признаков интересовал греков, начиная с Аристотеля (Aristotel. De generatione animalium 1, 18, 722a; Historia animalium 7, 6, 586a; Antigon. Mirabilia 112 (122); Aristophan. Historiae animalium epitome 2, 272). Плиний обсуждает случай кулачного бойца Никея, который был незаконнорождённым от эфиопского отца и греческой матери; Никей унаследовал эфиопский цвет тела, т.е. был чёрным (Plin. N.H. VII, 12, 51). Плутарх рассказывает историю греческой женщины, чей чёрный ребёнок был результатом того, что её прапрадед был эфиопом (Plut., De sera numinis vindicta 21 [563]).

Случаи межрасового перемешивания отражены и в изобразительном искусстве, правда, их анализ и идентификация — довольно сложная задача<sup>289</sup>.

Весьма показательно, что в греко-римском мире никогда не существовало законов, запрещающих межрасовые браки. Письменные источники также однозначно показывают отсутствие осуждения связей греков и римлян с эфиопами: сатирики (Ювенал, Марциал) осуждают адюльтер, но не высказывают расовой нетерпимости; Аристотель, Плиний и Плутарх обсуждают антропологические признаки рождённых от смешанных браков, но не высказываются против межрасового смешения. О подобной же терпимости свидетельствуют и изобразительные материалы, запечатлевшие эфиопов и мулатов. Таким образом, можно констатировать, что в античном обществе происходил процесс непрерывного (то более, то менее интенсивного) межрасового перемешивания, в результате чего многие эфиопы ассимилировались, растворившись в доминирующем белом населении.

Резюмируя рассмотрение проблемы контактов греко-римского мира с эфиопами в её разных аспектах — форм контактов, их характера, восприятия эфиопов и отношения к ним, места эфиопов в социальной структуре античного общества и виды их участия в его жизнедеятельности, попытаемся тезисно сформулировать главные впечатления и выводы.

Первые эфиопы в античной письменной традиции — безгрешные эфиопы Гомера, поклоняющиеся богам, возлюбленные ими, прославленные за свои честность, справедливость и богонравие. Уже Гесиод причисляет их за их совершенства к потомкам божественного сына Кроноса. Из этих времён идёт сохранившаяся до конца античности струя обожествления и идеализации эфиопов в мифологической и философской традициях, а также в общественном сознании.

По мере углубления знакомства с эфиопами и их страной происходит наполнение образа эфиопа всё большим количеством подробностей, усиливается стремление к более точному и реальному знакомству с ними. Это приводит к их введению не только в общую схему мироздания и обитаемого мира — ойкумены, но и к использованию образа чернокожего эфиопа в контексте естественно-научного знания и философии греков. Вслед за Ксенофаном, первым европейцем, сравнившим физические характеристики эфиопов и фракийцев как представителей крайних юга и севера, антитеза эфиоп-скиф сделалась общеупотребительным топосом, за которым не содержалось идей превосходства или отставания тех или других по критериям расовой принадлежности, не ставились в зависимость от этого критерия оценки физических, умственных или моральных качеств.

Изобразительное искусство античности запечатлело образ эфиопов весьма рано и разрабатывало эфиопскую тему постоянно и углублённо; был выработан канон для этого образа, в процессе же его совершенствования происходило не только эстетическое освоение непривычного антропологического типа, но в ходе ментальных операций классификации происходило

познание конкретной сущности объекта. Причём само узнавание отличалось непредвзятостью и отсутствием расового негативизма.

Постепенное лишение эфиопов мифологической ауры не отразилось на толерантном отношении к ним греков и римлян, а периоды, когда отношение к варварам в целом ухудшалось и возникали настроения ксенофобии и этноцентризма (но никогда не использовалась аргументация расистского толка), сменялись временами, когда чернокожие африканцы снова попадали в орбиту заинтересованного, пристального интереса общества. К тому же идеализирующее направление в восприятии эфиопов в философии, науке, искусстве и религиозном сознании не угасало во все времена античной истории.

Образ чёрных людей с крайнего юга ойкумены настойчиво использовался учёными в разработке популярнейшей естественно-философской теории окружающей среды. Скифо-эфиопская антитеза при этом использовалась для построения теории, в которой не оставалось места для выводов о превосходстве одних человеческих типов над другими, а, напротив, объясняла эти различия объективными условиями природного окружения и климата.

Поэтому янусовидные изображения были преимущественно объективным сопоставлением резко контрастирующих антропологических типов, преследующим цель отразить зрительные впечатления познающего мир и модель художника и достичь чисто эстетического эффекта у зрителя.

Эфиопы хорошо иллюстрировали теоретическую мысль древних философов: и тезис относительно изначального природного равенства всех людей, и теорию о двух мирах — варварском и эллинском. Более того, они вместе с другими пользовались социальными возможностями, предоставляемыми этими теориями. Позже, в эпоху раннего христианства, благодаря античной идее о том, что не происхождение и расовая принадлежность, а только достоинства самой личности имеют значение при оценке человека, эфиопы были избраны важным объектом христианской миссии.

Социальная практика греко-римского мира не устанавливала для эфиопов специальных расовых ограничений. Они находили себе место в любых социальных слоях общества: могли быть рабами и военнопленными, но также послами, купцами, художниками и артистами, музыкантами, циркачами и дрессировщиками зверей, полководцами и знаменитыми драматургами (как вольноотпущенник из Карфагена Теренций, достигший признания и огромной славы).

Многочисленные случаи межрасового смешения не вызывали расовоантагонистической реакции общества, что со временем, в процессе постепенной ассимиляции части эфиопов в странах античного мира, обусловило присутствие доли африканской крови в генетическом фонде популяции средиземноморцев.

В целом вся совокупность фактов, выявляющихся в ходе изучения истории этнокультурных контактов греков и римлян с эфиопами (как в Африке, так и в Средиземноморских странах), показывает, что они заняли прочное место и в античной картине мира, и в разных областях её культуры, экономики и политики и на протяжении всего античного периода истории Старого Света были активно вовлечены в его орбиту.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сноуден (Snowden Fr.M. *Blacks in Antiquity: Ethiopians in the Greco-Roman Experience*. Cambridge, Massachusetts, 1970 (364 p.) по праву адресует свой упрек даже таким академичным и добросовестным исследователям, как E.E. Sikes (*The Anthropology of the Greeks*. L., 1914) и K. Trüdinger (*Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Basel, 1918), в работах которых имеются весьма впечатляющие сводки свидетельств об эфиопах.

2. О «комическом» интересе к эфиопам в античном искусстве — Robertson M. *Greek Painting*. (Geneva, 1959) p.67.

3. Bates W.N. *Scenes from the Aethiopsis on a Blackfigured Amphora from Orvieto*. Transactions of the Department of Archeology. University of Pennsylvania. Free Museum of Science and Art, I, pts. I and II (1904), 50. Seltman C.T. *Two Heads of Negresses*. American Journal of Archeology = AJA XXIV (1920), 14. Beardsley G.H. *The Negro in Greek and Roman Civilisation: A Study of the Ethiopian Type*. (Baltimore and London, 1929) p.37.

4. Lowe W.D. *Petronii Cena Trimalchionis*. (Cambridge and London, 1905); Sedgwick W.B. *The Cena Trimalchionis of Petronius*. (Oxford, 1950).

5. О климатической теории греков в контексте развития географической науки и натурфилософских идей существует большая специальная и общего характера литература. В качестве «путеводителя» по проблеме и хорошего обобщающего исследования можно назвать книгу Дж. О. Томпсона «История древней географии». М., 1953 (J.O. Thompson. *History of Ancient Geography*. Cambridge, 1948).

6. О содержании этого термина в контексте античных научных теорий и культурно-исторической практики см. статью: Поплинский Ю.К. «О понятии "варвар" в античности» Африканский этнографический сборник. Африкана XIII. Л., 1982. с.161–185.

7. Cosmas Indicopleustes. *The Christian topography of Cosmas Indicopleustes*. Greek text. (Cambridge, 1909).

8. André J. «Virgile et les Indiens» — *Revue des études latines* XXVII (1949), 157–163; Lesky A. «Aithiopica» — *Hermes* LXXXVII (1959) 27–28.

9. Friedlaender L. M. *Valerii Martialis Epigrammaton Libri*. I (Leipzig, 1886), S. 489.

10. О толковании этнонимов «меланогетулы» и «левкоэфиопы» в античности (как результате смешения чёрных и белых): Bates O. *The eastern Libyans: an essay*. (London, 1914) p.44, n.1–2; Desanges J. *Catalogue des tribus africaines de l'antiquité classique à l'ouest du Nil*. (Dakar, 1962) p.95, n.4, 219–220, 223 e.a.; О смешивании ливийцев и эфиопов в позднем трактате Адаманта: Adamantius. *Physiognomica* 2.31 (= *Scriptores Physiognomonici Graeci et Latini*. ed. R. Foerster (Leipzig, 1893) vol. I. S. 384).

11. Diels H. *Die Fragmente der Vorsokratiker*. (Berlin, 1951).

12. *Aesopica*. ed. Perry B.E. I. (Urbana, 1952) p.215.

13. Müller C. Part I. (Paris, 1883); Part II. (P., 1901).

14. ed. Wendel C. (Leipzig, 1914): ἔθνος Αἰθιοπικὸν μελανόχρουν.
15. ed. Meiser K. (Leipzig, 1880) S. 169.
16. ed. Goetz G. T. IV (Leipzig, 1889); T. V (1894).
17. ed. Kroll W. *Historia Alexandri Magni* (Pseudo-Callisthenes), I. (Berlin, 1926) S. 83.
18. Cf.: Lewis J.H. *The Biology of the Negro*. (Chicago, 1942) 27.
19. Pape W. *Griechisch-Deutsches Handwörterbuch*. (Graz, 1954) s.v. Αἰθιοψ; Leutsch E.L., Schneidewin F.G. *Appendix Proverbiorum. Corpus Paroemiographorum Graecorum*. I. (Hildesheim, 1958) s.v.; *Anthologia Latina*. ed. Riese A. (Leipzig, 1894) 155.
20. Rizzo G.E. *La pittura ellenistico-romana*. (Milan, 1929) 81 (pl.188–189); Gullini G. *I mosaici di Palestrina: Volumi di supplemento di archeologia classica*. I. (Rome, 1956) (pl. XX, XXIII, XXV) p.43.
21. *Rerum Naturalium Scriptores Graeci Minores*. ed. Keller O. (Leipzig, 1877).
22. *Supplementum Aristotelicum*. ed. Lambros S.P. vol. I, pt. I. (Berlin, 1885).
23. *The Complete Works of Venerable Bede*. ed. Giles J.A. VIII. (London, 1844) 29.
24. ed. Pfeifer R. (Oxford, 1953).
25. ed. Rabe (Leipzig, 1906).
26. ed. Tittman A.N. I. (Leipzig, 1808) 68.
27. ed. Wessner P. (Leipzig, 1941).
28. André J. *Étude sur les termes de couleur dans la langue latine*. (Paris, 1949) 55, 123–127.
29. Dölger F.J. *Die Sonne der Gerechtigkeit und der Schwarze. Eine religionsgeschichtliche Forschungen II*. (Münster, 1918) 51–57; Buttrick G.A. *The Interpreter's Dictionary of the Bible: An Illustrated Encyclopedia*. IV. (Nashville, N.-Y., 1962) s.v. Satan.
30. *Corpus Fabularum Aesopiarum*. ed. Hausrath A., Haas H., Hunger H. I fasc. 2. (Leipzig, 1959) p.91–92.
31. ed. Jahn O. (Leipzig, 1843) S. 333.
32. Catullus, Tibullus, Propertius. ed. Mueller L. (Leipzig, 1897) 106.
33. Hooton E.A. *Up from the Ape*. (N.-Y., 1946) 483, 619; Lewis J.H. *The Biology of the Negro*. (Chicago, 1942) p.61.
34. На большом изобразительном материале вопрос рассмотрен в книге Ф. Сноудена: Snowden Fr.M. *Blacks in Antiquity: Ethiopians in the Greco-Roman Experience*. (Cambridge, Massachusetts, 1970). Особенно с.1–33 и илл. с.33–101.
35. Snowden, ib.; Dollard J. *Caste and Class in a Southern Town*. (N.-Y., 1949) 160–161; Lewis J.H. *The Biology...*, 77; Cook R.M. *Greek Painted Pottery*. (London, 1960) e.a.
36. Snowden, ib., n.5
37. Herskovits M.J. *Encyclopaedia Britannica*, XVI. (Chicago, London, Toronto, 1960) s.v. Negro (193).
38. Hooton E.A. *Up from the Ape*. rev. ed. (N.-Y., 1946) 619–623.
39. Oschinsky L. *The Racial Affinities of the Baganda and Other Bantu Tribes of British East Africa*. (Cambridge, Eng., 1954) особ. Table LIX.
40. Coon C.S. *The Origin of Races*. (N.-Y., 1963).
41. Основная литература по пигмеям: Waser O., Roscher W.H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie* III, 2 (Leipzig, 1902–1909), s.v. Pygmaien, 3283–3317; Wüst E., RE XXIII, 2 s.v. Πυγμαῖοι, 2064–2074; Desanges J. *Catalogue des tribus africaines de l'antiquité classique à l'ouest du Nil*. (Dacar, 1962) 197–198; Becatti G. *Enciclopedia dell'arte antica* II. (Rome, 1959) s.v. Caricatura, 344–346; ibid., VI (Rome, 1965) s.v. Pigmei, 167–169.

42. Обсуждение проблем расовой классификации по цвету, волосам и форме губ — Hooton, *op. cit.* 455, 483–84, 523; о вариативности цвета африканских негроидов — Lewis, *op. cit.* 27.

43. Gsell St. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. VII (Paris, 1930), p.2–8; p.7: Afrilibyes; Hammond M. Septimius Severus, Roman Bureaucrat. Harvard Studies in Classical Philology LI. (1940) 146–147 — AFER.

44. Weinstock S., RE XIV s.v. Mauretania, col.2349.

45. W. den Boer. Lusius Quietus, an Ethiopian. Mnemosyne, 4<sup>Series</sup>, III (1950) 263–265.

46. Passio Bartholomaei 7 in: Lipsius R.A., Bonnet M. Acta Apostolorum Apocrypha, II, 146, line 23.

47. Westermann W.L. The Slave System of Greek and Roman Antiquity. (Philadelphia, 1955) p.96–97; Поплинский Ю. О понятии «варвар» в античности.

48. Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL) IV, 6892; D'Avino M. The Women of Pompeii. (Naples, 1967); Zottoli G. Lusus Pompeianus. — Atene e Roma XI (1968) 357–360.

49. CIL VIII, 19888; Bertrand L. Bulletin de l'Academie d'Hippone: Comptes rendus des réunions (Bone, Algeria, 1892) p. L.

50. The Amherst Papyri. ed. Grenfell B.P., Hunt A.S., pt. II (London, 1901) n. LXII, 6–7.

51. Preisigke F. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden, II (Berlin, 1925) s.v. μέλας.

52. Beardsley G.H. The Negro... 118; Highbarger E.L. Notes on Vergil's Bucolics. — Classical Philology XL (1945) 45.

53. CIL IV, 1520; Gusman P. Pompei, la ville, les mœurs, les arts. (Paris, 1906) p.67 считает, что речь идёт об африканках и белых девах; Della Corte M. Amori e amanti di Pompei antica. Antologia erotica pompeiana (Cava dei Tirreni n.d.), 59 читает: «блондинки» и «брюнетки».

54. Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. (Brunswick, 1863–1870).

55. О расовой принадлежности Теренция: Norwood G. Plautus and Terence. (N.-Y., 1932) p.100 (Теренций мулат или квартеронец); Rand E.K. The Building of Eternal Rome. (Cambridge, Mass., 1943) 100; Duff J.W. A Literary History of Rome, vol. I: From the Origins to the Close of Golden Age, ed. Duff A.M. (N.-Y., 1953) 148.

56. Wallace F.E. Color in Homer and in Ancient Art: Preliminary Studies, Smith College Classical Studies 9 (Northampton, Mass., 1927) p.20.

57. Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. (М., 1978).

58. Dihle A. Der fruchtbare Osten. — Rheinisches Museum für Philologie CV (1962) 97–110; Dihle A. The Conception of India in Hellenistic and Roman Literature. — Proceedings of the Cambridge Philological Association CXC (n.s. 10, 1964) 15–23; Dihle A. Frumentios und Ezana. Zur Geschichte des Aethiopennamens. — Umstrittene Daten: Untersuchungen zum Auftreten der Griechen am Roten Meer (Cologne and Opladen, 1965) (=Wissenschaftliche Abhandlungen der Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen, vol. XXXII, 36–54, 65–79.)

59. Field H. Contributions to the Anthropology of Iran (Anthropological series, vol. XXIX n.1, Dec.15, 1939, publication 458), 119–120, 126, 154–155; Sykes P. A History of Persia, I (London, 1921) 51–52; Dieulafoy M.A. L'Acropole de Suse. (Paris, 1893) p.27–28, 44–45.

60. Die Fragmente der Griechischen Historiker III C. ed. F. Jacoby (Leiden, 1968).

61. Budge E.A.W. *The Egyptian Sudan: Its History and Monuments*, II (Philadelphia and London, 1907) 107. По этому же вопросу писали такие авторитетные авторы, как: Macan R.W. *Herodotus*, I (London, 1908) pt.1, 94; Smith C.F., Laird A.G. *Herodotus: Books VII–VIII* (N.-Y., 1908) 157; Fraser A.D. *The Panoply of the Ethiopian Warrior*. *AJA = American Journal of Archeology*, XXXIX (1935) 43–44; Legrand Ph.-E. *Hérodote*, VII (Paris, 1951) 98; How W.W. and Wells J. *A Commentary on Herodotus*, I (Oxford, 1912) 285.
62. Dihle A. *Der fruchtbare Osten*. 97–110.
63. De Saint-Denis E. *Notes sur le livre IV des Géorgiques*. — *Revue des études latines* XXVIII (1950) 204–209.
64. Lesky A. «Aithiopica» — *Hermes* LXXXVII (1959) 36–38.
65. Seymour T.D. *Life in the Homeric Age*. new ed. (N.-Y., 1914) p.62.
66. Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. с.47–87; Id., *Африка и Эгеида во II тыс. до н.э. Африканский этнографический сборник X (Africana X)*. (Л., 1975) 34–58.
67. Ventris M., Chadwick J. *Documents in Mycenaean Greek* (Cambridge, Eng., 1959) 243–244, 248, 250–252 — ai-ti-jo-qo; 98 — ai-ku-pi-ti-jo; Chadwick J., Baumbach L. *The Mycenaean Greek Vocabulary*. — *Glotta: Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache* XLI (1963) 168.
68. Stella L.A. *La civiltà micenea nei documenti contemporanei*. (Roma, 1965) 210; Dihle A. *Umstrittene Daten*. 68.
69. Préaux C. *Les Grecs à la découverte de l'Afrique par l'Égypte*. — *Chronique d'Égypte* XXXII (1957) 290.
70. Thomas H., Stubbings F.H. (Wace A.J.B., Stubbings F.H. — ed.). *A Companion to Homer*. (L. and N.-Y., 1963) 307–309; Bérard V. *Les Phéniciens et l'Odyssée*, I (Paris, 1902) 87; Cary M., Warmington E.H. *The Ancient Explorers* (L., 1929) 46–47; Burton H.E. *The Discovery of the Ancient World* (Cambridge, Mass., 1932) 21; Rousseau-Liessens A. *Géographie de l'Odyssée, la Phéacie* (Brussels, 1961) 30, 32–33.
71. Bergk T. *Poetae Lyrici Graeci*. 4, II (Leipzig, 1882) p.428.
72. Rose H.J. *A Commentary on the Surviving Plays of Aeschylus*. (Amsterdam, 1957) p.304.
73. Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. О начале исторического периода контактов Африки с Эгеидой и о начале греческой колонизации Киренаики во II тыс. до н.э. с.131–138.
74. О египетских свидетельствах хорошую помощь даёт работа — Smith W.S. *Ancient Egypt as represented in the Museum of Fine Arts, Boston*. (Boston, 1960).
75. Bissing F.W. von. *Naukratis*, *Bulletin de la Société Royale d'Archéologie d'Alexandrie* 39 (1951) 47; Kees H. *Ancient Egypt: A Cultural Topography* (Chicago, 1961) 207 — также подтверждает основание Навкратиса при Псамметихе II.
76. Paribeni E., in: *Enciclopedia dell'arte antica*, V (Rome, 1963) s.v. *Naukratis*, 361; Boardman J. *The Greeks Overseas* (Penguin Books, 1964) 138 (по керамике — не позднее 600 г. до н.э.).
77. Hicks R.I. *Egyptian Elements in Greek Mythology*. — *Transactions of the American Philological Association* XCIII (1962) 106–107; о греках в армии Псамметиха II: Tod M.N. *A Selection of Greek Historical Inscriptions* 2, I (Oxford, 1946) n.4; Bernand A., Masson O. *Les Inscriptions grecques d'Abou-Simbel*. *Revue des études grecques (REG)* LXX (1957) 1–42; об участии греков в нубийском походе Псамметиха II — Sauneron S., Yoyotte J. *La campagne nubienne de Psammétique II et sa signification historique*. — *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire*. L (1952) 157–207.

78. Xenophan. — Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. (Berlin, 1961).
79. Freeman K. The Pre-Socratic Philosophers. A Companion to Diels, Fragmente der Vorsokratiker (Cambridge, Mass., 1959) 89.
80. Bunbury E.H. A History of Ancient Geography (introduc. — Stahl W.H.) I (N.-Y., 1959) 271.
81. Casson L. The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times. (N.-Y., 1959) 132.
82. О хронологии и идентификации района путешествия Ганнона: Bunbury E.H. *op. cit.*, I, p.318–334; Casson L. *op. cit.*, 133–136; Warmington B.H. Carthage (London, 1960) 62–66; Charles-Picard G. and C. Daily Life in Carthage at the Time of Hannibal (N.-Y., 1961) 226–236; Picard G. Carthage (N.-Y.) 89–90, 194.
83. Desanges J. Catalogue des Tribus africaines de l'antiquité classique..., 247–248.
84. Bevan E. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. (London, 1927) 76.
85. О Хароне Лампсакском — Charon Lampsacus: Suidas (ed. Adler A., Leipzig, 1935) s.v. *Χάρων*, 791; Pearson L. Early Ionian Historians (Oxford, 1939) 140 (время акмэ Харона — 464 до н.э.).
86. Материалы по авторам Эфиопик собраны F. Jacoby — FGGrH. 277–284.
87. Берзина С.Я. «Эфиопика» Гелиодора как источник по истории Мероэ. — Мероэ. Вып. I. (М., 1977) с.146–190.
88. Кацнельсон И.С. Напата и Мероэ — древние царства Судана. (М., 1970).
89. Chamla M.-Cl. La population des cimetières méroïtiques. Étude anthropologique. (P., 1967).
90. Кацнельсон И.С. Напата и Мероэ... с.18.
91. Murray G.W. Troglodytica: the Red Sea Littoral in Ptolemaic Times. — Geographical Journal. (L., 1967) vol. 133, pt.1, p.24–33.
92. Laffranque M. Poseidonios, Eudoxe de Cyzique et la circumnavigation de l'Afrique. — Revue philosophique CLIII (1963) 199–222.
93. Bunbury E.H. A History of Ancient Geography. II, 51–52.
94. Charlesworth M.P. A Roman Imperial Coin from Nairobi. — The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society, sixth. ser. IX (1949) 107–110; Buttrely T.V. Another Roman Coin from Africa. — *ibid.*, seventh. ser. IV (1964) 133–134.
95. Fleischhacker H. Zur Rassen- und Bevölkerungsgeschichte Nordafrikas unter besonderer Berücksichtigung der Athiopiden, der Libyer und der Garamanten. (Paideuma, Wiesbaden, 1969) Bd. 15; Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов... с.89.
96. О наскальных петроглифах и фресках Сахары, как историко-культурном источнике — Поплинский Ю.К., *ibid.* с.35–38; там же обзор литературы вопроса.
97. Desanges J. Catalogue des tribus africaines de l'antiquité classique... p.181–199, 201–241: Ethiopie Subegyptienne, Libye Interieure.
98. Aurigemma S. L'Italia in Africa: Le scoperte archeologiche (a.1911-a.1943), Tripolitania, vol. I — I monumenti d'arte decorativa, parte prima — I mosaici (Roma, 1960) plate 86: фигура негра на мозаике из Виллы Нила, II в. до н.э.; фигуры двух эфиопов p.48; Guidi G. La villa del Nilo, — Africa Italiana: Rivista di Storia e d'arte a cura del Ministero delle Colonie V (1933) 6–8, fig. 3–4; Toynbee J.M.C. The Art of the Romans. (N.-Y. and Washington, 1965) pl.78, p.259; другие примеры — Snowden Fr.M. Blacks in Antiquity... p.22–23, pl.1–77.
99. Foerster R. — ed. Scriptores Physiognomonici Graeci et Latini. vol. I (Leipzig, 1893) p.384.

100. Bates O. The eastern Libyans: an essay (London, 1914) 44, n.1–2; Gsell St. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. I (P., 1921) 298–299; Desanges J. Catalogue... s.v. 219–220, 223.

101. Подробно вопрос о гарамантах см. — Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. с. 89–131, 140–156. Там же библиография вопроса.

102. Sergi S. Les restes osseux des populations antiques du Fezzan et le type physique des Garamantes. in: Pace B., Sergi S., Caputo G. Monumenti antichi. vol. XLI: Scavi Sahariani: Ricerche nell'Uadi el-Agial e nell'Oasi di Gat (Rome, 1951) 443–504.

103. Об антропологическом составе, занятиях и характере общества, отношения с Римом — Gsell St. H.A.A.N., I, rev., (P., 1921); о локализации в разные периоды — Desanges J. Catalogue..., 93–96; о расово дифференцированной социальной структуре — Поплинский Ю.К. Из истории этнокультурных контактов Африки... с.128–130, 137, 153.

104. Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Roman Empire. rev. by P.M. Fraser, I (Oxford, 1957) 298–307; II 677–680 (+Bibl.); Gadallah F.F. Meroitic Problems and a Comprehensive Meroitic Bibliography. — Kush: Journal of the Sudan Antiquities Service XI (1963) 196–216; Adams W.Y. Post-Pharaonic Nubia in the Light of Archeology. I. — The Journal of Egyptian Archeology L (1964) 102–120; LI (1965) 160–169; Dixon D.M. The Origin of the Kingdom of Kush (Napata-Meroë) — The Journal of Egyptian Archeology. L (1964) 123.

105. Säve Söderbergh. Aegypten und Nubien: ein Beitrag zur Geschichte altägyptischer Aussenpolitik (Lund, 1941) 231–234; Wilson J.A. The Burden of Egypt: An Interpretation of ancient Egyptian Culture. (Chicago, 1951) 136–138, 186–188, 292; Faulkner R.O. Egyptian Military Organization. — The Journal of Egyptian Archeology XXXIX (1953) 32–47; Posener G. Dictionary of Egyptian Civilization (N.-Y., 1959); Fischer H.G. The Nubian Mercenaries of Gebelein during the first Intermediate Period. — Kush IX (1969) 44–49, e.a.

106. Snowden F.M. Blacks in Antiquity..., p.286–187.

107. О негроидах в популяции египтян: Posener G. Dictionary of Egyptian Civilization., s.v. Race, p.237–238; El Batravi A.M. Mission archéologique de Nubie 1929–1934: Report on the Human Remains (Cairo, 1935) 160–177.

108. О характере эфиопского правления в Египте и расовом происхождении XXV династии: Säve Söderbergh. Pharaohs and Mortals. (Indianapolis and N.-Y., 1961) 157; Gardiner A. Egypt of the Pharaohs: An Introduction (Oxford, 1962) 340; Oliver R., Fage J.D. A Short History of Africa (Penguin Books, 1962) 40; Shinnie P.L. Meroe: A Civilization of the Sudan (N.-Y., Washington, 1967) 30.

109. Adams W.Y. Post-Pharaonic Nubia... I, 115–120; II, 160–161. Id. An Introductory Classification of Meroitic Pottery. — Kush XII (1964) 171; Emery W.B. Nubian Treasure: An Account of the Discoveries at Ballana and Qustul. (London, 1948) 26.

110. Kirwan L.P. The Oxford University Excavations at Firka. (London, 1939) 39–40.

111. Другие варианты написания: RE III s.v. Blemyes, coll. 566–568.

112. Kirwan L.P. Excavations at Firka. 48; Arkell A.J. A History of the Sudan: from the Earliest Times to 1821, 2nd ed. rev. (L., 1961) 179; Hohenwart-Gerlachstein A. On the Beja tribes of the Sudan. — Wiener Völkerkundliche Mitteilungen, IV, (1956) 180–187.

113. Schweinfurth G. Auf unbetretenen Wegen in Ägypten. (1922) 290–291; Vycichl W. The name of the Blemmyes. Kush. (1958) 179.

114. Wooley C.L., Randall-Maclver D. Karanòg: The Romano-Nubian Cemetery. — University of Pennsylvania, Egyptian Department of the University Museum, Eckley B. Coxe

Junior Expedition to Nubia, III, Text (Philadelphia, 1910) 87–90; Kirwan L.P. Excavations at Firka. 46–48.

115. Неоценимую помощь в этом вопросе оказывают статьи в RE XVII. s.v. νοῦβαλ, col. 1230 и Desanges J. Catalogue... p.192–196.

116. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. I, n.201 (Silko); Wilcken U. Heidnisches und Christliches aus Ägypten. — Archiv für Papyrusforschung I. (1901) 399–400 (Zeit d. Theodosius II): Ioah. Ephesius. Ecclesiasticae Pars Tertia. — Scriptores Syri. 3<sup>rd</sup> series. III. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. (Louvain, 1936) 136–139, 175–179; обобщающие выводы по античным источникам поздней Империи: Milne J.G. A History of Egypt under Roman Rule. (L., 1924) p.79, 99, 100, 110; Bury J.B. History of the Later Roman Empire (L., 1931) I, 237; II, 328–330, 371; Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of The Roman Empire (Oxford, 1957) I 301, 305, 307; II 679, n.57; Jones A.H.M. The Later Roman Empire (Norman, Oklahoma, 1964) I 611, 656; II 942.

117. Desanges J. Catalogue... p.192; Gsell St. H.A.A.N. I, p.106.

118. Monneret de Villard U. Storia della Nubia cristiana. Rome, 1938. p.27.

119. Zyhlarz E. Zur Stellung des Darfur-Nubischen. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, XXXV.

120. Arkell A.J. A History of the Sudan. 2, p.178–179.

121. Woolley C.L., Randall-MacIver D. Karanòg... III, 85–98; Monneret de Villard U. Storia della Nubia cristiana (Rome, 1938) 24–52; Kirwan L.P. Excavations at Firka. 39–48; Emery W.B. Nubian Treasure. 26–32, 55, 59, 68, pl.13; Adams W.Y. Post-Pharaonic Nubia... II, 160–172.

122. Africa T.W. Herodotus and Diodorus on Egypt. — Journal of Near Eastern Studies XXII (1963) 258.

123. Gadallah F.F. Meroitic Problems... p.196–197; Arkell A.J. Early Khartoum: An Account of the Excavation of an Early Occupation Site. Carried out by the Sudan Government Antiquities Service in 1944–45 (L., N.-Y., Toronto, 1949) p.11–114 (о негроидной принадлежности древнейшего населения Хартума).

124. Поплинский Ю.К. Африка и Эгеида во II тысячелетии до н.э. // Africana XI. Африканский этнографический сборник. (Л., 1975) т.103, с.34–58; Id., Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгеиды.

125. Thrige J.P. Res Cyrenensium, a primordiis inde civitatis usque ad aetatem, qua in provinciae formam a Romanis est reducta. (Copenhagen, 1828) (Hafniae) = Thrige J.P. Res Cyrenensium. (Rome, 1940); Gottschik A.F. Geschichte der Gründung und Blüte des Hellenischen Staates in Kyrenaika. (Leipzig, 1858); Studniczka F. Kyrene, eine altgriechische Göttin. (Leipzig, 1890); Malten L. Kyrene, Sagengeschichtliche und historische Untersuchungen. Philologische Untersuchungen. Heft XX. (Berlin, 1911); Broholm — RE, XII (1924) col. 156 sq.; Wilamowitz-Möllendorf U. von Kyrene. (Berlin, 1928); Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. (Oxford, 1937); Horn R. Die Antike, 19 (Berlin, 1943); Chamoux F. Cyrène sous la monarchie des Battiades. (Paris, 1953); Roscher W.H. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. vol. I–V. (Leipzig, 1885–1898); Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии. (М., 1957).

126. Seymour T.D. Life in the Homeric Age. (N.-Y., 1914) 62.

127. Préaux C. Les Grecs à la découverte de l'Afrique par l'Égypte. — Chronique d'Égypte XXXII (1957) 290.

128. Breasted J.H. Ancient Records of Egypt. IV (Chicago, L., Leipzig, 1906) 419–444.

129. Hall H.R. The Cambridge Ancient History, III: The Assyrian Empire (Cambridge, 1954) 271.
130. Gardiner A. Egypt of the Pharaohs: An Introduction (Oxford, 1962) 340.
131. Wooley C.L., Randall-MacIver D. Karanòg. 56.
132. Mireaux E. Les Poèmes homériques et l'Histoire grecque. I (Paris, 1948) 78–82.
133. Diodorus. ed. Wachsmuth C., Hense O. IV (Berlin, 1909) 157.
134. Lactantius Placidus. ed. Jahnke R. (Leipzig, 1898) 284.
135. Snowden F. op. cit., p.33–101.
136. Inscriptiones Graecae II, n.1425, col. I, line 25, p.38; n.1443, col II, line 127, p.58; Kontoleon N.M. The Gold Treasure of Panagurishte. — Balkan Studies III (1962) 185–200 (Bibl.).
137. Tsonchev D. The Gold Treasure of Panagurishte. — Archeology VIII (1955) 218–227, fig. 9–10, p.223; Hoffmann H. The Date of the Panagurishte Treasure. — Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Römische Abteilung, LXV (1958) 121–141; Simon E. Der Goldschatz von Panaguriste — eine Schöpfung der Alexanderzeit, mit einem Beitrag von Herbert A. Cahn. — Antike Kunst III (1960) 3–26; Bothmer D. von. A Gold Libation Bowl. — Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, XXI (1962) 154–166.
138. Bothmer D. op. cit., p.162, 164, fig. 17.
139. ibid. p.161.
140. О Зевсе-эфиопе: Tzetzes. ed. Scheer E. cum Scholiis II (Berlin, 1958) p.191; Mair A.W. Callimachus and Lycophron. ed. Loeb, 539.
141. The Oxyrhynchus Papyri. ed. Hunt A.S., Grenfell B.P. Part XI (London, 1915) n.1358, Frg. 2, p.50, l.16–19: Эфиопы происходят от Зевса; Reinach T. — Revue des études grecques = REG XXIX (1916) p.120 — о происхождении эфиопов от Посейдона; Newiger H.-J. Lexikon des frühgriechischen Epos, s.v. Αἰθίοπες, col. 298: эфиопы происходят от Зевса или Посейдона.
142. Seltman C.T. Greek Coins: A History of Metallic Currency and Coinage down to the fall of the Hellenistic Kingdoms (London, 1955) 183, pl. XLII, 6; Robinson E.S.G. Catalogue of the Greek Coins of Cyrenaica (Bologna, 1965) XXXIII: автор наряду с чисто негрскими типами отмечает присутствие на монетах смешанных типов — с негрскими по типу фигурами, широкими носами, вывернутостью губ, но одновременно со специфически ливийскими волосами и причёсками, что для севера Африки, где постоянно происходило смешение ливийцев и негроидов, было обычным явлением, и ссылается на известную работу — Bates O. The eastern Libyans (London, 1914) p.39, 43–44, 69.
143. Саркофаг с триумфом Вакха находится в Балтиморе: (Walters Art Gallery) — Handbook of the Collection (Baltimore, 1936). 40, nn.23, 31; Olsen E.C. Dionysiac Sarcophagi in Baltimore (Baltimore, 1942) 10, 12, 26–28, 72 (автор датирует его 180–200 гг. н.э.); о нубийцах на изображениях саркофага: Kaschnitz von Weinberg G. Sculture del magazzino del Museo Vaticano I, text (Vatican City, 1937) pl. (1936) 116, n.254; pl. XCIII — (вторая половина II в. н.э.); 234 n.548, pl. LXXXVI (первая половина III в.); 234 n.549, pl. LXXXV (первая половина III в.).
144. Vivien de Saint-Martin L. Le Nord de l'Afrique dans l'antiquité grecque et romaine: étude historique et géographique (Paris, 1863) 2–4; Mallet D. Les rapports des Grecs avec l'Egypte. — Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'archéologie orientale du Cairo (Cairo, 1922) 11–12, 181.
145. Fontenrose J. Python: A Study of Delphic Myth and Its Origins (Berkeley and Los Angeles, 1959) 47.

146. Graindor P. *Mélanges d'Archéologie*. — *Bulletin of the Faculty of Arts, University of Egypt*, III, pt.2 (Cairo, 1955) 108; Seltman C.T. *Athens: Its History and Coinage before the Persian Invasion* (Cambridge, 1924) 97.

147. Diels H. *Die Fragmente der Vorsokratiker*, I (Berlin, 1961) Musaeus, Fgm. 13, p.25.

148. Panofka T. *Delphi und Melaine*. — *Winckelmanns Programm IX* (Berlin, 1849) 6–9; Babelon E. *Traité des monnaies grecques et romaines* (Paris, 1907) 355–358, 595–599, 1000–1001; Head B.V. *Historia Numorum* (Oxford, 1911) 340; Seltman C.T. *Athens...* 97; Leake W.M. *Numismata Hellenica: A Catalogue of Greek Coins* (London, 1854) 45; Graindor P. *Mélanges d'Archéologie*, 108; Wroth W. *Catalogue of the Greek Coins of Troas, Aeolis and Lesbos* (L., 1894) 163, n.71; 153, n.41.

149. О «восточном» и «западном» Мемноне: Goossens G. *Memnon était-il éthiopien ou susien?* — *Chronique d'Egypte XIV* (1939) 337–338.

150. О египетском Мемноне и его статуе: Posener G., Sauneron S., Yoyotte J. *Dictionary of Egyptian Civilisation* (N.-Y., 1959) s.v. Memnon; Bernand A. and E. *Les Inscriptions grecque et latines du Colosse de Memnon*. *Institut Francais d'Archéologie Orientale* (Bibliothèque d'étude) XXXI (1960); Gardiner A. *The Egyptian Memnon*. — *Journal of Egyptian Archaeology XLVII* (1961) 91–99.

151. Beazley J.D. *Attic Black Figure Vase-Painters* (Oxford, 1956) n.8, p.144; p.149; n.207, p.375; n.3, p.390; n.11, p.392; n.82, p.308 — изображение негра и двух амазонок интерпретируется как сюжет о Мемноне и Пентесилее; Lenormant Ch., De Witte J. *Elite des monuments céramographiques, III* (Paris, 1958) 185, pl. LXVI; Gerhard E. *Auserlesene griechische Vasenbilder, I* (Berlin, 1840) 167.

152. Snowden. *op. cit.* pl.2, 15 a-b.

153. Fränkel H. *Ovid: A Poet between Two Worlds*. — *Sather Classical Lectures*, vol. XVIII (Berkeley, Los Angeles, 1945) 14; 178.

154. Bataille A. *Les Memnonia*. — *Publication de l'Institut français d'archéologie Orientale du Caire* (1952) 14, 20–21.

155. Snowden F. *op. cit.* chapt. VII, n.25.

156. *ibid.*, chapt. VII, n.28.

157. Reinach S. *Répertoire des vases peint, grecs et étrusques, I* (Paris, 1899) 396.

158. Mayer M. *Noch einmal Lamia*. *Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abtheilung XVI* (1891) 300–312, pl. XII; Seltman C.T. *Two Heads of Negresses*. — *AJA* (*American Journal of Archeology*) XXIV (1920) 14–15.

159. Beardsley G.H. *The Negro in Greek and Roman Civilization: A Study of the Ethiopian Type* (Baltimore and London, 1929) 53; Burn A.R. *The Pelican History of Greece* (Baltimore, 1966) 175.

160. Snowden F. *op. cit.* chapt. III, n.55.

161. Loeb. *op. cit.* p.389; *Encyclopaedia Britannica*, XX (Chicago, London, Toronto, 1960) 377 s.v. Sesostris; Dvornik F. *The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew* (Cambridge, Mass., 1958) 174, n.111.

162. English P.T. *Cushites, Colchians and Khazars*. — *Journal of Near Eastern Studies XVIII* (1959) 49–53.

163. Hall H.R. *The Civilization of Greece in the Bronze Age* (London, 1928) 119–123; Burn A.R. *op. cit.* 44 (критские негры — нубийцы из Египта).

164. Evans A. *The Palace of Minos at Knossos*, II, pt. II (London, 1928) 755–756.

165. Tod M.N. *A Selection of Greek Historical Inscriptions, I* (Oxford, 1946) n.4; Bernand A., Masson O. *Les Inscriptions grecques d'Abou-Simbel*. — *Revue des études grecques LXX* (1957) 1–42; Sauneron S., Yoyotte J. *La campagne nubienne de Psammétique*

II et sa signification historique. — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire. L (1952) 157–207.

166. Encyclopaedia Britannica XVI (1960) s.v. Negro (Herskovitz M.J.) 193.

167. Gjerstad E., Lindros J., Sjöquist E., Westholm A. The Swedish Cyprus Expedition, Finds and Results of the Excavations in Cyprus: 1927–1931, vol. II, Plates (Stockholm, 1935) pl. CXXXIX, fig. 2–6, nn 1095, 1228; Gjerstad E. The Swedish Cyprus Expedition, vol. IV, Pt.2: The Cypro-Geometric, Cypro-Achaic and Cypro-Classical Periods (Stockholm, 1948) 103–104, 466–467.

168. Graindor P. Mélanges d'archéologie et d'épigraphie: Les vases au nègre. — Musée belge XII (1908) 29–30; Id. Mélanges d'archéologie. — Bulletin of the Faculty of Arts. University of Egypt. vol. III. pt.2 (Cairo, 1955) 105–110.

169. Hall H.R. The Cambridge Ancient History. vol. III: The Assyrian Empire (Cambridge, 1925) 315; Rose H.J. A Commentary on the Surviving Plays of Aeschylus, I (Amsterdam, 1957) 114.

170. Scholia in Apollonium Rhodium Vetera 2.963 — 65c (ed. Wendel C., 2. Aufl. (Berlin, 1958) 199).

171. Beardsley G.H. The Negro... 48–54, n.74–99; Fraser A.D. The Panoply of the Ethiopian Warrior. — American Journal of Archeology XXXIX (1935) 41–45; Bovon A. La Représentation des Guerriers perse et la notion de barbare dans la 1<sup>re</sup> moitié du V siècle. — Bulletin de Correspondance Hellénique 87 (1963) 598; Beazley J.D. Attic Red Figure Vase-Painters, I (Oxford, 1963) 267–268; Perrot G. Histoire de l'Art dans l'Antiquité, vol. X: La Grèce archaïque; la Céramique d'Athènes (Paris, 1914) 696; Bothmer D. von. Amazons in Greek Art (Oxford, 1957) 95, 152, 158.

172. Richter G.M.A. The Sculpture and Sculptors of the Greeks (New Haven, London, 1929) 180–181; Frazer J.G. Pausanias's Description of Greece II (L., 1898) 458; Picard G. Pourquoi la Némésis de Rhamnonte tenait-elle à sa dextre une coupe ornée de têtes de nègres? — Revue archéologique (1958) 98–99.

173. Ross E.D. The Persians (Oxford, 1931) 35; Herzfeld E.E. Iran in the Ancient East: Archaeological Studies Presented in the Lowell Lectures at Boston (L., N.-Y., 1941) pl. LXXXI; Olmstead A.T. History of the Persian Empire (Achaemenid Period) (Chicago, 1948) 244; Schmidt E.F. Persepolis I: Structures. Reliefs. Inscriptions. The University of Chicago Oriental Institute Publication, vol LXVIII (Chicago, 1953) 90, pl.49; Leroy J. Les "Éthiopiens" de Persépolis. — Annales d'Éthiopie V (1963) 295.

174. De Camp L.S. Xerxes' Okapi and Greek Geography. — Isis LIV (1963) 123–125.

175. Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord I (Paris, 1921) 33, n.6; II (Paris, 1921) 367.

176. Richter G.M.A. Catalogue of Engraved Gems. Greek, Etruscan and Roman. The Metropolitan Museum of Art, New-York. (Rome, 1956) pl. XVI, n.95, p.26.

177. Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World, I (Oxford, 1941) 381–383.

178. Préaux C. Sur les communications de l'Éthiopie avec l'Égypte hellénistique. — Chronique d'Égypte XXVII (1952) 261–263.

179. Randall-MacIver D., Wooley C.L. Buhen. University of Pennsylvania, Egyptian Department of the University Museum, Eckley B. Coxe Junior Expedition to Nubia: vol. VII, Text (Philadelphia, 1911) 126; Préaux C. Sur les communications... 263; Preisigke F. Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten, I (Strasbourg, 1915) n.302.

180. Preisigke F. op. cit. n.5111; Bevan E. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty (London, 1927) 77; Préaux C. Sur les communications... 263.

181. Bevan E. A History of Egypt... 76.
182. Gow A.S.F. Theocritus. ed. with a Translation and Commentary, II (Cambridge, 1950) 159–160.
183. Bevan E. A History of Egypt... 243.
184. Bevan E. A History of Egypt... 260–261, 274, 293–294, 324; Préaux C. Esquisse d'une histoire des révolutions égyptiennes sous les Lagides. — Chronique d'Égypte XI (1936) 535–536; Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World II, 709–719.
185. Bevan E. A History of Egypt... 260.
186. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World II, 712; Bevan E. A History of Egypt... 260; Pestman P.W. Harmachis et Anchmachis, deux rois indigènes du temps des Ptolémées. — Chronique d'Égypte XL (1965) 168.
187. Bevan E. op. cit. 293–294, 324–325; Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. I (Oxford, 1957) 303.
188. Bevan E. op. cit. 172.
189. Heichelheim F. Die auswärtige Bevölkerung im Ptolemäerreich. — Klio, supplementary volume XVIII (Leipzig, 1925) 66–67, 85; Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. — Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. I (Paris, 1949) 598.
190. Bacon H.H. Barbarians in Greek Tragedy. (New Haven, 1961).
191. Bonner C. A Study of the Danaid Myth. — Harvard Studies in Classical Philology XIII (1902) 130–131, 138–141; Hicks R.I. Egyptian Elements in Greek Mythology. — Transaction of the American Philological Association XCIII (1962) 100 — тёмный цвет кожи Данаид автор объясняет не их эфиопским происхождением (они — гречанки), а тем, что они «египтизировались» во время длительного пребывания в Египте.
192. Baldry H.C. The Unity of Mankind in Greek Thought (Cambridge, 1965) 18.
193. Bacon H.H. Barbarians... 26.
194. Birch S. On a Vase Representing an Adventure of Perseus. — Archeologia XXXVI (1855) 53–70, pl.6; Petersen E. «Andromeda» — Journal of Hellenic Studies XXIV (1904) 99–112, pl. V — о центральной фигуре в изображении высказывается предположение, что это, возможно, Финей, мифический царь Салмидеса во Фракии, которому были посвящены не дошедшие трагедии Эсхила и Софокла; Walters H.B., Forsdyke E.J. Corpus vasorum Graecorum. Great Britain, Fasc.7, British Museum, Fasc. 5 (London, 1930) 12; Bacon H.H. Barbarians... 89–92; Phillips K.M., Jr. Perseus and Andromeda. AJA LXXII (1968) 6, n.46.
195. Snowden. op. cit. pl.27 a/b.
196. Hoffmann H. Attic Red-figured Pelike from the Workshop of the Niobid Painter, ca 460 B.C. — Bulletin of the Museum of Fine Arts, Boston LXI (1963) 108–109, n.63. 2663.
197. Bieber M. The History of the Greek and Roman Theater (Princeton, 1961) 31–32, fig 110, 111a.
198. Walters H.B., Forsdyke E.J. op. cit. 12.
199. Snowden F. op. cit. pl.20.
200. Furtwängler A., Reichhold K. Griechische Vasenmalerei. Series I. (München, 1904) pl.51; Swindler M.H. Ancient Painting (New Haven and London, 1929) 125.
201. Real Museo di Napoli, XII (Naples, 1856) pl. XXXVIII — B. Quarante — comment., p.2; Heydemann H. Die Vasensammlungen des Museo Nazionale zu Neapel (Berlin, 1872) 333 n.2558; Brommer F. Vasenlisten zur griechischen Heldensage (Marburg, 1960) 26–29.

202. Beazley J.D. *Corpus Vasorum Antiquorum, Great Britain, fasc. 3. Oxford, fasc. 1.* (Oxford, London, Paris, 1927) 22–23 — pl. XXVI, 1–4; XXXI, 5
203. Beazley J.D. *Etruscan Vase-Paintig* (Oxford, 1947) 188, 305.
204. Snowden F. *op. cit.* pl.93.
205. Haspels C.H.E. *Attic Black-Figured Lekythoi, II* (Paris, 1936) pl.49b; *ibid.*, I (Paris, 1936) 140; Mayer M. *Noche einmal Lamia. Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abtheilung XVI* (1891) 300–312; Seltman C.T. *Two Heads of Negresses.* — *AJA XXIV* (1920) 14–15 (Lamia); Buschor E. *Die Affen-Inseln.* — *Ath. Mitteilungen LII* (1927) 230–232 (о сатирах, нападающих на женщин); Kenner H. *Das Theater und der Realismus in der griechischen Kunst* (Wien, 1954) 24.
206. Furtwängler A., Reichhold K. *Griechische Vasenmalerei. Series II, Text* (München, 1909) 106–107; Romagnoli E. *Ninfe e Cabiri.* — *Ausonia: Rivista della Societa Italiana di Archeologia e Storia dell'Arte II* (1907) 164, fig. 19; 164–166; Weege F. *Der Tanz in der Antike* (Halle, 1926) 110, fig. 162; Bieber M. *The History of the Greek and Roman Theater.* 296, n.82.
207. Perrot G. *Le Triomphe d'Hercule, Caricature grecque d'après un vase de la Cyrénaïque.* — *Monuments grecs publiés par Association pour l'encouragement des études grecques en France, n.5* (Paris, 1876) 25–51, pl. III; Metzger H. *Les Représentation dans la céramique attique du IV-e siècle* (Paris, 1951) = (*Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome*) 212, n.35; Bieber M. *Die Denkmäler zum Theaterwesen im Altertum* (Berlin, Leipzig, 1920) 137–138, fig. 125; Webster T.B.L. *Art and Literature in Fourth Century Athens* (London, 1956) 33.
208. Arias P.E. *Enciclopedia dell'Arte Antica, II* (Rome, 1959) s.v. Cabirici, Vasi 241.
209. Swindler M.H. *Ancient Painting.* 298; Walters H.B. *Odysseus and Kirke on a Boeotian Vase.* — *Journal of Hellenic Studies. XIII* (1892–1893) 77–87, pl.79.
210. О неграх и пигмеях на вазах кабиров, а также о чёрных олимпийцах: Reinach S. *Monuments nouveaux de l'art antique, I* (Paris, 1924) 123; Romagnoli E. *Ninfe e Cabiri.* 141–195, негритянские женщины на вазах кабиров — 164–166; Wolters P., Bruns G. *Das Kabirenheiligtum bei Theben* (Berlin, 1940) 96, n.5; Becatti G. *Enciclopedia dell'arte antica, V* (Rome, 1963) s.v. Negro — 398; VI (Rome, 1965) s.v. Pigmei — 168; Fairbanks A. *Catalogue of Greek and Etruscan Vases, I: Early Vases, Preceding Athenian Black-Figured Ware* (Cambridge, Mass., 1928) 196 n.562, pl. LXIX.
211. Marconi P. *Agrigento arcaica* (Roma, 1933) 53–54, pl. V, n.5–6.
212. Higgins R.A. *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum, vol. I; Text Greek: 730–330 B.C., vol. I; Plates* (London, 1954) n.1195, pl.63.
213. Luigi Bernabò Brea, *Il Castello di Lipari e il Museo Archeologico Eoliano* (Palermo n.d.) 78–79; Id. *Musei e monumenti in Sicilia* (Novara, 1958) 84; Webster T.B.L. *Monuments Illustrating Tragedy and Satyr Play, University of London, Institut of Classical Studies, Bulletin Supplement, n.20* (1967) 71.
214. Bernabò Brea L. *Museen und Kunstdenkmäler in Sizilien* (München, 1959) 78; Arias P.E. *A History of Greek Painting, trans. and rev. by Shefton B.B.* (London, 1962) 390–391, fig.240.
215. Grandjouan C. *The Athenian Agora, vol. VI: Terracotas and Plastic Lamps of the Roman Period* (Princeton, 1961) 62, n.606, pl.15.
216. Bartocinni R. De Agostino A., *Museo di Villa Giulia: Antiquarium e collezione dei vasi castellani* (Milan n.d.) fig. XIV, n.52393.

217. О негроидных масках из терракоты: Perdrizet P. *Les Terres cuites Grecques d'Egypte de la collection Fouquet*, I (Text); II (Plates) (Nancy, Paris, Strasbourg, 1921) 140, n.372, pl. XCVI; о золотой маске из раскопок в Бенгази и Тевхире — Marshall F.H. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman in the Departments of Antiquities*, British Museum (London, 1911) 369, n.3094.

218. Drago C. *Il Museo Nazionale di Taranto* (Rome, 1956) 25, 65; Hanfmann G.M.A. *Classical Sculpture* (Greenwich, Conn., 1967) 332, pl.252; Langlotz E. *L'Arte della Magna Grecia* (Rome, 1968) 311–312, pl.159.

219. Grandjouan C. *The Athenian Agora* n.1052, pl.29.

220. Beloch J. *Campanien* (Breslau, 1890) 137–138.

221. Richter G.M.A. *Grotesques and the Mime*. — *AJA* (1913) 149–156: автор видит в этих изображениях только «мимологию», не замечая в них других значений и функций.

222. Beare W. *The Roman Stage: A Short History of Latin Drama in the Time of the Republic* (Cambridge, Mass., 1951) 148, 232; Lindsay J. *Daily Life in Roman Egypt* (London, 1963) 179–182.

223. Reinach S. *Répertoire de la Statuaire grecque et romaine*, IV (Paris, 1913); Roux H., Barre L. *Herculanum et Pompei*, IV (Paris, 1876).

224. Wild H. *Une Danse nubienne d'époque pharaonique*. — *Kush* VII (1959) 76–92.

225. Köster A. *Die griechischen Terrakotten* (Berlin, 1926) 89–90, pl.101; Bieber M. *op. cit.* 249, fig. 830.

226. Reinach S. *op. cit.* 354, n.1; Fleischer R. *Die römischen Bronzen aus Österreich, Römisch-germanisches Zentralmuseum zu Mainz (Mainz am Rhein, 1967)* 152–153, pl.108, n.205.

227. Hill D.K. *Catalogue of Classical Bronze Sculpture in the Walters Art Gallery, Baltimore* (Baltimore, 1949) 71, n.149, [I.5].

228. Roux H., Barre L. *Herculanum et Pompei*, 199, pl.104, 1, 3; Reinach S. *Répertoire...* II, 2 (Paris, 1898) 563, n.4.

229. Snowden F. *op. cit.* pl.105.

230. Winter F. *Die Typen der figürlichen Terrakotten*, III 2 (Berlin und Stuttgart, 1903) 449, n.6.

231. Rome, Museo Nazionale, n.66176; Winkelmann J. *Monumenti antichi inediti*, II, pt.2 (Rome, 1821) 245, pl.188; Reinach S. *Répertoire...* II 2, 563, n.6.

232. Walters H.B. *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities*, British Museum (London, 1903) D 84, D 85, 310–311.

233. Walters H.B. *Catalogue of Terracottas...* 258, C 617.

234. Smith A.H. *A Catalogue of Sculpture...* British Museum, III (London, 1904) 114–115, n.1768.

235. McDaniel W.B. *A Fresco Picturing Pygmies*. — *AJA* XXXVI (1932) 260–271.

236. Ker, Alan. *Some Explanations and Emendations of Martial*. — *The Classical Quarterly* XLIV (1950) 19.

237. Peters J.P., Thiersch H. *Painted Tombs in the Necropolis of Marissa*. (London, 1905) 26; Swindler M.H. *op. cit.* 349–351.

238. Salomonson J.W., ed., *Mosaïques romaines du Tunisie*. *Catalogue* (Brussels, 1964) 33–34, n.29.

239. Hill D.K. *Catalogue...* XVI; Richter G.M.A. *Handbook...* 166, fig. 239.

240. Richter G.M.A. *ibid.*; Gallet de Santerre H. *Bulletin Correspondance hellénique* LXXIV (1950) 291.

241. Real Museo di Napoli, VI (Naples, 1838), pl. XXIII (comment. — Finati G.); Reinach S. Répertoire de reliefs grecs et romains, III (Paris, 1912) 94, n.1.
242. The Graeco-Roman Museum in Alexandria, n.10228.
243. Anthologia Latina (ed. A. Riese) 251, n.293.
244. Об античной концепции по отношению к варварам, в том числе инорасового происхождения: Jüthner J. Hellenen und Barbaren: Aus der Geschichte des Nationalbewußtseins — Das Erbe der Alten, New Series VIII (Leipzig, 1923); Hammond M. Ancient Imperialism: Contemporary Justifications. — Harvard Studies in Classical Philology LVIII-LIX (1948) 137–139; Snowden F. Blacks in Antiquity: Ethiopians in the Greco-Roman Experience (Cambridge, Mass., 1970); Haarhoff T.J. The Stranger at the Gate (Oxford, 1948); Westermann W.L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity (Philadelphia: The American Philosophical Society, 1955); Bryce J. The Relations of the Advanced and the Backward Races of Mankind (Oxford, London, 1902); Baring E. The Earl of Cromer, Ancient and Modern Imperialism (London, 1910); Hadas M. Hellenistic Culture: Fusion and Diffusion (N.-Y., 1959); Baldry H.C. The Unity of Mankind in Greek Thought (Cambridge, Eng., 1965); Sherwin-White A.N. Racial Prejudice in Imperial Rome (Cambridge, 1967); Sikes E.E. The Anthropology of the Greeks (London, 1914); Müller K.E. Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung (Wiesbaden, 1972); Sumner W.G. Folkways: A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores and Morals (N.-Y., 1906).
245. Diller A. Race Mixture among the Greeks before Alexander. — Illinois Studies in Language and Literature, n.20 (Urbana, 1937) 56.
246. Поплинский Ю.К. О понятии «варвар» в античности. — Африканский этнографический сборник. Africana XIII. (Л., 1982) 161–185.
247. Поплинский Ю.К. Принципы этнографических описаний в античной научной литературе (Из истории этнографической науки). — Африканский этнографический сборник. Africana XII. (Л., 1980) 127–154.
248. Подробно: *ibid.*, p.162–163.
249. Подробно с указанием соответствующих мест — Поплинский Ю.К. О понятии «варвар»... 172–178.
250. Armstrong A.M. Anacharsis the Scythian. — Greece and Rome XVII (1948) 18–23.
251. Westermann W.L. Slavery and the Elements of Freedom. — Quarterly Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences I (1943) 79; Haarhoff T.J. The Stranger at the Gate (Oxford, 1948) 216–221.
252. British Museum, nA 1233 (1220); Buschor E. Das Krokodil des Sotades. — Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst XI (1919) 34, fig.50; Beardsley G.H. The Negro in Greek and Roman Civilization: A Study of the Ethiopian Type (Baltimore and London, 1929) 15.
253. Toynbee A.J. A Study of History, I (London, N.-Y., Toronto: Oxford University Press, 1935) 252–253.
254. Reinhardt K. Poseidonius (München, 1921) 67–87.
255. Shapiro H.L. Race Mixture. — The Race Question in Modern Science (N.-Y.: UNESCO, 1956) 344.
256. Toynbee A.J. A Study of History, I (London, N.-Y., Toronto, 1935) 250–253.
257. Pugliese Caratelli G. Europa ed Asia nella storia del mondo antico. — La parola del passato XL (1955) 5–19.
258. По изданию: Körte A. (Leipzig, 1959); = Frg. 533 in: Kock Th. Comiorum Atticorum Fragmenta, III (Leipzig, 1888) 157; cf. — Baldry H.C. The Unity of Mankind in Greek Thought, 138–140.

259. Kroll W. — *td.*, I (Berlin, 1926) 116 = Bergson L. *Der griechische Alexanderroman*. Rezension  $\beta$ , *Studia Graeca Stockholmiensia*, III (Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1965) 3.18. 10–11, p.153.

260. Schmidt C. Eine griechische Grabinschrift aus Antinoe. — *Aegyptiaca: Festschrift für Georg Ebers* (Leipzig, 1897) 100; Geffken J. *Griechische Epigramme* (Heidelberg, 1916) n.371; Peek W. *Griechische Vers-Inschriften* (Berlin, 1955) n.1167.

261. Westermann W.L. *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, 104.

262. Gusman P. *Pompei, la ville, les moeurs, les arts* (Paris, 1906).

263. André J. *Étude sur les termes de couleur dans la langue latine* (Paris, 1949) 57, 362–364; Dölger F.J. *Die Sonne der Gerechtigkeit und der Schwarze. Eine religionsgeschichtliche Studie zum Taufgelöbnis*. — *Liturgiegeschichtliche Forschungen*, II (Münster, 1918) 57–64.

264. Seymour T.D. *Life in the Homeric Age*, 63.

265. Frankfort H. *Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature* (Chicago, 1948).

266. Здесь можно назвать хотя бы таких авторов уже неоднократно цитировавшихся исследований частного и обобщающего характера, как E. Babelon, J.D. Beazley, A. Furtwängler, S. Reinach, G.H. Beardsley, R.A. Higgins, F. Snowden, C.T. Seltman, M. Mayer и др.

267. Beazley J.D. *Charinos Attic Vases...* — *JHS* XLIX (1929) 39.

268. Collignon. M. *L'Afrique personnifiée; Statuette provenant d'Egypte acquise per Jean Maspero*. — *Mon Piot* XXII (1916) 163–173, pl. XVI; Cumont F. *Tête de marbre figurant la Libye*. — *Mon Piot* XXX (1932) 41–50.

269. Barrow R.H. *Slavery in the Roman Empire* (London, 1928) 15–21, 208–229; Duff A.M. *Freedmen in the Early Roman Empire* (Cambridge, 1958) 1–11; Westermann W.L. *The Slave System...* 97.

270. Preisigke F. *Ein Sklavenkauf des 6. Jahrhunderts*. — *Archiv für Papyrusforschung* III (Leipzig, 1906) 415–424.

271. Vermeule C.C. *Greek, Etruscan and Roman Bronzes. Acquired by the Museum of Fine Arts, Boston* — *Classical Journal* LV (1960) 198, fig. 7; *Art Treasury of Turkey, circulated by the Smithsonian Institution, 1906–1968* (Washington, 1966) 93, n.145.

272. Литература по проблеме отражения в терракотах различных профессий африканцев в Греции и Риме и указания на иллюстративные материалы см. Snowden F. *op. cit.* *Notae ad Chap.* VIII (p.169–196).

273. Babelon E. *Tête de nègre...*, 205–206, pl.27.

274. Morcelli S.A., Fea C., Visconti P.E. *La Villa Visconti (ora Torlonia) descritta* (Imola, 1870) 38, n.209; Helbig W. *Guide to the Public Collections of Classical Antiquities in Rome*, II (Leipzig, 1896) 86, n.847.

275. Graindor P. *Un Milliardaire antique: Hérode Atticus et sa famille* (Cairo, 1930) 114–116.

276. Glava Z.A. *A Study of Heliodorus and his Romance, the Aethiopica, abridged* (N.-Y., 1937); Hadas M. *Heliodorus: An Ethiopian Romance* (Ann Arbor, Michigan, 1957) IX.

277. Seel O. *Römertum und Latinität* (Stuttgart, 1964) 319.

278. См. напр.: Budge E.A. *The Egyptian Sudan*, I (London, 1907) 407, fig. — p.403; Кормышева Э.Е. *Религия Куша* (М., 1984) 91–106: Исид.

279. Griffith F.L. *Catalogue of the Demotic Graffiti of the Dodecaschoenus*, vol. I, Text. (Oxford, 1937) 11; Philae 416 (p.114–119); Philae 417 (p.119–121); Philae 421 (p.121–122).

280. Poulsen F. Tête de prêtre d'Isis trouvée à Athènes. *Melanges Holleaux* (Paris, 1913) 221, pl. VI.
281. Rostovtzeff M. *A History of the Ancient World*, vol. II: Rome (London, 1938) pl. XC, n.2, comm. — p.342.
282. Nock A.D. *Conversion* (Oxford, 1933) 124.
283. De Decker J. Le Culte d'Isis à Méroé en Éthiopie. — *Revue de l'instruction publique en Belgique* LIV (1911). 293–310.
284. Hiller von Gärtringen F. *Inschriften von Priene* (Berlin, 1906) 138, n.195.
285. Charles-Picard G. *La Carthage de Saint Augustin* (Paris, 1965) 71–77.
286. Luck G. *The Latin Love Elegy* (N.-Y., 1960) 48.
287. Della Corte M. *Amori e amanti...* 60; D'Avino M. *The Women of Pompeii* (Naples: Loffredo, 1967) 66.
288. Mahaffy J.P., Smyly J.G. *The Flinders Petrie Papyri*, III (Dublin, 1904) n. II; Peremans W., Van't Dak. *Prosopographia Ptolemaica*, V (Louvain, 1963) n.14403, n.14305.
289. Snowden F. *Blacks in Antiquity...* 180–182.

## РАЗДЕЛ III

### 1. КОММЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ АНТИЧНОЙ АФРИКИ ПО ГРЕКОЯЗЫЧНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Указатель представляет собой особый и необходимый раздел исследования, цель которого — в максимально сжатой форме изложить не только результаты выборки из всего корпуса источников по Африке известных античности этнонимов автохтонов континента, но и по возможности создать представление об этнической карте Африки соответствующего периода, т.е. дать локализацию упоминаемых этнических названий.

Составлен указатель по алфавитному принципу на основании русской транслитерации.

Каждая словарная статья содержит русскую, латинскую (и по необходимости греческую) транслитерацию этнонимов, указание мест в сочинениях важнейших (в большинстве случаев — всех известных) авторов, упоминающих данный этноним, краткое содержание наиболее важных свидетельств, а также античную и, там где это было возможно, современную локализацию, иногда (в не вызывающих сомнения случаях) — идентификацию древнего этнонима с реальными народами Африки. Таким образом, каждая словарная статья — микромонография источниковедческого характера.

Проблема локализации этнонимов, известных античному миру (указатель учитывает не только собственно греческую, но и те части эллинистической и римской латиноязычной традиций, которые вобрали в себя не только дошедшие, но и утраченные свидетельства греков об Африке), отражена в каждой статье в её текстовой части, а также введением особой пометы в начале статьи, дающей, в первую очередь, античную локализацию. Эта помета отражает региональное деление Африки, традиционное для античной географическо-этнографической традиции, и основывается преимущественно на «карте» Птолемея середины II в. н.э. В ней наиболее полно и точно зафиксирован самый исчерпывающий вариант античной географической традиции об Африке, вобравший в себя все знания предшествовавших исторических эпох в развитии античной науки и резюмирующий греческую традицию. Опора на Птолемея продиктована не только наибольшей полнотой его сведений, но и широким использованием этой традиции в современном научном узусе: достаточно указать на известную работу Ж. Десанж, целиком основанную на региональной схеме Птолемея. Таким образом, в

указателе используется всего десять условных сокращений для обозначения различных регионов Африки, известных античному миру:

1. **Мареот.** — Мареотида: регион озера Мариут в Дельте;
2. **Лив.** — Ливия: от оз. Мариут до р-на Солума;
3. **Мармар.** — Мармарика: от р-на Солума до Дерны / Дарны;
4. **Кирен.** — Кирена: от Дерны до «алтаря Филены»;
5. **Афр.** — Африка-провинция: от «алтаря / жертвенника Филены» до уэда эль-Кебир;
6. **Мавр. Цез.** — Мавретания Цезарейская: от Амсаги = уэд эль-Кебир до Мальвы (Мулуя);
7. **Мавр. Тинг.** — Мавретания Тингитанская: от Мальвы до Атлантического океана;
8. **Лив. вн.** — Ливия внутренняя: к югу от Тингитании, Цезареи, Африки и Киренаики и к западу от меридиана Дерны;
9. **Эф. суб.** — Эфиопия субегипетская: к востоку от меридиана Дерны, южнее Мармарики, Ливии и Египта;
10. **Эф. вн.** — Эфиопия внутренняя: к югу от внутренней Ливии и субегипетской Эфиопии.

Кроме того, используется помета «б.л.» — «без локализации» = лат. «s.l.» — для случаев, когда античные источники не дают данных, достаточных для привязки того или иного этнонима, и не называют места.

Отсылки к соответствующему первоисточнику производятся в соответствии с общепринятой в антиковедении традицией сокращённого цитирования источника, когда имя автора, равно греческого или латинского, даётся в сокращённой латинской форме, а место указывается с помощью единообразной цифровой шифровки, где римская цифра означает порядковый номер книги (главы, части, раздела), а арабская — параграфа. В цитировании стихотворных текстов последние арабские цифры означают порядковые номера строк = стихов. Отсылка к источнику даётся преимущественно без указания издания (так как шифровка даётся по наиболее авторитетному, «основному», изданию). Если же в научной практике используются одновременно два или более одинаково авторитетных издания, в отсылке учитываются оба.

Отсылки к некоторым важнейшим латинским авторам и авторам, писавшим после Птолемея, не должны рассматриваться как отход от основного объекта исследования — грекоязычной литературы по Африке. В этих случаях всегда речь идёт об авторах, использовавших именно греческую научную традицию и сохранивших свидетельства, не дошедшие на греческом языке. Это не противоречит и постоянно подчёркиваемому положению о том, что чёткой границы между собственно греческой традицией и последующими эпохами античности не существовало, а расширение и углубление знаний об автохтонах Африки происходило постоянно. Поэтому наряду

с Геродотом, Страбоном, Птолемеем, аккумулировавшими в своих трудах главные сведения об Африке для соответствующих эпох, в качестве важнейших источников, сохранивших сведения из не дошедших до нас древнегреческих письменных памятников, используются сочинения Помпония Мелы, Плиния, Аммиана Марцеллина, Юлия Гонория, Стефана Византийского, Кориппа, «Таблицы Пейтингера» (древней карты, поясняющей и дополняющей не дошедшую до нас карту Птолемея) и других авторов, писавших как по-гречески, так и на латинском языке.

Для античной этнонимии, связанной с Африкой, характерно наличие большого количества псевдоэтнонимов, имеющих обобщающий и классифицирующий характер. Часто, особенно в ранние исторические периоды, эти этнонимы нельзя (или весьма затруднительно) соотнести с конкретным этносом Африки. Иногда некоторые названия из этой группы имеют в греческих и латинских источниках и общее, и частное, конкретное значение. Поскольку в указателе помещены преимущественно поддающиеся локализации, хотя бы приблизительной, этнонимы, то некоторые из псевдо-, а также чисто мифологических этнонимов в нём отсутствуют. Вопросы, связанные с характеристикой таких классифицирующих (по различным параметрам) этнонимов, разбираются в других разделах работы. Здесь кажется нужным отметить лишь наиболее важные для определения главных районов расселения больших автохтонных групп населения Африки, различающихся по характеру хозяйственной деятельности и образу жизни, обобщающие этнонимы: ситофаги, земледельцы — питающиеся хлебом, зерном, с одной стороны, и креофаги, галактофаги — номады-мясоеды, молокоеды, кочевники-скотоводы — с другой; троглодиты — живущие в пещерах обитатели пустынных районов, охотники и собиратели, и лотофаги — питающиеся лотосом (т.е. плодами финиковой пальмы) жители оазисов и речных долин; по расовому признаку: ливийцы — европеоидные насельники континента и эфиопы — негроидные автохтоны; между ними — промежуточные расовые группы, например левкоэфиопы или ливоегиптяне.

Лишь частично представлена в указателе большая группа этнонимов, входящих в разряды как обобщающих, так и чисто сказочно-мифологических, например, агриофаги (*Agriophagi*) — поедатели диких зверей, памфаги (*Pamphagi*) — всеядные, антропофаги (*Anthropophagi*) — людоеды, кинамолги (*Cynamolgi*) — доители собак, кинокефалы (*Cynocephaloi*) — собакоголовые, артабатиты (*Artabatitae*) — четырёхногие и т.п. Наиболее полное перечисление этих народов Африки содержится в «Естественной истории» Плиния (Plin. N.H. VI, 190; VI, 195, который часто пишет о сказочном их характере — *dein fabulosa*) и у Филострата в «Жизни Аполлония Тианского» (Philostr., *Vita Apoll. Tian.* VI, 1).

При работе над указателем, в основании которого — подробное изучение собранных в результате выборки этнических названий, были учтены

основные фундаментальные исследования по этой проблематике. Среди них необходимо назвать работы, посвящённые изучению наиболее крупных из известных древним народам Африки, таких как ливийцы, эфиопы, мавры, массилы, массесилии, гетулы, нумидийцы и т.п. Это, например, капитальный труд Ст. Гзеля (St. Gsell, H.A.A.N., V, p.88–120), работа Г. Кампса (G. Camps, L'inscription de Béja et le problème des Dii Mauri, Rev. Afr., 1954, p.253–254), статьи из Реальной энциклопедии классической древности (RE — Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: Pauly-Wissowa-Kroll): s.v. Gaetuli, VII/1, coll. 464–465 (Dessau, 1910); Libyes, s.v. Libye, XII, coll. 149–202 (Honigmann, 1926); Massaesyli, XIV/2, coll. 2057 (Schwabe, 1930), Massyli XIV/2, coll. 2166 (Schwabe, 1930), Mauri, XIV/2, s.v. Mauretania, coll. 2348–50 (Weinstock, 1930); Numidae, s.v. Numidia, XVII/2, coll. 1348–1349 (Windberg, 1937), а также исследование Ж. Десанж, в котором сделана попытка идентификации античных этнонимов с арабской средневековой и более поздними традициями, и М. Шаму (Res Cyren., p.55 sqq.) о ливийцах Киренаики. Используются также другие многочисленные исследования по частным проблемам и комментарии исследователей к изданиям античных авторов, таких, например, как К. Мюллер, издатель и комментатор сочинений Клавдия Птолемея.

#### **АБАННЫ, Abannae = Abanni /Мавр. Цез./**

Ammianus Marcellinus XXIX, 5, 37 (ed. V. Cardthausen, t. II, p.190); Eustath. ad Dionys., 64; Philostr. Vita Apoll., V, 1 (Ἀβινναί).

Абанны соседствуют с капариенсиями (Caprarienses) у гор капариев (Amm. Marc. XXIX, 5, 34 p.189 — Abbanis), недалеко от эфиопов у Сахарского Атласа. Julius Honorius, Cosmographia, A48 = GLM, p.54: Avennei, Avenei, [a]bensis, [a]benses. Abenna gens — племя Тингитании — Оросий путает из-за созвучия с Abyla (остров у Сеуты) (Orosius, 47 = GLM, p.68). Следует думать о совр. Aït-Abenn, на сев.-зап. от M'sila.

#### **АВАЛИТЫ см. НУБЫ**

#### **АВАСТОМАТЫ, Avastomates /Мавр. Цез./**

Ammianus Marcellinus XXIX, 5, 33, p.189

Авастоматы помещаются Марцеллином в p-не Tipata (Tipasa?).

#### **АВГИЛЫ, Augilae, Αὐγίλαι /Мармар./**

Herod. IV, 172; Ptol. IV, 5, 13; Plin. N.H. V, 43, 45; V, 26–27; Pomp. Mela I, 46; I, 23; Procopius, De aed. VI, 2 (ed. de Bonn, p.333–334).

Авгилы — жители оазиса Авгила (Ауджила), сохранившие своё ливийское имя (G. Mercier, La langue libyenne et la toponymie antique de l'Afrique du Nord. — Journal Asiatique, 1924. p.310). Оазис расположен на юге Киренского плато в 200 км

к северо-востоку от Большого Сирта. В Авгиле жили в своё время насамоны, где собирали плоды финиковых пальм, о чём сообщает Геродот. Эта традиция сохранилась вплоть до Птолемея: он также объединяет авгилов и насамонов. Но Помпоний Мела (I, 46) и Плиний (V, 45) разделяют их, помещая авгилов между гарамантами и троглодитами (соответственно I, 23 и V, 43). Плиний (V, 26–27) локализует авгилов в 12 днях пути от гарамантов (= 360 км). Птолемей (IV, 5, 12) упоминает город Авгилу — Αὐγίλαι — в Мармарике, к югу от залива Бомба. Прокопий путает Ауджилу и оазис Аммона (De aed. VI, 2).

#### **АВСЕИ, Ausees /Афр./**

Herod. IV, 180: Αὐσέες, Αὐσεῖς, Αὐσεῖ, Αὐσηῖς

Steph. Byzant. s.v. Αὐσεῖς

Авсеи — номады у озера Тритон, граничат на востоке с махлиями (по их имени позже — река Ausere (Auseritum — Anonym Ravenn. III, 5). В общем — р-н Малого Сирта.

#### **АВСХИСЫ / АВСХИТЫ, Aukhisae /Кирен./**

Herod. IV, 171: Αὐσχίαι; Αὐσχισοί, Αὐσχισοί; Αὐχίται, Αὐχισοί (St. Gsell, Hérodote, p.124; F. Chamoux, p.228)

Авсхисы обитали выше Барки на морском берегу по соседству с эвгесперидами (Бенгази). Steph. Byzant. s.v. Αὐσχίται (со ссылкой на Аполлодора — выше Барки). Diodor. III, 49: Αὐσχεῖται, Αὐχεῖσαι, Αὐχίαι (Диодор помещает их на территории Кирены). Nonnus, Dionisiaca 8, 376: Αὐχηται. Ptol. IV, 5, 12: Αὐσχίται, Αὐσχίαι, Αὐχίαι, Ανασχίαι, Αναχίται, Αναχίαι — Птолемей локализует их в Мармарике, неподалёку от насамонов, бакатов и оазиса Ауджила (Авгила). Их всегда ставят рядом с насамонами: Herodotus IV, 172.

#### **АВСХИСЫ, Aukhisae /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12

Птолемей помещает их в Мармарике, но в Киренаике — авсхисы Геродота (IV, 171). Речь может идти об одном и том же народе, который ко времени Птолемея откочевал на новое местожительство, или об использовании одного этнонима для обозначения двух разных народов. Предпочтительнее первое предположение.

#### **АВТОЛАТЫ / АВТОТОЛЫ / АВТОЛОЛЫ, /Лив. вн./**

Autolatae / Autoto[e]les / Autololes

Plin. N.H. V, 9; V, 5; V, 17; VI, 201; VI, 6, 6; VI, 6, 7; Ptol. IV, 6, 6; 6, 3; 6, 7; 6, 14; Sil. Ital., Pun. II, 63; XV, 671; XI, 192; Lucanus, Pharsal. IV, 677; Claudianus, Sl. Stil. I, 356; Orosius, Adv. Paganos I, 47 = GLM, p.68; Prudentius, Symm. II, 809; Sidon. Apollin., Carm. V, 336; Corippus, Ioh. II, 58.

Большой народ, который Плиний называет validissimi Autotoles. Помимо редкостного здоровья, они обладали выдающейся воинственностью: автотолы, по свидетельству Плиния, разрушили Sala (Chellah) на границе с пустыней. Через их территории проходил путь к Атласу. Обитали они в р-не Rhysaddir (= Агадир) на

границе с рекой Quosenus. Локализация — во внутренней Ливии, в р-не реки и города Salathos (bou Regreg, Chellah).

В одном из текстов Плиния (V, 17) приведена иная версия, согласно которой автотолы жили на территории Тингитании по соседству с баниурами и в тех местах, где ранее были полностью разбиты крупные автохтонные народы — маврусии и массесилы. Плиний упоминает также о том, что автотолы — племя гетулов. Поэтому подробности, касающиеся гетулов в целом, этот автор распространяет и на автотолов. Плиний говорит (VI, 201) о каких-то островах, открытых Юбой в океане напротив страны автотолов, которые были островами Блаженных (Канарами). Возможно, речь идёт об о-ве Могадор или другом о-ве на широте Safi.

В области страны автотолов добывали знаменитый гетульский пурпур, естественный краситель, которым Африка на протяжении почти всей античности снабжала мир Средиземноморья. (О гетульском пурпуре: Plin. N.H. V, 17; VI, 201 исследователи вопроса — Й. Гаттефоссе, Л. де Сагазан и К. Мюллер — в комментариях к Птолемею склоняются к тому, что о-в Гера (Нега), называемый Птолемеем, — Мадейра. Й. Каркопино располагает Геру между Керной на Рио де Оро и Канарскими о-вами, идентифицируемыми традиционно с о-вами Блаженных). Птолемей (VI, 6, 6) называет автолатов второстепенным народом внутренней Ливии на берегу моря, жившем «ниже» страны гетулов и мавсолов. В другом месте (VI, 6, 7) названы автолаты и город того же имени (Αυτόλατα) во внутренней Ливии, на юге Тингитании в морском районе. Локализация автолатов: на северо-восток от Салатоса (Salatos = bou Regreg).

Автотолы — постоянный персонаж и элемент поэтической географии: Силий Италик описывает их как многочисленный народ Мавретании, ценящий свои волосы больше жизни. Лукан рассказывает об автололах в войсках Юбы I. Клавдиан (конец IV в. н.э.) говорит, что они — жители пустыни. Пруденций называет их галаулами (Galaules), которые в его время (V в. н.э.) жили на берегу Океана рядом с гетулами и гарамантами. У Сидония они упомянуты как союзники Гензерика. Корипп знает их под именем автилитов (Autilites), которые обитали на крайнем востоке Магреба, т.е. в р-не Aït Hilala.

#### **АГАНГИНЫ, Aganginae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀγαγγῖναι, Ἀγανγῖνοι

Птолемей называет их, как эфиопов, после африкеронов (Aphrikerones) в направлении к Libonotos (назв. ветра сев.сев.-западного направления). Африкеры помещались под орфеями (Orpheis), которые обитали между горой Karphas и горой Theon Okhema (Колонна, или опора богов). Ὀχημα следует понимать именно так, а не традиционно «Колесница». Подтверждают такое толкование следующие примеры: Euripid., Tr. 884: ὄχημα τῆς γῆς ὅστις εἶ, εἴτε Ζεὺς «Зевс, подпирающий землю»; Pomponius Mela III, 9, 94: в описании Атласа — caelum et sidera non tangere modo vertice, sed sustinere quoque dictus est. Dio Cassius, Ep. LXXV, 13 — поэты называют Атлас κίονα αὐτὸν τοῦ οὐρανοῦ — «колонны неба»; возражая Геродоту (Herod. IV, 184) понимавшему слово как «колесница». Karphas (Ptol. IV, 6, 6) идентифицируется с Daras (Draa). Theon Okhema (Ptol. IV, 6, 6) — Masitholos (возможно, река Massa (Ptol. IV, 6, 6) или Masathat (Plin. N.H. V, 10) — уэд Massa = turbulentus (будоражащая).

Агангины — западные соседи эфиопов-ксилликов (Xyllikeis), другого народа внутренней Ливии, живущего у горы Aroualtes. Всё говорит о том, что эти тёмнокожие люди обитали в пределах совр. Рио де Оро Марокко и Алжира, видимо, к югу от Драа, в соседстве с эфиопами-даратитами (Daratitae), о которых упоминает Плиний (Plin. N.H. V, 9, 10), и гетулами-дариенами (Dariens), которые занимали территорию верховьев. В любом случае, это народ пустыни, что подтверждают и поздние авторы (напр., Orosius, Adv. Paganos, 46 = GLM, p.68, который помещает эфиопов-гангинов между горами, проходящими посередине страны Цезарей вплоть до Океана). В III в. н.э. agaggeni названы в Liber Gentium I, 132 = MGH a.a., IX, p.101: Aggageni, Agageni.

### **АДИРМАХИДЫ, Adirmachidae, Ἀδιρμαχίδαι /Лив./**

Herod. IV, 168; Ptol. IV, 5, 12; Strabo XVII, 3, 32; Pseudo-Scyllax 108 (GGM I, p.82); Plin. N.H. V, 39; Sil. Italicus, Punica III, 278–282; IX, 223–225; Herodianus (III в. н.э.) (FHG IV, p.294); Steph. Byzant. s.v. Ἀδαρχίδαι, Ἀδυρχίδαι (вар.).

Геродот называет адирмахидов первым ливийским народом после Египта. В западном направлении они достигали порта Плинос («Большого спуска» — Katabathmos megas: Strabo XVII, 3, 32). Plynos — Πλῦνος — устье залива Солум (Sidi = Barrani; RE, XXI, col.1053 sq. s.v. Plynos). Псевдо-Скиллакс сообщает, что адирмахиды граничили с мармаридами. Плиний помещает адирмахидов в Мареотиде между мармаридами и мареотами. Силий Италик описывает их как чернокожих, обожжённых солнцем людей. Птолемей локализует адирмахидов внутри страны к югу, рядом с бузеями и огдемами (Ogdaemi — обитатели р-на у горы Огдамон); на севере адирмахиды доходили до оазиса Аммона (Сива).

В адирмахидях некоторые видят темеху древнеегипетских источников (Г. Мёллер) эпохи Нового Царства. По гипотезе Ф. Шаму, адирмахиды — машвеш, о которых говорится в победной реляции Рамсеса III в 1188 г. до н.э.

### **АКСУМИТЫ, Axomitae / Axoumitae /Эф. суб./**

Жители эфиопского города и древнего царства на крайнем юге субегипетской Эфиопии. Источники: passim.

### **АКУЭНСИИ, Akouēnsii, Ἀκουήνσιοι /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5.

Акуэнсии локализуются около гор Garapha, неподалёку от Mikenī и Makkourae (р-н Ouarsenis); по другой версии — Aquae Calidae (Hammam Righa).

### **АЛАБЫ, Alabi /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 190

Народ на левом, африканском, берегу Нила, живший южнее номадов, южные соседи медимнов, обитавших южнее макробиев. Долгоживущие эфиопы-макробии — население Мероз и более южных р-нов: южнее совр. Хартума, на Белом или Голубом Ниле.

Другие соседи алабов, по Плинию, — сирботы (Syrbotae), их столица — город Sirbitum (Plin. N.H. VI, 194), который находится в 12 днях плавания от Мероз (VI,

196), т.е. около 250 км. Но Сирбитум в 12 днях плавания от дабеллов, живших в 6 днях пути от побережья. Вероятно, речь может идти о Вади Гаш (Ouadi Gasch).

#### **АЛАХРОИ** см. МАХРИИ

#### **АЛИТАМБЫ, Alitambi /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 3: Ἀλιταμβοί, Ἀλοῖταμβοί

Птолемей помещает их между болотами Ливии и горой Thala, по соседству с манралами (manrali). Топоним «болота Ливии» идентифицируется в провинции Африка с шотт Мельрир (shot Melrhir). Алитамбы — население Большого Восточного Эрга. С. Гзелль (HAAN, V, p.87 n.10) этот этноним сближает с упоминаемыми у Ник. Дамаскина (Nic. Damasc, 138 = FHG III, p.463 n.138) алитемниями (alitemnii) — августовские времена. Это племя отличалось быстротой в беге. То же качество присуще троглодитам Геродота (Herod. IV, 183), за которыми охотились на колесницах гараманты. Но этих троглодитов локализует в Тибести.

#### **АЛИТЕМНИИ, Alitemnii /б.л. — Лив. вн./**

Nicolaus Damasc., Frg. 138 = FHG, III, p.463: Ἀλιτέμνιοι

Этот народ Ник. Дамаскин называет, основываясь на более древних источниках, среди прочих ливийцев. Они отождествляются с алитамбами (alitambi) Птолемея, который считал их жителями внутренней Ливии.

#### **АМАНТЫ, Amantes /Афр./**

Plin. N.H. V, 34 (вар.: Hammanientes, manantes, amamantes, manentes...)

Они названы после насамонов, асбитов и маков (с востока на запад). Иногда на их месте — асбиты. Видимо, это результат кочевничества (ср. Herod. IV, 182 — насамоны у оазиса Авгилы). Обитали в 12 днях пути на запад от Лептис Магны и в 7 днях к югу от троглодитов, торговавших карбункулами из Эфиопии. Аманы строили дома из соли (солевых блоков). Они связаны с Фазанией (Plin. N.H. V, 35) и Гадамесом (Gadamus) (в пустыне, «вниз» от Малого Сирта — N.H. V, 26).

#### **АММОНИИ, Ammonii, Ἀμμώνιοι /Лив./**

Herod. IV, 181; II, 42; Diodor. XVII, 50; Quint. Curtius IV, 7, 18–19.

Геродот называет аммониев в 10 днях пути к востоку от Авгилы. Они жители оазиса Аммона (Cuba), к сев.-вост. от Фив. Аммонии происходят от египетских и эфиопских колонистов (II, 42). Диодор и Кв. Курций помещают эфиопов восточнее, южнее и западнее от оазиса Аммона.

#### **АНАГОМБРЫ, Anagombri, Ἀνάγομβροι /Лив./**

Ptol. IV, 5, 12.

Птолемей называет анагомбров сразу после оазиса Аммона, к югу от него. Обитали они в горном р-не, носившем название Анагомбра (54° / 27°30' — Ptol. IV, 5, 10), к сев.-сев.-западу от оазиса Аммона (55°30' / 28° — Ptol. IV, 5, 14).

**АНАКУТЫ, Anacutas /Афр./**

Упоминаются Кориппом (Corippus, Ioh. II, 75) вместе с берберами, которые в VI в. н.э. жили в Галлике, недалеко от Марета (Martae) (Триполитания). Также — Corippus Ioh. VI, 390 (MGH a.a., t. III, 2 — Corippus).

**АНАТИКОЛЫ, Anaticoli /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀνατίκολοι, Ἀντίκολοι, Ἀντικόλοι

Птолемей считает их группой фарусиев, расположенной к востоку от солоэнтиев (Soloentii) и к западу от khorritae и stakhire, вплоть до горы Karphas. Птолемей (IV, 6, 6) помещает фарусиев к северу от горы Sagarola, где берёт начало Soubos, который впадает в Nigeir. Во всяком случае, фарусии-анатиколы обитали к западу от Атласа, по течению реки Oum er Rbia (Ум эр-Рбия) — до Тензифта (Tensift). Для локализации реки Anatis важны след. авторы: Plin. N.H. V, 9–10; 13; Ptol. IV, 1, 2; Solinus XXIV, 12–14.

**АНГАУКАНЫ, Angaukani /Мавр. Тинг./ см. ИАНГАУКАНЫ****АНЕЙРИТЫ, Aneiritae /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12: Ἀνειρίται, Ἀνειρεῖται, Ἀνιρίται, Ἀνηρίται, Ἀνηρεῖται, Ἀνηρεῖται

Птолемей локализует их на севере Мармарики между либиархами (Libyarkhae) и бассакхитами (bassakhitae). Видимо, на северо-востоке залива Бомба (Bomba).

**АОР, Aor /Афр./**

Название города у Кориппа — Corippus Ioh., II, 50. Таково же название воинственного народа, жившего недалеко (30 миль) от места Ауру около Лептис Магны (Lebda).

**АПОТОМИТЫ, Apotomitae /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12 — Ἀποτομίται, Ἀποτιμάται

Птолемей локализует их «под» бассакхитами, во внутренней части страны, недалеко от границы с Ливией. К. Мюллер (p.692, 4) сближает этноним с назв. города Abathouba. Это труднодоказуемая гипотеза, так как этот город находился северо-западнее Масукиса (Masoukhis), (Ptol. IV, 5, 13: Ἀβάθουβα — 51°31' / 30°30'; Μασουχίς — 53°30' / 30°40').

**АРАРАУКЕЛЫ, Araraukēles, Ἀραραύκηλες / Acraceles /Кирен./**

Plin. N.H. V, 33: Acraceles, Acraukeles — названы после мармаринов (при перечислении с востока на запад) и перед насамонами, жившими на побережье Большого Сирта. Ptol. IV, 4, 6: Ἀραραύκηλες, Ἀραυρακίδες, Ἀραραυκίδες — Птолемей помещает их в Киренаике; к востоку от них — баркиты (Barka = el-Merdscheh). Darnis (Derna) — граница между Киренаикой и Мармарики (IV, 4, 1); локализация арараукелов — между Баркой и Дерной. Геродиан (Herod. FHG IV, p.294: παῖδας Ἀδερμαχίδαν, Ἀραυράκηλιν, Ἀσβύσταν, Βακαλον, Μάκαν, Ψύλλον)

в III в. н.э. в повреждённом тексте называет их между адирмахидами и асбистами. По Геродоту (IV, 171), асбисты жили к югу от Кирены. В любом случае, локализация араукелов между Киреной и Дерной вероятна.

#### **АРЕАКИДЫ, Areakidae /Афр./**

Appianus, Lib., 33 — Ἀρεακῖδαι

Племя, известное по войне Ганнибала (сражалось у Гадрумета в 203–202 гг. до н.э.). У Тита Ливия (Tit. Liv. XXXIII, 18) они называются ареи (arei ex Africa). Возможно, это Aris — общее наименование карфагенян у Силия Италика — Sil. Ital., Punica XV, 232; 284.

#### **АР[Д]ЗУГИ, Arzuges /Афр./**

Народ или группа племён, живших в Арзугитане, части Триполитании. Orosius Adv. paganos I, 2, 90 — C.S.E.L., t. V, p.32–33; Corippus, Ioh. II, 148.; Dict. d'Hist. et de Geogr. eccl. (A. Audollent), t. IV, coll. 863 sqq.

#### **АРОККИ, Arokkae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀρόκκαι, Ἀρρόκκαι

У Птолемея они помещены между горой Mandron (в центре Атласа) и реками Salathos (bou Regreg), где берёт начало Масса, и рекой Сагапола (Sagarola), из которой текут Subos (Sebu) и один из притоков Нигера. Они перечисляются после салатов, дафнитов и замадзиев (Salathi, Daphnite, Zamazii) и перед кетианами и эфиопами-нигритами (Ketiani et Nigrites), жившими севернее Нигера.

#### **АРОНКИ, Aronkae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀρόυκαι, Ἀρόκαι, Ἀροκκαῖοι, Ἀρόκκαι

Аронки (аранки), по Птолемею, жили севернее горы Аранкас. К востоку от этой горы жили асакары (Asakarae). Идентифицируется гора Аранкас с массивом Тассили — Ахаггар (?). Локализация народа аронки — между Тадемаитом и Феццаном; их занятие — номадизм.

#### **АРТЕННИТЫ, Artennites /Мавр. Цез./**

Iulius Honorius, A48, op. 1., p.54

Ю. Гонорий упоминает их вместе с мусунейми / мусонами (Musuneî) и варварами (barbares). Регион Арсенария (Arsenaria — Sidi bou Ras — ?). Pomponius Mela I, 31 — Arsinna.

#### **АРХИСАРМЫ, Archisarmi /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 192.

Локализуются на левом африканском берегу Нила южнее тонобаров (Tonobari) /птоэнбанов (Ptoenbani = Ptoemphaneis — Ptol.) и гарусбов (Harusbi); к западу от острова сембритов (Plin. N.H. VI, 191), т.е. уже на левом берегу Голубого Нила, точнее Сеннара, и на левом берегу Белого Нила. Более точной локализации нет.

**АСАРАКИ, Asarakae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀσαράκαι, Ἀσαράκκαι, Ἀσφαράκαι

Народ восточнее горы Аранкас. Может быть, это то же, что Azguer. Локализуется западнее Феццана.

**АСБИТЫ / АСБИСТЫ, Asbutae /Кирен./**

Herodotus IV, 171: Ἀσβυστέων, Ἀσβυτέων

Ст. Гзелль (St. Gsell, Hérodote, p.123) полагает, что это Esbet египетских историков; (ср. также: O. Bates, The eastern Libians, London, 1914, p.51; 62). По Геродоту, они находились к западу от гилигамов, а западная граница проходила по о-ву Афродисий (Kersa = Aphrodisias — Herod. IV, 169), напротив Дерны. Жили они к югу от Кирены и были удалены от побережья, занимая внутренние районы Киренаики. У них были колесницы с квадригами лошадей.

Каллимах и Ликофрон дают аналогичные сведения: Callimach, Apoll. 76; Lycophron, Alex. 848; 895. Steph. Byzant. s.v. Ἀσβύσται; Тритон идентифицируется здесь с Asbyste — лагуна к востоку от Бенгази? Strabo II, 5, 33: помещает их среди гетулов Сиртов (Cenithi?, Buzakii). Plin. N.H. V, 34: Hasbytae; после насомонов и перед маками (с востока на запад).

Ptol. IV, 4, 6: Ἀσβύσται; Ἀσβήται, Ἀσβύται — к северо-востоку от Садов Гесперид (в р-не Бенгази) к югу до Баркистов, т.е. западнее локализации Геродота. Dionys. Perieg. 211 = GGM II, p.113 — восточнее насомонов. Nonnus 3, 392; 8, 370 — аллюзии об асбитах. Geogr. Ravenne III, 3 считает, что вся «Эфиопия» принадлежала гарамантам. Silius Italicus (I в. н.э.) говорит, что Asbyte (Асбита) была дочерью гараманта Iarbas (Punica II, 58), и упоминает её колесницу (II, 166). Ясна связь между гарамантами и асбитами, а также общность их обычаев (Florus II, 31) (Cf. W. Vycichl, Atlanten, Isebeten, Ihaggaren. — Revista degli Studi Orientali, XXXI, 1956, p.211–220: связывает имя асбистов с исебетами (Isebeten) туарегов).

**АСТАКУРЫ, Astakoures /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6 — Ἀστακούρες, Ἀστακούρες

Названы после нигитимов, локализуются среди кинитиев, около реки Кинипс (Kinups / Cinyps). Они примыкают к лотофагам (вдоль залива Габес). Cf. Corippus Ioh. II, 75; VI, 391, 404, 431, 454, 464. Птолемей (IV, 6, 6) помещает астакуров во внутренней Ливии между гарамантами и нубами. Современные исследователи думают и о Хоггаре, месте обитания современных туарегов.

**АСТАКУРЫ, Astakouri /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀστάκουροι, Ἀστακούροι

Астакуры названы после талов и долопов (Thalae, Dolopes) и перед Гарамантским Проходом и нубами, которые обитали к западу от астакуров. Как и долопы, жившие южнее лотофагов, они упомянуты в Африке (Ptol. IV, 3, 6), под Nigitimi. Астакуры — номады, обитавшие в пустыне южнее Туниса, к западу или сев.-зап. от долопов, во внутренней Ливии. Локализация — где-то в р-не Хоггара.

**АСТРИКИ, Astrices /Афр./**

Corippus Ioh. II, 75; VI, 391, 404, 431, 454, 464.

Корипп помещает их в Галлике, между поселениями Tillibari (Remada) и Marte (Mareth). Возможно, идентичны Астакурам Птолемея.

**АСФОДЕЛОДЫ, Asphodelōdeis /Афр./**

Diodor. XX, 57, 5 — Ἀσφοδελώδεις (время экспедиции Агафокла — конец IV в. н.э.). Поселены были в город Phelline. Точной локализации нет.

**АТАКИ, Athakae /Эф. вн./**

Ptol. V, 8, 2: Ἀθάκαι, Ἀνθάκαι

Народ «эфиопов», живёт на восток от эфиопов-ислериев и на запад от большой страны эфиопов, прилегающей к Ливии; в стране атакоев обитали белые слоны, носороги и тигры. Эти земли отделялись от неизвестной части континента страной Агисимба, которой достиг Юлий Матери, как об этом сообщает Марин Тирский, и Птолемей ссылается на него (Ptol. I, 8, 4). Агисимбу характеризуют носороги. Атаки локализируются в западном направлении на юге от Асахов (Asachae) Плиния (Plin. N.H. VI, 191; VIII, 35). Некоторые исследователи отодвигают в горные р-ны, в 5 днях пути от моря и вплоть до отделявших их от Нила симбарров (Simbarri) и палугов (Paluges) (ср. C. Müller, p.789, 13; Vivien de Saint-Martin, p.176). Симбарры Плиния идентифицируются с сембритами (Plin. N.H. VI, 192) и сембритами /себритами Страбона (Strabo, XVI, 4, 8; XVII, 1, 2 — по Эратосфену — Σεμβρίται, а также себридами /себеридами Птолемея (IV, 7, 10 — Σεβρίδαί — это «перебежчики» из Египта на о-в Мероэ во времена Псамметиха, жившие между Нилом и Голубым Нилом (Astarous), северо-восточнее Хартума).

Страна сембритов и есть крайняя восточная граница атакоев. Здесь вообще трудна локализация и идентификация, так как в р-не сембритов жили асахи (Asachae), охотники на слонов, населявшие р-н Аксума. Это крупный народ, как и их соседи троглодиты (Plin. N.H. VI, 191: Asachae multus nationibus), составлявшие этнокультурное единство. Троглодиты населяли побережье Красного моря и Сомали до горы Слонов и жили охотой на слонов (Ptol. IV, 7, 10, p.779). Атакоев (асахов) связывают с атагаями (Athagaous) из надписи из Адулиса (I.G.G., III, 199), которые, видимо, жители агао из р-на Сокоты, к востоку от Гондара. Атаки Птолемея и асахи Плиния отождествляются друг с другом; но атаки размещены западнее (такое же смещение к западу у Птолемея и в отношении нуба, а у Дионисия и Плиния (Dionys. Perieg. 219–229; Plin. N.H. VI, 198–199) блеммии помещены около Керны (Cerene).

**АТАЛМЫ см. БЛЕММИИ****АТАРАНТЫ, Atarantes /б.л. — Лив. вн.??/**

Herodotus IV, 184

Геродот в 10 днях пути от гарамантов (≈300 км), за песчаной полосой, упоминает народ, названный в рукописях атлантами. Но в ещё 10 днях пути от этих атлантов упоминаются другие атланты, жившие у подножия Атласа. Стефан Византийский

(St. Byzant. s.v. Ἀτλαντες), ссылаясь на автора III в. до н.э. Риана, восстанавливает настоящее имя первого народа — атаранты. П. Мела (Pomr. Mela I, 8, 43) говорит об атлантах (другого названия он не приводит). Плиний называет тоже только атлантов (Plin. N.H. V, 45). Николай Дамаскин в цитировании Страбона упоминает афарантов (Nicol. Damasc. fr.140 — FHG III, p.463: Apharantes). Геродот (IV, 184) говорит, что у них нет собственного имени и что они так названы потому, что проклинали солнце (ср. St. Gsell, Hérodote, p.154–155; H. Lhote, L'expédition de Cornelius Balbus au Sahara, p.62–64). Точка отсчёта для локализации — гараманты. Страбон (XVII, 3, 19) помещает гарамантов в 9–10 днях от эфиопов у Океана (юг Марокко), в 15 днях (= 450 км) от оазиса Аммона, а Плиний (IV, 27) авгилов из Ауджилы — на половине пути между западной Эфиопией и районом между Сиртами.

#### **АТЛАНТЫ, Atlantes /б.л. — Лив. вн.?**

Herodotus IV, 184 (цит. также Amm. Marcell. XV, 3, 6 — Atlantei).

Геродот помещает атлантов за песчаной полосой у гор Атласа и в 20 днях пути к западу от гарамантов. Помпоний Мела (I, 4, 23) говорит, что атланты — самый западный из всех народов внутренней Ливии. Плиний (Plin. N.H. V, 44) считает их жителями внутренней пустыни, но зовёт их атарантами. В I в. до н.э. Диодор (III, 54, 56–57 — по Дионисию Милетскому) помещает атлантов на берегу океана. Павсаний (Pausanias I, 33, 5 — II в. н.э.) ассимилирует атлантов и насамонов, а насамонов — с ликситами (в р-не Ликса). Страбон (Strabo XVII, 3, 2) горы Атласа протягивает от мыса Спартель (Spartel — Cōteis) до Сиртов, в 20 днях пути от гарамантов. В общем виде локализация: к югу от гарамантов, обитавших на песчаной полосе (Herod. IV, 185), до Столпов Геракла, т.е. в направлении к западу.

#### **АУСТОРИАНЫ, Austoriani /Афр./**

надпись из Gigtis'a — CIL VIII, 16, 328 (IV в. н.э. — Диоклетиан);

Amm. Marcellinus XXVI, 4, 5; XXVII, 9, 1; XXVIII, 6, 2;

Марцеллин помещает их у Лептис Магны (около 363 г.). Номады (на прежнем месте насамонов), кочевавшие между Киренаикой и Триполитанией.

#### **АУСТУР, Austur /Афр./**

Corippus Ioh. II, 89, 209, 345; IV–V, 816; VII, 283.

Видимо, идентичны аусторианам. Погонщики верблюдов (Corippus Ioh. II, 93–96).

#### **АФРИКЕРОНЫ / АФРЫ, Aphrikerones /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀφρικέρωνες

Птолемей называет африкеронов в ряду второстепенных народов, после орфеев (orpheis), живших между Kaphas'ом и Theon Okhema; с востока граничили с климатидами (Klimatides) и на сев.-сев.-востоке с агангинами. Аноним (Ἑποτύπως γεωγραφίας ἐν ἐπιτόμῃ = GGM II, p.497), по Птолемию, считает их большим народом внутренней Ливии и помещает их между нигритами и левкоэфиопами, которые, по Птолемию (IV, 6, 6), обитали у горы Rhusadion (между Атласом и Тенсифтом: Bahirt el-Hamra?). В общем, южнее Draa. Этноним

«африкерыны» восходит к назв. Keras, пик горы: ср. Hesperou Keras (Ptol. IV, 6, 2) — Вершина Запада. Dioscoridus IV, 150 — африкерыны = афры (Ἀφροί).

#### **АХЕМЕНЕИ, Akhaemeneis, /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Ἀχαμενεῖς; вар.: Ἀχαμονεῖς, Ἀχαμινεῖς

Ахеменеи обитали рядом («под») огиплонсиями или сигиплонсиями Малого Сирта. Птолемей уточняет: около Thaenae (Hr Thyna) — IV, 3, 3. Этот народ упоминается и в других местах внутренней Ливии — Ptol. IV, 6, 6 — Ἀχαῖμαι, Ἀχᾶμαι. В латинской традиции стоянка Augemmi, Augarmi, Agarmi (Geogr. Ravenn. III, 5) связана с ахеменеями. У Птолемея Ахеменеи находятся к юго-западу от мимаков. Вероятно, их перемещения на довольно значительное расстояние являются свидетельством их номадизма.

#### **АХЕМЫ, Akhaemae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀχαῖμαι, Αἰχαῖμαι, Ἀχᾶμαι, Ταχαῖμαι

Птолемей помещает ахемов южнее эфиопов-одрангидов (odrangidae), обитавших между Karphas, в марокканском Атласе, и Thala — Tahela на северо-западе Хаггара. Одраниды на востоке граничили с мимаками (Ptol. IV, 6, 5). Мимаки же размещались в провинции Африка (Ptol. IV, 3, 6); это племя на юге, в центре совр. Туниса. Другое племя — ахеменеи (Ptol. IV, 3, 6) — обитало также в современном Тунисе, только южнее. Поиск локализации может идти в Западном Эрге, в районе Тидикельта (Tidikelt).

#### **БАБИИ, Babii /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Βάβιοι, Καβάβιοι

Бабиев Птолемей локализует у склонов Мандрона (Mandron) и к северу от даратов, обитателей Драа. Название этноса происходит от имени города Baba (Ptol. IV, 6, 2: Βάβα Πόλις). Он находится на юге Тингитании (Ptol. IV, 1, 7; Plin. N.H. V, 5: Baba Iulia Campeltris Augusti Coloma). Steph. Byzant., s.v. Βάβαи — население города «бабы, бабии». Иногда объединяют бабиев /бабов с рабиями, жителями города Раба (Steph. Byzant., s.v. Ράβα — город и Ράβαи — его жители). Комментаторы не исключают, что рабии и Раба — то же самое, что и Βάβαи и Βάβιοι.

#### **БАВАРЫ / БАБОРЫ, Bavares /Мавр. Цез./**

Народ или группа народов, обитавших в двух местах — в оранском Телле и в массиве Бабор. В одной надписи из Lambèse (CIL VIII, 2, 615) говорится о четырёх «королях» баваров. (III–V вв. н.э.). Бавары — номады Тингитанской провинции: Amm. Marcellinus XXIX, 5, 33. У Александра Севера был союз с «западными баварами», входившими в конфедерацию Бакатов (Baquates).

#### **БАИУРЫ, Baiurae /Мавр. Цез./**

Ammianus Marcellinus XXIX, 5, 33

Амм. Марцеллин помещает их в р-не Tipata (Tipasa?). Они близки с бантурариями (Bantourarii), которых отождествляют с бантурариями (Bantourarii) Птолемея (IV, 2, 5, p.603: Βαντουράροι, Βαντουράριοι, Βαντουράροι), соседями мазиков (Mazices),

неподалёку от горы Zalakon. Идентифицируются также с баниурами (Baniures — Iulius Honorius, B48 — Vanires, baniures, vanniores), вместе с мусунями / мусонами и артеннитами.

### **БАКАЛЫ, Bakales /Кирен./**

Herodotus IV, 171: Κάβαλες, Βάκαλες; / J.H. Breasted: Βάκαλες = Beken из надписей новой империи; подтверждение — надписи из Кирены: S.E.G., IX, 1, 81; 64; 89; 92; 181; 4; 348; 152/

Немногочисленный народ, живший против территории авсхисов; они доходили до побережья около Токры (Taukheira = Tokra). Это то же побережье, что и у Асбистов. Nonnus Dionys. 8, 476 называет бакалов вместе с авсхисами, явно следуя Геродоту. Ptol. IV, 5, 12: Bakatoi / Βακάται. Бакааты Птолемея = бакатам Геродота. Птолемей помещает их в р-не Ауджилы, по соседству с насамонами и авсхитами. Можно предположить, что различия локализации связаны с сезонными миграциями. Ptol. IV, 7, 10: Βακαλίτην, Μακαλίτην. Ptol. IV, 4, 5: гора Baekolikou — в Киренаике. Птолемей знает в Эфиопии южнее Египта, к западу, страну Бакалов — Bakalitē, жители которой пришли из Фазании. Геродиан (FHG IV, p.7294) в III в. н.э. называет их в ряду: Asbyta, Maka, Bakalos.

### **БАКАТЫ, Baquates /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5; V, 51: Βακοῦται, Βακουάται, Ακουᾶται, Οὐακούται, Οὐακουᾶται; Liber Generat. A197 = MGH a.a. IX, p.107 Liste de Vérone, GLM, p.129; Iulius Honorius A47 = GLA fr.609, 610; Cassius Dio. Epit. LXXV, 13.

Крупный народ. Птолемей связывает их с маканитами (Makanitae); считалось, что они в родстве с баниубами (Banioubae) и уакатами (Ouakatae). Поздние авторы включали их вместе с макенитами (macenites) тингитанцев. Бакаатов отделяли от баваров / варваров: Bavares / Barbares. Птолемей локализует их в вост. части Мавретании. Более общая локализация — север Среднего Атласа. В современной науке существуют гипотезы о том, что отдалённые потомки бакаатов до сего дня живут в р-не Рифа и области Таза.

### **БАКАТЫ, Bakatae /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12 — Βακάται: в Мармарике — к востоку от Насамонов, по соседству с авгилами, т.е. к востоку от Ауджилы. (Служили наёмниками в Киренаике.) Вероятно, это Бакалы (Bakales) Геродота, а этноним связан с названием горы Беколикон (Baekolikou). Бакааты Птолемея идентичны вакатам Плиния во внутренней Ливии (Vacathi: Plin. N.H. VI, 194). Жители пустыни.

### **БАКУЭНСЫ, Bacuenses /Афр./**

Iulius Honorius. Cosmographia, B 47, GLM, p.53; вар. — Vaenses. Помещались около р. Мальвы (Malva — Moulouya) рядом с гарамантами и бурами (bures) = Begguenses.

**БАКХУИАНА, Bacchuiana /Афр./**

Родовое имя, известное по надписи, найденной около bou Djelida — к сев.-зап. от Аради (bou Arada); датируется временем Каракаллы. CGL VIII, 12, 331.

**БАЛЛИИ, Ballii /Лив. вн./**

Plin. N.H. VI, 194 (со ссылкой на Далиона)

Баллиев помещают по соседству с р-ном Нила, параллельном Большому Сирту, в контексте, где названы перусии. Perusii — вариант этнонима Pharusii. Ptol. IV, 1, 7: Οὐλλα, Οὐάλα — названный город Уала входит в ряд Gaetuli Dare, Turris Busonis. Это позволяет локализовать баллиев как южно-марокканское племя, между фарусиями и дарами (Darae).

**БАНИУБЫ, Banioubae /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5; var.: Βανοιοῦβαι, Βανοιόβαι, Βανιοῦκαι

Plin. N.H. V, 17

Баниубы считались частью зегренсиев (Zegrencii), обитали неподалёку от Красной равнины между уэдом Тензифт и Атласом (Bahirt el Hamra): 9°30' / 30°. Для II в. н.э. зегренсии локализуются также на склонах Рифа. Другая их часть вместе с баниубами идентифицируется с бакутами (Bakoutae = Baquates — бакаты северной части Среднего Атласа, м.б., до р-на Таза — Taza). Их локализация — Фец и Таза (Fez, Taza). Если баниубы Птолемея и баниуры Плиния идентичны, то их можно локализовать к северу от Волубилиса (Volubilis), в 28 км по дороге в Oppidum Novum (El Kzar el Kebir).

**БАНИУРЫ, Baniurae /Мавр. Тинг./**

Plin. N.H. V, 17; Silius Italicus, Punica III, 303

По Плинию, они гетулы, вместе с автотолами (Autoteles / Autotoles) пришли на смену древним народам Тингитании — маврусиям и масесилам (Maurusii, Masaesyli). Силий Италик сообщает, что баниуры были в составе армии Ганнибала. Возможно, баниуры Тингитанской Мавретании идентичны баниубам, называемым Птолемеем.

**БАНИУРЫ, Baniouri /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5, p.604 — Βανίουροι

Баниуры расположены к востоку от макхуребов (Makkhourēbi), которые по Плинию (Macurebi) отделяются от набабов (Nababes) рекой Usar (уэд Isser ?) и туленсиев (Toulēnsii), а на севере от маккуров (Makhoures). Похоже, это племя обитало в р-не Большой Кабилии, где-то в долине Soummam.

**БАНТУРАРИИ, Bantourarii /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5

Птолемей помещает их перед мадзиками (Mazices), к востоку или югу от них; на юг от горы Zalakon.

**БАРБАРЫ, Barbares /Мавр. Цез./**

Iulius Honorius A 48, op.l., p.54: Barbares, Barbaricen, barbaricens, barbaricensis, barbarigenses.

Называются после артенитов (Artenites) и перед саламангенитами (Salamaggenites), Тингитания. Дальше у Юлия Гонория (F 47, op.l., p.53) говорится, что он услышал это имя как Barbares: [Fluvius Malva] intercludens inter Barbares et Vacuates. Ср. бавары.

**БАРЗУФУЛИТАНЫ, Barzifulitani /Мавр. Цез./**

Iulius Honorius A48, op.l., p.54 (вар. Bardubitani, barduxitani, bordiofitani).

Этот народ называется после Feratenses и перед Fluminenses и Quinquegentiani, которые входят в группу племён Большой Кабилии. В другой версии рукописной традиции (B) — Russuccenses, Rusuccuri. Позже: Тингитания, назв. города (Равеннский географ III, 10) — к востоку от Volubilis. Идентифицируется с Beni Berzal Ибн Халдуна или Oua-Zerual Льва Африканского (Leo Afric. Descrip. de l'Afr., ed. Éraulard, P., 1956, I, p.285 — расположен севернее Ouergha). Ясно, что барзуфулитаны располагались среди племён Большой Кабилии, недалеко от моря.

**БАРКИТЫ, Barcaeī, Barkitae /Кирен./**

Ptol. IV, 4, 6: Βαρκίται, Βαρκεῖται, Βαρκίται; Βάρκη — город и его обитатели — Βαρκαῖοι.

Herodotus III, 21; 91; IV, 164 sq.;

Periplus de Scyllax, 108 = GGM I, p.83;

Vergil. Aeneis IV, 42–43: Lateque furentes / Barcaeī;

Vibius Sequester = GLM, p.157

Геродот считает баркистов жителями греч. колонии Барка. Птолемей считает их народом, живущим к востоку от Садов Гесперид в регионе Бенгази, т.е. к западу от Барки (El-Merdscheh), к югу от Пентаполиса, и к северу от асбистов. Автохтоны р-нов Барки получают вновь это имя уже в VI в. н.э. у Кориппа (Corippus Ioh. II, 123; IV, 506: Barcaeī; Steph. Byzant. s.v. Βάρκη (город) также называет его жителей Βαρκαῖαται). Это общий узус для всей византийской эпохи.

**БАССАХИТЫ, Bassakhitae /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12: Βασσαχεῖται, Βασαχεῖται, Βασσαχίται, Βασσαχίται

Народ на севере Мармарики и восточнее анейритов (Aneiritae). Они пограничны с современной Ливией. Локализация: западнее Солума. Их имя связано с названием Мармарикского города Masoukhis.

**БЕИТАНЫ, Beitani /Афр./**

Iulius Honorius A 48, op.l., p.54: Betania, veitani, behitani, veaitani.

Локализуются между курбисенсами (мыс Бон) и бегтвензами; р-н Biia (Ain Batria) — джебель Зериба, к сев.-вост. от Загуана.

**БЕНГВЕНСЫ, Begguenses /Афр./**

Iulius Honorius A 48, op.l., p.54: Bequenses, Vaccuanense

Локализуются после курбисенсов и беитанов, не доходя до фератенсов, между Naïdra и Sbeitra (р-н мусуламиев при Траяне и Адриане — CIL VIII, 270 = 11.651 = 23.278; 10.667).

**БИАИ / БУАИ, Buai /б.л. — Лив. вн.?**

Nicol. Damasc. fr.133, FHG, III, p.463: Βύαιοι

Дамаскин относит биаев к ливийцам и сообщает, что у них мужчина управляет мужчинами, а женщина — женщинами.

**БИБАНЫ** см. ГЕБАЛУСИИ, ЮБАЛЕНЫ**БИЗАНТЫ / БУДЗАНТЫ, Buzantes /Афр./**

St. Byzant., s.v. Βύζαντες

Африканский народ, получивший имя от города Buzantion. Стеф. Византийский отождествляет их с гидзантами Геродота (?). Ptol. IV, 3, 10: Βύζαντες (город Buzakina — к сев.-вост. от Capsa (Gafsa)).

**БЛЕММИИ, Blemyes /Эф. суб./**

Этот этноним в греч. и лат. традициях встречается в след. транскрипциях: Βλέμμιες, Βλέμυες, Blemmyes, Blemyes. Происхождение имени египетское или коптское (G. Schweinfurth, 1922, s.290–291; W. Vycichl, 1958, p.179; A.J. Arkell, 1955, p.170 — автор считает их предками беджа; F. Hehenwart — Gerlachstein, 1956, p.180–187; в конце II тыс. до н.э. имя блеммиев встречается в иероглифических надписях — J. Laclant, J. Goyotte).

Theocritus. Idyll. I, 2; Strabo XVII, 1, 2; 1, 53; 786; Pomp. Mela I, 4, 23; 8, 48; II, 9, 96; Plin. N.H. V, 46; Solinus XXI, 6; Martial., Capella VI, 674; Isidor., Etymol. XI, 3, 17; Dionys. Perieget. 220 = Priscien., Perieg. 209; Ptol. IV, 7, 10; 5, 8; Cosmas Indicopleust. Topogr. 449 B; Epiphan. Constantiniensis, de XII gemmis rationalis, collectio Avellana, ep.244 (ed. Günther, Vienne, XXXV, p.749); Trebbelinus Pollio XXX. tyr., 22, 6; H.A., Vopiscus Firmus 3, 3; Probus 17, 2–3; 6; 19, 2; Zosim. I, 71; Euseb. Vita Const. IV, 7; Amm. Marcell. XIV, 4, 3; XXII, 15, 24; Claudianus Idyll. IV, 19; Iulius Honorius B 45 = GGM, p.750; Palladius (406), Palladii dial. de vita S. Ioh. Chrys., 20 = PG XLVII, col.71; Olymp., 37 = FHG IV, p.66; Evagrius. Hist. eccl. I, 7 = PG LXXXVI, coll. 2437–2444; Priscus, 2, 1 = FHG IV, p.100; Iordanus. De summa temporum, 332 = MGH a.a., t. V/1, p.43; Procopius, De bello Persico I, 19, 28; I, 19, 29–30.

Уже в самых ранних упоминаниях блеммиев помещали где-то у истоков Нила, без более точной локализации. Феокрит (III в. до н.э.) называет «скалу блеммиев», с которой «уже не виден Нил».

В Птолемеевскую эпоху египетские папирусы содержат сведения о двух разных блеммиях (U. Monneret de Villard, p.17). Вообще, авторы часто путают Mahbar (Megabarri) и Belhemmu (Blemyer). Страбон, по Эратосфену, помещает блеммиев между Мероэ и Египтом, причисляя их к эфиопам (XVII, 1, 2). В другом месте

(XVII, 1, 53) он локализует их около Сиены. Блеммиев Страбон характеризует как большое воинственное племя, живущее в Ливийской пустыне, в сердце Африки.

Помпоний Мела и Плиний помещают блеммиев у южной границы Ливии и, пользуясь общим сказочно-мифологическим источником, описывают их как странных людей без голов, с глазами и ртами, расположенными на груди. Та же мифологическая традиция продолжается у Солина, Марциала Капеллы, Исидора и других авторов, рассказывающих о безголовых блеммиях.

У Дионисия Перизгета блеммии помещены на берегу Океана, среди других эфиопов, под общим именем *Aethiopiae Hesperiae*. Автор поясняет, что живут они в горах, откуда берёт начало Нил, а цвет их кожи — чёрный: *Αἰθαλέων Βλεμύων* (*Αἰθαλέος* — «чёрный от солнца»). Эпитет этот — синоним термина *Αἰθίοψ*.

У Помпония Мелы изложение подчинено традиции, по которой истоки Нила находились у Гесперид (*Hesperiae*). По этой традиции (её придерживался и Плиний), эгипаны (*Aegipanes*) и сатуры (*Satyres*) образуют одну группу, а блеммии — мифопоэтический народ, связанный с легендой о происхождении Нила в горах Атласа (cf.: St. Gsell, *Hérodote*, p.203–224).

Птолемей (IV, 7, 10) локализует блеммиев на правом берегу Нила, далеко к югу, между Аксумом и Мероэ. Эта локализация Птолемея подкрепляется эпиграфикой из Адулиса (OGI, III, 199). В «Христианской топографии» Космы Индикоплова (449 В) с блеммиями идентифицируются аталмы (*Αταλμῶ*), жившие неподалёку от Атбары; здесь же блеммии как-то связаны с Индом.

В одной из локализаций Птолемея (IV, 5, 8) блеммии помещены в Смарагдовых горах (*Σμάραγδος ὄρος* = *Gebel Zebâra*).

Из Требеллия Поллиона достоверно известно, что уже в III в. н.э. они угрожали Верхнему Египту, а в 261 г. н.э. префект Египта Л. Мукий Эмилиан упоминает «охотников из Фиваиды».

При Аврелиане блеммии были союзниками аксумитов и участвовали в триумфе императора (История императоров, Вописк, Аврелиан, 33; 41; Фирм, 3, 3). Зосима (I, 71) и Вописк (Проб, 17, 2–3; 6; 19, 2) сообщают, что в 280 г. н.э. Проб вновь победил блеммиев в р-не Птолемаиды. В 336 г. блеммии посылали посольство к Константину, причём Эвсебий, сообщая об этом, говорит, что они — эфиопы.

Аммиан Марцеллин (XIV, 4, 3) во времена Галла помещает блеммиев на южной границе Египта: *ad Nilicataractas ... et confinia Blemmyum*. Он же сообщает (XXII, 15, 24), что в их стране водятся гиппопотамы. По надписям после III в. известны имена некоторых из «царей» блеммиев, а также название города Талмис (*Talmis* — *Kalabchêh*: надпись у храма *Kalabchah*), который был политическим и религиозным центром блеммиев.

Клавдиан помещает блеммиев между Сиеной и Мероэ. По Олимпиодору, блеммии оказываются обитателями р-на Большого Оазиса (Харга) и соседями мадзиков. Об этом же свидетельствует Эвагрий. При Теодосии II (408–450 гг.) Филы были атакованы блеммиями и нубадами. Также и Приск сообщает о победе римского полководца Максимиана около 453 г. над блеммиями около Фил. После смерти Максимиана блеммии и нубады вновь опустошили этот р-н. Иордан и Прокопий локализируют блеммиев между нубадами с запада и Аксумом с востока. Из Прокопия известно, что Диоклетиан оборонялся в оазисе Харга от нубадов, а в 5 днях пути к югу — от блеммиев и эфиопов. В IV в. н.э. блеммии нападали на нубадов.

В «надписи Силко» (G. Lefebvre. Corpus Inscr. gr.-chrétiennes d'Egipe, p.118, n.628) сообщается о победе царя нобадов и всех эфиопов Силко над вождем блеммиев в р-не городов Тафис (Taphis — Tâfah), Талмис (Talmis — Kalabcheh) и Примис (Primis — Ibrîm), которые, по-видимому, были городами этого народа и располагались в области, удалённой от Аксума примерно на 225 км. Эти события относятся к концу IV — нач. V в.

В общем виде блеммиев, по античным источникам, можно представить локализованными выше Мероз, по правому и левому берегам Нила, причём без ясно различимых границ на юге и востоке.

#### **БОНИУРИКИ, Boniurici(s) /Мавр. Тинг./**

Geograph. Ravenniensis III, 11

Это позднее упоминание восходит, без сомнения, к греческой традиции. «Бониурики» — этноним, который означал и название города. Бониурики, вероятнее всего, какое-то подразделение гетулов (племя ?), имеющее собственное имя.

#### **БОСТРЕИ, Bostraei /Мармар./**

Iulius Honorius. Cosm., A, B 48 = GGM, p.54

Ptol. V, 16, 4 (вар.: Bostraei, dostrei, ostrei)

Народ между набатами и мармаридами, восточнее последних. Лат. от Bostra (Busrah) — на севере страны набатов — главная база III легиона, Киренаика.

#### **БУБЕЙУМ, Bubeium /Афр./**

Plin. N.H. V, 37

Город или народ; упоминается в связи с триумфом Корнелия Бальба — 19 г. до н.э. м.б., Vubensis ? (внутренние области Триполитании).

#### **БУ[Д]ЗАКИИ, Buzakii /Афр./**

Strabo II, 5, 33 — Βυζακίς, Βυζσαίτις — так Полибий называет их страну. Ptol. IV, 3, 6: Βυζακίτις (χώρα) — к югу от ливофиникиян. Плиний (N.H. V, 24) наоборот, полагает, что ливофиникийцы обитали в Бизакии (Byzacium). Со времён Диоклетиана вся область называлась Byzacene. Провинция Byzacium была в районе между заливом Хаммамет и Габес.

#### **БУ[Д]ЗЕИ / БУТЕИ, Bouzeis /Лив./**

Ptol. IV, 5, 12: Βουζεῖς, Βοῦτεις

Птолемей помещает их во внутренней части региона, на юге, рядом с зугритами (zugritae, жители Зугриса (IV, 5, 3) (идентифицируется с р-ном Sidi Barrani).

#### **БУРЫ, Bures /Мавр. Цез./**

Iulius Honorius A 48, op. cit., p.54: Burenses, burensis, uerenses

Ю. Гонорий упоминает их среди квинквегентианов (Quinquegentiani) и мазиков (mazices), а далее (Id. B 47 — Bares, uares) как прибрежных жителей Мальвы (Malva), вместе с гарамантами и бакуэнсами (bacuenses) (ср. Bequenses). Это фантастиче-

ское положение, так как Мальва протягивается вплоть до Пентаполиса. Слово *bure*, часто входящее в наименование африканских городов, значит *Castellum* (Desanges, p.48 n.6). Локализация: между Большой Кабилией и Заккаром (*Zaccar*).

#### **БАКАТЫ, *Vacathi* /Лив. вн./**

Plin. N.H. VI, 194 — со ссылкой Далиона

Границы вакатов: на востоке — Большой Сирт, на западе — Западный Океан. Птолемей в р-не оазиса Авгила называет насамонов и бакатов. Если бакаты и вакаты одно и то же, то они номады, как и насамоны, и жили в р-не Ауджилы. Кочевой образ жизни этого племени, как представляется, объясняет их присутствие в Киренаике (*Bakales*) и Мармарике (*Bakatae*).

**БАКУАТЫ** см. УАКУТЫ

#### **БАМАКУРЫ, *Vamacures* /Афр./**

Plin. N.H. V, 30: *vamacures*, *vacures*.

Народ провинции *Africa*. В позднее (христ.) время их этноним транслитерировали: *Bamassora*, *Bamaccorensis*, *Damaccorensis* (J. Mesnage, *L'Afrique chrétienne*. P., 1912. p.404). Обитали по соседству с *Macomades*, к северу от Ауреса. На мозаике из Тимгада изображена река *Vamacura* (A. E., 1917–1918. 31, p.8; B.A.C., 1917. p.297).

#### **ВЕЛАТИТЫ, *Velatiti* /Лив. вн./**

Plin. N.H. V, 9

Упоминаются после реки Квосенус (*Quosenus*), перед масатами (*masati*). Видимо, это синоним селатитов (*Selatiti*), м.б. салатов (*Salathi*).

#### **ВЕСУНЫ / ВЕСИМЫ, *Vesuni* /Лив. вн./**

Plin. N.H. V, 17: *Vesimi*, *Vesuni*, *Nisemi*

Весуны — клан автотелов (*Autoteles*). Локализация их затруднена, но направление поисков следующее: в направлении левкоэфиопов (Марракеш), а также фарусиев и нигритов. Весуны квалифицируются как эфиопы (Plin. N.H. V, 43).

#### **ВИСКЕРА, *Viscera* /Афр./**

Plin. N.H. V, 37.

Народ, упомянутый в триумфе Корнелия Бальба (19 г. до н.э.). Вероятно, речь идёт об обитателях региона *Vescera* (*Biskra*).

**ВОЛУБИЛИАНЕ** см. УОЛУБИЛИАНЕ

#### **ВОФРИКЕНСЫ, *Vofricenses* /Афр./**

B.A.C., 1941–42, p.270–272

Жители какого-то города-крепости на территории *Suppenses* (времен Адриана). Граница, разделяющая *vofricenses* и *suppenses*, проходит от *Henchir-Moussa* на северо-восток от *Thagaste*.

**ГАДАБИТАНЫ, Gadabitani /Афр./**

Procopius, De aed. VI, 4, 12.

Племя около Лептис Магна (Триполи); они обратились в христианство при Юстиниане. У Кориппа (Ioh. II, 117–118) есть аллюзия о народе, жившем в регионе Gadabis (= Kidamē, Gadames — Procopius, De aed. VI, 4, 12). Гадабитаны связаны с Гадамесом (Cydamus).

**ГАЛАУЛЫ, Galaules /Лив. вн./**

Orosius. Adv. Paganos I, 2, 47 = GLM, p.68: Galaules, alaules, gaulaules.

Этим именем — галаулы — во времена Орозия называли автололов, живших по реке и у Океана. Это имя упоминают Prudentius. Symm. II, 807: Galaulas; Isidorus Sevil., Etymol. IX, 2, 124; XIV, 5, 12: Gaulalum gentes — на юге Тингитании, от Гесперии по берегу Океана. В. Вициль (W. Vycichl — Die Nisbe-Formationen im Berberischen, p.116) считает, основываясь на анализе формантов с филиационной семантикой автохтонного происхождения: \*ga- и \*aut- (= \*ait-), что автололы и галаулы — родственные племена.

**ГАМФАСАНТЫ, Gamphasantes /Афр./**

Herod. IV, 174

Этот этноним часто заменяется и ассоциируется с гарамантами. Steph. Byzant. s.v. Gamphasantes. Eustathius, Comment. ad Dionis. Perieget. v. 217, = GGM II, p.254–255: Garamantes. Plin. N.H. V, 26: Плиний поддерживает Геродота — Gamphasantes. Геродот помещает их во внутренней Ливии, богатой зверями (между побережьем и пустыней), южнее насамонов, к югу от Большого Сирта, рядом со страной псиллов. Plin. N.H. V, 44, 45 — помещает их в стране гарамантов (Гадамес). В целом по всем источникам — к востоку от Гарамы (Джермы).

**ГАНГИНЫ, Ganginae /Мавр. Цез./**

Orosius. Adv. paganos 46 = GLM — A. Riese, p.68; Strabo VII, 3, 5.

Локализация: юго-запад Цезареи.

**ГАПАХИ / ГАПАЛЫ, Gapakhi /Эф. суб./**

Ptol. IV, 7, 10: Γάπαχοι, Γάπαλοι; Plin. N.H. VI, 185; 190; 192;

Strabo XVII, 2, 3; Anonymus. GGM, p.776–77: Γαβάχι

Гапахи, по Птолемею, обитали к югу от себридов, занимавших остров Мероз — пространство между Атбарой и Голубым Нилом. Есть основания искать их между Белым и Голубым Нилом. Плиний (VI, 192) на африканском берегу Нила помещает птоэнбанов (Ptoenbani), соседей гапахов с севера (аналогично Птолемею). Поздний автор — Аноним — свидетельствует, что габахи жили у слияния западнее Мероз рек Габахи (Gabakhi) и Нила, т.е. Астапа (= Голубой Нил) и Белого Нила (= Белой реки), т.е. Астабары (Astaboras / Atbara). Это смешение отражает устоявшуюся традицию античной географии. Плиний (VI, 190) считал, что река Габахи находится возле оз. Псебола (Pseboles), севернее макробиев, которых этот автор помещал в р-не Мегабары в области Мероз. Озеро Псебола современные интерпретаторы идентифицируют с оз. Псебо (Psebo) Страбона (XVII, 2, 3). Плиний (VI, 185) даёт

важное описание области Мероэ в эпоху Нерона, по которому видно, что она была гораздо более плодородна, чем в настоящее время: здесь ещё водились слоны и носороги, растительность была богаче, представляя все виды тропической флоры (ср. описание Плинием о-ва Таду, около Мероэ).

#### **ГАРАМАНТЫ, *Garamantes* /Лив. вн./**

Herodotus IV, 183 — основной автор, называющий этот народ среди других народов внутренней Ливии. Однако традиционно гараманты перечисляются в регионе провинции Африка. Для региона внутренней Ливии важно отметить известную грекам «дорогу гарамантов»: Ptol. I, 10, 2; Plin. N.H. V, 38: Gigthis / Leptis — Ghadames — Ederi — Djerna по Hamada el-Homra. Эта дорога намечает их территорию. Другой центр — Zella, к северо-востоку от оазиса Джофра. Страбон (Strabo II, 5, 33; XVII, 3, 19; 23) помещает гарамантов к югу от гетулов в 10 днях пути от эфиопов на берегу океана, к востоку от фарусиев и нигритов и в 15 днях от оазиса Аммона. (Ptol. IV, 6, 12; Plin. N.H. V, 36: Γαράμη μητρόπολις). (Другие авторы и сведения в статье Гараманты Африки.)

#### **ГАРАМАНТЫ, *Garamantes* /Афр./**

Herod. IV, 183. Народ внутренней Ливии, в двух днях пути от Ауджилы (Авгилы), рядом с лотофагами. Plin. N.H. V, 38. Ptol. I, 10, 2: в р-не Лептис — Гадамес — Эдери — Джерма — Hamada el-Homra. Strabo II, 5, 33; XVII, 3, 19; 23 — к югу от гетулов; T. Livius XXIX, 33; Pomp. Mela I, 23; I, 45; Plin. N.H. V, 26; VI, 209; VIII, 142; 178 (по Геродоту); XIII, 111; Ptol. VI, 6, 5; IV, 6, 12: Γαράμη μετρόπολις — столица гарамантов — Джерма; Silius Ital., Punica II, 58; Lucan. IV, 679; Arnobius (furvi) VI, 5.

Многие авторы считали их эфиопами: Solinus XXX, 2; Isidorus de Seville IX, 2, 128; Ptol. I, 8, 5 (I, 8, 7 — μέλανες) (Птолемей противопоставляет эфиопов и гарамантов — IV, 6, 5). Эфиопов и гарамантов различает и Страбон (Strabo II, 5, 33; XVII, 3, 19). Гараманты в позднюю эпоху контролировали территорию от побережья до Агисимбы (ср. поход Юлия Матерна — I в.): Ptol. I, 8, 4; IV, 8, 2. CIL VIII, 3, 308; — Гарама; 20, 453 — Garamantia. У поэтов: Vergil. Buc. VIII, 44; Aen. VI, 794; Seneca Herc. Oet. I, 106; Phaed. 68. Также: Lucan. IX, 511–12; Silius Ital. III, 10–15; 367; Dion. Perieg. 214–215; Claudianus. De cons. Stil. I, 255; 355. Amm. Marcellinus XXII, 15, 2; Iulius Honorius B 47, p.53; A 48, p.54; Orosius. Adv. paganos I, 2, 88; 90; Corippus Ioh. VI, 198. Последнее упоминание о гарамантах содержится у Иоанна Бикларского: Iohannus Biclari. (569 г. н.э.) — a.569 = MGH a.a., t. XI, p.212.

#### **ГАРМИИ, *Harmiae* /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ἀρμίαι, Ἀρμεῖαι, Ἀρμεῖαι, Ἀρμεῖαι

Птолемей называет их восточными соседями манралов (manrali) и помещает между болотами Ливии и горой Thala. К востоку от Гармиев Птолемей называет Талов (Thalae) в направлении к нубам и Гарамантскому ущелью. Локализация: в р-не Большого Восточного Эрга или в р-не Феццана (если прав К. Мюллер, отождествляя гору Thala с Tahela Ohat в Ахагире — C. Müller, ed. Ptol., p.737, 7).

**ГАРУСБЫ, Harusbi /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 192.

Плиний помещает гарусбов на африканском берегу Нила, к югу от птоэмбанов (Ptoemphaneis Птолемея), живших южнее гапахов (Garakhi). У них было некое укрепление oppidum, удалённое от Нила. Искать гарусбов следует в р-не Хартума.

**ГЕБАЛУСИИ, Gebalusii /Мавр. Цез./**

Народ к востоку от Суммама и к югу от Муслибия (Muslibium = Sidi Rhénan). Суфф. \*-usii указывает на греч. форму — \*ουσίοι. Предположительно, этноним искаж. от Iubaleni Амм. Марцеллина (Amm. Marc. XXIX, 5, 44), которые были частью племён бибанов; ономастический анализ позволяет связывать с мусульманским Gubul. Cf. moukhthousii (Ptol.) и Muctuniana manus (Corippus); koidamousii (Ptol.) и Ucatumani (CIL VIII, 8, 379 = 20, 216) — (суффиксальная параллель).

**ГЕНСАНЫ, Gensani /Мавр. Цез./**

Liste de Vérone, A. Riese (GLM), p.129

Упоминаются как мавры (Mauri) Мавретании. Им предшествуют: Mazaceses (= Mazaces), Baveres (Bavares), Bacautes (Baquates). Имя связано с названием города Gontiana (Ptol. IV, 1, 7). Птолемей называет его после Tamusida и Silda (= Gilda) и перед Baba — городом внутренней части региона. Возможно, в этом источнике речь идёт о маврах mauri Gensani (квинквегентианых).

**ГЕРПЕДИТАНЫ, Herpeditani /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 1, 5: Ἡρπεδιτάνων, Ἑρπεσιτάνων, Ἑρπασιτάνων, Ἑρπεδιτάνοι, Ἑρπεσιγανοί

Птолемей помещает их на востоке Тингитании и на западе от Цезареи, под Khalhorukheia. Khalka, по Периплу Скиллакса (Periplus Scyllax III — GGM, I, p.90), гораздо западнее, во всяком случае — на запад от Siga (Takembrit). Локализация с учётом других данных Птолемея — в Тингитании, после Волубилиса (Ksar Faraoun) и до Nocolosida, примерно на широте Мулуйи (Moulouya).

**ГЕСПЕРИИ, Hesperii /Эф. вн./**

Аноним (Anonimus. GGM I, p.200, v. 157 в поэтическом описании мира (конец II в. до н.э.) — возможно, Скимн Хиосский), на о-ве Гадес (Cadix) помещает эфиопов-геспериев, т.е. западных эфиопов. Возможно, что об этих же эфиопах говорит Скиллакс в Перипле (GGM I, p.93 = Periplus, 112) около IV в. до н.э., упоминающая неких гиеров (Hiēri) — «священных» эфиопов. Они, по Скиллаксу, жили на реке Ксион (Xion), неподалёку от Керны, — в 10 днях плавания от мыса Гермес (Hermes), в 12 днях от Геракловых Столпов. Страбон (XVII, 3, 5) помещает западных эфиопов южнее Маврусии у Внешнего моря. В их стране водились жирафы, слоны, львы, большие быки-единороги.

Царь Маврусии предпринял поход против западных эфиопов = эфиопов-геспериев. Страбон (III, 4, 3; XVII, 3, 7) отмечает, что фарусии и нигреты обитали южнее Маврусии, граничили на юге же с эфиопами-геспериями /западными/ и вооружены были луками, как эти гесперии. Эратосфен отмечал (по Страбону

XVII, 3, 8), что у эфиопов-геспериев восходы и закаты сопровождаются туманом (III в. до н.э.). Страбон (XVII, 3, 19) помещает в 9–10 днях пути от гарамантов эфиопов-пароксеанитов (*paroxeanites*), в которых распознаются эфиопы-гесперии / западные эфиопы.

Помпоний Мела (*Pomp. Mela* III, 96) помещает эфиопов-геспериев, которых он считает маленьким, бедным и некультурным народом, объединяя их с восточными эфиопами в одну группу, между Западным Рогом и Столпом Богов (= Колесницей Богов). Это территория, где бьёт источник, дающий начало Нилу, который местное население называет *Nuchul* (= *Noul* = *Noun*) — Нухуль. Плиний (*N.H.* VII, 77) помещает в этом р-не исток Нигриса (*Nigris*), или Нигера (*Niger*) — «в стране эфиопов-геспериев». Помпоний Мела (III, 96) рассказывает о западных эфиопах и катоблепасе (*Catoblepas*), полусказочном звере. Афиней (*Atheneus* V, 64) — в связи с войной Мария против Югурты рассказывает, что шкуры этих катоблепасов, диких зверей, убивших многих солдат Мария, были отосланы Марием в Рим.

Плиний трижды упоминает геспериев: 1) (*N.H.* VI, 195) — гесперии по соседству с перорсами и народами, жившими на границе Мавретании; гесперии — часть эфиопов, питающихся саранчой; 2) (VI, 197) — опираясь на Перипл, помещает их между Западным Рогом — в четырёх днях плавания от Столпа Богов и оконечности Африки; 3) (VI, 199) — называет эфиопов-геспериев в двух днях плавания вдоль пустынного берега, мимо о-ва *Atlantis*, напротив Атласа. (Возможно, в виду имеют-ся Горгады, в двух днях плавания от континента.)

Птолемей (VI, 8, 2) помещает эфиопов-геспериев к югу от ихтиофагов, живших по берегу большого залива Западного Оксана (IV, 6, 1), другими словами, Геспериоды (*Hesperios* — IV, 6, 2), который начинается от устья Русадiona (*Rhousadion*: *Ptol.* IV, 6, 2; *Agathemerus* II, 7 = *GGM* II, p.473). Точная локализация западных эфиопов затруднена, но вся совокупность деталей, связанных с именем западных эфиопов, — о мифическом звере Катоблепасе, упоминание перорсов, Атласа, цитирование традиции об истоках Нила на Западе — Нухуле (*Orosius. Adv. paganos* I, 2, 31 отождествляет Нухуль с *Dara*), о соседней пустыне, — всё это позволяет говорить, что западные эфиопы — жители тропической страны. Таким образом, можно думать о территориях на океанском побережье южнее современного Марокко с захватом мыса Нун (Нуль). Возможны смещения к югу и к западу.

#### ГЕТУЛЫ, *Gaetuli* /Лив. вн./

Важный обобщающий этноним для обозначения отдельных этносов и некоей совокупности племён берберского (ливо-берберского) происхождения — *RE s.v. Gaetuli*, VII, 1, col. 464–465 (*Dessau*, 1910). О местах их обитания имеется множество свидетельств у разных авторов; анализ показывает, что они занимали огромные пространства почти от самой Дельты до Атлантического океана в широтном направлении, и, отступая от прибрежных областей Средиземноморья к югу, во внутренней Ливии, вплоть до северной границы страны гарамантов. В этой обширной полосе внутренней Ливии они расселялись двояко: большими массивами и сравнительно малыми вкраплениями, будучи преимущественно номадами.

Тертулиан (*Tertullianus. Adv. Iudaeos*, 7) упоминает гетулов как жителей Нумидии. Плиний (*Plin. N.H.* V, 17) объединяет их с баниурами (*baniurae*). Вместе со своими союзниками и родственниками автолатами они вытеснили соседей, древней-

ших из живших здесь этносов — тингитанцев, маврусиев и массесилов; в связи с пуническими войнами их упоминает Силий Италик (Silius Italicus, *Punica* III, 303). Этот контекст позволяет локализовать их также в Тингитании и Мавретании.

В позднее время гетулов часто отождествляли с маврами (Geogr. Raven. III, 11). С этнонимом «гетулы» в поздние эпохи связывается *bou Regreg*. Плиний (N.H. XXI, 77) помещает гетулов в Цезарейской Мавретании, в центре страны, рядом с массесилиями. Страбон (Strabo II, 5, 33; XVII, 3, 19; 23) помещает гетулов севернее гарамантов в провинции Африка. С III в. н.э. гетулов часто отождествляли с мавреками, маврами и афрами (*afri*) и другими берберскими племенами в Тингитании и Мавретании Цезарейской.

В V–VI вв. н.э. Косс Корнелий Лентул сражался с гетулами и их союзниками мусуламами в р-не Сиртов, которые определяют как гетульские области (*Gaetulicus*) провинции Африка, или как Гетулику. В юго-западном направлении их помещали в разных р-нах, вплоть до р. Нигер. По сведениям Мелы (Pomp. Mela I, 23), левкоэфиопы и ливоегиптяне на юге пустыни разделялись территориями гетулов, которые рассматривались как союз берберских племён. Страбон (II, 5, 33) подтверждает, что между гетулами и эфиопами находились гараманты, фарусии и нигриты. Богатство гетулов, помимо их номадической деятельности, зависело и от обладания ими пурпуром — товаром, имевшим огромный спрос во всех странах Средиземноморья. (Pomp. Mela III, 104).

#### **ГЕФЕИ, Gepheis /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Γηφεῖς; Οἰφηγεῖς; Γυφεῖς

Гефеи — соседи махриев, ниже махунов (*Machuni*), от побережья к югу от ливофиникиян до Малого Сирта — до *Thanae* (*Hr Thyna*) — вдоль залива Габес, во внутренней части страны.

#### **ГИ(Д)ЗАНТЫ, Guzantes /Афр./**

Herod. IV, 194–195: Γύζαντες; Ζύζαντες

Народ по соседству с [д]завеками (*Zauēkes*), соседи максиев. Hecat. n.306 — FGrH I, p.23 — город *Zugantis* в Ливии. St. Byzant. s.v. Ζυζαντίς. Дзиганты / гидзанты — обитатели горных р-нов — Herod. IV, 194 (в их горах много обезьян). St. Byzant. s.v. Βύζαντες. Eustathius. Comm. de Dionys. v. 803, GGM II, p.357. *Periplus-Scyllax* 110, GGM I, p.88 — Λίβυες πάντες = Γύζαντες. Максии, завеки и гидзанты обитают на побережье: восточное побережье Туниса.

#### **ГИЛИГАМЫ, Giligamae /Мармар./**

Herodotus IV, 169: Τιλιγάμμαι, Γιγάμμαι, Γηγάμμαι

Обитатели р-на возле Плиноса (*Plynos*), на берегу залива *Soloum* и возле о-ва Афродисиас, т.е. северо-западнее Дерны (St. Gsell, *Hérodote*, p.121–122: *Plynos* / Πλυνός; *Pseudo-Scyllax*, 108 = GGM I, p.82; Strabo XVII, 3, 22).

Форма «гилигамы» восстанавливается по Steph. Byzant s.v. Τιλιγάμμαι (он ссылается на Геродота, но в рукописях этой формы нет). Авторы после Геродота гилигамов не знают, но называют мармаринов (*Marmarides*, *Marmaridae*).

**ГИМНЕТЫ** см. ЛЕВКОЭФИОПЫ, ФАРУСИИ**ГИНДАНЫ, Gindanes /Афр./**

Herod. IV, 176: Γινδᾶνες

Обитали к западу от маков (на берегу Кинипса), позже их земли заняли лотофаги; Стефан Византийский считает их лотофагами. Населяли регион Ben Gardane.

**ГИРРЕИ / ГИРРЫ / ПИРРЕИ, Girrei /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 5: Γιρρέων, Πυρρέων, Πυραίων, Πυρέων, Πυρραίων;

Απονύμης Ὑπὸ γεωγράφ. ἐν ἐπ. = GGM, II, p.497–98: Γίγγοι.

Крупное эфиопское «племя» внутренней Ливии к югу от Гейра (Geir). В дополнение к спискам Птолемея Аноним называет Giggi (они же Girri), после мелано-гетулов и перед нигритами. Клавдиан (Claudianus. Idylles, IV, 20–21) называет Girheen (Girrhaeus), которые охотятся на диких зверей. Здесь идёт речь о прибрежных жителях реки Рир (Rirh), где до сих пор сохранилась фауна, которую древние ассоциировали с Нилом. Гирры Птолемея и гирреи Клавдиана — потомки Rouarha, по происхождению берберов, но с сильной примесью негрской крови.

**ГНАДЫ, Gnade /Кирен./**

В поздних источниках (Таблица Пейтингера) они рассматриваются как часть гетулов, которые жили по течению реки Летон, втекающей в море в р-не Бенгази. Реку Lethon / Lathon называют: Strabo XVII, 3, 20; Plin. N.H. V, 31; Ptol. IV, 4, 3; GGM (C. Müller) I, p.449–450. — сев.-вост. Бенгази (Береника). Возможно, гнады — это гинданы Геродота (IV, 176). (В поздних источниках река Летон и оз. Тритон смешиваются.) Гинданы вряд ли распространялись до оз. Тритон (~ ? Малый Сирт) и соседствовали с лотофагами, но, может быть, гинданы со временем отмигрировали на восток до Сирта (?).

**ГОНГАЛЫ, Gongalae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Γογγάλοι

Птолемей помещает их к югу от мимаков. Из западные соседи — Nanosbeis или Kanousbeis. С другой стороны — Noubae (IV, 6, 5), которые занимали западную сторону массива, называемого Ущельем гарамантов, и были соседями мимаков, живших у горы Thala. Аноним (GGM) упоминает их при обратном перечислении с запада на восток: дарады, перорсы, одрангиды, мимаки, нубы... Локализация: северо-западнее нубов.

**ГОНИАТЫ, Goniatae, Γωνιάται /Мареот./**

Ptol. IV, 5, 12

Народ, живший в центре Мареотиды, к югу от озера Марея (Mareotis, Mareia — Ptol. IV, 5, 11: τῆς Μαράϊας; Strabo XVII, 1, 7: ἡ καὶ Μαρεώτις).

**ГУБУЛ, Gubul /Афр./**

Имя какого-то подразделения мусуламов, жившего около Тебессы (Tebessa, Theveste). Надпись: А.Е., 1917–1918, р.10, н.39 ILAlg. I, 3144 (cf. Amm. Marcellinus — Iubabni — в Мавретании.)

**ДАБЕЛЛЫ** см. АЛАБЫ**ДАВАРЫ, Davares /Мавр. Цез./** см. БАВАРЫ**ДАВХИТЫ, Daukhitae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Δαυχῖται, Δαυχίσαι, Δαυσίκαι

Давхитов Птолемей помещает южнее Girgiri, севернее гарамантов, которые занимали территории от Bagrada (около Ousargala) до озера Nouba. Они названы после Makkoii и перед Kaletae (калеты также простирались до оз. Нуба). Некоторые исследователи (напр., К. Мюллер, р.746, 3) пытались видеть в давхитах авсхитов (Auskhitae) Киренаики, называемых на побережье бакатов (Bakatae — Bakalitae — от имени Bakalitis — Ptol. IV, 7, 10), в регионе Фазании. Однако Птолемей (IV, 8, 3) во внутренней Эфиопии называет гору Daukhis (Δαῦχis, Δαυχίς), с которой связан и этноним давхиты. Это гораздо западнее. Можно думать, что верная локализация — к югу от сиртской пустыни.

**ДАПСОЛИВИЙЦЫ, Dapsolibues /б.л. — Мавр. Тинг./**

Nic. Damasc., fr.135 = FHG, III, p.462

У этого народа после захода Плеяд, с наступлением ночи, женщины гасят все огни, а собравшиеся вместе мужчины приходят к ним и вступают в связь с кем придётся, кого находят в темноте. Дапсоливийцы получили этот этноним от Thapsolibues = ливийцы Тапсаса (Thapsus). Dapsolibues / Dipsolibyes («испорченные ливийцы»). Есть два Тапса — финикийские колонии: Thapsus (Ras Dimass); Тапса — Θάψα (около Russicade = Philippenville). (GGM I, p.90 — Periplus, Scyllax; GLM, p.151 — Vibius Sequester; есть ещё Thapsagum — Plin. N.H. V, 37 — не идентифицирован).

**ДАРАТИТЫ / ДАРАДЫ, Daratitae /Лив. вн./**

Plin. N.H. V, 10.

Даратиты — эфиопы, жившие на морском берегу. Определённо, они жили также вдоль реки Darat (Draa). Ptol. VI, 6, 5: Δαράδων, Δαράδων; Pseudo-Agatharchides II, 16 = GGM II, p.497. Птолемей и Агатархид называют дарадов среди крупных народов внутренней Ливии. Обитали они по берегу одноимённой реки. В другом месте Птолемей (IV, 7, 10) локализует их на западе субэфиопетской Эфиопии.

**ДАРЫ, Darae /Лив. вн./**

Plin. N.H. V, 10

Плиний называет их по соседству с фарусиями, внутри страны, в то время как эфиопы даратиты (Daratitae) жили на морском побережье. Дары обитали в р-не узда

Драа. У географа из Равенны (Geographe de Ravenne III, 11) они названы гетулами Дары (Gaetuli Dare).

#### **ДАФНИТЫ, Daphnitae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Δαφνίται

Локализуются между горой Мандрон и Сагапола (Sagapola), после салатов (Salathi), Бу Регрег (bou Regreg), в направлении эфиопов-нигритов, обитавших к северу от реки Nigeir (Guir ?). Примерно на широте Среднего Атласа.

#### **ДЕРБИККИ, Derbikkae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 5: Δερβικκῶν, Δερβίκκων, Δερβικῶν, Δερβιηκῶν, Δερδικκῶν

Этот народ Птолемей называет среди крупных народов внутренней Ливии, к западу от горы Agankas. Аноним (Anonimus = GGM II, p.497–98), дополняя список Птолемея, называет дербикков после гарамантов и перед меланогетулами. Ptol. (IV, 6, 6) говорит также, что их западные соседи — Dermoneis. По имеющимся гипотезам, гора Agankas находится в массиве Ахаггар, следовательно, и дербикки локализуются в Ахаггаре.

#### **ДЕРМОНЕИ, Dermoneis /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Δερμονεῖς, Δορμενεῖς, Δορμενεῖς, Δερμωνεῖς, Δέρμονις

Птолемей помещает их между дербикками и горой Aroualtes, т.е. к западу от дербикков и к востоку от Аруальты. Р-н их локализации — у совр. алжиро-марокканской границы, восточнее реки Драа.

#### **ДЗУГЕИ см. ЗУГЕИ**

#### **ДОЛОПЫ, Dolopes /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Δόλοπες, Δόλωπες

Локализировались «под» лотофагами, выше эребидов, части лотофагов. Сосуществовали во внутренней Ливии и с гарамантами, недалеко от нубов. Многие локализуют их к югу от Туниса (Птолемей — во внутренней Ливии). Этноним dolopes (долопы) — эллинизированный: Ptol. IV, 6, 6 — Δόλοφες.

#### **ДОЛОПЫ, Dolopes /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Δόλοπες, Δόλοφες

Народ между талами (Thalae у гор Thala) и астакурами (Astakouri), соседями нубов у Гарамантского ущелья. Как союзники астакуров долопы упоминаются в пров. Африка, к югу или востоку от эропеев (Eropaei), которые помещались южнее лотофагов. Долопы упоминаются и в пров. Африка, рядом с астакурами: здесь имеется в виду племя номадов из Djeffara.

**ДРУИТЫ, *Druitae* /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Δρυῖται; Δρυῖται

Друиты обитали «под» масесулами (*Masaesuli*), последние, в свою очередь, «под» сорами (*Sōrae*). В их имени можно видеть греческое слово для обозначения обитателей дубовых лесов, покрывавших склоны Тлемсена (*Tlemsen*) — δρυῖτης.

Другие (К. Мюллер в комментарии к Птолею) связывают этноним с дуритами (*duritae*) или Дурисом (*Duris*) — местным названием Атласа. Их, как и горных жителей элулиев (*Eloului*) и толотов (*Tolōtae*), следует искать на севере гор Саида (*Saïda*).

**ЗАБЕНСИИ, *Zabenses* /Мавр. Цез./**

Имя известно по одной надписи (*Année épigraphique*, 1926, n.60), датируемой 474 г. н.э. и найденной в 6 км от *Thanaamusa* (*Bergouaghia*). Скорее всего это название жителей какого-то города, а не название племени.

**ЗАВЕКИ, *Zauēkes* /Афр./**

Западные или северные соседи максиев (*Herod. IV*, 193). За ними следуют гидзанты (*Guzantes*). Гидзанты и завеки — одно и то же племя: *Нecat. fr. n.307* — *FHG I*, p.23; *Steph. Byzant. s.v. Ζάβυκες*. Их имя идентично *Zeugitane* Плиния, который их локализует на сев. совр. Туниса (*Zeugi / Zeugis* — время Римской империи; *Aethicus Cosm. n.43* = *GGM*, p.88; *Orosius. Adv. pagan. I*, 2, 91–92). По Геродоту, завеки обитали у гор, полных обезьян (*St. Gsell Hérodote, p.135–139* — побережье *Enfida* — ?). Горы эти идентифицируются с горой Зиквенсис (*mons Ziquensis: Victor de Vita II*, 20, p.17; *III*, 52, p.53 = *MGH a.a. t. III (1)* = *djebel Zaghouan*). Смешивать завеков и гидзантов нет оснований, так как гидзанты жили в сахеле Сусы (*Sousse*), р-не, удалённом от гор, а завеки гораздо севернее, у хребта, вблизи мыса Бон. Максии же (*maxitani*) обитали в р-не Карфагена. Максии, завеки и гидзанты были обитателями восточного побережья совр. Туниса.

**ЗАГРЕНСИИ / ЗЕГРЕНСИИ, *Zagrēnsii* /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Ζεργήνσιοι; Ἐργήνσιοι, Ζευγρήνσιοι, Τευγρήνσιοι

Локализуются «под Красной равниной». Александрийский географ помещает их вслед за баниубами (*Banioubae*) и вакуатами (*Ouakouatae*). Место идентифицируется с *Bahirt el-Hamra* в уезде *Tensift* и в Атласе, к западу от Маракеша.

**ЗАМАДЗИИ, *Zamazii* /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ζαμάζιοι

Птолемей помещает их между Мандроном и Сагаполой, после салатов и дафнитов и рядом с арокками (*arokkae*), кетианами и нигритами. Замадзии локализуются на широте Среднего Атласа.

**ЗАМУКИИ, *Zamucii* /Афр./**

*J.R.T.*, n.854, cf. *Epigraphica I*, 1939, p.111–118.

Народ, живший в р-не Сиртов. Их идентифицируют с Samamukii / Samukii Птолемея.

### **ЗАНГЕНЫ, Zangeneae /Эф. вн./**

Зангены — родственные ихтиофагам племена на западном побережье Красного моря. Известны только по Юбе у Плиния (Plin. N.H. VI, 176). Точнее не идентифицируются (ср. RE, 2. Reihe 16, Bd. IX A2, coll. 2313 sqq., S. 252 sqq., s.v. Ikththyophagi).

### **ЗЕММУРЫ см. УЕРБИКИ**

### **ЗИМИЗЫ, Zimizes /Мавр. Цез./**

Их имя указано в Tabula Peutingeriana между Igilgili (Djиджели) и устьем Амсаги (Amsaga) в форме Zimises. По надписи 128 г. н.э. (CIL VIII, 8, 369) их границы проходят по территории Igilgili. Не исключено, что их имя связано с древним наименованием Choba (Ziama, между Djиджели и Bougie).

### **ЗУГЕИ / ДЗУГЕИ, Zugeis /Лив./**

Ptol. IV, 5, 12: Ζυγείς, Γυζείς

[Д]Зугеи — жители побережья, к востоку от зугритов и каттанов (Khattani). Их имя — от названия порта Дзугис (Zugis — Ζυγίς = Ptol. IV, 5, 3), это к востоку от Paraetonion (Marsa Matrouk) и к западу от Белого мыса (Cap Leuke, cap Blanc = совр. Ras el-Kanaïš). Ζυγίς = Παραιτόνιον = GGM I, p.433–434 (Stadiasme, 16–19).

### **ЗУГРИТЫ, Zugritae /Лив./**

Ptol. IV, 5, 12: Ζυγρίται, Ζυγρίται

Птолемей локализует их около моря между Мармарикой и р-ном Солума (Katabathmos); соседи каттанов. Обитают в р-не Зугриса. (Zugris = Zugis Птолемея)

### **ЗУФОНЫ, Zouphōnes /Афр./**

Diodor. XX, 38, 2 — упоминает зуфонов в контексте экспедиции Агафокла (конец IV в. до н.э.). С. Гзель считает их обитателями центральной части совр. Туниса (St. Gsell, H.A.A.N., t. III, p.40, n.4).

### **ИАНГАУКАНЫ / АНГАУКАНЫ, Iangaukani /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Ἰανγαυκανοί var.: ἀναγαυκανοί, ἀνγαυκανοί, ἀνταυκανοί, ἀνγαυκανοί, οἰανγαυκανοί

Иангауканы локализуются после волубилианов (Ouoloubiliani), обитателей Волубилиса (Volubilis = Ksar Pharaoun), к северу от Нектибереса (Nectiberēs). Но кауканы (Καυκαναί), здесь жившие, видимо, не включали в себя это племя, таким образом, точная локализация затруднена. Видимо, иангауканы были частью (западной) герпедитанов (Herpeditani).

**ИЕСАЛЕНСЫ, Iesalenses /Мавр. Цез./**

Ammianus Marcellinus XXIX, 5, 44; 47; 50

Упомянуты в связи с Auzia (Aumale — Id. XXIX, 5, 44). Ясно, что они обитали в горном массиве по соседству с Auzia.

**ИКАМПЕНСЫ, Icampenses /Мавр. Цез./**

Tabula Peutingeriana.

Народ к югу от Rusibricari Matidia (Mers el-Hadjedj) и Cissi (мыс Djinet). Видимо, в уэде Иссер (Isser). Их имя латинского происхождения и означает «племена равнины». У Юлия Гонория (В 48, op. 1., p.54) сообщается об Ifansenses вместе с набатами (Nabatae, Nabates, Nabes, Nauescei), а также бостреями и мармаридами. Как и набаты Плиния старшего (Plin. N.H. V, 21), они жили к востоку от Usar (уэд Isser). Общий порядок перечисления у Юлия Гонория и упоминания о мармаридах дают основание помещать их гораздо восточнее. К тому же Bostra — главная квартира III Киренского легиона, на севере страны набатов.

**ИОБАКХИ, Iobakkhi /Лив./**

Ptol. IV, 5, 12: Ἰόβακχοι, Εἰόβακχοι, Ἰάβακχοί, Ἰώβακχοι

Иобакхи локализуются Птолемеем к югу от анагомбров, к югу от оазиса Аммона. Восточные их соседи — руадиты. Происхождение имени связывается с названием города Бакхис (Bakkhis — Βακχίς — Ptol. IV, 5, 15) около озера Moeris (Karoun).

**ИОНТИИ, Iontii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Ἰόντιοι

Птолемей помещает их в Нумидии, в Provincia Nova, между Kirtēsii и Nabathrae — к западу, и Табаркой на востоке. Steph. Byzant. s.v. Κύβος — πόλις Ἰώνων ἐν Λιβύῃ Φοινίκων (может быть Ἰώνες этимол. = «западные»). Последний пункт между Ливией и финикийцами. Более общая локализация: между Hippo Regius (Bône) и Thabraca (Nabaréa).

**ИСАФЛЕНСЫ, Isafenses /Мавр. Цез./**

Ammianus Marcellinus XXIX, 5, 40; 41; 43; 46; 51; 53.

Их имя производят от Flissa или Iflissen (Desanges, p.56 n.4). Обитали примерно между Иссером (Isser) и Тигзиртом (Tigzirt).

**ИСБЕЛЫ, Isbeli /Лив. вн./**

Plin. N.H. VI, 194 — народ, называемый Плинием (со ссылкой на Далиона). Их называют перед перусиями (Pharusii / Perusii). Речь идёт о р-не Большого Западного Эрга.

**ИФАНСЕНСЫ, Ifansenses /Мармар./**

Iulius Honorius, Cosm., A, B 48, p.54

Их называют между набатами и бостреями среди других народов Африки. Локализация — восточная часть Мармарики.

**ИФУРАКИ, Ifuraces /Афр./**

Corripus Ioh. II, 113; III, 412; IV, 641; VIII, 490, 648

Ифураки — горный народ. Пришли из Триполитании. Corrip. VIII, 412 идентифицирует с Адрар Ифорасом: Форт Полиньяк, Гадамес, Джанет. Ифураков идентифицируют с ауригка (Aourigka) или афариками (Afarik) арабских авторов (Ibn Khaldoun, Histoire des Berberes, t. I, p.169; El-Bekri, Description de l'Afrique, p.15 — район Габеса).

**ИХАГГАРЫ см. КИСОРЫ****ИХТИОФАГИ, Ikhtyophagi /Эф. вн./**

Diodor. III, 53, 6; Herodotus II, 19, 25 (Элефантина).

Диодор помещает ихтиофагов от города Менен (Meninx = el-Kantara в Джербе) до озера Тритон. Ихтиофаги Геродота и Диодора — другие, чем ихтиофаги Птолемея (IV, 8, 2), названные им у Большого залива Западного океана, к северу от эфиопов-геспериев. Аноним-географ (GGM II, p.428) называет их (путая?) гиппофагами (ἵπποφάγοι). Этих ихтиофагов отождествляют с населением побережья Западного Океана, бродячими рыбаками — берберами, сильно смешавшимися с неграми запада (население Рио де Оро, Имрагуэн Мавретании), севернее геспериев (Carot-Rey, p.175, 209).

**КАДУПЫ, Kadoupi /Эф. суб./**

Ptol. IV, 7, 10: Καδοῦποι, Καδοῦποι, Κεδαῦποι, Καδῶποι, Μαδοῦποι; Plin. N.H. V, 54; VI, 178.

Кадупов Птолемей помещает «под» птоэмфанами (Ptoemphaneis), в том же р-не, что и гарусбов (Harusbi). За ними следуют эфиопы — поедатели слонов. Возможно, читать следует Katadoupi — «жители катарактов». Плиний помещает кадупов на арабском берегу Нила, около седьмого катаракта.

**КАЛЕТЫ, Kaletae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Καλέται, Καλλέται, Καλλίται

Птолемей называет их между гиргирами (Girgiri) и гарамантами и к западу от нубов (Nouba), на крайнем востоке от Гира (Gier). Это озеро (Гир) Птолемей помещает на параллели Киренаики (IV, 6, 4: 50°; мыс Фикус / Phukous: 50°; Apollonia в Киренаике: 50°10'). В Таблице Пейтингера озеро Гир помещается на восток от территории насамонов и к югу от алтаря Филены, там, где Нил втекает в озеро Nusar, на юге Пентаполиса. К. Мюллер, комментируя Птолемея (C. Müller, p.746, 8), склонен исправить Kalitai на Bakalitai — от названия Pita Bakalitis, называемого одновременно с Phazania (IV, 7, 10). (ср. Vitruv. VIII, 2, 6; Plin. N.H. V, 52). Вероятно, Kaletae как-то соотносятся с Bakales Геродота (IV, 171). Бакаты Птолемея (IV, 5, 12) соседствуют с Ауджилой, горой Baekolikou (IV, 4, 5) в Киренаике.

**КАНАРИИ, *Canarii* /Лив. вн./**

Plin. N.H. V, 15.

Канарии — обитатели склонов гор, соседствующих с Гером (уэд Guir ?), примыкающим к Атласу. Канарии — соседи эфиопов перорсов — *Perorses* (Plin. N.H. V, 16). Плиний производит их имя от *canes* — «собаки», с которыми они имеют одинаковые повадки и нравы.

**КАНТАУРИАНЫ, *Cantauriani* /Мавр. Цез./**

Упоминались в то же самое время, что и кафавы. Первоисточник неизвестен; известны по поздней передаче в средневековой латинской литературе.

**КАПРАРИЕНСИИ, *Caprarienses* /Мавр. Цез./**

Ammianus Marcellinus XXIX, 5, 34; 37.

Около 374 г. н.э. обитали в горном р-не (*Montes caprarienses*), недалеко от западных эфиопов. Локализуются у горы *Hodna*. С. Гзелль искал их в Сахарском Атласе. Есть упоминание о них в карфагенских остраконах 373 г. н.э. С ними торговали карфагеняне.

**КАПСИТАНЫ, *Capsitani* /Афр./**

Plin. N.H. V, 30.

Обитатели региона Капсы (*Capsa, Gafsa*).

**КАТТАНЫ, *Khattani* /Лив./ см. ХАТТАНЫ****КАУНЫ / КАВНЫ, *Kauni* /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: *Καῦνοι, Κάυκανοι*; Corippus, Ioh. II, 65.

Кавны / кауканы упоминаются вместе с салинсами (*Salinsae*). Обитали у реки *Bou Regreg*, «под» уербиками (*Ouerbikae*). По Кориппу, они отделены от племени сильзактов (*Silzactae*) рекой Вадара (*Vadara*).

**КАУНЫ / КАВНЫ, *Saunes* /б.л. — Мавр. Тинг.?!/**

Corippus. Ioh. II, 65–68.

Кауны отделяются от сильзактов (*Silzactae*) рекой *Vadara*. Комментаторы (С. Müller, p.585, 9) отождествляют каунов с кавнами (*Kauni*) — племенем, которое Птолемей помещает в Тингитании. В «Иоаннидах» Кориппа они более удалены на запад (ср. J. Partson, MGH a.a., t. III 2 — предисл. к Кориппу, р. IX–X).

**КАФАВЫ, *Cafaves* /Мавр. Цез./**

Ammian. Marcellinus XXIX, 5, 33.

Упомянуты где-то у *Cadaum* или *Gadaum Castra* (Saint Aimé-?). Вместе с ещё каким-то народом занимали р-н *Tipata* (*Tipasa*-?).

**КВИНКВЕГЕНТИАНЫ, *Quinquegentiani* /Мавр. Цез./**

Iulius Honorius A 44, GLM, p.47.

Конфедерация племён (всего их было пять) размещалась между *Saldae* и *Rusuccuru* (*Dellys*); другое место локализации — после *Feratenses*, *Russucenses*, *Barzufulitani* и *Fluminenses* — в порядке от востока (при общем направлении с Востока на Запад). (Iulius Honorius B 48, p.54: *gentia novi, quinquegentiani*). *Panegyrique de Maximien et Constantin* (*Panegyriques latins*, VI (VII), 8; ed. E. Galletier, t. II, p.22): по этому источнику им отводился трудно достижимый горный р-н.

Их упоминают надписи: из *Saldae* (*Bougie*) — CIL VIII, 8, 984; из *Tupusuctu* (*Tiklat*) — CIL VIII, 8, 836; из *Tizi Ouzou* — CIL VIII, 9, 010. Конфедерация засвидетельствована с 260 до 328 гг. н.э. (соотв.: CIL VIII, 2, 615 и CIL VIII, 9, 010). Литературные свидетельства отражают период Диоклетиана: *Aurelius Victor, De Caesaribus* XXXIX, 22; *Eusèbe-Saint Jérôme, Chron.*, 2, 304; *Jordanes, Getica*, 21 (MGH a.a. t. V, 1, p.86); *Orosius. Adv. paganos*, VII, 25, 8; *Passio S. Typasii*, I et 3. Также — *Eutropius. Brev.*, IX, 22–23 (MGH a.a. t. II, p.162–164). Евтропий считает, что конфедерацию составили пять известных племён: *Toulënsii*, *Baniouri*, *Nababes*, *Tyndenses* и *Masinissenses*. Это, правда, остаётся лишь гипотезой.

**КЕРОФЕИ, *Kerophaei* /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: *Κεροφαῖοι; καὶ Τομφαῖοι*

Бродячая группа, ходившая от моря внутрь Ливии; названа «после» ливофиникийцев (*Buzakitis* и *Ozoutae*) и «до» *Mampsari*, живших у одноимённой горы (= между ливофиникийцами и Малым Сиртом).

**КЕТИАНЫ, *Ketiani* /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: *Κετίανοι, Κίττανοι, Κιστιανοί*

Племя внутренней Ливии, между Мандроном и Сагаполой (горы), неподалёку от нигритов, т. е. в р-не Высокой Мулуйи (*Haute Moulouya*).

**КИСИПАДЫ, *Cisippades* /Афр./**

Plin. N.H. V, 28.

Народ на западном побережье Большого Сирта. (Много упоминаются в надписях.)

**КИСОРЫ, *Cisori* /Лив. вн./**

Plin. N.H. VI, 194. (со ссылкой на Далиона)

Плиний упоминает кисоров между вакатами (*vacathi*) и логонпорами (*Logonpori*), которые живут в пяти днях пути от *Oecalices*. *Oukhalikkeis* — ухаикики (Ptol. IV, 6, 6; Plin. N.H. V, 44) жили неподалёку от горы Аранкас, которая находится по соседству с ихаггарами, жившими в уэде Рир и в уэде *Djedi* (р-н Джеди — Рир — Игаргар / Ахагарр). *Vacathi* — это *Bakatae* Птолемея (IV, 5, 12), обитавшие по соседству с р-ном Ауджилы. Поэтому кисоры могли жить где-то в регионе Феццана. Точной локализации нет.

**КИНИТИИ, Cinithi /Афр./**

Plin. N.H. V, 30.

Связаны с гетулами, по соседству с Сиртами — Cinithi; Tacitus, Ann. II, 52 (Cnitiis); Ptol. IV, 3, 6: Κινίθιοι, Κινύθιοι, Κίθιοι, Κίνιοι — около Малого Сирта, к югу от будзаков, в регионе гетулов (насамонов).

**КИНИФИИ / КИНУФИИ, Cinyphii /Афр./**

Silius Ital., Punica II, 60; III, 275 — связаны с маками; Ptol. IV, 6, 3 p.638: Κινύφοι, Νύκτιοι, Νύκτιοι, Κινιθίους, Κινιθία.

Народ в р-не Сиртов (южнее маков), в 20 км южнее Лептис Магны (Lebda).

**КИРТЕ[Н]СИИ, Kirtesii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Κυρτήσιοι; Κυργήσιοι, Κιρτήσιοι

По форме этноним сближается с назв. Cirta (Konstantina) — западный регион провинции Африка — до самого моря, южнее киртезиев мусуламиев. Рядом с Городом киртесиев Птолемей (IV, 3, 7) называет Цирту (Cirta), Милеон (Mileon = Mila) и Зана (Zana = Aïn Zana). Cirtenses — CIL VIII, 9, 631 (Malliana / Affreville). Циртенсии (киртенсии) входили в римскую армию.

**КИСПИИ, Cisprii /Лив. вн./**

Plin. N.H. VI, 194 (по Далиону).

Народ, рядом с перусиями / фарусиями и баллиями (ballii); локализация в р-не Атласа или на территории современного южного Марокко.

**КЛИМАТИДЫ / МАЛЬТИТЫ, Klimatides / Maltites /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Κλιματίδες, Ματίτες, Μάττιτες, Ματίται, Μασίται, Μακτίτες

Их помещают «под» орфеями (Orpheis), между горой Karphas (исток Драа) и Колонной Богов, откуда вытекает Masitholos (Massa — ?). Их соседи — таруальты (Taroualtae), гора Aroualtēs. Это всё даёт локализацию: к югу от Анти-Атласа. В. де Сент-Мартен (Vivien de Saint-Martin, p.413) связывает их имя с Lamta (Ibn Hawhal — X в.) — в р-не уэда Noun, со столицей Noul Lamtata.

**КОЙДАМУСИИ, Koidamousii /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Κοιδαμάσιοι; Κηδαμούσιοι, Καδαμούσιοι

Жили на левом берегу Амсаги (Amsaga), соседи тодуков (Todoukai), живших у истоков этой реки, отделявшей Мавретанию от Африки. Локализуются в р-не уэдов bou Salah и Deheb.

**КСИЛЛИКИ, Xyllikeis /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ξυλλικεῖς, Ξυλικεῖς, Ξυλιγκεῖς

Ксиллики Птолемея — эфиопское племя: у горы Аруальтес и в направлении горы Аранкас. Их соседи — ухаликки, тоже эфиопы, а западные соседи — эфиопы агангины. Локализация — Хамада Драа (?).

**КУРБИССЕНСЫ, Curbissenses /Афр./**

Iulius Honorius A 48, op. 1., p.54: Gurbisenses, Curbisenses.

Упоминаются между териодами и беитанами; селились около горы Curbessa. Iulius Honorius, 42, op. 1., p.46 — mons Coruessa. Corippus Ioh. II, 56 — город Gurubi — в горном р-не, там жили и курбиссы. Р-н Корбус, мыс Бон. На мысе Бон курбиссенсы жили в императорское время — ср. CIL VIII, 24, 099.

**КУРИТЫ см. ХУРИТЫ****ЛАГАНИКИ / ЛЕСАНИКИ, Laganici / Lesaniki /Кирен./**

Ptol. IV, 4, 6: Λαγανίκων; Λεσανίκων

Птолемей упоминает этот народ между макатутами на западе и псиллами на востоке. Они жили в гротах / пещерах. Itiner. Antonin. (ed. Parthey, p.31, n.67; p.32, n.70) в описании дороги от Птолемаиды до Кирены называет город Lasanuces / Lasamices, что = Lasanices — в 25 милях от Кирены. Место обитания троглодитов в этом р-не возможно ещё одно: Wady Ierahib (Müller, ed. Ptolem., p.670, 3). Окончательная локализация лагаников / лесаников / ласаников — к западу от Кирены в 35–40 км.

**ЛАГУАНТАНЫ, Laguantan /Афр./**

Corippus. Ioh. I, 467, 478; II, 96, 106; III, 294; IV, 48, 85, 629, 815; V, 108; var. Laguas, Hilaguas, Laguantan, Leucada. В конце III в. н.э.

Максимин предпринял против них экспедицию — Cor. Ioh. I, 480–482; IV, 822–824; VII, 530 sq. Триполитания — место их обитания. Номады; их кочевья могли простираться от Египта до Барки.

**ЛАМТА см. ТАРУАЛЬТЫ****ЛЕВАТЫ, Leuathae /Афр./**

Procopius, B.V. II, 21, 2; 21, 20; 22, 20; 28, 47; Hist. Arcan. 5: Λευάθαι; De aed. VI, 4: Λευκάθαι

В 544 г. н.э. их вождь был назначен губернатором Триполитании.

**ЛЕВКОЭФИОПЫ, Leukoaethiopes /Лив. вн./**

Pomponius Mela I, 23: Leucoaethiopes — «белые эфиопы»;

Ptol. IV, 6, 6; Plin. N.H. V, 43.

Как и ливоегиптяне (Libyaegyptii), и гетулы, находятся «выше» жителей побережья Ливийского моря (Средиземноморского берега), но севернее необитаемых земель пустыни. Плиний помещает ливоегиптян и левкоэффиопов к югу от пустынь, которые отделяют гетулов. К югу от них следуют нигриты, гимнеты (Gymnetes), фарусии и около океана, на границе Мавретании, перорсы. По Птолею, левкоэффиопы названы среди второстепенных народов внутренней Ливии, «под» горой Rhusadion. Аноним (ὕπ. γεωγρ. ἐν ἐπ. = GGM II, p.498) называет левкоэффиопов среди крупных народов внутренней Ливии после нигритов и африкеронов (юж-

ное Марокко). Они занимают крайний запад, а ливоегиптяне — крайний восток. (Приметы их физического облика — белый цвет кожи и негроидные черты.)

#### **ЛЕРГЕТЫ, *Lergētae* /Афр./**

Polyb. III, 33, 15: Λεργῆται

Из них Ганнибал рекрутировал всадников в 219–218 гг. до н.э. Тит Ливий (Titus Livius XXI, 22) связывает их с испанскими Ilergètes.

#### **ЛИБИАРХИ, *Libyarkhae* /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12 — Λιβύαρχοι

Жители севера Мармарики. Это первый народ, который называют после границ Киренаики. Восточные соседи либиархов — анейриты (Aneiritae). Они связаны с Aziris Геродота. Либииархи граничили с Дерной (Darnis / Derna) на западе, а на востоке доходили до побережья Бомба. Сам этноним зависит от этнонима Libyes, которым в целом обозначались все берберы (Λιβύαρχοι по Вициклю — греч. перевод с египетского — «Князь Ливии»). Часть этнонима — Liby — отождествляется с египетским Lebou (упомянуты под 1227 г. до н.э. в 5 году правления Минептаха среди западных соседей Египта — W. Hölscher, p.61–63). Вообще, Libye греков занимали весь регион между Большим Сиртом и Египтом. Точнее, Lebou / Libues обитали в пределах Киренаики и Мармарики (cf. Odys. IV, 85; XIV, 295).

#### **ЛИВИЙЦЫ, *Libyes*, Λίβυες /Лив./**

Hecataios (St. Byzant., fr.320, 324 = FHG I, p.25); Pind. Pyth. IX, 105; 117; Herod. II, 32; IV, 168, 170, 181, 191, 193; Scyllax. Peripl. n.107, 108, 109, 110, 112 = GGM I, p.81–92; Polyb. I, 65, 2; I, 74, 7; III, 33, 15 etc.; Diodor. XX, 55.

Пиндар считал ливийцев автохтонами Киренаики, что полностью отражает древнейшее представление греческой письменной традиции об Африке, согласно которой ливийцы — коренные обитатели всей Ливии (= Африки). При этом Киренаика — первая освоенная греками область Африки — репрезентировала эту часть ойкумены в целом. Так, у Геродота ливийцы — жители прибрежной зоны от Египта до Столпов Геракла (= Гибралтара). Скиллакс называет ливийский город на атлантическом побережье современного Марокко и этноним «ливийцы» употребляет для обозначения населения от Египта до восточной границы Туниса. У Полибия ливийцы — автохтоны р-на Карфагена, смешавшиеся с пунийцами. Диодор считал их автохтонами области вокруг Карфагена. У античных географов термин не имеет чёткого значения, сохраняя древнейший обобщающий смысл (cf. St. Gsell, H.A.A.N., p.118–120).

Этноним Λίβυες (либюэс) связывается с египетскими документами конца XIII — начала XII вв. до н.э., называвшими народ lebou (лебу, лебю), который в др.-евр. традиции передавался как Lehabium (Genes. X, 13, 8; Ios. Flav., Ant. Iud. I, 6, 2) или Loubim (Chron. 12, 3; 16, 8; Nahum 3, 9; Dan. 11, 43). Либю египетских источников заселяли побережье между Египтом и Сиртами. М. Шаму (M. Chamoux, 55) полагал, что либю жили в Киренаике, к западу от техену и машвеш.

Птолемей (IV, 5, 12) называет ливоегиптян (Libyaegyptii), которых локализует в Мареотиде. Леваты (Leuathae) Прокопия Кесарийского и лагуантан

(Laguantan) Кориппа представляются отдалёнными потомками Lebou и Libyes (cf. O. Bates, 67).

### **ЛИВИОЕГИПТЯНЕ / ЕГИПЕТСКИЕ ЛИВИЙЦЫ /Мареот./**

Libyoaegyptiae / Libyes Aegyptii

Ptol. IV, 5, 12; Pomp. Mela I, 23; Plin. N.H. V, 43.

Ливиегиптяне, или египетские ливийцы, жили между цепью оазисов и современным Египтом. Птолемей говорит о них как народе Мареотиды, пограничном с оаситами (Oasitae), обитавшими у Малого оазиса (Bahareih) и у Большого оазиса (Khargeh) — Ptol. IV, 5, 15. Помпоний Мела помещает египетских ливийцев в глубине страны, на границе с Ливийским морем, подобно левкоэфиопам (Leucaethiopes) и гетулам, жившим западнее.

Плиний основывается на тех же источниках, но в отличие от Помпония Мелы, помещает гетулов во внутренней части страны в пустынных районах, вслед за ливийцами = египтянами и левкоэфиопами (Leucos Aethiopes), рядом с нигритами, фарусиями и перорсами (Nigritae, Pharusii, Perorsi) (перечисление ориентировано с вост. на запад). У Орозия (Orosius I, 2, 13 = GLM, p.60) этот народ назван именем Libyoaegyptiae — ливиегиптяне. Обе формы этнонима, по-видимому, относятся к одному и тому же народу.

### **ЛИВИОЭФИОПЫ, Libyoaethiopes /б.л. — Лив. вн./**

Orosius I, 2, 43 = GLM, p.67.

Орозий упоминает ливиеэфиопов к югу от Киренаики, по соседству с гарамантами. Одна из древних интерпретаций — «эфиопы Ливии» (cf.: St. Gsell, H.A.A.N. I, p.302, n.7).

### **ЛИВОФИНИКИЙЦЫ, Libyphoenices /Афр./**

Первый раз упомянуты у Гекатея, что известно по Steph. Byzant. s.v. κανθήλη et εὐδείπνη; Peripl. Hannon. I = GGM I, p.1; Ephorus (цит. у Scymnos Chios. — GGM I, p.203); Polyb. VII, 9, 3; о кавалеристах ливофиникийцев в Испании — Polyb. III, 33, 15. У Полибия ливофиникийцы — часть карфагенян. Diodor. XX, 55, 4: они морской народ, совершавший конубии с карфагенянами и получивший имя от смешанной расы, т. е. они помесь пунийцев и африканцев. Strabo XVII, 3, 9 помещает их между карфагенским побережьем и горами Гетулии. Plin. N.H. V, 24 — обитали в Buzakion. Ptol. IV, 3, 6: Λιβοφοίνικες, Λιβουφοίνικης, Λιβυκοὶ Φοίνικες. Жили к югу от Карфагена и к сев. от Buzakitis.

### **ЛИКСИТЫ, Lixitae /Мавр. Тинг./**

Hanno. Periplus, 6–7 = GGM, p.5–6; Pausanias I, 33, 5–6.

Обитали у большой реки Ликс (Lixus). Номады. Ниже (южнее) них обитали «негостеприимные эфиопы». Павсаний странно идентифицирует ликситов с насамонами. Видимо, ошибка идёт от Перипла Ганнона, в котором эфиопы помещены около Ликса, где они вели «немую» торговлю с гарамантами (= гамфазантами), смежными с насамонами (Herod. IV, 174).

**ЛИНКСАМАТЫ / ЛУНКСАМАТЫ, Lunxamatae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Λυγξαμάται, Λυξαμᾶται; IV, 6, 13: Λύξαμα; Λιγξάνα, Λύγξαλα, Λύξαμα

Народ, живший во внутренней Ливии, к северу от горы Гиргири, как и самамукии, уже на территории «Африки» около Большого Сирта и кинуфиев. Птолемей называет город Лунксама на сев. берегу Geir'a, т. е. с запада на восток. Это самый восточный город из названных на этом берегу. Линksamатов отождествляют с лехаматами (Lejamate), которые были номадами к северо-востоку от современного Форт-Лалеман (Fort-Lallemand).

**ЛОГОНПОРЫ, Logonpori /Лив. вн./**

Plin. N.H. V, 44; Ara Pacis 1294: Λογχοφόρος; Xenophon, Cyr. 2, 1, 5: Λογχοφόρους; Strabo XVII, 3, 7; Plin. N.H. VI, 194 (по Далиону).

Плиний помещает их около Нида, к югу от Большого Сирта и в пяти днях пути от Oekalikes, эфиопов, крайнего народа по течению Nigris'a. Логонпоров отделяют и от фарусиев, и от нигритов, которые, по Страбону, назывались не «дротиконосцы» (lonchorphoros, как на Алтаре Мира и у Ксенофонта), а лучниками (как западные эфиопы), в то время как ливийцы использовали дротики с железными наконечниками. Эти логонпоры, видимо, жили к северу от Oekalikes и имели ливийское вооружение. Локализация: Высокий Ихаггар (Ighaghar), между Уаргла (Ouargla) и Туггуртом (Tougourt).

**ЛОТОФАГИ, Lotophages, Λωτοφάγοι /Афр./**

Впервые упомянуты в Одиссее — Odys. IX, 80 sq.; XXIII, 311: Одиссей с северным ветром дошёл до мыса Malée и оказался в девяти днях пути от лотофагов — Odys. XI, 80–84 (плоды лотоса называются джуджуба). Periopl. Scyllax 110 = GGM I, p.87 — остров лотофагов. Herod. IV, 177 локализует лотофагов на материке между гинданами и восточнее махлиев, у оз. Тритон и Джербь.

К IV в. до н.э. они находились между Большим и Малым Сиртами. Polyb. I, 39, 2; XXXIV, 3, 12; Strabo III, 4, 3; XVII, 3, 17 — лотофаги у Джербь. Страбон помещает их у Малого Сирта (Strabo XVII, 3, 17; 3, 8); он отмечал также, что лотофаги эмигрировали в Маврусию, в р-н Ликса (Lunx, Lixos), и простирались вплоть до р-на Кирены. Pompl. Mela I, 37 локализует их на побережье Киренаики между мысами Bryon и Phycous, т. е. в р-не Береники (Benghazi), на западе — Аполлония (Mersa Sousa). Plin. VIII, 104: лотос растёт у Сиртов у насамонов; здесь живут лотофаги (между Сиртами) у реки и озера Тритон, недалеко от города Филена (V, 28).

Ptol. IV, 3, 6 — другая часть алахроев — махрии (Makhrues), они питались лотосом, как и у Геродота (IV, 3, 12), т. е. тоже были лотофагами (Makhlues = Makhrues: махлии, махрии — Геродот помещает их у Малого Сирта). Ptol. IV, 3, 6 помещает лотофагов у Кинипса (Cinyps); он их называет Lotophagitis (IV, 3, 12). Dionys. Perieget. — GGM II, p.113–206 (эпоха Адриана) помещает лотофагов на востоке от Неаполя (Lebda). Steph. Byzant. s.v. Γινδᾶνες — здесь гинданы также считаются лотофагами. Лотофаги были и в Триполитании, и в Киренаике. Вообще это всегда больше характеристика по основному виду питания, чем определённая этническая единица.

**МАВСОЛЫ, Mausoli /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Μαύσολοι, Μαυσωλοί, Μαύσωλοι, Μαυσωλοί

Народ между автолатами и сирангами (Sirangae), с одной стороны, и горой Мандрон, с другой. Автолаты помещались к югу от Sala (Chellah), мавсолы же локализируются у Среднего Атласа, между Azrou и Beni Mellal.

**МАВРЕНСИИ / МАВРЫ / МАВРУЗИИ / МАВРУСИИ Maurensii / mauri / maurousii /Мавр. Тинг./**

Каждое из названий означает одну из трёх берберских этнических единиц, существовавших уже к III в. до н.э. — maurousii. Diodor. XIII, 80, 3; Polib. III, 33, 15; XV, 11, 1; XXXVIII, 7, 9; Ptol. IV, 1, 5; Strabo XVII, 3, 2; Corippus Ioh. II, 2; 29; 157; 183 etc.; Procopius, B.V. II, 17, 35; 20, 21.

Латинское название mauri, по Страбону, автохтонного происхождения. Локализируются они около Столпов Геракла. Некоторые авторы полагают, что маврусии жили не у Средиземноморского побережья, а южнее. Они связаны с гетулами. Птолемей помещает мавренсиев в вост. части Тингитании (Djebel Kedana — выше течения Mouloуа). Корипп и Прокопий объясняют, что mauritani означает жителей Мавретании, а термин maurousii — более общее понятие.

**МАГАРТЫ, Magartae /б.л./**

Liber Generationis, 132 = MGH a.a., t. XI, p.101.

Одно из племён Африки. Более о них ничего не известно.

**МАГЕМПУРЫ, Magempuri /б.л./**

Vibius Sequester = GLM, p.158.

Племя только названо, других сведений нет.

**МАДЗИИ, Mazues /Афр./**

Номады Ливии. Steph. Byzant. s.v. Μάζυες (по Гекатею). Мадзии отождествлялись с максиями (maxues) и махриями.

**МАЗАКИ, Mazaces /Афр./**

Lucan. Phars. IV, 681.

Лукан называет их вместе с массаилами (Massyles), о них в составе эскорта Нерона говорит Светоний — Sueton., Claudianus, Eloge de Stilicon I, 356. Corippus Ioh. I, 149; IV, 724; IV–V, 1020; V–VI, 167; VI, 450–600; VIII, 305 (Mazax — синоним Maurus). Эпитеты Mazacensis (484 г. н.э.) — Gesta Coll. Carth. I, 215, Benenatus Mazacensis (Notitia Provinciarum et civitatum Africae — MGH a.a., t. III/I, p.65 n.81 — в списке нумидийских послов). Mazax = Mazix.

**МАСИКИ, Masikes /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Μάσικες

Птолемей локализует масиков «под» страной Metagōnitis (на мысе Spartel у Сеута). Масики — берберы. Ср. масики в Цезарее и Африке.

**МАЗИКИ / МАДЗИКИ, Mazices /Афр./**

Aethicus, Cosmographis, GLM, p.88; CIL VIII, 11, 308–312 (Cillium); Mazacus, 23, 367 (Mididi) — многочисленный народ; обозначение всех берберов в целом для длительной эпохи (ср. Mazices в Цезарейской Мавретании и Тингитании).

Liber generationis — GLM, p.167 — около 235 г. н.э.: они жили перед гарамантами. Philostorgus, Hist. Eccl. XI, 8 — западнее аустурианов (Austuriani); в сер. V в. н.э. их упоминают около Большого Оазиса, Харга — Scolastiquus, Hist. Eccl. I, 7. Нач. V в. — у Кирены — Synesius. Epist. XXIV. Во времена империи они передвинулись из Триполитании к оазисам Египта. По некоторым авторам, они верблюдоводы и локализуются в Мавретании. Помещают их и в римской Африке, и в пустыне, и в «Эфиопии». В III в. их отождествляли с маврами, гетулами, афрами.

**МАЗИКИ / МАДЗИКИ, Mazices /Мавр. Цез./**

Этноним используется для обозначения многих племён (ср. берберское Amazigh, ж.р. — Tamazight, plur. — Imasighen; ср. St. Gsell, H.A.A.N., V, p.115–120. Слово означает «свободный», «благородный»). Ж. р. берб. слова представлен в терминах Namiagi, Taminagi, Tamgagi (Plin. N.H. V, 37). Также: St. Gsell. Hérodote, Alger-Paris, 1916. В лат. период: Mazik (CIL 17, 234), Mazi (21, 121), Mazic (21–120); Mazix (15, 928); Mazzic (16, 821); Mazica (8, 817; 15, 593; 17, 748; 18, 392; 21, 109; 21, 737 ...).

Группа Mazices жила в Цезарейской Мавретании: Ptol. IV, 2, 5 — Μάζικες. Птолемей помещает их около Zalakon (Miliana — CIL VIII, 9, 616), упоминая prefectus gentis Madicum. Регион мадзиков горный (CIL VIII, 2, 786). Liste de Vérone, A. Riese, GLM, p.129: Mauri Mazazeses. Автор помещает мадзиков конца III в. н.э. среди мавров (mauri). Gensani u Mauri Baveres (= Barbares). Amm. Marcellinus XXIX, 5, 17; 21; 25; 26; 51. А. Марцеллин упоминает их в связи с восстанием Фирма (Firmus). Iulius Honorius (A 48, GLM, p.54) для V в. н.э. считает их частью Quinquegentiani и Bures, и в то же время упоминает среди Muzukei и Artennites. Локализация во всех случаях — к югу от Заккара (Zaccar).

**МАКАНИТЫ / МАКЕНИТЫ, Macenites /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Μακανῖται; Dio Cassius. Epit. LXXV, 13.

Маканиты локализуются к югу от бакатов. Дион Кассий их страну, Makeunitis, помещает у Атласа (или у истоков Нила) и прямо на Запад, недалеко от Океана; внутренняя Мавретания. Поздние авторы идентифицируют макенитов с бакатами и макенитами (massenas, macenitas) у реки Bou Regreg = Salat.

**МАКАРИИ, Macares /Афр./**

Corippus. Ioh. II, 62 — кочевой народ номадов из гористых лесных мест.

Это этноним ливийского происхождения. fr. Timothéus (ex Gasa) Περί ζῳων — in: Haupt. Opusc philol., III, p.300: τὴν γῆν τῶν Μακάρων. Среди нумидов и насамонов названы макроны (macrones) — MGH a.a., t. IX, p.101, n.132 — макарии (macarii).

**МАКАТУТЫ, Makatoutae /Кирен./**

Ptol. IV, 4, 6: Μακατούται

Народ, пограничный с провинцией Африка, населявший западную часть Киренаики. К северу от гор Ouelra — вдоль Большого Сирта. Макауты на востоке достигали алтаря Филены. Возможно, речь идёт о какой-то части сиртских маков (Makae).

#### **МАКЕТЫ, Maketae /Кирен./**

Synesion (Cyrenensis) — Epist., CXXIX, PG, t. LXVI, col.1512: μακέται — chr. Lacombrade. Synésios de Cyrene hellène et chrétien, p.75; p.199; Ptol. IV, 5, 12: Βάκαλες, Μακέται (рядом с насамонами).

Птолемей помещает их в Мармарике; не исключено, что они идентичны. В начале V в. н.э. макеты вместе с аусурианами (Ausouriani = Austoriani) населяли р-н против Пентаполиса. Скорее всего речь идёт о тех же макаутах.

#### **МАКИ, Makae (vulg. Maces) /Афр./**

Herod. IV, 42; IV, 175: маки — западные соседи насамонов, вдоль моря (ассоциация маков и насамонов около Кирены засвидетельствована и надписью IV в. до н.э.: SEG, IX/I, p.36, n.77).

Локализуют на зап. побережье Большого Сирта, по их территории течёт р. Кинипс (Cinyps) (oued Oukirré). Herod. IV, 42. Pseudo-Scyllax (Peripl. 109, p.84–85) помещает маков между насамонами и Кинипсом. Ptol. IV, 3, 6 — Μακαῖοι — часть их Птолемей помещает у Сиртов, южнее кинуфиев и элеонов; другую часть — во внутренней Ливии. В другом месте Птолемей (IV, 6, 3) помещает их за горой Гиргири или у истоков Кинипса рядом с гарамантами. Diodor. III, 49 — локализует маков напротив Сиртов; многочисленный народ. Plin. N.H. V, 34 — маки находятся между насамонами и амантами в 12 днях пути от Большого Сирта (с востока на запад). Sil. Ital., Punica II, 60; III, 275; V, 194; IX, 11, 89, 222; XV, 670: маки в родстве с Makatoutae Птолемея и Maketae Синезия (Synesios) — в Киренаике; здесь же сообщение о бумеранге — cateia. Corripus. Ioh. I, 467: Macaes.

#### **МАККОИ, Makkoii /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Μακκόοι, Μακόοι

По Птолемею, они помещаются к югу от гор Гиргира, в сторону гарамантов. Этноним переключается с маками (Сиртскими), которых Птолемей помещает к югу от кинуфиев (IV, 3, 6). В другом месте (IV, 6, 3) река Кинупс, обычно идентифицируемая с Cinyps'ом в Триполитании, оказывается Girgiri. Маккои внутренней Ливии идентифицируются с маками «Африки». Идентификация Кинупса с Кинипсом сделана С. Гзеллем (St. Gsell, Hérodote, p.90 n.2; он исходил из одного свидетельства Птолемея — Ptol. IV, 6, 12).

#### **МАККУИ, Maccues / Массуи /Мавр. Цез./**

Упомянуты в царствование Траяна. Идентифицируются с makkoii Полибия (Polyb. III, 33, 15: Μακκοῦοι, Μακκαῖοι). Называются среди нумидийцев после массивов и масесивов, перед маврусиями. В 219–218 гг. до н.э. Ганнибал набирал из них всадников в свою армию. Может быть, связаны с махусиями (Makhosii) Птолемея.

**МАККУРИТЫ, Maccuritae /б.л. — Мавр. Цез./**

Iohan. Biclär., a 569, a 573 = M.H.G. a. a., t. XI, p.212–213.

Isidorus., Chroniqu., 401b = MGH a.a. t. XI, p.476.

Иоанн Бикларский называет этот народ в связи с их христианизацией около 569 г. н.э. Около 573 г. они послали посольство в Константинополь, к Юстину II, с дарами — клыками слонов и живым жирафом. Маккуритов отождествляют с маккурами (makkourae) Птолемея (IV, 2, 5) — в Цезарее. Нужно отметить, что в римскую и византийскую эпохи жирафы в Северной Африке были весьма редки. Более убедительно сопоставление маккуритов с макурами (Makoura / Mukurra) Нубии, в корне которых берберское \*mgr = вождь.

**МАККУРЫ, Makkourae /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Μακκοῦραι, Μακοῦραι, Μακοῦρωνες

Связаны с Macares и Macurasen — ср.: Corippus. Ioh., IV, 955. Локализуются «под» горами Garapha, к востоку от Mukēni. Соседствуют с Ouarsenis.

**МАКРОБИИ, Macrobiani /Эф. суб./**

Herodotus III, 17; 20; 23; 97; Scyllax, Periplus 112 = GGM I, p.94;

Plin. N.H. VI, 190; 198–199;

Pomp. Mela III, 9, 85; Seneca, De ira III, 20, 2;

Anonymus. GGM IV, p.38–1717.

У Геродота рассказывается о походе Камбиса против макробиев, долгоживущих людей, самых красивых и высокорослых из всех известных народов; сообщая о том, что питаются они мясом животных и молоком, Геродот даёт нам основание для вывода о том, что макробии были скотоводами. Скиллакс в «Перипле» узнаёт их в эфиопах Керны, торговавших с финикийцами. Помпоний Мела помещает их около Мероз и связывает с золотом. Видна также связь с автотолами и селебритами / себритами. Плиний сообщает, что макробии жили на африканском берегу Нила около Мегабары; питались они мясом слонов; были близки к Мероз. Аноним помещает их у слияния Белого и Голубого Нила, около Хартума. В целом макробии очень связаны с легендарной традицией о жителях крайнего юга обитаемого мира, к югу от Мероз. В эту же традицию входит и Керна, город у Красного моря между Персидским заливом и Эфиопией, что особенно видно по Плинию (VI, 198–199).

**МАКСИИ / МАДЗИИ, Maxues /Афр./**

Herod. IV, 191 — первый народ землепашцев (от запада до р. Тритон; напр. с вост. на запад — по Геродоту; вост. и сев.-вост. побережье до Малого Сирта). St. Byzant. s.v. Μάζυες упоминает мадзиев (mazues) Гекатея и махриеи (makhrues), т.е. махлиев.

Максии Геродота (IV, 191) производят себя от троянцев; но имя их ливийское (ILAfr. 422 = Muxsi): Mazices = «благородные» — ср.: Amazigh, Imazighen.

**МАКСИТАНЫ, Maxitani /Афр./**

Iustin XVIII, 6, 1.

Обитали в регионе Карфагена; этноним зависит от *maxii* Геродота, живших южнее. Макситаны образовывали одно целое с мадзиками (cf. Eustathius, Comment. ad Dionys. Perieget., v. 195 = GGM II, p.251).

**МАКУРЕБЫ, Masurebi /Мавр. Цез./**

Plin. N.H. V, 21.

Помещаются в р-не реки Nabar (flumen) и Усаром (уэд Isser?), разделяющих набабов. Если река Aves Плиния корреспондирует с р. Savus Птолемея, которая впадает в море между Icosion (Алжир) и Rusgunion (мыс Matifou), то уэд Hamiz — территория макуребов. Makkhourēbi Птолемея (IV, 2, 5: Μακχουρήβοι, Μακλουρηβοι) жили на побережье (среди Zalakon одна часть, другая — между Baniouri). Toulensii располагались «под» ними. Makkhourēbi жили между Заккаром (Zaccar) и Большой Кабилией. Макхуребы, по Птолемею, жили среди народов внутренней Ливии.

**МАКХУРЕБЫ, Makkhourēbi /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Μακχούριβοι, Μαχούρηβοι, Μακχουρήτου

Народ к востоку от дарадов (Daradae). Их имя отождествляется с макхуребами Цезарей (Ptol. IV, 3, 6), тех и других считают частями одного этноса, относящегося к началу периода Империи. (Они находились по течению р. Драа.)

**МАЛКОИ, Malkoae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Μαλκόαι; Μαλκίαι

Птолемея помещает их на западе, около Мандрона. Они жили за бабиями и не доходя мандоров, по соседству с дародами. Локализация: в р-не Марракеша. Это — южно-марокканское племя.

**МАЛЬТИТЫ /Лив. вн./ см. КЛИМАТИДЫ**

**МАМПСАРЫ, Mampsari /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Μάμψαροι, Μάμψαραι, Μάρμαροι

Птолемея помещает их севернее горы того же названия (или — Bagradas — у её истоков) и отделяет от мотутуриев, живших южнее.

**МАНДОРЫ, Mandori /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Μάνδοροι

Птолемея их помещает около горы Мандрон, имя которой легло в основу этнонима. Они обитали поблизости от дарадов. Южнее Мандрона находится река Масса (уэд Масса). Мандоры, видимо, помещались где-то в р-не Анти-Атласа, между Сусом и Массой (Sous, Massa) [Mandron — Ptol. IV, 6, 3].

**МАНРАЛЫ / МАУРАЛЫ, Manrali /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Μαυράλοι, Μάνραλοι

Птолемей локализует их после алитамбов (Alitambi). Оба этих этноса помещались между озером Ливия (Libya) и горой Thala (p-н Форт-Флаттерс).

**МАРЕОТЫ, Mareotae /Мареот./**

Plin. N.H. V, 39.

Плиний упоминает их среди обитателей Mareotis Libya и помещает восточнее адирмахидов. Они жили в p-не озера Мареотида (Mariout), к северо-западу от Александрии.

**МАРИГАРРЫ, Marigarri /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 192.

Маригарры следуют за гарусбами, архисармами и фаллигами. К югу по линии Kosfi-Sennar.

**МАРМАРИДЫ, Marmaridae /Мармар./**

Periplus (Scyllax), 108 = GGM, p.82: Μαρμαρίδαι

Скиллакс помещает их от Apis'a, через Paraetonion (Marsa Matrouk) до Гесперид (Hesperides / Benghazi). Diodorus III, 49, 1 помещает мармаридов между Египтом и Киреной. Strabo II, 5, 33 — по побережью между Египтом и Киренаикой, на западе — до Katabathmos'a (Soloum — XVII, 1, 13) и оазиса Аммона (Syouah — XVII, 3, 22). Plin. N.H. V, 39 помещает их между Киренаикой и адирмахидами. Но в другом месте (Plin. N.H. V, 32) — между Paraetionium и Большим Сиртом (это гораздо западнее).

Florus II, 31 говорит, что Публий Сульпиций Квин (P. Sulpicius Quirinus) покорил мармаридов в то же время, что и гарамантов, т. е. около 2 г. н.э. Одна греческая надпись из Кирены упоминает, что при Клавдии II (268–269 гг.) одержал победу над мармаридами префект Египта Проб (Claudiopolis = Cyrene ?). У поэтов мармарида встречаются часто: Ovid. Metamorph. V, 125; Lucanus, Pharsal. IV, 680; Sil. Italicus. Punica III, 300; XIV, 482; Sidon. Apol., Carmina V, 337. Geogr. de Ravenna III, 3 — упоминает их севернее гарамантов в то же время, что и насамонов.

**МАРХУБЫ / МАЛЬХУБЫ / МАЛЬХОБЫ, Marchubi-Malkhoubii /Мавр. Цез./**

Plin. N.H. V, 30: Marchubi, Marchubii, Marchui, Machui;

Ptol. IV, 2, 5: Μαλχοῦβιοι οἱ ὄρεινοί — горные мальхубы.

По Плинию, народ провинции Африка. Границы: алтарь Philènes с востока, уэд el-Kebir (Ampsaga) — с запада, Nigris — на юге. Птолемей локализует их в Мавретании как соседей салассиев (Salassii): p-н el-Milia. (Salassii (Ptol. IV, 2, 5) — уэд el-Kébir — левый берег уэда в Мавретании.) Правда, одна надпись локализует мархубов на правом берегу, т. е. в Нумидии (CIL VIII, 19, 923). Также герпедитаны (Herpeditani) населяли частью Мавретанию Тингитанскую, частью Мавретанию Цезарейскую.

**МАСАТЫ, Masati /Лив. вн./**

Plin. N.H. V, 9 (по Полибию).

Жили перед рекой Masathat (уэд Масса) и Даратом (Darat = уэд Драа). Прибрежные жители р. Масса.

**МАСЕСИЛЫ, Masaesyli /Мавр. Тинг./**

Plin. N.H. V, 17.

Локализация: тингитанская Мавретания, по соседству с маврами. Cf. Massaesylii (в Цезарее).

**МАСИНИССЕНСЫ, Masinissenses /Мавр. Цез./**

Amm. Marcellinus XXIX, 5, 11.

В 373–374 гг. Фирм (Firmus) напал на них, отправившись из *Tupusuctu* (Tiklat) в долину уэда *Sahel*. Они локализовались по соседству с Тинденсами (*Tyndences*), т.е. к востоку от Суммама.

**МАССЕСИЛИИ, Massaesylii /Мавр. Цез./**

По имени племени названа страна. Имя имело множество транскрипций. Греческие варианты: *Μασαίσυλοι* — Polyb. III, 33, 15; Strabo XVI, 23, 6; Plut., *De mulier. virtut.* 10; *Μασσαίσυλοι* — Strabo; Ptol. IV, 2, 5; *Μασαίσυλεις*, *Μασαίσυλῖται* — Steph. Byzant.; *Μεσολουσούσων* (gen.) — Цезаря, CIL VIII, 21, 441. Латинский варианты: *Masaesylii* — Priscien. *Perieg.* 177 = GGM II, p.191; *Masaesulii* — Tit. Livius XXVIII, 17, 5; *Masaesyli* — Plin. N.H. V, 17; *Massaesyli* — Plin. N.H. XXI, 77; *Masaiculi* — надписи II–III вв. из *Tamuda* (Nétouan) и *Septem fratres* (Ceuta). С. Гзель приводит ед. ч. ливийской формы: *Masaïsoul* / *Masaïsil*. Ср. *Masaisilen* (CIL VIII, 9. 010, Bida) — и *Masesu* (CIL VIII, 9, 641).

Strabo XVII, 3, 9: страна массесилиев идёт после страны маврусиев, на западе от реки *Molokhath*, на востоке оканчивается у мыса *Trêton* (= мыс *Bougaroun*), границы с массадами — *Massyles*. Plin. N.H. V, 17 — Плиний локализует их в Мавретании Тингитанской, по соседству с *Maures*. Их сменили позже гетулы. В другом месте Плиний (N.H. XVI, 77) помещает их в Цезарейской Мавретании по соседству с гетулами. Ptol. IV, 2, 5 — *Μασαίσυλοι*, *Μασέσυλοι*, *Μασαίυλοι*. Птолемей помещает их с юга в соседстве с *Sorae*, на востоке — с *Herpeditani* и *Taladousii*, на севере с *Druitae*. Птолемеевские массесилии жили в р-не Маскара (*Mascara*).

**МАССИЛЫ, Massyli /Мавр. Тинг./ см. Массилы в «Африке»****МАССИЛЫ, Massyli /Афр./**

Название племени и, возможно, государства. Polyb. III, 33, 15: *Μασύλοι*; Appianus. *Lib.* 10, 26, 27, 46 — *Μασσύλοι*; St. Byzant. s.v. *Μασυλεις* = *Μασσύλοι*; Polyb. VII, 14: *Μασυλεις*; Strabo II, 5, 33 — *Μασυλεις*; Strabo XVII, 3, 9, 12; 13. Nic. Damasc.: *Βασυλεις* — FHG III, p.462 n.134. Dion. *Perieget.* 187 = GGM II, p.112. Tit. Liv. — *Massylii* — *passim*. Iulius Honorius A 48 = GLM, p.54 — *Massyli*. Plin. N.H. V, 30.

Локализуются к северо-западу от Ауреса. Массилы впервые упомянуты в период I пунической войны — Hesianax, FHG III, p.70 n.11. Plin. N.H. V, 30 — племя в пров. Африка между Амсагой и Киренаикой. Strabo XVII, 3, 9; 16: граница между государством массесилиев и массаилами — мыс Trēton (= бу-Гарун к сев. от Константины). Во 2-й пол. II в. до н.э. царство массилиев не включало в себя Цирту (Константину). На востоке граница проходила по современной границе Алжира и Туниса. Plin. N.H. X, 22. Lucan. Pharsalia, 682 — массилии не равны ни гетулам, ни нумидам. Silius Ital., Punica XVI, 258; XVII, 110 — царь массилов — Сифакс (Syphax). Iulius Honorius A 48, GLM, p.54 (V в.). Isidor. Sevil., Etymol. IX, 2, 123 — нач. VII в. И у Ю. Гонория, и у Исидора Севильского массилии помещались к северу от Тингитании.

#### **МАСТИТЫ, Mastitae, Μαστίται /Мареот./**

Ptol. IV, 5, 12; Philistos 30b = FHG I, 188.

Птолемей помещает их восточнее р-на Skiathis (IV, 5, 15), города в области Вади Натрун (Ouadi Natroun). Филист Сиракузский даёт вариант Μαστιηνοί — мастиэны. Его локализация совпадает с птолемеевской, что позволяет отождествлять мастиэнов Филиста и маститов Птолема.

#### **МАСТИЭНЫ, Mastieni /б.л. — Лив. вн.??/**

Philistus Syracus., 30b = FHG, t. I, p.188: Μαστιηνοί  
Племя ливийцев.

#### **МАСТРАКИАНЕ, Mastraciani /Афр./**

Corippus. Ioh. III, 408.

Когномен Matraccianus: ILAlg. I, 3.825; Masticiana: ILAlg. I, 3.764. Обитали по караванной дороге из Тевесте (Theveste) к Телепте (Thelepte).

#### **МАХЛИИ, Maklhues /Афр./**

Herod. IV, 178.

У Геродота махлии помещаются между лотофагами и оз. Тритон, отделяющим их от авсеев (Ausees). Nicol. Damasc. — FHG III, p.462–463. n.136: Ἰαλχλευεῖς Λίβυες — искажён. форма. Плиний (N.H. VII, 15), цитируя Каллифана (Calliphanes), говорит, что махлии были андрогинами и жили по соседству с насамонами, «ниже» них. Иногда их смешивают с Alachroes (= Machroes), жившими между Сиртами.

#### **МАХРИИ, Makhrues /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6 — Μάχρυνες, Μόχρυνες, Μάχρηνες, Μάχρυνες (под Makhuni, у Малого Сирта, у Thaenae /= Hr Thyna/ — Ptol. IV, 3, 3). Во внутренней стране, севернее махлиев Геродота. Plin. N.H. V, 28 называет их Alachroes и помещает рядом с лотофагами около алтаря Филены. St. Byzant. s.v. Μάκρυνες /Μάκρηνες = Machres — город, называемый ещё Львом Африканским = совр. Mahares — южнее мыса Thyna. Возможно, махрии — аллоформа этнонима махлии, и речь идёт об одном народе.

**МАХУСИИ, Makhousii /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Μαχούσιοι, Μαυχούσιοι, Μαχούχιοι

Народ к западу от реки Khinalaph (= Chélif) и к северу от горы Zalakon (= Zaccar). По Птолею, макхуребы (Makkhurebi) занимали речную долину к востоку от махусиев (Makhousii).

**МАХУНЫ, Makhuni /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Μάχυνοι / Μαχύνοι, Μόχυνοι, Μαχήνους

Народ на побережье между ливофиникийцами и Малым Сиртом. Их сближают с максиями Геродота (IV, 191) — первыми землепашцами за оз. Тритон.

**МАХУРЫ, Makhoures /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Μαχούρες

Названы после Baniouri, к западу от Salassi и Malkhoubii. Видимо, племя жило на побережье. Одно из племён баборов (Babors).

**МЕГАБАРЫ, Megabari / Megabarri / Megabardi, Μεγαβάροι /Эф. вн./**

Птолемей (IV, 7, 10) помещает мегабаров у южной границы Мероэ. Плиний (N.H. VI, 189–190) подтверждает, что мегабары жили около Мероэ и земли их достигали р-нов красноморского побережья. Они соседствовали с эфиопами-макробиями и охотились на слонов. Элефантофаги были фракцией мегабаров. Strabo XVII, 1, 2 сообщает, что мегабары — часть эфиопов, обитавшая южнее Сиены.

**МЕДИМНЫ, Medimni /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 190.

Народ на африканском берегу Нила, севернее номадов (питающихся молоком кинокефалов), алабов и сирботов (Syrbotae). (Syrbotae = Sirbitum? — Plin. N.H. VI, 196 — в 12 днях пути от Мероэ). Если сирботы и сирбиты одно и то же, то медимны жили у слияния Атбары с Нилом.

**МЕКАЛЫ, Mecales /Афр./**

Corippus. Ioh. III, 410.

По Кориппу, они пришли из Триполитании. Их отождествляют с Imacae или Imacles (Corippus. Ioh. II, 75). (Начальное «i» считают берберским показателем мн. числа.) Большинство считает их жителями побережья. Их сближают с махлиями Геродота, которые обитали по соседству с оз. Тритон (в этом сомневается St. Gsell, Hérodote, p.132). Скорее всего их можно локализовать на западном побережье Большого Сирта.

**МЕЛАНОГЕТУЛЫ, Melanogetules /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 5.

Птолемей размещает их между крупными народами внутренней Ливии. Они жили восточнее гарамантов, обитавших у истоков Bagradas, около горы Усаргала и до Sagarola. Это Высокое плато и Сахарский Атлас, а также р-ны Среднего ма-

рокканского Атласа и Ауреса. Географ Аноним (Ὑπ. γεωγρ. εν ἐπ.) называет их между гарамантами и дербикками, и гиррами и нигритами. Вероятно, этот этнос микстового состава: частично гетулы, частично эфиопы. Источники утверждают, что это чернокожий народ (St. Gsell, H.A.A.N., V, p.9 n.7; I, p.299; 301, n.4, n.7).

#### **МЕМНОКОНЫ / МЕМНОНЫ, Memnocones /Кирен./**

В этой форме этот народ назван в Таблице Пейтингера, который упоминает их к югу от горного р-на Гир (Gir) и считает эфиопами. Возможно, что имя образовано от названия некоей мифической горы или реки, ассимилировавшейся с Нилом, что породило народ с именем от прародителя Memnocones Aethiopes — Memnones, мемнонов, которые обитали между Белым и Голубым Нилом, т. е. северо-восточнее Хартума: Plin. N.H. VI, 190; Ptol. IV, 7, 10, p.784: Μῆμνονες. Практически только Таблица Пейтингера даёт этноним «мемноконы». Все прочие известные источники называют форму «мемноны».

#### **МЕМНОКОНЫ, Memnokones /Лив. вн./**

Народ, известный по позднему источнику (Tabula Peutingeriana). Их считали эфиопами и помещали к югу от горной цепи. Это широта алтаря Филены. К северу от этих гор жили насамоны. Эфиопов-мемноконов отождествляют с мемнонами (Memnones), которых знает Плиний (Plin. N.H. VI, 190) в р-не Эфиопской реки, к югу от реки Мегабари (выше Мероз), а Птолемей (IV, 7, 10: Μῆμνονες, Σεμνονες) помещает их между Нилом и Астапом (Голубой Нил), в близости от острова Мероз (часть Нубии между Нилом и Атбарой), северо-восточнее современного Хартума. Он упоминает их вместе с другими племенами Нубии, в направлении с востока на Запад, после нубов и блеммиев.

#### **МЕРОИТЫ, Meroitae, Μεροίται /Эф. суб./**

Жители города-государства Мероз, на острове Мероз; мероиты — часть эфиопов. Источники: passim.

#### **МЕТАГОНИТЫ, Metagōnitae /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Μεταγώνιται (из-Μεταγώνιον).

Локализация: берега у Гераклова пролива (между мысом Спартель и Сеутой). Птолемей (IV, 1, 3) другую часть метагонитов помещает между Rousadeiron (Melilla) и устьем Moulouya (10°30' / 34°55').

#### **МИАЙДИИ, Miaidii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Μιαίδιοι; Μιαίπιοι.

Птолемей помещает их к югу от Mideni между Thabraca (Tabraca) и р-ном Карфагена, к северу от мусунов (Musuni). С. Müller исправляет: Miaidii на Mididii. Но Mididii жили северо-западнее от Мастар. Во всяком случае, р-н Tabarca, терр. Musuni, к югу от Theveste (Tebessa).

**МИДЕНЫ, Mideni /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Μιδήνοι, Μιδυνοί, Μιδηνοί, Μεδηνοί, Μιδυνῶν, Μηδινῶν, Μυδηνῶν.

Жили между ионтиями (Iontii — в Нумидии около Thabraca) и р-ном Карфагена. Они горцы Khoumirig. Это, возможно, племя мавров, которые обитали около Medeos (Medenos), рядом с горой Pappua — Procopius, B.V. II, 4, 27. Procopius, De aed. IV, 5, 12 — мавры при Юстиниане; IV, 7, 10 — о границах Нумидии; IV, 5, 15.

**МИКАТАНЫ, Mikatani /Афр./**

Diodor. XXVI, 23 (St. Gsell, H.A.A.N. t. III, p.124, n.3; p.184; V, p.86).

Эпоха второй пунической войны. Жили «напротив» Карфагена. Их имя — син-оним Maxitani Юстина.

**МИМАКИ, Mimakes /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Μίμακες, Μίμκις; Anonimus, GGM II, p.497: Νίμακες — по соседству с Gephais и Makhuni, у моря, к северу от Thaenae (Hr Туна). Обитатели степей между Хребтом и Джеридом. St. Byzant. s.v. Μίμαλκες — Μίμακες (по Филисту Сиракузскому — 1-я пол. IV в.). Ptol. IV, 6, 5; 6: Μισάκων — во внутренней Ливии, номады. (Ср. Mimakes во внутренней Ливии.)

**МИМАКИ, Mimakes /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 5: Μισάκων, Μισάκων

Этот народ входит в число крупнейших этносов внутренней Ливии. Его помещают «под» горой Thala и к западу от нубов. (Гора Thala идентифицируется с Tahela Ohat Ахаггара.) Но Птолемей в другом месте (IV, 3, 6) упоминает их в провинции Африка между Хребтом и Джеридом. Ст. Византийский (St. Byzant. s.v. Μίμακες) со ссылкой на Филиста Сиракузского помещает их напротив карфагенян. Можно предположить, что кочевой образ жизни мог быть причиной их перемещений по большой территории. (Есть другие примеры, когда тот или иной этнос имеет различия локализации: долопы и астакуры тоже фиксировались и в Африке, и во внутренней Ливии между горой Thala и нубами, и в самой Нубии.)

**МИНДОНЫ, Mindōnes /б.л. — Афр.?!/**

Steph. Byzant., fr.149a = FHG I, p.274: Μύνδωνες

Стефан Византийский называет их по Эфору (IV в. до н.э.). Это племя имело репутацию благонравных и добропорядочных людей. Возможно, это Midēni Африки.

**МИСАТОВЕИ, Misatovei /Афр./**

В надписи: В.А.С., 1894, p.342.

К востоку от Ауреса, на территории Chéria. Это не название племени, а обобщающее обозначение жителей города, образованное от соответствующего имени города.

**МИСИКТРЫ, Misictri /Афр./**

ILAlg. I, n.138; n.156 = CIL VIII, 5, 217–218.

Племя (или часть племени) около Hippî Regius (Bône), рядом с Simitthu (= Chemtou).

**МОТУТУРИИ, Motoutourii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Μοτούτουριοι; Ματούτούριοι; Μοτούτάριοι

Народ около горы Мампсарон (Mampsaron — отожд. с горой Mastar; по другой версии, гора Mampsaron отожд. с хребтом Khemissa).

**МУКЕНЫ, Mukeni /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Μυκῆνοι

Птолемей помещает их «под» горами Garapha по соседству с акуэнсиями (Ακουῆnsii) и маккурами (Μακκουραε) с двух сторон. Мукенов идентифицируют с Musones — (Amm. Marcellinus XXIX, 5, 27) и Musunei или Mosenes (Iulius Honorius A 48, GLM, p.54 — Musunei gens, Mosenes, musuensis, musuenses, monsanes). У арабских авторов (Al-Bakri, p.154) это Madyûna. В их пределах был Oppidum Novum (Duperré).

**МУКТУНИАНЫ, Muctuniana (Makus) /Афр./**

Corippus. Ioh. II, 116.

Автохтоны окрестностей Триполитании.

**МУКУНИИ, Moukouni /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Μουκοῦνοι, Μουκῶνοι (эта форма даёт позже Musoni, где чередование с/с типично для транскрипции берберских имён; напр. Νίσιβεζ / Niciues).

Птолемей называет их вместе с Toulēnsii, считая последних соседями с востока. Там же Khitouae, с севера — соседи Koidamousii (вблизи истока Amsaga). Ограничены мукунии с юга баборами и макурами. Где-то вблизи мукуниев находилась и гора Hodna.

**МУСОНИИ, Musoni /Мавр. Цез./**

Упомянуты в Таблице Пейтингера в р-не Сетиф (Sétif) и гор Ходна (Hodna). (cf.: Moukouni — Ptol. IV, 2, 5.)

**МУСОНЫ, Musones /Мавр. Цез./**

Amm. Marcellinus XXIX, 5, 27.

Аммиан Марцеллин помещает их поблизости от мадзиков. По-видимому, это Musunei или Mosenes Юлия Гонория (Iulius Honorius A 48, GLM, p.54), которые помещались среди Mazices и Arternites (т. е. между Zaccar и Arsenaria — Sidi bou Ras?). Мусоны сближаются с мукенами Птолемея (IV, 2, 5). Обитали где-то поблизости от Timici (Kalaa), Castellum Tingitanum (Orléansville).

**МУСУЛАМИИ / МИСУЛАМИИ, Musulames /Афр./**

Очень значительный народ / племя / этнос. Хорошо засвидетельствовано документами: надписи и литературные свидетельства. /R. Hanslik/ RE XVI/I, col. 926–926; St. Gsell, IALg. I, p.267. Вар. этнонима: Musulami / Misulani; Plin. N.H. V, 30 — Musulami, Musumali; Florus, Epit. IV, 12, 40 (cf.: IALg. I, 1, 426 /Thuburs. Numidarum/; 2, 856 (Hr Aïn el-Keskés); Tacitus. Ann. II, 52; III, 72; IV, 23 — Musulamii; Ptol. IV, 3, 6 — Μισουλᾶμοι, Μισουλάνοι; Orosius VI, 21, 18.

Мусуламии и гетулы — против Сиртов, которые имели эпитет Gaetulicus. В 17 г. (Tacitus) они кочевали (жили) между Ammaedara (Haïdra) и Tасаpe (Gabes). Известен союз между кинитиями, гарамантами и маврами (Cinithi, Garamantes, Maures) — Плиний называет мусуламиев среди населения провинции Африка. Ptol. IV, 2, 2 помещает их южнее Kirtesii в Нумидии Гиппона у гор Ауреса, в регионе уэда Cherf и Tigisi. Tacitus. Ann. II, 52 — рядом с мусуламиями — мавры. В 45 г. мусуламии участвовали в сражении Сер. Сульпиция Гальба — Cassius Dio LX, 9, 6; Aurelius Victor. De Caes. IV, 2. Они составляли когорту в римской армии — I когорты Флавия мусуламиев упоминается во многих надписях. При Траяне их территория была разделена. Florus II, 31 — мусуламии соседствовали с гетулами. Liber Generationis: MGH a.a. t. IX, p.109, n.213 (III в. н.э.).

**МУСУНЫ, Musuni /Афр./**

Плиний (N.H. V, 30) называет их среди народов провинции Африка. Ptol. IV, 3, 6: Μουσούνοι; Μούσουνοι — помещает их под миаидиями (Miaidii = Mididii) и после миденев (Mideni). Musuni regiani (царские мусуны) IALg. n.102 и n.103 — между Cillium (Kasserine) и Thelepte (Feriana). Локализация — на северо-восток от горы Тебесса. Cf.: Ptol. IV, 2, 5 — Μουκοῦναι; Ptol. IV, 2, 5 — Μυκῆνοι.

**МУТУРГУРЫ, Moutourgoures /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Μουτούργουρες

Жили по соседству с ахеменями (Akhaemeneis), часть кинитиев — на побережье Малого Сирта. На севере (или востоке) граничили с мухтусиями. Ptol. IV, 3, 10 помещает их также неподалёку от города Таргарон (Τάργαρον), невдалеке от Barurus'a к югу от Thysdrus'a (el-Djem).

**МУХТУСИИ, Moukhthousii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Μουχθοῦσιοι, Μουχθουούιοι, Μουχρούσιοι

Мухтусии были расселены «под» ахеменями (Akhaemeneis) и мутургурами (Moutourgoures) — часть группы кинитиев (кинифиев). Локализация к югу от Джерида. Corippus Ioh. II, 116: в пустыне Триполи. Отождествляются с корипповыми Muctuniana manus.

**НАБАБЫ, Nababes /Мавр. Цез./**

Plin. N.H. V, 21.

Плиний упоминает их после реки Усар (Usar oued Isser), которая отделяла их от макуребов (Macurebi). В позднем памятнике (Table de Peutingeriana) им отводится правый берег Суммама и регион Тигизи (Tigisi = Taourga?). Но этот город помеща-

ют и в уэде el-Douz. Этноним интерпретируют часто в связи с Castellum Tilei (Diar Mami — CIL VIII, 9, 006) и с Bida (Djemaа Saharidj) — конец II–III в. н.э.; в этих городах набабы были иностранцами. Набабов сближают с Beni-Abbas, жителями на берегах уэда Sahel. Другая версия интерпретации связана с Nabasi или Enabasi Птолемея: тогда они располагались гораздо южнее.

#### **НАБАТРЫ, Nabathrae /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Ναβάθραι, Καὶναβάθραι

Народ в западной части пров. Африка (= Καὶ Ναβάθραι) около моря, по соседству с киртесиями (Kirtesii). На востоке их соседи — Iontii в Нумидии, в Новой провинции, до Табарки (Tabaraca); т. е. набатры населяли пограничную территорию Цирты (восточную границу), к западу от Гиппона. Птолемей (IV, 6, 6) упоминает их также среди народов внутренней Ливии, по соседству с аруальтами.

#### **НАБАТРЫ, Nabathrae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ναβάθραι

Набаты упоминаются с востока, у горы Agoualty, с запада около наносбеев (Nanosbeis), напротив Namada Draa (Хамада Драа). Не исключено, что они соотносятся с гетулами натабрами (Nathabres — Orosius. Adv. pagan. I, 2, 44 — GLM, p.67), которые вместе с гарамантами занимали территорию от океана до Эфиопии. По другой версии Птолемея (IV, 3, 6), набаты жили в пров. Африка на морском побережье между киртесиями и Новой провинцией (Provincia Nova).

#### **НАБАТЫ, Nabatae /Мармар./**

Iulius Honorius. Cosm. A, B 48 = GLM, p.54: Nabatae, nabates, nabes, navecei.

Ю. Гонорий упоминает набатов до бостреев и мармаринов (при перечислении с востока на запад), (Id. B 47, p.53: Nabatheorum). Набатов связывают с бостреями.

#### **НАКМУСИИ, Nakmousii /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Νακμούσιοι, Νακβύσιοι, Ναββούσιοι; лат.: Nabusii; cf. mons Navusii — Corippus. Ioh. II, 146.

Корипп пишет, что накмусии повиновались владыке Ауреса (Iaudas); он же сближает название горы Macubius с именем Μαλχαύβιοι ὀρεινοῖ (по Птолемею, они соседствовали с восточными баборами). Птолемей упоминает их после Eloulîi и Tolotae с востока на запад; р-н Relizane или Tiaret. В Tabula Peutingeriana имя это дано в форме Nagmus, расположены они к северу от линии Cuicul (Djemila) — Tucca fines africae et mauretaniae — Igilgili (Djidjelli), т. е. к северо-западу от Cuicul (Djemila). Этноним сближается с назв. Djebel Nagmous. В I–III вв. н.э. накмусии обитали на высоком плато в соседстве с Шелиф и Суммам, вплоть до баборов.

#### **НАНОСБЕИ, Nanosbeis /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Νανοσβεῖς, Κανοσβεῖς

Птолемей помещает их между гонгалами, населявшими местность южнее мимаков (нубийцами Донголы), и набатрами. Локализация: южнее горы Тала (Thala) и мимаков.

**НАСАМОНЫ, Nasamones /Кирен./**

Herodotus IV, 172: *Νασαμῶνες* (St. Gsell. Hérodote, p.124–126, F. Chamoux, p.228).

Геродот помещает их западнее авсхисов (*Auskhisae*). Их страна протянулась вдоль Большого Сирта. Внутри Сиртов (т.е. южное побережье) насамоны заняли территорию псиллов (Herod. IV, 173). Насамоны ходили в Авгилу за финиками (Herod. IV, 172). На юге, в стране диких зверей, они граничили с гарамантами (Herod. IV, 174; cf. *Gamphasantes*), или гамфасантами. Их западные соседи — маки (IV, 175), на зап. побережье Большого Сирта. Таким образом, насамоны жили на восточном побережье (и южном) Большого Сирта. (В союзе с маками они из Сиртов совершали набеги на Киренцев — SEG IX/I, p.36 n.77 — IV в. до н.э.)

Перипл Скиллакса подтверждает такую локализацию (*Periplus Scyllax* 109 = GGM I, p.84–85): он помещает их между Гесперидами (Бенгази) и Сиртами. Diodorus XVII, 50 локализует их к северу от Оазиса Аммона (по Скиллаксу, святилище Аммона перед алтарём Филены, на территории маков). Иную локализацию даёт Диодор (III, 49). Этой же версии придерживается Квинт Курций — Quintus Curtius IV, 7, 20, который называет их *gens Syrtica* — сиртское племя. Strabo II, 5, 33 помещает насамонов «ниже» Кирены и Сиртов, вместе с псиллами. В другом месте (Strabo XVII, 3, 20) — между Береникой (*Benghazi*) и святилищем Филены. Страна их безлесна и пустынна: Strabo XVII, 3, 23; Lucan. *Pharsalia* IV, 679 (*inops* — голый народ, воинственный), IX, 439–444, IX, 458–459; Silius Italicus I, 408; III, 320; XIII, 481. Plin. N.H. V, 33–34. Плиний локализует насамонов около Большого Сирта, между *Acrauceles* и *Asbytae* (в одном месте — западнее асбитов). У Плиния замечено, что греки вместо насамонов называли месамнонов (*Mesamnonnes*).

Птолемей (IV, 5, 12) упоминает насамонов среди народов Мармарики по соседству с авгилами оазиса Ауджила; а в *Tabula Peutingeriana* насамоны живут южнее алтаря Филены и севернее р-на, где Гир (*Gir*) пропадает под землёй. Но Птолемей (IV, 5, 13) даёт иную локализацию авгилов и насамонов, которые занимали те же города и назывались *Augilai*.

Во времена Августа Сульпиций Квинрин совершил экспедицию против гарамантов и мармаридов, и римляне установили свой контроль над насамонами (Romanelli, *op. cit.*, p.301–304). В 85 или 86 г. насамоны были обложены данью римлянами: Zonaras XI, 19 (t. II, p.506, ed. Bonn); Eusebius. *Chron.*, ed. Schoene, p.161–162; Iosephus Flavius, *Bell. Iud.* II, 16. У этих авторов те же годы и события. Затем насамоны оказались рассеяны и отошли к югу (Dion. *Perieg.* 209 = GGM II, p.253). Дион. Перизетт помечает, что они рассеялись по территории Авсонии. Есть и эпиграфические материалы р-на Сиртов, называющие 87 г. годом победы римлян над автохтонами (IRT, 854). По локализации Птолемея ясно, что насамоны рассеивались в южном направлении, гораздо южнее тех мест, где они обитали во времена Геродота.

В литературе упоминания о насамонах сохраняются ещё долгое время: как об автохтонах Сиртов — *Chronique de Saint Hippolyte* 145 (ed. Bauer, p.78); *Chronographe* 354 = MGH a.a. IX p.102; Chr. Courtois, *Les Vandales et l'Afrique*, p.103 n.6; Sulpicius Severus. *Dial.* I, 3 sq., CSEL I, p.154 — около IV в. н.э. В VI в. у Кориппа (*Corippus*. *Ioh.* IV, 197–198) — в чисто поэтическом духе. Насамоны фигурируют также у других авторов: Pausanias I, 33, 5 — (II в. н.э.) ассимилирует насамонов с ликситами

(на терр. современного Марокко); Philostratus. Vita Apollon. VI, 25 (нач. III в.) считает их эфиопами; Plin. N.H. XII, 107 рассматривает оазис Аммона как территорию эфиопов и самих гарамантов и тоже считает их эфиопами; Herodotus II, 32 упоминает их тоже в связи с оазисом Аммона и внутренней Ливией (ср. Her. II, 32–33 — экспедиция насамонских юношей в страну пигмеев; шли в западном направлении, т. е. к Зефиру, вдоль большой реки — Нигер?). Claudianus. Consul. Stil. I, 256, 354; Sidoine Appolinaire. Carm. V, 337; IX, 256.

#### **НАТАБРЫ, Nathabres /Афр./**

Orosius. Adv. paganos I, 2, 44–45 (GLM, p.67: с юга Триполитании вплоть до Эфиопского океана поселены варвары гетулы, Natabres /вар.: Nazabres, Nathabres, Natubres/ и гараманты.)

Локализация: юг Триполитании, восточные соседи эфиопов, живших на юге Нумидии, к югу от горы Uzarae. Между тем они обитали к западу от гарамантов. Это — последний народ Киренаики (Orosius I, 2, 43). Natauri — это чтение в Cosmographia Aethicus II, 44 = GLM, p.100. Chr. Courtois, Les Vandales et l'Afrique, p.93: локализация — в р-не восточных шоттов. Ptol. IV, 6, 6: Nabathrae — внутренняя Ливия. Птолемей, вероятно, говорит о других набатрах, по соседству с киртесиями, и место их расселения называется западнее. Их упоминает Плиний (Plin. N.H. V, 37).

#### **НАТЕМБЕИ, Natembeis /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Νατεμβείς

Народ, расположенный севернее горы Усаргала, у истока реки Баграда (Bagradas). Идентифицируется этот р-н с уэдом Мескиана и р-ном Ксар эль Кельб, или уэдом Шабро. Локализация: на границе внутренней Ливии и провинции Африка, южнее северной границы Ауреса.

#### **НАТТАБУТЫ, Nattabutes /Афр./**

Plin. N.H. V, 30: Nattabudes, natthabudes. Названы среди населения провинции Африка. Ptol. IV, 3, 6: Νατταβούτες, Ναττάβουγες, Ναταβόντες, Νατταβούται, Νατταβούττες, Νασαβούτης. Локализация «под» мисуламами, к югу от киртесиев и от Нумидии, по соседству с нисибами. Р-н Tigisis (Ain el-Bordj). CIL VIII, 4, 836/16, 911 — Nattabutum. CIL VIII, 28, 035 = ILAlg. I, 2, 857 — локализуются в р-не Hr Aïn el-Keskès.

#### **НАФФУР, Naffur /Афр./**

Corippus. Ioh. II, 52; III, 189; IV, 48; VII, 384.

Часть берберов (последнее упоминание в 546 г. н.э.). Их объединяют с фрексами (Frehes) в период господства Ансала. Возможно, это предки Nafusa / Nufusa, известных Ал-Якуби (IX в.) в Триполитании. В надписи 277 г. н.э. — ILAlg. I n.609–610 царя бакатов зовут Nuffusi.

#### **НЕКТИБЕРЫ, Nektibēres /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Νεκτίβηρες; Νεκτήβηρες

Polyb. III, 330.

Располагались «под» иангауканами (Iangaukani): р-н Красной равнины; соседствовали с зегренсиями (Zegrēnsii). Полибий упоминает их в рассказе о переправе Ганнибала из Испании в Ливию.

### **НИБГЕНИИ, Nybgenii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Νυβηνοί, Νύβανοι (метатеза «г» — «б»).

Птолемей локализует их к югу от самамукиев (Samamukii) и к востоку от тидаменсиюв (Tidamēnsii); племя Триполитании — восточнее Кинипса. Во времена Траяна территория нибгениев числилась к югу от Шотт эль-Феджедж (Chott el-Fedjedj). Государство их — civitas Nybgeniorum — внутри Turris Tamalleni (Telmene). Ptol. IV, 7, 10: Νυβηνῖται, Νυβυνῖται, Ὀνιγβηνῖται, Οἰνιγβηνῖται. Птолемей помещает их на границе Эфиопии, ниже Фазании. Самых нибгениев он считает эфиопами, соседями орипеев (Oreipaei), охотниками, южными соседями лотофагов. Возможно, поздние лебдены (Lebdeni MGH a.a., t. IX, p.109 n.211: Lepdini, Lepteni, Nebdeni) — они же, как обитатели р-на у Лептис Магны (Lebda).

### **НИГИЗЫ, Nigize /Кирен./**

Таблица Пейтингера помещает их, как и гетулов, южнее горы, у которой берёт начало р. Летон и в р-не озера Тритон, около Береники (Бенгази). Этноним Nigize сближают с Nigitiimi провинции Африка, южными соседями кинитиев, и помещают после лотофагов, т.е. всё равно недалеко от Тритона (Малого Сирта).

### **НИГИТИМЫ, Nigitimi /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Νιγίτιμοι, Νιγήτιμοι, Νιγίντιμοι, Νιτιγίμους, Νιγιντίμους

Народ восточнее или южнее кинитиев (Kinithii), живший вплоть до Кинипса (Cinyps) и к северу от астакуров (Astakoures). От них начало лотофагов (у Кинипса). Это прибрежные жители Малого Сирта. Локализация Птолемея (IV, 3, 9): 36° / 27°50' — это уже Negeta (Νεγέντα, Νετέγα, Νετέτα, Νιτάτα, Γετάνα). Negeta = Nepta = Nuptii (Плиний) и Nukpii (Александрин) — Триполитания (возможно, это уже арабское племя).

### **НИГРИТЫ / НИГРЕТЫ, Nigrites /Лив. вн./**

Strabo XVII, 3, 3.

Опираясь на сведения предшественников, в частности на Перипл Офелы (IV в. до н.э.), Страбон помещает нигритов и фарусиев в 13 днях пути (900–1100 км) от Линкса (Lunx = Larache), или к югу от Ликса (Lixos). Страбон (XVII, 3, 7) говорит также о нигритах (nigretes) и фарусиях. Они лучники, как и эфиопы, и их отличают от ливийцев (cf. A. Lhote, 1954, p.42; R. Mauny, 1947, p.341–357).

Они использовали боевые колесницы и жили «выше» маврусиев напротив западных эфиопов. Кроме того, в третьем месте (II, 5, 33) Страбон помещает их вместе с гарамантами и фарусиями между гетулами и эфиопами. Помпоний Мела (Pomp. Mela I, 22) считает нигритов и фарусиев родственными эфиопам и помещает их рядом с маврами (Mauri) на побережье Ливийского моря вплоть до Атлантического океана. В другом месте (Pomp. Mela III, 104) он сообщает, что на их

(и гетульском) побережье добывается пурпур. Плиний (V, 43) причисляет нигритов и фарусиев к эфиопам. Река Nigris дала им своё имя. Эта версия поддерживается Steph. Byzant., s.v. Νίγρητες. При перечислении с запада на восток их упоминают перед фарусиями и перорсами, населявшими атлантическое побережье.

Птолемей (IV, 6, 5) причисляет нигритов к большим народам внутренней Ливии и помещает севернее Nigeir'a, между гирреями и дарадами. Аноним (Ur. geogr. /en. /ер. = GGM II, p.498), дополняя Птолея, помещает их между меланогетулами и гиррами, а также африкеронами и левкоэфиопами (по соседству с Sagapola — Ptol. IV, 6, 6 — и севернее Nigeir'a). Дионисий Периегет (Dion. Perieg., 215 = Patr. Lat. Min., ed. Baehrens, t. V, Prisc. Cesarien., Per. 200) локализует их между гетулами и фарусиями. Таким образом, нигриты и фарусии тесно связаны между собой и с гарамантами. Жили северо-восточнее марокканского Атласа, между Драа и уэдом Guir.

#### **НИСИБЫ / НИСИВЫ, Nisives /Афр./**

Plin. N.H. V, 30 — среди народов пров. Африка.

Ptol. IV, 3, 6: Νίσιβες, Νήσιβες

Соседи наттабутов и «после» мисуламов: это часть *ager publicum* Цирты, в 3 км от Tigisis (Ain el-Bordj). Вероятно, номады. Упоминаются ещё в византийские времена (конец VI в.) (St. Gsell, Atlas..., f.26, n.161).

#### **НИСУЭТЫ / ПИСУЭТЫ, Nisuetae / Pisuetae /Афр./**

Tit. Livius XXXIII, 18: Galli et Pisuetae et Nisuetae et Tamiani et Arei ex Africa et Laudiceni ex Asia erant.

Они союзники Родоса в 197 г. н.э. против Филиппа (локализация: провинция Африка — ?). Обитали в р-не Piska (ср. RE, XX, col.1838, s.v. Pisyē). Ptol. IV, 3, 2: Νίσουα, Νισοῦα, Νίσουα. Птолемей помещает их северо-западнее мыса Бон. Ptol. IV, 3, 3 говорит о Pisindōn limēn, где Pisindōn — gen. plur. от названия народа.

#### **НИТЕРЫ, Niteris /Афр./**

Этот народ у латинских авторов фигурирует под именем Niciebres или Nitiebres — Plin. N.H. V, 37. Изображаются во время триумфа Корнелия Бальба (cf. Nathabres).

#### **НИТРИОТЫ, Nitriotae, Νιτριῶται /Мареот./**

Ptol. IV, 5, 12; Strabo XVII, 1, 23; SEG VIII/1, p.58 n.366 — вар.: Νιτρίαι — нитрии.

Птолемей помещает нитриотов на юге Мареотиды. Это жители района, производящего «нитр» — селитру / соль. («Нитр» — оригинальное египетское слово.) Речь идёт, без сомнения, о Вади Натрун.

#### **НОМАДЫ, Nomades /Афр./**

Этот термин все античные авторы поясняют определением «пастухи». Hecataios: St. Byzant. s.v. Μάζυες, FHG I, p.23 n.304. Herod. IV, 181, 186, 187, 188, 190, 191, 192. Hellanicos — FHG I, p.57, n.93. Pindarus, Pyth. IX, 123. Все авторы считают, что это часть ливийцев (St. Gsell, H. A. A. N., V, p.105–109).

Поздние авторы считали номадов отдельным этносом: Polyb. I, 19, 1; I, 31, 2; I, 65, 3; I, 74, 7; Diodor. XIII, 80, 3; XX, 38–39; XX, 55, 4; XX, 57, 4 (Полибий и Диодор свидетельствуют о войнах номадов в V–IV вв. до н.э. Свидетельство загадочно.); Strabo III, 5, 5 (по Эратосфену). У латинских авторов «номады» — поэтический дуэлет к нумидам и Нумидии (Vergilius Aen. IV, 320, 535; Silius Italicus I, 215; II, 441; III, 290; IV, 675; Martialis XII, 26, 6 etc.).

Этот термин похож по содержанию на термин Numidae (нумиды / нумидийцы), означавший автохтонов Северной Африки, точнее территории, примыкавшей к Карфагену, римской провинции. Diodor. XX, 55, 4; Sallustius. Iugurth. XCI, 4, 6 — обитатели Капсы означались как Numidae; LXXVIII, 4 — и жители Лептис Магны тоже нумиды. Древнегреческие и латинские авторы часто называли вождей масесилов и масилиев нумидийцами: Tit. Livius XXIV, 48, 2 (Syphax); Polyb. XXXVI, 16, 1 (Masinissa); Polyb. XXXVIII, 7, 1 (Gulussa); Appianus. Iberica, 67 (Micipsa); Sallustius V, 1 (Iugurtha) etc. Возможно, они все происходили из одного племени. Тогда форма Nomades может быть греческой интерпретацией ливийского термина, образуя своего рода каламбур. Ср. St. Byzant. s.v. Νοῦβαί (нубы): заслуживает внимания указание на то, что нубы Эфиопии, помещаемые Птолемеем во внутренней Ливии и Эфиопии, также назывались Numides. Может быть, они же и Nobades? Среди Nobades, ливийцев по происхождению, были и Nomades / Numides? Одно и то же? Форма Nobādes — ливийская по происхождению. В пользу гипотезы: J.G. Février. Que savous — nous du libyque. — Revue Afr., 1956 p.267: ливийский оригинал латинского Numida = NBIBH, как даёт надпись билингва (латино-ливийская): Cf. J.-B. Chabot. Recueil des Inscriptions libyques, n.85, Paris, 1940 = CIL VIII, 17, 317 (Dar Tebala — сев.-вост. от Thagaste).

### **НОМАДЫ, питающиеся молоком пёсеголовцев /Эф. суб./**

Nomades cynocephalorum lacte viventes  
Plin. N.H. VI, 190.

Полулегендарный народ, живший на африканском берегу Нила между мединнами, алабами и сирботами. По Плинию (VI, 195), они занимали территории к западу от Нила и сами были известным сказочным народом кинамолгов (Cynamolgi), «доителями собак». Страбон также знает этот народ: XVI, 4, 10 — Купамолги; он помещает его к востоку от Нила и к югу от порта Antiphilos (Hanfilah) — в Эритрее?

### **НОМАЙОНЫ, Nomaion /б.л. — Мавр. Цез./**

Aelianus, N.A. XVII, 27.

Элиан (III в. н.э.) называет их в связи с Юбой II; их разорвали львы.

### **НУБАДЫ / НОБАТЫ / НОБАДЫ, Noubades / Nobatae /Эф. суб./**

Ст. Византийский (Steph. Byzant. s.v. Νοῦβαί), цитируя Аполлодора, говорит, что нубы (Noubai) — ливийский народ, живший вдоль Нила и называемый также Noubaei или Noumides. Noumides — форма термина Noubades. Речь идёт о ливийском термине, распространённом в Северной Африке, который греки передавали как «номады» (nomades), а по-латыни — нумиды (noumides) — St. Gsell,

Н.А.А.Н. I, p.106. Идентификацию Nubae / Noubades даёт Аркелл (A.J. Arkell, p.178), связывая с названием Napata, которую Плиний (VI, 181) называет Nabata. Аркелл связывает также имя Nubae с египетским «Nub» («золото») и нубийцами (p.177). Птолемей помещает Noubae (нубов) во внутренней Ливии и Эфиопии. У Козьмы Индикоплова (Cosma Indic. ed. Winsted, p.119) идентифицируются нобаты и гараманты (Νοβάται, Γαράμαντες).

То обстоятельство, что Птолемей не считает нобатов эфиопами (его локализация), и характер самого этнонима являются основанием для гипотезы о их ливийском происхождении. Эту гипотезу рассматривает U. Monneret de Villard, p.27. Плиний (Plin. N.H. V, 21 — Nababes) называет набабов Цезарейской Мавретании, но не связывает их с Nubae или Noubades. Некоторые исследователи (E. Zyhlarz) выводят нубов из Кордофана. Резюме проблемы — у Кирвана (L.P. Kirwan).

Приск (Priscus, 21 — FHG IV, p.100) сообщает, что в 453 г. нубады были побеждены римским полководцем Максиминем (вместе с блеммиейми). Нубады почитали храм Исиды в Филах. При Флоре они были вновь разбиты римлянами. Прокопий (Procopius, B.P. I, 19, 27–32) рассказывает о положении нобатов в эпоху Диоклетиана (284–305 гг.). Они обитали в это время в городе Оазис (возможно, оазис Харга). (Ср. Herodotus III, 26 — город Оазис). Нобаты входили в это время в конфедерацию, контролировавшую страну между первыми катараками, и достигали в южном направлении территории, удалённой на шесть дней пути, т. е. где-то у Додекаскена, между Сиеной и Гиерасукаминосом (Hierasukaminos — Meharrahkah). В V или VI в. царь нубатов и всех эфиопов Силко одержал победу при Talmis'e (Kalabcheh) и Taphis'e (Tâfah), в 55 км от Ассуана над блеммиейми и какими-то другими нобадами отдалённых южных районов. Во времена Прокопия (VI в.) нобаты локализовались на южной границе Египта, около Нила, блеммиев и Аксума, которые оказывались восточнее нобатов. В христианство нобаты были обращены при Юлиане, около 545 г. (Ioh. Ephesios. Hist. Eccl. IV, 6; 7).

### НУБЫ, Noubae /Эф. суб./

Strabo XVII, 1, 2; 1, 53; Plin. N.H. VI, 192; 189; Ptol. IV, 6, 5; 6, 6; 7, 10; Sil. Italicus, Punica I, 407; III, 269–273; VII, 663–64; Anonymus = GGM II, p.498; Claudianus. El. Stil. I, 254; Steph. Byzant. s.v. Νοῦβαι.

Страбон (XVII, 1, 2 — по Эратосфену) помещает их для III в. до н.э. на левом берегу Нила, в Ливии, между Мероэ и большой излучиной Нила, т.е. в пределах Напаты. Нубы были независимы от эфиопов и разделены на несколько царств / княжеств. Страбон (XVII, 1, 53) уже по собственным сведениям называет нубов вместе с троглодитами, блеммиейми и мегабарами среди эфиопов, живших выше Сиены (т.е. к югу от этого города). В отличие от Эратосфена Страбон не считает их ни многочисленным, ни воинственным народом.

Плиний (VI, 192) определяет нубов как эфиопов, живших в восьми днях пути от сембритов (перебежавших из Египта ещё во времена Псамметиха) на о-ве Мероэ. Нубы Плиния поселены гораздо южнее, чем у Страбона. Плиний упоминает ещё крепость Tenupsis (= Denab у Dar Nuba).

Вообще известны две группы нубов: одна часть их жила в пустыне, западнее Мероэ и Донголы, другая — южнее Мероэ. Силий Италик (III, 269–273) говорит о них как об участниках войск Ганнибала (это, возможно, поэтическая фикция).

Они у него *exusti* = опалённые /солнцем/, по происхождению эфиопы; их оружие — луки. Силий Италик (VII, 663–64) называет их вождя Баграда (*Bagrad* — I, 407). Птолемей (IV, 6, 5; IV, 6, 6) упоминает большое племя нубов (как у Эратосфена); локализация — во внутренней Ливии и в Эфиопии, к югу от Египта, однако Птолемей не причисляет их к эфиопам.

Уточнение локализации: северо-восточнее гонгалов (*Gongalae*), жителей Донголы. Птолемей (IV, 7, 10) нубов называет в описании субъегипетской Эфиопии на правом берегу Нила, западнее авалитов (совр. р-н Джибути). Они соседи мегабаров (= *Megabarti* — Plin. N.H. VI, 189), в р-не Мероэ. Аноним этих нубов называет «иными, другими». Клавдиан (I, 254) называет нубов в составе войск Гилдона (260–261) — III в. н.э. На рубеже VI в. царь Аксума Эзана совершил поход против нубов. Ст. Византийский выводит их имя из *Noumides*. Скорее всего нубы и нубады — два клана одного этноса, один — северный, другой — южный. В целом античные традиции склоняются к тому, что нубы и нубады — ливийцы.

#### **НУБЫ, *Noubae* /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 5.

Птолемей называет их в числе больших народов внутренней Ливии, между мимаками и дербикками. Птолемей локализует их на западной оконечности Гарамантского ущелья. Аноним (GGM II, p.498) называет их *Noumae*, между мимаками и гарамантами. Как блеммии и мемноны, они расселились на северо-западе. В другом месте (IV, 6, 6) Птолемей называет их как восточных соседей долопов и астакуров, этносов, которые другими авторами упоминаются в провинции Африка. Древняя теория связывала реку Гир с озером Нуба, также имела хождение версия о системе Гир-Нил, что позволяло логично помещать нубов во внутренней Ливии. Но гипотеза о ливийском происхождении нубов Эфиопии не подтверждается, т.е. здесь, видимо, другие нубы (не эфиопские).

#### **НУГБЕНИТЫ, *Nugbenitae* /Лив. вн./**

Ptol. IV, 7, 10: *Νυγβηνῖται, Νυγβυνῖται, Ὀνιγβηνῖται, Οἰνιγβηνῖται*

Птолемей считает их эфиопами и помещает к западу от эфиопских гор в субъегипетской Эфиопии. Они названы после орупей / орипей (*oripaei*) — охотников. Нугбениты, видимо, тождественны нугбенам (*Nugbeni*) Африки, так же, как *Oreipaei* = *Eoreipaei* той же части материка.

**НУГБЕНЫ, *Nugbeni* /Афр./** см. НУГБЕНИТЫ, НУКПИИ, ОРИПЕИ, САМАМУКИИ, ФАЗАНИИ

#### **НУКПИИ / НУПТИИ / НУКТИИ, *Nukpii* /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: *Νύκτιοι, Νύκτιοι* var.: *Κινύφιοι*; (*Νύκτιοι* = *Νυγβήνοι* — отождествление предложено О. Bates. *The eastern Libyans*, p.63).

Этот народ Птолемей локализует после нугбенов и за тидаменсиями (*Tidamensii* = *Kidamensii* ?), «под» саммамуками — к востоку от Кинипса (*Kinups*). Нуктиев сопоставляют с *nuptium natio* Плиния (Plin. N.H. V, 37), жившими в городе Непте

(Nofta, Nepte), и нунтиями (nuntii / nuncii). Локализуются в р-не Шотт Джерид (chott Djérid).

#### **НУМИДЫ, Numidae /Мавр. Цез./**

Нумидийское племя времён Адриана в Цезарейской Мавретании. Известны по: CIL VIII, 8, 813; 8, 814.

#### **НУМИДЫ, Numidae /Афр./**

Имя обитателей р-на к северу от Константины, в современном Тунисе. Дополняет этноним *maures*. В качестве названия племени из р-на Тубурсику (Thubursicu) — I LAlg. I, 1/297 (после эпохи Траяна); I, 1/341; они названы союзниками нумидийцев (Numidarum — Khamissa). Различные локализации: Cella (Ain Zuarin); Masculula (Hr Gergûr) — CIL VIII, 15/775 (время Тиберия). В III в. — к северо-востоку от Cuicul (Djemila); граница Нумидии. Много документов, где этноним выступает как когномен (ср. Desanges, s.v., p.128, n.6).

#### **НУНТИИ, Nunti / Nuntii /Афр./**

Автохтонное племя, обитавшее в районе Iunci (Bordj Yonga). Вероятно, это синоним Nuptii, известных Плинию (Plin. N.H. V, 37). «N» и «p» часто путают переписчики.

#### **НУПТИИ, Nuptii /Афр./**

Plin. N.H. V, 37.

Имя народа (или города), называемого Плинием при перечислении маршрута похода Корнелия Бальба. Почти безусловно, это Nukpii Птолемея. Cf.: Niptheus — CIL VIII, 16/384; Corippus Ioh. VIII, 606 — Enipten — вождь мавров (?).

#### **ОАСИТЫ, Oasitae /Мареот./**

Ptol. IV, 5, 12, IV, 5, 15.

Оаситы — жители оазисов, соседи нитриотов, к югу от Мареотиды. Термин «оазис» египетский по происхождению. Геродот употребляет его для обозначения оазиса Харга (Khargéh): Ὀασις (III, 26). У Гекатея (fr.267 = FHG I, p.18, n.267) слово это имеет грецизированную форму Ὑσαιεῖς. Этим термином Гекатей называет два «острова» эфиопов в пустыне. Во времена Страбона (конец I в. до н.э. — первая четверть I в. н.э.) термин «оазис» получил всеобщее употребление. Птолемей (IV, 5, 15) локализует оаситов между Малым (Baharièh) и Большим (Khārgèh) оазисами.

#### **ОБИЛЫ, Oibillae / Obilae /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12: Οἰβίλλαι, Ὀβίλαι, Ὀβῆλοι, Ὀβίλαι, Ὀβίλαι

Обилов Птолемей помещает восточнее сентитов и в северо-восточной части Мармарики, в соседстве с эзарами. Обилы, по-видимому, связаны с городом Billa (Ptol. IV, 5, 13), к северо-западу от горы Азар / Адзар.

**ОГДЕМЫ, Ogdaemi /Лив./**

Ptol. IV, 5, 12: Ὀγδαίμοι, Ὀγδαίνοι

Огдемы локализуются южнее [д]зугеев (Zugeis) и к востоку от бузеев (Bouzeis). Их имя — от названия горы Ogdamon (сев.-вост. от оазиса Аммона) (RE, Suppl. VII, 1950, col. 768, s.v. Ὀγδαίμοι).

**ОГИПЛОНСИИ /Афр./ см. СИГИПЛОНСИИ****ОДЗУТЫ / ОЗУТЫ, Ozoutae /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Ὀζοῦται, Οἰοζοῦται, Ὀζοῦται, Οἰζοῦται; Οἱ Ζοῖται

Птолемей помещает их под Buzakitis, к югу от ливофиникийцев (Libyphoenikes). Этноним происходит от Uzitta (Hr el-Makhreba) или Zeta (Bellum Afr. LXVII, 1; LXXIV, 1). Bussatis, Buzakis, Buzakitis — georp.

**ОДРАНГИДЫ, Odrangidae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 5: Ὀδραγγιδῶν, Δραγγιδῶν, Ὀδραγγίδων, Ὀδραγγινῶν, Ὀδραγγιγῶν

Крупный эфиопский народ внутренней Ливии, который размещался между горой Кафас (или у истоков Дараса) и горой Тала (где-то в Ахаггаре). Аноним локализует их между дарадами и перорсами, с одной стороны, и мимаками — с другой. В комментариях к изданию Птолемея К. Мюллер (p.744, n.6) идентифицирует одрангидов с атарантами. Жили они южнее нигритов. Локализация: между р. Драа и оазисом Туат.

**ОРИПЕИ / ОРЕПЕИ, Oreipaei /Лив. вн./**

Ptol. IV, 7, 10: Ὀρειπαῖοι, Ὀριπαῖοι, Ῥιπαῖοι, Ῥυπαῖοι

Орипеев Птолемей помещает к западу от Эфиопских гор, в субъект-египетской Эфиопии. Они были охотниками и называются перед эфиопами-нугбенитами (Nugbenitae). Нугбениты эти связаны с нугбенами Африки, как и орипеи (Oreipaei) с эропеями (Eropaei) Африки. Можно предположить, что во всех случаях речь идёт о кочевавших по югу Туниса вплоть до Рира (Rirh) племенах.

**ОРФЕИ, Orpheis /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6.

Птолемей называет орфеев в числе второстепенных народов внутренней Ливии, помещая их между Кафасом (Kaphas), откуда вытекает река Дарас, и Колонной (Столпом) Богов (т.е. Колесницей Богов), на севере же — между Таруальтами (Taroualtae) и климатидами. В другом месте (IV, 5, 6) он помещает их в отдалении от перорсов, вплоть до Столпа Богов. Мюллер (C. Müller, ed. Ptol., p.747, 5) связывает имя орфеев с Офраном / Ифраном у подножия Анти-Атласа, уэдом Нун и городом того же названия. И. Флавий (Ioseph. Flavius., Antiqu. Judaic., I, 15) упоминает Офрена, сына Авраама, который обитал в Ливии. Локализация: вдоль оконечности Анти-Атласа.

**ПАНЕБЫ, Panēbi /б.л. — Лив. вн./**

Nicol. Damasc. fr.141 = FHG III, p.463: Πάνηβοι

Ник. Дамаскин называет их среди ливийцев. Когда у них умирает царь, они обстригают волосы на голове и относят их в святилище.

**ПЕРОРСЫ, Perorsi /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 5: Περόρσων, Περορσῶν

Ptol. IV, 6, 6: Πυρόρσων, Πέρορσοι

Plin. N.H. V, 10 (по данным Полибия).

Перорсы — эфиопы, жившие континентальнее фарусиев и севернее даратитов. В другом месте (V, 15) Плиний помещает их около Гера (уэд Guir?), куда в 42 г. н.э. дошёл Светоний Паулин. Плиний приводит и другие данные (V, 43): перорсы достигали Океана в пределах Мавретании (после нигретов и фарусиев, с востока на запад); уточнение локализации (VI, 195): на границе Мавретании. Они часть эфиопов, питающихся саранчой. Птолемей (IV, 6, 5) считает их крупным народом внутренней Ливии, живущим восточнее даравов (в долине Дараса — Драа). Перорсы занимали территорию от морского побережья до Столпа Богов. Птолемей (IV, 6, 6) помещает их между группами левкоэфиопов. Аноним полагал, что перорсы живут между дарадами и одрангидами (Anonimus, GGM, p.497). У Ст. Византийского (St. Byzant., s.v. Πέτορσοι) петорсы — крупный народ Ливии. Географ из Равенны (Geogr. Ravenn. III, 11) упоминает Peroga (после гетулов), а в III, 9 говорит о Mauretania Perosis на юге Тингитании (на восток от Гадитании и к востоку от Мавретании). Но, видимо, это Мавретания фарусиев.

Большинство авторов помещают эфиопов-перорсов между уэдами Нун и Сус и до Анти-Атласа.

**ПЕСЕНДАРЫ, Pesendarae /Эф. суб./**

Ptol. IV, 7, 10; Strabo XVI, 4, 9.

Птолемей помещает их к югу от о-ва Мероз, между Нилом и Атбарой, рядом с гапахами, птоэмфанами, кадушами и элефантофагами. Песендары — часть мегабаров (cf. megabari — Plin. N.H. VI, 189–190), или народ Эритреи (Plin. N.H. VI, 191 — Asachae; VIII, 26 — Trogloditae), живший выше Нила. Песендары Птолемея живут недалеко от Страны Корицы. Страбон, основываясь на Эратосфене, помещает Страну Корицы у Восточного моря около порта Пифангелос (XVI, 4, 14) и в стороне от Арсинои, которая локализуется в стороне от Мыса Благовоний Птолемея (мыс Гардафуй — IV, 7, 3). Страбон называет песендаров в описании р-на между Мероз и Красным морем (XVI, 4, 9). У Плиния (VI, 190) среди народов Нильской долины названы андеры (Anderae), может быть, песендары.

**ПИГМЕИ, Pygmaei /Эф. суб./**

RE XXIII, 2, (1959) s.v. Pygmaioi, coll. 2064–74 (E. Wüst — о фольклорной греко-римской традиции о пигмеях).

О локализации пигмеев см. следующих авторов: Гекатей (Hecataios, 266 = FHG I, p.15 fr.266) — к югу от Египта, неподалёку от Океана; Аристотель (Aristot., Hist. animal. VIII, 12, 2) — к югу от Египта, в болотах, где берёт начало Нил; Помпоний

Мела (Pomp. Mela III, 8, 81) — в глубине континента, пограничны с Красным морем; Плиний (Plin. N.H. VI, 188) передаёт точку зрения Аристотеля (ср. St. Gsell, Hérodote, p.207–208, локализует в болотах, откуда выходит Bahr el-Ghasal). Аноним (GGM IV, p.38 — ed. 1777) говорит о пигмеях как обитателях Страны Корицы (восточнее Нила). Страбон (Strabo XVI, 4, 14 — по Эратосфену) локализует Страну Корицы к востоку от Deire и около Красного моря, но древние помещали её у истоков Нила (ср. C. Müller GGM, p.784, n.4). Herodotus IV, 43: пигмеи Геродота жили где-то на западе, юго-западе Африки, от Столпов Геракла и Солоента — к югу. Herod. II, 32: пигмеи, которых встретили насамонские юноши, жили у Большой реки по пути через пустыню прямо на (юго)-запад — зефир. Здесь сложение мотивов об истоках Нила на западе и о реке западной Африки — Нигер (?). Ср. Herod. III, 37.

Сведения о пигмеях содержатся также: Iliad. III, 2–6; Aristot. Hist. anim. II, 748; Aelianus, N.A. XV, 29; Rutilius Namatianus I, 291–292.

**ПИРРЕИ /Лив. вн./ см. ГИРРЕИ**

**ПISУЭТЫ, Pisuetae /Афр./ см. НИСУЭТЫ**

**ПРОСОДИТЫ, Prosoditae, Προσοδίται /Мареот./**

Ptol. IV, 5, 12; 5, 15.

Птолемей называет их после гониатов вплоть до р-на Skiathis, локализуя между оз. Мариут и Вади Натрун. Некоторые исследователи (C. Müller, O. Bates) сближали их с просопитами, которые жили неподалёку от Навкратиса и Мемфиса.

**ПРОСОПИТЫ, Prosopites /Мареот./**

Herod. II, 41; II, 165: ἐκ τῆς Προσωπίτιδος; νῆσος ἢ Προσωπίτις; Ptol. IV, 5, 20; Strabo XVII, 1, 20; Plin. N.H. V, 49.

Этноним в этой форме образован от названия «острова» Просопитиды и означает его жителей; однако в литературной традиции он не зафиксирован.

**ПСИЛЛЫ, Psylli /Кирен./**

Hecataios (Steph. Byzant. s.v. Ψύλλοι); FHG I, p.23 n.303

Plin. N.H. VII, 14 (со ссылкой на Агатархида)

Гекатей называет Большой Сирт «Псилльским заливом». Геродот (IV, 173) локализует их, объясняя, что насамоны заняли их территорию, вытеснив псиллов на юг. Жили они во внутренних р-нах Сиртов, к югу от побережья. Никандр из Колофона (Элиан — Aelianus, N.A. XVI, 28) во II в. до н.э. также помещает их у Сирта. Страбон (Strabo XVII, 3, 23; II, 5, 33; XVII, 1, 44) локализует их в глубине этого р-на, около Сирта, между насамонами и гетулами. Плиний (N.H. V, 27) помещает их «выше» гарамантов, к северу от оз. Lucomedis, в пустыне. Птолемей (IV, 4, 6) локализует их к востоку от троплодитов лагаников (laganiki — западнее Кирены) и к западу, в р-не диких растений, в р-не, где произрастал сильфий. В Перипле Скиллакса, 108 (= GGM I, p.83) восточной границей псиллов назван Kherronesos (Ras el-Tine). [О сильфии: St. Gsell, Hérodote, p.92–94; F. Chamoux, Cyrène... p.246–263]. Птолемей

локализует псиллов гораздо восточнее. Псиллы имели репутацию заклинателей змей (об этом тексты: St. Gsell, H.A.A.N. t. I, p.133, n.1; H. Treidler, s.v. Psylloi, RE XXIII, 2, col.1464–1476). К V в. н.э. псиллы потеряли окончательно свою гомогенность. [В поэзии оставались отголоски о них: Sidoine Apollinaire, Carm. V, 337.]

#### **ПТОЭМФАНЫ, Ptoemphaneis /Эф. суб./**

Ptol. IV, 7, 10: Πτοεμφανείς

Птолемей локализует их южнее гапахов, в р-не острова Мероэ. Plin. N.H. VI, 192 — Ptoenbani — на африканском берегу Нила. Плиний сообщает, что вместо царя у них собака.

#### **РУДИТЫ / РУАДИТЫ, Rouditae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 5, 12: Ρουδίται, Ρουαδίται

Птолемей помещает их в глубине страны, к югу, между анагомбрами, а с востока они граничат с иобакхами (Iobakkhi). Последние локализуются возле озера Мёрис (Moeris = оз. Карун).

#### **РУСУККЕНСЫ, Rusuccenses /Мавр. Цез./**

Iulius Honorius B 48, op. 1., p.54.

Ю. Гонорий упоминает их по соседству с ферантенсами (Ferantenses), обитателями горы Ferratus. Следует читать: Rusucc(ur)enses, т. е. племя региона Rusuccuru (этот р-н идентифицируют с Dellys — ?).

#### **САБОИДЫ, Saboides /Афр./**

CIL VIII, 7/041 = ILAlg. II, 626

Племя, известное по надписи времени Септимия Севера.

#### **САКИ, Saci /Афр./**

Chron. min., t. I, p.109, n.211, MGH a.a., t. IX = Liber Generationis.

Их называют вместе с другими народами провинции Африка: Lebdeni (от Лептис Магна = Лебда), кинтами (Cinti = Ginithi = Cinithi), нумидами и насамонами (в поздних источниках). Silius Italicus, Punica II, 161: Sacen — одно из племён мавров (mauri).

#### **САЛАМАНГЕНИТЫ, Salamaggenites /Мавр. Тинг./ см. МАКЕНИТЫ**

#### **САЛАССИИ, Salassii /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Σαλάσσιοι, Σαλάσιοι, Θαλάσσιοι, Σαλάνσιοι, Σαλαγαίσιοι, Σαλαμύσιοι

Argentius Zallatensis из Мавретании, в 484 г. был епископом провинции: MGH a.a., t. III/1, p.70).

Птолемей помещает их в Мавретании среди Makhoures и горных Malkhoubii. Они не слишком удалены от моря, а также от Амсаги. Надпись (CIL VIII, 19, 923 =

ILAlg., t. II, 3, 411: pr[a]e[fectus] gentis Salas) упоминает префекта из этого народа в el-Ma el-Abiod в 25 км на юго-восток от el-Milia. Это определяет их территорию.

#### **САЛАТЫ, Salathi /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Σάλαθοι, Σέλθοι, Σάλλθοι

Plin. N.H. V, 9 (по Полибию).

Малый народ внутренней Ливии между горой Мандрон и Сагаполой (Sagapola). Это берега р. Salata (bou Regreg) в Тингитании (Ptol. IV, 1, 2). Плиний называет их велатитами (Velatiti), после Quosenus и перед масатами (Masati) в уезде Масса. Птолемей (IV, 1, 2) локализует их после Sala и Малого Атласа; здесь же упоминается река Куза (Kousa).

#### **САЛЕМУ, Salemou /Мавр. Тинг./**

Этноним известен по двум греческим надписям из Volubilis: CIL VIII, 21, 900—1: τῶν Σαλέμου. Речь идёт об одном из арабских племён, служивших в римской армии.

#### **САЛИНСЫ, Salinsae /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Σαλίνσαι, Σαλίηνσαι, Σαλίναι

Локализуются «под» уербиками (Ouerbikae) по берегам р. Salat. Географ из Равенны (III, 11) называет эту реку Salansis. Салинсов идентифицируют с Salathi, которых Птолемей помещает во внутренней Ливии. (Cf. Salathi, Velatiti — во внутренней Ливии.) Ясно, что речь должна идти о регионе около Сеуты.

#### **САМАМУКИИ, Samamukii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Σαμαρύκιοι, Σαμαρίκιοι, Σαμακυκίους, Σαμαβυκίους, Σαμαρίκίους, Σαμακίους

Жили вдоль Большого Сирта, к востоку от Кинипса и лотофагов и к западу от кинуфиев (от названия Cinyrs). Южные соседи самамукиев — тидаменсии (Tidamēnsii = Kidamēnsii) и нугбены (Nugbeni — Ptol.). Другое мнение alexandрийских учёных (Ptol. IV, 6, 6): самамукии — небольшой народ внутренней Ливии, не доходя линксаматов (Lunxamatae), и к северу от горы Гиргири (IV, 6, 3). Есть город Soumoukis — Ptol. IV, 3, 11 (40°20' / 30°30'), но его локализация (сев.-зап. от Pisida = bou Chemmakh) не совпадает с другими данными по локализации самамукиев в провинции Африка.

#### **САМАМУКИИ, Samamukii /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Σαμαρύκιοι

Птолемей помещает их к северу от горы Гиргири или Кинипс (Kinups / Cinyrs), до лунксаматов (Lunxamatae). В другом месте (IV, 3, 6) Птолемей помещает их в Африке, у Большого Сирта, перед кинуфиями (по реке Kinups). Речь идёт об одном из племён Триполитании, которое откочевало далеко на юг, вероятно, в восточный район джебель Нефуза.

**САПАДЕНСЫ, Sapadenses /Мавр. Цез./**

Известны только по одной надписи (CIL VIII, 20, 245), найденной около Satafi (Périgotville). Вероятно, что они обитатели небольшого городка, а не племя.

**САРДОЛИВИЙЦЫ, Sardolibyes /б.л. — Лив. вн.??/**

Nicol. Damask. fr.137 = FHG III, p.463.

Народ кочевых пастухов в Африке (cf.: Hellenicos, n.93 = FHG I, p.57). Интерпретаторы этнонима выдвигают разные недоказуемые гипотезы о миграционных процессах: а) ливийская миграция в Сардинию, б) древняя миграция сардов (шардана), с) сарды по происхождению — ливийцы.

**САТУРИАНЫ, Saturiani /б.л. — Афр? Кирен.? Триполитания?/**

О них, разбойниках из Африки, сообщает декрет, датированный 20 июля 399 г. (P. Romanelli. Storia della province romane dell 'Africa, p.618; C. Tissot. Géographie comparée de la province romaine d'Afrique, Paris, 1884.). См. Аусторианы (Austoriani) из Триполитании у Лептис Магны. Synesios, PG. t. LXVI, Epist., LVII (Αὐσουριανοί — для конца IV и начала V в. помещает их в Киренаике). Между 408 и 423 гг. они совершили набеги в Триполитанию и были разбиты вождём Триполитании Фл. Ортигом (Fl. Ortygius).

**СЕБРИДЫ / СЕМБРИТЫ, Sebridae /Эф. суб./**

Ptol. IV, 7, 10: Σεβρίδαι, Σεβερίδαι; Herodotus II, 31; Strabo XVII, 1, 2 (по Эратосфену): Σεμβρίται

Страбон помещает их на острове южнее Мероз. У них — царица, и они подчиняются мероитам. Страбон (XVI, 4, 8) сообщает, что царица правила и островом Мероз; на острове жили перебежчики, которым имя Σαβρίται / Σεβρίται. Плиний (N.H. VI, 191 — Simbarri) помещает их на правом берегу реки, а Sembritae (VI, 192) или Sembrerritae (VI, 193) — на острове в пяти днях пути от Мероз. (Источники Плиния разнообразны; среди них — Аристокreon и Бион). Сембриты / себриты — перебежчики из армии Псамметиха — в этом единодушны все авторы.

**СЕВЕРЫ, Severi /Афр./**

Известны по одной надписи — CIL VIII, 883 — из Thimida Regia (Sidi alies-Sedfini, к северу от Oudna); город? племя?

**СЕЛАТИТЫ, Selatiti см. ВЕЛАТИТЫ, СИЛЬЗАКТЫ****СЕЛЫ, Seli /Афр./**

Tabula Peutingeriana.

Народ, располагаемый к востоку от реки Бэ (Be — уэд Баи — Baï). Их территория где-то неподалёку от алтаря Филены. (Упомянуты только в Таблице Пейтингера.) O. Bates, op. cit, p.66 — считает это имя вариантом этнонима псиллы, с потерянной Ψ, греческой фонемой, чуждой ливийскому языку.

**СЕНТИТЫ, Sentites /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 13: Σέντητες, Σέντιδες, Σέττιτες, Σεντίται

Птолемей помещает их во внутренней части Мармарики, к западу. Возможно, сентиты Птолемея идентичны синтам Страбона (Strabo II, 5, 33: Σινίτες, Σίνται), которые у Страбона помещены между гетулами и бизаками / будзакиями в районе Малого Сирта, т. е. гораздо западнее.

**СИГИПЛОНСИИ / ОГИПЛОНСИИ, Sigiplōnsii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Ογιπλώνσιοι, οί Γιπλώνσιοι, εἰςὶ Σιγίπλουσιοι; εἰςὶ Πλούσιοι; εἰςὶ Σιγίπλώσιοι

Видимо, точнее всего — Ogyplōsii. К. Мюллер отождествляет их с Asilundi, Ausilimdi, Ausilundi из Путеводителя Антонина — Itinéraire d'Antonin, ed. G. Parthey, p.34 n.74. Локализация Птолемея: «после» кинитиев (Kinithii), т. е. к западу от них.

**СИЛКАДЕНИТ, Silcadenit /Афр./**

Corippus. Ioh. II, 53–55.

Народ, населявший район лесов.

**СИЛЬВАЙЗАН, Silvaizan /Афр./**

Corippus. Ioh. II, 62.

Народ, обитавший в горных районах региона.

**СИЛЬВАКИ, Silvacaе /Афр./**

Corippus. Ioh., II, 52.

Союзники Фрекса (Frexes). Обитатели Byzacēne или Триполитании: Amm. Marcellinus XXVIII, 6, 4: Silva, Silvas — «благородная» часть Лептиса.

**СИЛЬЗАКТЫ, Silzactae /б.л. — Мавр. Тинг.?**

Corippus II, 65–68.

Сильзакты отделены от кавнов (каунов — caunes) рекой Вадара (Vadara). Возможно, сильзакты тождественны селатитам (Selatiti) Плиния в р-не Сала (Chellah); так же кавны (кауны = каупи) Птолемея. Локализация: юг совр. Марокко?

**СИНТЫ, Syntae /Афр./**

Strabo II, 33.

Страбон помещает их между насамонами и гетулами (в направлении с востока на запад) с одной стороны, и бузаками (Buzakii) и кархедониями (Karkhēdonia) — с другой. Комментаторы усматривают в этом этнониме берберское имя, на основании соотношений lat. «С» и греч. «Σ»

**СИРАНГИ, Sirangae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Σιράγγαι, Σιράγγαί, Σηράγκαί, Σηράγγαι

Птолемей упоминает их к югу от гетулов, между морем, автолатами, мавсолами и горой Мандрон. Локализация: к югу от bou Regreg, между Средним Атласом и морем.

**СИРБОТЫ, Syrbotae /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 190.

Народ на африканском берегу Нила, южнее алабов. Как и макробии, они очень высоки ростом. Plin. N.H. VI, 196 — город Sirbitum — в 12 днях плавания от Dabelli, и отстоит на шесть дней пути от Океана. Plin. N.H. VI, 194 — город Сирбитум окружён горами. Это основание, чтобы локализовать Сирбитум в р-не Атбары. Ptol. IV, 7, 10: Σιρτιβεῖς, Συρτιβεῖς, Σιπτιβεῖς. (видимо, можно отождествить сиртибов с сирботами.)

**СКЕНИТЫ, Skenitae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 7, 10: Σκηνῖται, Σηυνῖται, Σκυνῖται

Птолемей упоминает их при описании субъегипетской Эфиопии. Они обитали к западу от Эфиопских гор, после пустыни, Фазании и Бакалитиса. Они названы до траллетов и даратов Драа. Их имя — греческое, означает «живущие в палатках». Локализация: между Фазанией, с востока, и источниками уэда Джеди, с запада.

**СОКОССИИ, Sokossii /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Σοκόσσιοι, Σοκόσιοι

Обитали у побережья Иберийского моря (ср. метагониты), к северу от уеруэв (Oueroueis), имя которых, видимо, связано с названием уэда Уэрга (Ouergha).

**СОЛОЭНТИИ, Soloentii /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Σολοέντιοι, Σολουέντιοι

Солоэнтиев Птолемей помещает восточнее софукаев (Sophoukaei). Их связывают с мысом Солоэнт (Ptol., IV, 6, 2: Σολοεντία ἄκρα) на атлантическом побережье внутренней Ливии, и горой Солнца (Ptol. IV, 1, 2 — Ἡλίου ὄρος) — между рекой Азаной и Фут (Phouth). Гору Солнца Плиний локализует в 250 милях от Ликса (Lixus = Larache) и портом Rhysaddir. Гора Гелиос, или Соль (Sol), вероятно, на мысе Cantin. Восточные соседи солоэнтиев — анатиколы (по реке Анатис) = Oum et Rbia, с запада — софукеи (мыс Сафи).

**СОРЫ, Sōrae /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Σῶραι, Σωρεοῖ, Σωροῖ (по разным редакциям рукописи).

В перечислении Птолемея соры следуют за Herpeditani (в направлении от востока) и обитали к северу от Masaesuli. К. Мюллер (ed. Ptolem., p.593, n.3) считает, что их имя связано с рекой Sira (уэд el-Hammam — важнейший рукав Мааста). У арабов, по сообщению К. Мюллера, сохранилось название Sirat.

**СОФАКИ, Sophakes /б.л./**

Ioseph. Flavius., Ant. Iud. I, 15, 241.

Euseb., Praep. evang. IX, 20, 5.

И Флавий и Эвсепий отсылают к Александру Полигистору (I в. до н.э.), упоминавшему софаков. Их имя восходит к топониму Sophon. Ср. софукеи.

**СОФУКЕИ, Sophoukaei /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Σοφουκαῖοι, Σαφουκαῖοι

Птолемей называет софукеев среди прочих народов внутренней Ливии вместе с автолатами. Восточные соседи — солоэнттии. После софукеев — левкоэфиопы у горы Русадион. С софукеями связаны софаки, упоминаемые Иосифом Флавием (Iosephus Flavius., Ant. Iud. I, 15, 241; Eusebius. Praep. evang. IX, 20, 5), который ссылается на Александра Полигистора, писателя I в. до н.э. Plut., Sertor., 9 (по Юбе) помещает их у Тингиса (Tingis / Tanger) — софаки. Равеннский Географ (Geogr. Ravenn. III, 11) упоминает Getulisafi между гетулами Селифа (Selitha — Salathi) и гетулидами (Getulidare / Darae). Вероятно, их имя связано с названием мыса Safi.

**СТАХЕЙРЫ, Stakheirae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Σταχεῖραι, Σταχῖραι

Птолемей упоминает стахейров по соседству с горой Кафас, где берёт начало Дарас, после анатиколов, живших по берегам Тензифта (или Ум-эр-Рбия), и хуритов. Можно предполагать р-н на широте Высокого Атласа. Но имя стахейров связано и с рекой Stakhir (IV, 6, 3), истоки которой у горы Rhusadion, а устье — на юге мыса Rhusadion (IV, 6, 2). К. Мюллер (C. Müller, p.733, 3) полагает, что река Стахир находится в Сенегале. Эта гипотеза опровергается.

**СУБАФРЕНСЫ, Subafrenses /б.л. — Афр. ?/**

Народ, известный по надписи-декрету от 399 г. Судя по имени, африканский. Вероятно, речь идёт не столько об отдельном племени, сколько о временной группе. Их сравнивают с сатурианами — Saturiani (см.: R. Cagnat. L'armee romaine d'Afrique, p.86; P. Romanelli. Storia delle province romane dell'Africa, p.618). См. Сатурианы.

**СУБУРБУРЫ / САБАРБАТЫ, Subarpures /Афр./**

Plin. N.H. V, 30; вар.: Sabarbates, Sababares.

Ptol. IV, 6, 6: Σουβούρπορες, Σουβούρπουρες, Σουρβούπουρες

Народ провинции Africa (имя от топонима). Ptol. IV, 3, 6 — Sabourboures — у горы Thammēs: между Hippo Regius (Bône) и Thabraca (Tabarca). Во времена Веспасиана по надписям известны и «царские» субурбуры (regian, как, например, musunii regiani — надпись около Aïn-Abid). Cf.: CIL VIII, 10, 335 (a. 216): respublica gentis Saburburum.

**СУБУРПОРЫ, Soubourpores /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Σουβούρπορες, Σουβούρπουρες, Σουρβούπουρες

Птолемей упоминает их «под» Усаргала, горой, от которой течёт р. Bagradas (Medijerda). Их имя тождественно субурбурам Африки; suburbures — латинский вариант этнонима (V, 3, 6). Таким образом, есть два варианта локализации: во внутренней Ливии и в провинции Африка.

**СУККЕИ, Soukkaei /б.л. — Мавр. Тинг?/**

Steph. Byzant. s.v. Σουκχαῖοι

Суккеи — народ Маврусии? К. Мюллер (C. Müller, p.585, 6) отождествляет их с сокоссиями (Sokossii), помещаемыми Птолемеем в Тингитании.

**СУППЕНСЫ, Suppenses /Афр./**

Известны по надписям эпохи Адриана (Desanges, p. 137, s.v.). Скорее название небольшой местности северо-восточнее Thagaste, чем название народа или племени.

**ТАЛАДУСИИ, Taladousii /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Ταλαδούσιοι, Γαλαδούσιοι, Τελαούσιοι

Располагались к югу от восточных герпедитанов, которые, как точно известно, обитали в Tgas. Их локализация — к северу от гор Tlemsen либо у Tessala. Возможно, они перемещались под воздействием нападений отрядов прибрежных и внутренних народов региона.

**ТАЛЫ, Thalaе /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Θάλαι

Птолемей упоминает их между манралами и гармиями (Harmiae), а также между долопами, астакурами и нубами. Имя их связано с горой Тала (Thala = Tahela Ohat — западный Ахаггар). То, что известно из других источников о долопах и астакурах, позволяет локализовать талов в Большом Восточном эрге, или в Феццане.

**ТАМИАГИ, Tamiagi /Афр./**

Plin. N.H. V, 37: Tamiagi, Taminagi, Tangace, Namiagi, Damiagi. (Существует гипотеза, что все эти этнонимы восходят к Mazices.)

Тамиаги упомянуты в связи с триумфом Корнелия Бальба в 19 г. до н.э. Видимо, тамиаги — вариант этнонима тамианы (Tamiāni).

**ТАМИАНЫ, Tamiāni /Афр./**

Titus Livius XXXIII, 18 — союзники Родоса против Филиппа в 197 г. до н.э. Идентифицируются с тамиагами. Этнос провинции Африка.

**ТАПАНИТЫ, Tapanitae /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12: Ταπανίται, Ταπάνιται

Тапанитов Птолемей называет после авсхитов (Auskhitae), северо-восточнее авгилов. Их восточные соседи — сентиты.

#### **ТАРРАЭЛИИ, Tarraelii /Лив. вн./**

Plin. N.H. V, 44: (Nigris) oritur inter Tarraelios, Aethiopes et Oechalicas. Плиний упоминает их у истоков Нигриса.

#### **ТАРУАЛЬТЫ, Taroualtae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Ταρουάλται, Σαλουάρται

Птолемей называет их «под» орфеями и по соседству с климатидами. Их имя связано с оронимом Aroualtes (Ptol. IV, 6, 3). Орфеи вместе с офранами (Ofra / Ifrane), климатидами и ламта помещались у мыса Нун. Локализация: северо-запад Анти-Атласа, р-н Тазеруальта, на севере Ифрана.

#### **ТАУТАМЕИ, Tautamei /Афр./**

MGH a.a., IX, Chr. min., I, ed. Th. Mommsen (Monumenta Germaniae historica, auctor. antiquissimi) — Libir Gent., 145 — Tautameos; Tautamei — anni p. Chr. 354, p.85; Chr. Alex., 117 — Tautameus [...]

Таутамеев называют среди народов Сиртов, после насамонов, иногда после маков (в поздних свидетельствах римского времени).

#### **ТЕРИОДЫ, Theriodes /Афр./**

Iulius Honorius, A 48, GLM, p.54; B48: Ceriodes, theriodes, theorides.

Териоды жили «после» гарамантов и «перед» курбиссенсами (Curbissenses). Между тем у Геродота (IV, 181) гараманты, которые идентичны гамфазантам, помещаются в «стране диких зверей» (thēriodēs Hōra). Plin. N.H. V, 35 локализует их в р-не между Малым Сиртом и страной гарамантов. По другой версии, териоды — жители Фазании, т. е. отделены от страны гарамантов. По Плинию — в более позднее время — они всё же жители пустынных районов.

#### **ТИБИСКЕНСЫ, Tibiscenses /Мавр. Цез./**

Их упоминает надпись из Цезареи (CIL III, 9, 368) среди безымянных мавретанцев — Mauretani Tibiscenses. Речь идёт, несомненно, о старейшем в Мавретании пункте — Tibiscum (CIL III, p.246, n.1.343), перед Karansebes, к западу от Sarmizgentusa, в Dacie.

Ср. Mauri Micienses из Micia, другого города Dacie.

#### **ТИДАМЕНСИИ, Tidamēnsii /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Τιδαμήνσιοι; Τηδαμήνσιοι, Οἰδαμήνσιοι, οἱ Δαμήνσιοι, Ἰδαμίνσιοι, Ἰδαμήνσιοι

Их называют среди народов провинции Африка, после самамуков. Procopius, De aed. VI, 3: говорит о Kidamē и Kidamēnsii (Cydamus = Ghadames). Corippus. Ioh. II, 117 называет их среди маврской коалиции против Иоанна Троглиты (546 г. н.э.) как обитателей Гадабиса (Gadabis), т.е. Cydamus'a.

**ТИНГИ, Tinges /Мавр. Тинг./**

Philostratus. Vita Apollon. Tyar. V, 1: (время С. Севера) Τίγγας (асс.)

Тинги — дикое племя в стране поблизости от гетулов, с которыми было в постоянных контактах где-то в р-не Сеуты. В имени просматривается связь с Tingi (Tanger).

**ТИНДЕНСЫ, Tyndenses /Мавр. Цез./**

Amm. Marcellinus XXIX, 5, 11.

Возможно, это самая восточная часть племени туленсиев, упоминаемых Птолемеем. Жили тинденсы неподалёку от Turusuctu (Tiklat) и масиниссенсов (Masinissenses). С уверенностью все комментаторы считают это племя горным, обитавшим где-то в р-не горной цепи Джурджура (Djurdjura).

**ТИСИБЕНСИИ, Tisibenses /Афр./**

ILAlg. I, 2. 978; CIL VIII, 2, 194.

Народ, чья страна была разделена в 104–105 гг. легатом Л. Миницием Наталием (L. Minicius Natalis), причём граница была установлена с мусуламами (musulames) по Ksar el-Boum к северо-востоку от Chéria.

**ТОДУКИ / ТУДУКИ, Todoukae /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Τοδοῦκαι, Τουδοῦκαι, Τολοῦκαι, Τοδοῦκωνες, Δοῦκαι; Τόδοι καὶ...

Птолемей называет их поблизости от истока Amsaga. В надписи, найденной в Sila (римского времени), назван исток Amsaga — CIL VIII, 5, 884: Genio Numinis caput Amsagae sacrum... Но древние называли много истоков одной и той же реки. Птолемей (IV, 2, 7) упоминает город Thoudaka, расположенный в Малой Кабилии. Не исключено, что он связан с тодуками. Можно думать, что они располагались к северо-востоку от Сетифа (Sétif), около гор Djemila, к северу от субурбуров. Частично этот народ жил в Мавретании, частично — в провинции Африка (Cf. Marchubi, Salassii).

**ТОЛОТЫ, Tolotae /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Τολῶται

Птолемей упоминает их после элулиев (Eloulii), которые обитали к востоку от горы Dourdon, частично — в Тингитании, частично — в Цезарее. Их имя связано с Aïn Tellout, в 10 км к северо-востоку от Altava (Lamoricière — Ibn Khaldoun, Histoire des Berbères, t. IV, p.142: Tallout).

**ТОНОБАРЫ, Tonobari /Эф. суб./**

Plin. N.H. V, 192 = Tonobari (вар.: Ptonebari).

Народ на африканском берегу Нила. Они — соседи птоэнбанов, живших южнее. Видимо, они соседствовали с гапахами Птолемея и его Птоэмфанами.

**ТРАЛЛЕТЫ, Trallētae /Лив. вн./**

Ptol. IV, 7, 10: Τραλεῖται, Τραλλεῖται, Τραλίται, Τραλήται, Τραλλῆται; Plin. N.H. VI, 194.

Птолемей размещает их «под» Египтом, к западу от Эфиопских гор, рядом с пустыней, после Фазании и Бакалитиды, скенитов, номадов, живущих в шатрах, и перед дарадами. Плиний называет эфиопов-тарраэлиев (Tarraelii). Это тот же народ. Локализует Плиний тарраэлиев у истоков Нигриса. Локализация: регион Лагуат (Laghout).

**ТРОГЛОДИТЫ, Troglodytes /Мавр. Тинг./**

Peripl. Hann. 7 (GGM, p.6) упоминает троглодитов как живущих вокруг большой горы, где находится исток р. Ликс (Lixus уэд Loukkos). Они обитают рядом с эфиопами и являются их частью. Эфиопские троглодиты Геродота (Herod. IV, 183) обитают в совершенно другом месте, на окраинах земель гарамантов, занимаются охотой, пользуются колесницами с четвёрками лошадей и быстрее всех людей в беге. Возможно, в Перипле — литературная вариация на тему Геродота. Страбон упоминает (XVII, 3, 7), что фарусии жили на манер троглодитов: закапывались в землю. Но жили они в 13 днях пути от Ликса (Lixus = Larache).

**ТРОГЛОДИТЫ / ТРОГОДИТЫ, Troglodytes / Trogodytae /Афр./**

Herod. IV, 183: Τρωγλοδύται

Эфиопский народ. Самые быстрые в беге из всех людей, на них охотились гараманты на своих боевых колесницах с четырьмя конями. Троглодиты питались змеями, ящерицами и другими рептилиями. Их крики (как и звуки их языка) напоминали писк летучих мышей.

Основная локализация: в Тибести, к северо-востоку от Феццана (ср. St. Gsell, Hérodote, p.153–154; J. Chapelle. Nomades..., 33–37). Современные обитатели — тибу / теда известны быстрым бегом и наличием в языке свиста. Ср. Herodot IV, 181 — троглодиты — последние на юге обитаемой зоны.

Pomponius Mela I, 44; Plin. N.H. V, 43 — оба автора зависят от Геродота, но дают форму Trogodytae. Трогодиты соседствуют с жителями Ауджилы (Авгилы) в 300 км от Бенгази (к сев.-сев.-востоку) и к востоку от гарамантов. И у Плиния и у Мелы называются в следующем порядке: трогодиты, гараманты, авгилы. В другом месте — Pomr. Mela I, 23 и Plin. N.H. V, 43 — иная локализация (соседство с Ауджилой — см. выше). Речь здесь о трогодитах, у которых, по Плинию (N.H. II, 228), есть «солнечный источник», находящийся в Киренаике вместе с оракулом Аммона.

Ptol. IV, 4, 6: τὰ σπήλαια τῶν Λαγανικῶν — пещеры лагаников, упоминаются в Киренаике; это подтверждается в Itineraire d'Antonin: в 25 км от Кирены на запад, по дороге Кирена – Птолемаида (Tolmeta), т.е. к северу от Ауджилы.

Plin. N.H. V, 34: троглодиты жили в семи днях пути (направление с юга на север) от амантов, т.е. в 12 днях пути от Большого Сирта (к востоку от Leptis Magna — Lebda). Эти троглодиты продавали карбункулы. Между страной троглодитов и амантов — Фазания.

В поздних сведениях (Таблица Пейтингера) троглодиты помещаются в Тунисе (совр.) у Matmata, а аманты занимали западную часть джебел Nefusa. С троглодитами связывают Гадамес (Cydamus).

#### **ТУЛЕНСИИ, Toulēnsii /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Τουλήνσιοι, Τουλενσίων

Туленсии жили к югу от макхуребов. Обитали в Castellum Tulei (Diar Mami): ср. надпись, где говорится о вожде из Тулеи (princeps ex castello Tulei — CIL VIII, 9, 005; 9, 006 — речь идёт о вожде племени).

#### **ТУТКЕНСЫ, Tutcenses /Мавр. Цез./**

Известны по надписи — CIL 8, 270 из Aziz bou-Tellis (650 км от Saint-Donat). Это название племени и одновременно колония. Усматривается соответствие Tutcenses и Todoukae Птолемея.

#### **УАКУТЫ / ВАКУАТЫ, Ouakouatae /Мавр. Тинг./ см. БАКАТЫ**

#### **УЕРБИКИ, Ouerbikae /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Οὐερβίκαι, Οὐέρβικαι, Οὐέρβεικαι, Οὐέρβεικες, Οὐερβείβαι, Οὐερβίβαι

Их называют после масиков (Masikes) и к северу от салинсов (Salinsae) в р-не Bou Regreg'a и Kauni. В их пределах — город Ouobrix (Ptol. IV, 1, 7: 9°20' / 34°15', на широте Тамузида, к северо-западу от страны земмурав, но, вероятно, больше к востоку. Они западные соседи уеруэв (Oueroueis), с которыми были, видимо, в родстве.

#### **УЕРУЭИ, Oueroueis /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5: Οὐερούεις, Οὐερούεις

Локализуются «под» сокоссиями (Sokossii), на побережье Иберийского моря, к востоку от Сеуты, к югу от улублилианов (Ouloubiliani), обитавших у Волублилиса (Volubilis). Возможно, жили в уэде Ouergha.

#### **У[Д]ЗАЛЫ, Ouzalae /Афр./**

Ptol. IV, 3, 5: Οὐζάλοι, Οὐζάλωνες, Οὔζαροι, Οὐζάροι, οὐ Ζάροι

Локализуются южнее горы Ousalaeton, по названию которой получили своё имя, в Ливийской пустыне (к югу от горного хребта и к северо-западу от Кайруана (Kaïrouan) — на границе степи).

#### **УКУТАМИИ / УКУТУМАНЫ, Ucutamii / Ucutumani /Мавр. Цез./**

Племя, появляющееся лишь в византийскую эпоху. Известно по надписи христианского периода — CIL VIII, 8, 379 / 20, 216. Локализуются к югу от Djidjelli. Может быть, это Koidamousii Птолемея. Не исключено, что они предки котама (Kotama — по Ибн Халдуну: Histoire des Berbères, t. I, p.291 sqq.) Инициальное \*U в этнониме — местный суффикс (берб.), означающий филиацию.

**УОЛУБИЛИАНЕ / ВОЛУБИЛИАНЕ, Ouoloubiliani /Мавр. Тинг./**

Ptol. IV, 1, 5.

Обитали ниже уэруэв (Oueroueis), в регионе Volubilis (Ksar Pharaoun). Есть гипотеза, что Ouoloubiliani — просто название жителей Волубилиса. Возможно, это имя происходит от названия города Volux (Sallust. Iug. 101, 105–107), по имени сына Бокха (Bocchus).

**УРСИЛИАНЫ, Ursiliani /Афр./**

Végèce Epit. rei milit. III, 23: Camelos aliquantae nationes apud veteres in Asia produxerunt, ut Ursiliani intra Africam vel ceteri Mazices hodieque producant.

Племя верблюдоводов. Это те же mazices (мадзики) — общее имя берберов. Corippus. Ioh. II, 75; IV, 390 (urceliana manus). Корипп называет урсилианов среди мавров Иоанна Троглиты: urceliani. Это племя из Триполитании или Киренаики.

**УСИБАЛКИ, Usibalchi /Лив. вн./**

Plin. N.H. VI, 194.

Плиний называет усибалков, ссылаясь на Далиона, после логонпоров, находящихся в пяти днях пути от ухаликов и не доходя до исбелов и перусиев (фарусиев).

Локализация: у Большого Западного Эрга.

**УХАЛИКИ / ХАЛИКИ, Oechalices / Oechalicas /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Οὐχαλικκεῖς, Οὐχαλικεῖς, Ἀχαλικκεῖς, Χαλικκεῖς, Χαλκεῖς

Plin. N.H. V, 44.

Плиний называет их у истоков р. Нигрис. Их город назывался Magium. В N.H. VI, 194 Плиний в пяти днях пути от ухаликов помещает логонпоров, вооружённых дротиками, а за ними — бакатов и кисоров (в направлении с востока на запад).

Птолемей говорит, что они эфиопы. Ухалики жили в р-не горы Аранкас (Ахаггар?); видимо, в направлении узда Irharhar.

**ФАЗАНИИ, Phazanii /Афр./**

Plin. N.H. V, 35 (также: J. Desanges. Le triomphe de Cornelius Balbus, — Rev. Afr., 1957, p.19; RE, s.v. Phazanii — (Windberg) XIX/2, col. 1904–1908).

Локализуются в р-не Малого Сирта. Плиний считает их жителями городов Aleb, Cilliba / Culluba, Cidamus (Ghâdamés). Он отделяет их от гарамантов и их страны со столицей Гарамой (Djerma). Между этими двумя странами находится гора Alter (Hamada el-Homra?). Фазания лежит, по Плинию, между троглодитами на западе и амантами на востоке.

В названии Фазания содержится элемент этнонима Gamphasantes Геродота (IV, 174) — народ, обитавший в Ливии, богатой зверями (cf. Theriodes — «theriodes hora»).

У Плиния (V, 26) говорится о стране, изобильной зверями (Saltus repleti ferarum multitudine), которая недалеко от пустынь около Малого Сирта, далее пустыня, а потом — гараманты, в 12 днях пути от Ауджилы, а там уже и Фазания (V, 35), граничащая с «Эфиопией».

Ptol. IV, 7, 10: Φαζανίαν, Αζανίαν; Φάζακαν. Птолемей упоминает безымянный народ Фазании по соседству с Bakalitis и Skenitae (в конце списка народов Эфиопии выше Египта, перечисляемых от Daradae в Драа).

Это народ юга провинции Африка (по соседству с эропеями (Егорасі) и нугбенами (Nugbeni)).

#### **ФАЛЛИГИ, Palliges /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 192.

Народ на африканском берегу Нила южнее тонобаров, птоэнбанов, гарусбов, архисармов. Локализацию следует искать южнее линии Kosti-Sennar.

Plin. N.H. VI, 191 — Palluges. Те же фаллиги?

#### **ФАРУСИИ, Pharusii /Лив. вн./**

Strabo II, 5, 33; XVII, 3, 3; XVII, 3, 7; Dio Cassius LXXV, 13; Pomp. Mela I, 22; III, 105; Plin. N.H. V, 43; 46; VI, 194; V, 16; Ptol. IV, 6, 6; Dion. Perieg. 216 = Priscienus. Caesar, 201; Periplus Hanno, 7 = GGM, p.6; Geogr. Ravenn. III, 11.

Страбон (II, 5, 33) относил фарусиев, как и нигритов и гарамантов, к гетулам и эфиопам. Цитируя Перипл Офелы (IV в. до н.э.), Страбон (XVII, 3, 3) сообщает, что нигриты и фарусии находились в 30 днях пути (примерно в 1000 км) от Линкса (Lunx = Lagache), к югу от залива Эмпорик. Этот же автор (XVII, 3, 7) сообщает, что фарусии, как и нигриты / нигреты, были лучниками и что обитали они недалеко от маврусиев в Западной Эфиопии. У них были также боевые колесницы. Фарусии контролировали пустыню, совершая по ней переходы, в которых достигали Нила, проходя через страну троглодитов. Их локализуют вплоть до Судана от Атласа, как об этом свидетельствует Дион Кассий, например. Современные исследователи локализуют фарусиев и нигритов между Нигером и Сенегалом (cf.: G. Charles-Picard. Castellum Dimmidi, p.30).

Помпонию Мела (I, 22) помещает фарусиев между маврами (от средиземноморского побережья до Атлантики) и эфиопами. Этот же автор (III, 105) даёт другую локализацию: между Гесперидами и Атласом.

Плиний описывает их как гимнетов (видимо, опираясь на сведения Перипла Ганнона (7 = GGM, p.6), отмечает их быстрый бег (как у троглодитов) и считает их эфиопами, живущими между нигритами и перорсами на морском побережье. У Плиния (V, 46) явно присутствуют аллюзии с традицией, известной и другим авторам, что фарусии — это персы, сопровождавшие Геракла / Геркулеса. Ссылаясь на Далиона, он даёт ещё одну версию (VI, 194): перусии = фарусии жили между исбелами (Isbeli) и баллиями (Ballii).

Птолемей (IV, 6, 6) называет фарусиев среди малых народов внутренней Ливии. Он помещает их к северу от горы Сагапола по соседству с анатиколами: к востоку от Солоэнта и к западу от хуритов (Khuritae). Он же даёт варианты этнонима: Φαρούσιοι, Φορούσιοι, Φόρκιοι. Указание Птолемея позволяет локализовать фарусиев к западу от Атласа, около Тензифа (антич. Anatis).

По данным Страбона, напротив, возникает возможность к началу н.э. локализовать их примерно в 1000 км от Линкса, около Цирты, по соседству с нигритами на границе Атласа между Драа и Гуиром.

Дионисий Перизгет помещает фарусиев между нигретами и гарамантами.

Фарусии и перорсы / перорсии — две транскрипции одного этнонима (cf. St. Gsell, H.A.A.N., t. I, p.295–296); имя их, возможно, восходит к легенде о персидском их происхождении.

Плиний (V, 16) локализует фарусиев в р-не Гера (уэд Гир).

В поздней латинской традиции (Географ из Равенны) их имена даны в следующих формах: Paurisi, Perora = Phacusii / Perosis.

В древности фарусии связывались также с Циртой (Cirta) — Константиной.

### **ФЕРАТЕНСЫ, Feratenses /Мавр. Цез./**

Iulius Honorius A 48, p.54.

Упоминаются вместе с беггвенсами и барсуфулитанами. Обитали у горы Ferratus, напротив Tubusuctu (Tiklat): (Amm. Marcellinus XXIX, 5, 11). Их помещали к северу от дороги Saldae (Bugie) — Tigisi (Taourya) — Rusuccuru (Dellys?): Tabula Peutingeriana.

### **ФЛЮМИНЕНСИИ, Fluminenses /Мавр. Цез./**

Iulius Honorius A 48, op. cit., p.54.

Ю. Гонорий упоминает их после фератенсов и барсуфулитанов и перед квинквегентянами. Обитали где-то в Большой Кабилии.

### **ФРАКСИНЕНСИИ, Fraxinenses /Мавр. Цез./**

Известны по одной надписи (259–260 г. н.э.) из Ламбезе, провинция Нумидия: CIL VIII, 2615 (текст надписи у Desanges, p.52 n.2 и n.3 — другая надпись).

Видимо, Fraxinenses от Faraxen — Большая Кабилия (массив Beni-Abbâs). Точно локализовать трудно: ясно, что обитали они в Мавретании.

### **ФРЕКСЫ, Frexes /Афр./**

Corippus. Ioh. II, 43, 184; III, 187; VII, 384; VIII, 648.

Корипп в конце V в. упоминает их вождя Guenfan'a, отца Antalas'a — Ioh. II, 43, III, 66, 103. Их отождествляют с Phrêtes Геродиана: cf. Steph. Byzant. s.v. Φρής, Φρητός, Φρητες, ἔθνος Λιβυκόν. Локализация: неподалёку от Theveste — Tebessa. Традиция считает, что они (Fraxinenses) пришли из Мавретании.

### **ХАЛИАРДЫ, Haliardi /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Ἀλιάρδ(ι)οι, Ἀλιάρδουοι

Они обитали рядом с ситафами (Sitaphi) и к югу от сабурбуров / субурбуров (Sabourboures). Сабурбуры жили у подножья горы Thammes у реки Roubricatos, восточнее Hippo Regius и к западу от Табарки (Thebraca). Ptol. IV, 3, 6; IV, 3, 2.

### **ХАЛИКИ, Oechalices / Oechalicas /Лив. вн./ см. УХАЛИКИ**

**ХАМПЕСИДЫ, *Khampesides* /Эф. суб./**

Аноним (GGM, IV, p.38, ed.1717 = C. Müller, GGM, p.776–77) помещает их на юге от места слияния Белого и Голубого (Astapous) Нила.

**ХАСАМАРЫ, *Chasamari* /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 193.

Жили на африканском берегу Нила, после архисармов (Archisarmi), фаллигов (Phalligi) и маригарров (Marigarri).

**ХАТТАНЫ / КАТТАНЫ, *Khattani* /Лив./**

Ptol. IV, 5, 12: Χαττανοί; Χαρτανοί

Хаттанов Птолемей локализует на побережье к востоку от зугритов и к западу от зугеев (Zugeis). Птолемей (IV, 4, 3: Χετταῖα) и поздний источник «Stadiasme» (= GGM I, p.437: Χαυταῖον) называют город Хеттей в 25 км от Zugris (Kasr-el-Chammas?). Столица хаттанов?

**ХЕЛЛЕНСЫ, *Chellenses* /Афр./**

Имя части нумидов (numides) CIL VIII, 16, 352: Numidae Chellenses. Ономастически от Transcellensis [Zaccar] — Amm. Marcellinus XXIX, 5, 20 — limes Caputcellensis, или от названия г. Cellae (Zouarin), к западу от Assuras (Zanfour).

**ХИТУИ / ХИТУОНЫ, *Khitouae* /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Χιτοῦαι, Χιτούωνες

Локализуются между горами мальхобиями (Malkhobii) и койдамусиями (Koidamousii).

**ХУРИТЫ / КУРИТЫ, *Khouritae* /Лив. вн./**

Ptol. IV, 6, 6: Χουρίται, Χουρίται

Хуриты — соседи живущих по реке Анатис фарусиев, поселены в направлении к горе Καρφα, откуда берёт начало Daras (Draa). Между хуритами и горой Кафас находятся Stakhirae, связанные с рекой Stakhir (Ptol. IV, 6, 2), называемой к югу от Rusadion'a. Племя хуритов — жители Высокого Атласа и джебел Capro (djebel Sargho?). К. Мюллер (p.747, 2) производит их имя от названия узда Gored на юге Могадора.

**ЭВОНУМИТЫ, *Ev̄numitae* /Эф. суб./**

Plin. N.H. VI, 184; Ptol. IV, 7, 10.

Плиний локализует их южнее Тама (Tama), города в 72 милях от Hiera Sucaminos (Ouadi Meharrakah — в шести км от Korti). Возможно, они обитали в верховьях Дедра и граничили со «Средней Эфиопией».

По Птолемею, они локализируются в 160 км (= 900 стадий) от Большого Катаракта к югу. К западу от реки.

**ЭЗАРЫ, Aezari /Мармар./**

Ptol. IV, 5, 12: Αἰζάριοι, Αἰζεῖροι, Ἐζάροι

В направлении от северо-востока Мармарики, к востоку от сентитов и обиллов (oibillae). Восточная граница Мармарики на побережье помещается между Petras Megas (Bardia?) и Панормом (Panormos = Mersa Soloum — Ptol. IV, 5, 2; 3); граница с Киренаикой — по Stadiasme — Ptol. IV, 33; 34 = GGM I, p.439–440. Эзары, безусловно, обитатели горы Azar, которая локализуется Птолемеем в двух различных местах — IV, 5, 10 — Ἀζαρ. Вивиен де Сент-Мартин (p.463) ищет её между Ауджилой и Зуилой (Zouila). Но Ауджила локализуется Птолемеем (IV, 5, 12) точно: в Мармарике.

**ЭЛЕОНЫ, Elaēones /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6: Ἐλαιῶνες, Ἐλειῶνες, Ἐλεῶνες, Ἐλαιῶν

Птолемей помещает их под кинуфиями (Kinurphii) и выше маков, живущих у Сиртов, граничат с пустыней. Это часть этноса Seli, которые занимают регион Macomades (Mersa Zafran), рядом с p. Be (уэд Баи — Baï).

**ЭЛУЛИИ, Eloului /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Ἠλούλιοι, Ἠλούλιοι

Имя связано с названием уэда Хилиль (Hillil)?, около горы Dourdon (к востоку от них). Эту гору Птолемей (IV, 1, 6; IV, 2, 4) помещал в Тингитании и Цезарее. Следует думать о p-не Sidi-bel-Abbès.

**ЭНАБАСЫ, Enabasi /Мавр. Цез./**

Ptol. IV, 2, 5: Ἐνάβασοι

Упомянуты к северу от горы Kinnaba (это где-то в p-не гор Haute Soummat и Hodna). Имя созвучно с именем обитателей Суммама — набабами (Nababes) (совр. Beni-Abbas). (Cf. var.: Ptol. ibid., Ἀναβάσεως, Νάβασοι.)

**ЭНИПЫ, Enipi /Афр./**

Plin. N.H. V, 37: упомянуты в связи с триумфом Корнелия Бальба — 19 г. до н.э. Упомянуты около Thuben oppidum. Вар. Nippi / Nippis — локализируются у горы Hodna.

**ЭРЕБИДЫ, Erebidae /Афр./**

Steph. Byzant. s.v. = Philistos, n.33, FHG. I, p.188 (IV в. н.э.).

Эребиды — часть лотофагов. Ptol. IV, 3, 6: Ἐρεβίδαи, Ἐρεβείδαи, Ἐρεβείδωνες, Ἐρεβείδαи. Птолемей помещает их к югу от долопов. Локализация — Djeffara. Этноним эллинизирован.

**ЭРОПЕИ / ОРИПЕИ, Eropaei / Oreipaei /Афр./**

Ptol. IV, 3, 6. Это племя из Djeffara, к югу от лотофагов; соседи с долопов. Ptol. IV, 7, 10: Ὀρειπαῖοι, Ὀριπαῖοι, Ριπαῖοι, Ρυπαῖοι. Птолемей локализует их к западу от Эфиопских гор. Эропеи — охотники. Plin. N.H. V, 26 локализует их между

Малым Сиртом и страной гарамантов. Сахарские охотники на газелей и других зверей пустыни. См. ОРИПЕИ.

**ЭФИОПЫ, Aethiopes, Αἰθίοπες /Эф. суб., Эф. вн./**

Обобщающий этноним (псевдоэтноним) собирательного характера для обозначения разноэтнического негроидного населения (Африки южнее Сахары — Чёрной Африки), а также как вкраплённый элемент, широко представленный в других регионах континента, в т.ч. в р-нах средиземноморского побережья. Сведения о них содержатся практически во всех античных источниках по Африке. В узком значении этноним используется для названия обитателей субъегипетской Эфиопии, в том числе мероитов, аксумитов, блеммиев и предков современных эфиопов.

**ЮБАЛЕНЫ, Iubalena natio /Мавр. Цез./**

Amm. Marcellinus XXIX, 5, 44.

Обитали в горах. Видимо, это племя бибанов (Bibans). Связаны с Gebalusii. Часто их называют Nubaleni (Nabalensis).

## 2. ИНДЕКС ГРЕКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ АФРИКИ

### ГОМЕР (IX–VIII вв. до н.э.)

По изданиям: *Homeri Carmina. Ameis-Hentze. Teubner, Leipzig; Homeri Carmina. Graece et Latine. Parisiis. ed. A. Firmin Didot, 1838; Homeri opera. Rec. David Monro et T.W. Allen, Oxonii 1–2; rec. T.W. Allen, t.3–4.*

#### ИЛИАДА

I, 423–424 — эфиопы;

III, 3–7 — пигмеи;

XXIII, 210–207 — эфиопы.

#### ОДИССЕЯ

I, 20–25 — эфиопы;

IV, 83–90 — эфиопы;

IV, 475–479 — Нил;

V, 232 — эфиопы;

V, 278–287 — эфиопы;

XIV, 292–296 — Ливия;

IX, 82–105 — лотофаги;

XXIII, 311 — лотофаги;

XXI, 7 — слоновая кость;

XIV, 256 sqq. — Египет, Ливия;

XVII, 232 sqq., 425 sqq. — Египет;

IV, 483–484 — путь в Египет;

IV, 355 — Египет;

IV, 78–89 — эфиопы, Ливия;

IV, 225–232 — Египет;

IV, 351–362 — Египет и о. Фарос;

IV, 581 — Нил;

IX, 105 — циклопы.

### СХОЛИИ К ГОМЕРУ

Схолии к «Илиаде» (по изданию: *Scholia graeca in Homeri Illiadem. ed. Dindorfius. Oxonii, 1875–1877*):

I, 420 — эфиопы;

I, 423 — эфиопы;

I, 426 — эфиопы;

XXIII, 206 — эфиопы.

Схолии к «Одиссее» (по изданию: *Scholia graeca in Homeri Odysseam. ed. Dindorfius. Oxonii, 1855. t. I–II*):

I, 22–23 — эфиопы;

IV, 84 — эфиопы, троглодиты;

IV, 603 — лотофаги;  
 VI, 282 — эфиопы;  
 VII, 8 — Ливия;  
 IX, 84 — лотофаги;  
 IX, 89 — лотофаги;  
 IX, 92 — лотофаги;  
 X, 1 — лотофаги;  
 XIV, 295 — Ливия;  
 XIV, 300 — Ливия.

## КОММЕНТАРИИ К ГОМЕРУ

Евстафий, XII в.

*Комментарии к «Илиаде» (по изданию: Eustathii Archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem. Lipsiae, 1825–26):*

I, 128, 47 (к 421 sq.) — эфиопы;  
 I, 13, 35 (к 462) — эфиопы;  
 III, 372, 6–23 (к 6) — пигмеи;  
 XXI, 1236, 55 (к 280) — ливиец;  
 X, 1265, 8 (к 183) — Тритон;  
 XXIII, 1322, 36 (к 660) — пигмеи.

*Комментарии к «Одиссее» (по изданию: Eustathii Archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Odysseam. Lipsiae, 1826):*

I, 1385, 61–1386, 40 (к 23–25) — Эфиопия;  
 I, 1385, 39 (к 22–23) — Эфиопия;  
 I, 1389, 6 (к 45–50) — Эфиопия;  
 IV, 1483, 36 (к 73) — Ливия;  
 IV, 1484, 34–1485, 23 (к 83 sq.) — Эфиопия, Ливия;  
 IV, 1499, 59 sqq. (к 351–365) — Нил;  
 IX, 1616, 35, 64 (к 84 sq.) — эфиопы;  
 IX, 1617, 17, 28 — эфиопы, лотофаги;  
 IX, 1618, 62 — эфиопы, лотофаги;  
 X, 1644, 41 — лотофаги.

Цец (Iohannes Grammaticus — Tzetzes), XII в.

*Комментарии к «Одиссее» (по изданию: Anecdota Graeca. ed. Mettranga. Romae, 1850):*

I, 43–70 — Ливия;  
 IV, 31–34 — Эфиопия;  
 IV, 111–112 — Нил;  
 V, 163–168 — Нил;  
 IX, 1–3 — лотофаги;  
 IX, 21–30 — лотофаги.

**ГЕСИОД (VIII в. до н.э. – VII в. до н.э.)**

По изданию: *Hesiodi Carmina. ed. A. Rzach. Lipsiae, 1913.*

vv. 337–345 — Нил [Теагония];

vv. 984–985 — эфиопы [Теагония];

fr.55 (232) — эфиопы;

fr.62 (86) — пигмеи.

**ПИСАНДР (VII в. до н.э.)**

По изданиям: *PLG. Hesiodi Carmina. ed. Dübner. Lipsiae, 1841; Hesiodi Carmina. rec. ed. Flash. Teubner, Lipsiae, 1888.*

fr.19 (vv. 1–3) — Эфиопия.

**МИМНЕРМ (632 г. до н.э.)**

По изданию: *PLG vol. II.*

fr.12 — Ливия;

fr.10, 5–11 — Эфиопия (fr.10d).

**СОЛОН (VII в. до н.э.)**

По изданию: *Anthologia lyrica Graeca. ed. Ern. Diehl. Lipsiae, Bibl. Teubner, 1958. Fasc. I.*

fr.6 [=28] — Нил.

**КСЕНОФАН /Xenophanes Kolophoneus/ (~ VI в. до н.э.)**

По изданию: *Anthologia lyrica Graeca. ed. Ern. Diehl. Lipsiae, Teubner, 1958. Fasc. I.*

fr.14 [=16] — эфиопы.

**АЛКЕЙ (VII в. до н.э.)**

По изданию: *PLG.*

fr. XII — слонобая кость;

fr. XXXII — Ливия.

**ЭЗОП (VI в. до н.э.?)**

По изданию: *Corpus fabularum Aesopicarum. vol. I: fabulae Aesopicae soluta oratione conscriptae. ed. Aug. Hausrath. Fasc. 1–2. Lipsiae, 1956–1957.*

n.11 — Aethiops — об эфиопе, которого хотели отмыть добела.

**ПИНДАР (518–442 гг. до н.э.)**

По изданию: *Pindari Carmina cum Fragmentis selectis. ed. Otto Schroeder. Bibl. Teubner, Lipsiae, 1923. ed. alter. PLG.*

II, 145–147 — (Nemēa) — эфиопы;

VI, 82–85 — (Isthmia) — эфиопы;

X, 72 — (Olympia) — горгоны у эфиопов;

II, 60–62 — Нил;

IV, 91 — Ливия;

V, 49, 52 — (Pythia) — эфиопы;  
 IX, 123a — Ливия;  
 II, 90–91 — (Olymp.);  
 VI, 30–95 — (Pyth.);  
 III, 61–63 — (Nem.);  
 VI, 49–53 — (Nem.);  
 V, 40–42 — (Isthm.);  
 VIII, 48 — (Isthm.).

### СХОЛИИ К ПИНДАРУ

По изданиям: *Scholia vetera in Pindari carmina. rec. A.B. Drachmann. Lipsiae, 1910;*  
*Scholia in Pindari Nemea et Isthmia. ed. Abel. Lipsiae, 1884.*

Nemea.

VI, 83 — эфиопы;  
 VI, 85 — эфиопы.

Isthmia.

II, 61 — Нил;  
 IV, 58 — Эфиопия;  
 IV, 87 — Ливия.

Pythia.

II, 2 — Ливия;  
 IV, 10a — Ливия;  
 IV inscr. a) Ливия, inscr. b) Ливия;  
 IV, 1a — Ливия;  
 IV, 7a — Ливия;  
 IV, 15a, b — Ливия;  
 IV, 24–28 — Ливия;  
 IV, 36a — река Тритон;  
 IV, 44b — Ливия;  
 IV, 46 — Ливия;  
 IV, 61 — Ливия;  
 IV, 74b — Ливия;  
 IV, 76b — Ливия;  
 IV, 79a, b — Ливия;  
 IV, 83 — Ливия;  
 IV, 88a — Ливия;  
 IV, 89 — Ливия;  
 IV, 97a, b — Ливия;  
 IV, 99 — Нил;  
 IV, 461 — Ливия;  
 V, 64 — Ливия;  
 V, 76a, b — Ливия;  
 V, 78a — Ливия;  
 V, 96a — Ливия;

V, 109a, b — Ливия;  
V, 11a — Ливия;  
V, 118 — Ливия;  
IX, inscr.a — Ливия;  
IX, 11 — Ливия;  
IX, 14ab — Ливия;  
IX, 16a — Ливия;  
IX, 90b — Ливия;  
IX, 92b — Ливия;  
IX, 95 — Ливия;  
IX, 100b — Сев. Ливия;  
IX, 104 — Сев. Ливия;  
IX, 121b — Сев. Ливия;  
IX, 123a, b — Ливия;  
IX, 185b — Ливия;  
IX, 207a, b — Ливия;  
IX, 217 — ливийцы;  
X, 72 — эфиопы.

#### АРКТИН (VIII в. до н.э.)

По изданию: *EGF vol. I*, также: *Procli chrestom. I, II*.  
«Эфиопида» — Ливия, эфиопы (пересказ Прокла).

#### ЭСХИЛ (522–442 гг. до н.э.)

По изданию: *Aeschyli Tragoediae. ed. Henr. Weil. Bibl. Teubner, Lipsiae, 1910*; также: *Aeschyli septem quae supersunt tragoediae. ed. G. Murray. 1937*.

Προμηθεὺς δεσμώτης.  
v. 292 — Ливия;  
vv. 3.8 — Атлант;  
vv. 790–795 — эфиопы;  
v. 815 — эфиоп;  
v. 852 — Нил.

Ἰκέτιδες.  
vv. 1–5 — Нил;  
vv. 279–280 — Ливия;  
v. 497 — Нил;  
v. 560 — Нил;  
v. 879 — Нил;  
v. 922 — Нил;  
v. 286 — Эфиопия;  
v. 316 — Ливия.

Εὐμενίδες.  
v. 33 — Нил.

К этим местам схолии (по изданию: *Scholia Graeca. Oxonii, 1851*).

**ЭСХИЛ. ФРАГМЕНТЫ**

По изданию: *TGF*

- fr.11 — Ливия (Ioann. Lyd. de mens., p.274, ed. Hase);
- fr.135 — Ливия;
- fr.186 — эфиопы;
- fr.194 — Strabo — I p.43 — пигмеи, VII p.299 — пигмеи;
- fr.320 — эфиоп;
- fr.321 — эфиоп;
- fr.300.2 — Эфиопия;
- fr.328 — эфиоп;
- fr.329 — эфиоп;
- fr.192.4 — эфиоп;
- fr.139 — Ливия;
- fr.364 — Ливия;
- Memnon = fr.193 (Mette) — Эфиопия;
- fr.231 (Mette) = Schol. Aristoph. Ornith. 807sq. — Ливия;
- fr.194–195 (Memnon), Eustath., Homer Odys. 884 — Эфиопия, эфиоп;
- fr.192 (Nauck), Prometh., = Strabo I, 2, 27 — эфиопы у Океана (= Mette, fr.323);
- Eumen. 292–295 — Ливия, Тритон;
- fr.603–604 (Mette) — пигмеи;
- fr.328 (Nauck) — эфиопская речь;
- fr.329 (Nauck) — эфиопы;
- fr.300 (Nauck) — эфиопская земля, Нил;
- Prometh. 807–809 — реки Эфиопии;
- Supplices 284–286 — Индия — Эфиопия;
- Suppl. 316 — Ливия;
- Prom. vinctus 808–812 — Эфиопия;
- Prom. liv. (= fr.67, Dindorf. = fr.192 Nauck) — Эфиопия;
- fr.68 (Dindorf. = 389 Nauck), Schol. ad Apoll. Rod. IV, 1348 — о чёрных племенах;
- fr.128 (Dindorf.) — Эфиопия и Мемнон;
- fr.139 (Dindorf.) = fr.299 Nauck — африканский акцент;
- fr.140 (Dindorf.) — Эфиопия;
- fr.389 (Nauck) — чернота эфиопов;
- fr.304 — Эфиопия, истоки Нила.

**СОФОКЛ (V в. до н.э.)**

По изданию: *Sophoclis tragoediae. ed. Pearson. Oxonii, 1947.*

- Электра.
- vv. 701–702 — ливийцы в Дельфах.
- Аякс.
- v. 17 — Ливия.

Фрагменты (по изданию: *TGF ed. 2*)

- fr.10 — ливийские собаки;
- fr.25–30 — эфиоп;
- fr.797 — эфиопы.

**СХОЛИИ К СОФОКЛУ (V в. до н.э.)**

По изданию: *Scholia in Sophoclis tragoedias. ed. P. Papageorgius. Lipsiae, 1888.*

Схολии к Электре.  
727 — Барка — город Ливии.

Схολии к Трахинянкам.  
172 — Ливия;  
1100 — Ливия.

Схολии к Аяксу.  
17 — Ливия.

**ЭВРИПИД (V в. до н.э.)**

По изданиям: *Euripidis Tragoediae. rec. A. Nauck. ed. 3. vol. I–III. Teubner, Lipsiae, 1869–1903; Euripidis Fabulae. ed. Murray. 1902–1909; Poetarum Sceniorum Graecorum — Aechyli, Sophoclis, Euripidis et Aristophanis fabulae superstites et perditarum fragmenta. Ex. rec. Guilelmi Dindorfii, Editio quinta. Lipsiae, 1869.*

Вакханки  
v. 990 sq. — Ливия.

Алкестида  
v. 346 — Ливия.

Ипполит  
v. 684 — Ливия.

Троянки  
v. 544 sq. — Ливия;  
v. 182 — Ливия.

Ифигения в Авлиде  
v. 1036 — Ливия.

Елена  
v. 404 — Ливия;  
v. 768 — Ливия.

В указанных местах встречаются лишь упоминания о Ливии.

Фрагменты (также по TGF ed. 2):

fr.136 — эфиопы;  
fr.230 — эфиопы;  
fr.349 — эфиопы;  
fr.351 — эфиопы;  
fr.475 — Ливия (Сивилла);  
fr.779 — Ливия;  
fr.888 — Эфиопия;  
fr.914 — Ливия;  
fr.922.2 — Ливия;

- fr.896 — эфиопы;  
 fr.770 — Ливия;  
 fr.228 — Данаиды — дочери Нила, Эфиопские земли.

### СХОЛИИ К ЭВРИПИДУ

По изданию: *Scholia in Euripidem. ed. Schwartz. 1887–1891.*

- Schol. in Orestem  
 v. 932 — Ливия.
- Schol. in Troades  
 v. 220 — Ливия;  
 v. 221 — Ливия.
- Schol. in Hippolitum  
 v. 1131 — номады.
- Schol. in Phoenissas  
 v. 5 — Ливия;  
 v. 678 — Ливия, эфиопы;  
 v. 158 — Ливия;  
 v. 247 — Ливия.

### ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ (VI–V вв. до н.э.)

По изданиям: *FGrH, FHG.*

- FGrH I, n.1–63:
- fr.13 (p.3) — Strabo, VII, 3, 6;  
 fr.18a (p.11) — Schol. in Apoll. Rhod. IV, 257, 251;  
 fr.40 (p.16) — Steph. Byz. — s.v. Ἐλβέστιοι;  
 fr.302c (p.40) — Schol. Apoll. Rhod. IV, 259;  
 fr.309 (p.41) — Steph. Byz., s.v. Ἐλένειον;  
 fr.325 (p.43) — Steph. Byz., s.v. Μάρμακες;  
 fr.326 (p.43) — Steph. Byz., s.v. Ὑσαεῖς;  
 fr.327 (p.43) — Steph. Byz., s.v. Σκιάποδες;  
 fr.328 (p.43) — a) Schol. ABT Hom. J.1, Γ, 6, b) Eustath. J.1, Γ, 6;  
 fr.329 (p.43) — Steph. Byz., s.v. Κυνόσσημα;  
 fr.330 (p.43) — Steph. Byz., s.v. Αὔσιγδα;  
 fr.331 (p.43) — Steph. Byz., s.v. Ζήβυτις;  
 fr.332 (p.43) — Steph. Byz., s.v. Ψύλλοι;  
 fr.333 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Μάσκωτος;  
 fr.334 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Μάξυες;  
 fr.335 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Μέγασα;  
 fr.336 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Ζαύηκες;  
 fr.337 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Ζυγαντίς;  
 fr.338a (p.44) — Steph. Byz., s.v. Κανθηλία;  
 fr.338b (p.44) — Steph. Byz., s.v. Κανθήλη;  
 fr.339 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Εὐδείπνη;

- fr.340 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Ὑβέλη;  
fr.341 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Γαῦλος;  
fr.342 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Φοινικοῦσσαί;  
fr.343 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Κύβος;  
fr.344 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Μεταγώνιον;  
fr.345 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Δούλων;  
fr.346 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Ἰαγξούατις;  
fr.347 (p.44) — Steph. Byz., s.v. Ἰεράφη;  
fr.348 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Καλαμένθη;  
fr.349 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Κρεμμύων;  
fr.350 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Μῶλυσ;  
fr.351 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Στοῖαι;  
fr.352 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Στρώη;  
fr.353 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Φασηλοῦσσαί;  
fr.354 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Θίγγη;  
fr.355 (p.45) — Herodianus s.v. π. μον. λέξ. 31, 24 (II 937, 9 sqq.);  
fr.356 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Θρίγκη;  
fr.357 (p.45) — Steph. Byz., s.v. Μέλισσα;  
fr.266 — пигмеи — Eustath., *Iliad.* III, 6.

#### ГЕЛЛАНИК МИТИЛЕНСКИЙ (V в. до н.э.)

По изданиям: *FGrH*; *IA* n.1–63.

- fr.637 (p.124) Ливия — Athenaeus XI, p.462 AB;  
fr.153 (p.143) — троглодиты — Etymol. M., также Tzetz. ad Lyc. 827, A 1;  
fr.154a — Ливия;  
fr.154b — Ливия.

#### ГАННОН (ок. 470 г. до н.э.)

По изданию: *GGM*.

Перипл — описание Западного и Южного побережья Африки.

#### ГЕРОДОТ (V в. до н.э.)

По изданию: *Herodotos. erkl. v. H. Stein. Berlin, 1883–1893.*

- I, 1 — Египет и египтяне;  
I, 2 — Египет и египтяне;  
I, 5 — Египет и египтяне;  
I, 30 — Египет и египтяне;  
I, 46 — Ливия и ливийцы;  
I, 77 — Египет и египтяне;  
I, 105 — Египет и египтяне;  
I, 135 — Египет и египтяне;  
I, 140 — Египет и египтяне;  
I, 182 — Египет и египтяне;  
I, 193 — Египет и египтяне;  
I, 198 — Египет и египтяне;

- II, 1 — Египет и египтяне;  
(также: II, 1 — III, 47, 61–65, 88, 91, 97, 126, 129, 139, 140, 160; IV, 39, 41–44, 77, 152, 159, 165–168, 180, 186, 200, 203–205; VI, 6, 53–55, 60; VII, 1; 2, 4, 5, 7, 8, 25, 34, 69, 89, 97; VIII, 17, 68, 100; IX, 32)
- II, 11 — Нил;  
II, 12 — почва Ливии;  
II, 15 — Нил;  
II, 16 — части света;  
II, 17 — Египет, Ливия;  
II, 18 — Нил;  
II, 19 — Нил (истоки);  
II, 20–28 — истоки Нила;  
II, 29–34 — Нил, Ливия;  
II, 72 — Нил;  
II, 50 — Ливия;  
II, 54–56 — Ливия и ливийцы;  
(также: II, 8, 12, 15–33, 65, 77, 91, 99, 150, 161; III, 12–17, 91, 96, 115; IV, 29, 41–45, 145, 150–160, 167–199, 203–205; V, 42.43 (поход Дориэя в Сев. Ливию); VII, 70; 71, 86, 165, 184)
- II, 86 — Эфиопия;  
II, 100 — эфиопы;  
II, 104 — эфиопы;  
II, 110 — Эфиопия;  
II, 124 — Ливийцы;  
II, 137–140 — Эфиопия;  
II, 146 — Эфиопия;  
II, 150 — Миридское озеро;  
II, 158 — Ливия;  
II, 161 — Ливия;  
III, 12 — ливийцы;  
III, 15 — язык эфиопов;  
III, 17–26 — эфиопы;  
III, 30 — лук царя эфиопов;  
III, 91 — ливийцы;  
III, 94 — азиатские эфиопы;  
III, 96 — Ливия;  
III, 97 — эфиопы;  
III, 101 — эфиопы;  
III, 114 — Эфиопия;  
III, 115 — Ливия;  
IV, 1 — Нигер-река;  
IV, 41–45 — части света, Ливия;  
IV, 50 — Нил;  
IV, 145 — Ливия;  
IV, 150–160 — Ливия;  
IV, 167–199 — Ливия, эфиопы [183.197];

IV, 203–205 — Ливия;  
V, 42–43 — Ливия;  
VII, 9 — эфиопы;  
VII, 18 — эфиопы;  
VII, 69–70 — эфиопы;  
VII, 90 — эфиопы;  
VII, 60–71 — Ливия;  
VI, 86 — Ливия;  
VII, 165 — ливияне;  
VII, 184 — ливияне;  
IX, 32 — эфиопы.

**ФУКИДИД (470–400 гг. до н.э.)**

По изданию: *Thucydidis Historiae libri VIII. ed. Haase. Graece et latine. Parisiis. A. Firmin Didot, 1878; также: Thucydidis Historiae. rec. C. Hude. Lipsiae, 1910.*

О Пелопонесской войне:

I, 104, 1–2 — ливийское восстание в Египте;  
I, 110, 1–3 — ливийцы в Египте;  
II, 48 — чума в Эфиопии и Ливии;  
VII, 50, 2 — гоплиты в Ливии.

**КСЕНОФОНТ (434–355 гг. до н.э.)**

По изданию: *Xenophontis opera omnia. recog. E. C. Marchant. Oxonii, vol. I–V, 1911.*

Анабасис

III, 2, 25 — лотофаги;  
V, 5, 18 — Ливия;  
VII, 8, 25 — Ливия.

Киропаидея

VI, 2, 8 — Ливия;  
VI, 2, 10 — Египет  
(также: VI, 3, 20; VII, 1, 29; VII, 1, 32; VII, 1, 34; VII, 1, 41; I, 1, 4; VIII, 6, 20)  
VIII, 6, 21 — Эфиопия;  
VIII, 8, 1 — Эфиопия.

Воспоминания о Сократе

I, 1, 10 — ливийцы.

**АНТИМАХ (V в. до н.э.)**

По изданию: *EGF; Hesiodi carmina. ed. Dübner. 1841.*

fr.56 — аргонавты в Ливии.

**АРИСТИПП КИРЕНСКИЙ (род. ок. 435 г. до н.э.)**

По изданию: *FGrH III B n. 759.*

fr.759 — Diog. Laert. 2, 83 — Ливия.

**ФИЛИСТ ИЗ НАВКРАТИСА (III–II вв. до н.э.)**

По изданию: *FGrH III C.*

fr.615 — Ливия (*Suda s.v. Φίλιστος*).

**ПЛАТОН (427–348 гг. до н.э.)**

По изданиям: *Platonis Dialogi, Post Fr. Hermannum recog. V. Wohlrab. vol. I–II. Lipsiae, 1908; Platonis Opera, Ex recensione Hirschis-Schneider-Dübner. Parisiis, A. Firmin Didot, 1880–1883.*

Critias

II, 251, 50 — Ливия.

Menexenus

I, 566, 20.

Timaeus

II, 202, 9 — Ливия;

II, 202, 20 — Ливия.

Eryxias

II, 585, 39 — эфиопы.

**ЭФОР (IV в. до н.э.)**

По изданию: *FGrH II A n.70.*

fr.30 (38) p.50 — a) Strabo I, 2, 28, b) Kosmas Indikopl., Topogr. Christ. II, p.148 (*Vigne Patro log. gr. 88, 117*);

fr.65 p.60 — Aetius Plac. IV, 1, 6 p.385a, 24 — Diels; fr.65 p.60 — Aristeid. or. XXXVI, 64 (II, 283, 23 — Keil);

fr.90 (149a) p.65 — Steph. Byz. s.v. Μύνδωνες;

fr.128 (38) p.80 — Strabo I, 2, 26;

fr.129 (40) p.80 — Skymn. orb. describ. 152;

fr.204 (132) p.102 — Diodor. XIV, 54, 4–6;

fr.206 (127) p.103 — Plut., Lysandr., 25;

fr.65 (108) p.59 — Ioann. Lyd. De mens, IV, 107 p. 142 II W.;

fr.172 (96a) p.93 — Plin. N.H. VI, 198.

**ЭСХИН (389–314 гг. до н.э.)**

По изданию: *Aeschini Socratici Dialogi tres rec. Fischerus. Lipsiae, 1786; также: Aeschinis Orationes. Post Fr. Fraukium curavit Fr. Blass, Teubner, Lipsiae, 1976–1889. vol. I–III. ed. IV.*

Περὶ πλούτου (II).

2, 24 — Эфиопия;

3, 3, 4 — ливийский ветер (также в изд.: *Epistolographi graeci. ed. Didot, P., 1873*).

**АРИСТОФАН (V–IV вв. до н.э.)**

По изданиям: *Aristophanis Comoedia et perditarum Fragmenta. Parisiis, A. Firmin Didot, 1838; Aristophanis Comoedias. ed. T. Bergk. Lipsiae, 1887–1892.*

Νεφέλαι

v. 272 — Нил.

Ὀρνιθες

v. 65 — ливийская птица;

v. 710 — Ливия;

v. 1136 — Ливия.

Θεσμοφοριάζουσαι

v. 855 — Нил.

**СХОЛИИ К АРИСТОФАНУ**

По изданию: *Scholia graeca. ed. Dübner. Paris, 1855.*

Ὀρνιθες

v. 65 — Ливия;

v. 122 — Ливия;

v. 533 — Ливия;

vv. 807–808 — Ливия;

v. 933 — Ливия;

v. 1467 — Ливия.

Ἰππῆς

v. 894 — Ливия;

v. 1189 — река в Ливии Тритон.

Πλοῦτος

v. 925 — Ливия.

**ФЕОПОМП ХИОССКИЙ (IV в. до н.э.)**

По изданию: *FGrH II B n.115.*

fr.122 (p.561) — Ливия а) Suda s.v. πόλις; б) Aelianus, V.H. III, 18;

fr.189 (206) (p.575) — Steph. Byz. — s.v. μερούσιον.

**ЭВДОКС (IV в. до н.э.)**

По изданию: *FGrH II B.*

fr. — а) Plin. N.H. VII, 2, 2, б) Plut. pl. ph. 4.1.

**АРИСТОТЕЛЬ (384–322 гг. до н.э.)**

По изданиям: *Aristotelis Opera omnia, Graece et latine. vol. I–IV. Parisiis, A. Firmin Didot, 1848–1857; vol. 1–5 (ed. J. Bekkeri). Berolini, 1831–1870.*

О мире

393b, 21–22 — Ливия (целиком = Африка);

394a, 1–2 — Ливия;

393b, 31 — Ливия.

#### Опровержение софистов

167a, 10–12 — внешность эфиопов.

#### Метеорология

I, 12;

I, 13, 21 — река Хремет и исток Нила начинаются в Аргиронских горах;

I, 13, 135b, 11 sqq.;

I, 249a, 4–9 — сезон дождей в Эфиопия;

I, 350b, 10–14 — истоки Нила;

I, 352b, 30–36 — Ливия;

I, 353a, 1 — Ливия;

I, 353a, 14–18 — разливы Нила;

II, 5;

II, 358b, 2–3 — ветры в Ливии;

II, 362b, 21–25 — протяжённость Африки;

II, 363b, 4–8 — южные ветры.

#### История животных

490a, 10–11 — змеи Ливии;

517a, 17–20 — эфиопы;

523a, 17–20 — эфиопы (полемика с Геродотом о цвете спермы эфиопов);

573b, 27–29 — эфиопские овцы;

597a, 4–9 — пигмеи, троглодиты;

606a, 5–7 — Ливийские животные;

606a, 18–20 — поющие лягушки, ливийские бараны;

616b, 3–6 — ливийский воробей;

607a, 21–23 — змеи Африки;

606b, 9–607a. 1 — животный мир;

I, 5 — змеи Эфиопии;

III, 9 — эфиопы (черны, но зубы белые, почти черны, курчавые);

III, 12 — молоко чёрных женщин белое;

VI, 19;

VII, 6.

#### О частях животных

697 — ливийский страус;

658 — ливийский страус;

695a, 17 — ливийский страус;

691a, 26 — крокодил.

#### О рождении животных

746b, 7–8 — о размножении животных в Ливии;

722b, 10–11 — ливийские животные;

736a — эфиопы;

749a, 4 — эфиопы;

749b, 17 — ливийский страус;

782b, 33 — курчавость эфиопов;  
II, 2 — сперма эфиопов белая, а не чёрная (Herodot III, 101);  
III, 12 — о семени эфиопов;  
I, 18, II, 2, V, 3 — эфиопы, животные Эфиопии.

#### Физиогномика

812a, 12–15 — трусость эфиопов;  
812b, 30–31 — трусость эфиопов.

#### О небе

II, 14 — Африка;  
II, 51 — Африка

#### О чудесных слухах

844a, 3–5 — в Ливии нет имени «Эритрея»;  
846a, 38 — виноград;  
846b, 2 — виноград;  
846b, 22–25 — животные Нила.

#### Проблемы

898b, 12–19 — причина белозубости эфиопов; 896a, 24–26 — овцы;  
906b, 17–19 — почва Ливии;  
909a, 27–31 — внешность эфиопов;  
933b, 33–40 — Ливия — подземные озёра;  
942a, 5–15 — ветры Ливии;  
945a, 35 — ветры Ливии;  
946a, 3 — ветры Ливии.

#### О растениях

820a, 3–5 — растения Ливии.

#### О ветрах

973b, 11–12 — ветер «Липс» — от имени «Ливии».

#### Экономика

1345a, 1–5 — ливийцы.

#### Политика

1290b, 4–5 — эфиопы;  
1262a, 19–21 — общность жён у ливийцев;  
II, 189.

#### Фрагменты Аристотеля

fr.99. 1494a, 20 — Ливия;  
fr.236. 1520b, 29–40 — Нил;  
fr.235. 1520a, 34-b, 35 — Нил;  
fr.238. 1520b, 33 — ветры Ливии;  
fr.321–323, 1532a, 40–42 — козы Ливии;  
fr.485, 1557a, 32-b, 12 — флора Сев. Ливии;  
fr.563, 1570b, 36–40 — насамоны.

**ФЕОФРАСТ (370–285 гг. до н.э.)**

По изданию: *Theophrasti Eresii Opera quae supersunt omnia. ed. F. Wimmer. vol. I–II. Lipsiae, 1854–1862.*

**Historia plantarum**

- II, 6, 2 — растительность Ливии;
- II, 10, 1 — эфиопская пальма;
- III, 1, 6, — растительность Кирены;
- IV, 3, 1 — лотос, шафран;
- IV, 3, 2–7 — Ливийская флора и фауна;
- IV, 6, 4 — морская флора за Геракловыми Столпами;
- IV, 7, 1 — моря за Геракловыми Столпами;
- IV, 8, 2 — флора Нила;
- VI, 33 — сильфий в Ливии;
- VIII, 10, 4 — черви, поедающие посевы Ливии;
- IX, 15, 2 — флора Эфиопии;
- IX, 1, 7 — ливийцы.

**De causis plantarum libri VI**

- I, 5, 1 — Ливия;
- III, 3, 3 — Эфиопия;
- III, 17, 2 — Ливия;
- III, 23, 4, — Ливия;
- V, 3 — Нил.

**Фрагменты**

- fr.148 — Нил;
- fr.159 — Нил.

**ПАЛЕФАТ (IV–III вв. до н.э.) /современник Александра Македонского/**

По изданиям: *Palaephata de incredilibus. ed. Fischerus. Lipsiae, 1786. Bibl. Teubner; FHG vol. II.*

- p.135, 5 — эфиопы;
- FHG II, 339, 2 — эфиопы.

**ТИМЕЙ (357–244 гг. до н.э.)**

По изданию: *FGrH t. III «B» n.297–607, n.566.*

- fr.19 (p.584) — Ливия — Polyb. XII, 3;
- fr.3 [=26] (p.592) — Ливия — Polyb. XII, 3, 7;
- fr.31 [=134] (p.509) — Ливия — Polyb. XII, 25, 7, XII, 26a.

**ДУРИД САМОССКИЙ (250 г. до н.э.)**

По изданию: *FGrH II A; также: FHG vol. II p.466 sqq.*

- fr.17 [=35] (p.143) — Phot., Suda (Schol. Aristoph. vesp. 1035);
- fr.16 [=34] (p.143) — Athen. XIV, 9, p.618 Bc.;
- fr.36 [=44] (p.149) — Schol. Lykophr. 848.

**ЛИК ИЗ РЕГИЯ (сер. IV в. до н.э.)**

По изданию: *FGrH III B*, n.297–607, n.570.

fr.12 [=13] (p.667) — Steph. Byz.;

fr.13 [=14] (p.667) — Antigonus, *Hist. mir.*, 60.

**АНДРОН ГАЛИКАРНАССКИЙ (IV в. до н.э.)**

По изданию: *FHG vol. II*.

fr.1 (p.349) — Ливия, этимология названия — Tzetzes *Lyc.* 893.

По изданию: *FGrH I A* n.1–63, 1957, n.10.

fr.7 (p.162) — Schol. Aeschyl. *Pers.* 188, Tzetz. *Lyk.* 894, 1283.

**СКИЛЛАКС (338 г. до н.э.)**

По изданию: *GGM vol. I*.

Перипл — опływ Ливии.

**АМОМЕТ (III в. до н.э.)**

По изданию: *FHG vol. II*.

fr.3 (p.396) — Ливия — Aelianus, *N.A.* XVII, 6.

Также *FGrH III C* n.608 A — 856, 1958 n.645 p.191 — fr.3 — Aelianus, *N.A.* XVII, 6.

**ДИНИЙ АРГОССКИЙ (III в. до н.э.)**

По изданию: *FHG vol. III*.

fr.4 (p.25) — Эфиопия, этимология имени — Agatharchides, *de mari Rubr.*, apud Phot. *Bibl. cod.* 250, p.443a, ed. Bekker.

**КАЛЛИМАХ (310–235 гг. до н.э.)**

По изданию: *Callimachi Fragmenta*, ed. Pfeifer, Berolini, 1928.

II, 85–87 — Ливиянки;

IV, 206–208 — Нил; E inc.10. 5–6 — ливийцы;

E, 100 fr.19 — эфиопы;

fr.126 — насамоны;

fr.417 — Эфиопия;

fr.Г 239 — животные Ливии.

**ФЕОКРИТ (III в. до н.э.)**

По изданиям: *Theocriti carmina*. ed. Ziegler. Lipsiae, 1879; *Two Theocritus Papyri*. ed. S. Hunt et D. Litt. Oxonii.

Идиллии

I, 21 — Ливия;

I, 24 — Ливия;

III, 5 — ливийские собаки;

V, 53 — эфиопы;

- VII, 113 — эфиопы;
- VII, 114 — Эфиопия;
- XVI, 77 — Ливия;
- XVII, 80 — Нил;
- XVII, 98 — Нил;
- XVII, 114 — Нил.

### СХОЛИИ К ФЕОКРИТУ

По изданию: *Scholia in Theocriti Idyllia. ed. Dübner. Parisiis, 1849.*

- I, 24 — Ливия;
- II, 39–40 — Ливия;
- III, 5 — Ливия;
- V, 53 — эфиопы;
- VII, 113 — Эфиопия;
- VII, 114 — Эфиопия;
- IX, 11 — африканский ветер;
- XVI, 77 — Ливия;
- XVII, 86 — эфиопы.

### АКЕСАНДР (III–II вв. до н.э.)

По изданию: *FGrH III B n.469.*

- fr.3 [=4] (p.424) — Schol. Apoll. Rhod. 4, 1561c;
- fr.4 [=5] (p.424) — Schol. Apoll. Rhod. 2, 498–527a;
- fr.5 [=6] (p.424) — Schol. Apoll. Rhod. 4, 1552a;
- fr.6 [=7] (p.425) — Schol. Pindar., Pyth. 4 inscr. b.;
- fr.7 [=1] (p.425) — Plutarchum Quest. conv. 5. 2 — p.675 A, B.

### АГРОЕТ (~ III в. до н.э.)

По изданию: *FGrH III n.762.*

- fr.1 (p.747) — Schol. Apoll. Rhod. 2, 498–527a;
- fr.2 [=1] (p.743) — Herodianus, s.v. λῆξι, p. II, 20;
- fr.3 [=3] (p.743) — a) Schol. Apoll. Rhod. 4, 1396.9a, b) Diodor. IV, 26, 2.;
- fr.4 [=6] (p.743) — Schol. Apoll. Rhod. 2, 1248–50a.

### ЛИКОФРОН (285–247 гг. до н.э.)

По изданиям: *Lycophronis «Alexandra». rec. E. Scheer. Berolini, 1881; Scholia Tzetzae in Lycophronem. ed. E. Scheer. Berolini, 1890.*

- v. 537 — эфиоп; vv. 890–894 — ливиец;
- vv. 1010–1020 — ливийский песок;
- vv. 1311–1316 — Ливия;
- v. 648 — Ливия.

Scholia

- v. 848 — Нил;
- v. 894 — Ливия;

- v. 895 — Ливия;
- v. 897 — Ливия;
- v. 648 — Ливия;
- v. 649 — Ливия;
- v. 1014 — Ливия;
- v. 1032 — ливийцы.

Tzetz

- v. 537 — эфиопы;
- v. 838 — Эфиопия;
- v. 104 — Ливия;
- vv. 648–649 — Ливия;
- v. 630 — Ливия;
- v. 879 — Ливия;
- v. 894 — Ливия;
- v. 1014 — Ливия;
- v. 1016 — Ливия;
- v. 1312 — Ливия;
- v. 1283 — Ливия;
- v. 818 sqq. — лотофаги;
- v. 119 — Нил;
- v. 576 — Нил;
- v. 847 — Нил.

### **АРИСТОКРЕОН (III в. до н.э. /время Гармиппа/)**

*По изданию: FGrH III C n.667.*

- fr.1 [=3] (p.279) — Plin. N.H. V, 59;
- fr.2 (p.279) — Plin. N.H. VI, 183;
- fr.3 [=1] (p.279) Plin. N.H. VI, 191;
- fr.4 [=2] (p.279) — a) Aelianus, N.A. VII, 40. b) Plutarchus, De comm. not., p. 1064 B.

### **БИОН ИЗ СОЛ (III в. до н.э.)**

*По изданию: FGrH III C n.608a-856, n.668.*

- fr.1 [=5] (p.280) — Schol. Act. Apost. 8.27 (Cramer A. O. III, 415);
- fr.2 [=4] (p.281) — Athen. 13, 20, p. 556c;
- fr.4 [=1] (p.281) — Plin. N.H. VI, 177;
- fr.5 [=2] (p.282) — Plin. N.H. VI, 180;
- fr.6 [=3] (p.282) — Plin. N.H. VI, 191.

### **ДЕМОСФЕН ВИФИНСКИЙ (III–II вв. до н.э.)**

*По изданию: FGrH III C, 1958, n.608a, 856, n.699.*

- fr.17 [=15] (p.554) — Steph. Byz. s.v. Χάλκεια.

**ДАЛИОН (ок. 300 г. до н.э.)**

По изданию: *FGrH III C, 1958, n.608a-856, n.666.*

- fr.1 (p.277) — Т Plin. N.H. VI, 183;
- fr.2 (p.278) — Т Plin. N.H. I, 6;
- fr.1 (p.278) — F Paradoxogr., Vatic.2;
- fr.3 (p.278) — F Plin. N.H. VI, 194 (Bion — fr. 6);
- fr.4 (p.279) — Plin. N.H. VII, 17.

**АПОЛЛОНИЙ РОДОССКИЙ (2-я половина III в. до н.э.)**

По изданию: *Apollonii Argonautica. ed. Merkel. Berolini, 1905.*

- А, 109 — Тритон;
- А, 79–85 — Ливия;
- В, 50–7 — Ливия;
- Г, 1190–91 — эфиопы;
- Д, 265–271 — Тритон;
- Д, 1223–1225 — Ливия;
- Д, 1230–1234 — Ливия;
- Д, 1307–1311 — Ливия;
- Д, 1320–1322 — Ливия;
- Д, 1475 — гараманты;
- Д, 1489–1499 — Ливия, гараманты;
- Д, 1379–1396 — Ливия, Тритон;
- Д, 1561 — Ливия;
- Д, 1596 — Тритон;
- Д, 1619 — Тритон;
- Д, 1750–51 — Тритон;
- Д, 1511 — Ливия;
- Д, 1537 — Тритон;
- Д, 1557–1559 — Ливия.

**СХОЛИИ К АПОЛЛОНИЮ РОДОССКОМУ**

По изданиям: *Scholia vetera. ed. Keil. Lipsiae, 1854; Scholia vetera. ed. C. Wendel. Lipsiae, 1935.*

- А, 85 — Ливия;
- А, 1207 — Фрид, город Ливии;
- А, 109 — Тритон;
- В, 965 — эфиопы;
- В, 965 — Эфиопия;
- В, 1248 — Ливия;
- В, 498 — Ливия;
- В, 509 — Ливия;
- Д, 251 — Ливия;
- Д, 259 — Нил;
- Д, 269 — Нил;
- Д, 1309 — Ливия;

D, 1311 — Ливия;  
D, 1322 — Ливия;  
D, 1396 — Ливия;  
D, 1494 — гараманты;  
D, 1515 — Ливия;  
D, 1552 — Ливия;  
D, 1561 — Ливия;  
D, 1569 — Ливия;  
D, 1620 — Тритон;  
D, 1750 — Тритон;  
D, 1764 — Ливия;  
Г, 1191 — эфиопы;  
D, 21 (p.493) — Ливия — аргонавты в Ливии.

### **АНТИГОН КАРИСТИЙСКИЙ (III в. до н.э.)**

*По изданию: Rerum Naturalium scriptores graeci minores. rec. Keller. Lipsiae, 1977.*

LX (65) — Ливия;  
C XII (121) — Ливия;  
C XLV (160) — Эфиопия.

### **ЭРАТОСФЕН (276–194 гг. до н.э.)**

см.: Страбон. География.

### **МЕНАНДР ЭФЕССКИЙ (II–I вв. до н.э.)**

*По изданию: FGrH III C, n. 783.*

fr.3 (p.792) — Joseph. Ant. Iud. 8, 324.

### **МНАСЕЙ (Ученик Эратосфена) (III–II вв. до н.э.)**

*По изданию: FHG vol. III.*

fr.38 (p.155) — Ливия;  
fr.39 (p.156) — Ливия;  
fr.40 (p.156) — Ливия.

### **ГЕРМИПП ПЕРИПАТЕТИК (около 220 г. до н.э.)**

*По изданию: FHG vol. III.*

fr.76 (p.53) — эфиопы;  
fr.77 (p.53) — Нил.

### **ГЕГЕСИАНАКТ (II в. до н.э.)**

*По изданию: FGrH III C, n. 763.*

fr.1 (p.754) — Plut. Parall. min. 23 B, 311 CD.

**ПОЛЕМОН ИЛИАНСКИЙ (II в. до н.э.)**

*По изданию: FHG vol. III.*

fr.12 (p.119) — Ливия — Schol. Aristid. Panath. p.188.3. vol. III. p.321 — ed. Dindorfius.

**ПТОЛЕМЕЙ II ЭВЕРГЕТ (146–117 гг. до н.э.)**

*По изданию: FGrH II B, n.234.*

fr.1 (p.983) — Athen. II, 84, p. 71 BC;

fr.7 [=7] (p.985) — Athen. VI, 16, p. 229 D.

**АГАТАРХИД КНИДСКИЙ (II в. до н.э.)**

*По изданию: FGrH II A, n.86.*

fr.1 (p.206) — III, 195, 14 — Diodor. III, 11;

fr.19 [=15] (p.7.211) — Diodor. I, 32–41. 3;

fr.21 [=20] (p.221) — a) Plin. N.H. VII, 14, b) Aelianus, N.A. XVI, 27.

**ПОЛИБИЙ (200–120 гг. до н.э.)**

*По изданию: Polybii Historiae. ed. Theodorus Büttner-Wobst. Lipsiae, 1899–1904.*

I, 3 — Ливия;

I, 19, 2–3 — нумидийская конница;

VI, 52, 10 — ливийцы уступчивы;

VII, 19 — массилы, племя Ливии;

X, 3, 5 — Тихей, нумидиец;

XII, 1–3 — Ливия, почва, животные;

XII, 25.7 — деление земли на три части Тимеем;

XII, 26.2 — жители Ливии;

XIV, 1, 4 — нравы нумидийцев;

XIV, 1, 10 — нумидийский царь;

XIV, 2, 7, 10, 11 — нумидийцы;

XIV, 1 — нумидийцы;

XIV, 7, 14–15 — нумидийцы;

XIV, 23, 6 — нумидийцы;

XIV, 28 — нумидийцы;

XIV, 42, 6–5 — нумидийцы;

XIV, 42, 7–9 — нумидийцы;

XIV, 42, 8–14 — нумидийцы;

XIV, 42, 92 — нумидийцы;

XV, 11, 1–2 — мавры;

XV, 12, 2 — мавры;

XXIV, 24, 6 — расстояние между Ливией и Европой;

XVI, 29, 12 — нет сношений между народами Ливии и Европой;

XXXIV, 15, 1–6 — объезд Полибием Африки, длина Африки, храмы Мавретании;

XXXIV, 7, 8 — сравнение Европы, Азии и Ливии;

XXXIV, 2, 16 — Ливия;

- XXXIV, 15, 6 — Ливия;  
XXXVI, 16 — Нумидия, Ливия;  
XXXVII, 10 — Нумидия;  
XXXVII, 14 — одежда нумидийцев;  
XXVIII, 1, 9 — мавры — союзники Карфагена.

### ДИОНИСИЙ (Scytobrachion) (II в. до н.э.)

По изданию: *FGrH I A*, п.34.

- fr.7 (p.231) — Diodor. III, 52, 1;  
fr.8 (p.239) — Diodor. III, 66, 2;  
fr.8 — Diodor. III, 67, 5, III, 70, 4, III, 71, 3, III, 72, 4, III, 73, 1.

### РИАН (II в. до н.э.)

По изданию: *FGrH III A*, п.265.

- fr.2a (p.65) — Атланты, народ Ливии — Steph. Byz. s.v. Ἀτλαντες.

### СИМОНИД МЛАДШИЙ (II-I вв. до н.э.)

По изданию: *FGrH III C*, п.669.

- fr.1 — Эфиопия — Plin. N.H. II, 183;  
fr.2 — Эфиопия — Plin. N.H. I, 6.

### АПОЛЛОДОР (2-я пол. II в. до н.э.)

По изданию: *Scriptores poeticae historiae graeci. ed. Westermann; также в изд.: Mythographi graeci. ed. Wagner. Lipsiae, 1894.*

- Βιβλιοθήκη  
II, 1 (p.36) — Ливия, Эфиопия;  
II, 1 (p.37–38) — Ливия, Эфиопия;  
II, 4 (p.44) — эфиопы;  
III, 1 (p.76) — Ливия;  
III, 12 (p.107) — Эфиопия;  
III, 14 (p.119) — эфиопы.

Фрагменты. по *Myth. graeci (Epitoma)*:

- fr.5.3 (p.203) — эфиопы.

по *FGrH II B*, п.295:

- fr.157 [=159–160] (p.1089) — Strabo XII, 3. 26, Tzetz. Chil. VII, 760, Strabo I, 2, 24;  
fr.292 [=130] (p.1116) — Steph. Byz. s.v. Αὐτομάλακα;  
fr.293 [=132] (p.1116) — Steph. Byz. s.v. Δαμαῖοι;  
fr.299 [=143] (p.1116) — Steph. Byz. s.v. Φλωτέρα;  
fr.325 [=106] (p.1119) — Steph. Byz. s.v. Ἀβυλλοι;  
fr.326 [=108] (p.1119) — Steph. Byz. s.v. Αὐγίλα;  
fr.327 [=109a] (p.1119) — Steph. Byz. s.v. Αὐσχίται;  
fr.328 [=113a] (p.1119) — Steph. Byz. s.v. Μασσύλοι;  
fr.330 [=115] (p.1119) — Steph. Byz. s.v. Νοῦβαι.

**ДИОНИСИЙ МИТИЛЕНСКИЙ (I в. до н.э.)**

По изданию: *FHG vol. II.*

fr.9 (p.9) — Schol. Apoll. Rhod. II, 965.

**ДИНОН (I в. до н.э.)**

По изданию: *FHG vol. II:*

fr.2 (p.98) — Steph. Byz.;

fr.4 (p.98) — Steph. Byz.

По изданию: *FGrH III C n.690:*

fr.22[=2] (p.530) — Aelianus, N.A. XVII, 10;

fr.23 [=15.16] (p.530) — Athen. 2, 74, p. 67 AB, Plut. Alex. 36, 4.

**АЛЕКСАНДР ПОЛИГИСТОР (I в. до н.э.)**

По изданию: *FGrH III A n.273.*

fr.32 [=118] (p.104) — Steph. Byz. Λίξα;

fr.33 [=119] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Ἀρσινόη;

fr.34 [=120] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Αὐτομάλακα;

fr.35 [=121] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Ἀφάκη;

fr.36 [=122] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Γάργη;

fr.37 [=123] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Γίλδα;

fr.38 [=124] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Δράκοντος;

fr.39 [=125] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Ζάγυστις;

fr.40 [=126] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Κορακόνησος;

fr.41 [=127] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Κυνών νήσος;

fr.42 [=128] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Μάγνα;

fr.43 [=129] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Ξιλία;

fr.44 [=130] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Σκυθόπολις;

fr.45 [=131] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Χαλκεΐα;

fr.46 [=132] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Χερρόνησος;

fr.47 [=132a] (p.104) — Steph. Byz. s.v. Χερρόνησος;

fr.102 [=7] (p.120) — Ioseph. A. Iud., 239–242;

fr.115 [=133] (p.122) — Steph. Byz. s.v. Ἀνητοῦσσα;

fr.116 [=31] (p.122) — Steph. Byz. s.v. Γάδειρα;

fr.120 [=134] (p.122) — Steph. Byz. s.v. Θύνη;

fr.124 [=117] (p.123) — Steph. Byz. s.v. Λιβύη;

fr.125 [=41] (p.123) — Steph. Byz. s.v. Λίβυσσα;

fr.130 [=111] (p.123) — Steph. Byz. s.v. Μέμνονες;

fr.142 [=135] (p.125) — Schol. Apoll. Rhod. 4, 1515;

fr.1 [=104] (p.97) — Steph. Byz. s.v. Εὐωνυμίται;

fr.3 [=106] (p.97) — Steph. Byz. s.v. Ναπάται;

fr.4 [=107] (p.97) — Steph. Byz. s.v. Ὀμβροι.

**ПОСИДОНИЙ /АПАМЕЙСКИЙ/ (128–45 гг. до н.э.)**

По изданию: *FGrH II A n.87.*

fr.5 (p.222) — Strabo III, 2, 5;

- fr.28 [=68] (p.235–239) — Strabo II, 2, 1–2, 4–7;  
fr.46 [=100] (p.253) — Strabo III, 2, 5;  
fr.53 [=96] (p.256) — Strabo III, 5, 5;  
fr.73 [=86] (p.267) — Strabo XVII, 3, 4;  
fr.78 [=72] (p.269) — Cleomed. De mot. circ. I, 6, p.56, 27 — Ziegler;  
fr.79 [=74] (p.270) — Strabo XVII, 1, 5;  
fr.80 [=73] (p.271) — Strabo XVII, 3, 10;  
fr.105 [=85–86] (p.284) — Strabo a) I, 2, 34, b) XVI, 4, 27;  
fr.114 (p.310) — Diodor. II, 50, 4; II, 53, 3;  
fr.120 (p.311) — Manilius IV, 725–730;  
fr.122 (p.314) — Plin. N.H. II, 189–190;  
fr.123 (p.315) — Vitruv. VIII, 3, 8.

### СОКРАТ РОДОССКИЙ (I в. до н.э.)

По изданию: *FGrH II B n.192.*

- fr.1 (p.927) — III, 326, 1 — Atheneus IV, 29, p. 147E–148B.

### НИКОЛАЙ ДАМАССКИЙ (~64 г. до н.э.)

По изданию: *FGrH II B n.90.*

- fr.50 [=52] (p.352) — Exc. De insid., p. 17, 11;  
fr.103т [=142] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2;  
fr.103п [=133] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2;  
fr.103о [=134] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2;  
fr.103р [=135] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2;  
fr.103 [=136] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2;  
fr.103 [=137] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2;  
fr.103 [=138] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2;  
fr.103 [=139] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2;  
fr.103 [=140] (p.385) — Ioann. Stob. Anth. IV, 2.

### АНДРОМАХ (I в. н.э. — врач Нерона)

По изданию: *Physici et medici graeci minores, ed. Ideler, 1841.*

- p.139 — 25–26;  
p.40 — 140.

### АНОНИМ /СКИМН ХИОССКИЙ/ (нач. I в. до н.э.)

По изданию: *GGM vol. I.*

Землеописание

- vv. 139–143 — Ливия и Европа;  
vv. 157–158 — Эфиопия;  
vv. 170–173 — Эфиопия;  
vv. 178–183 — Эфиопия.

**ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ (80–29 гг. до н.э.)**

*По изданию: Diodori bibliotheca Histor. ed. Vögel. Lipsiae, 1888.*

- I, 10, 1 — Нил;
- I, 12, 6 — Нил;
- I, 17, 3 — Эфиопия, Ливия;
- I, 18, 3–6 — Эфиопия;
- I, 19, 1–5 — Нил;
- I, 22, 3 — Эфиопия;
- I, 30, 2–3 — Ливия, троглодиты;
- I, 32–41 — течение Нила;
- I, 44, 2 — эфиопы в Египте;
- I, 55, 1 — эфиопы;
- I, 60, 2–10 — царь эфиоп в Египте;
- I, 63, 1 — Нил;
- I, 65, 2 — эфиоп;
- II, 14, 4 — Эфиопия;
- I, 15, 1 — Эфиопия;
- I, 22, 2 — эфиопский войска;
- II, 53, 5 — финикийские пальмы;
- II, 55–60 — острова Блаженных;
- III — вся книга об Эфиопии и других областях Ливии;
- IV, 17, 4–5 — Геракл в Ливии;
- IV, 18, 1–2 — Ливия;
- IV, 18, 4 — Ливия;
- IV, 26, 2 — Ливия;
- IV, 27, 3 — эфиоп;
- IV, 56, 6 — Ливия;
- V, 12, 4 — Ливия;
- V, 16, 1 — о-в Питиусса;
- V, 19, 1 — острова;
- V, 21, 1 — Ливия;
- V, 20, 1 — острова;
- V, 20, 3 — острова;
- V, 69, 1 — Нил;
- VIII, 29, 1 — Эфиопия;
- X, 13, 3–X, 14 — Эфиопия, Ливия;
- XII, 80, 2–3 — мавры, нумидийцы;
- XVII, 50, 2 — эфиопы, кочевники;
- XI, 20, 4 — Ливия;
- XI, 25 — Ливия;
- XIII, 54 — Ливия;
- XIII, 79, 8 — Ливия;
- XVI, 51, 2 — эфиопы;
- XVII, 113, 2 — ливийцы;
- XX, 12, 7 — ливийцы;
- XX, 18, 3 — ливийский царь;

XX, 55, 3–4 — племена Ливии;  
XX, 57, 3–58 — горы Ливии;  
XX, 75, 5 — Нил;  
XXXIV–XXXV — Югурта;  
XXXI — Югурта;  
XXXIX — Бокх — царь нумидийцев.

### ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ (конец I в. до н.э.)

По изданию: *Dionysius Halicarnassensis. ed. Reiske. Lipsiae, 1774.*  
vol. II, 14 — p.237.

### ДИОНИСИЙ ПЕРИЭГЕТ

(время жизни неизвестно: при Августе, Домициане или Септимии Севере; родом из Византии, Ливии, Александрии, Харака?)

По изданию: *GGM vol. II.*

Περιήγησις οἰκουμένης

### ДИДИМ ХАЛКЕНТЕР (I в. до н.э.)

По изданию: *Didymi Chalcenteri grammatici fragmenta. coll. M. Schmidt. Lipsiae, 1865.*  
p.123 — В. 744 — написание слова Эфиопия.

Ὑπομνήματα Πινδάρου  
p.226 — 26 — Pyth. E76, p.381 — Ливия;  
p.228 — Pyth. Θ207, p.409 — Ливия.

Opuscula ad historiam fabularum  
p.361. 3 — Ливия.

### ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (1-я пол. I в. н.э.)

По изданию: *Philonis Alexandrini Opera. ed. Cohn. Berolini, 1896. vol. I–III.*

Legum allegor., lib. I [vol. I]  
p.83 — 11–16 — эфиопы;  
p.77 — 9–10 — эфиопы;  
p.78–79 — эфиопы.

lib. II [vol. I]  
p.103 — 14–23 — эфиопы.

Quod deus sit immutabilis [vol. II]  
p.92 — 17–18 — эфиопы.

De somniis — lib. II [vol. III]  
p.267 — 15–17 — Ливия.

De vita Mosis — lib. I [vol. III]  
IV, p.143 — эфиопы;  
VI, 128, 24 — Ливия;

- VI, 128, 13 — Эфиопия;  
 VI, 116, 10 — Ливия;  
 VI, 148, 7 — Ливия;  
 VI, 207, 15 — Ливия.

### ДИОСКОРИД (I в. н.э.)

По изданию: *Medicorum Graecorum Opera. ed. Kühn. Berolini, 1829. vol. 25; также: De materia medica. libri V. ed. Spindel. 1829.*

- I, 1; I, 53; I, 77; II, 11, 57, 152, 157, 158, 166, 170, 192, 200, 204, 209, 214; III, 21, 46, 52, 60, 64–66, 73, 84–85, 88, 106, 109, 121, 127, 144, 145, 146; IV, 14, 30, 36, 50, 52, 58, 66, 70, 71, 72, 99, 103, 110, 122, 126, 152, 157, 176; V, 109, 118, 122, 125.

В указанных местах упоминаются растения Ливии и Эфиопии.

### ИОСИФ ФЛАВИЙ (I в. н.э.)

По изданию: *Flavii Iosephi opera omnia. rec. B. Niese. vol. I–VI. Berolini, 1888.*

Иудейские древности

- I, 39 — река Геон;  
 I, 131–138 — эфиопы;  
 II, 282 — эфиопы;  
 VII, 355 — река Геон;  
 VIII, 181 — эфиопы;  
 VIII, 159 — эфиопы;  
 VIII, 160 — эфиопы;  
 VIII, 175 — эфиопы;  
 VIII, 181 — эфиопы;  
 VIII, 254 — эфиопы;  
 VIII, 262 — эфиопы;  
 VIII, 292–293 sqq. — эфиопы;  
 VIII, 324 — Ливия;  
 X, 1, 4 — эфиопы;  
 X, 1, 17 — эфиопы;  
 X, 122 — эфиопы;  
 X, 227 — Ливия;  
 XI, 33 — эфиопы;  
 XI, 186 — эфиопы;  
 XI, 216 — эфиопы;  
 XI, 272 — эфиопы;  
 XII, 414 — Ливия;  
 XVII, 350 — ливийцы;  
 XVII, 349 — ливийцы.

Иудейская война

- II, 381 — племена Ливии;  
 II, 385 — племена Ливии;  
 II, 382 — племена Ливии;

III, 107 — Ливия;  
IV, 608 — эфиопы;  
IV, 611 — Нил;  
IV, 659 — Нил;  
VII, 439 — Ливия.

Против Аппиона  
I, 169 — эфиопы;  
I, 246 — эфиопы;  
I, 248 — эфиопы;  
I, 251 — эфиопы;  
I, 263 — эфиопы;  
I, 266 — эфиопы;  
I, 277 — эфиопы;  
I, 292 — эфиопы;  
I, 297 — эфиопы;  
I, 300 — эфиопы;  
I, 170 — эфиопы.

### ПЛУТАРХ (I в. н.э.)

По изданию: *Vitae parallelae. ed. Sintenis. Lipsiae, 1884. vol. I–V.*

Марий  
XLI — мавры;  
XL — нумидийцы;  
XXVII — номады.

Сулла.  
III — Бокх — царь номадов.

Катон  
XXVII — Ливия;  
XXVI — номады;  
X — номады.

Фабий Максим  
XIX — нумидийцы;  
XXVI — номады.

Тимолеон  
XXVIII — номады.

Марцелл  
XII — номады;  
XXX — номады.

Тит  
XX — Ливия.

Пирр

XXIII — Ливийское море.

Серторий

V — острова Блаженных;

VII — маврусии;

VIII — Ливия;

IX — маврусии;

XXVII — маврусии.

Александр

XXXVI, 4 — Ливия;

LXVIII — Ливия.

Помпей.

XI — номады.

Цезарь

LII — номады;

LIII — номады;

LV — номады.

Лисандр

XXV — Ливия.

Антоний

XI — царь Бокх;

XXVII — Клеопатра и эфиопский язык, троглодиты;

LXXXVII — Ливия.

Moralia

1. De invidia et odio:

VIII, 125, 5–7 — эфиопы.

2. Symposiaca lib. VI:

VIII, 760, 2–4 — эфиопы.

3. De Iside et Osiride:

II, 476, 7 — Нил;

II, 475, 5 — Нил;

II, 483, 13 — Эфиопия.

4. De facie et orbe Lunae:

V, 411, 6 — эфиопы;

V, 455, 25 — троглодиты.

5. De sera numinis vindicta:

III, 454, 21 — эфиопы;

III, 430, 7 — Ливия;

III, 443, 14 — Ливия.

## 6. De fortuna aut vindicta:

II, 432, 3 — эфиопы.

## 7. Amatorius:

IV, 407, 1 — Эфиопия.

## 8. De Herodoti malignitate:

V, 233, 28 — Эфиопия;

V, 215, 12 — Ливия;

## 9. De placitis philosophorum:

V, 331, lib. 4, A — Нил, Эфиопия;

V, 372, lib. 5 — Эфиопия.

## 10. De communibus notitiis:

VI, 298, 11 — Ливия.

## 11. Coniugalia praecepta:

I, 349, 34 — Ливия.

## 12. Regum et imperatorum apophthegmata:

II, 87, 4 — Ливия;

II, 89, 11 — Ливия;

II, 91, 9 — Ливия;

II, 95, 13 — Ливия;

II, 232, 25 — Ливия;

II, 233, 26 — Ливия.

## 13. Aetia Romana:

II, 263, 23 — Ливия;

II, 265, 25 — Ливия;

II, 282, 50 — Ливия.

## 14. De fortuna Romanorum:

II, 402, 11 — номады;

II, 407, 13 — Ливия.

## 15. Apud Delphos:

III, 4, 3 — Ливия.

## 16. De Pythiae oraculis:

III, 56, 22 — Ливия;

III, 64, 27 — Ливия.

## 17. De defectu oraculorum:

III, 70, 2 — троглодиты.

## 18. Questionum convivalium:

IV, 56, 4 — Ливия — lib. III;

IV, 5, 1 — Ливия — lib. V;

IV, 338 — Нил — lib. VIII.

19. De primo frigido:

V, 489, 16 — Ливия.

20. De sollertia animalium:

VI, 24, 6 — номады, троглодиты;

VI, 32, 10 — Ливия;

VI, 52, 21 — Ливия.

21. De fluviis (по GGM vol. II):

p.654 fr. XVI — Нил.

### **СТРАБОН (ок. 63 г. до н.э. – 23 г. н.э.)**

Перевод Г.А. Стратановского — последний русский полный перевод Географии Страбона, удовлетворяющий требованиям точности.

*По изданию: Strabonis Geographica. rec. A. Meineke. Lipsiae, 1877.*

I, 1, 3 — Ливия и Эфиопия у Гомера;

I, 1, 5 — о-ва Блаженных у Гомера;

I, 1, 6; I, 1, 10 — представление о земле по Гомеру;

I, 1, 13 — где живут эфиопы;

I, 1, 16 — упоминание о Ливии;

I, 1, 17 — эфиопы у Гомера;

I, 2, 3 — эфиопы;

I, 2, 10 — эфиопы;

I, 2, 17 — эфиопы;

I, 2, 20 — эфиопы;

I, 2, 22, 23 — Гомер о Ниле;

I, 2, 24 — эфиопы у Гомера;

I, 2, 25, 26 — древние географы о Ливии, Эфиопии, Ниле;

I, 3, 21–22 — эфиопы;

I, 4, 1, 2; I, 5, 6, 7, 8, II, 1, 2 — Эратосфен о Ливии;

II, 1, 3, 5, 9, 12, 14, 20, 32 — География Эратосфена и Гиппарха — Ливия;

II, 2, 2 — Посидоний о делении земли на пояса, эфиопы;

II, 3, 4, 5, 7, 8 — плавание вокруг Ливии, глубинная Африка;

II, 4, 1, 3, 5, 6, 7 — расстояние между Европой и Ливией. Нил — граница Эфиопии;

II, 5, 7 — экватор;

II, 5, 8 — расстояние от Европы до Ливии;

II, 5, 12 — Эфиопия;

II, 5, 15 — Ливия, эфиопы;

II, 5, 18, 19–20 — заливы;

II, 5, 26 — Нил, Ливия;

II, 5, 33 — обитатели миров, ихтиофаги, длина дня;

II, 5, 36 — Мероэ;

I, 5, 38 — мавры;

III, 1, 4 — западный мыс;

III, 1, 7, 8 — маврусии;

III, 2, 14 — финикийцы завладели Ливией;

- III, 2, 5–6 — Ливия;  
III, 3, 3 — эфиопы;  
III, 4, 3 — лотофаги;  
III, 5, 5 — Геракловы Столпы;  
III, 5, 7 — Эфиопия;  
VI, 2, 4, 9 — Нил;  
V, 2, 8 — Ливия;  
VII, 3, 6 — Гомер о Ниле;  
VII, 3, 7 — Гесиод об эфиопах;  
VII, 4 — Ливия;  
XV, 1, 1 — Ливия;  
XV, 1, 16 — Непарх о названиях Нила;  
XV, 1, 13 — сравнение индийских животных с эфиопскими;  
XV, 1, 18 — наводнение в Эфиопии;  
XV, 1, 19 — сходство и различие между Эфиопией и Индией;  
XV, 1, 23 — вода Нила;  
XV, 1, 22 — сравнение Индии и Эфиопии;  
XV, 1, 24 — почему у эфиопов выются волосы;  
XV, 1, 25 — полноводие Нила;  
XV, 1, 26 — троглодиты, ихтиофаги;  
XVI, 4, 4 — троглодиты и ихтиофаги около Аравии;  
XVI, 4, 7 — ихтиофаги около Аравии;  
XVI, 4, 27 — эфиопы у Гомера;  
XVII, 1, 2–3 — течение Нила;  
XVII, 1, 4 — Нил;  
XVII, 1, 5 — наводнения Нила;  
XVII, 1, 33 — эфиопский чёрный камень;  
XVII, 1, 37 — разлитие Нила;  
XVII, 1, 54 — вооружение эфиопов, г. Напата, царица Кандака;  
XVII, 2, 5 — эфиопы;  
XVII, 3 — племена Ливии;  
XVII, 23 — граница Ливии и Эфиопии;  
XVII, 24 — побережье Ливии.

**КСЕНОКРАТ (I в.)**

По изданию: *Physici et medici Graeci minores. Berolini, 1841.*

T.36 — Нил;

По изданию: *Poetarum philosophorum fragmenta. ed. Diels. Berolini, 1901.*

fr.16 — эфиопы.

**ЮБА МАВРЕТАНСКИЙ (II в. н.э.)**

По изданию: *FGrH III A n.275.*

fr.1 /III, 465/ (p.127) — Suda s.v. Τόβας;

fr.2 (p.127) — а) Plut. Caes 55, 2 b) Arrianus BC 2.418;

fr.4 (p.128) — Strabo VI, 42 p.288;

- fr.7 (p.128) — Ioseph. Al 17, 349 (= BJ 2, 114);  
 fr.8 (p.128) — a) Iac. A. 4, 4. 3 b) Iac. A. 4, 23, 1;  
 fr.9 (p.128) — Minuc. Felix Octav. 21. 9 (Isidor. Et. VIII, 11, 1);  
 fr.10 (p.128) — Plut. Sert. 9, 8;  
 fr.11 (p.128) — Ellias in Aristot. Categ. 28a. 23 (cAr Gr 18, 1, 128);  
 fr.12 (p.128) — a) Athen. 3. 25 p. 836 b) Plin. N.H. V, 16 c) Avien. Or. m 275–83;  
 fr.13 (p.128) a) Cass. Dio. 51, 15, 6 b) Plut. Anton. 87, 2;  
 fr.14 (p.129) — Plin. N.H. I, 5–6; I, 8, 10, 12–13, 273; I, 14–15; I, 25–26; I, 28; I, 31–32; I, 33; I, 36; I, 37;  
 fr.15 (p.130) — Phot. Bibl. 161. p. 103a, 18, 104b, 26;  
 fr.1 [=44] (p.130) — Plin. N.H. VI, 136;  
 fr.2 [=51] (p.131) — Plin. N.H. XII, 56 — Solin. 33, 8;  
 fr.3 [=46] (p.131) — Plin. N.H. XXXII, 10.

#### Об Ассирии

- fr.4 [=21] (p.131) — Tatianus, 36 (Clem. Al. Strom. 1, 122, 2, Euseb. PE 10, 11, 8–9);  
 fr.«ΓΦΡ» 5 [=23] (p.132) — Plut. Parall. Min. 23, p. 311, Bc;  
 fr.6 [=24] (p.132) — Athen. 3, 25, p. 83 A-C;  
 fr.7 [=27] (p.132) — Plin. N.H. XXV, 77;  
 fr.8 [=27] (p.133) — a) Galenus — Περί συνθ. φαρμακ. t. I (XIII, 271k), b) Dioscur. Mat. med. 3, 82 (II, 98 Wellm.).

#### Римская история

- fr.28 [=39] (p.136) — Plin. N.H. VI, 96–99;  
 fr.29 [=39] (p.137) — Plin. N.H. VI, 124;  
 fr.30–33 [=45, 40] (p.137) — Plin. N.H. VI, 149;  
 fr.34 [=41] (p.137) — Plin. N.H. VI, 165;  
 fr.35 [=42] (p.137) — Plin. N.H. VI, 175 (171–174);  
 fr.36 [=42] (p.137) — Plin. N.H. VI, 176;  
 fr.37 [=42] (p.137) — Plin. N.H. VI, 178;  
 fr.38 [=29] (p.137) — a) Plin. N.H. V, 51, b) Ammian Marcell. 22, 15;  
 fr.39 [=43] (p.137) — Plin. N.H. V, 59;  
 fr.40–41 [=48] (p.137) — Plin. N.H. XXXI, 18;  
 fr.42 [=26] (p.137) — Plin. N.H. VI, 201;  
 fr.44 [=28] (p.137) — Plin. N.H. VI, 202;  
 fr.45 [=90] (p.137) — Hesych.;  
 fr.46 [=91] (p.137) — a) Plin. N.H. VIII, 7, b) Philostrat. Vit. Apoll. II, 13 (I, 54, 26k);  
 fr.48 [=37] — Schol. 5, 88;  
 fr.49 [=30] — Aelianus, N.A. IX, 58;  
 fr.50 [=34] — Philostrat. Vit. Apoll. II, 13 (I, 54, 18k);  
 fr.51 [=32–33] — a) Plut. de soll. an. 17, p. 972 B, b) Plut. de soll. 25, p. 977 DE Philostrat. Vit. Apoll. II, 16 (I, 59, 11);  
 fr.53 [=32] — a) Plut. de soll. an. 17, p.972 BC (F 510), b) Aelianus, N.A. VII, 44 — Juba;  
 fr.54 [=31] — Plin. N.H. VIII, 13–15;  
 fr.55 [=30] — Aelianus, N.A. XXIII;  
 fr.56 — Solinus coll. 27, 15;

- fr.57 [=49] — Plin. N.H. VIII, 107;  
fr.58 [=47] — Plin. N.H. VIII, 35;  
fr.59 [=22] — Plin. N.H. VIII, 155;  
fr.60 [=68] — Plin. N.H. X, 126;  
fr.61 [=69] — Plin. Geopon. 15, 2, 21;  
fr.62 [=58] — Plin. N.H. XII, 38;  
fr.63 — Plin. N.H. XII, 60;  
fr.64 [=50] — Plin. N.H. XII, 67;  
fr.65 [=52] — Plin. N.H. XII, 78;  
fr.66 [=53] — Plin. N.H. XIII, 34;  
fr.67 [=56] — Plin. N.H. XIII, 142;  
fr.68 [=55] — Plin. N.H. XV, 99;  
fr.69 [=57] — Plin. N.H. XXV, 14.

#### Камни и металлы

- fr.70 [=66] — Aelianus, N.A. XV, 8;  
fr.71 [=67] — Plin. N.H. IX, 115;  
fr.72 [=59] — Plin. N.H. XXXIII, 118;  
fr.73 [=61] — Plin. N.H. XXXVI, 163;  
fr.74 [=60] — Plin. N.H. XXXV, 39;  
fr.75 [=64] — Plin. N.H. XXXV, 107;  
fr.76 [=62] — Plin. N.H. XXXVII, 24;  
fr.77 [=63] — Plin. N.H. XXXVII, 73;  
fr.79 [=65] — Plin. N.H. XXXVII, 114.

#### История культуры

- fr.80 [=81] — Athenaeus I, 26, p.15a;  
fr.81 [=79] — Athenaeus 4, 79, p.176, 177a;  
fr.82 [=80] — Athenaeus 4, 80, p.182e;  
fr.83 [=77] — Athenaeus 4, 81, p.183c;  
fr.84 [=77] — Athenaeus 4, 81, p.183cd;  
fr.85 [=78] — Athenaeus I, 56 (Hesych. s.v. βλίτορι) Et. M. 201;  
fr.86 [=82] — Athenaeus 14, 80, p.660e-661d;  
fr.87 [=20] — Athenaeus 6, 15, p.229c;  
fr.88 [=7] — Plut. Numa 7, 10;  
fr.90 [=5] — Plut. Rom. 15, 4;  
fr.91 [=12] — Plut. Aet. Rom. 4, p.264 CD;  
fr.92 [=13] — Plut. Aet. Rom. 59, p.278 E;  
fr.93 [=14] — Plut. Aet. Rom. 78, p.282 DE;  
fr.94 [=11] — Plut. Aet. Rom. 89, p.285 P;  
fr.95 [=10] — Plut. Aet. Rom. 24, p. 269 BC;  
fr.96 [=9] — Aethenaeus 3, 53, p. 98 B;  
fr.97 [=87] — Et. M. 277.37 (Stesimbrot. 107 F 13);  
fr.98 [=88] — Hesych. s.v. βρίγες;  
fr.99 [=89] — Hesych.; fr.100 [=38] — Hesych.;  
fr.101 [=390] — Solin. Coll. 52, 19;  
fr.102 [=391] — Schol Nicandr. Ther. 715;

fr.103 [=68] — Fulgent. Myth. 2, 1, p. 40, 21 Helm.;

fr.104 [=83] — Athenaeus 8, 31, p. 343 EF.

### **ДИОН ХРИСОСТОМ (40/50 гг. — после 112 г.)**

*По изданию: Dionis Chrysostomi orationes. ed. Bude. Parisiis, 1916–1919. vol. I–II.*

- III, 37 — Ливия;
- IV, 49 — части мира;
- IV, 73 — ливийский миф;
- V — ливийский миф;
- IX, 5 — Ливия;
- XXI, 14 — эфиоп;
- XI, 50 — эфиопы;
- XI, 114 — эфиопы;
- XXV, 7 — Ливия;
- XXXI, 113 — Ливия;
- XXXII, 38, 41 — истоки Нила;
- XXXII, 40 — эфиопы;
- XXXIII, 23–24 — Нил;
- XXXIII, 47 — Ливия;
- XLVII, 4 — Ливия;
- XLVII, 24 — Ливия;
- LXIV, 15 — Ливия;
- LXXII, 3 — насамоны;
- LXXII, 6 — обычаи насамонов;
- LXXIX, 3 — эфиопы, золото эфиопов.

### **ГАЛЕН (II в.)**

*По изданию: Medicorum graecorum opera. ed. Kühn. Berolini, 1821. sqq., vol. I–XIX.*

1. De sectis ad eos qui introducuntur  
гл. VII — Эфиопия.
2. De temperamentis  
p.268 — II, 6 — эфиопы;  
p.616 — II, 4 — эфиопы;
3. De historia philosophica, vol. XIX.  
гл. XXXIX — Эфиопия (p.344–345);  
гл. XXIII — Нил, эфиопы (p.300 sqq.).
4. De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus, vol. XI.  
II, 20 — эфиопы — p.514 sq.
5. De usu partium corporis humani — vol. III.  
XI, 14 — эфиопы — p.910 sqq.
6. Acripta introductio seu medicus — vol. XIV.  
гл. XIII — эфиопы.

7. Hippocrati de humoribus liber — vol. XVI.

гл. XIII — африканский ветер, p.406–409, 396 sq.

8. Simplicium medicamentorum temperamentis et facultatibus, vol. XII.

гл. VII — растения Ливии.

9. Hippocrati Aphorismi et Galeni in eos commentarii, vol. XVII B.

гл. XIV — Ливия — p.597 sqq.

Описание Нила см.:

vol. XII p.765–766;

vol. XI p.389–390;

vol. XIII p.181, 239;

vol. XIV p.163.

### АРТЕМИДОР (II в.)

По изданию: *Artemidori Daldiani Onirocriticon. rec. Hecheri. Lipsiae, 1864.*

IV, 38 — цвет кожи эфиопов.

### АРРИАН (95–175 гг.)

По изданию: *GGM vol. I.*

1. Аноним (приписывается Арриану)

«Плавание вокруг Эритрейского моря».

2. Anabasis (Поход Александра)

(Anabasis. ed. C. Abicht. Lipsiae, 1886).

5, 4, 4 — эфиопы;

6, 1, 4 — эфиопы;

7, 1, 2 — эфиопы;

7, 15, 4 — эфиопы;

3, 30, 9 — Ливия;

3, 3, 1 — Ливия;

3, 5, 4 — Ливия;

3, 6, 1 — Нил;

5, 26, 2 — Ливия;

5, 18, 7 — Ливия;

7, 1, 2 — Ливия.

3. (издание: *Arriani Nicomediensis scripta minora. ed. R. Herscher. iterum recogn. A. Eberhard. Lipsiae, 1885).*

India

4, 13–14 — Нил;

6, 6–9 — эфиопы;

25, 8 — Мероэ;

26, 2 — ихтиофаги;

29, 7 — ихтиофаги;

28, 7 — ихтиофаги;

- 31, 8 — ихтиофаги Индии;
- 32, 1 — ихтиофаги;
- 33, 3 — ихтиофаги.

#### 4. Ганнон (приписывается Арриану)

##### Перипл

- 43, 11 — путешествие Ганнона.

#### 5. Tactica

- 1, 1 — Ливия;
- 2, 2 — эфиопы;
- 19, 6 — эфиопские слоны.

#### 6. Synegeticus

- 1, 4 — лошади Ливии;
- 24, 1 — Ливия;
- 24, 3 — Ливия.

### АППИАН (II в.)

По изданию: *Appiani historia Romana. ed. Mendelson. vol. I-II. Berolini, 1879-81.*

- p.3 n.1 — о народах Ливии, подчинённых Риму
- p.9 — завоевание Ливии.

#### Сицилийская история

- p.51 n.1 — Ливия;
- p.58 n.3 — Ливия.

#### Иберийская история

- p.2-5, 14, 15, 18, 19, 20, 27, 28, 29, 37, 67 — выборочно. Ливийцы против иберийцев.
- p.28, 30, 34, 40, 43, 44, 45, 47, 50, 55, 57, 59 — выборочно. Ливия.

#### Ливийская история

- p.9, 10 — нумидийцы;
- p.12 — нумидийцы;
- p.22, 23 — нумидийцы;
- p.24 — нумидийцы;
- p.26 sqq. — Массанисса;
- p.40 — мавры;
- p.41 — Нумидия;
- p.42-43 — Нумидия;
- p.71 — эфиопы.

Из всех глав Ливийской истории выборочно сведения о нумидийцах, маврах, Ливии.

#### Нумидийская история

- p.324-326 — Нумидия.

## Иллирийская история

п.4 — нумидийцы, мавретанцы.

## Сирийская история

п.11 — Ливия — р.380;

п.31 — Слоны в Ливии — р.402.

## Война с Митридатом

р.954 п.16 — Ливия;

р.535 п.95 — Ливия.

## Гражданская война

I, 42–50 — мавры;

I, 77 — Нумидия;

I, 80 — Нумидия;

II, 45 — Нумидия;

II, 44–46 — мавры, Юба;

II, 83 — Юба;

II, 95 — Юба;

II, 96 — мавры;

II, 100 — Юба;

II, 101 — Юба;

IV, 53 — Нумидия;

IV, 54 — Нумидия — афр. цари;

V, 26 — Бокх;

V, 98 — нумидийцы;

V, 113 — нумидийцы.

**ЭЛИЙ АРИСТИД (II в.)**

По изданию: *Aelii Aristidis Smyrnaei quae supersunt opera omnia. ed. B. Kell. vol. II. Berolini, 1898.*

LX (41) — насамоны;

XXVI (14). 82 — Эфиопия;

XXVII (48), pass. — Египет;

XXXVI, 58–61 — Эфиопия, Ливия;

XXXVI, 63 — Эфиопия;

XXXVI, 64 — Ливия;

XXXVI, 65 — Ливия;

XXXVI, 80–85 — Эфиопия;

XXXVI, 66 — Мероэ;

XXXVI, 55–58 — Эфиопия;

XXXVI, 50–51 — Элефантина;

XXXVI, 47–48 — эфиопы;

XXXVI, 42 — эфиопы;

XXXVI, 31 — Эфиопия;

XXXVI, 13 — Эфиопия;

XXXVI — речь о Ниле — выборочно;

XL, 3 — Эфиопия.

**ЛУКИАН (род. ок. 125 г.)**

По изданию: *Luciani Samosatensis opera. rec. F. Jacobius. Lipsiae, 1894. sqq., vol. I–III.*

1. Харон  
13 (509) — Эфиопия.
2. О жертвоприношениях  
2 (526) — эфиопы.
3. Гермотим  
5 (745) — пигмеи;  
31 (772) — эфиопы;  
35 (777) — эфиопы.
4. Разговоры мёртвых  
12. 3 — упоминание о Ливии;  
14 — Ливия и Эфиопия.
5. Любитель лжи  
7 (36) — Ливия;  
20 (48) — Ливия.
6. О доме  
22 (203) — Эфиопия.
7. О жажде  
Ливия, гараманты.
8. Как нужно писать историю  
31 (42) — мавры;  
28 (36) — Мавретания.
9. О плясках  
4 (268) — лотофаги;  
18–19 (278–279) — эфиопы;  
44 (294) — Эфиопия.
10. Об астрологии  
3 (361) — 10 (364) — эфиопы, ливийцы.
11. Прометей  
17. — эфиопы.

**ПАВСАНИЙ (II в.)**

По изданию: *Pausaniae Graeciae descriptio. ed. Hitzig-Bluemner. vol. I–III. Lipsiae, 1896.*

- I, 7, 2 — ливийцы;
- I, 12, 4 — пигмеи;
- I, 6, 5 — ливийцы;
- I, 18, 9 — ливийские каменоломни;
- I, 33, 3–6 — ливийские племена;

I, 42, 3 — Мемнон;  
I, 44, 3 — Ливия;  
II, 21, 5–6 — ливийская пустыня;  
II, 5, 3 — Нил;  
II, 13, 8 — Ливия;  
II, 28, 1 — Ливия;  
III, 14, 4 — ливийцы;  
III, 17, 3 — ливийцы;  
III, 18, 3 — ливийцы;  
IV, 23, 10 — ливийцы;  
IV, 26, 2 — ливийцы;  
IV, 34, 2 — Нильская фауна;  
V, 7, 4 — Нил;  
V, 12, 1–3 — эфиопы;  
V, 14, 3 — флора Нила;  
V, 15, 11 — ливийцы;  
V, 25, 5 — ливийцы;  
VI, 8, 3 — ливийцы;  
VI, 26.1 — эфиопы;  
VI, 26, 9 — эфиопы;  
VII, 11, 11 — ливийцы;  
VIII, 11, 11 — ливийцы;  
VIII, 24, 12 — город Пасофик;  
VIII, 26, 6 — река Тритон;  
VIII, 38, 6 — эфиопы;  
VIII, 43, 3 — мавры;  
IX, 16, 1 — ливийцы;  
IX, 21, 2 — носороги у эфиопов;  
IX, 21, 6 — ливийские животные;  
IX, 40, 6 — Нил;  
IX, 33, 7 — Тритон;  
X, 12, 1 — ливийцы;  
X, 17, 2 — ливийцы;  
X, 17, 7 — ливийцы;  
X, 31, 7 — эфиопы.

**МОСХ (II в.)**

По изданию: *Poetae bucolici et didactici. ed. Dübner et Lehrs. Paris, 1846–51.*

II, 39, 40 — Ливия;  
II, 51–53 — Нил.

**АНТОНИН ЛИБЕРАЛ (II в.)**

По изданию: *Antonini Liberalis transformationum congeries. ed. Koch. Lipsiae, 1832.*  
cap. XVI — пигмен.

**ЭЛИЙ ГЕРОДИАН, грамматик (II в. н.э.)**

*По изданию: Herodiani technici reliquiae. coll. A. Lentz. Lipsiae, 1867–1870.*

Vol. I — Περί καθολικῆς προσηδίας

lib. α'

- p.17, 19 — город Эфиопии;
- p.23, 15 — царь эфиопов;
- p.24, 21 — народ Ливии;
- p.32, 23 — народ Ливии;
- p.33, 16 — народ Эфиопии;
- p.34, 18 — город Ливии;
- p.36, 14 — Тритон;
- p.39, 13 — Тритон.

lib. β'

- p.42, 13 — народ Ливии;
- p.42, 16 — народ Эфиопии;
- p.43, 18 — Ливия;
- p.45, 24 — народ Ливии;
- p.54, 14 — народ Ливии;
- p.55, 2 — народ Ливии;
- p.55, 25 — гараманты;
- p.58, 2 — народ Ливии;
- p.58, 19 — остров Эфиопии;
- p.58, 30 — Ливия;
- p.59, 4–5 — Эфиопия.

lib. γ'

- p.60, 8 — народ Ливии;
- p.62, 21 — город Ливии;
- p.63, 15 — город Ливии;
- p.64, 30 — река Нигер;
- p.67, 27 — лотофаги;
- p.67, 28 — народ Ливии;
- p.70, 6 — народ Ливии;
- p.70, 9 — город Ливии;
- p.76, 15 — народ Ливии;
- p.76, 29 — Эфиопия;
- p.78, 24 — народ Ливии.

lib. δ'

- p.84, 13 — Эфиопия;
- p.84, 37 — Эфиопия;
- p.88, 2 — город Ливии;
- p.90, 10 — город Ливии;
- p.90, 36 — город Ливии;
- p.91, 24 — город Ливии;

p.92, 25 — Ливия;  
p.92, 29 — город Ливии;  
p.92, 36 — город Ливии;  
p.93, 5 — город Эфиопии;  
p.93, 26 — город Ливии;  
p.95, 10 — остров Ливии;  
p.97, 27 — город Ливии;  
p.96, 18 — Тритон;  
p.98, 10 — Эфиопия;  
p.100, 8 — город Ливии;  
p.102, 2 — троглодиты;  
p.103, 23 — Ливия;  
p.104, 6 — город Ливии;  
p.104, 9 — город Ливии;  
p.104, 15 — область Ливии;  
p.105, 4 — город Ливии;  
p.107, 15 — город Эфиопии.

lib. ε'

p.118, 9 — Эфиопия;  
p.119, 29 — Ливия;  
p.121, 12 — Ливия, Мавретания;  
p.121, 16 — ливийцы;  
p.121, 36 — Ливия;  
p.123, 14 — ливийцы;  
p.133, 11 — пигмеи;  
p.136, 20 — Ливия, Гекатей.

lib. ζ'

p.138, 15 — город Египта у Ливии;  
p.139, 19 — троглодиты;  
p.151, 4 — город Ливии;  
p.152, 18 — Ливийская равнина;  
p.153, 16 — прилагательное «ливийский»;  
p.155, 12 — Ливия;  
p.165, 23 — народ Ливии.

lib. ζ'

p.184, 9 — ливийский народ;  
p.186, 14 — народ и река Ливии.

lib. η'

p.190, 4 — остров Ливии;  
p.193, 9 — мавры;  
p.204, 8 — Ливия;  
p.211, 38 — город Ливии;  
p.212, 9 — город Ливии;  
p.217, 2 — остров Ливии;

p.218, 1 — река Эфиопии;  
p.222, 8 — город Ливии;  
p.226, 30 — город Ливии.

lib. ι'

p.235, 23 — Ливия;  
p.236, 3 — ливийцы;  
p.236, 9 — ливийцы;  
p.237, 7 — ливиец;  
p.237, 24 — Гекатей, Ливия;  
p.239, 21 — Ливия;  
p.240, 20 — Эфиопия;  
p.241, 37 — ливийцы;  
p.242, 13 — город Ливии;  
p.244, 1 — эфиопы;  
p.246, 8 — остров Ливии;  
p.246, 20 — эфиопы.

lib. ια'

p.249, 14 — остров Ливии;  
p.251, 14 — город Ливии;  
p.252, 18 — город Ливии;  
p.252, 30 — город Ливии;  
p.254, 16 — гора Эфиопии;  
p.254, 35 — город Ливии;  
p.256, 13 — Ливия;  
p.260, 10 — троглодиты;  
p.263, 17 — город Ливии;  
p.264, 3 — город Ливии;  
p.264, 11 — остров Ливии;  
p.265, 22 — город Ливии;  
p.265, 32 — город Ливии;  
p.265, 33 — город Ливии;  
p.268, 15 — город Ливии;  
p.268, 23 sq. — Αἰθιοπίσσαι и др. прилагательные.  
p.268, 26 — ливийская — форма прилагательного.  
p.270, 9 — Гекатей;  
p.270, 12 — остров Ливии;  
p.270, 17 — Ливия;  
p.270, 21 — Ливия;  
p.271, 8 — город Ливии;  
p.271, 14 — город Ливии;  
p.272, 16 — город Ливии;  
p.275, 17 — Эфиопия;  
p.276, 21 — Ливия;  
p.278, 19 — город Ливии;  
p.279, 8 — остров Ливии;

р.282, 33 — залив в Эфиопии;  
р.283, 8 — Ливия;  
р.287, 16 — Эфиопия;  
р.288, 5 — Ливия;  
р.289, 11 — город Ливии;  
р.289, 21 — область Ливии;  
р.293, 34 — город Ливии;  
р.294, 23 — остров Эфиопии;  
р.295, 16 — Ливия — Аммон;  
р.295, 20 — город Ливии;  
р.298, 34 — Геракл в Ливии;  
р.302, 10 — город Ливии.

lib. ιβ'

р.306, 9 — остров Ливии;  
р.306, 10 — Мероз;  
р.306, 29 — Ливия;  
р.307, 2 — Эфиопия, Ливия;  
р.307, 11 — город Ливии;  
р.309, 32 — город Ливии;  
р.312, 22 — город Ливии;  
р.314, 5 — город Ливии;  
р.314, 15 — город Ливии;  
р.315, 7 — город Ливии;  
р.316, 29 — город Ливии;  
р.316, 33 — Ливия;  
р.317, 16 — город Ливии;  
р.322, 16 — город Ливии;  
р.324, 9 — пигмеи;  
р.326, 13 — город Ливии;  
р.327, 5 — Гекатей;  
р.328, 16 — гора Эфиопии;  
р.331, 29 — Эфиопия;  
р.335, 11 — город Ливии;  
р.342, 26 — город Ливии;  
р.343, 26 — город Ливии;  
р.345, 2 — Эфиопия;  
р.346, 8 — Ливия;  
р.348, 7 — Ливия;  
р.348, 9 — Эфиопия.

lib. ιγ'

р.349, 4 — ливиец;  
р.352, 30 — местность Ливии;  
р.360, 5 — город Ливии;  
р.364, 13 — город Ливии;  
р.365, 7 — эфиопы;

p.367, 20 — Мероэ;  
 p.367, 26 — город Ливии;  
 p.371, 15 — город Ливии;  
 p.379, 31 — город Ливии;  
 p.380, 13 — город Ливии;  
 p.381, 34 — Эфиопия;  
 p.383.28 — город Ливии;  
 p.388.3 — Ливия;  
 p.389, 19 — город Ливии;  
 p.389, 29 — местность Ливии.

lib. ιδ'

p.396, 27 — река Мавретании;  
 p.397, 5 — город Ливии;  
 p.401, 22 — народ Ливии.

Vol. II

Περὶ κυρίων καὶ ἐπιθέτων καὶ προσηγορικῶν

p.181, 20 — мавр;  
 p.190, 12 — город Ливии;  
 p.191, 10 — Эфиопия;  
 p.231, 3 — Эфиопия;  
 p.261, 10 — ливиец;  
 p.295, 5 — «ливийский»;  
 p.368, 13 — город Ливии;  
 p.433, 27 — река Тритон;  
 p.466, 1–2 — народ Ливии;  
 p.469, 2 — город Ливии;  
 p.474, 30 — Ливия, Аммон;  
 p.485, 91 — народ Ливии;  
 p.538, 96 — город Ливии;  
 p.540, 4 — гора в Ливии;  
 p.541, 13 — прилагательное «ливийский»;  
 p.542, 21 — остров Ливии;  
 p.547, 23 — номады;  
 p.547, 33 — народ Ливии.

Περὶ ὀνομάτων

p.653, 27 — формы имени «гарамант»;  
 p.741, 34 — λιβοφοῖνιξ;  
 p.744, 29 — эфиоп.

Περὶ ῥήματος καθολικῶς

p.855, 25 — формы слова «эфиоп»;  
 p.864, 34 — Ливия;  
 p.865, 38 — город Ливии;  
 p.866, 14 — город Ливии;

- p.866, 25 — город Ливии;  
p.867, 21 — город Ливии;  
p.867, 30 — город Ливии;  
p.872, 19 — город Ливии;  
p.872, 34 — город Ливии;  
p.880, 9 — Ливия;  
p.882, 17 — Ливия;  
p.886, 3 — город Ливии;  
p.886, 10 — город Ливии;  
p.892, 4 — город Эфиопии;  
p.894, 18 — местность Ливии;  
p.894, 26 — Ливия.

### ОППИАН (II в.)

По изданию: *Poetae bucolici et didactici. ed. Dübner et Lehrs. Parisiis, 1864. vol. I.*

1. De venatione  
I, 170 — Африка, мавретанские кони;  
I, 291–299 — ливийские кони;  
I, 302 — ливийские кони;  
II, 143 — из Ливии течёт река Египет;  
II, 251–265 — дикие лошади Ливии;  
II, 524 — Ливия;  
III, 35–65 — львы;  
III, 412 — Нил;  
IV, 147–168 — яд у эфиопов;  
IV, 320–326 — безводность Африки;  
IV, 241 — Мероэ;  
IV, 44 sq. — Ливия;  
IV, 79 — Ливия;  
IV, 335 — Ливия.

2. De piscatione  
I, 619–630 — пигмеи;  
V, 453 — Ливия;  
III, 678 — Ливия.

3. De aucupio  
I, 6 — эфиопы;  
I, 27 — эфиопы.

Схолии (по тому же изданию)

- К «De venatione»  
I, 289 — Ливия;  
I, 301–303 — Ливия;  
III, 412 — Нил;  
IV, 48 — Ливия.

**ПТОЛЕМЕЙ (II в.)**

По изданию: *Ptolemaei Geographiae libri octo. ed. F. Wilberg. Lipsiae, 1838–1845.*

- I, 7 — Эфиопия;
- I, 8 — Эфиопия, гараманты;
- I, 9 — эфиопы;
- I, 10 — эфиопы;
- I, 15 — эфиопы;
- IV, 1–5 — деление Ливии на части, описание частей Африки;
- IV, 6.5 — ливийские племена;
- IV, 6, 6 — названия ливийских племён;
- IV, 6, 13–14 — ливийские города;
- IV, 7, 9–10 — ливийские города;
- IV, 7, 25 — ливийские племена;
- IV, 7, 31 — ливийские племена;
- IV, 7, 39 — ливийские племена;
- VII, 3, 1 — Ливия;
- VII, 26 — Ливия;
- VII, 32 — Ливия;
- VII, 35 — Ливия;
- VIII, 15, 4 — область Пентаполис.

**ЮЛИЙ ПОЛИДЕВК (конец II в.)**

По изданию: *Iulii Pollucis Onomasticon. ed. Bekkerus. Berolini, 1846.*

- I, 138 — у эфиопов каменные орудия вместо железных;
- I, 141 — ливийцы сражаются на колесницах;
- II, 43 — ливийское племя длинноголовых;
- IV, 60 — ливийский музыкальный инструмент;
- IV, 74 — ливийцы изобрели флейту;
- IV, 205 — болезни эфиопов;
- VI, 73 — эфиопский хлеб;
- VI, 82 — ливийские фрукты;
- VII, 100 — ливийский камень;
- VII, 156 — ливийское копье;
- IX, 85 — война греков с ливийцами.

**МЕНЕКЛ ИЗ БАРКИ (II в.)**

По изданию: *FGrH III A n.270.*

- fr.6 [=1] (p.83) — Schol. Pindari Pyth. IV, 10a;
- fr.5 [=2] (p.83) — Anonym. De mul. 10, p. 216, West. (s. Müller, FHG, vol. IV);
- fr.7 (p.450) — Athenaeus IX, p. 390 B.

**НИКАНДР (II в.)**

По изданию: *Poetae bucolici et didactici. ed. Dübner et Lehrs. Paris, 1851–1864.*

## 1. Alexipharmaca

v. 100 — Кефей;

v. 368 — Ливия;

v. 244 — номады.

## 2. Theriaca

v. 172–181 — эфиопы;

v. 764 — эфиопы.

## 3. --- \* ---

fr. XIX — Ливия.

Схолии (в том же издании)

## 1. К «Alexipharmaca»

v. 244 — Ливия;

v. 368 — Ливия.

## 2. К «Theriaca»

vv. 172–176 — эфиопы;

v. 490 — Ливия;

v. 764 — эфиопы;

v. 817 — Ливия;

v. 911 — Ливия.

**АЛЕКСАНДР АФРОДИСИЙСКИЙ (II–III вв.)***По изданию: Physici et medici graeci minores. ed. Ideler. Berolini, 1841.*

I, 7, 36–37 — эфиопы;

I, 79, 10–25 — эфиопы;

II, 6, 2–9 — эфиопы.

**МАКСИМ ТИРСКИЙ (III в., жил при императоре Коммоде)***По изданию: Maximī Tyrii Philosophumena. ed. H. Hobein. Lipsiae, 1910.*

I, 2 — лотофаги;

II, 7a-d — Ливия;

VII, 4a — эфиопы;

XIII, 9e — эфиопы;

XXIII, 9e — эфиопы;

XXIII, 7 — Ливия;

XXIII, 5b-e — Ливия, Нил;

XXIV, 4b-d — Ливия;

XXX, 2 — лотофаги;

XXXI, 7 — Нил;

XXXIV, 3 — Нил;

XXXV, 5 — Ливия;

XXXIX, 3 — лотофаги.

**АЛКИФРОН (II в.)**

По изданию: *Epistolographi graeci. ed. Didot, Parisiis, 1873.*

II, 3 (p.64) — Нил.

**КЛЕМЕНТ (II–III вв.)**

По изданию: *Clementis opera. ed. Dindorfius. vol. I–IV, 1869.*

Παῖδαυωγός

III, 2, 4 — из Эфиопии вывозят пёстрый мрамор.

Stromatum

I, 16, 75 — ливиец Атлас изобрёл корабль;

I, 16, 76 — троглодиты изобрели музыкальный инструмент;

VII, 4, 22 — чёрная кожа эфиопов.

**КЛАВДИЙ ЭЛИАН (II–III вв.)**

По изданию: *Aeliani de natura animalium, varia historia, epistolae et fragmenta. ed. Herscher. Berolini, 1864–1866.*

1. De natura animalium

I, 57 — Ливия;

II, 1 — перелёты журавлей;

II, 7 — мул;

II, 11 — слоны;

II, 21 — Эфиопия;

II, 38 — Эфиопия;

II, 48 — вороны;

III, 1 — львы;

III, 2 — лошади;

III, 13 — журавли;

III, 31 — львы;

III, 33 — змея;

III, 36 — Ливия;

IV, 2 — Ливия;

V, 2 — Ливия;

V, 23 — крокодилы;

V, 27 — эфиопы;

V, 51 — эфиопы;

V, 52 — змеи;

V, 53 — змеи, гиппопотамы;

V, 54 — фауна Мавретании;

VI, 10 — племена Эфиопии;

VI, 23 — ливийцы, скорпионы;

VI, 38 — змеи;

VI, 56 — слоны;

VII, 2 — слоны;

VII, 5 — животные Ливии;

VII, 23 — маврусии;  
VII, 40 — собака — царь эфиопов;  
VII, 44 — эфиопы;  
VII, 48 — Ливия;  
VIII, 13 — племя эфиопов;  
IX, 44 — змеи;  
IX, 58 — Эфиопия;  
X, 19 — Элефантина;  
X, 25 — эфиопы;  
X, 36 — лебеди;  
X, 43 — рыбы;  
X, 45 — собаки;  
X, 46 — рыбы;  
X, 50 — Ливия;  
XI, 21 — раковины Эритрейского моря;  
XII, 16 — ослы;  
XII, 26 — устрицы;  
XII, 27 — животные Эритрейского моря;  
XIII, 10 — мавры, пантеры;  
XIV, 5 — слоны;  
XIV, 6 — мавры;  
XIV, 10 — слоны;  
XIV, 11 — быки;  
XIV, 14 — Ливия;  
XIV, 16 — слоны;  
XIV, 17 — черепахи;  
XIV, 19 — озёра Ливии;  
XV, 8 — ихтиофаги;  
XV, 26 — Ливия;  
XV, 29 — пигмеи;  
XVI, 17–18 — о-в Тапробала;  
XV, 28 — ливиец;  
XVI, 27 — Ливия;  
XVI, 32 — ливийцы;  
XVI, 33 — эфиопы;  
XVII, 3 — троглодиты, змеи;  
XVII, 6 — Ливия;  
XVII, 10 — Ливия, Эфиопия;  
XVII, 27 — номады;  
XVII, 45 — быки.

## 2. Varia historia

I, 3 — Нил;  
I, 15 — Ливия;  
III, 18 — Ливия;  
IV, 17 — Нил;  
XII, 55 — ливийцы.

## 3. Epistolae

Φαιδρίας Σθένωνι

p.158, 20 — ливийцы.

## 4. Fragmenta

fr.139 — номады;

fr.344 — ливийцы.

**ДИОН КАССИЙ (150–237 гг.)**

По изданию: *Dionis Cassii Cocceiani historia romana. rec. J. Melber. vol. I–III. Lipsiae, 1890.*

XXXVIII, 7 — нумидийцы;

XXXVIII, 38 — африканцы;

XXXVIII, 40 — африканцы;

XXXIV, 38 — ливийцы;

XLIII, 1 — нумидийцы;

XLIII, 9 — номады;

XLIII, 12 — мавретанцы;

XLVIII, 21–23 — Нумидия;

XLVIII, 28 — Ливия;

LI, 15, 5 — бегство Цезариона в Эфиопию;

LIII, 12, 4 — Нумидия;

LIII, 14, 1 — Африка;

LIII, 27, 6 — Африка;

LIV, 5, 4–6 — эфиопы;

LIV, 26, 1 — Ливия;

LX, 7, 3 — ливийские звери в Риме.

Fragmenta ἐκ τῶν πρὸ τοῦ Λς’

fr.43, 3 — Ливия;

fr.43, 12 — ливийцы;

fr.43, 21 — ливийцы;

fr.43, 23 — ливийцы;

fr.43, 25 — Ливия;

fr.43, 32 — город в Ливии;

fr.43, 37 — Ливия.

Dio Xiphilinus (по изданию: Dindorfius. 1863–65) vol. 5

p.72, 10 — Ливия;

p.91, 10 — эфиопы;

p.111, 9 — ливийские хищники в Риме.

**ХАРАКС ПЕРГАМСКИЙ (II–III вв.)**

По изданию: *FGrH II A n.103.*

fr.42 [=54] (p.491) — Steph. Byz. s.v. Ἀζιλις.

**АЗИНИЙ КВАДРАТ (жил между 160–230 гг.)**

По изданию: *FGrH II A n.97.*

fr.6 [=2] (p.448) — Steph. Byz. s.v. Μαυρούσιοι.

**СОТИОН (II–III вв.)**

По изданиям: *FGrH* и *Scriptores rerum mirabilium Graeci, ed. Westermann.*

p.185 — 23–26 — Эфиопия;

p.186 — 7–8 — эфиоп.

**ИППОЛИТ (II–III вв.)**

По изданию: *S. Hippolyti Episcopi Martyris. ed. Duncker et F. Schneidewin. Göttingen, 1859.*

p.22 — 23 — Нил;

p.62 — 88 — эфиоп;

p.172 — 92 — река Геон;

p.222 — 22 — река Геон;

p.534 — 75 — происхождение эфиопов;

p.544 — 21 — эфиопы и ливийцы.

**АФИНЕЙ (конец II – III вв.)**

По изданию: *Athenaei Naucratis Dipnosophistarum libri XV. rec. Kaibel. Lipsiae, 1887–1890.*

I, 7, а-с — ливийские креветки;

I, 15a — Ливия;

I, 33с — Нил;

I, 41 — Нил;

II, 42a — вода Нила;

II, 45с — вода Нила;

II, 64b — ливийский лук;

II, 66d — перец;

II, 67a, b — Ливия;

II, 68b — Нил;

III, 121b — крабы;

III, 83b — Ливия;

III, 110e — эфиопский хлеб;

IV, 147–148b — Эфиопия;

IV, 167d — эфиоп;

IV, 182e — ливийские брёвна;

IV, 183 — Ливия;

V, 203с — Нил;

V, 201a, b, c — животный мир Ливии;

VI, 229d — Ливия;

VII, 309d — крабы;

VII, 311f — Нил;

VII, 312a, b — Нил;

VIII, 356a — крабы;  
 IX, 397d — птицы;  
 IX, 390b, d — Ливия, пигмеи Индии;  
 IX, 388d — ливийская птица;  
 X, 470b — эфиопы;  
 XI, 462a, b — ливийцы, номады;  
 XIV, 633f — троглодиты;  
 XIV, 651 — гранат;  
 XIV, 618b, c — ливийская флейта;  
 XIV, 628 — Ливия;  
 XIV, 651b — ливийская флора;  
 XIV, 660e-661d — Ливия;  
 XV, 677c — мавретанский лев;  
 XV, 680b — эфиопы в Трое;  
 XIII, 566c — бессмертные эфиопы.

### **СЕРВИЛИЙ ДАМОКРАТ (III в.?)**

*По изданию: Poetae bucolici et didactici. ed. Dübner, Lehrs. Parisiis, 1846–1864.*

vv. 18 sqq. — Эфиопия;  
 vv. 39 sqq. — троглодиты;  
 vv. 119–129 — растения Эфиопии.

### **ФИЛОСТРАТ (конец II — начало III в.)**

*По изданию: Philostratorum et Callistrati opera. rec. Westermann. Paris, 1849.*

1. De Tyanensi Apollonio  
 I, 18–19 — Нил, Эфиопия;  
 II, 13 — Ливия;  
 II, 18, 2 — Эфиопия;  
 III, 11 — Эфиопия;  
 III, 20, 1 — эфиопы;  
 III, 47, 5 — пигмеи;  
 III, 49 — Нил;  
 IV, 34, 3 — Ливия;  
 IV, 40, 4 — Эфиопия;  
 V, 1 — Ливия;  
 V, 37, 3 — Эфиопия;  
 VI, 3–9 — Эфиопия;  
 VI, 22–26 — Эфиопия.

#### **2. Vitae sophistarum**

I, 1 — Эфиопия;  
 I, 22, 7 — Нил;

#### **3. Heroicus**

I, 4, 6 — Мероэ;  
 I, 11, 4 — Ливия, пигмеи;

V, 43–VI, 2 — Эфиопия;  
VI, 4 — Эфиопия;  
VI, 11 — Эфиопия;  
VI, 12 — Эфиопия;  
VI, 16 — Эфиопия;  
VI, 17 — Эфиопия;  
VI, 22–23 — Эфиопия, Нил;  
VI, 26 — Эфиопия;  
VI, 27 — Эфиопия;  
VI, 28 — Эфиопия;  
VI, 24 — насамоны;  
VI, 25 — эфиопы, пигмеи.

#### 4. Imagines

I, 4, 2 — Ливия, Эфиопия, Нил;  
I, 5 — Ливия, Эфиопия;  
I, 7 — Эфиопия;  
I, 24, 1 — Ливия, Нил;  
I, 29, 2–3 — Эфиопия, Ливия;  
II, 21, 1 — Эфиопия;  
II, 22 — пигмеи.

### КАЛЛИСТРАТ (II–III вв.)

По изданию: *Philostratorum et Callistrati opera. rec. Westermann. Paris, 1849.*

1, 4 — Эфиопия;  
3, 1 — статус Мемнона.

### ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ (III в.)

По изданию: *Diogenis Laertii de clarorum philosophorum vitis. ed. Cobet. Parisiis, 1862.*

II, 83 — Ливия;  
IX, 35 — Ливия;  
IX, 49 — Ливия.

### ОРИГЕН (III в.)

По изданию: *Origenis Philosophumena. ed. Müller. Oxonii, 1851.*

р.42 — эфиопы;  
р.96 — ливийцы;  
р.120 — река Геон;  
р.152 — река Геон;  
р.161–162 — Ливия;  
р.333 — происхождение эфиопов и ливийцев;  
р.338 — ливийцы и эфиопы.

**ДЕКСИПП (III в.)**

По изданию: *HGM vol. I–II.*

Vol. I.

fr.7 (p.672) — Мавретания.

**ГЕРОДИАН-ИСТОРИК (ок. 165–240 гг.)**

По изданию: *Herodiani ab excessu Divi Marci libri octo, ab Immanuele Bekkero recogn. Lipsiae, 1855.*

- I, 15, 2 — мавры;
- I, 15, 5 — Эфиопия;
- II, 9, 2 — о ливийском происхождении императора Севера;
- II, 11, 10 — использование слонов в войске;
- III, 3, 4–5 — мавретанские метатели дротиков;
- III, 10, 6 — лив. происхождение Претория Плавтиана;
- IV, 3, 7 — мавры и нумидийцы;
- IV, 8, 6 — Александрия в Египте;
- IV, 14, 3 — верблюды в войске Артабана;
- IV, 15, 1 — мавретанцы на службе у Рима;
- IV, 15, 2 — верблюды в войске Артабана;
- V, 6, 4 — Ливия, племена, обычаи, основание Карфагена;
- VI, 1, 10 — изгнание в Ливию;
- VII, 2, 1 — мавретанцы на службе у Рима;
- VII, 4, 1 — Ливия;
- VII, 4, 3–4 — Ливия, племена;
- VII, 5, 2 — Гордиан — проконсул Африки;
- VII, 5, 8 — племя Ливии;
- VII, 6, 1–2 — город Кархедон в Ливии;
- VII, 6, 1 — Карфаген;
- VII, 8, 4 — карфагеняне не воинственны;
- VII, 9, 1 — номады;
- VII, 9, 3 — Кархедон;
- VII, 9, 4 — Ливия;
- VII, 9, 6 — номады;
- VII, 9, 9 — Ливия;
- VII, 9, 10 — Ливия;
- VII, 10 — вся глава посвящена Ливии;
- VIII, 1, 3 — кого римляне считали африканцами;
- VIII, 5, 8 — ливийцы = африканцы.

**ПОРФИРИЙ (233–304 гг.)**

По изданию: *Porphyrii philosophuscula. ed. Nauck. Lipsiae, 1886.*

О воздержании

I, 14 — свинья в Эфиопии;

I, 5 — Нумидия, троглодиты;

I, 25 — нумидийцы, мавры, Ливия;

IV, 21 — Ливия.

Жизнь Пифагора

35 — Ливия.

### СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ

(время жизни точно неизвестно, VI или VII век)

По изданию: *Stephani Byzantii Ethniconum quae supersunt. ed. Meineke. Berolini, 1849.*

Ἐθνικά — географический словарь в 60-ти книгах. Извлечение из него сделано грамматиком Гермонахом.

Места по изд. Meineke: p. 9, 18, 20, 21, 30–31, 40, 55, 61, 62, 81, 83, 84, 87, 89, 91, 92, 95, 96, 99, 101, 103, 104, 108, 109, 113, 119, 124, 126, 130, 132, 135, 137, 143, 156, 158, 159, 160, 173, 180, 185, 186, 189, 192, 193, 194, 195, 203, 207, 210, 212, 222, 224, 240, 243, 258, 261, 272, 274, 275, 282, 284, 287, 288, 289, 290, 293, 295, 296, 305, 307, 310, 317, 328, 346, 347, 398, 406, 407, 409, 411, 416, 426, 429, 430, 441, 448, 451, 456, 457, 465, 469, 471, 474, 478.

На указанных страницах — географические названия Ливии, Эфиопии и другие африканские топонимы.

### ЛИБАНИЙ (314–399 гг.)

По изданию: *Libanii opera. ed. Förster. Lipsiae, 1923.*

I, 121, 14 — Ливия;

I, 121, 15 — Ливия;

I, 317, 8 — Мероз;

I, 318, 8 — Мероз;

I, 455, 14 — Мероз;

I, 455, 15 — Мероз;

I, 528, 3 — обычаи эфиопов;

I, 531, 10 — Ливия;

II, 111, 11 — Ливия;

II, 214, 2 — Ливия;

II, 364, 14 — ливиец;

III, 105–106 — Нил;

III, 255, 20 — ливиец;

V, 92, 12 — Ливия;

VI, 42, 4 — Ливия;

VI, 364, 13 — ливиец;

VI, 582, 8 — лотофаги;

VIII, 55 — Кефей;

VIII, 242, 16 — эфиопы;

VIII, 231, 8 — лотофаги;

VIII, 427, 12 — лотофаги;

VIII, 431, 80 — лотофаги;

VIII, 433, 11 — лотофаги;

X, 77, 12 — эфиопы;  
X, 583, 4 — Ливия;  
XI, 350, 17 — Ливия.

**ФЕОДОР (конец III–IV вв. н.э.)**

По изданию: *Theodori Mopsuesteni Migne Patrologiae cursus compl. Gr. vol. LXVI.*  
p.288 — эфиопы;  
p.260 — эфиопы.

**ЭВСЕБИЙ (264–340 гг.)**

По изданию: *Eusebii Caesariensis opera. ed. Dindorfius. vol. I–IV. Lipsiae, 1867 – 71.*

1. Libri Praeparationes Evangelia  
II, 1, 13 — эфиопы;  
II, 1, 9 — эфиопы;  
IV, 7, 1 — эфиопы.

2. Historia ecclesiastica  
VII, 11, 10 — Ливия;  
VII, 11, 23 — Ливия;  
VIII, 6, 10 — мавры;  
XIII, 12 — Мавретания.

**АНОНИМ (середина IV в.)**

По изданию: *GGM vol. II.*

II – III — Африка — часть света. Краткая география;  
V — племена Африки;  
IX, 28 — горы Африки;  
X, 31 — реки Африки;  
XIV, 46 — Африки — часть света;  
XIV, 48 — средиземноморское побережье Африки.

**АГАФЕМЕР (III–IV вв.)**

По изданию: *GGM vol. II.*

Краткое землеописание.  
I, 3 — горы Африки;  
I, 4 — название Ливии;  
II, 7 — эфиопы;  
IV, 18 — Мероз;  
V, 22 — лотофаги.

**ИМПЕРАТОР ЮЛИАН (331–363 гг.)**

По изданию: *Iuliani Imperatoris quae supersunt opera omnia. rec. Hertlein. Lipsiae, 1875–1876, vol. I–II.*

## 1. Epistolae

п.24 — эфиопы, их продовольствие;

п.59 — торговля с Африкой.

Fragmenta — отношение эфиопов к европейской пище.

По изданию: *Iuliani Imperatoris librorum contra christianos, quae supersunt. ed. Neumann. Lipsiae, 1880.*

р.186 — 14–19 — эфиопы.

**ОНЕСИКРИТ (IV в.)**

По изданию: *FGrH II B n.134.*

fr.7 [=12] (p.726) — Arrian., Ind. 3, 6 (= Strabo XV, 1, XV, 1, 45);

fr.22 [=15–17] (p.732) — эфиопы — Strabo XV, 1, 21–24.

fr.28 [=26] (p.734) — ихтиофаги — Plin. N.H. VI, 96–97.

**АРХЕЛАЙ КАППАДОКИЙСКИЙ (IV в.?)**

По изданию: *FGrH II B n.123.*

fr.5 (p.630) — троглодиты — Plin. N.H. XXXVII, 107.

**ХАРЕС МИТИЛЕНСКИЙ (IV в.?)**

По изданию: *FGrH II B n.125.*

fr.8 [=3] (p.662) — Plin. N.H. XXXVII, 33.

**НЕАРХ КРИТСКИЙ (IV в.?)**

По изданию: *FGrH II B n.133.*

fr.20 (p.713) — Эфиопия — Strabo XVI, 25.

**ФЕОКРИТ ХИОССКИЙ**

По изданию: *FGrH III C n.760.*

«Феокрит написал историю Ливии» — Suida s.v. Θεόκριτος.

**КАЛЛИСФЕН ОЛИНФИЙСКИЙ (IV в.)**

По изданию: *FGrH II B n.1.*

fr.12 [=6] (p.664) —

a) Ioann. Lyd. De mens. IV, 107 p. 146, 16 Wü.

b) Strabo XVII, 1, 5.

c) Athen. I, 130, 30 — Mein.

**ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ (1-я треть IV в.)**

По изданию: *Gregorius Nazianzenus. Migne Patrol. Graec. t. XXXV–XXXVIII.*

t. XXXV p.716 — 21 — катаракты Нила;

t. XXXVI p.396 — 8 — эфиоп;

t. XXXVI p.397 — 19 — царица эфиопов;

t. XXXVII p.738 vv. 824–826 — среди эфиопов бывают белые.

**ГЕСИХИЙ (конец IV в.)**

По изданию: *Hesychii Alexandrini Lexicon, curavit Schmidt. Jenae, 1867.*

- р.57 — грамм. формы слова Αἰθιοπία;
- р.982 — формы слова λιβύας и др.;
- р.1303 — пигмеи;
- р.1478 — троглодиты.

**СОКРАТ (род. 380 г.)**

По изданию: *Socratis scholastici ecclesiastica historia. ed. Hyssey. Oxonii, 1853.*

- I, 12 — Ливия;
- I, 19, 2 (р.114) — Эфиопия;
- I, 16 — Ливия.

**ЕВНАПИЙ (род. ок. 347 г. — умер в начале V в.)**

По изданию: *HGM vol. I–II.*

- Vol. I, 205 sqq.
- Orationes
- III, 6 — эфиопы;
- V, 15 — эфиопы;
- III, 15 — Нил;
- XIV, 8 — Нил;
- XIV, 9 — Нил;
- XIV, 8 — эфиопы;
- XIV, 26 — эфиопы;
- XX, 1 — Ливия;
- XXII, 9 — Нил;
- XXVII, 3 — эфиопы.

**НОНН ПАНОПОЛИТ (IV в.)**

По изданию: *Nonni Panopolitani Dionysiaca. rec. A. Ludwich. Lipsiae, 1909–1911. vol. I–II.*

- II, 683 — Кефей;
- III, 286–291 — Ливия, дочь Эпафа;
- III, 348–350 — Ливия;
- III, 358–361 — Ливия;
- X, 230 — нимфа Эхо — ливиянка;
- XIII, 333–366 — эфиопы, мавры;
- XIV, 334 — пигмеи;
- XVII, 385 — блеммии;
- XVII, 394–396 — Мероз;
- XXV, 51–52 — Кефей — ливиец;
- XXV, 58–60 — Эврисал ограбил Ливию;
- XXXI, 13–15 — Персей в Ливии;
- XXXIV, 114 — Нот — ветер Африки;

XXVI, 224–228 — Нил в Эфиопии;  
XXVI, 340–342 — эфиопы;  
XIII, 333–336 — эфиопы, мавры;  
XIII, 165 — Дионис — победитель эфиопов.

**РУФ ФЕСТ АВИЕН (369 г.)**

По изданию: *GGM vol. II.*

p.177 vv. 17–24 — Африка;  
p.177 vv. 68–69 — эфиопы;  
p.179–180 vv. 263–293 — Ливия;  
p.183 vv. 738–742 — эфиопы, области.

**НОНН (вторая половина IV в.)**

По изданию: *FHG vol. IV.*

p.178–180 — о посольствах в Эфиопию.

**ГЕОРГИЙ КЕДРЕН (IV в.)**

По изданию: *Georgius Cedrenus. ed. Bekker. Lipsiae, 1838.*

I, 7, 20 — Африка;  
I, 24, 1–5 — названия Нила;  
I, 17, 20 — Африка;  
I, 28, 20–22 — африканские народы;  
I, 37, 21 — Ливия — дочь Зевса;  
I, 38, 9 — Ливия — дочь Зевса;  
I, 91, 1–2 — название Ливии;  
I, 75, 20–23 — дочь царя эфиопов, Мероз;  
I, 146, 18 — наводнение в Эфиопии;  
I, 86, 17 — война в Эфиопии;  
I, 441, 18 — африканцы;  
I, 694, 24 — маврусии.

**ФЕМИСТИЙ (вторая половина IV в.)**

По изданию: *Themistii orationes. ed. Dindorfius. Lipsiae, 1832.*

p.43, 21–23 — эфиопы.

**ИОАНН СТОБЕЙ (IV в.)**

По изданию: *Ioannis Stobaei Anthologii. rec. Wachsmuth. Berolini, 1884–1912. vol. I–V.*

Vol. I

I, 1 (p.33) — эфиопы;  
I, 40 (p.261) — Ливия;  
I, 40 (p.264) — Ливия.

Vol. II

III, 18 (p.513) — Ливия;

Vol. IV

IV, 2 (p.157–158) — эфиопы;

IV, 21 (p.482) — Ливия.

Vol. V

IV, 29 (p.705) — эфиоп;

IV, 60 (p.1120) — ливийцы.

### **МАРЦИАН (около 400 г.)**

*По изданию: GGM vol. I.*

Оплыв внешнего моря

I, 1 — города Эфиопии;

I, 4 — Ливия — материк;

I, 5–6 — Ливия, её величина и побережья;

I, 11–14 — побережье Эритрейского моря.

### **АДАМАНТ (IV в.)**

*По изданию: Scriptores physiognomici graeci et latini. Lipsiae, 1893.*

Физиогномика

I, 2 (p.300) — эфиопы;

I, 11 (p.322) — эфиопы;

II, 31, 5–10 (p.384) — эфиопы.

### **ДИОНИСИЙ ПЕРИЭГЕТ (начало IV в.)**

*По изданию: GGM vol. I.*

vv. 1–25 (p.104) — описание земли, Ливия — материк;

vv. 29–42 (p.106) — побережье Африки;

vv. 174–268 (p.112–116) — племена Ливии;

vv. 477–480 (p.132) — северная Ливия;

vv. 138–139 (p.558–561) — эфиопы.

### **ЕВСТАФИЙ (2-я пол. XII в.)**

*По изданию: GGM vol. I*

Комментарии к землеописанию Дионисия Периегета

n.7 — Ливия — часть света;

n.11 — протяжённость Ливии;

n.19 — Ливия — часть света

n.38 — Эритрейское море;

n.41 — океан вокруг Африки;

n.64 — северная Ливия;

n.65 — Ливия;

n.66 — Ливия;

n.98 — Ливия — материк;

n.178 — Ливия;

- n.179 — племена Ливии;
- n.180 — племена Ливии;
- n.198–205 — племена Ливии;
- n.209 — племена Ливии;
- n.211 — племена Ливии;
- n.213 — Ливия;
- n.216–217 — Ливия;
- n.220 — племена Африки;
- n.222 — племена Африки;
- n.226 — племена Африки;
- n.229 — Ливия;
- n.267 — болото Тритон;
- n.620 — Ливия.

#### Παράφρασις

- n.1–18
- n.36–42
- n.58–68
- n.174–183
- n.184–194
- n.195–196
- n.201–204
- n.205–215
- n.216–217
- n.228–241
- n.254–269

### ГЕЛИОДОР (IV–V вв.)

По изданию: *Aethiopica. rec. A. Colonna. Lipsiae, 1938; также: Aethiopicorum libri X. ed. Bekkerus. Lipsiae, 1855.*

- I, 3 — чёрные эфиопы;
- II, 28 — истоки Нила;
- II, 32 — эфиопский посол в Египте;
- IV, 8 — белый ребёнок у эфиопской царицы;
- IV, 12 — эфиопы, их щедрость;
- V, 13 — эфиопский аметист;
- V, 14 — эфиопский аметист;
- VI, 3 — птица Феникс из Эфиопии;
- VIII, 1 — царь эфиопов. Рим — предмет спора между эфиопами и египтянами;
- VIII, 16 — нападение эфиопов, троглодиты;
- VIII, 17 — Хариклея в плену у эфиопов;
- IX вся — осада эфиопами Сиены;
- X вся — жертвоприношения эфиопов, Мероэ, царь Гидасп, описание эфиопских торжеств.

**ЗОСИМ (сочинение написано в 450–502 гг.)**

По изданию: *Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova. ed. L. Mendelsohn. Lipsiae, 1887.*

- I, 64, 1 — Ливия и Мавретания;
- I, 66, 1–2 — имена мавров;
- I, 71 — Ливия;
- II, 10, 1 — маврусии;
- II, 53, 3 — мавры;
- IV, 16, 3 — Мавретания в войне с Римом;
- IV, 19, 2 — мавретанская конница.

**ПРИСК ПАНИМ (V в.)**

По изданию: *FHG vol. IV*  
fr.6 (p.76) — эфиопы.

**ИОАНН АНТИОХИЙСКИЙ (ум. в 441/442 г.)**

По изданию: *FHG vol. IV.*

- fr.2 (p.541) n.17 — Ливия, Нил;
- fr.4 (p.541) n.1 — эфиопы;
- fr.6 (p.544) n.14–15 — миф о Ливии, дочери Зевса;
- fr.11 (p.546) n.1 — Ливия;
- p.247–269 — озеро Тритон;
- p.554 — Эритрейское море.

Вторая история о земле (там же)  
p.470 — Эфиопия, Мероэ.

**ПРОКЛ ЛИКИЙСКИЙ /ПЛАТОНИК/ (V в.)**

По изданию: *Procli commentariorum in Rempublicam Platonis partes ineditae. ed. R. Schoell. Berolini, 1886.*

- Comm. in Plat. Timeum
- 24 E-25 A — Эфиопия;
- 25 AB — Эфиопия;
- fr.125 (p.586) — ливиец — римский император;
- fr.216 (p.621) — Ливия (Exc. De vitr. p.853).

**ОЛИМПИОДОР АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (1-я пол. V в.)**

По изданию: *HGM vol. I–II*

- Vol. I
- p.94 — 10, 20 D — Эфиопия.

- Fragmenta in Ieremiam
- p.658 — гл. XIII, v. 23 — эфиоп;
- p.698 — гл. XXXVIII, v. 9 — эфиоп Абдетелех.

**АНОНИМ /приписывается Арриану/ (V в.)**

По изданию: *GGM vol. I.*

Объезд вокруг Эритрейского моря.

**НИКИФОР (V в.?)**

По изданию: *GGM vol. II*

р.26–40 — океан и Африка;

р.41–168 — Большой Сирт;

р.174–184 — Ливия;

р.184–231 — Ливия, племена Ливии.

**ФЕОДОСИЙ (IV в.?)**

По изданию: *Theodosii Alexandrini canones, in Grammatici graeci. ed. A. Hilgaed. Lipsiae, 1889–1894.*

IV, 13–99

р.285, 24–37 — эфиоп;

р.289, 3–7 — эфиоп;

р.290, 5–12 — эфиоп;

р.301, 14–16 — эфиоп;

р.390, 17–19 — эфиоп;

р.410, 29–35 — эфиоп.

**СОБИРАТЕЛИ ПОСЛОВИЦ**

По изданию: *Paroemiographi Graeci quorum pars nunc primum ex codicibus manuscriptis. ed. Gaisford. Oxonii, 1836.*

р.8 п.76 — эфиоп;

р.159 п.45 — эфиоп;

р.243 п.46 — эфиоп;

р.209 п.11 — эфиоп;

р.71 п.602 — эфиоп.

**ПЁТР ГИЛЛИЙ (VI в.?)**

По изданию: *GGM vol. II.*

р.2, 1 — Ливия, географическое положение;

р.4, 1 — Ливия, Нил;

р.70, 3 — лотофаги.

**ПРИСЦИАН (VI в.?)**

По изданию: *GGM vol. II.*

р.190, 13–19 — Ливия, эфиопы;

р.190, 47–49 — Эритрейское море;

р.191, 160–259 — описание Ливии.

**ФИЛА (V–VI вв.)**

По изданию: *Poetae bucolici et didactici. ed. Dübner et Lehrs. Parisiis, 1846–1851.*

- De draconibus aethiopicis
- vv. 1340–1348 — Ливия;
- v. 1495 — Ливия;
- v. 388 — Ливия;
- v. 1082 — Ливия;
- v. 1730 — Нил.

**ДОРОТЕЙ (IV в.?)**

По изданию: *Poetae bucolici et didactici. ed. Dübner et Lehrs. Parisiis, 1846–1851.*

- p.115 v. 7 — Эфиопия;
- p.115 v. 14 — Ливия.

**ЛОНГИН (III в.?)**

По изданию: *Longini Cassii opera quae supersunt. ed. Egger. Parisiis, 1887.*

- XV, 4 — Ливия;
- XXIV, 2 — Мероэ.

**АПОЛЛОНИЙ**

(из числа парадоксографов, время жизни, вероятно, первые века н.э.)

По изданию: *Rerum naturalium scriptores Graeci minores. rec. O. Keller. 1877. vol. I.*

- XXXVIII — ливийский народ.

**ВАСИЛИЙ (?)**

По изданию: *FGrH.*

- p.642 fr.2 — Plin. N.H. VI, 183.

**МАРЦЕЛЛ (?)**

По изданию: *FGrH III C.*

- fr.1 (p.283) — Procl. in Plat. Tim. 24e-25a;
- fr.2 [=2] (p.284) — Procl. in Plat. Tim. 25 AB.

**ПСЕВДО-ДЕМОКРИТ (?)**

По изданию: *FGrH III A n.263.*

- fr.1 [= II, 24] (p.8) — Diog. Laert. 9, 49;
- fr.3–4 (p.9) — Diog. Laert. 9, 35;
- fr.2 (p.9) — Plin. N.H. XXV, 12.

**СТАТИЛИЙ ФЛАКК (?)**

По изданию: *Anthologia Graeca. ed. Jacobs. vol. II.*

- II, 240 [= II, 264] — Ехидна убила потерпевшего кораблекрушение у ливийских берегов.

**ХАЛКИДИЙ (?)**

По изданию: *Chalcidii Timaeus Platonis. ed. Wrobel. Leipzig, 1876.*

vol. II, p.155a — Ливия — часть света.

**АМАСИС (?)**

По изданию: *Amasis epistolae в кн. Epistolographi Graeci. ed. Didot, Parisiis, 1873.*

p.100 — эфиопы.

**ФИЛЕМОН (?)**

По изданию: *Philemoni grammatici quae supersunt. ed. Osuno. 1821.*

fr.7 — эфиоп.

## СОДЕРЖАНИЕ ИНДЕКСА

АГАТАРХИД КНИДСКИЙ .....	356	ГЕРОДОТ .....	343
АГАФЕМЕР .....	392	ГЕСИОД .....	337
АГРОЕТ .....	352	ГЕСИХИЙ .....	394
АДАМАНТ .....	396	ГОМЕР .....	335
АЗИНИЙ КВАДРАТ .....	387	КОММЕНТАРИИ К ГОМЕРУ .....	336
АКЕСАНДР .....	352	СХОЛИИ К ГОМЕРУ .....	335
АЛЕКСАНДР АФРОДИСИЙСКИЙ .....	383	ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ .....	393
АЛЕКСАНДР ПОЛИГИСТОР .....	358	ДАЛИОН .....	354
АЛКЕЙ .....	337	ДЕКСИПП .....	390
АЛКИФРОН .....	384	ДЕМОСФЕН ВИФИНСКИЙ .....	353
АМАСИС .....	401	ДИДИМ ХАЛКЕНТЕР .....	361
АМОМЕТ .....	351	ДИНИЙ АРГОССКИЙ .....	351
АНДРОМАХ .....	359	ДИНОН .....	358
АНДРОН ГАЛИКАРНАССКИЙ .....	351	ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ .....	389
АНОНИМ .....	392	ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ .....	360
АНОНИМ /приписывается Арриану/ .....	399	ДИОНИСИЙ (Scytobrachion) .....	357
АНОНИМ /СКИМН ХИОССКИЙ/ .....	359	ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ .....	361
АНТИГОН КАРИСТИЙСКИЙ .....	355	ДИОНИСИЙ МИТИЛЕНСКИЙ .....	358
АНТИМАХ .....	345	ДИОНИСИЙ ПЕРИЭГЕТ .....	361, 396
АНТОНИН ЛИБЕРАЛ .....	375	ДИОН КАССИЙ .....	386
АПОЛЛОДОР .....	357	ДИОН ХРИСОСТОМ .....	370
АПОЛЛОНИЙ .....	400	ДИОСКОРИД .....	362
АПОЛЛОНИЙ РОДОССКИЙ .....	354	ДОРТЕЙ .....	400
СХОЛИИ К АПОЛЛОНИУ РОДОССКОМУ .....	354	ДУРИД САМОССКИЙ .....	350
АППИАН .....	372	ЕВНАПИЙ .....	394
АРИСТИПП КИРЕНСКИЙ .....	345	ЕВСТАФИЙ .....	396
АРИСТОКРЕОН .....	353	ЗОСИМ .....	398
АРИСТОТЕЛЬ .....	347	ИОАНН АНТИОХИЙСКИЙ .....	398
АРИСТОФАН .....	347	ИОАНН СТОБЕЙ .....	395
СХОЛИИ К АРИСТОФАНУ .....	347	ИОСИФ ФЛАВИЙ .....	362
АРКТИН .....	339	ИППОЛИТ .....	387
АРРИАН .....	371	КАЛЛИМАХ .....	351
АРТЕМИДОР .....	371	КАЛЛИСТРАТ .....	389
АРХЕЛАЙ КАППАДОКИЙСКИЙ .....	393	КАЛЛИСФЕН ОЛИНФИЙСКИЙ .....	393
АФИНЕЙ .....	387	КЛАВДИЙ ЭЛИАН .....	384
БИОН ИЗ СОЛ .....	353	КЛЕМЕНТ .....	384
ВАСИЛИЙ .....	400	КСЕНОКРАТ .....	367
ГАЛЕН .....	370	КСЕНОФАН .....	337
ГАННОН .....	343	КСЕНОФОНТ .....	345
ГЕГЕСИАНАКТ .....	355	ЛИБАНИЙ .....	391
ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ .....	342	ЛИК ИЗ РЕГИЯ .....	351
ГЕЛЛИОДОР .....	397	ЛИКОФРОН .....	352
ГЕЛЛАНИК МИТИЛЕНСКИЙ .....	343	ЛОНГИН .....	400
ГЕОРГИЙ КЕДРЕН .....	395	ЛУКИАН .....	374
ГЕРМИПП ПЕРИПАТЕТИК .....	355	МАКСИМ ТИРСКИЙ .....	383
ГЕРОДИАН-ИСТОРИК .....	390	МАРЦЕЛЛ .....	400
		МАРЦИАН .....	396

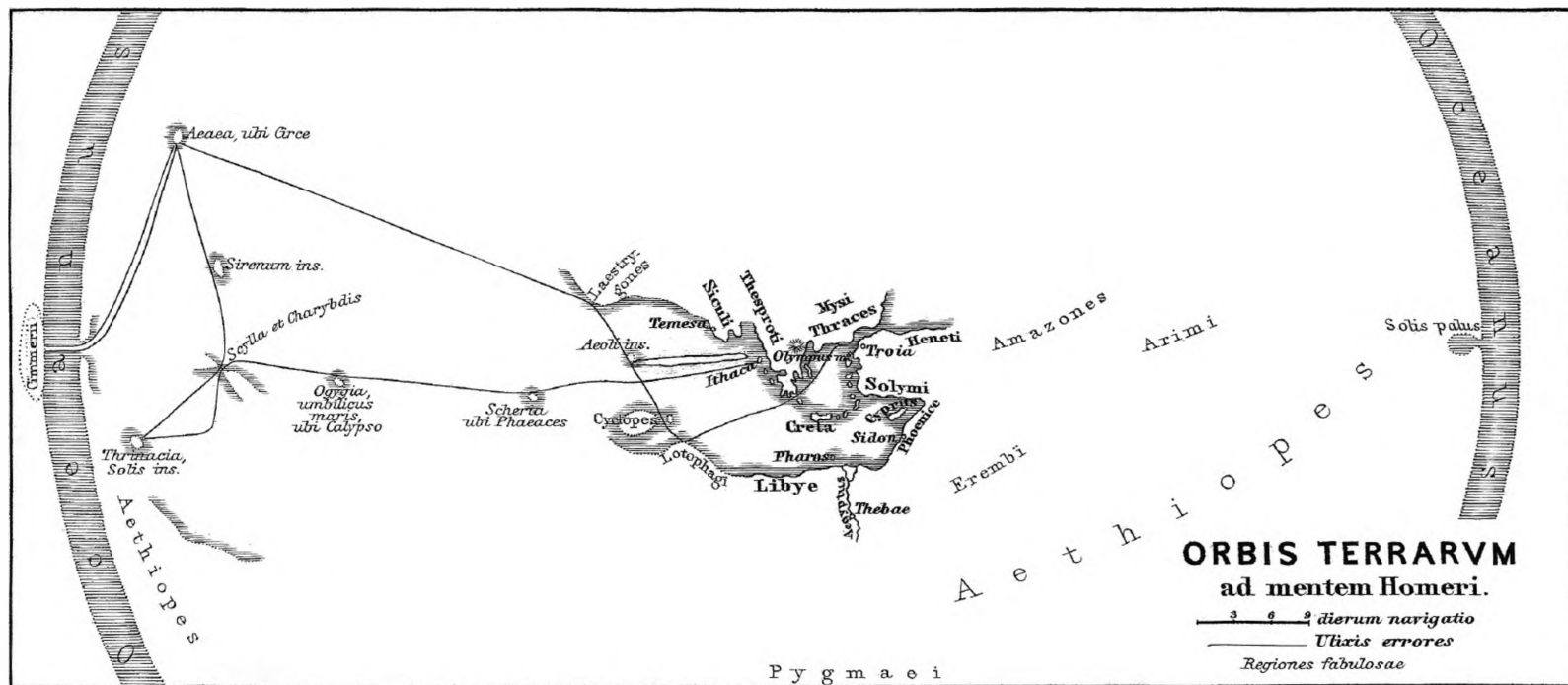
МЕНАНДР ЭФЕССКИЙ.....	355	ФЕОДОР .....	392
МЕНЕKL ИЗ БАРКИ .....	382	ФЕОДОСИЙ .....	399
МИМНЕРМ .....	337	ФЕОКРИТ .....	351
МНАСЕЙ .....	355	СХОЛИИ К ФЕОКРИТУ .....	352
МОСХ .....	375	ФЕОКРИТ ХИОССКИЙ .....	393
НЕАРХ КРИТСКИЙ .....	393	ФЕОПОМП ХИОССКИЙ .....	347
НИКАНДР .....	382	ФЕОФРАСТ .....	350
НИКИФОР .....	399	ФИЛА .....	400
НИКОЛАЙ ДАМАССКИЙ .....	359	ФИЛЕМОН .....	401
НОНН .....	395	ФИЛИСТ ИЗ НАВКРАТИСА .....	346
НОНН ПАНОПОЛИТ .....	394	ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ .....	361
ОЛИМПИОДОР .....		ФИЛОСТРАТ .....	388
АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ .....	398	ФУКИДИД .....	345
ОНЕСИКРИТ .....	393	ХАЛКИДИЙ .....	401
ОППИАН .....	381	ХАРАКС ПЕРГАМСКИЙ .....	386
ОРИГЕН .....	389	ХАРЕС МИТИЛЕНСКИЙ .....	393
ПАВСАНИЙ .....	374	ЭВДОКС .....	347
ПАЛЕФАТ .....	350	ЭВРИПИД .....	341
ПЁТР ГИЛЛИЙ .....	399	СХОЛИИ К ЭВРИПИДУ .....	342
ПИНДАР .....	337	ЭВСЕБИЙ .....	392
СХОЛИИ К ПИНДАРУ .....	338	ЭЗОП .....	337
ПИСАНДР .....	337	ЭЛИЙ АРИСТИД .....	373
ПЛАТОН .....	346	ЭЛИЙ ГЕРОДИАН .....	376
ПЛУТАРХ .....	363	ЭРАТОСФЕН .....	355
ПОЛЕМОН ИЛИАНСКИЙ .....	356	ЭСХИЛ .....	339
ПОЛИБИЙ .....	356	ЭСХИЛ. ФРАГМЕНТЫ .....	340
ПОРФИРИЙ .....	390	ЭСХИН .....	346
ПОСИДОНИЙ /АПАМЕЙСКИЙ/ .....	358	ЭФОР .....	346
ПРИСК ПАНИМ .....	398	ЮБА МАВРЕТАНСКИЙ .....	367
ПРИСЦИАН .....	399	ЮЛИАН, ИМПЕРАТОР .....	392
ПРОКЛ ЛИКИЙСКИЙ .....	398	ЮЛИЙ ПОЛИДЕВК .....	382
ПСЕВДО-ДЕМОКРИТ .....	400		
ПТОЛЕМЕЙ .....	382		
ПТОЛЕМЕЙ II ЭВЕРГЕТ .....	356		
РИАН .....	357		
РУФ ФЕСТ АВИЕН .....	395		
СЕРВИЛИЙ ДАМОКРАТ .....	388		
СИМОНИД МЛАДШИЙ .....	357		
СКИЛЛАКС .....	351		
СОБИРАТЕЛИ ПОСЛОВИЦ .....	399		
СОКРАТ .....	394		
СОКРАТ РОДОССКИЙ .....	359		
СОЛОН .....	337		
СОТИОН .....	387		
СОФОКЛ .....	340		
СХОЛИИ К СОФОКЛУ .....	341		
СТАТИЛИЙ ФЛАКК .....	400		
СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ .....	391		
СТРАБОН .....	366		
ТИМЕЙ .....	350		
ФЕМИСТИЙ .....	395		

## Список сокращений, применяемых при библиографическом описании

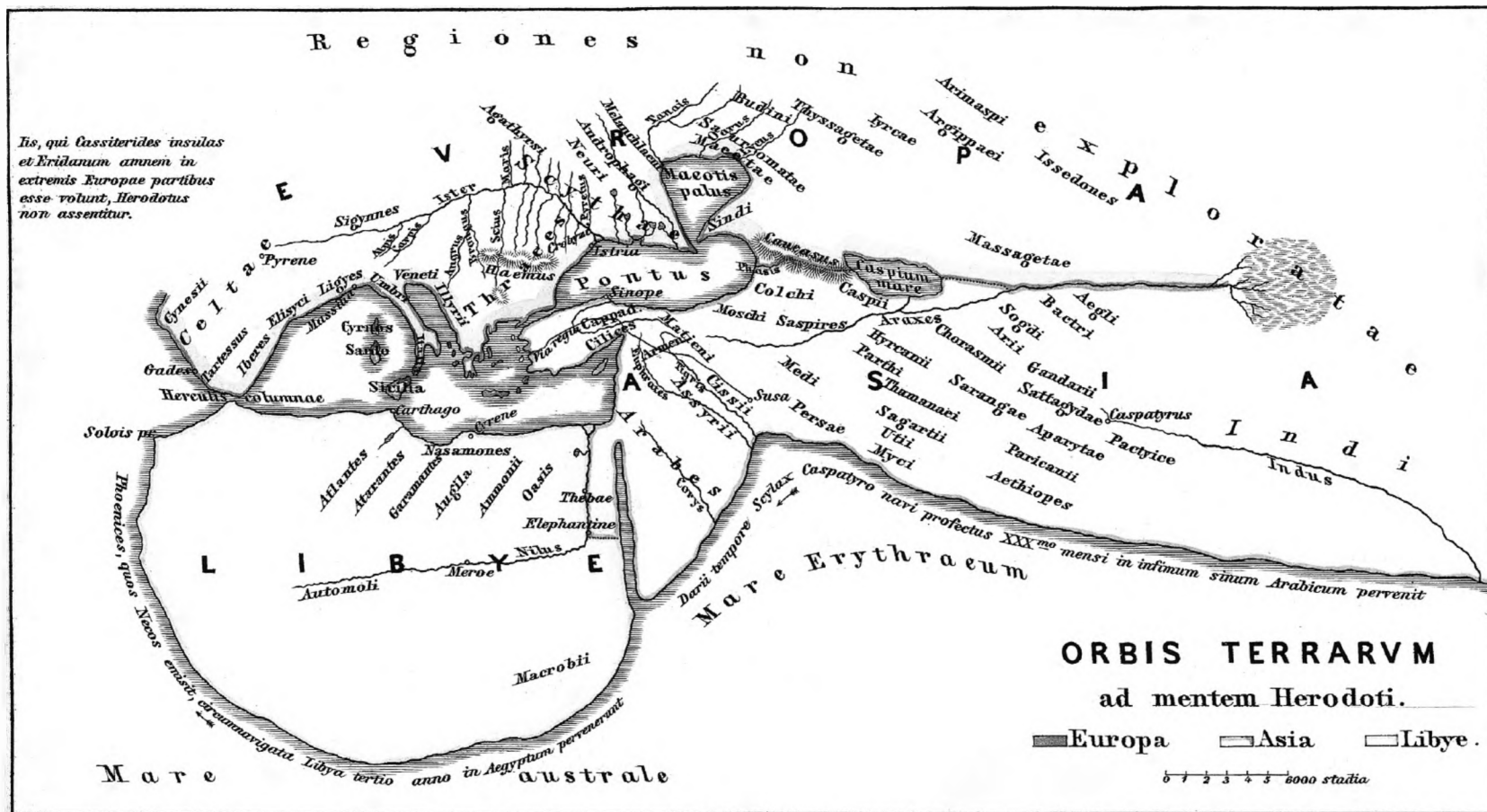
с., p., S.	—	страница
ст.	—	стих
стк.	—	строка
т., t., vol., Bd.	—	том
coll.	—	collegit
ed.	—	edidit
fr.	—	фрагмент
lib.	—	liber
rec.	—	recensuit, recognovit
schol.	—	Scholia
sq.	—	sequens — следующий
sqq.	—	sequentes — следующие
s.v.	—	sub vero — после слова
v.	—	versus — стих, строка

## Сокращения при обозначении изданий

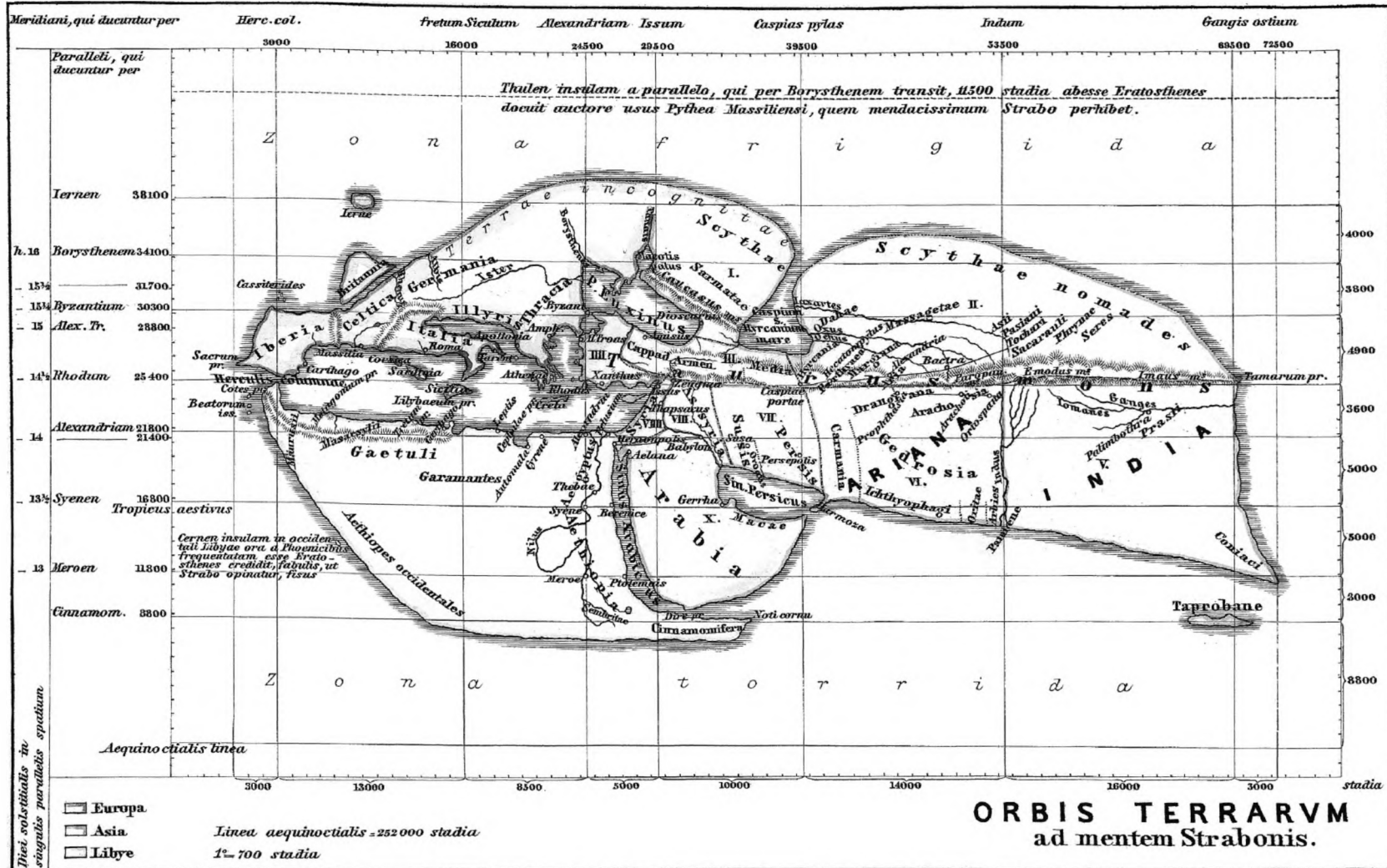
AJA	—	American Journal of Archeology.
CIL	—	Corpus Inscriptionum Latinarum, Th. Mommsen. 1853 sq.
CSEL	—	Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, Vienna.
EGF	—	Epicorum Graecorum Fragmenta. ed. Kinkel. Lipsiae, 1877.
FdV	—	Die Fragmente der Vorsokratiker. H. Diels, ed. W. Kranz. Berlin
1951–52.		
FGh	—	Fragmente der Griechischen Historiker. ed. Jacoby. Lipsiae,
1926–57.		
FHG	—	Fragmenta Historicorum Graecorum. ed. Müller. Paris, 1841 sq.
GGM	—	Geographi Graeci Minores. ed. Müller. Paris, 1855.
GLM	—	Geographi Latini Minores. ed. A. Riese. Heilbronn, 1878.
H.A.A.N.	—	Histoire Ancienne de l'Afrique du Nord. St. Gsell. Paris, 1913–28.
HGM	—	Historici Graeci Minores. ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870.
ILAf	—	Inscriptions latines d'Afrique, ed. R. Cagnat, ... Paris, 1923.
ILAlg	—	Inscriptions latines de l'Algérie, ed. St. Gsell. Paris, 1922.
IRT	—	Inscriptions of Roman Tripolitania, J.M. Reynolds. Rome, 1952.
Loeb	—	The Loeb Classical Library.
MGH a.a.	—	Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimi. Berlin,
1877–1919.		
PG	—	Patrologia Graeca. ed. Jacques-Paul Migne. Paris, 1857–66.
PL	—	Patrologia Latina. ed. Jacques-Paul Migne. Paris, 1844–64.
PLG	—	Poetae Lyrici Graeci, rec. Bergk. Lipsiae, 1843–1878.
RE	—	Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Pauly-
Wissowa-Kroll.		Stuttgart, 1894–1952.
REG	—	Revue des Études Grecques. Paris, 1888–.
SEG	—	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923 –.
TGF	—	Tragicorum Graecorum Fragmenta. ed. Nauck. Lipsiae, 1856.



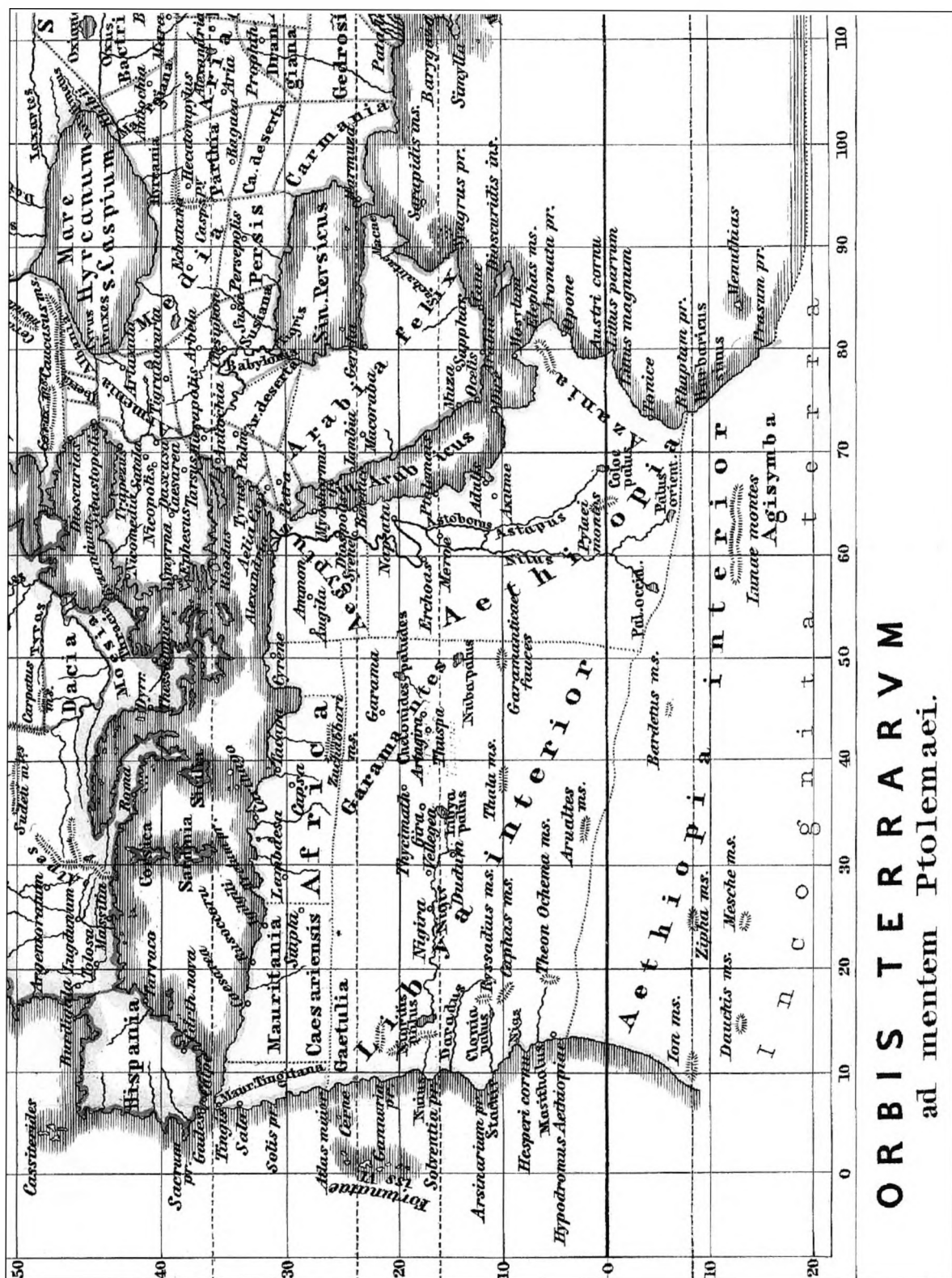
Publication Author: Spruner von Merz, Karl; Menke, Th.  
Publisher: Justus Perthes Gotha. 1865



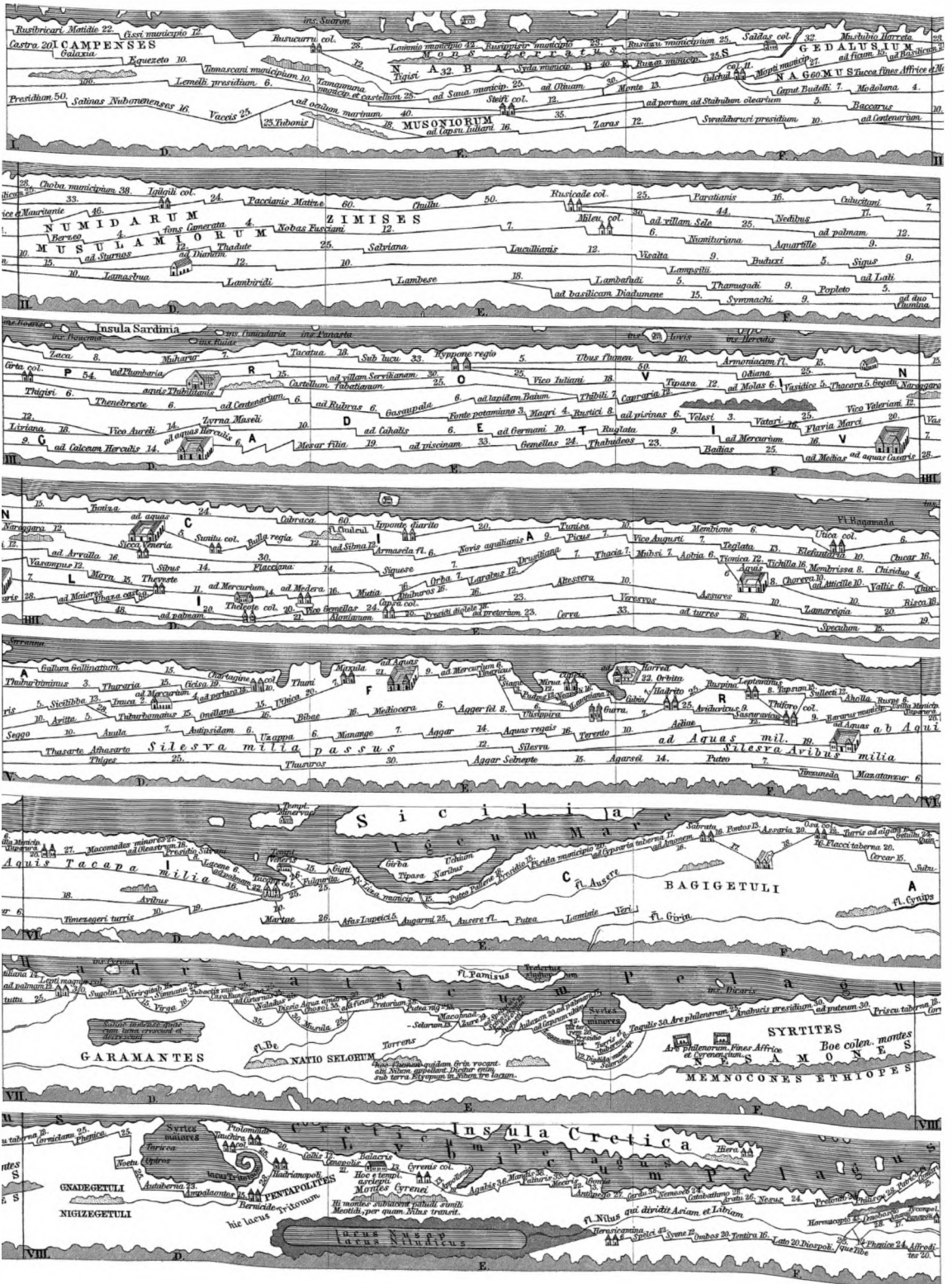
Publication Author: Spruner von Merz, Karl; Menke, Th.  
 Publisher: Justus Perthes Gotha. 1865

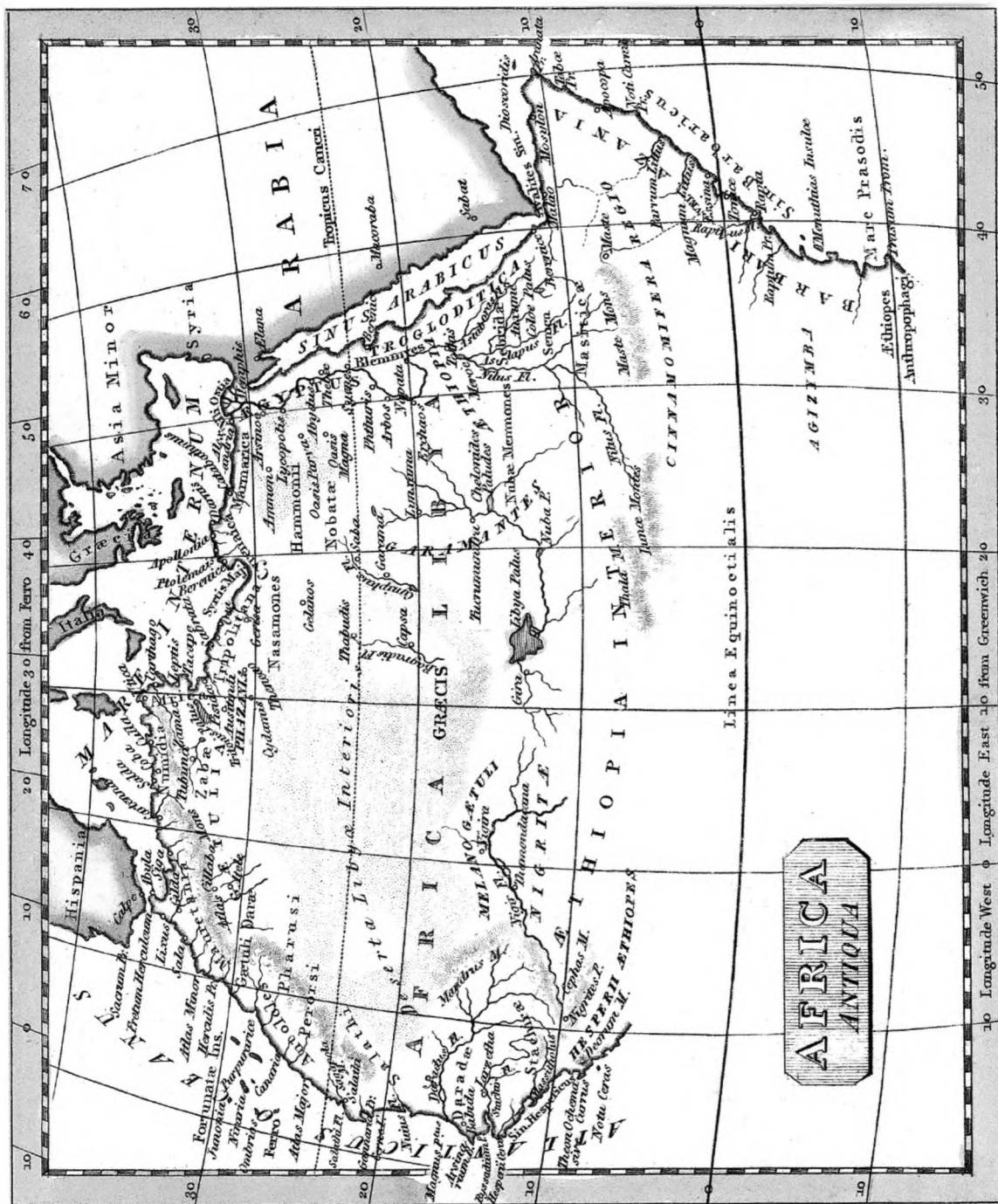


Publication Author: Spruner von Merz, Karl; Menke, Th.  
Publisher: Justus Perthes Gotha. 1865



MARMARICA, CYRENAICA, AFRICA, NVMDIA, MAVRETANIA secundum tabulam Peutingerianam.





*Africa Antiqua.*

*Author: Fenner, Rest.*

*Publisher: Thomas, Joseph. London, 1835*

## Библиография Ю.К. Поплинского

Термин «этнос» в древнегреческой литературе классического периода // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института Этнографии АН СССР 1969 г. Л., 1970. С. 77–79.

Греческая традиция об Африке: Баттос Киренский // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института Этнографии АН СССР 1970 г. Л., 1971. С. 72–74.

Геродиан. История императорской власти после Марка. Книга VI. Перевод с древнегреческого // Приложение к журналу «Вестник древней истории». № 4 / Под ред. А.И. Доватура. 1972. С. 213–223.

Этнический состав северного побережья Африки к началу V века до н.э. по античным источникам // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института Этнографии АН СССР 1971. Л., 1972. С. 55–57.

Батт. Жизнь ливийского слова в греческой традиции об Африке // Основные вопросы африканистики. Этнография, история, филология. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Д.А. Ольдерогге. М.: Наука, 1973. С. 302–311.

К истории возникновения термина «этнос» // Советская этнография. 1973. № 1. С. 128–134.

К истории ранних этнических контактов Северной Африки и греческого мира // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. (Чикаго, сентябрь 1973): Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. 17 с.

Северная Африка в средиземноморском этнокультурном комплексе // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1972–1973 гг. Л.: Наука, 1974. С. 81–82.

Цивилизация гарамантов и эгейские культуры // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1972–1973 гг. Л.: Наука, 1974. С. 176–180.

Африка и Эгеида во II тысячелетии до н.э. // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 103 (Africana: Африканский этнографический сборник X). Л.: Наука, 1975. С. 34–58.

Африка и Эгеида. К истории ранних этнокультурных контактов в Средиземноморье: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1975. 25 с.

Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. М.: Наука, 1978. 204 с.

Гараманты (К истории культуры древних сахарских цивилизаций) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 105 (Africana: Африканский этнографический сборник XI). Л.: Наука, 1978. С. 193–207.

Принципы этнографических описаний в античной научной литературе (Из истории этнографической науки) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 109 (Africana: Африканский этнографический сборник XII). Л.: Наука, 1980. С. 129–154.

О понятии «варвар» в античности // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 111 (Africana: Африканский этнографический сборник XIII). Л.: Наука, 1982. С. 161–185.

Опыт типологизации источников по древнейшей и древней истории Северной Африки // Африканский сборник: История, этнография. М.: Наука, 1983. С. 49–84.

Об одном возможном подходе к изучению проблемы «врач-больной» (культурологическая перспектива) // Психогигиена и психопрофилактика. Л., 1983. С. 67–72 (соавтор В.П. Козлов).

Проблемы интерпретации невербальных источников по этноистории народов Северной Африки и Сахары // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 113 (Africana: Африканский этнографический сборник XIV). Л.: Наука, 1984. С. 17–47.

Проблемы скифологии в перспективе истории и этнографии [Рец. на: Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982] // Вестник древней истории. 1984. №4. С. 149–159 (соавтор Д.А. Ольдерогге).

Некоторые аспекты семантики железного шаманского головного убора бурят // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Томск, 1984. С. 71–75 (соавтор Л.Р. Павлинская).

И.И. Потехин — исследователь Африки: историк, этнограф, экономист // Изучение истории Африки. Проблемы и достижения / ИВИ АН СССР совм. с АН ГДР; Отв. ред. Б.Б. Пиотровский и Б.М. Туполев. М.: Наука, 1985. С. 69–87 (соавтор М.В. Райт).

Д.А. Ольдерогге: Некролог // Советская этнография. 1987. № 6. С. 161–166.

Введение // Большаков А.А. За столпами Геракла. Канарские острова / Отв. ред. Ю.К. Поплинский. М.: Наука, 1989. С. 3–6.

Эфиопские хроники XVII–XVIII веков / Введение и заключение, перевод с эфиопского и комментарии С.Б. Чернецова; Отв. ред. Ю.К. Поплинский. М.: Наука, 1989. 384 с.

Инновации в культурном взаимодействии // Африка: культуры и общество. Этносоциальные процессы / Отв. ред. Р.Н. Исмаилова. М., 1990. С. 153–160.

Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят / Отв. ред. Ю.К. Поплинский. Новосибирск: Наука, 1991. 176 с.

Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки / Отв. ред. Ю.К. Поплинский. М.: Наука, 1992. 296 с.

Лев Куббель: историк, этнолог, источниковед, человек. Список трудов Л.Е. Куббеля // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е. Куббеля. М., 1993. С. 5–39.

Петербургская Кунсткамера: Науч.-попул. видеофильм / Авт. сценария: Ю.К. Поплинский, Л.Р. Павлинская; Режиссер В. Ахнин; Науч. конс. Н. Гиренко. Студия: Крупный план, 1993. 1 в.к. (56 мин.).

Problems of Interpretation of Non-Verbal Sources on the Ethnohistory of North Africa and Sahara // St. Petersburg Journal of African Studies. 1994. No 2. P. 112–133, No 3. P. 130–151.

The Principles Governing Ethnographic Descriptions in Classical Scientific Literature // Культурология. The Petersburg Journal of Cultural Studies. 1994. Vol. II. No 1. P. 7–39.

Геродиан. История императорской власти после Марка: Перевод с древнегреческого книги VI. СПб.: Алетея, 1995.

Народы Африки южнее Сахары // Методическое пособие для экскурсоводов. СПб., 1996. С. 27–52.

Вартанов Ю.П. Еврейские палеотипы Российской национальной библиотеки: Научное описание / Науч. ред. Ю.К. Поплинский. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1996. 168 с.

Предисловие // Природа и цивилизация: реки и культуры: Материалы конференции (27–28 сентября 1997 г.). СПб., 1997. С. 3–8.

Мифология и история Нила в контексте трансконтинентальных контактов цивилизаций Старого Света // Природа и цивилизация: Реки и культуры: Материалы конференции (27–28 сентября 1997 г.). СПб., 1997. С. 21–30.

Конференция «Природа и цивилизация: реки и культуры» (27–28 сентября 1997 г.) // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 122–124 (соавтор. Л.Р. Павлинская).

Рецензия на книгу: Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб., 1998. 312 с. // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1998. Вып. 12. С. 425–426 (соавтор Л.Р. Павлинская).

Лев Куббель: историк, этнолог, источниковед, человек // Этнографическое обозрение. 1999. № 3. С. 105–124.

Специфика отражения, восприятия и переживания природного мира в архаическом и традиционном искусстве // Этнос, ландшафт, культура: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 19–27.

Mythology and history of the Nile in the context of trans-continental contacts of the Old World civilizations // African Studies in Russia: Yearbook 1997. М., 1999. P. 113–120.

Один вариант художественного образа модели мира в бенинском искусстве // 285 лет Петербургской Кунсткамеры: Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры: Сборник МАЭ РАН. Т. XLVIII / Отв. ред. Ч.М. Таксами. СПб.: Наука, 2000. С. 63–77.

Пополнение коллекционного фонда отдела Африка МАЭ в последнее двадцатилетие XX в. // 285 лет Петербургской Кунсткамеры: Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры: Сборник МАЭ РАН. Т. XLVIII / Отв. ред. Ч.М. Таксами. СПб.: Наука, 2000. С. 170–178.

Вместо предисловия. Природа, человек, культура. Цивилизационный аспект // Евразия: этнос, ландшафт, культура. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 3–19.

Португальцы в бенинском искусстве // Мир лузофонии: Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.) / Ред. Б.Н. Комиссаров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 74–92.

Юрченко А.Г. Александрийский физиолог. Зоологическая мистерия / Науч. ред. Ю.К. Поплинский. СПб.: Евразия, 2001. 448 с.

Юн-Руар Бьёркволл / С музой в душе. Ребёнок и песня, игра и обучение на всех этапах жизни / Перевод с норвежского Марии Алёксиной; Научный консультант Ю.К. Поплинский. СПб.: БЛИЦ, 2001. 376 с.

Лето в Хаапсалу. Один фрагмент из эпистолярия Д.А. Ольдерогге // *Ethnologica Africana*: Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге: Сб. статей. М.: Муравей, 2002. С. 76–85.

Мир одного предмета. Концептуальные особенности проекта // Все музеи Северо-Запада России: Газета творческого союза музейных работников и Санкт-Петербургского фонда ИКОМ. 2002. № 2 (14).

От редактора // Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью / Отв. ред. Ю.К. Поплинский. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 5–7.

*Sammlungen aus Afrika* // *Palast des Wissens. Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Großen*. Bd.1: Katalog. München, Hirmer Verl. 2003. S. 219–226 (соавтор З.Л. Пугач).

Птицы в культурах народов мира: Проект выездной выставки // Радловские чтения 2005: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 206–208.

Вместо предисловия. Речные культуры и становление цивилизации // Реки и народы Сибири: Сборник научных трудов / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. С. 5–17.

### **Поплинский Ю.К. — о нём:**

Арсеньев В.Р. Памяти Ю.К. Поплинского // Манифестация. 2005. № 6. С. 244–245.

Павлинская Л.Р. Юрий Константинович Поплинский (1944–2004): Некролог // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 156–159.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ефим Резван. В зеркале архивных рукописей</i> .....	5
<i>Efim Rezvan. In the mirror of archive manuscripts</i> .....	5
<i>Лариса Павлинская. Юрий Константинович Поплинский</i> .....	16
<i>Larisa Pavlinskaya. Yuri Konstantinovich Poplinsky</i> .....	16
<b>ВВЕДЕНИЕ:</b> .....	25
<b>РАЗДЕЛ I: Общий обзор древнегреческих письменных источников по Африке (преимущественно — по Африке южнее Сахары)</b>	
Предварительные замечания .....	27
Глава 1: Жанровая классификация и дескриптивное рассмотрение корпуса древнегреческих источников .....	30
Глава 2: Этапы увеличения объёма знаний об Африке: аналитический историографический экскурс .....	57
Глава 3: Реальное содержание древнегреческих источников: извлечения и систематизация основных сведений о природе, обществе и культуре античной Эфиопии .....	83
Примечания к разделу .....	124
<b>РАЗДЕЛ II: Негрская («Чёрная») Африка в античных источниках и античном мире</b>	
О терминах «эфиоп», «Эфиопия»: историографический анализ, историко-культурное содержание, динамика развития в исторической перспективе .....	129
Глава 1. Физический облик эфиопов по античным источникам .....	130
Глава 2. Содержание терминов «эфиоп» и «Эфиопия» и объём знаний античного мира о стране и людях .....	150
Глава 3. Эфиопская тема в античной мифологии .....	169
Глава 4. Некоторые аспекты этнокультурных контактов с «эфиопами» и проблемы восприятия «эфиопов» античным миром .....	185
Примечания к разделу .....	237
<b>РАЗДЕЛ III</b>	
1. Комментированный аналитический указатель этнических названий античной Африки по грекоязычным источникам .....	253
2. Индекс грекоязычных источников по истории и этнографии Африки .....	335
Содержание индекса .....	402
Список сокращений .....	404
Карты античного мира .....	405
Библиография Ю.К. Поплинского .....	411



*Научное издание*

**Поплинский Юрий Константинович**

**Античные источники по истории и этнографии Африки:  
монографическое исследование грекоязычных источников**

Редактор *М.А. Ильина*

Корректоры *М.В. Гиенко, Т.В. Никифорова*

Составитель библиографии *В.Н. Семёнова*

Компьютерный макет и техническое редактирование *Л.В. Потанов*

Подписано в печать 28.06.2009.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 34. Уч.-изд. л. 35.

Тираж 300 экз. Заказ № 950.

Издательство «Наука»

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

E-mail: [main@nauka.nw.ru](mailto:main@nauka.nw.ru)

[www.naukaspb.spb.ru](http://www.naukaspb.spb.ru)

Отпечатано в ООО «Издательство "Лема"»

199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24

E-mail: [izd\\_lemma@mail.ru](mailto:izd_lemma@mail.ru)